РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 12.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1904 году.

14

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1904.

Содержаніе III-го тома общепедагогическаго журнала „Русская Школа".

Сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь за 1904 годъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Критика и библіографія.

Педагогическая хроника.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 12.

ДЕКАБРЬ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ" въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Дозв. цензурою С.-Петербургъ 22 Декабря 1904 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Государь Императоръ въ 21 день августа 1904 г. Высочайше повелѣть соизволилъ учебныя заведенія и учрежденіявѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, коимъ предполагается присвоить Высочайшее Его Императорскаго Величества Имя, впредь именовать: „Николаевскими“ или „Императора Николая Александровича“.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія въ предложеніи отъ 9 сентября 1904 г. за № 2664 г. увѣдомилъ Попечителя, для исполненія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. 1904 г. № 9).

ОБЪ УСТАНОВЛЕНІИ ШТАТОВЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Его Императорскаго Величества воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта объ установленіи штатовъ центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта

Графъ Сольскій.

19 апрѣля 1904 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Выписано изъ журналовъ Соединенныхъ Департаментовъ Промышленности Наукъ и Торговли, Законовъ и Государственной Экономіи 28 ноября 1903 года 16 и 23 января и Общаго Собранія 5 апрѣля 1901 года.

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Промышленности, Наукъ и Торговли, Законовъ и Государственной Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія объ установленіи штатовъ центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Проектъ штата центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

II. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Министерство Народнаго Просвѣщенія составляютъ: а) Министръ; б) Товарищи Министра; в) совѣтъ Министра; г) департаментъ народнаго просвѣщенія, съ состоящимъ при немъ строительнымъ комитетомъ; д) департаментъ общихъ дѣлъ, съ состоящимъ при немъ архивомъ Министерства; е) отдѣлъ промышленныхъ училищъ; ж) управленіе пенсіонною кассою народныхъ учителей и учительницъ; з) юрисконсультская часть; и) ученый комитетъ; і) редакція журнала Министерства; к) постоянная коммисія народныхъ чтеній, и л) Императорская археографическая коммисія. При Министрѣ состоятъ чиновники особыхъ порученій, по штату.

2) Въ составъ Совѣта Министра, сверхъ лицъ, указанныхъ въ статьѣ 434 учрежденій Министерствъ (сводъ зак., т. I, ч. 2, по прод. 1902 г.), входятъ директоръ департамента общихъ дѣлъ и управляющій отдѣломъ промышленныхъ училищъ.

3) Дѣлопроизводство въ Совѣтѣ Министра Народнаго Просвѣщенія возлагается на департаментъ общихъ дѣлъ, а по дѣламъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ—на управленіе оной.

4) Департаментъ народнаго просвѣщенія составляютъ директоръ, вице-директоръ, завѣдывающій врачебно-санитарною частью учебныхъ заведеній, дѣлопроизводители и прочіе чины по штату.

5) Вѣдѣнію департамента народнаго просвѣщенія подлежатъ дѣла, касающіяся всѣхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, кромѣ промышленныхъ, а также ученыхъ учрежденій и обществъ сего вѣдомства.

6) Строительный комитетъ состоитъ изъ архитекторовъ департамента народнаго просвѣщенія и отдѣла промышленныхъ училищъ и завѣдывающаго врачебно-санитарною частью учебныхъ заведеній. Въ засѣданіяхъ комитета принимаютъ участіе, на правахъ членовъ, по дѣламъ, ихъ касающимся, также и дѣлопроизводители означенныхъ департамента и отдѣла.

7) Въ строительномъ комитетѣ предсѣдательствуетъ по дѣламъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ департаменту народнаго просвѣщенія (ст. 5), директоръ сего департамента, а по дѣламъ промышленныхъ учебныхъ заведеній (ст. 17)—управляющій отдѣломъ промышленныхъ училищъ.

8) Предсѣдательствующему въ строительномъ комитетѣ предоставляется приглашать въ засѣданія комитета лицъ, участіе коихъ въ обсужденіи дѣлъ можетъ оказаться полезнымъ.

9) На строительный комитетъ возлагается выработка типовъ построекъ для учебныхъ заведеній и общаго плана ихъ сооруженія, разсмотрѣніе проектовъ построекъ и строительныхъ смѣтъ и обсужденіе всѣхъ вообще возникающихъ по Министерству вопросовъ, касающихся строительно части.

10) Дѣлопроизводство въ строительномъ комитетѣ возлагается на департаментъ народнаго просвѣщенія или отдѣлъ промышленныхъ училищъ, по принадлежности (ст. 7).

11) Департаментъ общихъ дѣлъ составляютъ директоръ, вице-директоръ, дѣлопроизводители и прочіе чины по штату.

12) Къ предметамъ вѣдѣнія департамента общихъ дѣлъ относятся: а) дѣла объ опредѣленіи въ службу и къ должностямъ и увольненіи въ отпуски, отъ службы и отъ должностей чиновъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, назначаемыхъ Высочайшею Властью и властью Министра; б) дѣла

о Высочайшихъ наградахъ и пенсіяхъ всѣхъ чиновъ вѣдомства; в) составленіе финансовыхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ и смѣты спеціальныхъ средствъ Министерства; г) счетоводство по кредитамъ и спеціальнымъ средствамъ вѣдомства, въ томъ числѣ и по особой суммѣ, составляемой при департаментѣ для покрытія расходовъ по ученому комитету; д) составленіе всеподданнѣйшихъ отчетовъ по Министерству; е) собираніе, разработка и изданіе статистическихъ свѣдѣній; ж) дѣлопроизводство по завѣдыванію изданіемъ газетъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости" и „S.-Petersburger Zeitung", и з) общая регистратура.

13) Архивъ Министерства, подчиняясь директору департамента общихъ дѣлъ, состоитъ въ завѣдываніи начальника архива и двухъ его помощниковъ.

14) Въ архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія передаются для храненія въ опредѣленные сроки всѣ оконченныя рѣшеніемъ дѣла и документы всѣхъ центральныхъ установленій Министерства.

15) Отдѣлъ промышленныхъ училищъ составляютъ управляющій, его помощникъ, инспекторы для наблюденія за означенными училищами и прочіе чины по штату.

16) Управляющій отдѣломъ промышленныхъ училищъ въ отношеніи степени и предѣловъ власти, а также отвѣтственности, приравнивается къ директору департамента, согласно общему образованію министерствъ и общему наказу министерствамъ.

17) Вѣдѣнію отдѣла промышленныхъ училищъ подлежатъ дѣла, касающіяся промышленныхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

18) Для производства торговъ въ департаментахъ народнаго просвѣщенія и общихъ дѣлъ составляется временное присутствіе изъ директора, вице-директора и двухъ дѣлопроизводителей, а въ отдѣлѣ промышленныхъ училищъ изъ управляющаго онымъ, его помощника и двухъ дѣлопроизводителей.

19) Управленіе пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ составляютъ управляющій дѣлами сей кассы, его помощниками, дѣлопроизводители и прочіе чины по штату.

20) Комитетъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго Министромъ Народнаго Просвѣщенія, изъ юрисконсульта Министерства, директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи, управляющаго дѣлами кассы, дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія завѣдывающаго дѣлами низшихъ учебныхъ заведеній, и дѣлопроизводителя департамента общихъ дѣлъ, завѣдывающаго счетною частью.

21) Юрисконсультская часть состоитъ изъ юрисконсульта, его помощника и дѣлопроизводителя.

22) Редакцію журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія составляютъ редакторъ и секретарь по штату.

23) Чины VII и VIII класса управленія кассы народныхъ учителей и учительницъ, дѣлопроизводитель юрисконсультской части и секретарь редакціи журнала Министерства опредѣляются къ должностямъ, перемѣщаются и увольняются отъ должностей и отъ службы Министромъ Народнаго Просвѣщенія, а чины IX класса по означенному управленію—управляющимъ дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ.

24) Ученый комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ. Онъ раздѣляется на три отдѣла: основной, по начальному образованію и по техническому и профессіональному образованію.

25) Предсѣдательство въ отдѣлахъ основномъ и по начальному образованію (ст. 24) принадлежитъ предсѣдателю ученаго комитета, а въ отдѣлѣ по техническому и профессіональному образованію — управляющему отдѣломъ промышленныхъ училищъ.

26) Для производства дѣлъ по ученому комитету при немъ состоятъ дѣлопроизводители, по штату.

III. Тѣхъ изъ служащихъ въ центральномъ управленіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, кои при введеніи въ дѣйствіе упомянутаго въ отдѣлѣ I штата не получатъ назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

IV. Тѣмъ изъ служащихъ въ центральномъ управленіи Министерства Народнаго просвѣщенія, кои при введеніи въ дѣйствіе означеннаго въ отдѣлѣ I штата получатъ по сему управленію назначеніе на должности съ низшими служебными правами и преимуществами противъ нынѣ имъ присвоенныхъ,—сохранить служебныя права и преимущества, которыми они пользуются въ настоящее время.

V. Производимыя по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ служащимъ центральнаго управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія личныя прибавки къ содержанію сохранить за ними и по введеніи въ дѣйствіе упомянутаго въ отдѣлѣ I штата, до тѣхъ поръ, пока означенные чины не получатъ назначенія на такія должности, содержаніе по коимъ превышаетъ получаемое ими нынѣ содержаніе, вмѣстѣ съ личными прибавками.

VI. Предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія: а) ввести въ дѣйствіе означенный въ отдѣлѣ I штатъ въ теченіе 1904 г. въ срокъ, по ближайшему его, Министра, усмотрѣнію, и б) впредь до введенія сего штата въ дѣйствіе расходовать, начиная съ 1 января 1904 года, на усиленіе средствъ департамента народнаго просвѣщенія и управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ — до *пяти тысячъ девятисотъ восьмидесяти* рублей въ мѣсяцъ.

VII. На покрытіе указанныхъ въ пунктахъ а и б отдѣла VI расходовъ отпустить изъ государственнаго казначейства въ 1904 году сверхъ суммъ, ассигнованныхъ по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія текущаго года на содержаніе центральнаго его управленія *сто пятьдесятъ четыре тысячи сорокъ два* рубля, съ обращеніемъ этого расхода на кредиты, внесенные для сего къ условному отпуску по ст. 1, 2, 3 и 4 § 1 и ст. 1 § 3 означенной смѣты.

VIII. На содержаніе центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія по означенному въ отдѣлѣ I штату отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1905 г., по *четыреста восемдесятъ семь тысячъ двѣсти* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ Предсѣдателями и Членами. (ib.).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

По вопросу объ устройствѣ въ учебныхъ заведеніяхъ досокъ для нанесенія на нихъ именъ погибшихъ геройской смертью на войнѣ Россіи съ Японіей бывшихъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 4 сентября 1904 г., за № 2234).

Въ представленіи отъ 15-го мая сего года, за № 10010, Ваше Превосходительство возбудили вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли для поддержанія патріотическаго чувства учащихся и для увѣковѣченія памяти бывшихъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, погибшихъ геройскою смертью на войнѣ Россіи съ Японіей, поставить въ каждомъ учебномъ заведеніи особыя доски для нанесенія на нихъ именъ павшихъ героевъ, съ обозначеніемъ года окончанія ими курса, а также года, мѣсяца и числа и, по возможности, обстоятельствъ ихъ гибели.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно ходатайству педагогическаго совѣта Муромскаго реальнаго училища, Вы просите о разрѣшеніи поставить въ актовомъ залѣ училища портретъ погибшаго на миноносцѣ „Сильный" инженеръ-механика В. В. Звѣрева, бывшаго воспитанника сего училища.

Вслѣдствіе сего увѣдомляю Васъ, Милостивый Государь, что возбужденные Вами вопросъ и ходатайство разрѣшаются въ утвердительномъ смыслѣ какъ ст. 924 т. III Свода военныхъ постановленій и Высочайшимъ повелѣніемъ 17 января 1858 г. такъ и циркулярными распоряженіями Министерства отъ 5 іюня 1902 г., за № 15218 *), и 15-го марта сего года, за № 8915 **), и посему не требуютъ особаго распоряженія. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1904 г. № 9).

По вопросу о 2%-ныхъ вычетахъ въ пенсіонный капиталъ изъ вознагражденія за добавочные и дополнительные уроки ***).

По вопросу, возбужденному Бессарабской контрольной палатой, о производствѣ 2%-наго вычета въ пенсіонный капиталъ изъ вознагражденія, выдаваемаго учителямъ за добавочные, сверхъ 12 нормальныхъ, уроки изъ спеціальныхъ средствъ, г. попечитель Одесскаго учебнаго округа, руководствуясь стт. 242 и 274 Устава о пошлин., изд. 1893 г., полагалъ должнымъ производить 2%-ные вычеты въ пенсіонный капиталъ изъ вознагражденія, производимаго учителямъ за добавочные уроки изъ указаннаго выше источника.

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 13 іюля 1904 г., за № 31434, увѣдомилъ г. попечителя, что примѣнительно къ указу Правительствующаго Сената отъ 4-го мая 1892 г., № 5355, 2%-ный вычетъ на пенсію долженъ производиться съ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, какъ изъ содержанія ихъ, такъ и изъ вознагражденія, получаемаго ими за уроки по всѣмъ предметамъ, обязательнымъ и необязательнымъ; что же касается дополнительныхъ предметовъ, вводимыхъ, сверхъ

---

*) См. Циркуляръ Моск. уч. окр. 1902 г., стр. 477, № 6.

**) См. Циркуляръ Моск. уч. окр. 1904 г., № 3, стр. 172, и № 4, стр. 283.

***) Изъ Циркуляра по Одесскому уч. окр., № 7—8.

исчисленныхъ въ положеніяхъ объ учебныхъ заведеніяхъ, временно и за особую плату съ учащихся, то изъ вознагражденія за преподаваніе таковыхъ предметовъ вычета на пенсію производиться не должно.

Сообщается для руководства и исполненія. (ib).

Относительно правъ сверхштатныхъ учителей на ближайшій высшій окладъ въ случаѣ опредѣленія штатными преподавателями. (Отнош. Деп. Нар. Просв. отъ 5 сентября 1904 г., за № 2374).

Въ отношеніи отъ 28 іюня сего года, за № 13763, Ваше Превосходительство просите разъясненіе по вопросу о томъ, можетъ ли быть присвоенъ назначенному въ январѣ мѣсяцѣ сего года штатнымъ преподавателемъ Нижегородской прогимназіи статскому совѣтнику Гармонину, высшій окладъ жалованья въ 900 руб. въ годъ за 12 уроковъ въ недѣлю, какъ не прослужившему въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи пяти лѣтъ въ должности штатнаго преподавателя, хотя и состоявшему до назначенія на занимаемую имъ нынѣ должность болѣе пяти лѣтъ сверхштатнымъ преподавателемъ Нижегородской гимназіи.

Вслѣдствіе сего Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что, согласно ст. 1519 т. XI ч. I Св. Зак. (изд. 1893 г.), сверхштатные учителя гимназій, буде преподаютъ не менѣе 6 уроковъ въ недѣлю, пользуются, за исключеніемъ жалованья, всѣми правами учебной службы, присвоенными штатнымъ преподавателямъ, а слѣдовательно, и правомъ на ближайшій высшій окладъ въ случаѣ опредѣленія штатными преподавателями по прослуженіи ими хотя бы въ качествѣ сверхштатныхъ, не менѣе 5 лѣтъ. Назначеніе же сверхштатнымъ преподавателямъ, при соблюденіи указанныхъ условій, низшаго оклада жалованья наравнѣ со вновь поступающими на ученую службу было бы, безъ сомнѣнія, ограниченіемъ правъ упомянутыхъ преподавателей вопреки опредѣленному указанію закона.

Справедливость этого мнѣнія подтверждается и заключеніями Государственнаго Контроля, данными въ разное время по вопросу о служебныхъ правахъ сверхштатныхъ преподавателей. Такъ, Государственный Контролеръ въ отношеніи отъ 18 ноября 1892 г. за № 1575, по вопросу о правѣ этихъ преподавателей на полученіе прогонныхъ денегъ увѣдомилъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, что онъ считаетъ сверхштатныхъ учителей, преподающихъ не менѣе 6 уроковъ въ недѣлю, пользующимися, за исключеніемъ штатнаго содержанія, всѣми правами учебной службы, къ числу которыхъ принадлежитъ, по ст. 235 Уст. о сл. по опред. отъ прав., и право на полученіе ими прогоновъ, при опредѣленіи на службу по учебному вѣдомству какъ въ ординарномъ, такъ и полуторномъ размѣрѣ, и потому не встрѣчаетъ препятствій къ выдачѣ симъ лицамъ означенныхъ прогоновъ. А въ отношеніи отъ 28 августа 1897, за № 9807, Канцелярія Государственнаго Контроля признаетъ согласнымъ съ точнымъ смысломъ закона выдавать сверхштатнымъ учителямъ, въ случаѣ, если они имѣютъ не менѣе 6 уроковъ въ недѣлю и назначены или утверждены въ должностяхъ правительствомъ, даже третное не въ зачетъ жалованье, несмотря на то, что они не получаютъ жалованья по штату.

Въ виду изложеннаго Департаментъ Народнаго Просвѣщенія полагаетъ, что статскій совѣтникъ Гармонинъ, прослужившій свыше пяти лѣтъ въ должности сверхштатнаго преподавателя въ Нижегородской гимназіи и назначенный штатнымъ преподавателемъ Нижегородской прогимназіи, имѣетъ право на полученіе оклада жалованья въ 900 руб. за 12 недѣльныхъ уроковъ (ib).

О правѣ лицъ католическаго вѣроисповѣданія на занятіе учительскихъ должностей въ начальныхъ училищахъ. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 20 августа 1904 г., за № 1955).

Отношеніемъ отъ 9-го минувшаго іюля, за № 14352, Ваше Превосходительство просили Департаментъ о разъясненіи вопроса о томъ, могутъ ли лица католическаго вѣроисповѣданія, окончившія полный курсъ женской прогимназіи въ центральной Россіи, исполнять требуемыя правилами объ испытаніяхъ обязанности помощницы учительницы въ теченіе 6 мѣсяцевъ при одномъ изъ начальныхъ училищъ имперіи, безъ ограниченія этого права извѣстными районами, а также имѣютъ ли право означенныя лица, по полученіи званія начальныхъ учительницъ, занимать учительскія должности въ тѣхъ же училищахъ.

Вслѣдствіе сего имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го января текущаго года, сообщеннаго Московскому учебно-окружному управленію циркуляромъ отъ 22 января, за № 53. Принимая во вниманіе, что симъ Высочайшимъ повелѣніемъ воспрещено лицъ католическаго исповѣданія допускать въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія къ преподаванію русскаго языка и исторіи, я нахожу, что таковыя лица не могутъ быть допускаемы къ преподаванію и въ начальныхъ училищахъ, въ коихъ преподаваніе не предметное, а классное, и родной русскій языкъ составляетъ основу всего обученія (ib).

По вопросу о размѣрахъ содержанія лицъ преподавательскаго персонала, призванныхъ по случаю мобилизаціи на дѣйствительную службу изъ запаса. (Отнош. Деп. Нар. Просв. отъ 2 сентября 1904 г., за № 1886).

Вслѣдствіе представленія отъ 23-го іюня сего года, за № 13368, по вопросу о размѣрахъ содержанія лицъ преподавательскаго персонала, призванныхъ по случаю мобилизаціи на дѣйствительную службу изъ запаса, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, по приказанію г. Министра, имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, согласно съ отзывомъ Министерства Финансовъ, что подъ содержаніемъ, сохраняемымъ по ст. 32 Уст. о воинской повинности, тѣми изъ преподавателей учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, которые, состоя въ запасѣ, призваны на дѣйствительную службу по случаю мобилизаціи, надлежитъ разумѣть штатное содержаніе за 12 нормальныхъ уроковъ, такъ какъ оно одно можетъ быть признаваемо за „содержаніе по должности“, о которомъ упоминается въ п. 2 ст. 32 Уст. о воинской повинности, всѣ же остальныя

добавочныя къ этому содержанію выдачи, производимыя преподавателямъ, какъ-то: за дополнительные уроки, за исправленія письменныхъ работъ, классное наставничество, исполненіе обязанностей библіотекаря или секретаря педагогическаго совѣта, имѣютъ характеръ особаго вознагражденія за спеціальныя занятія и въ составъ содержанія по должности, очевидно, не входятъ.

Что же касается источника, на который долженъ быть отнесенъ расходъ по содержанію лицъ, приглашенныхъ къ исполненію обязанностей призванныхъ изъ запаса на дѣйствительную службу преподавателей, то въ этомъ отношеніи надлежитъ имѣть въ виду, что, согласно примѣчанію къ ст. 562, т. III Устава о служб. гражд., „лица, исполняющія обязанности тѣхъ, кои призваны на дѣйствительную военную службу съ государственной гражданской службы, не имѣютъ права на особое за исполненіе сихъ обязанностей вознагражденіе“; такимъ образомъ выдача сего вознагражденія не носитъ обязательнаго характера; въ случаяхъ настоятельной необходимости, за невозможностью иначе обезпечить правильный ходъ преподаванія, вознагражденіе за уроки призванныхъ на военную службу изъ запаса преподавателей должно быть относимо на спеціальныя средства учебнаго заведенія (ib).

О порядкѣ назначенія учащихъ въ начальныхъ училищахъ, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, въ составъ правленія обществъ вспомоществованія нуждающимся учащимся. (Отнош. Деп. отъ 4 августа 1904 г., за № 34).

Начальство Московскаго учебнаго округа обратилось въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія за разъясненіемъ вопроса о порядкѣ назначенія учащихъ въ начальныхъ училищахъ, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, въ составъ правленія обществъ вспомоществованія нуждающимся учащимся.

Вслѣдствіе сего и по приказанію г. Товарища Министра, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что назначеніе представителей отъ учебныхъ заведеній въ составъ правленія указанныхъ обществъ должно быть производимо директоромъ народныхъ училищъ по представленію участковаго инспектора школъ (ib.).

По вопросу о томъ, даетъ ли право на производство въ первый классный чинъ, безъ особаго испытанія, свидѣтельство на званіе начальнаго учителя. (Сентября 1904 г., № 24741).

Однимъ изъ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія начальствъ представленъ былъ на разрѣшеніе министерства вопросъ о томъ, даетъ ли право на производство въ первый классный чинъ, безъ особаго испытанія, свидѣтельство о выдержанномъ испытаніи на званіе начальнаго учителя.

Вслѣдствіе сего особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства, на разрѣшеніе котораго былъ переданъ означенный вопросъ, разъяснено, что лица, выдержавшія испытаніе на званіе учителя начальнаго одноклассного училища, если они пожелаютъ вступить въ гражданскую службу по праву своего происхожденія, должны, для полученія перваго классного чина, выдержать дополнительное испытаніе изъ геометріи и всеобщей исторіи въ объемѣ, указанномъ въ ст. 6 утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 24 ноября 1876 г. правилъ о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ (Циркуляръ по Виленскому уч. окр. 1904 г. № 9).

Относительно учрежденія параллельныхъ классовъ при городскихъ училищахъ. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 20 августа 1904 г., за № 1236).

Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что, въ виду отсутствія въ законѣ указанія на то, чтобы въ городскихъ училищахъ, по Положенію 31 мая 1872 года, могли бы быть учреждаемы параллельные классы и отдѣленія и въ виду существованія въ то же время въ означенномъ Положеніи указанія на возможность усиленія педагогическаго состава сказанныхъ учебныхъ заведеній путемъ учрежденія въ нихъ должностей учительскихъ помощниковъ и сверхштатныхъ учителей, Министерство Народнаго Просвѣщенія не признаетъ возможнымъ собственною властью дѣлать какія-либо въ данномъ случаѣ отступленія отъ закона. Равнымъ образомъ, принимая во вниманіе, что въ Министерствѣ разсматривается проектъ новаго положенія о городскихъ училищахъ, не представляется достаточныхъ основаній къ возбужденію въ законодательномъ порядкѣ вопроса объ открытіи упомянутыхъ параллелей, тѣмъ болѣе, что учрежденіе ихъ можетъ быть замѣнено назначеніемъ въ училища сверхштатныхъ учителей и учительскихъ помощниковъ, завѣдующихъ отдѣленіями, устраиваемыми въ особыхъ помѣщеніяхъ. (Циркуляръ по Московскому уч. окр. 1904 г. № 9).

ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Къ 1-му сентября 1904 года по отдѣлу XXX спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія, „капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“, состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами въ главномъ казнач. . . . . . . 8.555 р. 74 к.
Процентными бумагами . . . . 2.461.300 „ — „
Изъ нихъ:

$3^8/_{10}$% конверсіон. облигацій на . . . . 108.300 „ — „
4% свид. государственной ренты . . . . 94.200 „ — „
$4^1/_2$% облигацій Московск. гор. кред. общ. . . . . 158.100 „ — „
„ „ С.-Пб. гор. кред. общества . . . . 229.700 „ — „
„ закл. лист. Московск. земельн. банка . . . . 191.000 „ — „
„ „ „ Бессар.-Таврическ. „ . . . . 202.700 „ — „

„	„	„	Донского „	235.400 „ — „
„	„	„	Полтавскаго „	201.400 „ — „
„	„	„	Кіевскаго „	213.800 „ — „
„	„	„	Яросл.-Костромск. „	197.900 „ — „
„	„	„	Виленскаго „	203.200 „ — „
„	„	„	Нижег.-Самарскаго „	203.000 „ — „
„	„	„	Земск. банка Херсонск. г.	207.600 „ — „
5%	„	„	Тифлисск. дв. зем. банка	15.000 „ — „
			Итого . . .	2.461.300 р.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аллендорфъ*, *Иванъ*. Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть II. 13-е изданіе. М. 1904. Стр. IV+226+56. Цѣна 1 руб.“.

„*Wittram, E.* Leitfaden für den Unterricht in der deutschen Grammatik. II. Teil. Satzlehre (Syntax). Verlag von N. Kymmel. Riga. 1904. 156 S. Preis geb. 80 Kop.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Hamm, David.* Praktisches Lehrbuch der deutschen Sprache. Практическій курсъ нѣмецкаго языка. 3-й годъ обученія. Уральскъ. 1904. Стр. 71. Цѣна 50 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Ивановъ, К. А.* Востокъ и миѳы (для III-го класса гимназій). Изданіе 2-е, испр. С.-Пб. 1905. Стр. 197. Цѣна 75 коп.“.

— „*Иловайскій, Д.* Древняя исторія. Курсъ старшаго возраста. (Руководство ко всеобщей исторіи. Древній міръ). Изданіе 26-е, доп. М. 1904. Стр. 302+2 карты. Цѣна 75 коп.“.

— „*Карѣевъ, Н.* Учебная книга новой исторіи. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+350+VIII таб. съ картой. Цѣна 1 руб. 30 коп.“ (для старшихъ классовъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Киселевъ, А.* 1) Элементарная алгебра. Изданіе 15-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. VII+345. Цѣна 1 руб. 10 коп.—2) Элементарная геометрія. Изданіе 12-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. VIII+307. Цѣна 1 руб. 10 коп.“.

— „*Лесгафтъ, Э.* Краткій курсъ физической географіи. Изданіе 2-е, испр. и доп. С.-Пб. Стр. IV+256. Цѣна 1 руб.“ (для старшихъ классовъ, а равно и для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Матченко, И. П.* Учебникъ всеобщей географіи. Изданіе 3-е, испр. Кіевъ. 1904. Курсъ II. Австралія, Африка. Азія и Америка. Стр. 76. Цѣна 40 коп.—Курсъ III. Общее обозрѣніе Европы и западно-европейскихъ государствъ. Стр. 82. Цѣна 40 коп.“ (для гимназій и реальныхъ училищъ).

— „*Росманъ* и *Шмидтъ*. Иллюстрированный курсъ французскаго языка. Подъ ред. *С. А. Манштейна* обработали *А. Анниковъ* и *Камиллъ Бенуа*. Изданіе 2-е, испр. и доп. Выпускъ II-й: 2-ой годъ. С.-Пб. 1904. Стр. 96—74 словаря. Цѣна въ перепл. 90 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Сигъ, И.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть I. Курсъ младшихъ классовъ. 6-е изданіе. М. 1903. Стр. XXV+468. Цѣна 1 руб. 20 коп.“.

— „*Соколовъ, А.* Краткая всеобщая географія. Курсъ повторительный. Часть I. Общія свѣдѣнія по географической морфологіи и физической географіи. Сравненіе Европы съ другими частями свѣта. Изданіе 2-е, испр. и доп. С.-Пб. 1904. Стр. VI+104. Цѣна 50 коп.“ (для VIII класса женскихъ гимназій и для учительскихъ институтовъ).

— „*Триллингъ, Ф.* Практическій учебникъ французскаго языка. Приготовительный годъ. 3-е изданіе. М. 1904. Стр. XVI+80+15 (дополнительный листъ). Цѣна 40 коп.—1-й годъ: „Въ школѣ и дома“. 5-е изданіе. М. 1904. Стр. XVI+152+15 (дополнит. листъ). Цѣна 60 коп.—2-й годъ: „Въ деревнѣ и въ городѣ“. 3-е изданіе. М. 1904 Стр. VIII+120. Цѣна 60 коп.—3-й и 4-й годы: „Общежитіе“. М. 1904. Стр. XIV+160+120. Цѣна 1 руб. 20 коп.“

— „*Федоровъ, Адольфъ*. Торговый домъ Фохтъ и Мейеръ. Руководство для обученія нѣмецкому языку. Verlag von A. F. Marcks. St. Pbg. 1904. XII+168 S. Preis 1 Rbl.“ (для реальныхъ училищъ).

— „*Feuillye, L.*, et *L. Martin*. Nouveau cours de francais. St. Pbg. 1904. 1-e partie. Pages 126. Prix 50 cop.—2-e partie. Pages 140. Prix 50 cop.“.

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Берте, Н.* 1) Нѣмецкая хрестоматія. 19-е изданіе, В. Думнова. М. 1904. Стр. XI+319.—2) Словарь къ ней. 19-е изданіе. М. 1903. Стр. 119. Цѣна за обѣ книги 1 р. 25 коп.“.

— „*Bouhon, Edmond*. Recueil classique francais. Poésie. 2-e edition, V. Doumnof. M. 1902. Стр. 137. Цѣна 50 коп.“ (для среднихъ и высшихъ классовъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Бѣлицкій, К. Я.* Нѣмецкая хрестоматія. 7-е изданіе, Е. П. Распопова. Одесса. 1903. Стр. 3+461+64+V. Цѣна 1 руб. 60 коп.—2) Алфавитный словарь къ ней. 8-е испр. изданіе, Одесса. 1903. Стр. 208. Цѣна 40 коп.“ (въ качествѣ пособія при изученіи русскаго языка въ нѣмецкихъ школахъ, и, сверхъ того, въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, однако, чтобы въ слѣдующемъ изданіи бумага и печать были болѣе удовлетворительны).

— „*Gläser, Paul*. 1) Deutsche Chrestomathie. St. Pbg. 1903. VIII+165 S. Preis 75 Kop.—2). Словарь къ ней. С.-Пб. 1904. Стр. 116. Цѣна 50 коп.“ (для среднихъ классовъ).

—„*Городцевъ, Павелъ*. Очерки христіанскаго православнаго вѣроученія. Изд. 2-е, испр. С.-Пб. 1903. Стр. 160. Цѣна 50 коп.“ (для VII и VIII классовъ гимназій).

— „*Додэ, Альфонсъ (Alphonse Daudet)*. Избранные разсказы изъ „Lettres de mon moulin“ и „Contes du lundi“. Обработалъ *Б. Ѳ. Кленце*. Изданіе С. А. Манштейна (2-е, пересм. и доп.). (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1904. Стр. 80 (въ текстѣ)+118

(въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями 50 коп.“ (для старшихъ классовъ, а также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Злотчанскій, П.* Сборникъ упражненій и задачъ по прямолинейной тригонометріи. 2-е изданіе. Исправилъ *Е. Л. Буницкій.* Изданіе Е. П. Распопова. Одесса. 1904. Стр. VI+115. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы продажная цѣна книги была понижена до 60 коп.).

— „*Koch, Artur.* Deutsches Lesebuch für mittlere Lehranstalten. III Teil. Für die Mittelklassen. I Abteilung. St. Petersburg. 1905. 261 S. Preis gebunden 80 Кор.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ).

—„*Лютцъ.* Наши домашнія животныя. 12 стѣнныхъ таблицъ. Изданіе Гросманъ и Кнебель. М. Цѣна 15 руб., каждая таблица въ отдѣльности 1 руб. 30 коп“. (въ качествѣ классного пособія, также для низшихъ училищъ).

— „*Мининъ, В. П.* 1) Сборникъ геометрическихъ задачъ. Изданіе 10-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+244. Цѣна 90 коп.—2) Сборникъ тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 5-е, В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+176. Цѣна 85 коп.“.

— „Начальная ботаника. 15 листовъ. Изданіе Гросманъ и Кнебель. Москва. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (въ качествѣ класснаго пособія, также и для низшихъ училищъ).

— „*Петри, Э. Ю.* Учебный географическій атласъ. 4-е изданіе, испр. и доп., А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. VIII+18+47 листовъ картъ. Цѣна 2 руб.

— „Поэзія. Poesie. Сборникъ избранныхъ нѣмецкихъ стихотвореній. Примѣчаніями, словаремъ, правилами нѣмецкаго стихосложенія и краткими жизнеописаніями выдающихся нѣмецкихъ поэтовъ снабдилъ *Максъ Фишеръ.* Изданіе 4-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. XXI+209+112.—Приложеніе къ „Поэзіи“ часть I. *Максъ Фишера.* 20 нѣмецкихъ пѣсенъ съ нотами для пѣнья и аккомпанимента. М. 1904. Стр. 27.“ (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было отпечатано на бумагѣ высшаго качества).

— „*Пржевальскій, Е.* Пятизначныя таблицы логариѳмовъ чиселъ и тригонометрическихъ величинъ. 11-е стереотипное изданіе. М. 1904. Стр. XXX+172. Цѣна 74 коп.“

— „Рисунки русскихъ художниковъ. Пособіе по рисованію. Изданіе А. Гауша и Н. Роота. С.-Пб. 1904. 28 рисунковъ. Цѣна въ розничной продажѣ роскошнаго изданія 10 руб., то же изданіе, наклеенное на папку меньшаго размѣра, выписанное изъ склада для учебныхъ заведеній,—5 руб.“

— „*Рыбкинъ, Н.* Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Часть II. Стереометрія. Изданіе магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1904. Стр. 101. Цѣна 60 коп.“

— „*Schillers* historische Prosa. Отрывки изъ историческихъ сочиненій *Шиллера. (Л. К. Якобсонъ.* Школьныя изданія нѣмецкихъ авторовъ. Вып. I). 3-е изданіе. С.-Пб. 1905. Стр. 185. Цѣна 45 коп.“

— „*Шиллеръ.* Вильгельмъ Телль. Обработалъ *Г. Ю. Ирмеръ.* Изданіе С. А. Манштейна, 3-е, заново перераб. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1904. Стр. XXXIV+135+V (въ текстѣ)+113+7 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ прилож. 60 коп. въ перепл.“

— „*Шпехтъ, Фр.* Стѣнныя таблицы по зоологіи. I-я серія. 12 таблицъ въ краскахъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Размѣръ таблицъ—20×15 вершковъ. Цѣна всѣхъ 12 таблицъ ненаклеенныхъ 7 руб. 20 коп.

наклеенныхъ на картонъ и съ кольцами для привѣшиванія на стѣну—9 руб Отдѣльныя табл. ненакл. по 75 коп., накл. по 90 коп.“ (также для низшихъ училищъ).

— „*Шредеръ* и *Кулль*. Біологическія таблицы по зоологіи. Вып. I. Содержаніе: Табл. 7. Бѣлка обыкновенная.—Табл. 17. Сарычъ обыкновенный или европейскій.—Табл. 32. Лягушка зеленая.—Табл. 37. Майскій жукъ или хрущъ.—Табл. 48. Дождевой червь. Изданіе Н. Киммеля. Рига.“ (также для низшихъ училищъ).

— „*Storm, Theodor*. Immensée. Russische Schulausgabe von *M. Brunenеek*. (Deutsche Autoren. Bd. 2). 2. Aufl. Kiew. 1904. Стр. 54. Цѣна 25 коп.“

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Александровскій, Г. В.* Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. I. Изданіе 2-е испр. Кіевъ. 1904. Стр. 6+205. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и биліотеки).

— „*Алымова, С. И., Ю. А. Бѣляевская, М. П. Рохлецова* и *Шелехова-Головина*. Сборникъ игръ съ указаніями, относящимися къ постановкѣ и воспитательному значенію ихъ. Подъ ред. *Я. И. Душечкина*. Изданіе Н. Н. Карбасникова. С.-Пб. 1903. Стр. X+XXXI+428. Цѣна 2 руб.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Арсеньева, С. Д.* Царствующій домъ Романовыхъ. (Разсказы изъ русской исторіи). Изданіе училищнаго совѣта при Св. Синодѣ. С.-Пб. 1904. Вып. III. Преемники Петра Великаго. Стр. 196—Вып. IV. Вѣкъ Екатерины II. Стр. 208.“ (также въ ученическія библіотеки городскихъ по положенію 31 мая 1872 г. училищъ).

— „Атласъ плодовъ. Подъ общей редакціей *А. С. Гребницкаго*. Изданіе Императорскаго Россійскаго общества плодоводства. Выпускъ II. С.-Пб. 1904. Стр. (161—308). Цѣна 6 руб.“ (также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Богрова, Евг.* Персія и персы. (Историческая коммиссія учебнаго отдѣла Общ. распр. техническихъ знаній). М. 1903. Стр. 80. Цѣна 20 коп.“ (для средняго возраста).

— „*Бузескулъ, В.* Введеніе въ исторію Греціи. Изданіе 2-е. Харьковъ. 1904. Стр. VIII+533. Цѣна 3 руб.“ (для старшаго возраста, а также признать книгу заслуживающей рекомендаціи посредствомъ особаго циркулярнаго предложенія начальствамъ учебныхъ округовъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для выдачи учащимся въ означенныхъ заведеніяхъ въ видѣ награды).

— „*Вазовъ*. Разсказы. Переводъ и вступительная статья *Андрея Сиротинина*. С.-Пб. 1904. Стр. III+213. Цѣна 90 коп.“ (также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Виллъманъ, Отто*. Дидактика какъ теорія образованія въ ея отношеніяхъ къ соціологіи и исторіи образованія. Переводъ съ нѣм. *А. Дружинина*. Томъ 1-й. Введеніе.—Историческіе типы образованія. (Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Вып. XIII). М. 1904. Стр. 470. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Водовозовъ, В. И.* Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка. Изданіе 3-е, испр. С.-Пб. 1904. Стр. IV+536. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Ганзенъ, А.* и *П.* Фритьофъ Нансенъ, его жизнь и путешествія. По книгѣ В. Брегтера и Н. Рольфсена, а также по подлиннымъ сочиненіямъ путешественника. 2-е знач. доп. изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+460. Цѣна 2 руб. 75 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гомеръ.* Иліада. Переводъ *Н. И. Гнѣдича.* 5-е изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. XXIV+II+XV+104+97+215+100. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была отпечатана на бумагѣ высшаго качества).

— „*Горбунова, Е.* Наши звѣрки. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 61. Цѣна не обозначена“ (для младшаго возраста, а также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Гранстремъ, М.* Шекспиръ и его время. Составл. по Тику и Геккеру. (Всемірные свѣточи. Разсказы изъ жизни великихъ людей). С.-Пб. 1903. Стр. 287. Цѣна 2 руб.“ (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Грецъ, Л.* Краткій курсъ электричества. Переводъ съ нѣм. *В. М. Филиппова.* Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія V, №№ 9 и 10). С.-Пб. 1904. Стр. 268. Цѣна 80 коп.“ (для старшаго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Даммеръ, О.* Доступные опыты химіи. Переводъ съ нѣм. подъ ред. и съ доп. *А. П. Нечаева.* Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія VI, №№ 1—2). С.-Пб. 1904. Стр. 250. Цѣна 1 руб.“ (также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Dahn Felix.* Bis zum Tode getreu. Bearbeitet und verkürzt von *A. Plaesterer.* (Sammlung moderner deutscher Autoren). 2-е изданіе К. Тихомирова. М. 1904. Стр. X+313. Цѣна въ папкѣ 1 руб.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи цѣна за книгу была нѣсколько понижена).

— „*Дружининъ Н. П.* Общественное руководство къ изученію законовъ. Изданіе 3-е, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. М. 1904. Стр. 149. Цѣна 60 коп.“ (также въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ, и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Желиховская, В. П.* Въ татарскомъ захолустьѣ. 3-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1900. Стр. 196. Цѣна 2 руб.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни).

— „*Желиховская В. П.* Князь Илико, маленькій Кавказскій плѣнникъ. 4-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1902. Стр. 231. Цѣна не обозначена.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Желиховская, В. П.* Кавказскіе разсказы. Изданіе 2-е, А. Ф. Дервіена. С.-Пб. Стр. 396. Цѣна 3 руб.“ (для старшаго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Желиховская, В, П.* Любовь правдой крѣпка. 3-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. 275.“ (для старшаго возраста).

— „*Желиховская, В. П.* Мала былинка, да вынослива. Повѣсть для

юношества. Изданіе 2-е, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 221. Годъ и цѣна не обозначены" (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Иванцовъ, Н. А.* Природовѣдѣніе. Первоначальное знакомство съ явленіями природы путемъ наблюденій и опытовъ. Одесса. 1904. Стр. II+213+II. Цѣна 1 руб." (также въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 31 мая 1872 года, училищъ).

— „*Иллюстровъ, I. И.* Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904. Стр. 475+V. Цѣна 3 руб." (для средняго и старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни; кромѣ того признать книгу заслуживающей рекомендаціи, посредствомъ особаго циркуляра, вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія ея въ фундаментальныя библіотеки сихъ заведеній).

— „Исторія о рыбакѣ. Арабская сказка. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. (Библіотека дѣтскихъ сказокъ). С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп." (для младшаго возраста, также и городскихъ, по положенію 31 мая 1872 года, училищъ, а равно въ безплатныя народныя читальни).

— „*Каразинъ, Н. Н.* Съ сѣвера на югъ. Путевыя воспоминанія стараго журавля. 2-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1899. Стр. 192. Цѣна 4 руб." (для старшаго и средняго возрастовъ, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Круберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ* и *С. Чефрановъ.* Начальный курсъ географіи. Изданіе 2-е, испр. и доп. М. 1904. Стр. VI+152. Цѣна 75 коп."

— „*Локкъ, Джонъ,* Мысли о воспитаніи. Переводъ съ англ. *А. Басистова.* (Педагогическая библіотека въ изданіи К. Тихомирова. Подъ ред. *А. Адольфа.* Вып. IX). Изданіе 2-е. М. 1904. Стр. XVI+241. Цѣна 1 руб. 25 коп."

— „*Марковинъ, Н.* О развитіи таланта А. С. Пушкина въ связи съ его біографіей. С.-Пб. 1899. Стр. 22. Цѣна 10 коп." (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Незеленовъ, А. И.* Исторія русской словесности. Изданіе В. В. Думнова. М. 1904. Часть I (съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина). Изданіе 12-е. Стр. 239.—Часть II (Карамзинскій и Пушкинскій періоды). Изданіе 13-е. Стр. 284. Цѣна каждой части 1 руб." (также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Нестеровъ, С.* Екатерина Вторая. Историческій очеркъ. С.-Пб. 1904. Стр. 238. Цѣна 1 руб." (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Полевой. П. Н.* Корень зла. Историческая повѣсть, передѣланная для юношества. 2-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1899. Стр. VIII+240. Цѣна 3 руб. 75 к." (для средняго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни).

— „ *Полежаевъ, П.* Интриги и козни изъ исторіи XVIII столѣтія. Фаворъ и опала. Историческій романъ временъ царствованія Императора Петра II. Лопухинское дѣло. Историческая повѣсть временъ царст. Импер. Елисаветы Петровны. 3-е изданіе, В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 165+154. Цѣна 1 р." (въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Реклю, Элизе* и *Онэзимъ.* Срединная имперія. Климатъ, почва, племена, богатства, духовная жизнь и учрежденія Китая. Переводъ съ франц. *О. Косаговской.* (Общеобразовательная библіотека. Подъ общей ред. *Н. А. Ру-*

бакина. Вып. XIII). Изданіе П. П. Гершунина и К°. С.-Пб. 1904. Стр. 259. Цѣна 90 к.“ (въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Рогова, О. И.* Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть. Изданіе 2-е, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. 338. Годъ и цѣна не обозначены.“ (для средняго возраста и для выдачи ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Розеггеръ, П. К.* Избранные разсказы. Обработалъ *С. А. Манштейнъ.* (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1904. Стр. IV+97 (текста)+120 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 50 коп.“

— „*Сабинина, М.* Чудеса подводнаго міра. Составлено по Фалькенгорсту, Куну, Келлеру и др. (Библіотека „Юнаго читателя“). С.-Пб. 1904. Стр. 102. Цѣна 25 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Скворцовъ, Н. А.* Въ царствѣ животныхъ. Популярные очерки по зоологіи. Какъ помогаютъ другъ другу животныя. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 36. Цѣна 25 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни).

— „*Склодовская-Кюри.* Радій и радіоактивныя вещества. Переводъ съ франц. *В. М. Филиппова.* Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія VI, № 3). С.-Пб. 1904. Стр. 120. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Смайльсъ, Самуилъ.* 1) Собраніе сочиненій въ 6 томахъ подъ ред. *М. Н. Никольскаго.* С.-Пб. и М. 1903. Томъ I. Стр. X+354.—Томъ II. Стр. 482.—Томъ III. Стр. 344.—Томъ IV. Стр. 396.—Томъ V. Стр. 493.—Томъ VI. Стр. 289. Цѣна за 6 томовъ 4 р. 50 коп., въ перепл. 6 р.—2) Жизнь и приключенія натуралиста Томаса Эдварда. Переводъ *Е. Т. Тихомандрицкой.* С.-Пб. и М. 1904. Стр. 289. Цѣна 75 коп.—3) Жизнь и трудъ. (Life and Labour). Переводъ *А. Н. Линдегренъ.* С.-Пб. и М. Стр. 493. Цѣна 75 коп.—4) Долгъ. Переводъ *Н. Надеждина.* С.-Пб. и М. Стр. 396. Цѣна 75 коп.—5) Самодѣятельность. (Self-help). Переводъ съ дополненіями изъ жизни русскихъ дѣятелей *Н. Кутейникова.* 2-е изданіе. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 482. Цѣна 90 коп. (Всѣ—изданія т-ва М. О. Вольфъ)“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Соколовъ, А. А.* Лошадь, строеніе ея тѣла и наружные признаки, опредѣляющіе здоровье, силу и годность ея къ работѣ. Изданіе 2-е испр. и дополн., А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1899. Стр. VI+столбцовъ 90+9 стр.+1 разборн. табл. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Соколовъ, П. А.* Чтенія по педагогической психологіи. Екатеринославъ. 1904. Стр. XI+242. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Сюзевъ, П. В.* Наставленіе для собиранія и засушиванія растеній для гербарія. 2-е изданіе. Юрьевъ. 1903. Стр. 66. Цѣна 10 коп. съ пересылкой 12 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „Третій всероссійскій шахматный турниръ. Сборникъ партій турнира. Примѣчанія къ партіямъ подъ ред. *М. И. Чигорина.* Изданіе „Шахматнаго обозрѣнія“. М. 1904. Стр. XII+151. Цѣна 3 р.“ (также въ безплатныя народныя читальни).

— „Уткинскій сборникъ I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Подъ ред. *А. Е. Грузинскаго.* Изданіе М. В. Беэръ. М. 1904.

Стр. IX+302+VIII. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Черняева, М.* Когда и какъ стала Волга русскою рѣкой. (Историческая коммиссія учебнагэ отдѣла Общества распр. технических знаній). М. 1904. Стр. 72+2 карты. Цѣна 20 коп.“ (также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Щетинскій, А.* Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историческихъ коллекцій. Изданіе 2-е, испр. и знач. доп.. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 157. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Бѣлицкій, К. Я.* Учебникъ нѣмецкаго языка. 13-е изданіе, Е. П. Распопова. Одесса. 1904. Стр. 288. Цѣна 80 коп.“ (для младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ).

— „*Гаммъ, Давидъ.* Практическій курсъ нѣмецкаго языка по натуральному методу. 1-й и 2-й годъ обученія. Уральскъ. 1904. Стр. 118. Цѣна 75 коп.“ (для младшихъ классовъ съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи текстъ былъ приспособленъ къ пользованію картинами въ ихъ настоящемъ видѣ, или же чтобы самыя картины 4-хъ временъ года были исполнены въ краскахъ).

— „*Давидовъ, А.* Начальная алгебра. Изданіе 14-е, просм. и испр. *В. Ф. Найденовымъ.* М. 1903. Стр. 472. Цѣна 1 р. 65 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были устранены недостатки).

— „*Матченко, И. П.* Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 9-е изданіе, доп. Кіевъ. 1904. Стр. 168. Цѣна 80 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были устранены замѣченные погрѣшности и недостатки).

— „*Наумовъ, Я.* Краткій учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка. 6-е изданіе (дополнено). С.-Пб. 1904. Стр. VIII+136. Цѣна 90 коп.“ (для женскихъ гимназій и учительскихъ семинарій, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были устранены замѣченныя погрѣшности).

— „*Никифоровъ. В.* Латинская грамматика. По Штегману. Изданіе 11-е. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+291. Цѣна 1 р.“ (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ пзданіи книга была переработана и сокращена).

— „*Фабриціевъ, В. В.* Учебникъ французскаго языка для 2-го года обученія. Изданіе автора, вновь пересм. и испр. М. 1904. Стр. 55+77. Цѣна вмѣстѣ съ раскраш. картиной 80 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были удалены латинскія и нѣмецкія слова въ словарѣ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Адольфъ А.*, и *С. Любомудровъ.* Orbis Romanus pictus. Римскій міръ въ картинкахъ. Начальная латинская хрестоматія. Часть 2-я. 2-е изданіе.

К. Тихомирова. М. 1904. Стр. VI+162. Цѣна 60 коп." (для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи иллюстраціи были исполнены болѣе удовлетворительно).

— „Aus Natur und Leben. Kleine Erzählungen und Schilderungen. Russische Schulausgabe von *M. Bruneneek* (Deutsche Autoren. Bd. 16). Кіевъ. 1904. Стр. 192. Цѣна 70 коп." (для среднихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены замѣченныя погрѣшности).

— „*Виноградовъ, П.* Латинская христоматія съ синтаксическими упражненіями. Изданіе 8-е. М. 1904. Стр. VIII+139+118. Цѣна 80 коп." (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была переработана согласно указаніямъ ученаго комитета).

— „*Іорданъ, А.* Историческій атласъ. Изданіе 20-е. С.-Пб. 10 таблицъ съ 39 картами. Цѣна 1 р. 50 коп."

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Богородицкій, А.* Общій курсъ русской грамматики. (Изъ университетскихъ чтеній). Казань. 1904. Стр. 211. Цѣна 2 р."—признать заслуживающей рекомендаціи, посредствомъ особаго циркуляра, вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки сихъ заведеній, равно какъ и для пріобрѣтенія въ учительскія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Карту: „*Арепьевъ, Н.* Карта Дальняго Востока. С.Пб. 1904 г. Цѣна 1 р. 60 к."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Гимнастика. Журналъ иллюстрированный еженедѣльный. Редакторъ-издатель *К. Алексѣевъ.* Подписная цѣна за годъ 5 р."—допустить къ пріобрѣтенію по предварительной подпискѣ въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „*Игнатьевъ, В. Е.* Физіологическіе очерки. Выпускъ I. Введеніе. Кровь. Кровообращеніе. Пищевареніе. Дыханіе. М. 1902. Стр. 108. Цѣна 60 к."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Воздухоплаватель. Научно-популярный и иллюстрированный журналъ. Редакторъ-издатель *Н. Я. Стечькинъ.* Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ—5 р. съ доставкой и перес."—допустить къ пріобрѣтенію по предварительной подпискѣ въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: „*Harber, P.* Praktischer Kurses (sic) der deutschen Rechtschreibung in 2 Heften für deutsche Volksschulen in Russland. Odessa. 1904. Heft I. Стр. 48. Цѣна 20 коп."—допустить въ качествѣ руководства для сельскихъ школъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— „Книгу: *Косса, Луиджи.* Основы финансовой науки. Переводъ *О, А. С.* Изданіе магаз. „Книжное дѣло". М. 1900. Стр. VII+185. Цѣна 50 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ промышленныхъ училищъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Изданія: „*С. О. Цыбульскій.* Иллюстраціи быта древнихъ грековъ и римлянъ въ таблицахъ. 1) Греческій театръ. Объяснительный текстъ къ XII и XIII таблицамъ. (По тексту Э. Боденштейнера). Составилъ *С. О. Цыбульскій.* Изданіе 2-е. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 50 коп.—2) Одежда древнихъ

грековъ и римлянъ. Объяснительный текстъ въ таблицахъ: XVI, XVII, XVIII, XIX и XX. Составилъ *В. Амелунгъ.* Перевелъ *Ф. Э. Видеманъ.* С.-Пб. 1904. Стр. II+80. Цѣна 60 коп."—признать заслуживающими рекомендаціи вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній посредствомъ особаго циркуляра, для пріобрѣтенія учащимися въ качествѣ необязательнаго пособія при чтеніи древнихъ авторовъ и на урокахъ древней исторіи, а равно и для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Малининъ, А.*, и *К. Буренинъ.* Руководство космографіи и физической географіи. Изданіе 13-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 278. Цѣна 1 р. 15 к."—признать совершенно непригодною для класснаго употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Анцевъ, М. В.* Методическая христоматія класснаго хорового пѣнія. Курсъ 2-й старшій. Витебскъ. 1904. Стр. 129. Цѣна 2 руб." (въ качествѣ класснаго пособія, а также для среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Васильевъ, В. И.* 1) Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изд. 7-е. Стр. 80.— 2) Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Изд. 6-е. Стр. 79.—3) Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изд. 5-е. Стр. 79. (Всѣ 3—изданія А. Д. Ступина. М. 1904). Цѣна каждой книжки 25 коп." (для городскихъ училищъ).

— *Вольперъ, М.* Русская рѣчь. Изд. Д. Д. Полубояринова. Вып. 1-й. Букварь. Изд. 46-е. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 20 коп.—Вып. 2-й. 1-я послѣ букваря книжка для чтенія. 43-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 96. Цѣна 30 коп.— Вып. 3-й. Книга для чтенія. 25-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 158. Цѣна 50 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, въ которыя поступаютъ дѣти, не умѣющія говорить по русски).

— „*Воскресенскій, Константинъ.* Краткая отечественная исторія въ очеркахъ и біографіяхъ. 9-е испр. и доп. изд., К. Г. Зихмана. Рига. 1904. Стр. 95. Цѣна 30 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, преимущественно инородческихъ).

— *Гербачъ, В.* 1) Руководство къ обученію письму. Прописи русскія. 52-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 46. Цѣна 40 к.—2) Русскія прописи. Вып. 1-й. 56-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп.—3) Русская скоропись. 10-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 40 коп.— 4) Прописи и образцы для рисованія по клѣткамъ. 58-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп.—5) Прямое письмо, новыя русскія прописи. 14-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 20 коп.—6) Образцы прямого письма. 7-е изд., Д.

Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп.—7) Прописи правописанія. 9-е изд.. Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 20 коп.—8) Русскія прописи круглаго шрифта и образцы другихъ болѣе употребительныхъ шрифтовъ. 8-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 50 коп.“

— *Гречушкины, С.* и *В.* Практическій курсъ русской грамматики. Изд. 5-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+156. Цѣна 30 коп.“

— „*Дьяченко Г.*, и *А. Преображенскій.* Доброе слово. Изд. В. В. Думнова. Книга 1-я. Изд. 9-е. М. 1900. Стр. VIII+170. Цѣна 35 коп.—Книга 2-я. Изд. 8-е. М. 1904. Стр. X+234. Цѣна 45 коп.“

— „*Евтушевскій, В. А.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ. 2-я часть—дроби. 25-е изд. С.-Пб. 1903. Стр. II+140+31. Цѣна 44 коп.“ (также для среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Егоровъ, Ѳ. И.* Ариѳметика и сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изд. 7-е, В. В. Думнова. В. 1904. Стр. VIII+250. Цѣна 40 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Егоровъ, Ѳ. И.* Собраніе ариѳметическехъ задачъ. Изд. 6-е, съ измѣненіями, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+142. Цѣна 35 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Егоровъ, Ѳ. И.* Собраніе ариѳметическихъ задачъ, вычисленій и другихъ упражненій въ предѣлѣ 1-й сотни чиселъ. Изд. 10-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 95. Цѣна 25 коп.“

— „*Киселевъ, А.* Краткая ариѳметика. Изд. 9-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 140. Цѣна 35 коп.“ для городскихъ училищъ и низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній.

— „*Ковалевскій. С.* Начальная физика. Изд. 5-е, пересм. и доп. С.-Пб. 1904. Стр. V+177. Цѣна 65 коп.“ для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— „*Козьминъ, К.* Практическая русская грамматика. Изд. 12-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. VIII+82. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Козьминъ, К.* Приготовительный курсъ русскаго языка. Изд. 16-е. В. Думнова. М. 1903. Стр. IV+112. Цѣна 45 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Козьминъ, К.* Русская христоматія. Курсъ 1. Изд. 20-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 304. Цѣна 75 коп.“ (для городскихъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Кусикянцъ, К.*, и *Л. Саргсянцъ.* Майрени хоскъ, т. е. Родное слово. Книжка для чтенія. Годъ III и IV, съ краткимъ армяно-русскимъ словаремъ. Изд. 2-е. Тифлисъ. 1903. Стр. 246. Цѣна 70 коп.“ (для училищъ Кавказскаго учебнаго округа.).

— „*Лафинъ, В.*, и *Г. Хохловъ.* Ученье — свѣтъ. Часть 1-я. Азбука и 1-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. К. Г. Зихмана. Рига. 1904. Стр. 80. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ инородческихъ училищъ).

— „*Лубенецъ, Т.* Русско-славянскій букварь. Изд. 12-е. Кіевъ. 1904. Стр. 48+12. Цѣна 12 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Максимовъ, Я.*, и *П. Глушинъ.* Родная пчелка. Книга для чтенія. Изд. 3-е, Г. Я. Юревича. С.-Пб. 1905. Стр. V+229. Цѣна 50 коп.“ (также для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Малининъ, А.* Геометрія и собраніе геометрическихъ задачъ. Изд.

13-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 221. Цѣна 65 коп." (для городскихъ училищъ).

— „*Малининъ, А.* Задачи для умственныхъ вычисленій. Изд. 7-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 121. Цѣна 35 коп." (также для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Метрическая система. Учебное пособіе, выработанное *К. Боппомъ.* (Стѣнная таблица)" (въ качествѣ класснаго пособія, также и для среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, однако, чтобы цѣна ея была нынѣ же понижена до 50 коп.; текстъ же къ сей таблицѣ, изданный отдѣльною брошюрой, по его неудовлетворительности, признать, въ настоящемъ его видѣ, не заслуживающимъ допущенія къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ).

— „*Мюльманъ, Р.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ. Изд. К. Г. Зихмана. Рига. 1904. Часть I. Числа 1-ой тысячи. 3-е передѣл. изд. Стр. 104. Цѣна 15 коп.—Часть II. 2-е передѣл. изд. Стр. 76. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Оловянишниковъ, Н.* Начатки естествознанія. 2-е изд., К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. IV+360. Цѣна 1 р. 25 коп. въ папкѣ".

— „*Орнатскій, И.* Кругомъ насъ. Школьныя наглядно-образовательныя таблицы. Изд. т—ва „Общественная польза". Серія III, табл. 2 и Серія IV, табл. 5." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Павловъ, Н.* Сборникъ задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Часть 1-я. Числа 1-й сотни. 9-е изд., А. А. Дубровина. Казань. 1904. Стр. 69. Цѣна 15 коп.".

— „*Полевой, П.* Учебная русская христоматія съ толкованіями. Часть 1-я. Младшій возрастъ. 34-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 209+27. Цѣна 50 коп.".

— „Прописи и рисованіе по клѣткамъ. 4-е изд., А. Д. Ступина. М. 1898. Стр. 20. Цѣна 10 коп.".

— „*Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.* 1) Русскія прописи. Изд. 20-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1904. Стр. 48. Цѣна 25 коп.—2) Начальныя прописи. Изд. 8-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1902. Стр. 16. Цѣна 8 коп.".

— „*Савеловъ, М.* Пособіе при обученіи чистописанію. Прописи русскія. Изд. 5-е, А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. IV+20. Цѣна 20 коп.".

—„*Сатаровъ, В.*, и *А. Тороповъ.* Родная нива. 2-я книга для класснаго чтенія. Изд. 2-е, К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 175+III. Цѣна 35 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Соколовъ, Ао. Ѳ.* 1) Азбука русская и церковно-славянская. Изд. 4-е, испр., Мих. Дм. Наумова. М. 1904. Стр. 46. Цѣна 15 коп.—2) Краткій курсъ грамматики церковно-славянскаго языка. Изд. 2-е, А. С. Панафидина. М. 1904. Стр. VII+79. Цѣна 25 коп.".

— „*Соколовъ, Димитрій.* 1) Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ. Изд. 66-е. С.-Пб. 1904. Стр. 79. Цѣна 10 коп.—2) Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ. Изд. 83-е. С.-Пб. 1904. Стр. II+179+1 карта. Цѣна 20 коп.—3) Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви. Изд. 24-е. С.-Пб. 1903. Стр. 95. Цѣна 15 коп.".

— „*Соколовъ, Михаилъ.* Первое наставленіе дѣтямъ въ ученіи православной церкви. Изд. 10-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1897. Стр. 176. Цѣна 20 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Ступель, А.*, и *Е. Гловъ.* Краткій курсъ географіи Россіи со свѣдѣніями изъ математической, физической и всеобщей географіи. 11-е испр. и

доп. изд., К. Г. Зихмана. Рига. 1904. Стр. 120+1 карта. Цѣна 30 коп." (для городскихъ училищъ).

— „*Ушинскій, К.* Родное слово для дѣтей младшаго возраста. С.-Пб. 1904. Годъ 1-й. Азбука и 1-я послѣ азбуки для чтенія. Изд. 128-е. Стр. IV+112. Цѣна 25 коп.—Изд. 129-е. Стр. IV+112. Цѣна 25 коп.—Годъ 2-й. 2-я послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 111-е. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.— Изд. 112-е. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.".

— „*Шельцель, К. Э.* Русская азбука. 6-е изд., Е. П. Распопова. Одесса. 1904. Стр. 93+III. Цѣна 25 коп." (для инородческихъ начальныхъ училищъ).

— „*Юдинъ, А. Н.* 1) Цвѣтныя таблицы для рисованія красками. №№ 1—14. Размѣръ $15^{1}/_{2}$+23 вершковъ. Цѣна 14 таблицъ—7 руб., 1 табл.—75 коп.— 2) Объяснительный текстъ къ таблицамъ. С.-Пб. 1904. Стр. 8." (въ качествѣ класснаго пособія, также и для среднихъ учебныхъ заведеній).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Альбрехтъ, К.* Руководство къ хоровому пѣнію по цыфирной методѣ Шеве. М. 1904. (стереотипъ). Вып. I. Звуки простые. Стр. 35. Цѣна 30 коп.— Вып. II. Звуки простые. Стр. 34+V. Цѣна 40 коп.".

— „*Барановъ, А.* Подробный планъ занятій въ начальной народной школѣ съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ. 19-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1902. Стр. 46. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Буссе, Елизавета.* Художественное воспитаніе въ раннемъ возрастѣ. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904. Стр. 14. Цѣна 15 коп."

— „*Вольперъ, М.* Руководящія замѣтки о преподаваніи русскаго языка по руководствамъ того же автора: „Русская рѣчь" и „Практическая русская грамматика". 6-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1900. Стр. 63. Цѣна 30 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, въ которыя поступаютъ дѣти, не умѣющія говорить по-русски).

— „*Гербачъ, В.* 1) Методическое руководство къ обученію письму. 22-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 143. Цѣна 60 коп.—2) Уроки чистописанія. 19-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 40. Цѣна 20 коп." (также въ библіотеки учительскихъ семинарій).

—„*Гольденбергъ, А. И.* Методика начальной ариѳметики. 18-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. XII+192. Цѣна 75 коп." (также въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій).

— „*Дависъ, И.* Народныя школы въ Германіи. Юрьевъ. 1904. Стр. 90. Цѣна 40 коп."

— „*Евтушевскій, В.* Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ. 8-е изд. С.-Пб. 1899. Стр. 208. Цѣна 75 коп." (также и въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій).

— „*Комаровъ, А. Ф.* Методическое рѣшеніе типическихъ ариѳметическихъ задачъ въ начальныхъ училищахъ. Изд. 8-е, К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 108+II. Цѣна 40 коп."

— „*Кулегаевъ, И.* Замѣтки о преподаваніи естествовѣдѣнія въ млад-

шихъ классахъ городскихъ училищъ. Вып. 1-й. Бѣлградъ. 1903. Стр. 24. Цѣна 10 коп."

— „*Лубенецъ, Т.* Руководство къ русско-славянскому букварю, съ приложеніемъ подвижной азбуки. Изд. 10-е. Кіевъ. 1901. Стр. 81. Цѣна 30 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Соколовъ, Ав. Ѳ.* Методическое руководство къ азбукѣ русской и церковно-славянской. Изд. 4-е, испр. и доп., М. Д. Наумова. М. 1904. Стр. 38. Цѣна 30 коп.".

— „*Солонина, П. Н.* Записки по методикѣ русскаго языка. Изд. Д. Д. Полубояринова. Отдѣлъ І-й. Методика обученія грамотѣ. Изд. 17-е. С.-Пб. 1904. Стр. 72. Цѣна 35 коп.—Отдѣлъ ІІ-й. Методика объяснительнаго чтенія. Изд. 17-е. С.-Пб. 1904. Стр. 79. Цѣна 40 коп.—Отдѣлъ ІІІ-й. Методика начальной грамматики. Изд. 14-е. С.-Пб. 1903. Стр. 104. Цѣна 50 коп.".

— „*Тарнавскій, Александръ.* Объ обязанностяхъ учителя и учительницы начальнаго народнаго училища. 4-е изд. К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. 416+ІІІ. Цѣна 1 руб. 25 коп.".

— „*Тихомировъ, Д. И.* Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій по родному языку. Изд. 12-е. М. 1902. Стр. 142. Цѣна 55 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Тороповъ, А.* Сборникъ задачъ, диктантовъ и статей для письменнаго изложенія, предложенныхъ на выпускныхъ экзаменахъ въ Московскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 48. Цѣна 15 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Фармаковскій, В.* Управленіе дѣтьми. По лекціямъ Циллера и др источникамъ. 5-е испр. изд., А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 159. Цѣна 50 коп."

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній *):

— „*Альбедиль, Е.* Петербургъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Очеркъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 28. Цѣна 7 коп.".

— „*Барщевскій, В. Г.* Добрый сынъ. Эпизодъ изъ жизни Императора Александра І. Изд. 9-е, Д. Д. Ступина. М. 1904. Стр. VІІ+63. Цѣна 20 коп.".

— „*Бахтіаровъ, А.* Въ типографіи. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 43. Цѣна 12 коп.".

— „*Бигарро.* Разсказъ. Перев. съ фр. *Е. А. Сысоевой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 37. Цѣна 10 коп.".

— „*Бикеласъ.* Отецъ Наркиссосъ. Разсказъ. Перев. *Р.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 23. Цѣна 5 коп.".

— „*Бѣлоусовъ, Ив.* Птичья стайка. Разсказы и стихотворенія. Изд. 3-е, доп., Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 46. Цѣна 25 коп.".

— „*Водовозова, Е.* Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Изд. 3-е, соверш. перераб. С.-Пб. 1904. Стр. IV+223. Цѣна 40 коп.".

---

*) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Вучетичъ, Н. Г.* Два Пугача. Разсказъ для дѣтей. Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 679. М. 1895. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“.

— „*Вучетичъ, Н. Г.* Красный фонарь. Разсказъ. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904. Стр. 33. Цѣна 25 коп.“.

— „Въ царствѣ льдовъ. Путешествіе герцога Абруцкаго въ сѣверныя полярныя страны. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 33. Цѣна 8 коп.“.

— „*Гауффъ, В.* Избранныя сказки. Переводъ съ нѣм. *М.* и *Е. Соломиныхъ*. Изд. О. Н. Поповой. (Библіотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1904. Стр. 144. Цѣна 30 коп.“.

— „*Гофманъ, Р.* „Снѣжная принцесса“. Сказка. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 20. Цѣна 15 коп.“.

— „*Д—ъ, Е. Н.* Мишукъ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 87. Цѣна 40 коп.“.

— „*Даневская, С.* Открытіе Америки. Историческій разсказъ. Изд. 6-е, испр., В. Д. Карчагина. М. 1903. Стр. 199+I карта. Цѣна 60 коп.“.

— „*Додэ, А.* Послѣдній урокъ и др. разсказы. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1904. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“.

— „*Додэ, А.* 1) Разсказы. Книжка 1-я. Стр. 44. Цѣна 10 коп.—2) То же. Книжка 2-я. Стр. 31. Цѣна 6 коп. – 3) Военные разсказы. Стр. 36. Цѣна 8 коп.— 4) Моя мать Жакъ. Стр. 51. Цѣна 12 коп. (Библіотека нашихъ дѣтей. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904.).“

— „*Жуковскій, В. А.* Сочиненія. Школьное изд. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1902. Книжка 1-я. Сказки, басни и загадки. Стр. 62. Цѣна 7 коп.— Книжка 2-я. Сказанія, преданія и повѣсти. Стр. 49. Цѣна 7 коп.—Книжка 3-я. Изъ жизни и природы. Стр. 24. Цѣна 4 коп.“.

— „*Золотавинъ, Н.* Воздухъ и климатъ и значеніе ихъ для здоровья человѣка. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“.

— „*Квитка, М.* Святки въ Малороссіи. (Изъ воспоминаній народной учительницы). (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 43. Цѣна 10 коп.“

— „Китайскія сказки. Переводъ съ франц. подъ ред. *В. Зелинскаго.* М. 1893. Стр. 68. Цѣна 10 коп.“

— „*Колокольникова, В.* Скворцы. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 4 коп.“.

— „*Корзинкина, С. А.* Что говоритъ Св. Писаніе о милосердіи къ животнымъ. Вып. 1-й. Лошадь. С.-Пб. 1904. Стр. 23.“.

— „*Кругловъ, А. В.* Маленькимъ читателямъ. Разсказы въ прозѣ и стихахъ. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1898. Стр. 47. Цѣна 35 коп.“.

— „*Кругловъ, А. В.* То—что можно. Разсказъ. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904. Стр. 33. Цѣна 40 коп.“.

— „*Лебедевъ, В. А.* Голова Лю-Фу. Разсказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 10 коп.“.

— „*Демерсье, М.* Третій. Разсказъ. Съ франц. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 4 к.“.

— „*Львова, М. А.* 1) Пэррико-скрипачъ. Разсказъ для дѣтей. М. 1904. Стр. 24. Цѣна 20 коп.—2) Бабушка и внучка. Устинья Ивановна. Разсказы для дѣтей. М. 1904. Стр. 24. Цѣна не обозначена.—3) Филя-дурачокъ. Разсказъ. М. 1905. Стр. 12. Цѣна 10 коп.“.

— „*Любичъ-Кошуровъ, I. А.* Волшебная книга. Сказка. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 25 коп.“.

— „*Любичъ-Кошуровъ, І. А.* На вершинахъ деревьевъ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 43. Цѣна 30 коп.“.

— „*Макарова, С. М.* 1) Свѣтлый праздникъ. Разсказъ. Стр. 42. Цѣна 25 коп.—2) Семикъ и Троицынъ день. (Изъ записокъ 15-лѣтней дѣвочки). Стр. 55. Цѣна 20 коп. (Обѣ—изд. т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904).“

— „Маленькіе рудокопы. Разсказъ. Пер. съ англ. *Н. Чежеговой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 54. Цѣна 12 коп.“.

— „*Марковъ, И.*, и *Д. Семеновъ.* Русскій міръ въ стихотворныхъ образцахъ. Системат. сборникъ стихотвореній и басенъ. Вильна. 1904. Часть I. Стр. 56. Цѣна 10 коп.—Часть II. Стр. 88. Цѣна 15 коп.—Часть III. Стр. 112. Цѣна 20 коп.“.

— „*Мельницкая, А. А.* Красивый мальчикъ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 23. Цѣна 20 коп.“.

— „*Мировичъ, В.* Снѣжинка. Изд. О. Н. Поповой. (Библіотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1904. Стр. 97. Цѣна 30 коп.“.

— „*Митропольскій, Ив.* Изъ волжскихъ разсказовъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 51 Цѣна 30 коп.“.

— „*Можаровскій, А. Ѳ.* Разсказы „кота въ сапогахъ“. I. Муръ Котовичъ. II. Чѣмъ хата богата. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Сердце—не камень и Двѣсти лѣтъ назадъ. (Стрѣльцы XVII вѣка). Два историч. разсказа. Изд. 2-е, И. П. Перевозникова. (Библіотека русскихъ писателей для самообразованія. II). С.-Пб. 1904. Стр. 28. Цѣна 10 коп.“

— „*Мунтъ-Валуева, А. П.* Поэтъ-герой. (Изъ жизни Теодора Кирнера). Изд. М. М. Ледерле и К°. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. № 3). С.-Пб. 1892. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“

— „Мученики. Повѣсть изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Для дѣтей старшаго возраста. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 93. Цѣна 25 коп.“

— „*Никитенко, С.* Убѣдились. Разсказъ изъ школьной жизни. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 35. Цѣна 8 коп.“

— „*Осиповъ Андрей.* Бобыль. Историческая повѣсть. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 319. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Парамоновъ, А.* Малиновка въ неволѣ.(Изъ воспоминаній о пернатыхъ друзьяхъ). (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 15. Цѣна 4 коп.“

— „*Перри, Георгъ.* Бродяга. Разсказъ. Пер. съ англ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 28. Цѣна 6 коп.“

— „Полевая мышь. (По Вагнеру). (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 14. Цѣна 3 коп.“

— „*Поль, А. С.* Объ Іоаннѣ Гусѣ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 20. Цѣна 4 коп.“

— „*Порѣцкій, С. А.* Давайте работать. (Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1903. Вып. 1-й. Какъ научиться разнымъ работамъ изъ бумаги, папки, картона и переплетанію книгъ при помощи переплетныхъ инструментовъ и безъ нихъ. Стр. 144.—Вып. 2-й. Столярныя и плотничныя работы.—Работы изъ необдѣланнаго дерева и изъ испанскаго камыша.—Выпиливаніе и рѣзьба по дереву.—Токарныя работы. Стр. 154. Цѣна каждаго выпуска 80 коп.“

— „*Порѣцкій, С. А.* Растенія-дармоѣды. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 61. Цѣна 15 коп.“

— „Приключенія крысы. Перев. съ англ. *А. Линденъ.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 98. Цѣна 25 коп.“

— „Путеводный огонекъ. Двухнедѣльный журналъ для средняго возраста. подъ ред. *А. А. Өеодорова-Давыдова.* Подписная цѣна на годъ съ перес. и дост. 3 р.“ (къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ).

— „*Разинъ, А. Е.* Петро Акчимъ. Разсказъ. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904. Стр. 41. Цѣна 25 коп.“

— „*Розеггеръ, П.* Какъ насъ водили на экзаменъ. Разсказъ. Пер. *Е. Кудашевой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“

— „*С., А. Б.* 1) Изъ жизни Жаккарда, изобрѣтателя ткацкаго станка. Разсказъ. С.-Пб. 1903. Стр. 34. Цѣна 8 коп.—2) Изъ жизни Фультона, изобрѣтателя парохода. Разсказъ. С.-Пб. 1903. Стр. 22. Цѣна 6 коп. (Обѣ—Читальня народной школы).“

— „*Свѣтловъ, В.* Барри. Изъ путевыхъ замѣтокъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 34. Цѣна 8 коп.“

— „*Свѣтловъ, В. Я.* Благочестіе. Кавказское преданіе. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 66. Цѣна 20 коп.“

— „*Свѣтловъ, В.* Князь Михаилъ и бояринъ Өеодоръ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 60. Цѣна 15 коп.“

— „*Свѣтловъ, В. Я.* Корабль Хазизадра. Кавказское преданіе. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна 12 коп.“

— „*Свѣтловъ, В. Я.* Послѣдній Абрекъ. Разсказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Свѣтловъ, В.* Семь сыновей вьюги. Ингушское преданіе. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 31. Цѣна 8 коп.“

— „*Свѣтловъ, Вал.* Собою подала примѣръ. Разсказъ изъ жизни Екатерины II. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 30. Цѣна 3 коп.

— „*Селивановскій, И. П.* Какъ живутъ и работаютъ китайцы. Изд. К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 80. Цѣна 15 коп.“

— „*Сиповскій, В. Д.* Св. Равноапостольный кн. Владиміръ и крещеніе Руси. Изд. Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „*Слѣпцова, М.* Остановка. (Изъ жизни коряковъ) „Книжка за книжкой“, кн. 125-я. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“

— „*Смирновъ, Ил.* Утро. Разсказъ. Изд. М. В. Ключина. (Добрыя души. № 1). М. 1898. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Сысоевъ, Петръ.* Дѣдушка Прокофьичъ. Разсказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 14. Цѣна 3 коп.“

— „*Сѣверцевъ, Г. Т.* Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій. Очеркъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 43. Цѣна 12 коп.

— „*Сѣверцевъ (Полиловъ), Г. Т.* На фарфоровомъ заводѣ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 62. Цѣна 15 коп.“

— „*Сѣверцевъ (Полиловъ), Г.* Прощенный. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“

— „*Тарнавскій Ал.* Русско-японская война. (Приложеніе къ „Циркулярамъ для народныхъ училищъ Оренбургскаго учебнаго округа“ за 1904 г.). Вып. 2-й. Стр. 36.—Вып. 4-й. Стр. 24.—Вып. 4-й. Стр. 32.“

— „*Твэнъ, Маркъ.* Приключенія Финна. Переводъ. *Н. Н. Мазуренко.* Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 299. Цѣна 1 р. 35 коп.

— „*Толстой, Л. Н.* Кавказскій плѣнникъ. Изд. 3-е, К. И. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1904. Стр. 36. Цѣна 5 коп.“

— „*Тритино*. Фазанъ. (Восточное преданіе). Изд. Общ. распр. пол. книгъ. № 670. М. 1895. Стр. 31. Цѣна 5 коп.

— „*Тулиновъ, Ник.* Въ Полѣсьѣ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 80. Цѣна 20 коп.

— „*Тулубъ, П. А.* Среди природы. Стихотворенія. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія"). М. 1900. Стр. 54. Цѣна 30 коп."

— „*Хорошевичъ-Терницкій (Беневскій), В. Д.* 1) Семь двухголосныхъ хоровъ для дѣтскихъ и женскихъ голосовъ. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 1 р.—2) Варягъ. Баллада. Для двухголоснаго дѣтскаго или женскаго хора. Слова *Я. С. Рѣпинскаго.* М. 1904. Стр. 15. Цѣна 1 р."

— „*Черскій, Л.* 1) Анри Дюнанъ. Исторія возникновенія „Краснаго Креста". Стр. 31. Цѣна 10 коп.—2) Илико и его друзья. Разсказъ. Стр. 16. Цѣна 5 коп. Обѣ—изд. М. В. Клюкина. „Добрыя души". М. 1904."

— „Четвероногіе друзья и слуги человѣка. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 44. Цѣна 10 коп."

— „*Шульгинъ, П.* На Николинъ день. Разсказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 24. Цѣна 6 коп."

— „*Шульгинъ, П.* Ночь. Разсказъ. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 29. Цѣна 7 коп."

— „*Эрвье, П.* Тайна нижняго ледника. Разсказъ. Перев. *Е. Кудашевой.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 35. Цѣна 8 коп."

— „*Юноша, Клеменсъ.* Мельникъ изъ Зарудья. Картинки изъ народнаго быта. Перев. *М. Бабіенской.* (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 71. Цѣна 15 коп."

— „*Языковъ, Димитрій (Д. Я.-Ш.).* 1) Өеодоръ Антоновичъ Туманскій. (Его жизнь и поэзія). М. 1903. Стр. 29.—2) Князь Владиміръ Өеодоровичъ Одоевскій. (Его жизнь и дѣятельность). М. 1903. Стр. 49.—3) Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. (Его жизнь и литературно-общественная дѣятельность). Стр. 45.—4) Өеодоръ Ивановичъ Тютчевъ. (Его жизнь и поэзія). М. 1904. Стр. 43. Цѣна каждой книжки 20 коп."

— „*Өеодоровъ-Давыдовъ, А. А.* Собака-герой на войнѣ. Изд. ред. журн. „Свѣтлячекъ" и „Путеводный огонекъ". М. 1904. Стр. 60. Цѣна 20 коп."

— „*Өеоктистовъ, Ив.* Дѣтскій садъ. Сборникъ стихотвореній. (Читальня народной школы). С.-Пб. 1903. Стр. 68+II. Цѣна 15 коп."

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки *):

— „*Александровъ, П.* 1) Штукатурное дѣло. Практическое руководство. Изд. М. П. Петрова. (Общедоступная ремесленная библіотека). С.-Пб. 1904. Стр. 22. Цѣна 30 коп.—2) Камень, его добываніе и обработка. Изд. М. П. Петрова. (Общеполезная техническая библіотека). С.-Пб. 1904. Стр. 15. Цѣна 20 коп."

— „*Ауэрбахъ, Б.* Вальпурга, королевская кормилица. (Изъ романа „На высотѣ"). Переводъ съ нѣм. *М. Цебриковой.* Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 224. Цѣна 40 коп."

---

*) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Б. Е.* I. Невѣрная жена. II. Добрая душа. III. Свѣтлый праздникъ. Три разсказа изъ французской жизни. По Франсуа Коппе. № 205. М. 1904. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп. для взрослыхъ.

— „*Баракшинъ, А. А.* Счастливый мужикъ. Разсказъ. М. 1904. Стр. 34. Цѣна не обозначена."

— „*Богдановъ, И.* Наборно-типографское дѣло. С.-Пб. 1904. Стр. XVI+144. Цѣна 50 коп."

— „*Виноградовъ, А.* Православная Вильна. Описаніе виленскихъ храмовъ Вильна. 1904. Стр. 84. Цѣна 50 коп.

— „*Воиновъ, А.* Какъ писать письма. Изд. А. Д. Карчагина. Калуга. 1904. Стр. 67. Цѣна 20 коп."

— „*Волкова, Е.* Горе матери-посадницы. (Изъ Двинскихъ и Новгородскихъ преданій). Изд. маг. „Книжное дѣло". М. 1904. Стр. 44. Цѣна 20 коп.".

— „*Вучетичъ, Н. Г.* Митина нива. Разсказъ. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 15 коп."

— „*Гамильтонъ, А.* Корея. Переводъ съ англ. Изд. журн. „Лѣтопись войны съ Японіей". С.-Пб. 1904. Стр. XXXII+249+XII+1 карта. Цѣна 2 руб." (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Голосъ совѣсти. Разсказъ. Съ украинскаго. По Б. Гринченко. № 511. М. 1904. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Горбуновъ-Посадовъ. И.* 1) Русскій сельскій календарь на 1905 годъ. Годъ XII. М. 1904. Стр. 80+1 карта. Цѣна 20 коп.—2) Русскій деревенскій календарь на 1905 годъ. Годъ изданія 5-й. М. 1904. Стр. 64. Цѣна 6 коп."

— „*Горностаевъ, Ф.* Два ребенка. (Изъ жизни сельскаго врача). № 492. М. 1904. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Додэ, Альфонсъ.* 1) Прежнее и новое счастье. Изд. 2-е, Д. П. Ефимова. М. 190. Стр. 47. Цѣна 8 коп.—2) Три разсказа. Изд. 2-е, Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 5 коп."

— „*Дружининъ, Н. П.* Сельскій староста. Разсказъ о томъ, какъ устроили свои общественныя дѣла крестьяне трехъ грамотныхъ деревень. 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе". (Учительская библіотека). М. 1904. Стр. 36. Цѣна 10 коп."

— „Дѣятель. №№ 1—5. Казань. 1904."

— „*Егоровъ, С. Ф.* Нерёдникъ. Разсказъ. № 483. М. 1904. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Желтовъ, А. Ф.* Передъ людьми. Разсказъ для взрослыхъ. № 123. М. 1901. Стр. 54. Цѣна 3 коп."

— „*Желябужскій, Е. Д.* Отечественная война 1812 года и Кутузовъ Изд. 4-е, А. Д. Ступина. М. 1901. Стр. 144. Цѣна 50 коп."

— „*Іорданъ, К. К.* Борьба съ пожарами. Изд. Страхового отдѣла Тверского губернскаго земства. Тверь. 1904. Стр. IV+87. Цѣна 40 коп."

— „*Каразинъ, Н. Н.* Въ пороховомъ дыму. Изд. 2-е, П. П. Сойкина. С.-Пб. Томъ I. Стр. 263.—Томъ II. Стр. 318. Цѣна за два тома 2 р. 50 коп."

— „*Каразинъ, Н. Н.* Съ сѣвера на югъ. Романъ. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Томъ I. Стр. 346+II.—Томъ II. Стр. 308+II. Цѣна за 2 тома 3 руб."

— „*Колычевъ, Ал.* Рабочіе на пріискахъ Сибири. Томская горная область. Изд. т-ва „Сѣверное эхо". С.-Пб. 1904. Стр. VIII+166. Цѣна 1 руб."

— „*Конанъ Дойль.* Тайна болота. (Собака Бэскервилей). Переводъ съ англ. *Н. д'Андре́.* Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 224. Цѣна 75 коп."

— „*Корольковъ, А.* Сироты. Правдивая повѣсть. Изд. П. П. Сойкина. (Народная библіотека). С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Короткій, В. А.* 1) Въ деревнѣ. Разсказы изъ деревенской жизни. Изд. 2-е. Н. С. Астраханова. С.-Пб. 1905. Стр. 59+47+86+74+56+68+40. Цѣна 75 коп.—2) Цыганка Настя. Картинки изъ деревенской жизни. С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 25 коп.“

— „*Крамштыкъ, Станиславъ.* Начальная физика. Пер. съ польскаго *Д. Воронова.* и *А. Никольскаго.* Часть I. Варшава. 1896. Стр. II+110+II. Цѣна 30 коп.“

— „*Кругловъ, А. В.* Задушевныя рѣчи. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 224. Цѣна 50 коп.“

— „ *Лабулэ.* Паша-пастухъ. Восточная сказка. Передѣлка съ франц. № 73. М. 1904. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.

— „*Лейкинъ, Н. А.* 1) Сусальныя звѣзды. Романъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1899. Стр. 423. Цѣна 1 руб. 20 коп.—2) Тщеславіе и жадность. Двѣ повѣсти. Изд. 3-е. С.-Пб. 1897. Стр. 377. Цѣна 1 руб.—3) Внѣ рутины. Счастье привалило. Двѣ повѣсти. Изд. 2-е. С.-Пб. 1902. Стр. 259. Цѣна 75 коп.“

— „*Лукьянская, В.* Пьянство—горе наше. Сборникъ разсказовъ., стихотвореній, изреченій и пословицъ. Изд. „Посредника“. № 460. М. 1904. Стр. 106+II. Цѣна 6 коп.“

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Погибель Іерусалима. 70-й годъ по Р. Хр. Изд. 2-е, И. П. Перевозникова. (Библіотека русскихъ писателей для самообразованія, кн. I). С.-Пб. 1904. Стр. 34. Цѣна 15 коп.“

— „*Наживинъ, И.* Бабушка. Разсказъ. Изъ сборника „Убогая Русь“. № 497. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.“

— „*Недригайловъ.* Совѣсть и водка. Разсказъ. Харьковъ. 1902. Стр. 12. Цѣна 5 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, В. Ив.* Кама и Уралъ. (Очерки и впечатлѣнія). 2 части въ одной книгѣ. Изд. 2-е, П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 181+445. Цѣна 2 руб. 50 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Царица Тамара. Романъ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 302. Цѣна 1 руб.“

— „О монетахъ. Уставъ монетный. (Сводъ законовъ т. VII). Изд. неофиціальное, Я. А. Канторовича, С.-Пб. 1901. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“

— „О судебныхъ установленіяхъ. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. (Т. XVI, ч. I). Изд. неофиціальное, Я. А Канторовича. С.-Пб. 1899. Стр. 91. Цѣна 10 коп.“

— „*Папенгутъ, А. Ф.* Вентиляція жилыхъ помѣщеній, какъ непремѣнное условіе сохраненія здоровья и жизни человѣка. Изд. журн. „Техника, ремесла и сельскохозяйственная архитектура“. С.-Пб. 1904. Стр. 28. Цѣна 40 коп.“

— *Пашкевичъ. В. Б.* Учебникъ садоводства. Изданіе А. Ф. Девріена. Часть I-я. Основныя ботаническія свѣдѣнія.—Почва и удобреніе.—Размноженіе растеній.—Огородничество. С.-Пб. 1902. Стр. 290. Цѣна 95 коп.—Часть II-я. Плодоводство.—Декоративное древоводство. С.-Пб. 1902. Стр. 280. Цѣна 90 коп.—Часть III-я. Садоводство декоративное.—Выгонка плодовъ.—Цвѣточныя издѣлія. С.-Пб. 1903. Стр. 267. Цѣна 90 коп.“

— „I. Подъ выстрѣлами. Съ нѣм. переводъ *А. Веселовской.* II. Калѣка. Разсказъ *Гюи де-Мопасана.* По переводу *Л. П. Никифорова* № 486. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“

— „*Позняковъ, Н. И.* 1) Житейскіе разсказы. С.Пб. 1888. Стр. 226. Цѣна

75 коп.—2) Соловьиный садъ и другіе разсказы. С.-Пб. 1900. Стр. 275. Цѣна 1 руб.—3) Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній. Изд. 2-е С.-Пб. 1898. Стр. 256+VIII. Цѣна 2 р.—4) Ничего. Разсказы про людей. Изд. т—ва „Общественная польза". С.-Пб. 1903. Стр. 320. Цѣна 1 руб."

— „Положеніе о мѣрахъ и вѣсахъ. (Св. зак. т. XI, ч. 2). Изд. неофиціальное Я. А. Канторовича. С.-Пб. 1901. Стр. 48. Цѣна 10 коп."

— „*Поль, А. С.* 1. Чертова долина. 2. Тайна сѣрой кошки. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 19. Цѣна 3 коп."

— „*Поповъ, Вл. А.* По островамъ Ладожскаго озера. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 76. Цѣна 40 коп." (также для народныхъ чтеній).

— „*Пейверинтъ, Піэтари.* Загубленная жизнь или Исповѣдь пьяницы. Переводъ съ финскаго. № 481. М. 1904. Стр. 63. Цѣна 3 коп."

— „*Розеггеръ, П.* Стрѣлочникъ. Разсказъ. Переводъ съ нѣм. *Е. Б.* № 487. М. 1904. Стр. 31. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Русаковъ, Викторъ.* Первый русскій кружокъ для содѣйствія физическому развитію юношества. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. 16 Цѣна 15 коп."

— „*Сабининъ, А.* Подвиги человѣческаго ума въ первый годъ новаго столѣтія. Изд. т—ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904. Стр. 19. Цѣна 25 коп."

— „*Сенкевичъ, Генрихъ.* Пойдемъ за Нимъ. Переводъ съ польскаго *Н. И. Перелыгина.* Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 40. Цѣна 5 коп."

— „*Сѣверцевъ (Полиловъ), Г.* Бандиты. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр 15. Цѣна 3 коп."

— „*Тагѣевъ Борисъ (Рустамъ-бекъ).* По Авганистану. Приключенія русскаго путешественника. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 159. Цѣна 50 коп."

— „*Тарутинъ, С.* О значеніи и дѣятельности крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ и о томъ, какъ ихъ устроить. Изд. Курганскаго отдѣла Императорскаго Московскаго о—ва сельскаго хозяйства. Курганъ. 1903. Стр. 48. Цѣна 10 коп."

— „*Тютчевъ, Ѳ. Ѳ.* Лучъ Божьяго свѣта въ пустынѣ глухой. Повѣсть изъ жизни на Персидской окраинѣ. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 166. Цѣна 50 коп."

— „I. Учительница. Разсказъ *Ѳ. Горностаева.* II. Докторъ Рашко. (Быль). *С. Васюкова.*" № 488. М. 1903. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Федоровъ, П. А.*" 1) Постройка и ремонтъ дорогъ грунтовыхъ, шоссейныхъ, булыжныхъ и торцовыхъ. (Общеполезная техническая библіотека). С.-Пб. 1902. Стр. 39. Цѣна 30 коп.—2) Печное ремесло. Изд. 2-е, М. П. Петрова. (Общедоступная ремесленная библіотека). С.-Пб. 1904. Стр. VI+57+7. Цѣна 40 коп."

— „*Федьковичъ, О.* Какъ родные братья. Повѣсть. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ *Н. Златовратскій.* № 168. М. 1903. Стр. 31. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Франко, И.* Маленькій Миронъ. Переложилъ съ малороссійскаго *Н. И. Перелыгинъ.* Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 15. Цѣна 3 коп."

— „*Цуриков, В.*" Буренчиха. Разсказъ. № 149. М. 1901. Стр. 48. Цѣна 3 коп." (для взрослыхъ).

— „*Червинскій, Н. П.* Общее животноводство. (Кормленіе, разведеніе и гигіена сельско-хозяйств. животныхъ). 3-е изд., А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. 315. Цѣна 1 руб. 30 коп."

— „*Червинскій, Н. П.* Учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. Изд. А.

Ф Девріена. С.-Пб. 1902 г. Вып. I. Введеніе (основныя свѣдѣнія изъ физіологіи и анатоміи животныхъ) и общее скотоводство. Стр. XI+193. Цѣна 65 коп.—Вып. II. Частное скотоводство и скототовречеваніе. Стр. 298. Цѣна 1 руб."

— „*Ярославская, К. Л.* Какъ Петруха разбогатѣлъ. М. 1892. Стр. 40."

— „*Федоровъ-Давыдовъ, А. А.* „Заповѣдная страна". Тибетъ. Ла-Сса. Далайлама. Изд. ред. журн. „Свѣтлячокъ" и „Путеводный огонекъ". М. 1904. Стр. 43. Цѣна 20 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Авиловъ, П.* Азбука для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. С-Пб. 1904. Стр. 24. Цѣна 7 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Ваттштейнъ Я. М.* Практическая русская грамматика для инородческихъ школъ. Изд. 3-е, Л. Фишера. Лодзь. 1903. Стр. 124. Цѣна 26 коп." (для инородческихъ и другихъ начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была тщательно исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Краткая отечественная географія, составл. подъ ред. *И. Михайлова.* 11-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 112+1 карта. Цѣна 60 коп." (дяя городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Лубенецъ, Т.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта. 17-е изд., испр., П. В. Луковникова. С.-Пб. 1904. Стр. 167. Цѣна 40 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета и понижена цѣна книги).

— „*Николаевскій, Ив.* Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики. Изд. 5-е, М. Д. Наумова. М. 1903. Часть I. Дидактическая пропевдевтика. Стр. VI—80. Цѣна 50 коп.—Часть II. Педагогическая пропевдевтика. Стр. IV+84. Цѣна 50 коп." (для учительскихъ семинарій, а также въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи I-я часть была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.* 1) Букварь для народныхъ, церковно-приходскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ и для домашняго обученія. Изд. 12-е. П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 48. Цѣна 15 коп.—2) Наша родина. Книга для чтенія въ старшемъ отдѣленіи городскихъ и сельскихъ одноклассныхъ народныхъ училищъ. Изд. 6-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1904. Стр. 151. Цѣна 40 коп." (съ тѣмъ, чтобы при новомъ изданіи обѣ книги были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.* Географія для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. Изд. 22-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1904. Стр. 144+1 карта. Цѣна 50 коп." (для городскихъ училищъ, а также въ ученическія библіотеки прочихъ низшихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ

изданіи книга была тщательно исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Ступель*, А. Собраніе ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ. Вып. I. На числа 1-й сотни и на простѣйшія дроби. Вильна. 1902. Стр. 64. Цѣна 15 коп.—Вып. II. На числа любой величины и на составныя именованныя числа. Элементарный курсъ дробей. Вильна. 1903. Стр. 78. Цѣна 20 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Утро. Составл. кружкомъ народныхъ учителей. Изд. А. А. Лапина. 1) Букварь. Изд. 2-е. Смоленскъ. 1904. Стр. 44. Цѣна 10 коп.—2) 1-я книга для чтенія послѣ букваря. Изд. 2-е, испр. и доп. Смоленскъ. 1904. Стр. 168+III. Цѣна 30 коп.—3) 2-я книга для чтенія въ начальной школѣ. Смоленскъ. 1903. Стр. 173—VII. Цѣна 45 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ всѣ неисправности въ отдѣлѣ правописанія и въ славянскомъ отдѣлѣ были устранены, а рисунки и бумага улучшены).

— „*Шохоръ-Троцкій, С.* 1) Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. I. (для одноклaсныхъ начальныхъ школъ). Изд. 11-е. С.-Пб. 1903. Стр. 116. Цѣна 20 коп.—2) То же. Вып. II, для учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики. Изд. 3-е, испр. и значит. доп. С.-Пб. 1904. Стр. XV+228. Ц. 50 коп.— 3) Ариѳметическій задачникъ для учениковъ приготовительныхъ классовъ. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+72. Цѣна 20 коп."

— „*Шохоръ-Троцкій*. Таблица для классныхъ упражненій въ изустныхъ вычисленіяхъ. Изд. 3-е, испр. и доп. С.-Пб. 1904. Цѣна 10 коп." (для начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы находящееся при таблицѣ „Наставленіе" было удалено).

— „*Шрейберъ*. Основныя понятія географіи. Книжный магазинъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ. (Картина). Цѣна 1 р. 50 коп." (въ качествѣ классного пособія при преподаваніи географіи, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „*Павловъ, Н.* Методическія замѣтки о рѣшеніи сложныхъ задачъ начальной ариѳметики. (Число любой величины). Изд. 2-е. Казань. 1903. Стр. IV+60. Цѣна 25 коп."

— „*Тихомировы, Е., А.* и *Д.* Азбука правописанія. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Часть 2-я. Изд. 14-е, Д. И. Тихомирова. М. 1905. Стр. XIV+112. Цѣна 40 коп." съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была пересмотрѣна и приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Шохоръ-Троцкій, С. Н.* 1) Методика ариѳметики. Часть I. Для учителей одноклассныхъ начальныхъ школъ. Изд. 7-е, испр. и значит. доп. С.-Пб. 1903. Стр. XV+316+IV. Цѣна 1 р.—2) То же. Часть II. Для учителей учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики. С.-Пб. 1900. Стр. XII+480. Цѣна 2 р.—3) Ариѳметическій задачникъ для учителей. Вып. I. (для одноклассныхъ начальныхъ школъ). Изд. 7-е, испр. и доп. С.-Пб. 1903. Стр. XXIV+196. Цѣна 45 коп.—4) То же. Вып. II. (для учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики). Изд. 2-е, испр. и доп. С.-Пб. 1900. Стр,

XXIV+357. Цѣна 75 коп.—5) Методика ариѳметики для учителей приготовительныхъ классовъ. С.-Пб. 1903. Стр. VII+144. Цѣна 60 коп.—6) Ариѳметическій задачникъ для учителей приготовительныхъ классовъ. С.-Пб. 1903. XXIII+105. Цѣна 30 коп.“

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Мой другъ. Настольный календарь на 1905 годъ. М. 1904. Стр. II+217. Цѣна 50 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги были приняты во вниманіе всѣ замѣчанія ученаго комитета).

— „*Орловскій, Сергѣй.* Николай Васильевичъ Гоголь. Біографическій очеркъ. (Школьная библіотека) М. 1904. Стр. 79. Цѣна 20 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книжки было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Сборникъ отзывовъ о книгахъ для чтенія комиссіи безплатныхъ читаленъ-библіотекъ Московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости. Вып. I. М. 1904. Стр. 191. Цѣна 60 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ этой книги приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „Толковый указатель книгъ для чтенія. Вып. I. (Московское столичное попечительство о народной трезвости). М. 1904. Стр. 255+XXXIX. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ этой книги приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета по начальному образованію утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „*Соколовъ, Димитрій.* 1) Священная исторія ветхаго завѣта. Изд. 48-е. С.-Пб. 1904. Стр. 144+1 карта. Цѣна 30 коп.—2) Священная исторія новаго завѣта. Изд. 46-е. С.-Пб. 1903. Стр. 120+1 карта. Цѣна 30 коп.“—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебныхъ руководствъ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Нижеслѣдующія 11 сочиненій, разрѣшенныхъ уже къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ, допустить и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ: 1) „*Быстренинъ, В.* Сухарь. М. 1893. Цѣна 2 коп.“—2) „*Ермолова, Н.* Рабство и освобожденіе негровъ. (Историческія разсказы для народныхъ чтеній и школъ, подъ ред. *В. Герье*). М. 1900. Стр. 28. Цѣна 5 коп.“—3) „*Засодимскій, П.* Неразлучники. С.-Пб. 1884. Цѣна 35 коп.“—4) *Его же.* Рыжій графъ. С.-Пб. 1884. Цѣна 35 коп.“—5) „*Коваленская, А.* Дядя Власъ. Народные разсказы. 3-е изд. М. 1898. Цѣна 10 коп.“—6) „*Максимовъ, С.* Голодовка и зимовка на Новой Землѣ. Изд. С.-Пб. Комитета грамотности. С.-Пб. 1895. Цѣна 3 коп.“—7) „*Маминъ-Сибирякъ.* Постойко. М. 1903. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“—8) „*Сенкевичъ, Г.* Пойдемъ за Нимъ! Переводъ съ польскаго *В. Лаврова.* М. 1900. Стр. 48.“—9) „*Станюковичъ, К.* Васька. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 1901. Стр. 37. Цѣна 8 коп.“—10) *Его же.* Пропавшій матросъ. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 1901. Стр. 39. Цѣна 5 коп.“—11).

„*Толстой, Л.* Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Изд. Клюкина. М. 1901. Цѣна 3 коп.“

— Книжку: „*Бахметева, А. Н.* Какъ Русь освободилась изъ-подъ татарскаго ига въ 1480 году. Изд. 5-е, А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“— **не допускать** въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ виду непринятія издателемъ къ руководству замѣчаній ученаго комитета, сдѣланныхъ на предыдущее изданіе книги.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу *П. Федорова*: „Мукомольное производство. Съ 26 рис. С.-Пб. 1903. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *Н. Фадѣева*: „Дешевыя огнестойкія постройки. Саманныя стѣны. Вальковые и плетневые потолки. Глиносоломенныя крыши. Съ рисунками. С.-Пб. 1904 г. Цѣна 45 коп.“—одобрить для библіотекъ промышленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *Ф. Гиберландта*: „Общее сельско-хозяйственное растеніеводство. Въ 2-хъ томахъ Перев. съ нѣмецкаго *В. И. Ковалевскаго.* С.-Пб. Цѣна 5 руб.“—допустить въ библіотеки сельско-хозяйственно-техническихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *В. П. Орлова*: „Настольная книга для механиковъ и машинистовъ русскаго торговаго флота. Съ 510 рис. и чертежами въ текстѣ. Одесса 1903 г.“—допустить въ учительскія и ученическія библіотеки техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній, въ программу коихъ входитъ ознакомленіе съ паровой механикой.

— Книгу *Ѳ. Н. Стародубцева*: „Технологія металловъ. Руководство для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Съ атласомъ изъ таблицъ. С.-Пб. 1902 г.“—допустить въ ученическія библіотеки ремесленныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній, а равно въ качествѣ учебнаго пособія въ низшія ремесленныя школы.

— Книгу *А. Папенгутъ*: „Вентиляція жилыхъ помѣщеній какъ непремѣнное условіе сохраненія здоровья и жизни человѣка. Съ 9 рис. С.-Пб. 1904 г. Цѣна 40 коп.“—допустить въ библіотеки техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книги *П. Александрова*: 1) „Штукатурное дѣло. Практическое руководство по отдѣлкѣ зданій. Оштукатуриваніе по дереву, камню и др. Съ 20 рис. Изд. *М. П. Петрова.* С.-Пб. 1904 г. Цѣна 30 коп.“ и 2) „Камень, его добываніе и обработка. Съ 21 рис. Изд. *М. П. Петрова.* С.-Пб. 1904 г. Цѣна 20 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

СООБЩЕНІЯ.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія получены донесенія начальствъ учебныхъ округовъ о нижеслѣдующихъ пожертвованіяхъ по поводу событій на Дальнемъ Востокѣ учащими и учащимися учебныхъ заведеній.

1) Педагогическимъ персоналомъ Орловской гимназіи отчислено десять процентовъ съ добавочнаго содержанія за пять мѣсяцевъ перваго полугодія сего года, въ количествѣ 98 руб. 30 коп., въ пользу дѣтей-сиротъ воиновъ Орловской губерніи, павшихъ въ войнѣ съ Японіей.

2) Учащіе и учащіяся Смоленской 2-й женской гимназіи собрали по добровольной подпискѣ 500 руб. на содержаніе въ теченіе шести мѣсяцевъ кровати имени этой гимназіи въ отправляемомъ изъ Смоленска лазаретѣ россійскаго общества Краснаго Креста.

3) Учащіе и учащіеся въ Александровскомъ евангелическомъ городскомъ по положенію 1872 года, училищѣ, въ Москвѣ, пожертвовали въ пользу семействъ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ 32 руб. 50 коп.

4) Личный составъ дирекціи народныхъ училищъ Тверской губерніи постановилъ отчислять съ получаемаго имъ по службѣ содержанія на нужды россійскаго общества Краснаго Креста во все время войны: директоръ и инспекторы по два процента и дѣлопроизводитель одинъ процентъ. Кромѣ того, на нужды названнаго общества пожертвовали учащіеся Старицкаго городского училища 33 руб. 83 коп; затѣмъ въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ пожертвовано учащими и учащимися въ Осташковскомъ городскомъ и Таскаихскомъ начальномъ училищахъ 39 руб. 1 коп., вообще на военныя надобности пожертвовано учащими и учащимися въ Ржевскомъ Кашинскомъ, Новоторжскомъ и Осташковскомъ городскихъ училищахъ, Кашинскихъ Срѣтенскомъ и Спасскомъ, Сухонивскомъ и Кузнецовскомъ приходскихъ училищахъ 188 руб. 21 коп.; при этомъ педагогическій совѣтъ Корчевскаго городского училища постановилъ отчислять съ получаемаго имъ содержанія на тѣ же надобности одинъ процентъ.

5) Отъ процентныхъ отчисленій съ содержанія служащихъ въ управленіи Виленскаго учебнаго округа и въ учебныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ того же округа на нужды военнаго времени за іюль и августъ и, отчасти, за іюнь мѣсяцы составилась сумма въ 3.416 руб. 74 коп.

6) Учащіеся въ городскихъ, приходскихъ, частныхъ и, главнымъ образомъ, въ народныхъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа пожертвовали на нужды войны 868 руб. 61 коп.

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія о вышеизложенномъ, Государь Императоръ, 25-го минувшаго сентября, Высочайше повелѣть соизволилъ выразить искреннюю Его Величества благодарность за пожертвованія.

Совмѣстное обученіе въ англійской средней школѣ.

(*Окончаніе.*)

IV.

Совмѣстное обученіе въ школѣ для приходящихъ.

Изъ статей, вошедшихъ въ книгу г-жи Удсъ и посвященныхъ описанію совмѣстныхъ школъ для приходящихъ, обращаетъ на себя вниманіе своей обстоятельностью и общимъ здравымъ, дѣловымъ тономъ статьи Ч. Райса (Rice), состоящаго директоромъ школы въ городѣ Гэмпстидѣ (Hampstead), находящемся вблизи Лондона.

Райсъ опытный педагогъ и очень образованный человѣкъ *); онъ имѣетъ два диплома отъ Кэмбриджскаго университета — одинъ по классическимъ языкамъ и другой по естественнымъ наукамъ. Окончивъ свое образованіе въ 1887 г., Райсъ съ тѣхъ поръ непрерывно занимается педагогической дѣятельностью, при чемъ въ теченіе пяти лѣтъ онъ служилъ въ вышеупомянутой Бедэльской школѣ. Съ 1898 г. Райсъ состоитъ директоромъ школы въ Гэмпстидѣ **).

Школа находится на окраинѣ Гэмпстида на самомъ высокомъ и красивомъ изъ холмовъ, на которыхъ построенъ этотъ городъ, отличающійся вообще своимъ живописнымъ положеніемъ и составляющій одно изъ любимыхъ мѣстъ, куда жители Лондона устраиваютъ экскурсіи по праздничнымъ днямъ.

Таковы свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать относительно школы въ Гэмпстидѣ и ея директора. Теперь ознакомимся со статьей Райса, которая носитъ названіе: „Практическое разрѣшеніе вопроса о совмѣстномъ обученіи въ одной школѣ для приходящихъ“. Какъ и въ другихъ случаяхъ, мы позволимъ себѣ привести лишь наиболѣе существенныя части статьи Райса, который, кстати

*) Нѣкоторыя изъ его работъ помѣщены въ трудахъ лондонскаго химическаго общества.

**) См. The Schoolmaster' Yearbook and Directory for 1903. A reference book of secondary education. London 1903. Swan Sonnenshein

сказать, руководилъ школой въ Гэмпстидѣ при постоянномъ содѣйствіи своей жены, получившей хорошее общее и спеціально-педагогическое образованіе. Примѣры такого сотрудничества въ Англіи не рѣдки, въ веденіи же школы для совмѣстнаго обученія такая помощь жены не только въ высшей степени цѣнна, но и прямо-таки не замѣнима.

„Мы открыли (такъ начинается послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній статья Райса) свою школу въ маѣ 1898 г., имѣя шесть учащихся — двухъ дѣвочекъ и 4 мальчиковъ, при чемъ все это были дѣти 8—9 лѣтъ. Домъ былъ нанятъ группой родителей и другихъ лицъ, живо интересующихся вопросомъ о совмѣстномъ обученіи; тѣ же лица дали заимообразно небольшой капиталъ на первоначальные расходы. Такимъ образомъ, школа возникла, опираясь на довѣріе и симпатію представителей мѣстныхъ обществъ, чѣмъ въ значительной степени объясняется успѣхъ всего дѣла“.

„Какъ можно думать, школа не блистала ни внѣшней обстановкой, ни богатствомъ учебно-вспомогательныхъ средствъ. Былъ просто нанятъ хорошій жилой домъ въ Гэмпстидѣ, при чемъ часть его была предоставлена мнѣ подъ квартиру, что продолжалось два года, пока мое помѣщеніе не понадобилось для школы. Учебныя пособія и школьную мебель мы имѣли сначала въ минимальномъ количествѣ. Я считаю долгомъ упомянуть обо всемъ этомъ, чтобы показать, что наша школа не могла прельщать родителей чѣмъ-нибудь такимъ, что могло бы побудить ихъ рискнуть на совмѣстное обученіе ихъ дѣтей, не питая сочувствія къ самому принципу нашего опыта. Да и плата была съ самаго начала назначена довольно высокая: шестьдесятъ три рубля (6 гиней) за полугодіе съ дѣтей до 10 лѣтъ и 84 рубля за дѣтей старше 10 лѣтъ. Были и другія стороны въ организаціи нашей школы, которыя не могли соблазнять родителей, а именно:

1) Мы не задавались цѣлью готовить дѣтей—по крайней мѣрѣ дѣтей моложе 14 лѣтъ—къ какимъ-либо публичнымъ испытаніямъ *).

2) Дѣтямъ моложе 14 лѣтъ мы не назначали никакихъ домашнихъ уроковъ.

3) Число часовъ классныхъ занятій было у насъ опредѣлено значительно меньше общепринятаго въ Англіи“ **).

*) Въ Англіи производится много такихъ испытаній. На основаніи этихъ испытаній присуждаются весьма многочисленныя стипендіи для продолженія образованія въ учебныхъ заведеніяхъ разнаго рода. См. наши труды о начальной и средней англійской школѣ.

**) Которое, кстати сказать, значительно меньше того, какое назначено по программамъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. См. предшествующее примѣчаніе.

„Во второе полугодіе число учащихся въ нашей школѣ увеличилось до 23 (13 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ) въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ. Затѣмъ съ каждымъ полугодіемъ число учащихся непрерывно росло, достигнувъ къ концу 1901 гражданскаго года, когда я передалъ школу другимъ лицамъ, 51 учащагося (19 мальчиковъ и 31 дѣвочка) въ возрастѣ отъ 8 до 17 лѣтъ. Въ настоящее время старшему мальчику въ школѣ 12 лѣтъ, такъ что 12 болѣе взрослыхъ учащихся—дѣвочки. Изъ этого видно, что, хотя мы открыли школу при преобладаніи мальчиковъ, черезъ три года дѣвочки составляли уже большинство, особенно среди дѣтей старшаго возраста. Ниже мнѣ придется сказать нѣсколько словъ по поводу этой перемѣны, которая происходила медленно и непрерывно. Я укажу на причины этого явленія и на его слѣдствія“.

„Я ограничусь всего нѣсколькими словами по поводу перваго полугодія, когда число учащихся было незначительно. Мы находили преимуществомъ то обстоятельство, что у нашихъ дѣвочекъ былъ такой костюмъ, который позволялъ имъ раздѣлять всѣ занятія и игры дѣтей (не исключая лазанья на деревья) безъ стѣсненія. Моя жена придумала нѣчто вродѣ гимнастическаго костюма, состоящаго изъ блузы и шароваръ того же цвѣта и матеріала. Это обезпечило дѣвочкамъ полную свободу движенія. Костюмъ оказался красивымъ и совершенно приличнымъ, не привлекая въ то же время вниманія какъ бы ни были свободны движенія дѣвочки. Впрочемъ, одѣвать такой костюмъ не было обязательно, фактически однако всѣ родители охотно сдѣлали его для своихъ дочерей“.

„Во второе полугодіе, когда къ намъ поступили дѣвочки и мальчики постарше, мы постоянно убѣждались, какое преимущество составлялъ для нашей школы выборъ подходящаго костюма для дѣвочекъ.“

„Мы чувствовали однако, что необходимъ бдительный надзоръ за дѣтьми какъ во время классовъ, такъ и въ особенности во внѣклассное время.“

„Но мы въ то же время изъ принципа относились къ дѣтямъ довѣрчиво. Принципъ, котораго я держался, и который, по моему мнѣнію, долженъ быть въ основѣ всякой совмѣстной школы, можно формулировать такъ: никакихъ различій между дѣвочками и мальчиками ни въ школьныхъ правилахъ, ни въ обращеніи въ классное и во внѣклассное время“...

„Когда я думаю о первомъ времени нашего опыта совмѣстнаго обученія“, говоритъ нѣсколько далѣе Райсъ, „я вспоминаю, что наше безпокойство происходило не отъ собственныхъ сомнѣній или колебаній, а скорѣе всего отъ сознанія, что въ Англіи какъ среди ро-

дителей, такъ и среди всего общества преобладаетъ вообще подозрительное отношеніе къ совмѣстному обученію. Вслѣдствіе этого мы употребили всѣ свои старанія къ тому, чтобы въ случаѣ малѣйшихъ нежелательныхъ явленій въ отношеніяхъ между мальчиками и дѣвочками намъ это тотчасъ становилось извѣстно. Въ то же время мы стремились къ тому, чтобы ничто въ дневномъ распорядкѣ нашей школы не напоминало дѣтямъ, что они, во-первыхъ, мальчики и дѣвочки, а затѣмъ уже учащіеся школы; мы хотѣли напротивъ, чтобы въ школѣ всѣ дѣти чувствовали себя товарищами, т. е. равноправными и одинаковыми членами нѣкотораго цѣлаго. Дѣти только снимали верхнее платье въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, все же остальное было у нихъ общее (Beyond the separate cloak-room accomodation we made no distinction or separation)".

„Въ теченіе перваго же года у насъ образовалось слѣдующее твердое убѣжденіе, еще болѣе укрѣпленное всѣмъ нашимъ послѣдующимъ опытомъ: *при системѣ совмѣстнаго обученія вовсе не наблюдаются тѣ дурныя послѣдствія, которыхъ обыкновенно отъ нея ожидаютъ*" *).

„Мы увидѣли, что мальчики и дѣвочки относились къ присутствію другъ друга совершенно просто и естественно, уподобясь, если намъ будетъ позволено такое сравненіе, уткамъ, идущимъ охотно въ воду. *Дѣти* ничѣмъ не показывали, что та обстановка, въ которой они оказались въ школѣ, чѣмъ-нибудь ихъ стѣсняла. Мальчики и дѣвочки занимались бокъ о бокъ (side by side) въ классныхъ комнатахъ, въ мастерской, въ гимнастическомъ залѣ; они сходились на лугу, играли вмѣстѣ во время классныхъ перемѣнъ безъ всякаго ограниченія и безъ всякаго вреда".

„Мы со своей стороны все болѣе и болѣе радовались, видя, что ужасы, которые рисуетъ воображеніе, работающее безъ корректива дѣйствительныхъ наблюденій, обращаются въ прахъ, когда имѣешь передъ глазами самихъ дѣтей. Когда же сверхъ того мы увидали на дѣтскихъ лицахъ счастіе, мы не могли не приписать значительной части этого счастія взаимному вліянію мальчиковъ и дѣвочекъ".

„Въ первое время наибольшій интересъ и пользу представляли наблюденія надъ дѣтьми въ ихъ свободное время. Поэтому я теперь же изложу, какъ это время проводилось дѣтьми; затѣмъ перейду къ описанію школьныхъ игръ и, наконецъ, укажу на классныя занятія и на умственное взаимодѣйствіе мальчиковъ и дѣвочекъ".

„Во время перемѣнъ между уроками дѣти должны были находиться на воздухѣ: въ крайней важности этого требованія мы убѣдились еще въ теченіе своей службы въ Бедэльской школѣ. Безъ

*) Курсивъ подлинника.

особаго разрѣшенія ни одинъ учащійся не могъ оставаться въ школѣ между уроками. Обычныя игры дѣтей это пятнашки, чехарда и нѣкоторыя другія; лѣтомъ во время болѣе значительныхъ промежутковъ дѣти охотно играютъ въ крокетъ"...

„Около школы растетъ нѣсколько деревьевъ, и лазанье на деревья составляло любимое удовольствіе какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ; нижнія вѣтви тѣхъ же деревьевъ служили дѣтямъ для гимнастическихъ упражненій. Я помню, что одна дама, посѣтившая школу, была нѣсколько шокирована, увидѣвъ дѣвочекъ, лазившихъ на деревья, и удивилась, что мы это имъ позволяемъ. Между тѣмъ мы за этимъ упражненіемъ особенно внимательно наблюдали, но въ то же время относились къ этому дѣтскому занятію, какъ къ вещи самой обыкновенной, не дѣлая дѣвочкамъ никакихъ замѣчаній по этому поводу. Мы убѣдились, что и дѣти относятся къ дѣлу такимъ же образомъ: мы никогда не слыхали, чтобы кто либо изъ дѣтей позволилъ себѣ какое нибудь неумѣстное замѣчаніе, и не имѣли никакихъ основаній подозрѣвать, чтобы это вело къ чему нибудь дурному. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣждены, что, если бы мы вмѣшались и наложили на дѣвочекъ какія либо стѣсненія, мы этимъ создали бы то самое чувство, котораго мы желали не допускать"...

„Учителя большей частью, но не всегда, раздѣляли занятія дѣтей въ свободное время, такъ какъ нашей постоянной цѣлью было поддерживать свободныя и открытыя отношенія съ дѣтьми, такъ, чтобы они не чувствовали никакого стѣсненія отъ нашего присутствія. Сначала дѣвочки проявляли въ свободное время меньше живости, чѣмъ мальчики, и на лужайкѣ для игръ держались нѣсколько особнякомъ отъ мальчиковъ. Видя, какъ мы охотно присоединяемся къ играмъ мальчиковъ, дѣвочки стали проявлять такую же живость въ играхъ, какъ и мальчики; послѣдніе съ другой стороны научились при всей живости воздерживаться отъ всякой излишней грубости и рѣзкости".

„Въ свободное время дѣти могли дѣлать, что хотѣли, но мы не поощряли празднаго и унылаго хожденія безъ присоединенія къ какой либо группѣ играющихъ. Въ пасмурные дни мы помогали какимъ нибудь указаніемъ тѣмъ дѣтямъ, которыя повидимому не знали, что съ собою дѣлать. Въ такихъ случаяхъ большую пользу оказывали наши мастерскія, гдѣ дѣти охотно работали. Надо сказать, что ученики наши издавали рукописный журналъ, что представляло хорошій рессурсъ въ тѣ дни, когда дурная погода не позволяла выходить на улицу"...

„Изъ предшествующихъ словъ читатель можетъ, пожалуй, заключить, что мы въ своемъ опытѣ не встрѣтили никакихъ затруд-

ній и что намъ надзоръ былъ такъ мало нуженъ, что по истеченіи нѣкотораго времени мы оказались въ состояніи и вовсе его прекратить. Нѣтъ, дѣло было далеко не такъ: ошибки въ поведеніи и манерахъ постоянно случались; впрочемъ, мы сами ожидали, что такія ошибки будутъ, какъ вещь неизбѣжная. Никто не родится „истиннымъ джентльменомъ“: его надо сдѣлать таковымъ; да и вообще никто не можетъ выучиться чему либо цѣнному, если не имѣетъ возможности дѣлать ошибокъ и видѣть, какъ поступаютъ другіе, не дѣлающіе подобныхъ ошибокъ. Чѣмъ больше въ мальчикѣ живости, тѣмъ легче въ немъ проявляется вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкость, грубость, невниманіе къ другимъ. Дѣвочки же болѣе импульсивны: имъ надо учиться, какъ слѣдуетъ мириться съ неудачами, не теряя самообладанія или чувства собственнаго достоинства. Онѣ болѣе склонны разбиваться на кружки съ общими „секретами“; кромѣ того, если онѣ не привыкли находиться въ обществѣ мальчиковъ, онѣ становятся неискренними въ своихъ манерахъ и словахъ въ ихъ присутствіи“.

„Когда дѣвочки и мальчики отдѣльно, они проявляютъ стремленіе подражать дурнымъ сторонамъ, свойственнымъ каждому полу въ отдѣльности. Поэтому мы слѣдили за всѣми уклоненіями отъ добропорядочнаго поведенія и манеръ и пользовались всякими такими случаями, чтобы объяснить дѣтямъ, какъ слѣдуетъ вести себя. Это не значитъ конечно, что мы постоянно читали нотаціи отдѣльнымъ ученикамъ или цѣлымъ группамъ. Нѣтъ, мы совершенно спокойно, не сразу, а впослѣдствіи при случаѣ напоминали въ дружеской бесѣдѣ мальчику или дѣвочкѣ о томъ или иномъ изъ ихъ поступковъ или словъ, не столько даже для того, чтобы выразить за это порицаніе, сколько для того, чтобы объяснить, какъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ слѣдовало поступить или выразиться“ ..

„Итакъ, ошибки въ поведеніи и манерахъ постоянно случались; но развѣ одинъ какой либо проступокъ имѣлъ связь со взаимными отношеніями мальчиковъ и дѣвочекъ. Съ теченіемъ времени, когда въ нашей школѣ установился извѣстный „тонъ“, эти ошибки стали уже рѣже, хотя поддержаніе и улучшеніе этого тона требовало постояннаго и серьезнаго вниманія и руководства со стороны учителей“..

Райсъ разсказываетъ далѣе довольно подробно объ играхъ дѣтей, объ успѣхахъ въ этомъ отношеніи дѣвочекъ, которыя въ первое время значительно уступали мальчикамъ. Онъ переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ классныхъ занятій, указываетъ на прекрасное взаимное вліяніе мальчиковъ и дѣвочекъ во время классной работы. Между прочимъ, онъ сообщаетъ, что присутствіе въ классѣ мальчиковъ повышаетъ успѣшность дѣвочекъ по математикѣ, а при-

мѣръ дѣвочекъ содѣйствуетъ большей опрятности и аккуратности письменныхъ работъ, исполняемыхъ мальчиками. Нѣкоторыя благотворныя вліянія отъ присутствія въ классѣ мальчиковъ и дѣвочекъ Райсъ указываетъ и въ отношеніи занятій литературой, новыми языками и пѣніемъ, при чемъ въ подтвержденіе своихъ наблюденій. Райсъ приводитъ мнѣніе педагогическаго персонала школы. Замѣтимъ кстати, что въ школѣ Райса не ставятъ отмѣтокъ ни за отдѣльные уроки, ни за полугодія: въ концѣ учебнаго года родителямъ просто сообщается, что ихъ сынъ или дочь „перешли“, „перешли очень хорошо“ или „не перешли“ въ слѣдующій классъ.

Надо сказать, что Райсъ вообще противъ того, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ возбуждать между дѣтьми соревнованіе; особенно неумѣстнымъ онъ находитъ возбуждать соревнованіе между женской и мужской половиной класса, если въ школѣ учатся совмѣстно дѣти обоего пола.

Изъ заключительныхъ замѣчаній Райса обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе факты и соображенія:

„Мнѣ уже не разъ приходилось упоминать вскользь о дружескихъ отношеніяхъ, существующихъ между мальчиками и дѣвочками. Многимъ изъ моихъ читателей будетъ интересно узнать, были ли у насъ случаи тѣсной дружбы между мальчиками и дѣвочками (close personal friendship bewteen a boy und some particular girl). Такихъ случаевъ было немного, но я все-таки припоминаю два или три, при чемъ это было среди дѣтей постарше. Я съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за случаями развитія такой дружбы; но мнѣ никогда не приходилось дѣлать по этому поводу какихъ-либо замѣчаній, такъ какъ я не видѣлъ, чтобы изъ этого выходило что-нибудь дурное для мальчика или дѣвочки. Равнымъ образомъ я не слышалъ никакихъ жалобъ по этому поводу со стороны заинтересованныхъ родителей. Наоборотъ, я помню, какъ одна мать высказывала мнѣ свое удовольствіе по поводу такого рода дружбы одного изъ ея дѣтей, учившихся въ школѣ, и я соглашался съ ней, что изъ этого не могло выйти ничего, кромѣ хорошаго“.

„Мнѣ приходилось слышать, какъ нѣкоторыя лица, не знакомыя практически съ вопросомъ о совмѣстномъ обученіи, высказывали предположеніе, что въ совмѣстныхъ школахъ мальчики должны терять въ отношеніи мужественности (manliness). На самомъ дѣлѣ замѣчается какъ разъ обратное: мальчики становятся скорѣе еще болѣе мужественными, такъ какъ дѣвочки очень цѣнятъ и уважаютъ въ нихъ это качество. Надо сказать при этомъ, что подъ мужественностью я разумѣю отнюдь не драчливость или грубость, а смѣлость физическую и нравственную, правдивость, прямоту, презрѣніе ко

всему подлому и низкому. Сюда же я включаю и презрѣніе ко всякой грязи въ мысляхъ, словахъ или дѣлахъ. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ по открытіи школы я съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ, не проявится ли у насъ въ школѣ какихъ-либо грѣховъ въ этомъ отношеніи, да и впослѣдствіи я не переставалъ наблюдать за тѣмъ же самымъ. Я считаю долгомъ высказать здѣсь образовавшееся у меня твердое убѣжденіе, что гадкія мысли съ трудомъ приходятъ въ голову мальчикамъ, воспитывающимся при совершенно свободномъ общеніи съ дѣвочками. Въ совмѣстныхъ школахъ половыя инстинкты мальчика развиваются при нормальныхъ условіяхъ, а не при условіяхъ противоестественныхъ *), какъ это можно сказать про обыкновенныя школы. Опытъ убѣдилъ меня, что именно противоестественное раздѣленіе мальчиковъ и дѣвочекъ направляетъ ихъ вниманіе на половую сферу и сосредоточиваетъ ихъ мысли на совсѣмъ нежелательныхъ вопросахъ, что влечетъ часто ко всѣмъ хорошо извѣстнымъ другимъ послѣдствіямъ".

„Другое мнѣніе, которое высказывается нерѣдко лицами, незнакомыми практически съ вопросомъ о совмѣстномъ обученіи, заключается въ опасеніи, что въ совмѣстныхъ школахъ дѣвочки утратятъ женственность и пріобрѣтутъ грубость мальчиковъ. Опытъ показываетъ также прямо противное: мы никогда и ни отъ кого изъ родителей не слышали какихъ-либо намековъ на что-либо подобное. Напротивъ, многія матери высказывали школѣ благодарность за то, что ихъ дочери послѣ посѣщенія школы стали нѣжнѣе и внимательнѣе. Я убѣжденъ, что дѣвочки чувствуютъ, что онѣ лишились бы уваженія мальчиковъ, если бы позволили себѣ проявлять какую-либо грубость или рѣзкость манеръ".

„Итакъ, въ общемъ нашъ опытъ можно формулировать такимъ образомъ: каждый полъ проявляетъ лучшія и наиболѣе типичныя свои стороны въ присутствіи другого".

На заключительныхъ страницахъ своей статьи Райсъ говоритъ о томъ, насколько свободныя игры на воздухѣ оказались полезными для здоровья и физическаго развитія дѣвочекъ, что вполнѣ понятно, если принять во вниманіе исключительно благопріятныя условія жизни дѣтей въ школѣ Райса.

Одна только сторона этой школы оказалась мѣшающей полному ея успѣху, а именно образовавшееся съ теченіемъ времени значительное преобладаніе въ школѣ дѣвочекъ и притомъ дѣвочекъ старшаго возраста. Это дѣлало нѣсколько одностороннимъ опытъ со-

---

*) The sexual instincts of the boy are kept in healthy channels instead of getting into perverted channels.

вмѣстнаго обученія, вслѣдствіе чего обнаружились нѣкоторыя нежелательныя явленія. „Стало замѣчаться стремленіе (дѣвочекъ) образовывать особые кружки (cliques), что потребовало вниманія учителей и учительницъ, которыя сдерживали это стремленіе. Вообще сталъ замѣчаться нѣкоторый упадокъ прямоты и естественности, поддержанію которыхъ содѣйствуетъ всегда вліяніе мальчиковъ. Такимъ образомъ, педагогическому составу школы пришлось заботиться о поддержаніи такихъ сторонъ школы, которыя явились бы сами собой при болѣе нормальномъ распредѣленіи учащихся въ отношеніи пола. Дѣвочки постарше стали обращать больше вниманія, чѣмъ слѣдуетъ, на мальчиковъ моложе ихъ по лѣтамъ. Извѣстно, что съ такимъ явленіемъ приходится бороться и въ школахъ для мальчиковъ, гдѣ воспитываются вмѣстѣ мальчики очень различныхъ возрастовъ. Конечно, дѣло не облегчается, когда присоединяется еще фактъ разницы въ полѣ“.

Все это убѣдило Райса въ важности для совмѣстной школы имѣть приблизительно одинаковое число мальчиковъ и дѣвочекъ. Со второй половины 1901 г. Райсъ перешелъ въ другую школу, находящуюся также въ Гэмпстидѣ. Въ ней также примѣняется принципъ совмѣстнаго обученія, но здѣсь уже Райсъ положилъ за правило держать приблизительно одинаковымъ число мальчиковъ и дѣвочекъ, чтобы такимъ образомъ дѣло совмѣстнаго образованія и воспитанія дѣтей проходило въ возможно болѣе нормальныхъ и, какъ показалъ опытъ, наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ.

V.

Совмѣстное обученіе въ средней школѣ по наблюденіямъ компетентнаго сторонняго лица.

Въ книгѣ, изданной г-жей Удсъ, есть еще двѣ статьи *), въ которыхъ описываются опыты совмѣстнаго обученія въ двухъ школахъ для приходящихъ. Одна изъ этихъ школъ находится въ Дербиширскомъ, другая въ сосѣднемъ Стаффордширскомъ графствѣ, т. е. въ сущности въ самомъ центрѣ Англіи и въ чисто земледѣльческихъ областяхъ, населеніе которыхъ, какъ извѣстно, никогда не отличается особымъ стремленіемъ къ новшествамъ. Какъ видно изъ данныхъ, которыя мы находимъ въ этихъ статьяхъ, написанныхъ, кстати сказать, директоромъ школъ, обѣ онѣ находятся въ небольшихъ городахъ (Leek и Bakewell), при чемъ самый опытъ введенія

*) „The personal element in joint schools“ by Ch. S. Mansford и „An experiment in coeducation“ by T. Warrington.

совмѣстнаго обученія былъ начатъ въ значительной степени подъ вліяніемъ необходимости: для двухъ хорошихъ школъ, изъ которыхъ каждая была бы предназначена для дѣтей одного пола, не находилось достаточно учащихся, а при допущеніи въ школу дѣтей обоего пола, кандидатовъ для поступленія было совершенно довольно, и являлась возможность поставить учебное дѣло въ школѣ на должную высоту.

Въ одной изъ этихъ школъ совмѣстное обученіе практикуется болѣе 6 лѣтъ, въ другой—годъ съ небольшимъ; начальниками обѣихъ школъ состоятъ мужчины, педагогическій же персоналъ смѣшанный, т. е. состоитъ какъ изъ мужчинъ, такъ и изъ женщинъ. Впрочемъ, тотъ же фактъ слѣдуетъ отмѣтить и относительно всѣхъ остальныхъ школъ, гдѣ примѣняется совмѣстное обученіе, при чемъ сторонники совмѣстнаго обученія придаютъ смѣшанному составу учащихъ большое принципіальное и практическое значеніе, говоря, что это дѣйствуетъ на дѣтей, какъ примѣръ дружной совмѣстной работы мужчинъ и женщинъ.

Опытъ обѣихъ школъ въ общемъ оказался очень удачнымъ. Мы не находимъ однако нужнымъ приводить цитаты изъ статей англійскихъ педагоговъ, такъ какъ мнѣнія ихъ о вліяніи совмѣстнаго образованія на дисциплину, успѣхи въ учебныхъ занятіяхъ, манеры и поведеніе мальчиковъ и дѣвочекъ и т. д. въ общемъ совершенно совпадаютъ съ тѣми мнѣніями, которыя были приведены нами ранѣе и которыя имѣютъ въ основѣ опытъ Бедэльской и другихъ названныхъ выше школъ.

Мы считаемъ болѣе полезнымъ познакомить нашихъ читателей съ мнѣніемъ лица, наблюдавшаго совмѣстное обученіе со стороны, въ качествѣ посторонняго наблюдателя, тѣмъ болѣе, что этимъ наблюдателемъ былъ проф. Оксфордскаго университета Артуръ Сиджуикъ (Sigwick)—весьма извѣстный въ Англіи педагогъ, авторъ многихъ книгъ и статей по школьнымъ вопросамъ, издатель и комментаторъ многихъ классическихъ текстовъ. Хотя Артуръ Сиджуикъ состоитъ нынѣ профессоромъ Оксфордскаго университета, онъ хорошо знакомъ и со средней школой, такъ какъ около 14 лѣтъ былъ преподавателемъ Rugby school—одной изъ знаменитыхъ англійскихъ общественныхъ школъ *).

Въ объясненіе нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ словъ проф. Сиджуика мы считаемъ необходимымъ сказать, что въ Англіи до самаго недавняго времени правительство почти вовсе не вмѣшивалось въ область средняго образованія, которое было поэтому предоставлено почти исключительно частной иниціативѣ. Желая найти какое-ни-

*) См. одно изъ прежнихъ нашихъ примѣчаній.

будь постороннее и авторитетное учрежденіе, которое могло бы удостовѣрить успѣхи учащихся, среднія школы весьма естественно обратились съ этой цѣлью въ университетъ—Оксфордскій и Кэмбриджскій, которые взяли на себя организацію такъ наз. „мѣстныхъ экзаменовъ". Экзамены производятся особыми коммиссіями, которыя ежегодно печатаютъ свои отчеты, помѣщая въ приложеніи фамиліи выдержавшихъ экзамены съ указаніемъ на школы, гдѣ они учились. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе можетъ слѣдить за состояніемъ школъ, посылающихъ учащихся (мальчиковъ или дѣвочекъ) на „мѣстные экзамены" *).

Такъ какъ однако по знаніямъ учениковъ, являющихся на мѣстные экзамены, нельзя еще съ полной основательностью судить объ общемъ ходѣ учебнаго дѣла въ тѣхъ или другихъ школахъ, то университеты, по желанію начальства школъ, высылаютъ своихъ профессоровъ въ качествѣ инспекторовъ. Они знакомятся съ общимъ состояніемъ школы, главнымъ образомъ, въ отношеніи постановки преподаванія и хода учебнаго дѣла вообще и даютъ соотвѣтственное заключеніе. Не находя возможнымъ входить въ дальнѣйшія подробности весьма оригинальной организаціи средняго образованія въ Англіи, скажемъ лишь, что просто Сиджуикъ, какъ человѣкъ, соединяющій обширныя и разнообразныя знанія съ продолжительнымъ педагогическимъ опытомъ въ средней школѣ, весьма часто является такимъ инспекторомъ или ревизоромъ среднихъ учебныхъ заведеній, среди которыхъ, какъ оказывается, были и школы для совмѣстнаго обученія.

Теперь перейдемъ къ содержанію статьи проф. Сиджуика, которая называется: „Вопросъ о совмѣстномъ обученіи въ средней школѣ съ точки зрѣнія (посторонняго) экзаменатора" **).

„Въ послѣдующихъ строкахъ", говоритъ проф. Сиджуикъ, „я не имѣю притязанія выступать въ качествѣ эксперта по вопросу о совмѣстномъ обученіи: только тѣ могутъ говорить съ увѣренностью по этому вопросу, кто самъ ежедневно наблюдаетъ примѣненіе принципа совмѣстнаго образованія на практикѣ. Но даже и эти люди, вѣроятно, согласятся съ тѣмъ, что опытъ совмѣстныхъ школъ не былъ произведенъ при достаточномъ разнообразіи мѣстныхъ и иныхъ условій и въ достаточно широкихъ размѣрахъ, чтобы можно было высказываться по поводу ихъ съ полной убѣжденностью. Правда, въ Америкѣ, въ Шотландіи и въ княжествѣ Валлійскомъ (Wales—юго-западная часть Англіи) совмѣстное обученіе дѣло довольно обыкно-

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія по всѣмъ этимъ вопросамъ можно найти въ нашей книгѣ „Очерки развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи".

**) Mixed secondary schools from the point of an examiner.

венное, но въ собственной Англіи такого рода обученіе широко практикуется только въ начальныхъ школахъ, въ среднихъ же учебныхъ заведеніяхъ—это пока дѣло совершенно новое (a recent innovation). Остановившись далѣе на той мысли, что опытъ, произведенный въ одной странѣ и при однихъ условіяхъ, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для другой страны и другихъ условій, проф. Сиджуикъ переходитъ прямо къ изложенію тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ изъ наблюденій надъ школами, гдѣ практикуется совмѣстное обученіе".

„Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ", говоритъ Сиджуикъ, „мнѣ случилось побывать въ четырехъ совмѣстныхъ школахъ, находящихся въ различныхъ частяхъ Англіи: въ трехъ школахъ я былъ въ качествѣ экзаменатора или ревизора (inspector or examiner) и въ одной въ качествѣ простого посѣтителя (a visitor). Всѣ эти школы произвели на меня хорошее впечатлѣніе, хотя, конечно, однѣ были хуже, другія лучше. Во всѣхъ школахъ я слышалъ хорошіе уроки, видѣлъ обдуманное и умѣлое распредѣленіе занятій и игръ, порядокъ, дисциплину, хорошіе успѣхи учащихся и общій хорошій тонъ. Во многихъ отношеніяхъ посѣщенныя мной школы сильно разнятся между собой: въ однѣхъ особенно хорошо ученье, въ другихъ удивляетъ прекрасная организація „совмѣстныхъ" игръ и т. д"...

„Въ отношеніи вліянія совмѣстныхъ занятій на ученье мнѣ трудно высказываться очень рѣшительно въ виду ограниченности моихъ наблюденій. Въ общемъ я склоненъ думать, что совмѣстное обученіе не влечетъ за собой какихъ-либо особыхъ, бросающихся въ глаза результатовъ, кромѣ, впрочемъ, очевиднаго благотворнаго вліянія на классную дисциплину, о чемъ рѣчь будетъ ниже. На тѣхъ урокахъ, на которыхъ я присутствовалъ, я видѣлъ, что мальчики и дѣвочки ведутъ себя весьма просто и естественно; тотъ фактъ, что на урокѣ сидятъ одновременно мальчики и дѣвочки, повидимому, не оказывалъ никакого вліянія на классныя занятія. Въ одномъ классѣ лучшей ученицей оказывалась дѣвочка, въ другомъ мальчикъ; въ общемъ же мальчики и дѣвочки, повидимому, учатся почти одинаково. Иногда мнѣ казалось, что я замѣчаю нѣкоторое соревнованіе между мальчиками и дѣвочками, но это было соревнованіе здороваго характера: я не видѣлъ ни малѣйшихъ признаковъ того, чтобы превзойденный чувствовалъ досаду на того, кто его превзошелъ".

„Всѣ учителя и учительницы увѣряли меня, что присутствіе въ классѣ дѣтей обоего пола нисколько не затрудняетъ ученья и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ порядку, такъ какъ для каждаго пола является нѣкоторымъ образомъ новая узда: ни мальчики, ни дѣвочки не желаютъ вести себя дурно въ присутствіи другъ друга... Могу приба-

вить со своей стороны, что я лично не видѣлъ абсолютно ничего такого, что могло бы заставить меня усомниться въ справедливости приведеннаго мнѣнія педагогическаго персонала".

Впрочемъ, проф. Сиджуикъ, какъ это легко можно понять, считаетъ необходимымъ условіемъ успѣшности принципа совмѣстнаго обученія приблизительно одинаковый возрастный составъ дѣтей обоего пола. Въ такой школѣ, гдѣ ученики не старше 12—13 лѣтъ, а между ученицами есть барышни 16—17 лѣтъ, въ такой школѣ возможны нѣкоторыя нежелательныя явленія, но, какъ справедливо говоритъ Сиджуикъ, возможность этихъ явленій слѣдуетъ приписать не принципу совмѣстнаго обученія, а неполному его примѣненію. Далѣе, проф. Сиджуикъ говоритъ, что въ отношеніи игръ школы отличаются одна отъ другой довольно значительно.

Въ однѣхъ мальчики и дѣвочки играютъ отдѣльно, въ другихъ играютъ совмѣстно только въ нѣкоторыя игры, наконецъ, въ третьихъ принципъ совмѣстнаго воспитанія распространяется полностью и на игры, за которыми можно видѣть играющихъ въ перемежку мальчиковъ и дѣвочекъ. Профессоръ Сиджуикъ разсказываетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ такой игры въ крокетъ и вознесъ изъ своихъ наблюденій очень хорошее впечатлѣніе.

„Что же касается вліянія совмѣстного обученія на нравственное развитіе дѣтей, это такой вопросъ, относительно котораго я, какъ человѣкъ, наблюдавшій школы въ качествѣ инспектора лишь по нѣсколько дней каждую, не могъ собрать много данныхъ. Могу только сказать, что все, что я видѣлъ, заставляетъ меня согласиться съ единодушнымъ мнѣніемъ учителей и учительницъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать по этому поводу,—мнѣнію, заключающемуся въ томъ, что, по скольку вообще оказываетъ вліяніе на школьную жизнь принципъ совмѣстнаго образованія, это вліяніе несомнѣнно только благотворно".

„Въ тѣхъ школахъ, гдѣ есть интернатъ, какъ это я наблюдалъ въ одномъ случаѣ, мальчики и дѣвочки живутъ въ разныхъ домахъ. По многимъ основаніямъ такой порядокъ слѣдуетъ признать правильнымъ. Въ теченіе же дня какъ въ школьномъ зданіи, такъ и внѣ его, присутствіе сотоварищей того же возраста и другого пола, при условіи разумнаго контроля со стороны педагогическаго персонала является благотворнымъ и цивилизующимъ факторомъ (a salutary and civilisiny influence)".

„Да и въ концѣ концовъ вѣдь такой порядокъ наиболѣе нормальный и естественный; противоестественнымъ слѣдуетъ скорѣе признать собираніе въ большія массы мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно".

„Во всякомъ случаѣ тѣ, кто знаютъ трудности, возникающія въ

отношеніи нравственнаго воспитанія при традиціонныхъ школьныхъ порядкахъ, могутъ только привѣтствовать всякій серьезный опытъ, обѣщающій съ нѣкоторой вѣроятностью сколько-нибудь облегчить эти трудности, разумѣется, при условіи внимательнаго и разумнаго отношенія къ такой серьезной задачѣ".

VI.

Взглядъ королевской коммиссіи по среднему образованію на вопросъ о совмѣстномъ обученіи.

Общее заключеніе.

На предшествующихъ страницахъ мы ознакомили читателей съ наиболѣе интересными статьями, по вопросу о совмѣстномъ обученіи, вошедшими въ книгу, изданную г-жей Удсъ. Какъ мы видѣли, эта книга начинается вводной статьей, въ которой г-жа Удсъ излагаетъ причины, побудившія ее къ изданію книги, и знакомитъ читателей съ общимъ состояніемъ вопроса о совмѣстномъ обученіи въ Англіи. Заключительная статья книги написана также г-жей Удсъ, которая, какъ мы позволимъ себѣ напомнить читателямъ, была въ теченіе восьми лѣтъ начальницей школы, гдѣ примѣняется до сихъ поръ принципъ совмѣстнаго обученія. Школа, которой завѣдывала г-жа Удсъ, находится въ небольшомъ городѣ Чисвикѣ (Chiswick), находящемся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Лондономъ.

Въ своей заключительной статьѣ г-жа Удсъ снова возвращается къ вопросу о совмѣстномъ обученіи, указываетъ на постоянно увеличивающееся число совмѣстныхъ школъ въ княжествѣ Валлійскомъ (Wales), при чемъ, какъ оказывается изъ данныхъ г-жи Удсъ, принципъ совмѣстнаго обученія проводится въ школахъ Валлиса систематически, такъ что мальчики и дѣвочки сидятъ въ классахъ въ перемѣшку и даже играютъ вмѣстѣ—по крайней мѣрѣ дѣти, посѣщающія младшіе классы.

Въ послѣднее время совмѣстное обученіе дѣтей въ средней школѣ, какъ мы видѣли, начинаетъ распространяться и въ Англіи, сопровождаясь въ общемъ вполнѣ благопріятными результатами. Такимъ образомъ, въ Англіи по мнѣнію г-жи Удсъ *), это одинъ изъ вопросовъ дня въ педагогическомъ мірѣ, и самое изданіе своей книги г-жа Удсъ объясняетъ желаніемъ дать англійскому

*) Надо думать, что таково также мнѣніе самого министерства народнаго просвѣщенія, которое помѣстило статьи по вопросу о совмѣстномъ обученіи въ серію своихъ „Special Reports on Educational Subjects".

обществу, и въ особенности англійскимъ педагогамъ, собраніе надежныхъ фактовъ, относящихся къ этому вопросу.

Но, можетъ быть, скажетъ иной читатель, г-жа Удсъ слишкомъ увлекается вопросомъ о совмѣстномъ обученіи, и самая ея книга есть тенденціозный подборъ фактовъ, вовсе не гармонирующихъ съ преобладающимъ настроеніемъ англійскаго общества, или хотя бы болѣе авторитетныхъ его представителей *).

Къ счастью, мы располагаемъ нѣкоторыми иными данными, показывающими, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ нѣкоторые выдающіеся дѣятели Англіи еще десять лѣтъ тому назадъ, т. е. тогда, когда этотъ вопросъ далеко не такъ назрѣлъ, какъ теперь.

Какъ извѣстно, въ 1894 г. въ Англіи была назначена королевская коммиссія по среднему образованію, которой поручено было изучить современное состояніе англійской средней школы и указать необходимыя для нея реформы. Эта коммиссія состояла изъ нѣсколькихъ наиболѣе выдающихся англійскихъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей; предсѣдателемъ ея былъ назначенъ замѣчательный англійскій ученый и не менѣе замѣчательный политическій дѣятель Джемсъ Брайсъ, авторъ классическаго сочиненія „Американская Республика“ и многихъ другихъ сочиненій.

Труды коммиссіи Брайса представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для изученія вопросовъ средняго образованія вообще и въ особенности состоянія этихъ вопросовъ въ Англіи. Мы находимъ въ этихъ трудахъ нѣкоторыя данныя и по вопросу о совмѣстномъ обученіи и позволимъ себѣ остановить на нихъ вниманіе нашихъ читателей въ качествѣ любопытной параллели къ тому, что нами было извлечено ранѣе изъ книги г-жи Удсъ.

Въ V, VI и VII томахъ трудовъ коммиссіи можно найти данныя, характеризующія состояніе отдѣльныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ уже въ то время былъ принятъ въ большей или меньшей мѣрѣ принципъ совмѣстнаго обученія. Десятый и послѣдній томъ трудовъ королевской коммиссіи заключаетъ въ себѣ сводъ всѣхъ вообще данныхъ, собранныхъ коммиссіей, и рядъ окончательныхъ ея заключеній относительно необходимыхъ реформъ въ учебной и воспита-

*) Извѣстный англійскій педагогъ М. Сэдлеръ (Sadler) написалъ небольшое введеніе къ книгѣ г-жи Удсъ. Онъ признаетъ чрезвычайную цѣнность книги и важность сообщаемыхъ въ ней фактовъ, но высказываетъ нѣсколько возраженій, которыя считаетъ очень серьезными, противъ системы совмѣстнаго обученія, особенно въ возрастѣ между 14 и 18 годами.

тельной части среднихъ учебныхъ заведеній. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ томѣ по вопросу о совмѣстномъ образованіи *)

„Мы (члены коммиссіи) считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на собранные нами факты, относящіеся къ вопросу о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ. Для сельскихъ округовъ этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе съ точки зрѣнія экономической, такъ какъ совмѣстное обученіе облегчаетъ устройство удовлетворительныхъ среднихъ учебныхъ заведеній въ этого рода мѣстностяхъ. Поэтому мы предложили обратить на этотъвопросъ особое вниманіе тѣмъ женщинамъ, которымъ было поручено нами изучить на мѣстѣ школы, гдѣ въ большей или меньшей мѣрѣ практикуется совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола" (Скажемъ кстати, что въ числѣ членовъ королевской коммиссіи по среднему образованію было три женщины—первый случай офиціальнаго участія женщинъ въ королевскихъ коммиссіяхъ, имѣющихъ въ Англіи огромный авторитетъ. Нѣсколько женщинъ было приглашено коммиссіей для помощи (Assistant commissioners) въ дѣлѣ собиранія фактическаго матеріала, который долженъ былъ послужить фундаментомъ для заключеній коммиссіи)".

„Школы для совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ это хорошо извѣстно, весьма обыкновенны въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Канады **). Повидимому, опытъ американцевъ вполнѣ благопріятенъ для принципа совмѣстнаго обученія". (Для болѣе точнаго уясненія этого и многихъ другихъ вопросовъ, касающихся постановки средняго образованія въ Америкѣ, коммиссія командировала тогда одного извѣстнаго англійскаго педагога Дж. Файндлея—D. Findlay, любопытный отчетъ котораго вошелъ въ VII томъ трудовъ королевской коммиссіи).

„Впрочемъ, и въ Шотландіи совмѣстное обученіе практикуется уже издавна, сопровождаясь во многихъ школахъ рѣшительнымъ успѣхомъ".

„Въ Англіи совмѣстное обученіе практикуется въ общественныхъ начальныхъ школахъ, въ дополнительныхъ народныхъ училищахъ, находящихся въ преемственной связи съ первыми. Дополнительныя школы существуютъ недавно, но ихъ опытъ совмѣстнаго обученія во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и признается успѣшнымъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ школъ

*) Royal Commission on Secondary Education. Vol. X. Report of the Commissioners London. 1895, 159 и слѣд.

**) Совмѣстное обученіе распространено по всей Канадѣ, кромѣ тѣхъ ея частей, которыя заселены потомками первыхъ французскихъ колонистовъ. П. М.)

совмѣстность обученія заключается лишь въ томъ, что мальчики и дѣвочки сидятъ вмѣстѣ въ классахъ только на нѣкоторыхъ урокахъ".

„Всѣ другія англійскія школы съ совмѣстнымъ обученіемъ относятся къ категоріи частныхъ учебныхъ заведеній. Впрочемъ, на сѣверѣ Англіи есть нѣсколько общественныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, организованныхъ на основаніи утвержденныхъ закономъ партій и допускающихъ одинаково мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ одной изъ такихъ школъ, находящейся въ Эпхолландѣ (Upholland), имѣется 40 учащихся, изъ которыхъ 16 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 11 до 17 лѣтъ. Общеніе мальчиковъ и дѣвочекъ допускается на столько, что они даже играютъ вмѣстѣ, чего, вообще говоря, не бываетъ въ другихъ совмѣстныхъ школахъ. Однако, благодаря надлежащему надзору, порядки школы въ Эпхолландѣ не причиняютъ никакихъ неудобствъ; директоръ школы, повидимому, держится того мнѣнія, что его опытъ совмѣстнаго обученія можно считать успѣшнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Довольно много такихъ частныхъ школъ находится въ разныхъ городахъ Ланкаширскаго графства".

„Г-жа Беатриса Андертонъ, баккалавръ искусствъ (B. A. т. е. bachelor of arts) лондонскаго университета, въ своемъ сообщеніи коммиссіи касается между прочимъ и вопроса о совмѣстномъ обученіи, выражаясь по этому поводу слѣдующимъ образомъ: *)

„Я сама получила образованіе въ учебномъ заведеніи, гдѣ дѣвочки и мальчики обучались вмѣстѣ съ перваго класса до послѣдняго. Я поступила въ школу 6 лѣтъ и окончила курсъ 16 лѣтъ. (Эта школа, кстати сказать, находится въ Clapton'ѣ, одной изъ ближайшихъ окрестностей Лондона, и называется Priory House School. Согласно наведеннымъ нами справкамъ эта школа существуетъ до сихъ поръ и находится въ настоящее время въ завѣдываніи г-жи Андертонъ. П. М.)".

„Въ этой школѣ принципъ совмѣстнаго обученія практиковался въ теченіе 35 лѣтъ сначала моимъ дядей, а затѣмъ моимъ отцомъ; во все это время дѣло воспитанія и образованія дѣтей шло прекрасно".

„Успѣхъ школы слѣдуетъ объяснить бдительнымъ надзоромъ со стороны педагогическаго персонала, общимъ хорошимъ тономъ школы и, наконецъ, тѣмъ, что въ младшихъ классахъ среди учащаго персонала были женщины. Дѣвочки и мальчики сидѣли въ классѣ по

*) Въ X томѣ трудовъ коммиссіи имѣется лишь ссылка на показаніе г-жи Андертонъ. Приводимое нами извлеченіе изъ сообщенія г-жи Андертонъ взято нами изъ V тома трудовъ коммиссіи, гдѣ это сообщеніе приведено полностью.

успѣшности занятій; между нами существовало нѣкоторое соревнованіе, чуждое однако какого-либо раздраженія, при чемъ по нѣкоторымъ предметамъ дѣвочки уступали мальчикамъ, по другимъ превосходили ихъ. Во время перемѣнъ и рекреацій дѣвочки и мальчики младшаго возраста играли вмѣстѣ, дѣти старшаго возраста играли отдѣльно".

„Мнѣ кажется, что я могу сказать съ полнымъ основаніемъ, что дѣвочки много выигрывали отъ того, что имѣли возможность усвоить курсъ обыкновеннаго мужского средняго учебнаго заведенія и привыкали смотрѣть на мальчиковъ, какъ на своихъ товарищей. У нихъ образовалась извѣстная широта взглядовъ, которая приносила имъ пользу въ послѣдующей жизни. Мальчики много выигрывали въ отношеніи сдержанности и маперъ, нисколько не теряя въ отношеніи истинной мужественности".

„Я сомнѣваюсь однако, чтобы такая система воспитанія сопровождалась одинаковымъ успѣхомъ, если бы составъ дѣтей, поступившихъ въ школу, не былъ такъ хорошъ. Во всякомъ случаѣ при иныхъ условіяхъ встрѣтились бы весьма большія трудности, которыя потребовали бы чрезвычайныхъ усилій для самаго бдительнаго и неуклоннаго надзора за дѣтьми".

Королевская коммиссія указываетъ далѣе на тотъ фактъ, что совмѣстное обученіе чаще всего можно встрѣтить въ школахъ, имѣющихъ характеръ подготовительныхъ къ настоящимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, въ которыя въ Англіи поступаютъ обыкновенно дѣти 12 лѣтъ. Затѣмъ коммиссія снова возвращается къ общему вопросу о преимуществахъ совмѣстнаго обученія и выражается по этому поводу слѣдующимъ образомъ:

„Что касается преимуществъ и неудобствъ совмѣстнаго обученія, то можно сказать, что всѣ тѣ, кто знакомъ съ этимъ вопросомъ путемъ личнаго опыта, почти всегда находятъ преимущества весьма значительными и неудобства очень маловажными. Возраженія противъ совмѣстнаго обученія, повидимому, въ большинствѣ случаевъ носятъ теоретическій, апріорный характеръ и высказываются такими лицами, которыя сами никогда не наблюдали совмѣстныхъ школъ. Такимъ образомъ, намъ сообщаютъ, что директоръ грамматической школы (grammar school) въ Эпхолландѣ въ первое время послѣ своего принятія школы въ свое вѣдѣніе не желалъ допускать въ нее дѣвочекъ; только просьбы родителей побудили его сдѣлать опытъ, и теперь онъ сталъ рѣшительнымъ сторонникомъ совмѣстнаго обученія"...

„Высказываемое нами общее правило, согласно которому сомнѣніе въ принципѣ совмѣстнаго обученія выражаютъ люди, не знакомые

съ нимъ практически, вѣрно и относительно тѣхъ ограниченій, которыя ставятся разными лицами принципу совмѣстнаго обученія. Такимъ образомъ, напр., г-нъ Алойдъ Джонсъ, педагогическій опытъ котораго пріобрѣтенъ въ большой народной школѣ, высказывается очень рѣшительно въ пользу совмѣстнаго обученія въ народныхъ школахъ, но не считаетъ возможнымъ рекомендовать такую же систему образованія въ частныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учащіеся старше и по своему происхожденію принадлежатъ къ другому общественному классу. Совершенно обратно этому миссъ Андертонъ, опытъ которой пріобрѣтенъ именно въ частномъ среднемъ учебномъ заведеніи, высказываетъ сомнѣніе „относительно успѣшности системы совмѣстнаго обученія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти по своему происхожденію принадлежатъ къ менѣе образованнымъ классамъ общества". Такимъ же образомъ, миссъ Херфордъ, содержащая школу, гдѣ совмѣстно учатся дѣти обоего пола не старше 14 лѣтъ, утверждаетъ, что въ этомъ возрастѣ совмѣстное обученіе несомнѣнно благотворно какъ для умственнаго, такъ и для нравственнаго развитія дѣтей. Съ другой стороны, г-жа Китченеръ, имѣющая иной опытъ, утверждаетъ, что совмѣстное обученіе—по крайней мѣрѣ въ настоящее время—особенно желательно для мальчиковъ и дѣвочекъ старшаго возраста"...

Таково общее заключеніе Королевской Коммиссіи по вопросу о совмѣстномъ образованіи. Какъ мы уже сказали, девятый и послѣдній томъ трудовъ Королевской Коммиссіи по среднему образованію заключается рядомъ т. наз. „Recommendations", т. е. пожеланій коммиссіи о необходимыхъ реформахъ въ области средней школы. Эти „пожеланія" или „указанія" составляютъ IV часть десятаго тома, обнимаютъ самые разнообразные вопросы и касаются между прочимъ и интересующаго насъ вопроса о совмѣстномъ обученіи. Вотъ что мы здѣсь читаемъ: *) „При организаціи средняго образованія въ сельскихъ округахъ вообще въ областяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ несомнѣнно встрѣтятся особыя затрудненія, проистекающія отъ того факта, что въ подобнаго рода мѣстахъ число учащихся часто оказывается недостаточнымъ, чтобы можно было создать особыя женскія среднія учебныя заведенія. Въ этихъ случаяхъ мы полагали бы полезнымъ принимать въ одну школу какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, такъ какъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать по этому поводу, заставляютъ насъ думать, что это можетъ быть сдѣлано безъ всякаго опасенія какихъ-либо дурныхъ послѣдствій. Мы полагаемъ, что какъ долгъ общества, такъ и его прямые интересы требуютъ одинаковыхъ заботъ объ образованіи мальчиковъ и

*) Report of the Commissioners, 297.

дѣвочекъ. Хотя совмѣстное обученіе — особенно въ первое время— потребуетъ особаго вниманія и заботъ, мы думаемъ тѣмъ не менѣе, что всѣ тѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы системѣ совмѣстнаго обученія, далеко уступаютъ по своей важности тѣмъ упрекамъ, которые заслужило бы общество при организаціи плохой женской средней школы или въ особенности въ случаѣ пренебреженія нуждами дѣвочекъ въ виду ихъ слишкомъ незначительнаго числа".

На этомъ мы считаемъ возможнымъ закончить свою статью, полагая, что приведенныхъ нами фактовъ и соображеній болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы читатель могъ судить, въ какомъ положеніи находится въ послѣднее десятилѣтіе вопросъ о совмѣстномъ обученіи въ англійской средней школѣ *).

Мы начали свое изложеніе съ указанія результатовъ самыхъ послѣднихъ опытовъ совмѣстнаго обученія и закончили его сообщеніемъ тѣхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, которые ровно десять лѣтъ тому назадъ высказывали тѣ выдающіеся англійскіе педагоги, ученые и общественные дѣятели, которымъ было поручено выяснить состояніе и нужды средней школы въ Англіи.

Мы видѣли, что по крайней мѣрѣ по отношенію къ занимающему насъ здѣсь вопросу Королевская коммиссія оказалась на высотѣ своей задачи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это подтвердилъ дальнѣйшій опытъ, коммиссія указала единственный нормальный путь для разрѣшенія вопроса объ организаціи средняго образованія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по тѣмъ или инымъ условіямъ не представляется возможность содержать удовлетворительныя среднія учебныя заведенія для каждаго пола въ отдѣльности.

Впрочемъ, опытъ — въ особенности тотъ опытъ, описаніе котораго составило предметъ настоящей статьи, — доказалъ даже нѣчто большее, чѣмъ то, что рѣшилась утверждать коммиссія, которая по весьма понятнымъ соображеніямъ проявила извѣстную осторожность въ формулировкѣ своихъ пожеланій.

Въ самомъ дѣлѣ, повидимому, на основаніи опыта совмѣстнаго обученія въ англійской средней школѣ можно утверждать, что такая система образованія, будучи часто прямой необходимостью въ силу чисто внѣшнихъ причинъ, напр., рѣдкости или бѣдности населенія, является вмѣстѣ съ тѣмъ надежнымъ средствомъ для борьбы съ нѣкоторыми отрицательными явленіями, весьма обычными въ школахъ и въ особенности въ интернатахъ, которые предназначены только для дѣтей одного пола.

П. Мижуевъ.

---

*) Одинъ изъ опытовъ совмѣстнаго обученія въ Англіи изложенъ въ переведенной и дополненной нами книгѣ „Сид. Веббъ и С. Вельсъ. Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ". Петербургъ 1901 (изд. журн. „Техническое образованіе").

Публичныя библіотеки въ Австраліи *).

Молодая по культурѣ Австралія имѣетъ уже много просвѣтительныхъ учрежденій. Несомнѣнно, это объясняется тѣмъ, что колонисты принесли съ собой цивилизацію, отлитую въ тѣ формы, которыя получили право гражданства въ европейскихъ странахъ. Школы общеобразовательныя и техническія, университеты и библіотеки сѣтью покрываютъ територію колоній, какъ французскихъ, такъ въ особенности англійскихъ. Нижеслѣдующія строки посвящаются обзору одной категоріи этихъ учрежденій, именно библіотекъ, находящихся въ Британской Австраліи.

Самое число ихъ достаточно внушительно: согласно статистическимъ даннымъ **), въ Австраліи въ 1897—98 гг. было 1.359 библіотекъ съ 2.434.052 томами книгъ. Для сравненія укажемъ на страны, гдѣ библіотечное дѣло достигло наивысшаго развитія: Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ девять тысячъ библіотекъ, Англія—немного болѣе тысячи. По отдѣльнымъ колоніямъ австралійскія библіотеки распредѣлялись неравномѣрно. Первое мѣсто занимала Викторія, гдѣ имѣлось 424 библіотеки, заключающихъ 1.029. 743 тома. Далѣе слѣдовали: Новый Южный Валлисъ (324 библіотеки съ 510.000 т.), Новая Зеландія (304 библ. съ 409. 604 т.), Южная Австралія (156 библ. съ 242.189 т.), Квинслэндъ (86 библ. съ 129. 883 т.), Тасманія (40 библ. съ 78.075 т.) и Западная Австралія (25 библ. съ 34. 558 т.). Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи нѣтъ такой же общей сводки за послѣдующіе годы, но по отдѣльнымъ сообщеніямъ, статьямъ и отчетамъ ясно видно, что библіотечное движеніе въ Австраліи не останавливается, а постепенно растетъ и расширяется, такъ что приведенныя цыфры, вѣроятно, теперь гораздо ниже дѣйствительныхъ.

---

*) Настоящая статья написана на основаніи матеріаловъ, полученныхъ изъ Австраліи для состоящаго подъ моимъ завѣдываніемъ отдѣла библіотековѣдѣнія Харьковской общественной библіотеки.

**) *Coghlan F. A.* A statistical account of the seven colonies of Australasia. Sydney. 1898.

Отъ библіотекаря, какъ и въ Англіи, требуется образовательный цензъ, а въ крупныхъ библіотекахъ еще и спеціальныя познанія по библіографіи и библіотековѣдѣнію. Женщины также принимаются на службу, но процентъ библіотекаршъ въ Австраліи значительно ниже, чѣмъ въ Англіи или С.-А. Соединенныхъ штатахъ.

Въ цѣляхъ объединенія библіотекъ и библіотекарей въ 1896 году положено было начало австралійскому библіотечному обществу (Library association of Australasia). Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что на всю Европу имѣются только четыре библіотечныя общества: въ Англіи, Австріи, Швейцаріи и Германіи, и то послѣднія два возникли очень недавно, за послѣднее пятилѣтіе. Прототипомъ для нихъ всѣхъ служитъ американское библіотечное общество, существующее съ 1876 года. Ежегодно, по очереди, въ разныхъ городахъ оно устраиваетъ съѣзды, на которыхъ обсуждаются вопросы, связанные съ библіотечнымъ дѣломъ; оно издаетъ свой журналъ, сочиненія по библіографіи и библіотековѣдѣнію, образцовые каталоги и проч. Такимъ-же образомъ направило свою дѣятельность австралійское библіотечное общество; но по мѣстнымъ условіямъ оно признало невозможнымъ устройство ежегодныхъ съѣздовъ, и рѣшило созывать ихъ разъ въ два года. Первый съѣздъ состоялся въ Мельбурнѣ въ 1896 г.; за нимъ послѣдовали еще три: въ 1898 г. — въ Сиднеѣ, въ 1900 г.— въ Аделаидѣ и въ 1902 г. — снова въ Мельбурнѣ. Каждый изъ съѣздовъ издавалъ свои труды. Съ 1901 г. библіотечное общество задумало основать собственный органъ „The library record of Australasia“, который сталъ выходить періодически, но безъ опредѣленныхъ сроковъ, книжками по 40 — 50 страницъ. Однако, это изящное изданіе, снабженное хорошо выполненными портретами и рисунками, оказалось недолговѣчнымъ и не встрѣтило достаточной поддержки ни нравственной, ни матеріальной. Библіотеки неаккуратно доставляли свѣдѣнія о своей дѣятельности, подписчиковъ было мало, расходы не окупались, и въ іюнѣ 1902 г. журналъ прекратилъ свое существованіе. Въ послѣднемъ нумерѣ отъ имени редакціи говорилось *): „Вѣроятно, надо выждать, пока настанетъ благопріятное время для такого предпріятія“. Тѣмъ не менѣе дѣятельность библіотечнаго общества даетъ значительные результаты.

Въ Австраліи встрѣчаются два типа публичныхъ библіотекъ: *безплатныя*, *free public libraries*, получающія средства частью отъ правительства, частью отъ спеціальнаго библіотечнаго налога, который устанавливается для каждаго отдѣльнаго города собраніемъ

---

*) The library record of Australasia, V. II, № 2.

мѣстныхъ плательщиковъ (какъ въ С. Америкѣ и Англіи) и *платныя*, *subscription libraries*, иногда также пользующіяся субсидіями. Въ видѣ филіальныхъ отдѣленій большихъ публичныхъ библіотекъ дѣйствуютъ *подвижныя* библіотеки, которыя разсылаются по селамъ и глухимъ городамъ, то въ учебныя заведенія и въ мастерскія, то въ помощь мелкимъ библіотекамъ. Довольно порядочныя библіотеки имѣются при университетахъ и при нѣкоторыхъ спеціальныхъ школахъ.

Публичныя библіотеки устроены по англо-американскому типу, т. е. имѣютъ читальный залъ (со справочной библіотекой) для научныхъ занятій, особую читальню для періодическихъ изданій и абонементъ. Въ каждой колоніи есть публичная библіотека, которая содержится на средства парламента и носитъ названіе колоніи. Во главѣ публичной библіотеки стоитъ правленіе, избираемое на опредѣленный срокъ. Многія библіотеки своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ обязаны частной иниціативѣ, и почти каждая изъ нихъ связывается съ именемъ какого нибудь виднаго общественнаго дѣятеля. Величайшей во всей Австраліи является *Публичная библіотека колоніи Викторія* въ Мельбурнѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія на мѣстѣ Мельбурна была маленькая рыбацкая деревушка. Словно въ сказкѣ, съ ней совершилось чудесное превращеніе: въ нѣсколько десятковъ лѣтъ изъ нея выросъ огромный благоустроенный городъ съ полумилліоннымъ населеніемъ. Среди первыхъ дѣятелей юнаго города видное мѣсто занималъ Редмондъ Барри, по происхожденію — ирландецъ, по профессіи—юристъ. Въ цвѣтѣ силъ и молодости пріѣхалъ онъ въ Мельбурнъ въ 1839 г. Черезъ два года здѣсь учреждены были судебныя установленія, въ которыхъ Барри послѣдовательно занималъ различныя должности, дослужившись до высокаго поста и снискавъ всеобщее уваженіе.

Одновременно съ судейской карьерой Барри началъ свою общественную дѣятельность. По его иниціативѣ устроены были два учрежденія — университетъ и публичная библіотека, которымъ суждено было играть большую роль въ культурной жизни Мельбурна. Въ 1853 г. въ одинъ и тотъ же день заложены были зданія для этихъ учрежденій, родственныхъ по духу и цѣлямъ и объединенныхъ участіемъ общихъ дѣятелей, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Барри.

Этимъ не исчерпывалось общественное служеніе Барри: съ неутомимой, неизсякаемой энергіей принималъ онъ участіе въ устройствѣ больницы, института механиковъ, филармоническаго общества, художественныхъ выставокъ и проч., и проч. Однимъ словомъ, ни

одно просвѣтительное или филантропическое учрежденіе Мельбурна не обходилось безъ его участія. Любимымъ его дѣтищемъ, однако, была публичная библіотека. И этотъ общественный дѣятель безкорыстно заботился объ умственныхъ интересахъ австралійскихъ поселенцевъ, въ то время какъ большинство его согражданъ было поглощено спекуляціями и жаждой наживы. Барри былъ развитымъ и образованнымъ человѣкомъ, хотя и не отличался глубокой ученостью. Онъ очень любилъ книги и стремился къ тому, чтобы сокровища литературы сдѣлались общимъ достояніемъ. Въ первые годы существованія колоніи, онъ предоставилъ свою личную маленькую библіотеку въ общее пользованіе. Онъ же впослѣдствіи настоялъ на томъ, чтобы публичная библіотека въ видахъ доступности была сдѣлана безплатной. Открытіе библіотеки было назначено на 11-е февраля 1856 года. Въ тѣ времена корабли курсировали неправильно, и главный транспортъ заказанныхъ книгъ опоздалъ прибытіемъ. Дѣятели были въ отчаяніи, что придется открыть библіотеку съ пустыми шкафами. Наконецъ, долго жданный корабль прибылъ, когда въ ихъ распоряженіи оставалось только два дня. Барри вмѣстѣ со служащими библіотеки принялся за разборку тюковъ, работая день и ночь, и къ открытію библіотеки всѣ книги красовались на полкахъ.

Барри посѣщалъ библіотеку почти ежедневно и неизмѣнно присутствовалъ при томъ, какъ распаковывались книги, полученныя изъ Лондона. Черезъ его руки проходила вся корреспонденція библіотеки. Онъ требовалъ, чтобы спѣшныя письма присылались ему въ судъ для подписи. Сохранился цѣлый рядъ анекдотовъ о томъ, какъ онъ занимался библіотечными дѣлами во время службы. Однажды въ почтовый день, когда ему нужно было просмотрѣть и подписать множество писемъ, приготовленныхъ для отправки, онъ прервалъ засѣданіе суда словами: „простите, господа, мнѣ некогда“. Въ другой разъ одинъ изъ членовъ суда, дѣлавшій докладъ, остановился, видя, что Барри читаетъ письмо. „Продолжайте, продолжайте“, сказалъ Барри. „Я ужъ лучше подожду, пока вы окончите библіотечную работу“, не безъ ироніи отвѣтилъ докладчикъ. Впрочемъ, всѣ судейскіе добродушно относились къ такимъ выходкамъ Барри, такъ какъ знали, что онъ душа библіотеки, и что ему библіотека всецѣло обязана своимъ процвѣтаніемъ.

Еще при основаніи библіотеки Барри былъ избранъ однимъ изъ пяти попечителей, но его сотоварищи принимали самое незначительное участіе въ дѣлахъ, и Барри управлялъ библіотекой совершенно самостоятельно. Такой порядокъ держался до 1870 г., когда совѣтъ былъ увеличенъ до пятнадцати членовъ, и Барри былъ избранъ его предсѣдателемъ. Однако, и въ то время, когда онъ не

имѣлъ фактическихъ помощниковъ, онъ работалъ, не покладая рукъ, работалъ одинъ за пятерыхъ.

Въ выборѣ книгъ Барри стремился къ тому, чтобы во всѣхъ отдѣлахъ было „все самое лучшее“. Этимъ обусловливался, напримѣръ, его заказъ одному лондонскому книжному магазину: „выслать произведенія всѣхъ авторовъ, которыхъ перечисляетъ Гиббонъ“. Конечно, не всѣ пріобрѣтенія бывали удачны, но въ общемъ любая библіотека могла бы гордиться тѣмъ ядромъ изъ пятидесяти тысячъ томовъ, которое легло въ основаніе Мельбурнской публичной библіотеки.

Достойно вниманія то, что уже съ 1859 г. по настоянію Барри устроены были „подвижныя библіотеки“, предназначенныя для сельскаго населенія и заводскихъ рабочихъ. Мельбурнская публичная библіотека приготовляла коллекціи по пятидесяти томовъ, запаковывая каждую изъ нихъ въ ящикъ. По первому требованію какого нибудь учрежденія ему высылалось отъ одного до четырехъ ящиковъ. При возвращеніи подвижной библіотеки ее можно было замѣнить другою въ новомъ составѣ книгъ.

Еще при своей жизни Барри видѣлъ наглядные результаты основанныхъ имъ учрежденій. Университетъ уже имѣлъ 300 студентовъ, а публичная библіотека насчитывала болѣе 100 тысячъ томовъ и около 260 тысячъ посѣщеній въ годъ.

Барри умеръ въ 1880 г. Черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти благодарные сограждане поставили ему большой бронзовый памятникъ противъ публичной библіотеки, которая сама является лучшимъ памятникомъ его дѣятельности *).

Библіотека колоніи Викторія къ концу 1903 г. имѣла 204 тысячи томовъ. Приростъ книжнаго имущества за 1903 г. составилъ 6 тысячъ томовъ. Она выдаетъ на домъ лишь незначительную часть своихъ книгъ, именно 20 тысячъ томовъ, т. е. одну десятую; остальныя же предоставляются только для чтенія въ самой библіотекѣ. Въ европейскихъ и американскихъ библіотекахъ обыкновенно замѣчается обратное явленіе: на домъ выдается большинство книгъ, а не меньшинство. Въ читальномъ залѣ за 1903 г. было 354 тыс. посѣщеній. Въ абонементѣ числилось 8.400 подписчиковъ, (въ предыдущемъ году 8.000), которые прочитали 178 тыс. томовъ (въ предъидущемъ году 168 тыс.), т. е. въ среднемъ по 21 тому на человѣка. Каждая книга абонемента въ среднемъ была въ оборотѣ восемь разъ.

---

*) The library record of Australasia V. I, № 2.

Каталогъ абонемента, напечатанный въ 1902 году, заключаетъ 600 страницъ въ два столбца. *)

Въ томъ же году въ села и маленькіе города отправлена была 51 подвижная библіотека съ 6.507 томами. О томъ, какъ быстро растетъ дѣятельность подвижныхъ библіотекъ, можно судить по слѣдующимъ цыфрамъ: въ 1900 году разослано было 1.500 томовъ, въ 1901 г.—4.000, въ 1902 г.—5.700, въ 1903 г.—6.507.

Вообще въ австралійскихъ библіотекахъ до нѣкоторой степени замѣчается гоненіе на изящную словесность, въ особенности на послѣднія новинки, до которыхъ публика всегда и вездѣ падка. Конечно, осторожность въ выборѣ новинокъ не мѣшаетъ, такъ какъ среди нихъ всегда бываютъ сочиненія, не имѣющія достаточныхъ литературныхъ и художественныхъ достоинствъ, однако, такимъ образомъ можно впасть и въ другую крайность, лишая библіотеку вновь выходящихъ вполнѣ хорошихъ книгъ.

Мельбурнская библіотека имѣетъ собственное хорошее зданіе, которое по внѣшнему виду съ закругленнымъ угломъ нѣсколько напоминаетъ Императорскую Публичную библіотеку въ Петербургѣ. При ней помѣщается Національная Галлерея (собраніе картинъ австралійскихъ художниковъ), промышленный, техническій и естественно-научный музеи. Въ музеѣ и картинной галлереѣ бываетъ болѣе 400 тысячъ посѣщеній въ году. Средства на содержаніе, отпускаемыя правительствомъ, довольно значительны — 23 тысячи фунтовъ (около 230 тысячъ рублей).

Другая изъ крупнѣйшихъ австралійскихъ библіотекъ, такъ называемая *Публичная библіотека Новаго Южнаго Валлиса*, находится въ Сиднеѣ. Въ этомъ городѣ раньше существовала общественная библіотека, для которой книги покупались въ складчину на общія средства и предоставлялись для пользованія членамъ. Она была основана еще въ 1826 г. усиліями первыхъ культурныхъ поселенцевъ. Въ 1869 г. правительство Новаго Южнаго Валлиса купило ее, чтобы положить въ основу новой безплатной публичной библіотеки, которая была организована по обычному типу—*free public library*. Во главѣ ея стоялъ совѣтъ изъ десяти лицъ, а предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ профессоръ Чарльзъ Бэтхамъ, незадолго передъ тѣмъ занявшій каѳедру классической литературы и логики въ Сиднейскомъ университетѣ.

Чарльзъ Бэтхамъ былъ сыномъ извѣстнаго профессора физики въ Глазго, а по матери приходился племянникомъ англійскому поэту

---

*) Report of the trustees of the public library, museums and national gallery of Victoria for 1903. Melbourne. 1904.

Кэмпбеллю. Въ возрастѣ семи лѣтъ его отвезли въ Швейцарію и отдали на воспитаніе великому педагогу Песталлоци. Черезъ полвѣка ученикъ съ благодарностью удостовѣрялъ, что Песталлоци „научилъ его мыслить“.

Университетское образованіе Бэтхамъ получилъ въ Оксфордѣ и послѣ того провелъ семь лѣтъ въ Германіи и Италіи, предаваясь научнымъ занятіямъ. Здѣсь онъ познакомился со многими крупными учеными своего времени. Самъ онъ былъ выдающимся лингвистомъ и прекрасно владѣлъ французскимъ, итальянскимъ, нѣмецкимъ, новогреческимъ и голландскимъ языками. Въ Римѣ онъ спеціально занимался палеографіей и издалъ рядъ описаній греческихъ рукописей, которыя обратили на себя вниманіе ученаго міра.

Съ 1867 г. Бэтхамъ былъ приглашенъ профессоромъ въ Сиднейскій университетъ. Онъ былъ блестящимъ ораторомъ, и его рѣчи на публичныхъ засѣданіяхъ университета считались событіемъ, на которое собирался весь городъ. Бэтхамъ горячо относился къ университету и радѣлъ о его процвѣтаніи. Сиднейскій университетъ на первыхъ порахъ насчитывалъ лишь около 40 студентовъ, а между тѣмъ многіе желающіе не имѣли возможности получить высшаго образованія изъ-за недостатка средствъ. Бэтхамъ первый подалъ мысль объ учрежденіи при университетѣ стипендій. Съ обычной энергіей онъ самъ объѣхалъ большую часть колоній, созывая митинги въ городахъ и силой своего краснорѣчія убѣждая богатыхъ людей дать средства на образованіе сыновей ихъ бѣдныхъ согражданъ.

Для шестидесятилѣтняго старика со слабымъ здоровьемъ, какимъ тогда былъ Бэтхамъ, такое предпріятіе было нелегкимъ дѣломъ. Его, однако, поддерживало нравственное удовлетвореніе, такъ какъ ему удалось такимъ образомъ организовать пятьдесятъ стипендій. Мало того, нѣкоторые состоятельные люди завѣщали университету капиталы, и на эти средства въ настоящее время содержатся многія каѳедры филологическаго факультета и даже цѣликомъ весь медицинскій факультетъ.

Одной изъ величайшихъ заслугъ Бэтхама было его стремленіе придти на помощь тѣмъ лицамъ, которыя стремились пополнить пробѣлы своего образованія, а между тѣмъ не имѣли возможности учиться. Бэтхамъ помѣстилъ въ главныхъ австралійскихъ газетахъ письмо, въ которомъ „предлагалъ свои услуги тѣмъ, которые тяжелымъ трудомъ зарабатываютъ хлѣбъ насущный, а свои немногіе досуги хотѣли бы употребить на пріобрѣтеніе знаній“. Пресса горячо встрѣтила этотъ проектъ, тогда какъ университетская коллегія взглянула на него, какъ на эксцентричную выходку. Самое же

главное, что Бэтхамъ нашелъ откликъ среди тѣхъ тружениковъ, которыхъ онъ имѣлъ въ виду при составленіи своего проекта. Велико было число корреспондентовъ, которые просили у него указаній, присылали ему для поправки свои сочиненія и другія работы. Многіе учителя маленькихъ сельскихъ школъ своимъ развитіемъ и расширеніемъ своего умственнаго кругозора всецѣло были обязаны самоотверженному, безкорыстному труду просвѣщеннаго профессора. Довольно трудно учесть оказанное имъ вліяніе, такъ какъ оно простиралось очень далеко. Былъ, напримѣръ, у Бэтхама корреспондентъ—сельскій полицейскій, который подъ его руководствомъ приготовился къ экзамену на аттестатъ зрѣлости, и въ свою очередь приготовилъ къ экзамену свою дочь, которая, выдержавъ его, сдѣлалась учительницей.

Такова была личность перваго предсѣдателя Сиднейской публичной библіотеки. Онъ занималъ этотъ постъ съ самаго основанія библіотеки и оставилъ его лишь въ концѣ 1883 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины. Онъ входилъ лично во все, что касалось библіотеки, и принималъ активное участіе въ пополненіи книгами всѣхъ отдѣловъ. Понятно, какое громадное значеніе для библіотеки имѣло участіе такого руководителя, какъ Бэтхамъ. Смерть его была чувствительной утратой, и не даромъ ее оплакивалъ весь городъ *).

Сиднейская библіотека къ первому января 1903 г. имѣла 150 тысячъ томовъ. Наибольшая часть ихъ—свыше 122 тысячъ—предназначается для читальнаго зала, затѣмъ 28 тысячъ для абонемента и 5 тысячъ для подвижныхъ библіотекъ **). Кромѣ того, имѣется спеціальный залъ для періодическихъ изданій, гдѣ въ отчетномъ году получалось 535 журналовъ на англійскомъ языкѣ изъ различныхъ австралійскихъ колоній, Великобританіи, Америки, Южной Африки, Индіи, Японіи, съ острововъ Фиджи и Самоа. Библіотека имѣетъ единственную въ своемъ родѣ коллекцію австралійскихъ книгъ, которая оцѣнивается въ 100 тысячъ фунтовъ. Она поступила въ 1898 г. въ даръ отъ нѣкоего Митчеля, который къ этому присоединилъ еще капиталъ на ея будущее расширеніе, поставивъ единственнымъ условіемъ, чтобы правительство дало ей помѣщеніе и сдѣлало ее доступной для публики.

Бюджетъ библіотеки въ 1902 г. составлялъ 11 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Между прочимъ въ этомъ году парламентская ассигновка уменьшилась на 780 фунтовъ, вслѣдствіе чего пришлось

---

*) The library record of Australasia V. I, № 3.

**) Public library of New South Wales. Report of the trustees for the year 1902. Sydney 1903.

сократить покупку новыхъ книгъ и выписку періодическихъ изданій.

По недостатку средствъ невозможно было даже возмѣстить 1.200 томовъ наиболѣе ходкихъ книгъ, изъятыхъ за ветхостью. Этимъ обстоятельствомъ, а отчасти тѣснотой помѣщенія объясняетъ отчетъ убыль подписчиковъ и посѣтителей читальнаго зала сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Абонентовъ было 8.681 (противъ 8.821), книгъ по абонементу выдано—126 тысячъ (вмѣсто 133 тысячъ), въ читальномъ залѣ было 179 тысячъ посѣщеній (вмѣсто 199 тысячъ). Увеличилось только число посѣщеній зала періодическихъ изданій: 349 тысячъ противъ 330 тысячъ. Для библіотеки проектируется постройка новаго обширнаго зданія.

Публичная библіотека Тасманіи содержится частью на правительственную субсидію, частью на пожертвованія. Она была основана въ 1850 году, но въ 1867 г. вынуждена была закрыться, такъ какъ правительство „по крайней мѣрѣ на одинъ сезонъ“ отказало ей въ матеріальной поддержкѣ. Она имѣетъ абонементъ и залъ для періодическихъ изданій. Въ 1901 году было 104 тысячи посѣщеній.

Изъ публичныхъ библіотекъ, которыя не получаютъ субсидіи отъ правительства, нужно отмѣтить Ауклендскую (Новая Зеландія), которая открыта въ 1880 г. Она содержится на спеціальный налогъ (по постановленію городскихъ плательщиковъ каждый фунтъ подоходныхъ платежей увеличивается на полпенса, которые идутъ въ пользу библіотеки) и на проценты (650 фунтовъ) съ капитала, завѣщаннаго ей частнымъ лицомъ. Библіотека читальнаго зала содержитъ болѣе 30 тысячъ томовъ, изъ которыхъ около половины пожертвованы сэромъ Греемъ; библіотека абонемента имѣетъ около 10 тысячъ томовъ. Всѣхъ подписчиковъ—700.

Австралійскія библіотеки въ методахъ классификаціи и нумераціи книгъ придерживаются девятичной системы, которая изобрѣтена предсѣдателемъ американскаго библіотечнаго общества, Мельвилемъ Двюи. Система заключается въ томъ, что вся библіотека подраздѣляется на 9 отдѣловъ, каждый отдѣлъ на 9 подотдѣловъ, каждый подотдѣлъ на 9 группъ, и книга характеризуется трехзначнымъ числомъ *). Нѣкоторыя австралійскія библіотеки для различенія отдѣловъ по внѣшнимъ признакамъ дѣлаютъ разноцвѣтныя наклейки на корешкахъ. Насколько серьезно здѣсь относятся къ разработкѣ и усовершенствованію системы Двюи, видно изъ того, что библіотекарь

---

*) Подробное описаніе этой системы дается въ моей книгѣ: „Библіотеки, ихъ организація и техника“ Спб. 1904.

Сиднейской библіотеки Андерсонъ даже издалъ спеціальное руководство къ каталогизаціи *).

Отличительную особенность австралійскихъ библіотекъ составляетъ допущеніе публики къ полкамъ (*open access*). Какъ можно судить по рисункамъ и планамъ и по описанію нѣсколькихъ главныхъ библіотекъ, онѣ устроены по такъ называемой „зальной“ системѣ, т. е. шкафы стоятъ по стѣнкамъ зала (а не параллельными рядами, какъ теперь принято), въ серединѣ-же находятся столы и стулья для читателей. Посѣтители сами достаютъ съ полокъ, что имъ угодно. Эта система поддерживается, несмотря на то, что буквально всѣ библіотеки констатируютъ пропажу книгъ. „Въ теченіе послѣдняго года съ полокъ украдены были (sic!) пять томовъ и двѣ брошюры“, гласитъ отчетъ публичной библіотеки въ Аделаидѣ.; **) „но если принять во вниманіе, что публика свободно допускается къ шкафамъ, то эта потеря еще не слишкомъ значительна“. Правда и то, что она не составляетъ большого процента, такъ какъ библіотека въ Аделаидѣ имѣетъ 45 тысячъ томовъ.

Въ другихъ библіотекахъ съ явленіемъ кражи мирятся, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. „Пусть лучше библіотека понесетъ нѣкоторый убытокъ изъ-за нечестныхъ посѣтителей, но публика не будетъ лишена несомнѣнныхъ удобствъ“.

Этотъ больной вопросъ вынесенъ былъ даже на библіотечный съѣздъ 1902 г., гдѣ м-ръ Сауденъ дѣлалъ докладъ „о литературныхъ ворахъ“ ***). Согласно опредѣленію докладчика, существуетъ два типа библіотечныхъ воровъ: библіофилъ, который не задумывается „прихватить“ съ собою книгу, хотя бы и чужую, и варваръ, который вырѣзываетъ изъ книгъ и газетъ выдержки и цѣлыя статьи. Послѣ ряда фактовъ и доказательствъ, Сауденъ приходитъ къ выводу, что „какъ ни гнусна кража, но она извинительнѣе, чѣмъ сознательное кромсаніе книги: истинный любитель никогда не испортитъ книги, подобно тому, какъ правовѣрный мусульманинъ не порветъ клочка бумаги изъ опасенія, что на немъ можетъ быть написано имя Аллаха“.

Безцеремонное обращеніе съ книгами, къ сожалѣнію, замѣчается не въ однѣхъ только австралійскихъ библіотекахъ: и изъ нашей отечественной практики можно указать цѣлый рядъ такихъ же случаевъ, какіе описываетъ Сауденъ.

---

*) *Anderson H. C. L.* Guide to the system of cataloguing of the reference library. Sydney 1902.

**) The library record of Australasia Vol. I, № 2.

***) The library record. Vol, II, № 2.

Техническая сторона въ австралійскихъ библіотекахъ обставлена очень недурно. Пріемы позаимствованы, главнымъ образомъ, изъ Америки, но въ нихъ введены нѣкоторыя своеобразныя измѣненія. Для того, чтобы однѣ библіотеки могли воспользоваться опытомъ другихъ, издаются брошюры и печатаются статьи съ описаніемъ системъ, принятыхъ въ той или иной библіотекѣ. Наиболѣе выдающимися въ этомъ отношеніи являются брошюра библіотекаря Мельбурнской библіотеки Бойса, описывающая всѣ техническіе пріемы этого учрежденія *), и статья въ библіотечномъ журналѣ *Hints to small libraries.* (Указанія маленькимъ библіотекамъ), въ которой сжато, ясно и толково, съ образцами въ текстѣ, изложены правила для веденія главныхъ библіотечныхъ записей—инвентаря, карточнаго каталога и абонементныхъ карточекъ **).

Въ дѣятельности австралійскихъ библіотекъ еще есть не мало недочетовъ, но все же результаты, достигнутые ими за относительно короткій періодъ времени, заслуживаютъ вниманія такъ же, какъ и тѣ попытки, которыя направлены къ ихъ усовершенствованію.

Л. Хавкина.

---

*) *Boys R. D.* Lending branch, public library of Victoria. Adelaide. 1901.
**) Hints to small libraries. The library record. V. I, № 2.

Краткій обзоръ просвѣтительной дѣятельности кн. В. Ѳ. Одоевскаго и его педагогическихъ принциповъ.—

(На основаніи, главнымъ образомъ, неизданныхъ источникомъ).

I.

Понимая педагогику въ обширномъ смыслѣ этого слова, — какъ училъ К. Ушинскій,—т. е. какъ совокупность полезныхъ свѣдѣній, нужныхъ для педагога,—свѣдѣній, которыя почерпаются ею изъ психологіи, логики, философіи, анатоміи, физіологіи, исторіи культуры и прочихъ такъ называемыхъ антропологическихъ наукъ, — мы, естественно, должны предположить, что 40 лѣтъ, которыя протекли со дня смерти Одоевскаго, — срокъ, слишкомъ значительный для того, чтобы педагогика, соотвѣтственно быстрому прогрессу вышеупомянутыхъ наукъ, могла сдѣлать крупный шагъ впередъ. Понятно, что многіе педагогическіе взгляды, высказанные почти полвѣка тому назадъ Одоевскимъ, и которые для своего времени имѣли животрепещущій интересъ и были своего рода новинкою, — въ настоящее время уже не являются таковыми, хотя нѣкоторые изъ нихъ, отличаясь оригинальностью, глубиною, являются и до сихъ поръ единственными въ своемъ родѣ. Насъ больше поразитъ и заинтересуетъ та свѣтлая, высоко гуманная личность князя, которая такъ ярко отразилась въ его педагогическихъ статьяхъ и въ той любви къ народу, для блага котораго онъ счелъ своимъ святымъ долгомъ образовать, научить его грамотѣ. Энциклопедизмъ въ познаніяхъ, стремленіе къ единству науки и искусства, безграничная вѣра въ свѣтлое будущее, въ совершенствованіе человѣчества, являющаяся результатомъ необычайной нравственной высоты его,—все это, будучи присуще Одоевскому, вылилось и въ педагогическихъ взглядахъ его и просвѣтительной дѣятельности. „Я оцѣнилъ вполнѣ важность моей разносторонней дѣятельности,—говоритъ Одоевскій,—когда, по обстоятельствамъ жизни, мнѣ пришлось заниматься дѣтьми. Дѣти были

моими лучшими учителями, и за то до сихъ поръ я сохранилъ къ нимъ глубокую привязанность и благодарность. Дѣти показали мнѣ всю скудость моей науки. Стоило поговорить съ ними нѣсколько дней сряду, вызвать ихъ вопросы, чтобы убѣдиться, какъ часто мы вовсе не знаемъ того, чему, какъ кажется намъ, мы выучились превосходно. Это наблюденіе поразило меня и заставило глубже вникнуть въ разныя отрасли наукъ, которыми, казалось, я обладалъ вполнѣ. Это наблюденіе убѣдило меня въ новости тогда неожиданной, а именно—какъ искусственно, какъ произвольно, какъ ложно дѣленіе человѣческихъ знаній на такъ называемыя науки. Въ обширномъ каталогѣ наукъ собственно нѣтъ ни одной, которая бы давала намъ опредѣлительное понятіе *о цѣльности* предмета. Возьмите человѣка, животное, растеніе, малѣйшую пылинку; науки разорвали ихъ на части: кому досталось ихъ химическое значеніе, кому идеальное, кому математическое и проч., проч., и эти разорванные члены названы спеціальностями. Говорятъ, что у насъ были когда-то, въ незапамятныя времена, профессора перваго тома, втораго. Для того, чтобы составить цѣльное понятіе о каждомъ изъ сихъ предметовъ, необходимо собрать ихъ всѣ разорванныя части, доставшіяся на долю разнымъ наукамъ. Для свѣжаго, неиспорченнаго никакою схоластикою дѣтскаго ума нѣтъ отдѣльно ни физики, ни химіи, ни антропологіи, ни грамматики и проч., проч. Ребенокъ не будетъ васъ слушать, если вы заговорите самымъ систематическимъ путемъ отдѣльно объ анатоміи лошади, о механизмѣ ея мускуловъ, о химическомъ превращеніи сѣна въ кровь и тѣло, о лошади, какъ движущей силѣ, какъ эстетическомъ предметѣ. Дитя—отъявленный энциклопедистъ; подавайте ему лошадь всю, какъ она есть, не дробя предмета искусственно, но предоставляя его въ живой цѣльности—въ этомъ вся задача педагогіи. Чтобы удовлетворить этому строгому, неумолимому требованію, мало отрывочныхъ, такъ сказать, литературныхъ, или неправильно называемыхъ общихъ знаній, а надобно, какъ говорятъ французы, mettre la main à la pâte, *и только тогда можно говорить съ дѣтьми языкомъ, для нихъ понятнымъ*". (Р. Архивъ, 1874 г, т. I). Дѣти и народъ были не только средствами, толчками для Одоевскаго на пути его къ выработкѣ цѣльнаго, гармоническаго міросозерцанія, опиравшагося на энциклопедическія знанія, но и цѣлью его жизни, его научныхъ стремленій и занятій. „Можетъ быть вы слышали,—пишетъ Одоевскій М. А. Максимовичу въ 1833 году, — что я теперь прилежно занимаюсь естественными науками и въ особенности химіею; я здѣсь прошедшій годъ бралъ уроки у академика Гессе съ *цѣлью написать народную химію*".

Вопросы о воспитаніи—преимущественно до-школьнаго періода дѣтей,—о народномъ образованіи, занимали можно сказать, всю жизнь Одоевскаго; имъ посвящалась съ любовью каждая свободная минута. Даже находясь въ заграничной командировкѣ по служебнымъ дѣламъ, Одоевскій тщательно знакомился съ народною германскою школою, съ ея выдающимися представителями Плодомъ такихъ усиленныхъ занятій этими вопросами должны были явиться научные труды, обѣщавшіе дать много новаго и въ высшей степени интереснаго; но этимъ ожиданіямъ не должно было, къ величайшему сожалѣнію, осуществиться. Правда, въ печати появилось нѣсколько статей его, затрагивающихъ вопросъ о „донаучномъ" обученіи; но въ нихъ Одоевскій не изложилъ своей научной системы послѣдовательно, полно.

Въ черновыхъ бумагахъ Одоевскаго мы находимъ довольно значительное количество плановъ, набросковъ, которые должны были, повидимому, лечь въ основу серьезнаго научнаго труда. И вотъ, знакомство съ характеромъ этихъ черновыхъ набросковъ по интересующему насъ вопросу, сведеніе всего матеріала, касающагося вопроса о народномъ образованіи, во едино—все это кажется намъ достойнымъ вниманія, тѣмъ болѣе, что подобная попытка, насколько намъ извѣстно, первая по времени.

Безграничная вѣра въ успѣхъ просвѣщенія у Одоевскаго никогда не колебалась: противоположныя мнѣнія только закаляли ее. Обладая свѣтлымъ, яснымъ умомъ, твердостью воли, никогда не идущей „на сдѣлки съ совѣстью", Одоевскій, съ своимъ добрымъ, дѣтскимъ сердцемъ, никакъ не могъ понять, на чемъ обосновываютъ свои мнѣнія его противники.

„Я не поручусь, пишетъ Одоевскій, чтобы между тѣми лицами, которыя у насъ такъ сильно кричатъ противъ просвѣщенія, не было тайныхъ агентовъ враждебныхъ европейскихъ державъ, которыхъ пугаетъ та сила, до которой можетъ достигнуть Россія развитіемъ просвѣщенія". Въ другой статьѣ, носящей заглавіе: „Нужно-ли безграмотство", Одоевскій даетъ такую отповѣдь поборникамъ невѣжества. „Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas. Одинъ латинистъ такъ переводилъ: такъ хочу, такъ велю, вмѣсто логики—дудки. Должно замѣтить, что здѣсь дудки въ смыслѣ краснорѣчія, ибо иногда эти поперечныя мысли (что 2 $\times$ 2 не 4, а 5) являются у людей весьма краснорѣчивыми. Такая бѣда случилась, напр., съ Жанъ-Жакъ-Руссо. Кто не знаетъ, что на конкурсную задачу Дижонской академіи онъ отвѣчалъ въ семидесятыхъ годахъ цѣлою книгою, въ которой, не шутя, доказывалъ, что науки отнюдь не нужны для умственнаго и нравственнаго образованія, а напротивъ развра-

щаютъ человѣка. Въ логическихъ и статистическихъ фактахъ, а равно и въ краснорѣчіи у Руссо недостатка не было. У него встрѣчаются слѣдующія фразы: „Душа человѣка развратилась, по мѣрѣ того какъ науки и искусства стали совершенствоваться. Скажемъ-ли, что это бѣдствіе принадлежитъ нашему вѣку, —нѣтъ, несчастія, порожденныя нашею любознательностью, стары, какъ міръ“.

„Руссо... рекомендуетъ, какъ примѣръ—спартанцевъ (у которыхъ воровство считалось добродѣтелью). По мнѣнію Руссо, астрономія порождена суевѣріемъ, краснорѣчіе—тщеславіемъ, геометрія—корыстолюбіемъ,—всѣ науки, даже нравственныя, порождены гордостью. Слѣдственно, всѣ наши науки и искусства обязаны своимъ происхожденіемъ пороку. Но что страннѣе всего, что черезъ 150 лѣтъ одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей В. И. Даль нашелъ нужнымъ повторить за Руссо, что „умственное и нравственное образованіе можно достичь и безъ грамоты“. Не слишкомъ-ли поздно приниматься нынѣ за передѣлку мыслей женевскаго философа на русскіе нравы? Между тѣмъ это необъяснимое явленіе у насъ воочію совершается. Сперва Даль намекнулъ о своемъ открытіи, а потомъ его выразилъ, а теперь съ полною опредѣленностью подкрѣпилъ и доводами. Въ общемъ выходитъ, что близорукій, надѣвъ очки, и, несмотря на то, споткнулся,—виноваты очки — долой ихъ скорѣй! Можетъ быть виноватъ камень, некстати лежавшій на дорогѣ,—но объ камнѣ нѣтъ рѣчи,—дѣло идетъ объ очкахъ: долой ихъ, долой! Ясно, что очки во всемъ виноваты; не будь очковъ, близорукій не споткнулся бы“. (Переплетъ № 3). „Для всякаго общества два исхода: или развивающееся просвѣщеніе, которое съ каждымъ годомъ будетъ болѣе давать правительству исполнительныхъ и знающихъ совѣтниковъ, которыхъ присутствіе и дѣятельность даетъ возможность точныхъ и постепенныхъ улучшеній; или—постепенное ослабленіе силъ отъ натуги силъ, отъ вреднаго разрушительнаго дѣйствія невѣжественныхъ агентовъ и, можетъ быть, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ—усобицы. Для истинно русскаго выборъ не труденъ, и нечего тутъ заботиться о томъ, какъ и откуда должно придти просвѣщеніе или знаніе, славянское, Петровское-ли, западное—все равно, было бы знаніе, которое одно образуетъ надежныхъ исполнителей закона и опытныхъ начертателей его“ (89 переплетъ). „Природа побѣждается человѣкомъ при помощи просвѣщенія. Знаніе—первый долгъ человѣка; дѣйствовать сообразно знаніямъ—другой. Чему, если не образованію, проникающему до низшихъ слоевъ общества, т. е. такъ называемому *народному*, элементарному Германія обязана тѣмъ, что сохранила свою своебытность среди политическихъ бурь? Не тамъ-ли, гдѣ образованіе доступно

лишь немногимъ или не соображено съ потребностями всѣхъ степеней общественнаго быта и не разлито мудрою, щедрою рукою,— тьма, бѣдность и безнравственность? Есть истина, которая въ наше время выплываетъ изъ бездны всѣхъ противорѣчащихъ мнѣній и достигла до степени математической истины—это: если безъ любви нѣтъ ни искусства, ни науки, то съ другой стороны самая любовь безплодна безъ науки. Наука примиряетъ человѣка съ человѣкомъ, природу съ человѣкомъ и природу съ природою" (89 переплетъ).

„Чудная понятливость русскаго народа, возвышенная умозрительными науками, могла бы произвести чудеса; нѣмецъ беретъ ученьемъ, а у русскаго ученья не хватаетъ, а то нѣтъ способнѣе русскаго человѣка во всей Европѣ", восклицаетъ Одоевскій. Обыкновенно говорятъ, на что грамота народу, когда учащійся черезъ годъ или два все забудетъ. На это князь возражалъ слѣдующее:

(Переплетъ № 12). „Трудно говорить, сколь важны для человѣка простыя знанія—чтеніе и письмо, какъ способствуютъ они человѣку яснѣе понимать и слова вѣры и общественныя обязанности, какъ они благородствуютъ человѣка, какъ занимаютъ его въ тѣ минуты. въ которыя, можетъ быть, отъ праздности онъ предался бы самымъ порочнымъ наклонностямъ! А сколько людей, одаренныхъ, можетъ быть, самыми сильными способностями. по недостатку сихъ знаній, остаются въ вѣчномъ ничтожествѣ. Сколько талантовъ умираетъ, не развернувшись, сколько выгоды для соотечественниковъ, а можетъ быть и для всего человѣчества, не является на свѣтъ оттого, что не найдется добрый человѣкъ на юношей, который бы показалъ имъ склады въ азбукѣ. Что было бы съ Ломоносовымъ, съ этимъ великимъ ученымъ. написавшимъ первую русскую грамматику, первую русскую исторію, соперникомъ Франклина въ физическихъ наукахъ, первымъ русскимъ металлургомъ, первымъ русскимъ астрономомъ,— что было бы съ этимъ человѣкомъ, заключавшимъ въ себѣ всѣ знанія своего вѣка, котораго славные труды до сихъ поръ приносятъ плоды русскому просвѣщенію, если бы не нашелся добрый человѣкъ, научившій его читать и писать по псалтырю? Сколько, можетъ быть, если не подобныхъ ему, но все могущихъ даже второстепенными способностями приносить пользу отечеству, кроется между низшими сословіями русскаго народа, свыше одареннаго необыкновенною въ другихъ земляхъ понятливостью, смѣтливостью, изобрѣтательностью, наконецъ, даже естественною страстью къ пріобрѣтенію знаній?—Не способствовать развитію дарованія въ такихъ людяхъ, не помогать всякому человѣку и даже самому бѣдному по своимъ способностямъ яснѣе понимать и предписанія вѣры и свои обязанности—есть не только дѣло слабоумія, но и преступленія, и

преступленія важнаго, ибо убивать душу грѣшнѣе, нежели убивать тѣло. Для сихъ-то благородныхъ людей, а равно и для не имѣющихъ средства содержать даже малую библіотеку, для отцевъ и матерей семейства, не могущихъ отдать своихъ дѣтей въ общественное заведеніе, я составилъ эту книжку, избравъ то, что сумѣлъ приноровить къ русскимъ читателямъ. Я почелъ для себя святымъ долгомъ чѣмъ-бы то ни было удовлетворить потребностямъ настоящей минуты и положить свою лепту на алтарь русскаго просвѣщенія".

Книга, о которой идетъ здѣсь рѣчь, по всей вѣроятности, носила названіе: „До науки", отрывокъ изъ которой помѣщенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1845 годъ, а, быть можетъ, имѣются въ виду и тѣ статьи и разсказы, которые Одоевскій помѣщалъ въ журналѣ „Сельское Чтеніе".

Признавая задолго до освобожденія крестьянъ равенство всѣхъ сословій, Одоевскій особенно скорбѣлъ объ экономической зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, о недостаткѣ просвѣщенія для первыхъ, которому, т. е. просвѣщенію, онъ приписывалъ силу поднятія экономическаго благосостоянія.

Производительность труда, какъ доказано статистическими данными, повышается, благодаря общему образованію рабочихъ, на 50%. Несомнѣненъ *теперь* фактъ безспорнаго вліянія общей культурности человѣка на самые разнообразные виды труда, и „чѣмъ выше эта культурность, тѣмъ болѣе выигрываетъ и трудъ— будетъ-ли онъ фабричный, заводскій или ремесленный", а тѣмъ болѣе трудъ сельского рабочаго, разнообразящійся безъ конца, дающій просторъ личной инициативѣ, творчеству ума. „Итакъ, говоритъ Джарвисъ, образованіе является прямой экономіей силъ и необходимымъ условіемъ для созиданья цѣнностей". Прямое, непосредственное вліяніе какъ общаго образованія, такъ и профессіональнаго на экономическое благосостояніе страны можетъ считаться фактомъ, твердо, научнымъ образомъ доказаннымъ теперь, а въ 30-хъ годахъ XIX вѣка у насъ, въ Россіи, это требовало доказательствъ. Честь и слава поэтому Одоевскому, провозгласившему среди общаго мрака такую святую истину и посвятившему всѣ свои силы для выполненія ея на дѣлѣ!

Изложимъ теперь вкратцѣ взглядъ Одоевскаго на такъ называемое до-научное образованіе, воспитаніе. „Спрашивается, чему учить ребенка, мужика? Неужели спозаранку набить въ голову ребенка ариѳметику, грамматику, ботанику, химію, спрашиваетъ Одоевскій. Неужели учить мужика химіи, геологіи, физикѣ, астрономіи, ветеринарному искусству, архитектурѣ (ибо все это входитъ въ земледѣльческій бытъ),—нѣтъ! ни ребенка до нѣкотораго возраста, ни

мужика не надо учить никакой *наукѣ*, даже вообще учить не должно, а нужно *пріучать его* видѣть то, что вокругъ него и въ немъ, и отдавать отчетъ, отчего онъ въ томъ или другомъ предметѣ видѣлъ это; видѣть не безъ пользы, но съ замѣткою; отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, почему онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе; отвыкнуть отъ привычки дѣлать что-либо потому только, что прежде такъ дѣлали,—словомъ, отъ привычки подражать безсознательно кому бы то ни было. Если нужно ребенку передать, что въ прямомъ углѣ 90°, мужику—что хорошій плугъ лучше его глупой кривули, то еще нужнѣе пріучить человѣка подумать о томъ, что прямой уголъ не долженъ не быть въ 90°, и почему плугъ лучше кривули. Практическая польза отъ того та, что ученикъ правильнѣе начертитъ прямоугольникъ, а мужикъ легче исправитъ плугъ, если онъ изломается, словомъ пріучитъ и того и другого приводить въ движеніе свое разумѣніе въ томъ кругѣ, который ему доступенъ: какъ предостеречь себя напередъ отъ ошибокъ, какъ воспользоваться и своею и чужою опытностью. Спрашивается, какая польза отъ такого навыка? Для ребенка та, что онъ легче перейдетъ къ наукѣ, и его даже не испугаетъ опредѣленіе единицы; для мужика та, что, не пускаясь въ науки, ему невозможныя и даже ненужныя, составитъ изъ своихъ опытовъ свою науку, или свое искусство, какъ угодно; а если ему придется заглянуть въ книжку или прочесть предписаніе начальства, то ни то, ни другое не будетъ ему казаться букой". (Переплетъ № 48).

Воспитаніе ребенка, по мнѣнію Одоевскаго, начинается съ тѣхъ поръ, когда онъ начинаетъ отдавать отчетъ себѣ въ видѣнномъ и слышанномъ, т. е. съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Сильною впечатлительностью ребенка къ воспринимаемому не надо злоупотреблять: ни забивать голову ребенка наукой, ни отстранять его совсѣмъ отъ нея. „Все первоначальное воспитаніе (начиная съ четырехлѣтняго), говоритъ Одоевскій, должно быть не передача знаній, но *усовершенствованіе снаряда, которымъ пріобрѣтаются знанія.* Не передавайте человѣку знанія, но старайтесь, чтобы онъ получилъ способность самъ доходить до него". Ребенокъ, „умѣющій учиться", впослѣдствіи легко самъ можетъ научиться всему. Спрашивается, какой методы придерживаться въ педагогикѣ? „Совершеннѣйшая метода педагогіи та", отвѣчаетъ Одоевскій, „которая представляетъ наиболѣе средствъ къ наблюденіямъ за ходомъ духовнаго процесса въ ребенкѣ и научаетъ самого ребенка пользоваться сими наблюденіями". Все дѣло въ выводахъ изъ практическихъ наблюденій надъ дѣтьми; поэтому Одоевскій привѣтствуетъ починъ знаменитой американки Вилларъ, которая изъ ежедневной записи поступковъ

ребенка составила рядъ любопытныхъ фактовъ, „въ высшей степени важныхъ для подкрѣпленія теоріи педагогической очевидными, осязаемыми опытами“.

Но этого мало для учителя, которому необходимо *умѣть говорить* съ дѣтьми, и тогда только учитель будетъ въ состояніи дать такой урокъ, какой давали въ присутствіи Одоевскаго нѣмецкіе педагоги, чѣмъ приводили князя въ полнѣйшій восторгъ. „Не разъ“, повѣствуетъ съ восторгомъ Одоевскій, „въ неизвѣстномъ городкѣ я встрѣчалъ людей, полныхъ любви къ своему дѣлу; ихъ преподаваніе было ничто иное, какъ простой, импровизированный разговоръ съ дѣтьми, но разговоръ столь живой, столь понятный дѣтямъ, что они въ школѣ, какъ на праздникѣ, ловятъ каждое слово—а иногда дѣло идетъ о психологическихъ вопросахъ, которыхъ, не скажу, разрѣшеніе, но одна мысль о которыхъ такъ благодѣтельно дѣйствуетъ на душу человѣка, ибо возбуждаетъ родныя, естественныя ей понятія. Съ чего начать? Отвѣчаю: заставить заговорить тѣ стихіи духовныя, съ которыми мы родимся; навести ученика на ту дорогу, по которой онъ отъ безсознательныхъ понятій можетъ дойти до сознательныхъ; то, что неопредѣленно представляется его душѣ, выразить опредѣленнымъ словомъ и связать то, что дѣтскому уму представляется разрозненнымъ, неимѣющимъ между собою никакого отношенія“. Такъ, Одоевскій, напр., не рекомендуетъ давать ученикамъ сперва опредѣленіе глагола; по его мнѣнію, нужно заставить ученика спрягать, пріучить сперва ученика къ понятію о числѣ и родѣ посредствомъ присоединенія къ глаголу мѣстоименій, къ понятію о временахъ посредствомъ словъ: „сегодня“, „вчера“, „завтра“. Въ физикѣ нужно начинать съ осмотра общихъ свойствъ тѣла, а не съ опредѣленія его; также и въ ботаникѣ нужно начинать съ осмотра нѣсколькихъ экземпляровъ растительныхъ семействъ, причемъ учителю необходимо указать удобнѣйшій способъ наблюденія, который бы привелъ къ запоминанію только существенныхъ признаковъ.

Воспитателю необходимо слѣдить и за душевнымъ міромъ ребенка. Религіозное чувство его, которое Одоевскій считаетъ врожденнымъ каждому человѣку, по мнѣнію его, нужно также направлять, чтобы оно не перешло въ уродливыя формы. Вообще нужно стремиться къ тому, чтобы „нравственная гармонія была истиннымъ, естественнымъ назначеніемъ человѣка“. Задача воспитателя заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы довести ребенка до того, чтобы онъ могъ отличить, отдѣлить себя на первый разъ отъ окружающихъ его предметовъ. Человѣкъ долженъ какъ-бы познать свое человѣческое достоинство и смѣло войти во внутреннюю храмину души своей, гдѣ великій зодчій приготовилъ ему всѣ орудія, нужныя для господство-

ванія надъ природою. Здѣсь первый актъ самосознанія. Начало педагогической дѣятельности совпадаетъ съ первымъ вопросомъ психологіи".

Помочь дальнѣйшему самосознанію ребенка воспитатель можетъ въ томъ только случаѣ, если онъ его будетъ наводить, предохранять отъ ложныхъ путей, сообщая ему только истинное, типичное, а не частное; самому же ребенку предоставляется дальнѣйшая умственная работа: обобщенія, выводы. „Не ищите преждевременно сдѣлать вашего ученика ботаникомъ, зоологомъ; пріучите его прежде всего быть человѣкомъ; разныя знанія, сообщаемыя ребенку, суть средства лишь для сей цѣли; спеціальность принадлежитъ послѣдующимъ возрастамъ".

Затѣмъ Одоевскій опять переходитъ къ любимой своей темѣ: о передачѣ мысли языкомъ. Лучшій педагогъ тотъ, кто умѣетъ перевести отвлеченныя понятія на дѣтскій языкъ. Таковымъ Одоевскій считаетъ Гугеля, преподаваніе котораго онъ самъ имѣлъ случай наблюдать. „Надобно было видѣть Гугеля въ кругу дѣтей, замѣчаетъ Одоевскій; надобно было видѣть дѣтей вокругъ него, оживленныхъ его рѣчью; казалось, съ каждымъ ребенкомъ онъ употреблялъ особый пріемъ разговора; съ каждымъ онъ говорилъ языкомъ, ему вполнѣ понятнымъ". Свою превосходную статью, предназначенную исключительно для матерей семейства, Одоевскій заканчиваетъ слѣдующимъ замѣчательнымъ резюме: „Единственно вѣрная метода педагогіи— пріучить умственныя силы ребенка къ сопряженію понятій, посредствомъ котораго онъ могъ бы самъ переходить отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному; первый пріемъ педагогіи—укрѣпить умственныя силы ребенка надъ тѣмъ, что ребенокъ уже знаетъ, но въ чемъ не отдаетъ себѣ отчета. Затѣмъ: сообщать ему новыя понятія, хотя неполныя, но вѣрныя, и постепенно пріучать его самого видѣть связь между ними и пополнять пробѣлы, остающіеся необходимо во всякомъ преподаваніи. Способы усовершенствованія педагогіи зависятъ, во-первыхъ, отъ общаго усовершенствованія всей области наукъ, во-вторыхъ, отъ положительныхъ наблюденій надъ процессомъ умственнаго развитія человѣка—почти съ его рожденія". („Отеч. Записки",1845 г.).

Соотвѣтственно такому методу преподаванія дается Одоевскимъ распредѣленіе наукъ, крайне для насъ интересное.

Распредѣленіе наукъ отъ 4-хъ до 18-ти лѣтъ.
(Переплетъ № 89).

Воспитаніе физическое; приготовленіе къ періоду естественности до	5 лѣтъ. Воспитаніе болѣе физическое: чистый воздухъ, произвольная гимнастика. 6 лѣтъ. Изъ наукъ: подвижная азбука, счетъ на пальцахъ, уроки послушанія, картины. 7 лѣтъ. Пѣніе—больше для развитія груди

Періодъ естественности	8 лѣтъ. Письмо, черченіе простыхъ фигуръ.
	9 лѣтъ. Чтеніе стихотвореній, работа въ огородѣ.
	10 лѣтъ. Знакомство съ растеніями и минералами.

Затѣмъ—математика, астрономія, физика, химія и исторія.

Таковъ, вкратцѣ, взглядъ Одоевскаго на „до-научное“ воспитаніе дѣтей младшаго возраста; но мы знаемъ, что народное образованіе вообще было завѣтною мечтою Одоевскаго: ему онъ посвящалъ весь свой досугъ. Какъ-же онъ смотрѣлъ на распространеніе образованія среди народа и какого именно? Для сельскихъ жителей князь считалъ необходимымъ издавать рядъ полезныхъ книжекъ по той программѣ, какая предъявлялась въ общемъ и къ дѣтямъ младшаго возраста, т. е. наводить умъ крестьянина на выводы, обобщенія того, что вокругъ него дѣлается,—словомъ, усовершенствовать „мозговой аппаратъ“—по выраженію князя.

Для городскихъ рабочихъ Одоевскій признавалъ необходимымъ, кромѣ полезныхъ книгъ соотвѣтствующаго содержанія, общедоступныя лекціи преимущественно по естественнымъ наукамъ, какъ болѣе касающимся ихъ быта, занятій.

„Зачѣмъ столь общеполезныя лекціи лишь для избраннаго кружка?—недоумѣваетъ Одоевскій по поводу лекціи профессора Любимова.—Зачѣмъ онѣ не для всѣхъ классовъ народа? Зачѣмъ онѣ не безплатныя?—При чемъ вспоминались химическія лекціи академика Гессе, которыя привлекали огромную толпу народа всѣхъ званій въ залу Петербургскаго Минералогическаго Общества; вспоминалось, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ простолюдины, фабричные работники, вообще ремесленники, посѣщали эти лекціи, сколь у многихъ (какъ тогда было выведено на справку) прояснились понятія на пользу общественнаго разума и ихъ собственнаго дѣла. Говорено было, сколько безплатныя, всѣмъ открытыя лекціи способствовали-бы не только умственному, но и нравственному и религіозному развитію простолюдиновъ. Наконецъ, посѣщеніе такихъ лекцій не было-бы термометромъ для опредѣленія степени образованія и духовныхъ потребностей народа“?

„Все это такъ, но забываютъ одно: для частнаго человѣка, безъ общественнаго дружнаго содѣйствія, чтенія даровыхъ лекцій, въ особенности по части естественныхъ наукъ, есть дѣло рѣшительно невозможное“.

„Не говоримъ уже о личной тратѣ времени, которое для трудящагося есть капиталъ. Въ настоящее время едва-ли у какого-либо

ученаго общества найдутся средства, достаточныя для образованія безплатныхъ лекцій. Но это весьма доступно для общей складчины, особливо въ большомъ городѣ. Сложились-бы сто человѣкъ по десяти рублей или двѣсти по пяти рублей, и образовалась-бы возможность безплатныхъ публичныхъ лекцій. Мы часто забываемъ, что наука есть тоже хлѣбъ насущный. На Западѣ существуетъ во всѣхъ классахъ полное убѣжденіе, что наука есть единственный источникъ какъ государственнаго, такъ и частнаго богатства; у насъ, кажется, такое убѣжденіе существуетъ лишь для немногихъ. Сдѣлать складчину на пользу науки,—а не для чего другого,—у насъ дѣлается весьма рѣдко. Но будетъ время,—лишь-бы оно поскорѣе пришло,—когда между сословіями возбудится благородное соревнованіе, когда во всѣхъ и каждомъ проникнетъ убѣжденіе, что въ Россіи все есть, а нужны только три вещи: наука, наука и наука; во всѣхъ концахъ нашей великой земли раздадутся всенародно и общедоступно умныя рѣчи ученыхъ людей и русскихъ, и иностранныхъ; учредятся библіотеки, физическіе кабинеты, химическія лабораторіи, для всѣхъ открытые, и въ уровень науки и въ русскомъ ухѣ отзовется не кимвалъ бряцающій, а могучее слово науки. Тогда появятся у насъ и второстепенные дѣятели, столь необходимые первостепеннымъ; тогда машинистами на фабрикахъ, на желѣзной дорогѣ, на пароходахъ будутъ преимущественно русскіе люди; русскій работникъ, съ прояснѣвшею головою, придумаетъ многое, въ родѣ, напримѣръ, автоматическаго движенія золотниковъ, столь важнаго при паровикахъ, изобрѣтеннаго, какъ извѣстно, простымъ рабочимъ; тогда научившійся мужичекъ будетъ заправлять деревенскими локомобилями, да самъ еще приспособитъ ихъ къ мѣстному дѣлу; всѣ земскія силы расширятся; и землевладѣлецъ и бездомный зашибутъ лишній рубль, а затѣмъ и государственные доходы пріумножатся богатымъ, сподручнымъ вкладомъ, и въ свою очередь образуются готовыя средства на подмогу наукъ".

Если не ошибаюсь, современныя просвѣтительныя общества, въ родѣ „Общества грамотности", преслѣдуютъ подобныя цѣли, а потому имъ не худо бы знать, откуда получила начало ихъ просвѣтительная идея, какіе планы для народнаго образованія создались у Одоевскаго.

А что князь отъ слова переходилъ къ дѣлу, объ этомъ свидѣтельствуютъ его проекты организаціи чтеній для народа, которыя, кажется, примѣнялись и на дѣлѣ. Въ переплетѣ за № 20 мы находимъ такой планъ организаціи народныхъ чтеній подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Чѣмъ больше людей въ школахъ, тѣмъ менѣе въ тюрьмахъ":

1) Необходимость лекцій общенародныхъ:

а) Сообщеніе положительныхъ знаній (сѣрнокислое желѣзо, линейное черченіе).

б) Развитіе умственнаго снаряда посредствомъ возбужденія любознательности.

в) Указаніе источниковъ. Примѣръ: крестьянинъ, искавшій суррогатовъ въ неурожайный годъ; строитель сухопутнаго парохода; исчисленіе теченія луны—недовѣрчивость къ календарю.

Нѣтъ предмета (NB. гипербола въ слогѣ), котораго нельзя было-бы объяснить общенароднымъ образомъ.

Возможные предметы.

Общіе.	Техника.	Гигіена.
Торговля честная и нечестная.	Линейное черченіе.	Жилище въ гигіеническомъ отношеніи.
Понятія политической экономіи.	Паровыя машины.	Пища.
Злоупотребленіе спиртными напитками.	Вѣтряныя и водяныя мельницы.	Чистый воздухъ.
Важнѣйшія открытія: паръ, газовое освѣщеніе, хлороформъ, электрическій телеграфъ.	Элементарныя понятія о химіи.	Знахарство и гаданіе (?).
Общія понятія о земномъ шарѣ, планетныхъ системахъ, анатоміи.		

Есть у Одоевскаго и „программа улучшенія быта сельскихъ жителей“, очень подробная, носящая отпечатокъ необыкновенной гуманности и знанія дѣла. Управляющій, напримѣръ, по мнѣнію Одоевскаго, долженъ снискать уваженіе крестьянъ любовью, правдою, добротою.

Подведемъ итогъ вышесказанному и посмотримъ, что заслуживаетъ нашего вниманія изъ педагогической системы Одоевскаго, и въ какой мѣрѣ въ ней отразилась его свѣтлая личность, а потомъ скажемъ въ двухъ словахъ объ Одоевскомъ, какъ писателѣ для народа.

Одоевскій, стремясь къ энциклопедическому образованію, необходимость котораго естественно вытекала изъ философіи Шеллинга, правовѣрнымъ послѣдователемъ котораго онъ былъ, желаетъ, чтобы и дѣти, получивъ разностороннее образованіе, могли-бы понимать окружающія ихъ явленія. „Кто умѣетъ гармонировать свои способности, свои дѣйствія, свою жизнь, тотъ и при всякихъ способностяхъ получаетъ обширнѣйшій кругъ дѣятельности, нежели человѣкъ съ одною способностью, сильно развитой. Великіе люди были гармонизированы,

напр., Вашингтонъ, Гумбольдтъ и пр.". Имъ старался подражать и Одоевскій. Стремленіе къ энциклопедизму вытекало у нашего русскаго Фауста изъ желанія, согласно натурфилософіи Шеллинга, видѣть единство въ природѣ; раздробленіе наукъ и предметовъ есть дѣло искусственное; естественное-же—цѣльность, гармонія частей, по мнѣнію шеллингистовъ.

„Immer strebe zum Ganzen!
Als dienendes Glied schliess an ein Ganzes dich an". (Шиллеръ)*).

Такое стремленіе къ единству, цѣльности въ природѣ и человѣкѣ, заложено въ каждомъ изъ насъ; но съ особенною силою оно даетъ себя знать у дѣтей, у этихъ „отъявленныхъ энциклопедистовъ". Почетную роль такого соединенія разорванныхъ наукой частей предметовъ, явленій взяло на себя искусство и съ успѣхомъ исполняетъ ее. Человѣческій умъ, недовольный разрозненностью мозга, его расчлененіемъ на части наукой, тяготимый страстнымъ желаніемъ единства, цѣльности во всемъ, находитъ въ обобщающемъ, убѣдительномъ образѣ „разнообразіе нюансовъ, ускользающихъ отъ Прокрустова ложа логическаго анализа". Свести безконечное разнообразіе явленій дѣйствительности къ возможно меньшему числу обобщеній—такова роль искусства. То же думалъ Одоевскій. Безъ поэзіи, искусства вообще общество, по мнѣнію Одоевскаго, не можетъ существовать; необходимость удовлетворенія эстетической потребности ребенка и взрослаго человѣка Одоевскій сознавалъ ясно, а потому при воспитаніи искусству отводилась имъ видная роль, хотя Одоевскій полагалъ, что и путемъ изученія всѣхъ наукъ можно добиться того, что человѣческое чувство—недовольство разрозненностью міра—будетъ удовлетворено. Далѣе. Вся жизнь Одоевскаго—это непрерывная, напряженная умственная работа высшаго сорта—творческая; удовлетвореніе высшихъ интересовъ человѣческихъ—интересовъ мысли, чувства—всегда ставилось имъ цѣлью всякаго воспитанника—будь это ребенокъ или взрослый.

Народъ, погруженный въ матеріальные интересы, нравственно и физически вырождается, думаетъ Одоевскій. „Одно матеріальное просвѣщеніе, образованіе одного разсудка безъ всякаго вниманія къ интеллектуальному, невольному побужденію сердца,—словомъ, одна наука безъ чувства религіозной любви можетъ достигнуть высшей степени развитія. Но, развившись въ эгоистическомъ направленіи,

---

*) „Всегда стремись къ цѣлому! Въ качествѣ необходимой частицы присоединяйся къ цѣлому".

безпрестанно удовлетворяя потребностямъ человѣка, предупреждая его всѣ физическія желанія, оно растлитъ его". (Переплетъ № 89). Какъ внушить любовь къ людямъ? Какъ избѣжать того, чтобы эгоистическое направленіе сердца не растлило человѣка? Это можно сдѣлать, по мнѣнію Одоевскаго, только помощью религіознаго воспитанія. „Религія,—пишетъ Одоевскій (переплетъ № 12),—должна быть основою воспитанія: безъ нея нельзя человѣку внушить никакихъ твердыхъ, нравственныхъ правилъ и убѣжденій; безъ нея не можетъ быть доступно для насъ ничто истинно благое и прекрасное; безъ нея невозможно то внутреннее довольство, къ которому безпрестанно стремится человѣкъ. При религіозномъ воспитаніи должна быть полная внимательность и прилежность. Для воспитанника воспитатель долженъ въ данномъ случаѣ служить примѣромъ; *словомъ и дѣломъ* нужно показывать, что ты самъ исповѣдуешь ее какъ слѣдуетъ, чтобы религіозное чувство „тѣсно сливалось съ твоими поступками и словами", и тѣмъ дать почувствовать ея красоты и внушать ежеминутныя ея сладости. Воспитывать ребенка въ религіозныхъ понятіяхъ нужно съ самаго ранняго дѣтства". Одоевскій указывалъ на одно еще важное значеніе религіи,—на способность ея дѣйствовать успокоительнымъ образомъ на человѣка.

Объ ариѳметикѣ Одоевскій такъ отзывается: „Ничто такъ не способствуетъ дать ему прочность, правильность, способность къ быстрому и вѣрному соображенію, какъ ариѳметическія соображенія. Ариѳметика—одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для развитія всего умственнаго снаряда ребенка. Обученіе ей должно идти незамѣтно и нагляднымъ образомъ". Въ самомъ дѣлѣ, абстрактный характеръ ариѳметики едва ли позволитъ ее преподать въ младшемъ возрастѣ, и только путемъ наглядности можно подготовить ребенка къ философскому характеру математики, которая въ полномъ объемѣ своемъ должна, по мнѣнію Одоевскаго, изучаться только въ отроческомъ возрастѣ, такъ какъ въ этомъ только возрастѣ воспитанники начинаютъ понимать абсолютное значеніе законовъ и доказательствъ, чувствовать уваженіе предъ закономъ и, доказанной истиной и категорическимъ императивомъ всякаго научнаго мышленія: „ты долженъ доказывать свои положенія",—а все это составляетъ философію математики, ея основу.

При изученіи исторіи Одоевскій обращаетъ вниманіе преподавателя на философію ея, на убѣдительность его рѣчи.

Одоевскій отлично понималъ, что умъ ребенка неспособенъ къ воспріятію отвлеченныхъ положеній, а поэтому онъ считаетъ необходимымъ ввести наглядное обученіе во всѣхъ наукахъ, какъ подготовительное при первоначальномъ обученіи. Относительно пред.

метности въ обученіи вообще вотъ что говоритъ А. Нечаевъ: „Объясненіе бываетъ предметнымъ не только тогда, когда ученикъ видитъ вещь своими глазами, но когда онъ вообще дѣйствительно переживаетъ всѣ тѣ психическія состоянія, въ которыя хотѣлъ бы перенести его учитель, т. е. когда онъ воспринимаетъ или чувствуетъ именно то, что хотѣлъ бы заставить его воспринимать, представлять или чувствовать его учитель. Въ этомъ смыслѣ слова „предметность“, несомнѣнно, является общимъ дидактическимъ положеніемъ, логически связаннымъ съ самымъ понятіемъ обученія“ (103). Основныя дидактическія требованія, логически вытекающія изъ самаго понятія обученія, суть: предметность и постепенность. Постепенный переходъ отъ легкаго къ трудному, отъ простого къ сложному, ставился въ непреложный законъ и Одоевскимъ при первоначальномъ обученіи.

Въ самомъ дѣлѣ, „историческій законъ эволюціи отъ конкретнаго къ абстрактному и отъ абстрактнаго къ его словесному опредѣленію“ представляетъ тотъ идеалъ, къ которому надо стремиться въ педагогіи. Но, по необходимости, сообщая ребенку въ сжатомъ видѣ наши мысли, мы иногда употребляемъ абстрактные термины, логическій смыслъ которыхъ будетъ понятенъ воспитаннику только послѣ анализа и синтеза конкретныхъ явленій, которыми онъ ихъ невольно и объясняетъ.

Методъ наглядности въ обученіи, предметность, тѣмъ для воспитателя дорогъ, что онъ естественъ, что въ основѣ его лежитъ актъ сравненія, при помощи котораго человѣкъ вообще познаетъ всю дѣйствительность въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Важнымъ подспорьемъ для *метода нагляднаго обученія* является рисованіе, на что Одоевскій и указывалъ. При рисованіи ребенку постоянно приходится вѣдаться съ методомъ сравненія, когда онъ у двухъ похожихъ другъ на друга предметовъ ищетъ признаки отличительныя и сходныя. Благодаря рисованію, ребенокъ узнаетъ гораздо скорѣе, нежели со словъ, чѣмъ, напр., отличается оселъ отъ лошади. При рисованіи развивается сужденіе и воображеніе. Pérez передаетъ, что одинъ мальчикъ, рисовавшій голубятню съ отверстіями для входа птицамъ, потомъ, увидѣвши ущербъ луны, обрадовался несказанно, когда сравнилъ отверстіе голубятни съ луной, когда совершилъ такимъ образомъ актъ сравненія, познанія. При рисованіи, напр., животныхъ, ребенокъ нечувствительно для самого себя отличаетъ впослѣдствіи уже видовые, родовые признаки, а это важное подспорье для образованія будущихъ логическихъ понятій. Воспитатель долженъ указывать воспитанникамъ на различіе видовыхъ признаковъ отъ индивидуальныхъ. Одна уже ясная постанов-

ка вопроса, который исключаетъ въ отвѣтѣ случайные, индивидуальные признаки,—есть уже лучшее средство подготовки вниманія. А насколько важно вниманіе, видно изъ слѣдующаго указанія К. Ушинскаго на значеніе его: „Аристотель, Спиноза, Локкъ, Ридъ, Руссо, Бэнъ—всѣ единогласно,—замѣчаетъ К. Ушинскій,—находятъ во вниманіи лучшее средство управлять страстями".

„Поэтому, воспитывая власть человѣка надъ вниманіемъ, мы не только открываемъ ему широкую дорогу къ умственному, но и даемъ могущественнѣйшее средство бороться со страстями и, несмотря на ихъ вліяніе, идти дорогою здраваго разсудка и добродѣтели" (209, т. I).

Подготовка вниманія должна идти съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и здѣсь-то незамѣнимую роль играютъ естественныя науки, которыя легче ребенку воспринять, чѣмъ какія-либо другія. Что получаетъ ребенокъ отъ естественныхъ наукъ? Безчисленныя аналогіи и сравненія, которыя невольно напрашиваются при изученіи природы, переходятъ впослѣдствіи въ понятія о гармоніи, о цѣлесообразности устройства вселенной, о ея органической связи и т. д. Замѣтимъ, что развитіе эстетическаго элемента у ребенка всецѣло происходитъ помощью наблюденій надъ природой.

Нечего, конечно, и говорить о той суммѣ знаній, необходимыхъ для борьбы съ природою каждому изъ насъ, которая дается естественными науками. Итакъ, если мы спросимъ въ концѣ концовъ, какія знанія необходимы ребенку, то придемъ къ заключенію, что Одоевскій правъ, когда говорилъ, что ребенокъ отъявленный энциклопедистъ, а сообразно этому его нужно и воспитывать такъ, чтобы онъ могъ воспринять впослѣдствіи всѣ науки; и мы сейчасъ приведемъ подтвержденіе его распредѣленію наукъ, по возрастамъ, со стороны извѣстнаго французскаго педагога Pérez. „Какихъ знаній мы желаемъ отъ него (ребенка)? Всякихъ или, вѣрнѣе, понемногу всего. Ребенокъ путемъ упражненія чувствъ и сужденія пріобрѣтаетъ поверхностныя, но ясныя и точныя понятія о физическихъ и моральныхъ явленіяхъ".

„Въ природѣ ему покажутъ камни, растенія, животныхъ (естествовѣдѣніе, физика, химія), научатъ его управлять своими членами (гимнастика. NB. Вспомнимъ, что и Одоевскій придавалъ большое значеніе физическому развитію ребенка—„непроизвольная гимнастика, пѣніе для развитія груди"—все это выше было нами отмѣчено), различать цвѣта (оптика) и звуки (акустика) созерцать звѣздное небо (астрономія); онъ разсмотритъ свою колыбель, комнату, садъ, окрестности, поля (географія); обратятъ его вниманіе на смѣну дня и ночи, на времена года, дѣленіе времени на часы, недѣли, мѣсяцы)

на праздники (хронологія); онъ узнаетъ о домашнемъ хозяйствѣ (политическая экономія); освоится съ первыми понятіями счета, съ продажей и покупкой (ариѳметика, торговля), величиной тѣлъ, съ линіями, поверхностями и твердыми тѣлами (геометрія); онъ услышитъ пѣніе и научится воспроизводить музыкальные звуки и фразы (музыка и пѣніе); позаботятся объ образованіи и развитіи его рѣчи (грамматика); онъ будетъ упражняться въ умѣньѣ выражать свои мысли и чувства съ помощью жестовъ и модуляцій голоса. Конечно, все это въ извѣстной формѣ и степени. Пріобрѣтая эти знанія, умъ медленно переходитъ отъ смутныхъ воспріятій къ болѣе яснымъ, отъ аналитической интуиціи къ систематическому и абстрактному пониманію (концепціи), а отъ послѣдняго къ безчисленнымъ комбинаціямъ этихъ понятій въ формѣ логическихъ, моральныхъ, практическихъ и эстетическихъ сужденій и соображеній".

„Все это дѣло вниманія и памяти. Эти понятія пріобрѣтаются ребенкомъ въ родительскомъ домѣ". (31—32). Не забудемъ, что Одоевскій постоянно только и говорилъ или о народномъ образованіи, или о домашнемъ, которое онъ считалъ „до-научнымъ". Народные учителя и матери должны являться такими воспитателями, по мнѣнію Одоевскаго, которые могли бы отвѣтить на всякій вопросъ воспитанника. Намъ думается, что такое требованіе Одоевскаго по отношенію къ воспитателямъ цѣлесообразно и является отвѣтомъ на крайнюю необходимость, которую другимъ путемъ нельзя избѣжать. Но пойдемъ далѣе и посмотримъ, что внесъ еще цѣннаго Одоевскій въ свою педагогическую систему.

Одоевскій требуетъ отъ воспитателя,—понимаемаго въ широкомъ смыслѣ этого понятія,—очень многаго: превосходнаго знанія своего дѣла, любви къ нему и внутренняго совершенства; но если ближе присмотрѣться, то эти требованія явятся вполнѣ естественными, такъ какъ дѣло воспитанія—слишкомъ серьезно. Занятія воспитателя съ питомцами не должны походить на обыкновенные уроки: они должны быть, по мнѣнію Одоевскаго, живою бесѣдою между ними, въ которой чувствовалась бы внутренняя, неразрывная связь, служащая основой довѣрія, любви.

Нуженъ особенный педагогическій талантъ, чтобы сухое изложеніе науки сдѣлать доступнымъ для ученика; для этого нужно умѣть говорить, на чемъ постоянно настаивалъ Одоевскій и весьма понятно почему. „Русскія ночи", главное произведеніе Одоевскаго, въ которомъ вылилось его міросозерцаніе, все проникнуто основной идеей—невозможностью передать мысль посредствомъ языка. Это весьма цѣнное указаніе Одоевскаго остается неоспоримымъ и до сихъ поръ. Умѣть говорить съ дѣтьми, поддѣлываться подъ ихъ

складъ ума, рѣчи—задача очень и очень трудная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма благодарная: умѣнье говорить съ дѣтьми превращаетъ урокъ въ бесѣду, въ этотъ идеалъ для всякаго воспитателя и учителя.

Но этого еще мало, по мнѣнію Одоевскаго, для хорошаго учителя— ему надо знать, какъ дѣйствовать на учениковъ, какъ ихъ исправлять и что для этого требуется.

„Три пути дѣйствуютъ на ребенка, говоритъ онъ,—разумное убѣжденіе, нравственное вліяніе, естественная гармонизація".

„Никакими наказаніями ребенка не исправишь; зло въ немъ прикроется и только; вы прибавите новый порокъ—лицемѣріе. Кому недоступно убѣжденіе (дѣло труднѣйшее), на того можно подѣйствовать нравственнымъ вліяніемъ. Ребенокъ вамъ уступитъ, потому что этого желаете вы, но любви къ вамъ не будетъ. Но добились вы любви ребенка, старайтесь развить ее. Все это дѣло трудное, но единственный путь къ спасенію. Развили ли вы въ себѣ нравственный магнитизмъ, который покупается цѣною многихъ пожертвованій, житейскими выгодами? Говоря о чести, о правдѣ, о дѣятельности,—вы честны, правдивы, дѣятельны? Если нѣтъ, то вы вашими словами обманете живое, дѣвственное, духовное чутье ребенка; не слова ваши будутъ они слушать, но вашъ взоръ, вашъ духъ, который обладаетъ вами. Будьте сами и человѣкомъ и младенцемъ для того, чтобы учить ребенка. Дѣти—настоящіе и вѣрные критики дѣтскихъ книгъ". (Переплетъ № 89). Слѣдовательно, энциклопедизмъ въ познаніяхъ Одоевскаго, его необыкновенная доброта, безотчечный оптимизмъ,—явившійся слѣдствіемъ сужденія по своему внутреннему „я"—вопросъ о газетѣ, о передачѣ мысли, высокія, культурныя требованія, предъявляемыя имъ къ воспитателю — все это необыкновенно тѣсно связано съ его личностью, образованіемъ. То, что искалъ Одоевскій, что находилъ лучшаго, что имъ пережито, все это воплощено въ педагогической системѣ, являющейся по существу своему необыкновенно стройной, цѣльной.

Демократизмъ въ убѣжденіяхъ, даже простота въ жизни—все это отразилось въ наставленіяхъ Одоевскаго воспитателю—пріучать дѣтей къ черной физической работѣ, внушать имъ о равенствѣ всѣхъ въ правахъ и ставить имъ критеріумомъ оцѣнки всякой личности— трудъ и честность. Какъ и вездѣ, Одоевскій и въ данномъ случаѣ старался показать примѣръ: онъ написалъ статью о химіи для рабочихъ, а для крестьянъ-земледѣльцевъ рядъ разсказовъ въ журналѣ „Сельское Чтеніе".

Въ виду того, что эти статьи-разсказы извѣстны даже не всѣмъ спеціалистамъ, изучавшимъ произведенія Одоевскаго, потому

что они написаны давно и въ специальныхъ журналахъ, которые очень трудно достать,—и въ виду того, что живость языка, мѣткость опредѣленія ускользаютъ отъ передачи, мы рѣшили привести ихъ въ выдержкахъ, хотя бы очень краткихъ.

Въ 1833 году въ „Журналѣ Общеполезныхъ свѣдѣній“ Одоевскій помѣстилъ статью о химіи, подъ заглавіемъ: „Краткое понятіе о химіи, необходимое для свѣчныхъ мастеровъ“. Статья начинается съ опредѣленія понятія, что такое тѣло. „Все, что человѣку встрѣчается, все, что мы видимъ, обоняемъ, осязаемъ, всѣ вещи, которыя занимаютъ какое-нибудь мѣсто (пространство), называются тѣломъ или тѣлами (веществомъ, матеріею, составомъ), а поэтому: камень, дерево, вода, воздухъ, сало—суть тѣла. Всякому извѣстно, что тѣла въ природѣ весьма различны между собою; одни плотны, грубы, тяжелы; другія—жидки, нѣжны, мягки и т. д“.

„На иныя изъ нихъ, чтобы увѣриться, что они дѣйствительно существуютъ, стоитъ только взглянуть или прикоснуться къ нимъ рукою, какъ, напримѣръ, камень. Напротивъ того, другія для насъ совершенно невидимы, хотя также подлинно существуютъ; таковъ, напримѣръ, воздухъ,—его не видимъ; помахавъ на лицо рукою, ты чувствуешь, что-то прикасается къ лицу, хотя ты до лица и не дотрогиваешься рукою“.

„Или вотъ другой примѣръ: возьми пузырь и надуй его; въ немъ, кажется, ничего нѣтъ; однако-жъ пузырь надулся, какъ будто водою налитъ. Слѣдственно, воздухъ не есть ничто, а точно есть тѣло, которое, какъ всякое другое, занимаетъ мѣсто, а потому не допускаетъ другое тѣло занять то же мѣсто. Точно также, если бы ты сталъ въ лохань съ водою класть камни, они помаленьку воду вытѣснятъ и займутъ то мѣсто, которое ею прежде было занято“.

Затѣмъ Одоевскій переходитъ постепенно къ другимъ свойствамъ тѣла: разложенію тѣлъ, твердости, мягкости, прозрачности ихъ. „Возьми кусокъ дерева; кажется, оно одно, сплошное; разрѣжь его на мелкія кусочки—все будетъ дерево. Положи его въ замазанный горшокъ, да поставь въ сильный огонь, то дерево раздѣлится на два тѣла, другъ на друга не похожія, а именно: дерево, какъ извѣстно, раздѣляется на уголь и на деготь. Сало кажется на видъ однимъ веществомъ, но смышленные люди его раздѣлили и нашли въ немъ 2 вещества: стеаринъ и олеинъ, и изъ стеарина дѣлаютъ свѣчи, которыя не хуже восковыхъ. Этимъ Богъ показалъ, что для того, чтобы пользоваться всѣми щедротами, которыя онъ для человѣка приготовилъ, надобно трудъ да ученье“. Шагъ за шагомъ, переходя отъ извѣстныхъ къ менѣе извѣстнымъ явленіямъ, Одоевскій превосходнымъ, яснымъ народнымъ языкомъ излагаетъ понятія о химіи.

Примѣры приведены самые доступные, общеизвѣстные: превращеніе дерева въ уголь, вытѣсненіе воды изъ сосуда, и т. д. Наставленія, которыя встрѣчаются въ этой книгѣ, не пристегнуты, — нѣтъ, они органически связаны съ изложеніемъ и изъ него вытекаютъ. Въ этомъ вся суть дѣла: здѣсь уже вступаетъ въ свои права творческій талантъ.

Въ 1838 году при Министерствѣ государственныхъ имуществъ учреждена была ученая коммиссія, на обязанности которой лежала забота объ учрежденіи въ деревняхъ школъ. Князь Одоевскій съ большою охотою принимаетъ предложеніе—сдѣлаться членомъ коммиссіи, задачи которой такъ гармонировали съ его планами объ обязанности интеллигенціи помочь народу въ святомъ дѣлѣ—народномъ образованіи. И князь со всею страстью предался любимому дѣлу. Въ это время онъ написалъ нѣсколько книгъ для народнаго чтенія, отличающихся большими достоинствами, а также учебники грамматики, ариѳметики, исторіи и географіи для сельскихъ школъ вѣдомства Министерства государственныхъ имуществъ. Изъ всѣхъ этихъ книжекъ до насъ дошелъ только журналъ „Сельское Чтеніе“, издававшійся В. Одоевскимъ и А. Заблоцкимъ. Первый изъ нихъ сумѣлъ привлечь къ этому симпатичному дѣлу крупныя литературныя силы. Успѣхъ изданія превзошелъ ожиданія издателей и вознаградилъ ихъ труды. Въ своихъ статьяхъ, написанныхъ въ формѣ разсказовъ, Одоевскій рѣшается затронуть преимущественно предметы, имѣющіе близкое практическое отношеніе къ крестьянской жизни, каковы вопросы о вредѣ пьянства, гигіенѣ, о посѣвахъ хлѣбовъ, о болѣзняхъ, о сельскихъ выставкахъ, суевѣріяхъ, объ устройствѣ локомотива, парохода, газоваго освѣщенія и о „нехлѣбныхъ статьяхъ души“ — ея запросахъ, о долгѣ и нравственности вообще.

Первыя статьи Одоевскаго носятъ нѣсколько подражательный характеръ; въ нихъ замѣтно благотворное вліяніе книги Максимовича (Книга Наума о великомъ Божьемъ мірѣ); въ послѣдующихъ статьяхъ Одоевскій уже свободенъ отъ какого-либо подражанія, и здѣсь его талантъ, какъ писателя для народа, выступаетъ ярко. Приведу небольшую выдержку, чтобы можно было по ней судить, насколько успѣшно справился Одоевскій съ своей задачей. Рѣчь идетъ о желѣзной дорогѣ; ѣдутъ двое парней изъ Питера въ Павловскъ, изъ которыхъ одинъ никогда не видѣлъ ни паровоза, ни вообще желѣзной дороги. „Экъ люди умудрились, подумалъ я—лошадей въ колымагахъ возятъ. А землякъ толкаетъ подъ бокъ: что зазѣвался — становись скорѣе, а не то уѣдетъ“. Вотъ у колымаги стоитъ сторожъ съ бляхой, пропустилъ насъ, и мы съ землякомъ въ

колымагу, а въ той колымагѣ стоймя стоятъ; ничего; стали мы на мѣста,—словно въ избѣ,—все ничего; дымъ черный надъ нами такъ и валитъ. Я и спрашиваю у сосѣдей: что за дымъ такой? Машину топятъ, говорятъ. Видно, утромъ печь топятъ, подумалъ я. Опять свистнула машина, да такъ страшно, что индо душа въ пятки ушла — а все ничего, да какъ вдругъ загрохотала, какъ тронулась машина — такъ домы и пошли мелькать передъ глазами: на доброй тройкѣ порожнякомъ не догнать. Кругомъ канавы, кочки, а мы скачемъ во всю ивановскую. Вотъ слышу, вокругъ толкуютъ: машина въ шестьдесятъ лошадей. Ну, подумалъ я, эка мудрость, что скачутъ—60 лошадей запрягли. Вотъ, видно, кони утомились, колымага тише пошла, смотрю—на дорогѣ подкова лежитъ, да такая, кажись, новая, я и вскрикнулъ: постойте ребята, дайте подкову подниму! И ужъ занесъ было ногу, чтобы соскочить, какъ, слышь ты, вокругъ меня хохотъ поднялся да такой, что святыхъ вонъ выноси“ и т. д. Этотъ отрывокъ достаточно говоритъ объ умѣньи Одоевскаго, доходящемъ до таланта истиннаго художника, въ двухъ-трехъ словахъ дать цѣлую картину, образъ, весьма понятный и для мужика. Также Одоевскій поучаетъ крестьянъ основнымъ понятіямъ химіи, физики, агрономіи. Вездѣ языкъ—народный, образный, превосходящій всякія похвалы; всѣ разсказы пересыпаны народными пословицами, поговорками, изъ которыхъ нѣкоторыя придуманы самимъ авторомъ („дружно—не грузно, а врозь хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ“). Знатокъ русской рѣчи, Даль восхищался языкомъ этихъ разсказниковъ, придуманными княземъ поговорками. Но что всего важнѣе, это то обстоятельство, что всюду свѣтится добрая, прекрасная личность самого автора; чувствуется какая-то безграничная любовь въ наставленіяхъ князя крестьянамъ, любовь отца къ сыновьямъ. И крестьяне понимали это, читали съ любовью этотъ журналъ, обращались письменно за указаніемъ къ Одоевскому.

Многіе изъ статей и разсказовъ, помѣщенныхъ Одоевскимъ въ журналѣ „Сельское Чтеніе“, и до сихъ поръ не утратили своего значенія,—а это лучшая похвала автору ихъ. Нынѣшнимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ, заботящимся о народномъ просвѣщеніи, и писателямъ, пишущимъ для народа, не худо было бы сперва поучиться у Одоевскаго, какъ можно отвлеченныя понятія науки передавать простымъ, образнымъ языкомъ и въ художественной формѣ, доступной для всякаго крестьянина.

Я уже не говорю о его сказкахъ для дѣтей младшаго возраста (сказки дѣдушки Иринея), которыя и теперь съ большою охотою читаются „маленькой“ аудиторіей. **Б. А. Лезинъ.**

Къ двадцатилѣтію кадетскихъ корпусовъ.

(Историческая справка).

Двадцать лѣтъ тому назадъ наши военно-учебныя заведенія пережили рядъ преобразованій, которыя предопредѣлили судьбу ихъ надолго. За этотъ промежутокъ времени могли выясниться и результаты преобразованій. Матеріалами для сужденія о результатахъ могутъ служить различныя статьи „Педагогическаго Сборника“, „Русскаго Инвалида“ и „Развѣдчика“.

Старые кадетскіе корпуса вплоть до эпохи великихъ реформъ представляли изъ себя военно-учебныя команды, въ которыхъ учебное дѣло и поведеніе были отдѣлены другъ отъ друга. Кадеты распредѣлялись по классамъ для обученія наукамъ и по ротамъ и отдѣленіямъ для фронтового ученія, при чемъ одно дѣленіе не зависѣло отъ другого. Внѣклассная жизнь протекала подъ наблюденіемъ дежурныхъ офицеровъ, которые должны были подготовлять дѣтей и юношей къ будущей службѣ, обучать ихъ строю и военной выправкѣ. Нельзя сказать, чтобы старые корпуса оставили по себѣ добрую славу.

Къ положительнымъ результатамъ слѣдуетъ отнести развитіе у кадетъ товарищескихъ чувствъ и нѣкоторыхъ рыцарскихъ понятій; общая-же картина была проникнута бурсацкими нравами и мелочной дрессировкой.

Г. Д. Щербачевъ сравниваетъ воспитаніе въ старыхъ корпусахъ съ воспитаніемъ фельдфебелемъ своихъ дѣтей, за малѣйшіе проступки получающихъ то или другое число розогъ. Н. В. Шелгуновъ слѣдующимъ образомъ описываетъ корпусный режимъ: „Мы росли, какъ растутъ жеребята,—„естественно“. Офиціально насъ не воспитывали, а дрессировали; а между тѣмъ живой душѣ нуженъ былъ выходъ, и мы нашли его въ нашей классной жизни, когда мы пользовались полной свободой... Когда кончались классы, мы должны были приводить себя въ порядокъ. Оставляя классы, мы вступали въ область поведенія и фронта, которые требовали особеннаго вни-

манія и осмотрительности; запачканныя куртки или неприглаженные волосы вызывали иногда цѣлую бурю.. Связь, которой держался нашъ порядокъ, была чисто внѣшней. Стоило ей только какъ-нибудь ослабнуть, чтобы всѣ отдѣльные интересы распались и запротестовали". Отдѣльные разсказы Ванюкова, Крылова, Миклашевскаго и многихъ другихъ, появившіеся за послѣдніе годы въ историческихъ журналахъ, дополняютъ и подтверждаютъ эту общую характеристику.

Въ 60-хъ годахъ, въ министерство Д. А. Милютина, подъ руководствомъ великаго князя Михаила Николаевича, была намѣчена и проведена въ жизнь коренная реформа старыхъ корпусовъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) сохранить за военно-учебными заведеніями прежнее ихъ назначеніе: доставлять не только спеціальнымъ оружіямъ, но и армейскимъ войскамъ офицеровъ, получившихъ достаточное общее и основательное военное образованіе, для замѣщенія впослѣдствіи старшихъ воинскихъ должностей; 2) отдѣлить спеціальные классы отъ общихъ и образовать изъ первыхъ особыя спеціальныя учебныя заведенія; 3) заведенія со спеціальными классами, названныя военными училищами, устроить такимъ образомъ, чтобы молодые люди, приготовляющіеся въ нихъ къ военному поприщу, были какъ можно ближе поставлены въ условія военнаго воспитанія и могли быть вполнѣ подготовлены ко всѣмъ требованіямъ военной службы; 4) измѣнить устройство заведеній съ общими классами сообразно современнымъ требованіямъ педагогіи, прекративъ въ нихъ фронтовыя занятія, какъ несоотвѣтствующія возрасту воспитанниковъ, и обративъ ихъ въ военныя гимназіи. (Татищевъ. Имп. Александръ II).

15 окт. 1866 г. было издано положеніе о военныхъ гимназіяхъ. Учебныя программы были переработаны и расширены; воспитаніе поставлено, по инструкціи и въ дѣйствительности, на раціональныхъ началахъ педагогической теоріи, фронтовое ученіе и заботы о внѣшней выправкѣ ослаблены, но, конечно, совсѣмъ не изгнаны; къ воспитательскимъ обязанностямъ привлечены были гражданскіе чиновники, получившіе спеціальную педагогическую подготовку, или высшее образованіе, а равно и офицеры съ высшимъ образованіемъ. Въ военныхъ гимназіяхъ закипѣла живая работа, привлекавшая къ себѣ и работниковъ по призванію, и родительскія симпатіи, такъ что нѣкоторые родители предпочитали отдавать своихъ дѣтей въ военныя, а не гражданскія гимназіи. Недавно, на юбилеѣ Вел кн. Михаила Николаевича, ген. Лалаевымъ было скромно заявлено, что военныя гимназіи не заслужили за все время своего существованія дурной репутаціи; онѣ вызвали общую къ себѣ благодарность.

Съ 1882 г., съ перемѣнами въ личномъ составѣ военнаго министерства, начинается новый періодъ въ жизни военно-учебныхъ заведеній, длящійся и до сего времени.

Приказомъ по военному вѣдомству отъ 22-го іюля 1882 г. военныя гимназіи переименованы въ кадетскіе корпуса; затѣмъ подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ и главнымъ образомъ упрощеніямъ учебныя программы, измѣненныя вновь въ 1889 году; далѣе составлена была новая инструкція по воспитательной части, сохранившая педагогическія указанія прежней инструкціи для военныхъ гимназій, но въ ней обращено уже большее вниманіе на физическое развитіе кадетъ, на ихъ внѣшнюю выправку и на поведеніе ихъ внѣ стѣнъ заведенія. „Въ слѣдующемъ 1883 году, какъ говорится въ исторіи одного изъ корпусовъ, *) всѣ усилія заведеній были направлены къ тому, чтобы всѣмъ распорядкамъ ихъ придать стройный и опредѣленный видъ, а также обращено особенное вниманіе на достиженіе лучшей внѣшней выправки воспитанниковъ". Въ 1884 г. образованы въ корпусахъ строевыя роты въ виду того, что „кадетскимъ корпусамъ предположено дать устройство, болѣе подходящее къ тому быту, къ которому приготовляются кадеты". 16 февраля 1885 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ строевыхъ ротахъ кадетскихъ корпусовъ званій вице-фельдфебелей и вице-унтеръ-офицеровъ. Съ 1883 г. воспитатели гражданскіе стали замѣняться офицерами-воспитателями; приказомъ отъ 17 іюля 1885 г. такая замѣна распространена и на младшіе классы. 14-го февраля 1886 г. Высочайше утверждено новое положеніе о кадетскихъ корпусахъ, какъ бы завершившее перечисленныя преобразованія. За послѣдніе три года дарованы всѣмъ корпусамъ знамена.

Такъ постепенно совершилось приспособленіе жизни кадетскихъ корпусовъ къ военному быту; институтъ офицеровъ-воспитателей долженствовалъ способствовать этому приспособленію личнымъ примѣромъ; такимъ путемъ въ обиходъ корпусовъ, въ той или иной степени, вошли нѣкоторыя требованія воинской дисциплины или, вѣрнѣе, военно-служебнаго формализма, — таковы рапортованіе, титулованіе воспитателей, обращенія по командѣ, строевая субординація, лаконизмъ приказаній, отвѣты: „такъ точно", „никакъ нѣтъ", „слушаю-съ", строгія наказанія и т. п. **).

---

*) „Матеріалы для исторіи Симбирскаго кадетскаго корпуса" 1899 г.

**) Въ „Пед. Сборн." за 1903 г. помѣщена статья г. Н. М. „Недоразумѣніе", въ которой находится довольно странное и противорѣчивое объясненіе воинской дисциплины въ корпусахъ; г. Н. М., какъ многіе другіе, отожествляетъ опредѣленіе воинской дисциплины съ понятіемъ нравственной дисциплинированности. „Право, говоритъ проф. Ренненкампфъ, имѣетъ въ виду

Вотъ какъ описываетъ г. Рабковскій въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1899 г. тѣ перемѣны, которыя долженствовали преобразовать военныя гимназіи въ кадетскіе корпуса: „Вотъ гимназіи обращены въ корпуса. Мы, ученики тогда 5-го кл., съ трепетомъ и нетерпѣніемъ ожидали тѣхъ перемѣнъ, какія, по нашему мнѣнію, должны бы за симъ фактически послѣдовать. Но, къ удивленію нашему, ожиданія оказались тщетными. Онѣ коснулись лишь перемѣны нѣкоторыхъ названій въ домашнемъ обиходѣ, незначительныхъ измѣненій въ формѣ одежды и другихъ мало существенныхъ вещей. Всего-же больше насъ поразило, когда взамѣнъ нашихъ воспитателей, къ которымъ мы уже достаточно успѣли привыкнуть, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже и душой сродниться, стали прибывать строевые офицеры, громко и хорошо командовавшіе, принявшіеся насъ строго наказывать и требовать отъ насъ той исполнительности, къ которой они привыкли за службу въ строю. Вразумительность рѣчи мы перестали слышать, и только краткія лаконическія требованія, выраженныя въ начальническомъ тонѣ, заставляли насъ поступать такъ, а не иначе. Новый составъ воспитателей, состоявшій преимуще-

преимущественно внѣшній порядокъ общежитія, нравственность—внутреннюю сторону человѣка въ его личной и общественной жизни; право устанавливаетъ общія обязательныя нормы, обсуживаетъ отношенія одного рода по ихъ общимъ признакамъ и, въ случаѣ надобности, употребляетъ принужденіе; нравственность дѣйствуетъ какъ личный долгъ, обсуживаетъ индивидуальности случая и устраняетъ всякую внѣшнюю силу“. Воинская дисциплина, опредѣляемая Уставомъ въ ясно-выраженныхъ требованіяхъ и границахъ и требующая установленія ряда дисциплинарныхъ взысканій,—явленіе юридическаго характера, и не можетъ отожествляться съ нравственной дисциплинированностью; только нѣкоторый обязательный минимумъ послѣдней составляетъ содержаніе понятія воинской дисциплины. Н. М., упустивъ это различіе, не смогъ выяснить вопроса о присутствіи дисциплины въ корпусахъ: то онъ говоритъ, что воинская дисциплина должна быть вѣнцомъ воспитанія кадетъ, то говоритъ, что воинской дисциплины нѣтъ въ корпусахъ, и она не требуется инструкціей, то говоритъ лишь о внѣшнемъ проявленіи воинской дисциплины въ кадетскихъ корпусахъ. Въ полномъ объемѣ воинская дисциплина немыслима въ учебныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ; но выше мы видѣли, что современные корпуса должны служить школой для приготовленія кадетъ къ военному быту, а гдѣ границы этой подготовки? При рѣшеніи этого вопроса приходится столкнуться съ вопросомъ о лицахъ, въ рукахъ которыхъ находится воспитаніе кадетъ; этотъ послѣдній вопросъ получитъ нѣкоторое освѣщеніе въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи. Скажу только нѣсколько словъ еще о статьѣ Н. М. Здѣсь мы наталкиваемся на странное трактованіе о малоуспѣшности кадетъ, происходящей будто-бы отъ качествъ преподавательскаго персонала; мнѣ думается, объ измѣненіяхъ въ учительскомъ персоналѣ со времени превращенія гимназій въ корпуса рѣчи не можетъ быть, тѣмъ болѣе, что малоуспѣшность кадетъ признается явленіемъ общимъ и повсемѣстнымъ.

твенно изъ молодыхъ строевыхъ офицеровъ, совершенно чуждыхъ вопросамъ педагогіи, не могъ надлежащимъ образомъ оріентироваться въ своей обстановкѣ. Мѣры строгости помогали мало такъ какъ любовь къ шалостямъ среди дѣтей неизбѣжна; желающихъ пошалить и даже подтрунить надъ воспитателемъ всегда оказывалось много и тѣмъ болѣе, чѣмъ многочисленнѣе налагались взысканія, а строгости карательныхъ мѣръ, принятыхъ въ войскахъ, примѣнять не полагалось". Тѣми-же картинами, въ болѣе или менѣе густыхъ краскахъ, изобилуетъ современная дѣйствительность. Военно-служебный распорядокъ корпусной жизни и институтъ офицеровъ-воспитателей внесли въ новые кадетскіе корпуса тѣ специфическія особенности военной субординаціи (строевая нивеллировка, чинопочитаніе, служебный формализмъ, строгое подчиненіе приказанію, послушаніе безъ разсужденій), которыя не только не соотвѣтствуютъ дѣтскому возрасту, но и противорѣчатъ требованіямъ воспитанія (индивидуализаціи, уваженію къ человѣку, сердечности, самодѣятельности, вдумчивости *); требованія воспитанія нашли мѣсто въ инструкціи по воспитательной части, но въ практикѣ корпусовъ очень часто остаются мертвой буквой.

Въ 1900 г. для ознакомленія офицеровъ-воспитателей съ педагогическими теоріями учреждены при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній одногодичные курсы. Какъ новые воспитатели отнесутся къ проблемамъ воспитанія, какъ они согласятъ эти проблемы съ военно-служебнымъ формализмомъ, покажетъ будущее, а пока констатируется недостаточность нравственной дисциплинированности кадетъ и отсутствіе у нихъ инициативы поведенія и самодѣятельности (см. ст. г. Б. и другихъ въ „Рус. Инв." и „Разв." за послѣдніе три-четыре года).

Еще большія нареканія въ офиціальныхъ отзывахъ и изданіяхъ за послѣднее пятилѣтіе встрѣчаетъ умственное развитіе кадетъ. A priori уже можно было предположить, что въ новыхъ корпусахъ будутъ понижены общеобразовательныя задачи для физическаго развитія и военно-служебной выправки. „Въ школѣ военной, говорится въ предписаніи Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній отъ 4 іюня 1882 г. **), готовящей поколѣніе, предназначенное для усиленныхъ тѣлесныхъ трудовъ и лишеній, курсъ наукъ долженъ быть строго соразмѣренъ, чтобы не быть въ ущербъ сохраненію здоровья и молодыхъ силъ". Въ 1898 г. было вновь указано „на желатель-

---

*) См. „Педаг. Сборн." 1903 г. № 7, „Нѣсколько словъ о нашихъ кадетскихъ корпусахъ".

**) Офиціальные документы цитированы по „Матер. для ист. Симб. кад. кор.".

ность нѣкотораго уменьшенія въ кадетскихъ корпусахъ времени, опредѣленнаго на учебныя занятія", для соотвѣтственнаго увеличенія времени на физическое развитіе; въ силу этихъ указаній сдѣланы тогда-же нѣкоторыя сокращенія въ курсахъ. Въ 1903 г. проектированы и введены для опыта въ трехъ корпусахъ новыя измѣненія и сокращенія программъ.

На ряду съ упрощеніями программъ, въ 1899 г. были предприняты двѣ очень важныя мѣры: раздѣленіе курсовъ на отдѣлы вмѣсто аттестацій и отмѣна переводныхъ экзаменовъ; первая мѣра имѣетъ цѣлью замѣну искусственныхъ аттестацій естественнымъ дѣленіемъ курса на отдѣлы, имѣющіе характеръ цѣлаго. Въ 1903 г. открыты курсы для преподавателей и состоялся первый съѣздъ преподавателей родного языка. Всѣ эти заботы направлены къ поднятію учебнаго дѣла, которое, по общему признанію, все ниже и ниже падаетъ: жалуются и на отсутствіе интереса къ знанію у кадетъ, и на скороспѣлость ихъ умозаключеній, и на недостатокъ активнаго мышленія, и на малое развитіе, и на слабую работоспособность, и на недостатокъ классной дисциплины. Причины этихъ печальныхъ явленій нерѣдко служили предметомъ обсужденія въ литературѣ, а потому я не стану здѣсь затрогивать ихъ (статья г. Рокова въ „Рус. Шк.," а также нѣсколько статей въ „Пед. Сб." за 1903 и 1904 гг.).

Итакъ, первые 15 лѣтъ жизни новыхъ корпусовъ дали много матеріала для ѣдкой и вѣрной критики, что вызвало за послѣднія 5 лѣтъ много мѣръ для устраненія обнаружившихся нестроеній. Въ новое десятилѣтіе корпуса вступаютъ съ признаніемъ многихъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ 80-хъ годахъ, съ ожиданіями ихъ исправленія и съ неопредѣленными надеждами на будущее.

С. П.

Отношеніе къ тѣлесному воспитанію итальянскихъ и нѣмецкихъ гуманистовъ *).

Главное различіе между итальянскими и германскими гуманистами состоитъ въ томъ, что гуманизмъ въ Италіи оказывался, такъ сказать, народнымъ, тогда какъ въ Германіи онъ отчуждалъ отъ національности, слѣдовательно, никоимъ образомъ не могъ быть народнымъ. Въ Италіи всѣ памятники указывали на древность, на прошедшее; итальянцы считали себя прямыми преемниками древнихъ римлянъ; самый языкъ итальянскій находился въ тѣсной связи съ латинскимъ и былъ понимаемъ и усвоиваемъ благодаря этому послѣднему. При такихъ условіяхъ гуманистическое направленіе, конечно, должно было найти въ Италіи самое широкое распространеніе. Ученые итальянскіе стремились и устно, и въ печати возстановить древнюю культуру, а народъ обратить слово въ дѣло и поддержать славу предковъ. То же самое обнаруживается и въ области тѣлеснаго воспитанія. Положеніе древнихъ „mens sana in corpore sano“ было не только проводимо итальянскими гуманистами въ печати, но находило примѣненіе и въ жизни. Стоитъ указать хотя бы на Витторино-да-Фельтре, который учениковъ своихъ и питомцевъ заставлялъ заниматься тѣлесными упражненіями, и который построеніемъ извѣстной casa giocosa стремился снова вызвать къ жизни древнія гимназіи. Тѣ упражненія, какія велись уже въ итальянскихъ городахъ въ древности, наблюдаемы были еще и въ его время на улицахъ. Педагоги-гуманисты, знакомые съ древностями, съ одной стороны, обсуждали теоретически значеніе тѣлесныхъ упражненій, а съ другой—практически примѣняли ихъ въ своихъ школахъ и тѣмъ самымъ обратили ихъ въ чисто-народныя.

Совсѣмъ иное отношеніе замѣчалось въ Германіи. Тамъ гуманизмъ по своему происхожденію не былъ народнымъ. Для большинства чуждымъ и непонятнымъ оказывался даже самый языкъ латинскій.

---

*) Статья эта составлена по соч. Rossow'a „Italienische und deutsche Humanisten und ihre Stellung in den Leibesübungen Leipzig. 1903.

Если лица образованныя и умѣли имена свои и фамиліи мѣнять на римскія и греческія и вполнѣ владѣть латинскимъ языкомъ, то все это относилось къ весьма небольшому кругу, коимъ и ограничивался гуманизмъ. Къ тому же, все, что представлялъ гуманизмъ, было имъ совершенно чуждо: что итальянцамъ казалось общеизвѣстнымъ, то для нѣмцевъ, не видѣвшихъ во всей классической древности корней своего прошедшаго и своего народнаго, являлось чѣмъ-то новымъ, непонятнымъ. Какое было имъ дѣло до античныхъ боговъ, обычаевъ, гимназій, до существовавшихъ въ древней Италіи тѣлесныхъ упражненій!

Нѣмцы точно такъ же, какъ и итальянцы, имѣли свое прошедшее, свою народность. Такъ какъ гуманизмъ первоначально чуждался въ Германіи народа и уклонялся отъ народности, то онъ долго не могъ стать тамъ народнымъ. То же самое случилось и по отношенію къ области тѣлесныхъ упражненій. Въ Германіи у народа имѣлись тоже свои тѣлесныя упражненія и игры, но первые нѣмецкіе гуманисты не обнаруживали къ этимъ, пожалуй, отчасти грубымъ и даже опаснымъ упражненіямъ особеннаго сочувствія. Они совершенно не приняли въ программу того, что имѣлось у итальянскихъ гуманистовъ. Гармоническаго развитія тѣла и духа, стоявшаго у итальянцевъ на первомъ планѣ, они не знали; тѣло имъ служило лишь средствомъ для цѣли; тѣлеснаго здоровья, годнаго для ученья, имъ было вполнѣ достаточно; особыя упражненія ради укрѣпленія тѣла считались ими излишними. Вотъ почему разсужденія старинныхъ нѣмецкихъ гуманистовъ о тѣлесныхъ упражненіяхъ оказывались просто-на-просто теоретическими соображеніями, „школьными разглагольствованіями", но отнюдь не взятыми изъ дѣйствительной жизни, слѣдовательно, не могли стать и народными. Нѣчто иное встрѣчаемъ мы въ то время, когда въ средѣ самого народа появились личности, которыя сблизились съ гуманизмомъ и привели его въ соприкосновеніе съ нѣмецкою народною жизнью; таковы были личности-реформаторы, а именно, первые изъ нихъ Лютеръ, Цвингли, Бугенхагенъ. Такимъ образомъ собственно народный гуманизмъ восполненъ былъ съ теченіемъ времени при посредствѣ реформаціи. Вполнѣ справедливо выражается поэтому Эстерленъ: „Гуманизмъ и реформація—неравная пара вступившая однако въ счастливый брачный союзъ въ Германіи". Все это оказало вліяніе и на тѣлесныя упражненія, и на преуспѣяніе ихъ въ школахъ. Болѣе народными стали эти упражненія, и большій доступъ нашли они въ школахъ до поры тридцатилѣтней войны, когда все замерло, когда замерли и тѣлесныя упражненія.

Второе различіе между итальянскими и германскими гуманистами

заключается въ томъ, что первые болѣе имѣли въ виду воспитаніе рыцарей и князей, послѣдніе же воспитаніе всего народа, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время. Хотя итальянскіе гуманисты заимствовали тѣлесныя упражненія изъ жизни народной, уличной и старались облагородить ихъ по указаніямъ классиковъ, тѣмъ не менѣе они никогда не писали книгъ въ цѣляхъ наставленія народа въ пользованіи тѣлесными упражненіями. Они главнымъ образомъ были воспитателями лицъ знатныхъ; поэтому имъ, конечно, приходилось обращать вниманіе на такія упражненія, которыя могли бы служить подготовкой къ военному искусству и къ тому, что считалось самымъ существеннымъ. Такимъ образомъ, педагогическая гимнастика итальянскихъ гуманистовъ оставалась преимуществомъ высшаго сословія, хотя и примыкала къ народной гимнастикѣ низшихъ классовъ, и потому сочиненія по этой педагогической гимнастикѣ были не народнаго характера, а чисто-аристократическаго. Благопріятнѣе и болѣе удачно для массы слагались въ этомъ отношеніи обстоятельства въ Германіи. Правда, въ первое время нѣмецкаго гуманизма представители его оказывались тоже воспитателями принцевъ и князей, да и впослѣдствіи не были вполнѣ свободными отъ установившихся подобнаго рода взглядовъ; но въ сущности зависѣло это отъ того, что въ средніе вѣка вообще знали только сословное, а не общенародное воспитаніе. Впервые же, когда бюргерское и крестьянское сословія освободились отъ рабскаго подчиненія дворянству, воспитаніе стало болѣе общедоступнымъ, причастнымъ народу. Главнымъ достоинствомъ юнаго нѣмецкаго гуманизма было то, что онъ стремился къ просвѣщенію народа и открывалъ учебныя заведенія для дѣтей всѣхъ сословій, не упуская кстати изъ виду и воспитанія женскаго пола. А такое воспитаніе народа значительнымъ образомъ отразилось и на водвореніи тѣлесныхъ упражненій. И это не была уже теоретическая, ученая, мертвящая гимнастика, враждебная большинству, но гимнастика жизненная, родственная народнымъ играмъ и упражненіямъ, при которой едва понятныя латинскія сочиненія должны были уступить мѣсто писаннымъ на родномъ языкѣ. Оставались еще развѣ кое-какіе слѣды стараго направленія, какъ, напримѣръ, требованіе говорить на играхъ по-латыни, но и тѣ постепенно выходили изъ употребленія.

Коснемся еще и третьяго различія. У итальянскихъ гуманистовъ находимъ мы всѣ тѣ упражненія, какія могли быть полезными въ извѣстномъ отношеніи юному дворянству, несмотря на то, что они и угрожали значительнымъ напряженіемъ силы и даже опасностями. Такъ, у итальянцевъ въ числѣ воспитательныхъ предметовъ значились и верховая ѣзда, и охота, и упражненія военныя. У нѣмец-

кихъ же педагоговъ, напротивъ того, подобныя упражненія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше выходили изъ употребленія и даже прямо воспрещались, и постепенно устанавливалось среднее между схоластическимъ и рыцарскимъ направленіемъ, преслѣдующее цѣли гармоническаго развитія юношества. Направленіе это чуждалось особенностей старинной рыцарской гимнастики (верховой ѣзды, охоты, плаванья и т. п.) и допускало умѣренныя, безопасныя и систематически воспитывающія упражненія, которыя кстати и обходились не дорого. Только позднѣйшіе послѣдователи гуманистовъ, какъ, напримѣръ, Раблэ и другіе, приняли въ свою программу упражненія, которыя, хотя и были сопряжены съ извѣстными опасностями, но зато выгодны тѣмъ, что могли годиться и въ практической жизни, напримѣръ, лазаніе, ныряніе, гребля, даже самостоятельное управленіе парусомъ.

В.

Лживость у дѣтей.

I.

Кого изъ родителей не волновала, а порой и не приводила въ отчаяніе подмѣченная ими неискренность, а тѣмъ болѣе прямая лживость у ихъ дѣтей? Результатомъ бывало обыкновенно то, что дѣтей бранили, грозили имъ наказаніями въ случаѣ повторенія и въ концѣ концовъ наказывали, такъ какъ ложь почти всегда повторялась.

Но приходилось ли когда-нибудь родителямъ задумываться о причинахъ лживости и лжи? Пробовали ли они спросить у врача или психіатра о томъ, не скрывается ли подъ этимъ „порокомъ" какой-нибудь болѣзненной и болѣе общей причины? Слыхали ли они, что есть патологическія состоянія нервной системы и мозга, какъ, напримѣръ, истерія, „нравственное помѣшательство", эпилепсія, вырожденіе и др., при которыхъ ложь является однимъ изъ самыхъ обычныхъ симптомовъ, если не признаковъ? Будь имъ все это извѣстно и еще многое другое, что можетъ теперь сказать о лживости наука, они понимали бы и то, что противъ лживости весьма трудно бороться такими средствами, какъ брань, выговоры и наказанія, что этимъ можно иногда повредить дѣлу, загнать порокъ внутрь, сдѣлать лгуна болѣе хитрымъ, ложь болѣе обдуманной...

Въ Западной Европѣ, опережающей насъ во всемъ, уже занялись серьезно изслѣдованіемъ этого вопроса съ научной точки зрѣнія и строго научными пріемами. Передо мной лежитъ небольшая, но замѣчательная книжка профессора Дюпра, подъ заглавіемъ: „Ложь, изслѣдованіе по нормальной и патологической психо-соціологіи". Вы спросите, какое отношеніе ко лжи можетъ имѣть такая наука, какъ соціологія, т. е. наука объ обществѣ? Но помимо того, что большая часть свойствъ человѣка порождается средой, ложь въ ея различныхъ формахъ, напримѣръ, въ формѣ подлога документовъ, фальсификаціи продуктовъ и товаровъ, поддѣлки монетъ и кредитныхъ зна-

ковъ, наконецъ, въ формѣ мошенничества, обмана, клеветы, ложнаго доноса и ложнаго свидѣтельства на судѣ, составляя предметъ уголовнаго законодательства, входитъ въ соціологію въ прямомъ смыслѣ этого слова *). Но даже и обычная ложь, не относимая къ преступленіямъ, караемымъ закономъ, есть до извѣстной степени явленіе соціальное, такъ какъ она всегда вводитъ въ заблужденіе какое-нибудь другое лицо или лица и, стало быть, предполагаетъ общеніе людей, ихъ совмѣстное существованіе.

Но возвратимся къ книгѣ Дюпра. Онъ рѣшилъ, что о дѣтской лжи мы не можемъ составить себѣ никакого правильнаго понятія, если не изучимъ этого вліянія въ рамкахъ болѣе широкихъ, такъ какъ, несомнѣнно, ложь у дѣтей есть лишь частная форма лжи въ болѣе широкомъ ея проявленіи. Но каждому понятно, что знаніе частной формы не будетъ правильнымъ безъ знанія того болѣе общаго, часть котораго она составляетъ. И вотъ мы находимъ въ его книгѣ, кромѣ главы, посвященной общему описанію формъ лжи и ихъ классификаціи, главу о лжи у ненормальныхъ субъектовъ, далѣе главу о лжи у дѣтей, затѣмъ ложь въ человѣческихъ сожительствахъ, или, иначе,—въ жизни коллективной; слѣдующая глава посвящена лжи у животныхъ и дикарей (сравнительное психо-соціологическое изслѣдованіе); двѣ послѣднія главы разсматриваютъ ложь съ моральной и педагогической точки зрѣнія.

Для изученія лжи у дѣтей, Дюпра пользовался замѣчательнымъ матеріаломъ, о которомъ у насъ еще и не мечтаютъ не только по этому вопросу, но и вообще по вопросамъ воспитанія, и который весьма распространенъ въ Западной Европѣ въ наукахъ о человѣкѣ; возникновеніе такого матеріала обязано иниціативѣ знаменитаго Франсиса Гальтона, введшаго его въ употребленіе уже много десятковъ лѣтъ тому назадъ; это—матеріалъ, собираемый посредствомъ опросовъ (анкетъ). Во Франціи образовалось не особенно давно общество, подъ названіемъ „Свободнаго общества для психологическаго изученія дѣтей“ (Société libre pour l'étude psychologique de l'enfant). Оно-то и разсылало въ различныя части Франціи опросы, между прочимъ, о лжи среди дѣтей, посѣщающихъ школы. Получены сотни отвѣтовъ, распредѣлены по группамъ, классифицированы; и вотъ изъ нихъ-то почерпалъ матеріалъ Дюпра для своего изслѣдованія. Этотъ матеріалъ, какъ мы уже видѣли выше изъ перечисленія главъ

*) По итальянской уголовной статистикѣ, въ Италіи въ 1899 г. было осуждено за подлогъ 11.699 лицъ, а за обманъ и мошенничество 24.170 человѣкъ или 113 на 100.000 всего населенія. Во второй инстанціи суда была оправдана только одна треть (48.951).

его сочиненія, онъ сопоставилъ съ данными и выводами другихъ наукъ. Займемся анализомъ его изслѣдованія, посвятивъ наше вниманіе особенно тому матеріалу и тѣмъ выводамъ, которые касаются дѣтей *).

II.

Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить ложь, чтобы имѣть возможность дать ея классификацію, безъ чего немыслимо серьезное научное изслѣдованіе. Слѣдуетъ ли называть ложью каждую неправду, выраженную словами или инымъ способомъ? Говорю—инымъ способомъ, потому что, какъ намъ извѣстно, ложь возможна и посредствомъ молчанія,—когда, напримѣръ, желаютъ что нибудь скрыть,—возможна она и посредствомъ мимики, напримѣръ, когда мы выражаемъ въ лицѣ или движеніяхъ симпатію или уваженіе къ человѣку, котораго не любимъ и не уважаемъ. Итакъ, всякое ли выраженіе неправды есть ложь? Конечно, нѣтъ, такъ какъ можно сказать неправду въ полной увѣренности, что сообщаешь правду. Такіе случаи относятся не къ понятію лжи, а къ понятію заблужденія, и ихъ необходимо строго различать. Тѣмъ не менѣе въ наукѣ приходится при опредѣленіи лжи пользоваться не этимъ субъективнымъ критеріемъ, т. е., не намѣреніемъ, а признаками объективными (внѣшними) по многимъ причинамъ, изъ которыхъ укажу слѣдующія: во 1-хъ, при точности, требуемой отъ научныхъ опредѣленій, субъективный критерій неудовлетворителенъ своей неуловимостью; во-вторыхъ, онъ часто давалъ основанія обманщикамъ оправдываться благими намѣреніями; наконецъ, не забудемъ, что если и неумышленно человѣкъ часто говоритъ неправду, увѣренный въ справедливости сказаннаго, то это во всякомъ случаѣ даетъ основаніе предполагать въ немъ отсутствіе особенной заботливости о правдѣ своихъ словъ. Истинно честный человѣкъ такъ озабоченъ тѣмъ, чтобы не сообщить другимъ, даже невольно, неправды, что онъ строго провѣряетъ каждый сомнительный фактъ прежде, чѣмъ сдѣлать его достояніемъ другихъ. Огромная масса зла порождается въ обществѣ такими легкомысленными (а въ сущности недостаточно честными) господами. Услышавъ какую-нибудь сплетню о человѣкѣ, они сообщаютъ ее другимъ, не провѣривъ, и губятъ человѣка, дѣвушку, женщину на всю жизнь. Можно ли ихъ оправдать тѣмъ, что они сами думали, будто-бы ихъ слова справедливы? Мы требуемъ правды отъ искусства, раздражаясь невѣрностью образовъ, противорѣчащихъ дѣйствительности. Въ наукѣ осторожность и добросовѣстность соста-

*) Книга Дюпра уже переводится на русскій языкъ и къ осени, вѣроятно, появится въ свѣтъ.

вляетъ такое правило, безъ строгаго соблюденія котораго она потеряла бы всякій кредитъ, а на ея новыя открытія смотрѣли бы такъ, какъ теперь смотрятъ на сообщенія нѣкоторыхъ газетъ, называя ихъ свѣдѣнія „газетными утками". Въ виду всего этого необходимо, чтобы педагоги и родители обращали серьезное вниманіе и на этотъ сортъ извращенія правды, не оправдывая его тѣмъ, что воспитанникъ не зналъ, что лжетъ. Необходимо вырабатывать съ дѣтскихъ лѣтъ заботу о правдивости, привычку тщательно провѣрять свои свѣдѣнія, остерегаясь сообщать ихъ другимъ, какъ истину, пока они не провѣрены.

Во всякомъ случаѣ, Дюпра правъ въ томъ, что опредѣленіе лжи стоитъ не на субъективномъ моментѣ намѣренія, а на объективномъ фактѣ „*извращенія истины*", при чемъ, по его мнѣнію, необходимо для наличности состава лжи, чтобы „были употреблены какія либо *средства*, способныя ввести другого въ заблужденіе". Средства эти направлены къ тому, чтобы возбудить въ другомъ неправильную *вѣру* во что-нибудь. Такъ какъ вѣра можетъ имѣть нѣсколько степеней, начиная съ полной увѣренности, кончая согласіемъ, не чуждымъ сомнѣнія, но даваемымъ часто изъ простой деликатности,— то и ложь бываетъ различныхъ степеней: нѣкоторые сорты лжи имѣютъ въ виду вызвать безусловное согласіе; другіе расчитываютъ лишь на такое согласіе, которое сопровождалось бы только небольшой увѣренностью; наконецъ, третьи стремятся вызвать въ другомъ лишь нѣкоторую „склонность къ довѣрію".

Способы возбужденія къ себѣ довѣрія весьма разнообразны: дѣти, а иногда и женщины, начинаютъ плакать, когда другіе выражаютъ сомнѣніе въ ихъ словахъ; мужчины принимаютъ видъ негодующихъ и, чтобы усилить свои доводы, пускаютъ въ ходъ настоящіе „громы" гнѣва. Въ разсказѣ о какомъ нибудь выдуманномъ событіи, выразительная мимика, видъ искренности, разыгранное равнодушіе, увѣренность, усердіе, жаръ или, наоборотъ, напускная осторожность, когда человѣкъ дѣлаетъ видъ, что боится какъ бы чего-нибудь не прибавить отъ себя, или не пропустить,—вотъ обыкновенные пріемы опытныхъ лжецовъ, старающихся вызвать къ своимъ словамъ большее довѣріе. Въ наиболѣе ловкихъ и обдуманныхъ мошенничествахъ мы всегда находимъ соединеніе—какъ средствъ, способныхъ возбудить довѣріе, такъ и средствъ, способныхъ *отвлечь вниманіе* („втереть очки"). Въ клеветѣ лжецъ играетъ роль нагодующаго или, наборотъ, старается казаться терпимымъ, извиняющимъ, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе въ умыслѣ. Такого рода лжецы поражаютъ своимъ знаніемъ человѣческой психологіи, хотя чаще всего не имѣютъ понятія даже объ этомъ словѣ.

Но лжецамъ служитъ не одна психологія, а также и логика. Она помогаетъ имъ посредствомъ *софизма*. Конечно, софизмъ не всегда бываетъ намѣренной ложью. Нерѣдко, онъ можетъ быть ошибочнымъ разсужденіемъ, причемъ ложность его не замѣчается тѣмъ лицомъ, который имъ пользуется. Но въ большей части случаевъ софизмъ служитъ лжецамъ, которые не обманываются относительно его несправедливости, и стремятся только при его помощи вызвать въ другихъ большее довѣріе къ своимъ доводамъ. Для этого устраивается настоящая „выставка“ „доказательствъ“, имѣющая самый серьезный видъ; не вся эта аргументація строится изъ выводовъ, основаныхъ на невѣрныхъ посылкахъ, на двусмысленныхъ положеніяхъ, на принципахъ, которые или противорѣчатъ одинъ другому, или сами требуютъ предварительной провѣрки; или это—обобщенія (индукціи), опирающіяся на неточное или неполное перечисленіе прежнихъ случаевъ и примѣровъ, на смѣшеніе случайнаго съ необходимымъ и т. д.

Таковы, въ бѣгломъ очеркѣ, средства лжи. Можно ли на нихъ построить классификацію лжи? Конечно, нельзя, потому что эти средства безконечно разнообразны, и сами по себѣ не представляютъ чего-либо основного и существеннаго.

Точно также нельзя взять за основу классификаціи и различіе въ цѣляхъ лжи. Пришлось бы классифицировать чуть не всѣ роды и виды спеціальностей и даже идти дальше: считаться и съ ложью коммерсантовъ, и съ ложью влюбленныхъ, съ ложью прислуги, и съ ложью учащихся, и т. д. Итакъ, достаточно было здѣсь только указать, какъ ложь видоизмѣняется, приспособляясь къ цѣлямъ, а кромѣ того, и къ степенямъ вѣры, которую она желаетъ возбудить,—что мы видѣли выше.

На одну изъ формъ лжи, еще не упомянутую нами, нужно обратить особое вниманіе. Мы уже говорили, что ложь производится не одними словами, а и мимикой, позой, манерами, движеніями. Это наводитъ Дюпра на мысль, что во лжи есть нѣчто общее съ тѣмъ, что въ послѣднее время въ наукѣ извѣстно подъ именемъ „внушенія“ (suggestion). Выше было сказано, что ложь есть стремленіе возбудить въ другомъ ошибочную вѣру. Но это опредѣленіе лжи еще недостаточно широко. „Внушеніе“ даетъ намъ болѣе общее опредѣленіе. Можно сказать, что во лжи заключается стремленіе произвести у другого представленіе, лишенное объективной цѣнности, или сужденіе, которое нельзя было бы подтвердить или оправдать опытомъ. Это вызываніе ложныхъ представленій и сужденій есть фактъ, постоянно практикуемый въ практикѣ внушеній, производимыхъ съ научными и врачебными цѣлями. И каждому

гипнотизеру, или, — какъ ихъ прежде называли, — „магнетизеру“ извѣстно, что въ практикѣ этого рода движенія играютъ даже болѣе важную роль, чѣмъ слова. Пріемы внушенія вездѣ болѣе или менѣе общи, а ихъ видоизмѣненія зависятъ преимущественно отъ характера личности, съ которой имѣютъ дѣло: напримѣръ, съ людьми менѣе довѣрчивыми, у которыхъ сильно пробужденъ духъ критики, пріемы должны быть болѣе ловки и искусны. Дюпра полагаетъ, что всякаго лжеца можно назвать въ большей или меньшей степени „внушителемъ“, но только „внушителемъ заблужденія“. Правда, нерѣдко и при внушеніяхъ, имѣющихъ добрыя цѣли (врачебныя, педагогическія и т. п.) внушается ложь. И вотъ, важно замѣтить, что именно на этой то почвѣ, гдѣ мимика и движенія играютъ особенно важную роль, всего чаще возможны внушенія, ненамѣренныя или безсознательныя, во всякомъ случаѣ необдуманныя. Такъ, возьмемъ для наглядности нѣкоторыхъ свѣтскихъ людей или людей извѣстныхъ профессій, привыкшихъ къ извѣстнымъ „позамъ“, манерамъ, движеніямъ, выражающимъ такія душевныя состоянія, которыхъ часто у нихъ нѣтъ. Эти люди не могутъ уже отдѣлаться отъ своей привычки и потому лгутъ помимо своей воли; это можетъ доходить до того, что, когда они желаютъ выразить свое настоящее чувство или сказать правду, — ихъ движенія, ихъ поза оказываются фальшивыми. Какъ назвать такихъ людей? Трудно сказать, что они лжецы, потому что ихъ манера держать себя стала *ихъ собственной* манерой (привычка—вторая натура); они принимаютъ привычную позу безыскусственно, это *ихъ* всегдашняя поза, а не маска, надѣтая на время. И тѣмъ не менѣе приходится сказать, что ихъ позы, ихъ манеры лживы, потому что они внушаютъ невѣрныя представленія. А насколько могутъ дѣйствовать на нашу душу движенія, каждый испыталъ, смотря въ театрѣ на игру актеровъ: умѣнье этихъ послѣднихъ входить въ роль, принимать движенія и мимику лица, созданнаго фантазіей драматурга, передавать чувства и настроенія этого выдуманнаго лица—такъ сильно иногда, что мы доходимъ до полной иллюзіи, —вотъ наглядное доказательство значенія мимики и движеній въ обманѣ. Но, смотря игру актера на сценѣ, мы знаемъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣло. Поэтому актеръ — не лжецъ, — это понятно. Но есть актеры въ жизни; они также могутъ входить въ роль, какъ актеры на сценѣ, и вотъ они—лжецы, потому что роль, которую они играютъ передъ нами,—личина, которую носятъ и выдаютъ за свою дѣйствительную личность, за свое настоящее состояніе.

Такимъ образомъ, Дюпра приходитъ къ выводу, что и непреднамѣренную ложь приходится классифицировать въ общей массѣ

лжи, что было имъ замѣчено еще ранѣе; а теперь въ подтвержденіе этого оказались еще новыя данныя.

Изъ всего вышеизложеннаго выясняется возможность довольно удовлетворительной классификаціи, въ основу которой положенъ простой и легко уловимый признакъ: во-первыхъ, существуетъ *ложь положительная* и, во 2-хъ, *отрицательная*. Первая будетъ тогда, когда лжецъ, чтобы произвести внушеніе, вноситъ отъ себя какое нибудь положительное лживое *изобрѣтеніе*, будетъ ли оно сдѣлано на словахъ (клевета, ложный доносъ, ложное свидѣтельское показаніе), или на письмѣ, или, наконецъ въ мимикѣ и движеніяхъ (например, когда человѣкъ или ребенокъ разыгрываютъ роль больныхъ, что на языкѣ науки извѣстно подъ именемъ „симуляціи"). Противоположный отрицательный сортъ лжи не требуетъ положительной изобрѣтательности, потому что состоитъ въ отрицаніи, въ скрываніи чего-нибудь, однимъ словомъ, въ отрицательныхъ внушеніяхъ.

Это, такъ сказать, общіе „роды" лжи. Они имѣютъ свои „виды". Такъ, положительныя внушенія могутъ быть, напр., изобрѣтеніемъ какого нибудь факта во всей цѣлости. Таковы обыкновенно—клевета, ложныя обвиненія, ложныя свидѣтельства. Но есть изобрѣтенія частичныя, когда, напримѣръ, прикрашиваютъ событіе, добавляютъ отъ себя къ дѣйствительному факту то, что измѣняетъ его значеніе или извращаетъ смыслъ чужихъ словъ, или же—невѣрно комбинируютъ дѣйствительные факты и событія и т. п. Обыкновенно ложь мимикой или дѣйствіями (позой, манерами) служитъ только для подкрѣпленія этихъ сортовъ лжи, имѣя цѣлью внушить къ ней довѣріе. У дѣтей особенно часто встрѣчаются случаи симуляціи или притворства, напримѣръ, при нежеланіи идти въ классъ, или же притворство является у нихъ въ видѣ ласкъ, покорности, скромности, имѣющихъ назначеніе внушить къ себѣ довѣріе. Мы уже упоминали о симуляціи слезъ, гнѣва или раздраженія, чтобы убѣдить въ своей невиновности. Такъ какъ въ симуляцію или притворство вносится нѣчто изобрѣтенное,—т. е. положительное, то всѣ эти формы лжи,—какъ словесной, такъ и мимической,—должны быть отнесены къ положительной формѣ. Отрицательный родъ имѣетъ также нѣсколько видовъ: полную скрытность, запирательство, пропуски, искаженія, производимыя умалчиваніемъ объ истинномъ смыслѣ передаваемой рѣчи, устраненіе, при передачѣ, какихъ-нибудь ограниченій, сдѣланныхъ авторомъ и т. п. Этотъ сортъ лжи, особенно частъ въ литературной полемикѣ и нерѣдко граничитъ съ положительной клеветой, т. е. съ выдуманнымъ приписываніемъ другому позорящихъ его мыслей или чувствъ. Въ концѣ концовъ, Дюпра составляетъ изъ

всѣхъ этихъ родовъ и видовъ лжи довольно систематическую таблицу. Вотъ она:

А) Положительныя внушенія. (Противоположн. имъ.)	*Б) Отриц. внуш.*
Изобрѣтенія во всей цѣлости (клевета, обманъ, ложныя обвиненія, ложныя свидѣтельскія показанія) Притворство, симуляція	Полная скрытность. Отрицаніе. Умолчаніе (объ обстоятельствѣ, при свидѣтельствованіи).
Прибавленія	Опущеніе, пропускъ.
Измѣненія формы	Извращеніе, деформація.
Преувеличенія	Ослабленіе.

Лжецы, производящіе положительныя внушенія, оказываются преимущественно способными къ *изобрѣтеніямъ*, а эти послѣднія требуютъ извѣстной *силы воображенія.* Наоборотъ, отрицатели проявляютъ меньшую силу воображенія. Нужно ли пояснять, что значительное число формъ лжи представляетъ смѣшанный характеръ и, слѣдовательно, дѣйствуетъ и положительными и отрицательными внушеніями: почти невозможно нарушить истину, не урѣзавъ или не ослабивъ ее съ одной стороны, или не преувеличивъ и не прибавивъ къ факту,—съ другой.

Не излагая подробно тѣхъ формъ лжи, которыя соединены съ душевными болѣзнями или съ потрясеніями нервной системы, такъ какъ это потребовало бы очень много мѣста, мы укажемъ въ двухъ словахъ, что у лицъ, душевно ненормальныхъ, является фактомъ обычнымъ. Въ нѣкоторыхъ формахъ болѣзни, ложь зависитъ отъ безсвязности, раздвоенія (дезорганизаціи) ихъ нервно-мозговыхъ отправленій (истеричные идіоты, вырождающіеся); въ другихъ—зависитъ отъ болѣзненнаго возбужденія способности воображенія (эпилептики и эпилептоиды). Сильнѣйшія проявленія этого болѣзненнаго воображенія извѣстны каждому подъ именемъ галлюцинацій.

Этими краткими замѣчаніями о больныхъ мы и ограничимся. Переходимъ къ дѣтской лжи.

III.

Дѣтей нерѣдко сравнивали съ истеричными; эти послѣднія проявляютъ очень замѣтно состояніе дѣтства. Среди фактовъ, собранныхъ вышеупомянутымъ „Обществомъ для изученія психологіи дѣтей“, есть нѣсколько случаевъ, явно болѣзненныхъ: такъ, нѣкоторыя дѣти сдѣлались лгунами послѣ паденія, послѣ травматическихъ по-

врежденій, наконецъ послѣ инфекціонной горячки. Среди лгущихъ дѣтей часто замѣчается болѣзненная наслѣдственность: напримѣръ, родители ихъ были алкоголики, или невропаты; у вырождающихся дѣти непреодолимо склонны къ плутовству, запирательству, клеветѣ, или проявляютъ такую нелогичность, что не въ состояніи замѣтить своихъ противорѣчій. Иногда же наоборотъ въ нихъ замѣчается болѣзненная послѣдовательность, систематичность, и она сама влечетъ ихъ къ утаиванію и симуляціи. Насколько это можетъ зависѣть отъ временныхъ, чисто органическихъ разстройствъ, видно изъ слѣдующаго факта: одинъ молодой арабъ изъ школы въ Константинополѣ, правильно-періодически, во время мусульманскаго поста рамазана, становился симулянтомъ, и имъ овладѣвало упорное запирательство, тогда какъ въ обыкновенное время онъ не проявлялъ ни малѣйшей склонности ко лжи. Очевидно, что тутъ играетъ роль невропатическій результатъ анеміи (малокровія), временно развивающагося отъ недостаточнаго питанія; а къ этому можетъ добавляться и другая причина, стоящая въ зависимости отъ нервнаго перевозбужденія, вслѣдствіе усиленнаго душевнаго волненія. Отсюда могло развиваться у мальчика нѣкоторое самоотравленіе продуктами разложенія мозга (мозговой усталости): извѣстно, что голоданіе можетъ вести къ временному (транзиторному) помѣшательству. Нѣкоторыя данныя, хотя еще недостаточно провѣренныя, заставляютъ думать, что у дѣтей, рожденныхъ отъ алкоголиковъ и вырождающихся, даже измѣненія въ температурѣ и атмосферномъ давленіи способны вызывать усиленіе наклонности къ обману и лжи.

Вотъ нѣкоторая статистика сравнительнаго числа случаевъ различныхъ формъ лжи у дѣтей, составленная, впрочемъ, изъ небольшого количества наблюденій (250).

42 отрицательныхъ формы	26 запирательствъ.
	6 скрываній.
	10 умаленій или уменьшеній.
131 положительныхъ	70 лживыхъ изобрѣтеній или выдумокъ.
	21 обманъ на письмѣ.
	4 симуляціи.
	18 извращеній истины (деформацій).
	18 преувеличеній.

и около 75 смѣшанныхъ формъ.

Здѣсь не мѣшаетъ привести одно замѣчаніе Дюпра, имѣющее чисто практическій характеръ и, между прочимъ, достойное вниманіе юристовъ. Нерѣдко приходится слышать такую фразу: „Ну, это говоритъ ребенокъ, а ребенку не для чего лгать“. Дюпра дока-

зываетъ, что такое мнѣніе очень ошибочно. Собранныя данныя убѣждаютъ, что дѣти обоего пола, 10, 11 и даже 7 лѣтъ способны къ клеветѣ, иногда не вызванной никакими видимыми причинами или мотивами, исключая, конечно, причинъ внутреннихъ или психологическихъ. Были случаи клеветы противъ товарищей, противъ воспитательницы и противъ домашней прислуги. Психическія причины, какъ и у взрослыхъ душевно-больныхъ, лежатъ въ этомъ случаѣ, въ усиленномъ воображеніи и слабой, несвязной умственной дѣятельности. Этотъ типъ, съ болѣзненно усиленнымъ воображеніемъ, мы еще разсмотримъ ниже болѣе подробно, а теперь обратимъ вниманіе читателей на противоположную группу, т. е., по терминологіи Дюпра, „отрицательную“ (негативисты), тогда какъ первую, за преобладаніе въ ней воображенія, можно назвать фантастиками или, передѣлывая французское названіе, „имажинативами“.

Объ отрицателяхъ или негативистахъ учителя говорятъ обыкновенно, что они неумны и очень упрямы. Отличительнымъ признакомъ ихъ служитъ наклонность никогда не признавать обвиненія, которое возведено противъ нихъ, какъ бы очевидно оно иногда ни было. Или они просто держатся съ непонятнымъ упрямствомъ того, что сказали разъ. При этомъ, они или упорно молчатъ, или отрицаютъ противное съ какимъ-то „ражемъ“, т. е., возбужденіемъ, гнѣвомъ. Рѣже случается, что такое отрицаніе они сопровождаютъ напускной кротостью,—но бываютъ и такіе случаи.

Дюпра приходитъ къ очень важной гипотезѣ относительно этого состоянія, основываясь отчасти на физіологическомъ состояніи, открываемомъ у такихъ дѣтей (о чемъ говорится въ особой главѣ). Гипотеза состоитъ въ томъ, что у нихъ это—такое же состояніе, какъ и у животныхъ, съ которыми обращались жестоко, или порода которыхъ вырождается, и у которыхъ страхъ сдѣлался наслѣдственнымъ, развившись до такой степени, что ихъ пугаетъ не только все, что кажется новымъ, но и является непреодолимое стремленіе спрятаться, преувеличенная инстинктивная осторожность. Какъ замѣчено, дѣти „негативисты“—или наслѣдственно боязливы, или очень слабы физически, или оказываются продуктами жестокаго обращенія, грубости, излишней строгости окружающихъ. Однако Дюпра замѣчаетъ, что крайняя скрытность и осторожность можетъ имѣть и совершенно иные мотивы. Посмотрите, какъ кошка поджидаетъ мышь или крадется къ ней, стараясь не произвести ни малѣйшаго звука. У взрослыхъ,—напримѣръ у политиковъ, хитроумныхъ администраторовъ, педагоговъ,—уже совсѣмъ по другимъ мотивамъ,—все искусство заключается иногда въ умѣньи скрывать свои мысли и т. п.

Однимъ словомъ, Дюпра хочетъ сказать, что джецы—„негативисты"—явленіе чрезвычайно общее въ жизни и людей, и животныхъ. Все „свѣтское" умѣнье „держать себя" основывается на той же „негативной" лжи. При обзорѣ соціально-психологическихъ условій лжи, Дюпра даже указываетъ на цѣлыя страны, гдѣ такого рода боязнь открытаго проявленія своихъ мыслей сдѣлалась общей, напр., въ Нормандіи. Невольно припоминаются при этомъ и крестьяне нѣкоторыхъ русскихъ губерній, разговоръ которыхъ не разъ воспроизводился въ беллетристикѣ, какъ образецъ умѣнья такъ запутать фразу, представившись иногда совершеннымъ идіотомъ,—чтобы вы не могли понять, какъ же этотъ человѣкъ думаетъ о вопросѣ, предложенномъ вами.

Противоположный типъ „имажинативовъ" оказывается преобладающимъ въ южныхъ областяхъ. Воображеніе приводитъ ихъ къ тому, что они уже плохо различаютъ отъ дѣйствительности свои фантазіи, у нихъ является вообще склонность къ „безмѣрному". Извращеніе истины можетъ послѣ этого начаться во всѣхъ направленіяхъ. „И въ самомъ дѣлѣ, — замѣчаетъ Дюпра, — невозможно, чтобы не происходило этого извращенія относительно всего и по поводу всего, такъ какъ умъ привыкъ строить все безъ оглядки на дѣйствительныя соотношенія предметовъ, и не дѣлаетъ ни малѣйшаго усилія поставить себя хотя когда-нибудь въ согласіе съ истиной".

Такимъ образомъ, мы видимъ, почему „имажинативы" (или фантастики) не всегда лгутъ сознательно, а нерѣдко сами увѣрены въ правдѣ своихъ измышленій. „Ребенокъ пяти лѣтъ,—говоритъ Дюпра,—былъ представленъ намъ своимъ учителемъ, какъ обладающій способностью экзальтироваться въ теченіе своего совершенно правдиваго разсказа до такой степени, что онъ непосредственно начиналъ разсказывать о совершенно выдуманныхъ событіяхъ. Онъ очень любилъ подбирать выраженія, и когда его упрекали за ложь, онъ давалъ нижеслѣдующій отвѣтъ, который могъ бы быть и отвѣтомъ каждаго „импульсика" *) и большей части „имажинативовъ", а именно: „Это не я виноватъ; это выше меня". Другой ребенокъ, 6 лѣтъ (по имени Динаръ,—изъ Иль-е-Вилэнь) разсказываетъ часто съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ необыкновенные факты". „Онъ вѣритъ въ то, что говоритъ, — пишетъ его учитель, — онъ видитъ то, что описываетъ, и никогда не смѣется. И мы его слушаемъ, не заставляя замолчать, не разувѣряя его. Это нашъ маленькій поэтъ, и мы не хотимъ убивать въ немъ вдохновенія".

---

*) Импульсики, или импульсивные—это ненормальные субъекты, отличающіеся недостаткомъ или отсутствіемъ задержки побужденій или движеній, т. е. дѣйствующіе и поступающіе по первому побужденію.

По этому поводу мнѣ припоминается извѣстный разсказъ Вл. Короленко „Дѣти“, въ которомъ онъ описываетъ, какъ въ дни своего ребячества, разсказывалъ своимъ маленькимъ братишкамъ о тѣхъ грезахъ, почти видѣніяхъ, которыя его посѣщали.

Возникаетъ чрезвычайно трудный и сложный вопросъ, слѣдуетъ ли подавлять эту способность и, если слѣдуетъ, то какими средствами. Въ той части книги, которую Дюпра посвящаетъ педагогической сторонѣ вопроса о лжи, онъ вообще совѣтуетъ весьма осторожно относиться къ подавленію лжи у дѣтей даже и кроткими мѣрами. Всѣ такія мѣры ведутъ чаще всего къ противоположнымъ результатамъ, а между тѣмъ мы устраняемъ изъ сознанія ребенка общее понятіе о лжи, какъ о дѣйствительно существующемъ *явленіи* въ жизни. Поэтому, когда ему самому придется вступить въ эту жизнь и вести борьбу за существованіе, онъ можетъ оказаться безпомощнымъ, не зная того врага который будетъ нападать на него *). Это и случается съ людьми черезъ-чуръ довѣрчивыми или не знающими, благодаря идеально честной семьѣ, что въ мірѣ есть не одно хорошее, но есть и зло, и его могучее орудіе — ложь. Это вовсе не значитъ, что съ ложью не нужно бороться. но бороться-то надо болѣе реальными средствами. Они состоятъ въ томъ, чтобы пробуждать въ душѣ ребенка благородныя чувства — для чего особенно полезна хорошая художественная беллетристика; эти чувства сами воздержатъ его отъ лжи. Но этого мало: необходимо, напр., для „имажинативовъ“ давать *знаніе* жизни, званія научныя, которыя постоянно помогали бы ему разбираться между своими фантазіями и дѣйствительностью, не путая ихъ между собою. Наконецъ, необходимо развивать въ ребенкѣ *критическое отношеніе* къ тому, что онъ видитъ и слышитъ, а также къ своему собственному мышленію. Эта сторона задачи прекрасно развита въ книжкѣ Кейра, вышедшей недавно въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Развитіе мышленія у дѣтей“. (Въ подлинникѣ, на французскомъ языкѣ эта книжка называется „Логикой у дѣтей“).

Конечно, все сказанное выше относится къ тѣмъ случаямъ лжи, въ которыхъ ребенокъ, такъ сказать, неповиненъ, т. е. которые не осложняются какимъ-нибудь дурнымъ или злостнымъ (напримѣръ, клеветническимъ) намѣреніемъ или подленькой угодливостью. Въ этихъ случаяхъ,—какъ ясно каждому, — порокъ заключается не въ самой лжи: *оно только средство.* Поэтому, и педагогическія усилія

*) Лично мнѣ кажется очень рискованной теорія воспитанія, требующая преждевременнаго *приспособленія* ребенка къ тому злу, которое ему можетъ встрѣтиться въ жизни. Достаточно, если онъ будетъ знать о существованіи этого зла настолько подробно, что оно не застанетъ его врасплохъ.

тутъ надо направлять не противъ „средства", а противъ того порока, который пользуется этимъ средствомъ Но это будетъ уже болѣе сложной задачей нравственнаго воспитанія вообще, которая не входитъ въ кругъ вопросовъ и задачъ Дюпра и настоящей статьи моей. Здѣсь было необходимо указать только это различіе средства (лжи) отъ ея цѣли и выяснить невозможность бороться съ безнравственной, безчестной цѣлью, нападая только на средство. Такъ, думая исправить вора, мы, вѣдь, не будемъ читать ему внушенія за то, что онъ употребилъ въ дѣло ключъ, а не отмычку или долото.

Чтобы закончить эту статью, которая сильно растянулась, необходимо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Мы уже видѣли, что ложь чаще всего создается самими родителями и воспитателями, которые своей строгостью такъ запугиваютъ дѣтей, что тѣ даже въ случаяхъ, не грозящихъ имъ никакимъ наказаніемъ, боятся сказать правду, дрожатъ отъ каждаго вопроса и совершенно извращаются. Но иногда отъ того же запугиванія получается совершенно особый результатъ. Есть дѣти апатичныя, атараксическія (флегматично-покойныя), которыхъ ничто не можетъ сильно взволновать. При этомъ, у нихъ часто очень хорошо развитъ умственный аппаратъ, тогда какъ у пугливыхъ дѣтей онъ нерѣдко совершенно перестаетъ дѣйствовать, такъ что они въ испугѣ говорятъ совершенныя нелѣпости, чтобы избавить себя отъ страданія, которое уже испытали. Такъ вотъ, у дѣтей апатичныхъ запугиваніе и наказанія вызываютъ не страхъ, а необыкновенную обдуманность, утонченность лжи, такъ что воспитатели говорятъ о нихъ, какъ о „лгунахъ *геніальныхъ*" съ самаго ранняго возраста.

Добавимъ къ этому, что очень часто ложь является у дѣтей результатомъ гордости и самолюбія. Они боятся насмѣшки товарищей или неуважительнаго отношенія окружающихъ и родителей, а потому стараются скрыть свою ошибку или проступокъ, употребляя для этого всѣ маленькія силы своего ума.

Съ гордостью и самолюбіемъ связана стыдливость, зависящая гораздо менѣе отъ скромности или смиренія, чѣмъ отъ заботы о томъ, чтобы согласовать свои поступки съ мнѣніемъ людей (учителей, товарищей, родителей). Весьма часто ребенокъ страстно дорожитъ этимъ мнѣніемъ.

Но если въ случаяхъ лжи, вызываемой гордостью, самолюбіемъ, а тѣмъ болѣе тщеславіемъ или хвастливостью, мы можемъ найти нѣсколько оттѣнковъ, измѣняющихъ наше отношеніе къ лгущему отъ нѣкотораго уваженія къ нему (ложь изъ гордости) и до презрѣнія (ложь изъ хвастовства и тщеславія), то есть одинъ сортъ

лжи, который прямо-таки требуетъ къ себѣ совершенно особаго отношенія и по меньшей мѣрѣ большой осторожности. Это ложь изъ безкорыстнаго чувства товарищества, ложь иногда самоотверженная, когда ребенокъ принимаетъ на себя вину другого, чтобы избавить его отъ страданія. Очевидно, душа такого ребенка способна высоко подниматься надъ уровнемъ обычнаго человѣческаго эгоизма и съ раннихъ поръ проникнута благороднымъ общественнымъ инстинктомъ и чувствомъ. Тутъ надо, повторяю, очень осторожно относиться къ дѣлу, чтобы, преслѣдуя средство, не оскорбить того свойства, которое за нимъ скрывается,—драгоцѣннѣйшаго свойства, какое только есть въ натурѣ человѣка: любовь, самопожертвованіе. Конечно, и въ такихъ случаяхъ возможно, что мотивомъ является иногда не любовь, а честолюбіе, и жертва приносится ради желанія вызвать поклоненіе товарищей. Но это заставляетъ только еще осторожнѣе и безпристрастнѣе относиться къ такимъ случаямъ, тѣмъ болѣе, что и самое честолюбіе бываетъ различно: вѣдь есть честолюбивыя дѣти (да и взрослые люди), стремящіяся вызвать къ себѣ удивленіе или уваженіе далеко не самопожертвованіемъ, а чѣмъ-нибудь низменнымъ, пошлымъ или гнуснымъ, какъ поступокъ Герострата. Во всемъ этомъ педагогъ, какъ и родители, долженъ очень и очень тщательно разобраться.

Л. Е. Оболенскій.

Поэзія, какъ орудіе воспитанія. *)

М.м. Г.г.

Предметомъ своей рѣчи я избралъ вопросъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ поэзія на читателей и по преимуществу на молодое поколѣніе. Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ разрѣшался болѣе или менѣе обстоятельно въ нашихъ педагогическихъ сферахъ. Между тѣмъ отъ того или иного разрѣшенія его зависитъ та или иная постановка изученія литературныхъ произведеній въ нашихъ школахъ. Наиболѣе распространеннымъ является въ настоящее время взглядъ, по которому роль поэзіи сводится къ эстетическому воздѣйствію на читателя, къ возбужденію въ немъ цѣлаго ряда пріятныхъ ощущеній, называемыхъ чувствами прекраснаго, изящнаго, красоты и т. д. Въ чемъ состоятъ эти чувства, какова ихъ сущность, имѣютъ ли они какое-нибудь жизненное значеніе, на эти вопросы съ трудомъ можно найти ясные, точные отвѣты, въ свѣтѣ которыхъ поэзія пріобрѣла бы важное воспитательное значеніе. Обыкновенно послѣдователи разсматриваемаго мнѣнія, ведущаго свое начало съ 40-хъ гг. прошлаго столѣтія, ходятъ вокругъ да около такого отвѣта, согласно которому поэзія доступна лишь немногимъ людямъ. „Чтобы быть способнымъ понимать поэтическія произведенія“ говоритъ одинъ писатель-художникъ 40-хъ гг., „нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе, нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя черты Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ, который давно уже пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣстъ птичку не болѣе наперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ, безъ всякой пріятности привыкшему глотать издѣлія крѣпостного повара“. Этотъ же взглядъ на поэзію имѣетъ въ виду Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ къ Боткину: „Ты,—писалъ Бѣлинскій Боткину, —сибаритъ,

*) Рѣчь, прочитанная авторомъ на актѣ гимназіи Гуревича 26-го сентября 1904 г.

сластена...—тебѣ, вишь, давай поэзіи да художества, тогда ты будешь смаковать и чмокать губами...“ Такимъ образомъ, по господствующему и въ наше время взгляду чтеніе поэтическихъ произведеній приравнивается къ какой-то своеобразной, если можно такъ выразиться, духовной гастрономіи. По этому взгляду, прозаическія произведенія даютъ читателю простую, но здоровую и обильную духовную пищу, необходимую намъ изо-дня въ день, безъ которой намъ невозможно совершать обычную работу. Другое дѣло поэзія: это уже утонченная гастрономія; поэзія это—птичка съ наперстокъ, вкусъ которой доступенъ немногимъ; поэзія—это блюда изъ соловьиныхъ язычковъ и попугаичьихъ мозговъ, которыми нѣкогда разнообразили свою постылую жизнь римляне временъ упадка... И задача школьнаго изученія поэзіи, очевидно, сводится къ тому, чтобы вырабатывать и выпускать въ жизнь именно такихъ утонченно-развитыхъ гастрономовъ...

Я изложилъ вкратцѣ взглядъ, наиболѣе распространенный въ нашихъ педагогическихъ сферахъ, освободивъ его отъ тѣхъ пышныхъ и неопредѣленныхъ фразъ, которыми онъ обыкновенно сопровождается съ цѣлью замаскировать одну очень грустную для его приверженцевъ истину: поэзія есть утонченная духовная игра, потѣха, имѣющая въ жизни значеніе лишь настолько, насколько и всякая другая игра. Слѣдовательно, и въ жизни, и въ школѣ изученію поэзіи можетъ быть отведено лишь столько времени, лишь такое мѣсто, которое остается свободнымъ отъ другихъ, болѣе существенныхъ и необходимыхъ предметовъ. Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть ничего удивительнаго въ томъ, что въ средней школѣ до послѣдняго времени отводилось на изученіе русской литературы въ старшихъ классахъ по 3 часа въ недѣлю...

Однако позволительно задаться вопросомъ, дѣйствительно ли вліяніе поэзіи такъ-таки цѣликомъ сводится къ возбужденію, развитію и укрѣпленію утонченныхъ ощущеній изящества, прекраснаго и т. д.?

Сейчасъ я попытаюсь дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но прежде считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что, говоря о поэзіи, я буду употреблять это слово въ широкомъ смыслѣ. Подъ словомъ „поэзія“ я буду разумѣть не ту узкую область ея, которая выражается въ лирикѣ, и притомъ стихотворной, а всѣ ея разряды и виды, включая романы и повѣсти, какъ, напр., „Рудинъ“ Тургенева, „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго и т. д. Сдѣлавъ эту оговорку, я перехожу къ своей темѣ.

Поэзія имѣетъ своимъ содержаніемъ ту же самую дѣйствительность, что и проза. Различіе между ними заключается въ отношеніи

поэта и прозаика къ дѣйствительности и въ способахъ ея отраженія.

Изъ многихъ способ въ поэтическаго отраженія жизни и природы я остановлюсь на одномъ, весьма существенномъ и имѣющемъ большое значеніе для разрѣшенія вопроса о воспитательной роли поэзіи. Это основное свойство состоитъ въ томъ, что такіе-то предметы дѣйствительности, ихъ черты и свойства подвергаются въ фантазіи художника цѣлому ряду цѣлесообразныхъ переработокъ: одни свойства и черты ихъ выступаютъ въ преувеличенныхъ, сравнительно съ дѣйствительностью, размѣрахъ, другія, наоборотъ, въ уменьшенныхъ, третьи совсѣмъ отбрасываются, четвертыя замѣняются чертами и свойствами другихъ предметовъ, нерѣдко ничего общаго съ первыми не имѣющихъ. Благодаря этимъ пріемамъ предметы и явленія дѣйствительности выступаютъ въ поэтическихъ произведеніяхъ въ совершенно преобразованномъ видѣ. Особенно важное значеніе имѣетъ пріемъ изображенія, состоящій въ преувеличеніи, усиленіи чертъ дѣйствительныхъ предметовъ, пріемъ напоминающій намъ научный пріемъ изслѣдованія съ микроскопомъ. Подобно тому какъ микроскопъ, направленный на каплю воды, открываетъ намъ въ ней цѣлый новый міръ живыхъ существъ, недоступныхъ нашимъ невооруженнымъ взорамъ, такъ поэзія, изображая намъ черты дѣйствительности въ огромномъ масштабѣ, котораго онѣ на самомъ дѣлѣ не имѣютъ, останавливаетъ и задерживаетъ наше вниманіе на тѣхъ сторонахъ жизни и природы, мимо которыхъ мы равнодушно проходимъ, не замѣчая ихъ.

Методъ преувеличенія проявляется уже въ устной поэзіи, напр., въ былинахъ, отразившихъ въ колоссальныхъ образахъ богатырей, съ одной стороны, могучую борьбу кіевской Руси съ азіатскими кочевниками, съ другой — торгово-промышленныя отношенія Великаго Новгорода и его вѣчевой укладъ. Этимъ же методомъ преувеличенія пользуется и литературная поэзія. Въ дѣйствительности мы не встрѣтимъ такихъ людей, которые, какъ двѣ капли воды, походили бы на Плюшкина, Хлестакова, Обломова, Татьяну, Петра В. (изъ „Полтавы“ Пушкина) и т. д. Но тѣ черты, которыя преувеличенно выражены ими, въ болѣе или менѣе крупныхъ или мелкихъ доляхъ разсѣяны по всему человѣчеству, составляютъ принадлежность каждаго изъ насъ. Мы склонны иногда хвастнуть чѣмъ-нибудь; но никто въ этой склонности не дойдетъ до того, чтобы упомянуть о 30 тысячахъ курьеровъ, какъ это сдѣлалъ Хлестаковъ; каждый изъ насъ впадаетъ иногда въ апатію, лѣнь, но никогда мы не дойдемъ до того, чтобы лучшую часть своей жизни пролежать на мягкой постели, какъ это было съ Обломовымъ...

Именно съ указаннымъ мною методомъ поэтическаго преувеличенія находится въ тѣсной связи и вліяніе поэзіи на читателя. Въ поэтическихъ образахъ выражаются въ преувеличенныхъ размѣрахъ всѣ свойства человѣческой природы - и наилучшія, и наихудшія, тѣ свойства, которыя оказываютъ на насъ притягательное вліяніе, которыя намъ нравятся, и которыя отталкиваютъ насъ своею низменностью. Читая поэтическое произведеніе, мы отдаемся во власть автора, мы вмѣстѣ съ нимъ слѣдимъ за развертывающейся передъ нашими взорами жизнью, мы вмѣстѣ съ героями переживаемъ всѣ ихъ чувства; не будучи непосредственно заинтересованы въ этой вымышленной жизни, мы охотно допускаемъ, чтобы проявленія лучшихъ свойствъ человѣческой природы вызывали въ насъ пріятныя чувства, а проявленія дурныхъ, отрицательныхъ свойствъ --непріятныя чувства. Во время чтенія поэтическихъ произведеній яркіе преувеличенные образы добра вызываютъ въ нашей психикѣ яркія въ высшей степени интенсивныя чувства пріятнаго; наоборотъ, яркіе преувеличенные образы зла возбуждаютъ въ психикѣ читателя интенсивныя чувства отвращенія, непріятнаго. Чѣмъ чаще мы читаемъ поэтическія произведенія, чѣмъ чаще мы переживаемъ вмѣстѣ съ вымышленными героями всю гамму ихъ ощущеній, тѣмъ прочнѣе становится въ нашей психикѣ связь между добромъ и пріятнымъ, между зломъ и непріятнымъ. Читатель, познакомившійся по „Мертвымъ душамъ" съ Плюшкинымъ, смѣявшійся надъ его скупостью и жадностью, никогда не захочетъ походить на него. Читательница, пережившая по роману Тургенева „Наканунѣ" чувства и стремленія Елены, ея жажду общественной дѣятельности, всегда будетъ испытывать желаніе хоть нѣсколько походить на Елену. Иными словами, прочная связь, или ассоціація, устанавливающаяся благодаря поэзіи между добромъ и пріятнымъ, между зломъ и непріятнымъ, есть не что иное, какъ духовное перерожденіе читателя, его нравственное совершенствованіе. Эта связь, выкованная въ процессѣ неоднократнаго чтенія поэтическихъ произведеній, окажется принудительной для читателя и въ жизни: въ жизненной борьбѣ, защищая тѣ или другіе интересы, читатель, въ мѣру своего духовнаго перерожденія подъ вліяніемъ поэзіи, будетъ въ большей или меньшей степени служить добру, будетъ руководиться въ большей или меньшей степени во всѣхъ моментахъ своей жизни интересами правды... Вотъ въ чемъ заключается воспитательное вліяніе поэзіи Изъ этого видно, какъ велика роль поэзіи, и какое могучее орудіе воспитанія представляетъ она, если умѣло имъ пользоваться и если, прежде всего, достигнуто пониманіе этой роли. Съ изложенной мною точки зрѣнія задача школьнаго изученія поэзіи состоитъ не въ томъ, чтобы

создать двухъ-трехъ любителей соловьиныхъ язычковъ и попугаичьихъ мозговъ, а въ томъ, чтобы создать изъ всѣхъ учащихся—людей, умѣющихъ отличать добро отъ зла, неспособныхъ испытывать отвращеніе къ добру и влеченіе къ злу, словомъ—людей, которые за идеалы добра готовы безъ всякихъ колебаній сложить свои головы.

Съ изложенной мною точки зрѣнія, и постановка такого предмета, какъ словесность, пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Благодаря ей открываются перспективы такого могучаго воспитательнаго воздѣйствія, какое нынѣшней постановкой не имѣлось въ виду. Такая постановка требовала бы большаго количества часовъ въ недѣлю (не менѣе 6) и дополненія курса литературы второй половиной XIX в. Съ этимъ измѣненіемъ былъ бы связанъ цѣлый рядъ послѣдствій. Я укажу на одно изъ нихъ. Интеллигентная русская семья давно уже пользуется русской литературой послѣдняго полустолѣтія для воздѣйствія на подрастающее поколѣніе. Въ семьѣ юношество уже вращается въ кругу тѣхъ высокихъ переживаній, которыя испытаны были нашими величайшими людьми: Тургеневымъ, Гончаровымъ, Л. Толстымъ, Щедринымъ, Островскимъ и т. д., и которыя представляютъ, такъ сказать, послѣднее значительное слово русской жизни. Между тѣмъ тѣхъ же юношей школа держитъ пока до сихъ поръ еще въ кругу переживаній, испытанныхъ нами до наступленія второй половины XIX в.

Такимъ образомъ, между школой и семьей въ объемѣ и характерѣ идеаловъ есть нѣкоторое существенное различіе. Мнѣ думается, что этимъ именно различіемъ въ значительной степени обусловливается и та отчужденность между школой и семьей, которая на-дняхъ еще констатирована офиціально. Новая постановка въ изученіи нашей литературы въ указанномъ мною смыслѣ, я въ этомъ глубоко убѣжденъ, устранитъ одну изъ немаловажныхъ причинъ этой отчужденности, и къ сближенію между семьей и школой будетъ сдѣланъ значительный шагъ.

В. Келтуяла.

Къ вопросу о школьныхъ спектакляхъ.

Въ №№ 7—8 журнала „Русская Школа" за іюль — августъ текущаго года помѣщено письмо г. П. Вейнберга „Гимназисты-актеры и писатели", въ которомъ приводятся соображенія о вредѣ актерства для гимназической молодежи и за школьными спектаклями не признаются никакіе положительные результаты. Въ концѣ письма авторъ добавляетъ: „Буду очень радъ, если гг. педагоги и преподаватели, несогласные со мною, захотятъ высказать свои соображенія и доводы". Позволимъ себѣ высказать ему свои соображенія и выводы, прямо противоположные его выводамъ.

Многіе изъ пишущихъ по этому вопросу, а въ томъ числѣ и г. Вейнбергъ, обращаютъ вниманіе на какой-либо дефектъ школьныхъ спектаклей, зависящій отъ постановки дѣла, а заключаютъ вообще о безполезности и даже вредѣ школьныхъ спектаклей.

Театръ на первой стадіи своего развитія удовлетворялъ лишь потребности въ развлеченіи. Онъ былъ ничто иное, какъ зрѣлище, развлекающее человѣка. Каковы были нравственное и умственное развитіе общества, таковы были и зрѣлища и общественныя игры. Но въ дальнѣйшей своей эволюціи театръ, помимо главной своей цѣли—развлеченія, увеселенія зрителей, — сталъ ставить себѣ и другія цѣли—дидактическія и воспитательныя. А такъ какъ театральное искусство, создавая сценическую обстановку, привлекаетъ къ себѣ услуги и живописи и скульптуры и усердно воспроизводитъ мельчайшія детали житейской дѣйствительности — словомъ, воплощаетъ идеи въ конкретные образы и этимъ дѣйствуетъ на всѣ чувства человѣка, то становится понятнымъ могучее воспитательно-образовательное воздѣйствіе театра. Онъ можетъ быть, такъ сказать, университетомъ и развивать человѣка и умственно, и нравственно, и эстетически, не утрачивая своей первоначальной цѣли—дать человѣку развлеченіе въ свободные часы при ежедневномъ трудѣ. А если

таково можетъ быть воздѣйствіе театра, то и педагогика должна обратить на него вниманіе въ своихъ цѣляхъ.

Если, какъ видимъ, взрослые нуждаются въ развлеченіяхъ, то, конечно, въ большой мѣрѣ нуждаются въ этомъ дѣти и юношество. И вотъ тутъ-то для наблюдательнаго педагога и становится очевиднымъ, что дитя, ища развлеченія, безсознательно становится актеромъ. Посмотрите, съ какимъ иногда усердіемъ малышъ старается изобразить собою лошадку, какъ онъ изгибаетъ головку, топаетъ ножками и звукомъ своего голоса старается показать, что онъ въ это время лошадка. Или посмотрите, съ какимъ увлеченіемъ дѣти играютъ въ аллегорическія игры, гдѣ одна партія является, напр., разбойниками, а другая путешественниками. Какъ они стараются войти въ роль и воплотить изображаемое лицо! Итакъ, дать возможность играть дѣтямъ на сценѣ—это значитъ идти на встрѣчу дѣтскимъ влеченіямъ. Дѣло педагогики это стремленіе дѣтей къ развлеченію, къ актерству, такъ сказать, урегулировать, использовать въ своихъ цѣляхъ, устроить такъ, чтобы развлеченіе не было безсмысленнымъ, а именно воспитывало дитя и умственно, и нравственно, и эстетически. Ввести въ школу театръ—это значитъ дать дѣтямъ художественно-образовательное развлеченіе и создать для нихъ атмосферу общаго веселья. Нашу современную школу не безъ основанія обвиняютъ и въ мертвенности, и въ формализмѣ, и въ безсердечности; все въ ней угнетаетъ душу ребенка: и безсмысленное зубреніе уроковъ, и вѣчный страхъ предъ единицей и строгимъ выговоромъ, и постоянная регламентація поведенія не только въ школѣ, но и внѣ ея. Поэтому, чѣмъ болѣе въ школѣ будетъ разумныхъ развлеченій, тѣмъ лучше.

Это повыситъ жизненный темпъ школы, благотворно повліяетъ на духовное развитіе дѣтей. Гюйо говоритъ („Воспитаніе и наслѣдственность): „Дурное расположеніе духа есть противообщественное и въ то же время угнетающее нравственное состояніе. Это состояніе въ высшей степени сложно, упорно, и чѣмъ раньше ребенокъ научится побѣждать его, тѣмъ лучше". „Поэтому нужно пріучать дѣтей къ веселью, къ прочному и хорошему расположенію духа. У ребенка, выросшаго въ атмосферѣ любви и веселья, образуется такой запасъ этого послѣдняго, который годится ему на всю послѣдующую жизнь".

Быть можетъ, у школы есть другія средства для созданія среди дѣтей атмосферы веселья и жизнерадостности — каковы игры, всевозможныя экскурсіи, прогулки; но и въ такомъ случаѣ нѣтъ причинъ изгонять театръ. Уже было сказано, что театръ помимо того, что доставляетъ развлеченіе, въ умѣлыхъ рукахъ можетъ оказывать могучее воспитательное воздѣйствіе особенно на воспріимчивую

душу дѣтей. Вотъ здѣсь-то и заключается его преимущественное значеніе сравнительно съ другими школьными развлеченіями и дѣтскими играми.

Актерство, или активное участіе дѣтей въ спектакляхъ, способствуетъ обогащенію памяти, умѣнью говорить свободно предъ другими, искусству декламаціи—вообще выработкѣ рѣчи, ораторскому искусству. А это все важно хотя-бы, напр., въ томъ отношеніи, что наша молодежь, собравшись въ общество, кромѣ танцевъ, ничего другого не умѣетъ, а такъ какъ все танцовать и танцовать надоѣдаетъ, то и появляются зеленые столы, около которыхъ и коротаются вечера; иное дѣло получится, когда среди молодежи появятся искусные декламаторы, чтецы и пѣвцы

При активномъ участіи въ спектакляхъ юноши пріучаются къ самообладанію, находчивости, и это весьма важно въ педагогическомъ отношеніи.

Правда, не всѣ дѣти могутъ принимать активное участіе; часть дѣтей, и даже большая, остаются зрителями. Полезность, такимъ образомъ, сокращается до минимума. Но мы уже сказали, что самое важное въ дѣтскихъ спектакляхъ—это атмосфера всеобщаго веселья. А здѣсь мы и замѣчаемъ, что весело и интересно всѣмъ: одни смотрятъ, другіе играютъ, третьи помогаютъ. Создается какъ-бы общее дѣло самими дѣтьми, а это важно, потому что пріучаетъ дѣтей къ дѣйствіямъ на кооперативныхъ началахъ, пріучаетъ къ общественности. А вѣдь теперь именно и жалуются на упадокъ общественности и на неумѣнье поддержать эту общественность. Вотъ полезныя стороны школьныхъ спектаклей.

Но здѣсь являются вопросы, а жизнь выдвигаетъ и факты. Г. Вейнбергъ ставитъ, напр., вопросъ о томъ, не развиваютъ-ли дѣтскіе спектакли среди актерствующей, т. е. принимающей активное участіе въ спектакляхъ молодежи непомѣрнаго тщеславія, а отсюда не поселяютъ-ли въ нихъ чрезмѣрныхъ надеждъ и мечтаній— въ томъ смыслѣ, „что нѣкоторые изъ нихъ, наслушавшись преувеличенныхъ комплиментовъ, начинаютъ воображать себя будущими, если не Сальвини, Мартыновымъ, Дузе, то во всякомъ случаѣ Савиной, Давыдовымъ, Варламовымъ; забываютъ свое прямое дѣло, выходятъ изъ школы, не кончивъ курса, а потомъ кончаютъ печально, влачатъ жалкое существованіе“. И такіе факты ему приходилось наблюдать. Многіе изъ подобныхъ юныхъ существъ, вообразивъ себя очень талантливыми, приходили къ г. Вейнбергу съ сообщеніемъ о своемъ рѣшеніи поступить на сцену, и какъ послѣдній „ни обливалъ ихъ холодной водой“ — оставались при своемъ рѣшеніи.

Противъ фактовъ возражать не приходится.

Но не зависитъ-ли это развитіе тщеславія, или самомнѣнія отъ неумѣнья поставить правильно дѣло? Вѣдь самъ-же Вейнбергъ говоритъ, что дѣти наслушиваются преувеличенныхъ похвалъ. Дѣло педагогики выработать такія условія, чтобы парализовать, устранить это могущее появляться самомнѣніе, а вовсе не изгонять театръ изъ школы. Вѣдь и современную школу можно обвинять въ томъ, что она пріучаетъ нерѣдко дѣтей къ лжи и обману, но никто по все въ причинѣ не будетъ отрицать школу, а только будетъ заботиться о томъ, чтобы устранить это нежелательное явленіе.

Конечно, при активномъ участіи въ школьныхъ спектакляхъ выдвинутся болѣе способные, талантливые. Но вѣдь это—явленіе совершенно естественное. Вѣдь и при всякой игрѣ, въ которой, напр., требуется мускульная сила, выдвигаются болѣе сильные и этой ловкіе. Дѣло-же педагогическаго такта и умѣнья поставить должныя рамки и границы.

Нѣкоторые, далѣе, отрицательно относятся къ школьнымъ спектаклямъ потому, что актерство дѣтей вредно вліяетъ на ихъ нервную систему. Но и здѣсь виновато неумѣлое веденіе дѣла, а не оно само.

Конечно, если заставить дѣтей заучить какой-нибудь глупый водевиль и при томъ заучить, какъ попугаевъ, и при репетиціяхъ кричать на нихъ, — однихъ чрезмѣрно хвалить, а другихъ разносить, — лишать ихъ почти всякой самостоятельности и въ такой взвинченной обстановкѣ продержать цѣлый мѣсяцъ, то безспорно это уже будетъ не развлеченіе, а мученіе и разстроитъ нервы. Но зачѣмъ такъ ставить дѣло? Что-же касается умѣреннаго, правильнаго и могущаго быть возбужденія нервовъ, какъ слѣдствія игры на сценѣ, то оно не только не вредно, но и полезно, потому что усиливаетъ кровообращеніе, дыханіе, а чрезъ это усиливается обмѣнъ веществъ въ организмѣ, и вообще повышается жизнедѣятельность организма.

Наконецъ, актерство не пріучаетъ-ли дѣтей къ лжи и притворству? Играя на сценѣ, перевоплощаясь, такъ сказать, въ другое лицо—не пріучится-ли юный актеръ и въ жизни притворяться, или казаться такимъ, или инымъ, а не быть имъ на самомъ дѣлѣ? Но врядъ-ли эти страхи основательны. Вѣдь тогда и самыя, невинныя дѣтскія игры, какъ, напр., игра въ лошадки, тоже будутъ пріучать дѣтей къ притворству. Къ тому-же приводитъ и выразительное чтеніе, какого мы требуемъ отъ дѣтей. Нѣтъ, ребенокъ всегда очень чутокъ къ тому, что дѣлается „нарочно“, въ шутку, для развлеченія и что дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, равно какъ и о взрослыхъ

и окружающихъ онъ думаетъ, что они тоже онъ думаетъ, когда онъ играетъ и когда является самимъ собой.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, почему нельзя согласиться съ почтеннѣйшимъ г. Вейнбергомъ, который не видитъ отъ школьныхъ спектаклей никакихъ положительныхъ результатовъ; мы, наоборотъ, склонны думать, что школьные спектакли въ рукахъ опытной педагогіи явятся однимъ изъ лучшихъ школьныхъ развлеченій и воспитательныхъ средствъ въ школѣ.

Одинъ изъ педагоговъ **А. П. Б.**

Спектакли и журналы въ учительскихъ семинаріяхъ.

Въ „Русской Школѣ“ за іюль и августъ мѣсяцы была помѣщена статья г. Вейнберга „Гимназисты-актеры и писатели“. Я не обладаю ни многолѣтней опытностью, ни близкимъ знакомствомъ съ организаціей гимназическихъ спектаклей и журналовъ, и потому опровергать мнѣнія г-на Вейнберга я не буду. Но мнѣ хотѣлось бы указать на тѣ учебныя заведенія, въ которыхъ спектакли и журналъ при лучшей организаціи могли бы принести громадную пользу. Я говорю про учительскія семинаріи, учительскія школы и другія имъ подобныя учебныя заведенія.

Въ послѣднее время, когда педагогическая печать заговорила о пользѣ спектаклей съ участіемъ учащихся, въ нѣкоторыхъ изъ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеній, были сдѣланы попытки поставить на сцену кое-что изъ Островскаго, Чехова и т. п. Я лично близко стоялъ къ этому дѣлу и изъ своихъ наблюденій могу сдѣлать только слѣдующій выводъ: ничто такъ не развиваетъ вкуса воспитанника и не даетъ ему пониманія красотъ художественнаго произведенія, какъ спектакль.

Каждому, конечно, извѣстно, что въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ почти исключительно учатся дѣти крестьянъ. Въ театрѣ почти никто изъ нихъ не бываетъ (да и самое понятіе о театрѣ какое-то смутное), а въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ обыкновенно устраиваются эти учебныя заведенія, постоянный театръ—рѣдкость, а въ репертуарѣ мимоѣздомъ завернувшей труппы часто нельзя найти того, что требуется воспитаннику. Значеніе же театра въ жизни современнаго человѣка извѣстно. И вотъ уже въ силу чистой необходимости начальство нѣкоторыхъ изъ этихъ учебныхъ заведеній устраиваетъ спектакли исключительно при участіи однихъ только воспитанниковъ.

И дѣйствительно, результаты получались въ высшей степени удовлетворительные. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать, съ какою жадностью новичекъ-воспитанникъ ловитъ слова актера. Они ему врѣзываются въ память и потомъ долго, долго послѣ спектакля повторяетъ онъ ихъ. Если плохая игра товарища производитъ такое сильное впечатлѣніе, то что бы было, если бы на орга-

низацію этого дѣла обратили болѣе серьезное вниманіе? Жизнь общежитія въ высшей степени однообразна и, если такъ можно выразиться, механична; изо дня въ день все одно и одно; какъ заведется машина съ самаго начала учебнаго года, такъ и идетъ, превращая и воспитанника въ одно изъ колесъ своего механизма. Не мудрено, что такая жизнь дѣйствуетъ одуряюще; она накопляетъ въ воспитанникѣ чувство озлобленія, которое потомъ проявляется въ какой-нибудь дикой выходкѣ. Поэтому въ высшей степени полезно и благотворно какъ можно чаще впускать свѣжаго воздуха въ затхлую атмосферу общежитія. Что же касается чудовищнаго самолюбія, которое развивается въ участникахъ и толкаетъ ихъ на тернистый путь актера, то оно невелико. Невелико же оно по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, въ теченіе года участвующихъ набирается такъ много, что и гордиться не передъ кѣмъ, а во-вторыхъ, и потому, что спектакли устраиваются очень скромно: безъ блеска и шума. Времени же учебнаго спектакль хотя и отнимаетъ, но не такъ много, чтобы это отразилось на ходѣ учебныхъ занятій. Гораздо цѣлесообразнѣе будетъ, если воспитанникъ семинаріи истратитъ два-три часа на выучку декламаціи, чѣмъ на гимнастику, столярное, слесарное дѣло, которымъ никто не выучивается, но на которыя тратятся и время и деньги. Учитель-хорошій чтецъ, учитель, могущій устроить народный спектакль, учитель пѣвецъ, — въ тысячу разъ нужнѣе для нашей деревни, чѣмъ учитель столяръ или слесарь (въ рѣдкихъ случаяхъ умѣющій починить замокъ и сдѣлать скамью). Я много разъ бывалъ и участвовалъ на чтеніяхъ съ туманными картинами, устраиваемыхъ для нашихъ крестьянъ, и пришелъ къ такому заключенію: крестьянина интересуетъ не чтеніе, а картина. Чтеніе же онъ слушаетъ лишь для того, чтобы оно объяснило содержаніе картины. Когда на полотнѣ картины нѣтъ, то и чтенія почти никто не слушаетъ. Молодежь обыкновенно обмѣнивается остротами, смѣется и лущитъ подсолнухи. Только какихъ-нибудь два-три мужичка стоятъ серьезно, но съ такими физіономіями, что не знаешь, слушаютъ они тебя, или мухъ ловятъ. Лишь только появляется картина — смѣхъ стихаетъ, и все вниманіе сосредоточивается на полотнѣ. Часто даже и объясненія не слушаютъ: каждый строитъ свою гипотезу. На основаніи такихъ данныхъ мнѣ кажется, что въ тысячу разъ цѣлесообразнѣй устроить спектакль для народа, чѣмъ чтеніе.

Кое-гдѣ уже въ этомъ направленіи были сдѣланы попытки. Мнѣ даже удалось видѣть, какъ въ одной второклассной церковно-приходской школѣ была поставлена для дѣтей и народа „сказка о Иванѣ Царевичѣ“ (понятно, съ пропусками). Впечатлѣніе, дѣйствительно,

было громадно. Актерами были дѣти 8—9-лѣтняго возраста. Правда, хлопотъ со спектаклями много, но зато они гораздо дѣйствительнѣй, чѣмъ чтенія съ туманными картинами, съ которыми тоже возня не маленькая.

Теперь перехожу къ журналамъ съ участіемъ учащихся. Насколько я понялъ изъ статьи г-на Вейнберга объ организаціи гимназическихъ журналовъ, пользы отъ нихъ, дѣйствительно, не можетъ быть никакой. При такомъ веденіи дѣла они всегда будутъ безжизненны и однообразны. У сотрудниковъ этихъ журналовъ не можетъ быть любви къ дѣлу, любви къ тому, о чемъ пишутъ. Любовь же къ работѣ можетъ быть только въ томъ случаѣ, когда эта работа самостоятельна, когда учащійся выражаетъ свои мнѣнія, свой взглядъ на извѣстную вещь. Мнѣ кажется, только тогда журналъ можетъ служить нефиктивнымъ показателемъ развитія учащихся. Во всѣхъ почти средне-учебныхъ заведеніяхъ есть рукописные журналы, играющіе очень видную роль въ дѣлѣ развитія учащихся. Они всегда съ жадностью читаются, потому что каждый видитъ въ томъ, что написалъ его товарищъ, ему близкое и родное, быть можетъ, только лучше формулированное. Часто въ этихъ журналахъ, лишенныхъ разумнаго руководства, пишутся одни только пасквили, и поверхностному взгляду посторонняго наблюдателя можетъ показаться, что тамъ ничего больше и нѣтъ.

Но стоитъ только ближе всмотрѣться, чтобы сквозь эту грязь замѣтить чистые юношескіе порывы.

Раньше въ печати много было говорено о той пользѣ, какую можетъ принести писательство гимназистамъ.

Но мнѣ кажется, что журналъ, если особенно гдѣ и необходимъ, такъ это въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ. Воспитанники, какъ будущіе учителя, должны быть въ умственномъ и вообще духовномъ отношеніи въ извѣстной степени развиты, но предшествующая семинаріи подготовка была крайне неблагопріятна для развитія. Поступивши въ семинарію, они начинаютъ много читать, усваиваютъ множество новыхъ понятій и идей, которыя часто производятъ большую путаницу въ головѣ.

Привести въ извѣстную систему свои разбросанныя знанія они въ семинаріи не успѣваютъ. Связь же съ своей семинаріей у окончившаго курсъ въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ прочна. Вотъ тутъ-то, мнѣ кажется, журналъ и могъ бы сыграть видную роль. Воспитанники, оставившіе семинарію, сохранили бы съ нею связь при посредствѣ журнала, а связь эта, какъ извѣстно, въ высшей степени желательна.

Н. А. Щегловъ.

Къ дефектамъ средней школы.

(Записки учителя).

(*Продолженіе*).

II.

Управленіе средними учебными заведеніями.

Управленіе школой безспорно имѣетъ большое вліяніе на ходъ учебно-воспитательнаго дѣла, а потому интересъ этого дѣла требуетъ примѣненія наиболѣе раціональной постановки управленія, т. е. такой постановки, при которой всѣ факторы и средства обученія и воспитанія въ школѣ могли бы быть, на сколько возможно, вполнѣ использованы безъ всякихъ тормазовъ и препятствій. Къ сожалѣнію, постановка управленія современной средней школы далеко не раціональна и требуетъ коренныхъ измѣненій.

По буквѣ закона управленіе общеобразовательными учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія ввѣрено: въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ директорамъ этихъ учебныхъ заведеній, педагогическимъ совѣтамъ ихъ и хозяйственнымъ комитетамъ, а въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ предсѣдателямъ педагогическихъ совѣтовъ, педагогическимъ и попечительнымъ совѣтамъ. На самомъ же дѣлѣ въ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ главная власть сосредоточена въ рукахъ директора и хотя законъ говоритъ, что важнѣйшія дѣла, относящіяся къ учебной и воспитательной части въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, вѣдаютъ и рѣшаютъ педагогическіе совѣты, а хозяйственныя и денежныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію хозяйственныхъ комитетовъ, но и эти слова въ большинствѣ случаевъ остаются только пустыми звуками, такъ какъ педагогическіе совѣты и хозяйственные комитеты фактически вполнѣ подчинены директору. Въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ учебно-воспитательная часть всецѣло находится въ вѣдѣніи предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ, сами же совѣты самостоятельнаго значенія не имѣютъ. Хозяйственная же часть въ женскихъ учебныхъ

заведеніяхъ, ввѣрена попечительнымъ совѣтамъ, въ составъ которыхъ кромѣ предсѣдателя педагогическаго совѣта и начальницы учебнаго заведенія входятъ представители тѣхъ учрежденій и лицъ, на средства которыхъ содержится учебное заведеніе. Попечительные совѣты поставлены въ болѣе независимое положеніе отъ начальствъ учебныхъ заведеній, чѣмъ педагогическіе совѣты и хозяйственные комитеты, въ составъ которыхъ главнымъ образомъ входятъ преподаватели учебныхъ заведеній. Я не хочу сказать, что педагогическіе совѣты и хозяйственные комитеты дѣйствуютъ всегда не самостоятельно, но что эта самостоятельность ихъ можетъ проявляться лишь „милостью" директора, а въ женскихъ гимназіяхъ предсѣдателей педагогическаго совѣта, и только до тѣхъ поръ, пока эти начальствующія лица не соблаговолятъ ограничить ее. Приведу наиболѣе рельефные факты, свидѣтельствующіе о зависимости коллегіальныхъ учрежденій средней школы отъ директоровъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ.

Въ педагогическомъ совѣтѣ одной изъ женскихъ гимназій долженъ былъ обсуждаться очень важный циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія,—о мѣрахъ къ подъему дисциплины и нравственнаго воспитанія въ школѣ; предсѣдателемъ совѣта состоялъ директоръ мѣстной классической гимназіи. Въ городѣ считали его крайнимъ рутинеромъ, прикрывающимъ свои корыстолюбивыя вожделѣнія патріотизмомъ и подобными высокими словами. Предсѣдатель является на совѣтъ и заявляетъ:

— Я нахожу желательнымъ, господа, отвѣтить на циркуляръ въ слѣдующемъ смыслѣ... я вотъ набросалъ два листика. Секретарь совѣта прочтетъ сейчасъ, а затѣмъ и внесемъ въ протоколъ.

Секретарь беретъ отъ предсѣдателя листы и читаетъ. Содержаніе шаблонное, малосерьезное, но напыщенное.

Встаетъ одна „изъ безпокойныхъ" учительницъ и робко замѣчаетъ:

— Циркуляръ затрогиваетъ очень серьезные и важные вопросы: слѣдовало бы предварительно поговорить по поводу ихъ...

— Ваше дѣло исполнять, а не разсуждать, обрѣзываетъ предсѣдатель. (Неловкое молчаніе).

— Но, вѣдь, циркуляръ требуетъ заключенія совѣта по этимъ вопросамъ, а подобное рѣшеніе ихъ есть произволъ...

— Что-о? Вы въ какомъ кантонѣ воспитывались? Извините, у насъ къ мнѣнію начальства привыкли относиться съ большимъ уваженіемъ. Прошу гг. членовъ совѣта высказаться по поводу циркуляра и моей записки.

Большинствомъ голосовъ было рѣшено, что мнѣніе г. предсѣдателя вполнѣ отвѣчаетъ воззрѣніямъ совѣта на трактуемые вопросы.

Этотъ же циркуляръ обсуждался въ педагогическомъ совѣтѣ одного реальнаго училища. Директоръ былъ большой сибаритъ и терпѣть не могъ разсужденій, особенно продолжительныхъ, а потому вопросы, угрожавшіе затянуть засѣданіе совѣта, или вовсе имъ не вносились въ совѣтъ, или рѣшеніе ихъ сводилось къ общимъ мѣстамъ, болѣе или менѣе кратко формулированнымъ и, „чтобы непремѣнно въ мирномъ духѣ, безъ новшествъ“. Циркуляръ, подлежавшій обсужденію, требовалъ другого отношенія къ себѣ. Для обсужденія его выбрали коммиссію, которая была, по мнѣнію г. директора, тѣмъ болѣе необходима, „что нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ по непонятнымъ причинамъ изволили усложнить дѣло, подавъ въ совѣтъ записки по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ циркуляра“.

Члены коммиссіи отнеслись къ дѣлу съ необычнымъ рвеніемъ, собирались и составили обстоятельный отвѣтъ на циркуляръ. Между прочимъ, признано было необходимымъ болѣе ясно и прочно разграничить въ уставѣ реальныхъ училищъ права директора и педагогическихъ совѣтовъ, а также желательнымъ устройство бесѣдъ по практическимъ вопросамъ нравственной жизни, напримѣръ — о воспитаніи воли, выработкѣ въ себѣ самообладанія, о значеніи алкоголизма и т. п.

Прочитавъ протоколъ коммиссіи, директоръ пришелъ въ ужасъ.

— Я, господа, рѣшительно противъ всего этого: невозможныя и весьма вредныя новшества.

— Помилуйте, NN, что же вреднаго вы усматриваете въ постановленіяхъ коммиссіи? Циркуляръ предлагаетъ всесторонне и серьезно разсмотрѣть вопросъ.

— Извините, я не вижу-съ въ вашемъ протоколѣ достаточной серьезности; тутъ можетъ выйти исторія, набрасывается тѣнь на директоровъ, затрагиваются коренные устои русской жизни.

Преподаватели начали доказывать, что ничего ужаснаго изъ протокола коммиссіи вывести нельзя, что безпокойство г. директора не имѣетъ основаній. Директоръ въ спорѣ, что называется, былъ припертъ къ стѣнѣ; преподаватели уже стали считать себя побѣдителями. Но директоръ неожиданно повысилъ тонъ и заявилъ:

— Здѣсь я директоръ. Прошу секретаря совѣта вычеркнуть изъ черноваго протокола Педагогическаго Совѣта постановленіе объ избраніи коммиссіи, а протоколъ коммиссіи признаю несуществующимъ.

— Для чего же мы собирались? спрашиваютъ обиженнымъ тономъ члены коммиссіи (кстати сказать, всѣ—люди очень почтенные).

— Я разрѣшаю внести нѣкоторыя мѣста изъ протокола коммиссіи въ протоколъ Педагогическаго Совѣта: это придастъ большую обстоятельность протоколу Педагогическаго Совѣта.

Тѣмъ дѣло и кончилось: вмѣсто обстоятельнаго заключенія по вопросамъ, предложеннымъ министерскимъ циркуляромъ, было послано въ округъ нѣчто слабое и ничтожное.

Мнѣ кажется, было бы ближе къ истинѣ и болѣе совмѣстимо съ достоинствомъ „уставовъ и положеній", если бы въ нихъ прямо было сказано:

„Управленіе гимназіей (или училищемъ) по всѣмъ отраслямъ учебно-воспитательной и экономической жизни учебнаго заведенія ввѣрено всецѣло директору, для облегченія же его при немъ и въ полномъ его распоряженіи состоятъ педагогическіе совѣты и хозяйственные комитеты".

Въ настоящее время каждый родитель и каждый ученикъ знаютъ, что въ совѣтахъ все зависитъ отъ директора. Если же директоръ легаленъ и предоставляетъ совѣтамъ, насколько возможно, право быть самостоятельными, то это въ обществѣ большею частью считаютъ съ его стороны поблажкой или же извиняютъ директора, говоря: „гдѣ же ему самому со всѣмъ управиться". Иногда желаніе директора передать тотъ или иной вопросъ на благоусмотрѣніе совѣта объясняютъ также уклончивостью директора отъ отвѣтственности или намѣреніемъ укрыться совѣтомъ, какъ ширмами.

Избитый анекдотъ о какомъ-то директорѣ, выражавшемся о подвѣдомственной ему гимназіи—„моя гимназія", имѣетъ жизненное значеніе и очень характеренъ для нынѣ существующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ порядковъ.

Итакъ, директоръ фактически полный хозяинъ и господинъ ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, а коллегіальныя учрежденія школы имѣютъ только призракъ самостоятельности, что, конечно, чрезвычайно вредно отзывается на ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла. Преподаватели, и безъ того связанные по рукамъ и ногамъ мелочной регламентаціей, теряютъ всякую самостоятельность, лишаются способности иниціативы, дѣлаются вполнѣ равнодушными къ жизни той школы, гдѣ они обучаютъ и воспитываютъ молодое поколѣніе. Они поневолѣ сосредоточиваютъ тогда все свое вниманіе только на своемъ учебномъ предметѣ и умѣньи приспособиться къ характеру директора и разнымъ ревизіямъ.

Гдѣ же причины порабощенія коллегіальныхъ установленій русской средней школы?

Укажу на важнѣйшія изъ нихъ:

I. Отвѣтственность за благосостояніе школы и за постановленія коллегіальныхъ учрежденій по уставамъ вполнѣ возложена на одного директора. Естественно, что директоръ считаетъ въ учебномъ заведеніи все „своимъ дѣломъ", а другія должностныя лица очень многое

въ школѣ, а въ томъ числѣ и участіе въ совѣтахъ, считаютъ только скучной повинностью, неизвѣстно для чего пристегнутой къ нимъ. Большинство преподавателей терпѣть не могутъ разныхъ совѣтовъ и, если бы можно было, вовсе не посѣщали бы ихъ. Какая скука и апатія выражена на многихъ лицахъ членовъ педагогическаго совѣта во время засѣданій совѣта! Нѣкоторое оживленіе замѣчается только тогда, когда трактуемый вопросъ пріобрѣтаетъ личный характеръ, затрогиваетъ самолюбіе или иной какой интересъ того или другого преподавателя. Но вотъ „интересный" вопросъ конченъ, и картина измѣняется: одни члены совѣта углубились въ мирную частную бесѣду между собой, другіе полудремлютъ и конфузливо позѣвываютъ, третьи вяло принимаютъ участіе въ трактуемомъ вопросѣ. Предсѣдатель то и дѣло призываетъ гг. членовъ къ порядку и вниманію. Вотъ начинается голосованіе; многіе изъ членовъ такъ углубились въ свои разговоры, что не знаютъ, о чемъ идетъ рѣчь, и начинаютъ торопливо спрашивать сосѣдей. Иной членъ совѣта, не успѣвши узнать отъ сосѣда, въ чемъ дѣло, отвѣчаетъ на вопросъ предсѣдателя невпопадъ: „Мое мнѣніе объ ученикѣ Петровѣ очень плохое: шалунъ и лѣнтяй".

— Что это вы, Иванъ Ивановичъ, раздраженно замѣчаетъ директоръ, о Петровѣ разговоръ уже конченъ, рѣчь идетъ объ Ивановѣ.

На нѣкоторыхъ лицахъ появляется нѣчто, похожее на улыбку.

Проходитъ десять минутъ—опять курьезъ.

— Ваше мнѣніе, Александръ Ивановичъ? —спрашиваетъ дирекдоръ.

— Я вполнѣ согласенъ съ господиномъ инспекторомъ.

А инспекторъ только что вышелъ и въ баллотировкѣ вопроса не принималъ участія. Начинается общій хохотъ. Даже и директоръ, утомленный и раздраженный постоянными усиліями привести гг. членовъ совѣта къ болѣе дѣятельному участію въ засѣданіи, разсмѣялся. Совѣтъ оживился на цѣлые полчаса, чтобы опять потомъ постепенно погрузиться въ вялое апатичное настроеніе.

Единоличная отвѣтственность директора за дѣятельность коллегіальныхъ учрежденій школы—большой и властный козырь въ его рукахъ.

„Господа, я не могу допустить этого постановленія", или—„я не согласенъ съ такой редакціей протокола: постановленіе нужно изложить въ такомъ смыслѣ" (иногда совершенно противоположномъ желанію совѣта).

Вотъ обычныя фразы предсѣдателей совѣтовъ, фразы, которыя не разъ слышалъ въ своей жизни каждый членъ Педагогическаго Совѣта.

На слабыя попытки протеста со стороны членовъ совѣта обыкновенно слѣдуетъ категорическое возраженіе: „Отвѣтственное лицо я, а потому я и не могу допустить такого постановленія, такъ какъ оно не согласуется съ имѣющимися у меня „особыми" распоряженіями начальства". И директоръ, конечно, вполнѣ правъ какъ со своей точки зрѣнія, такъ и по существу дѣла. Отвѣтственность, вѣдь, лежитъ на немъ, а извѣстно, что и законное постановленіе Совѣта можетъ иногда доставить крупную непріятность директору. Какъ же можно заставить человѣка нести отвѣтственность за самостоятельныя дѣйствія другихъ?

II. Вторая причина порабощенія коллегій школы—большая служебная и матеріальная зависимость громаднаго большинства членовъ педагогическихъ совѣтовъ и хозяйственныхъ комитетовъ (т. е. преподавателей) отъ начальниковъ учебныхъ заведеній, начальниковъ, состоящихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателями названныхъ коллегіальныхъ учрежденій.

Директоръ избираетъ и представляетъ на утвержденіе попечителя учебнаго округа преподавателей и другихъ должностныхъ лицъ ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, а нѣкоторыхъ чиновниковъ, напримѣръ, помощниковъ классныхъ наставниковъ даже утверждаетъ своею властью.

Директоръ аттестуетъ предъ начальствомъ округа всѣхъ служащихъ подъ его начальствомъ лицъ, представляетъ ихъ къ наградамъ и денежнымъ пособіямъ.

Директоръ представляетъ къ увольненію отъ должности подчиненныхъ ему лицъ.

Директоръ даетъ временные отпуски служащимъ подъ его начальствомъ.

Наконецъ, какъ выше было упомянуто, директоръ состоитъ предсѣдателемъ педагогическихъ совѣтовъ.

При такой зависимости преподавателей и другихъ должностныхъ лицъ отъ директора, возможна ли самостоятельность коллегіальныхъ училищныхъ установленій, т. е. педагогическихъ совѣтовъ, хозяйственныхъ комитетовъ, экзаменаціонныхъ коммиссій и проч.?

III. Современный составъ коллегіальныхъ учрежденій среднихъ учебныхъ заведеній не благопріятствуетъ самостоятельности этихъ учрежденій. Большинство преподавателей нынѣшней средней школы или люди, забитые жизнью и службой, лишенные всякой иниціативы, или люди, индифферентно относящіеся ко всѣмъ вопросамъ школьной жизни, кромѣ начальническихъ ревизій и интересовъ своего жалованья, а нѣкоторые и своего предмета, или, наконецъ, люди, болѣ-

ющіе душой за школу, но признавшіе невозможность борьбы противъ господствующей рутины.

Такой характеръ главныхъ дѣятелей средней школы выработался всей системой постановки нашего средняго образованія, при которой долгое время преслѣдовалась всякая личная инціатива педагоговъ, считавшаяся признакомъ вредной и опасной для государства „безпокойности", при чемъ проявленіе личнаго начала со стороны учителя тщательно забивалось или предупреждалось усиленной, доходящей до мелочей, регламентаціей.

Лѣтъ тридцать съ небольшимъ тому назадъ, я помню, были преподаватели, собиравшіе на домъ къ себѣ учениковъ для бесѣдъ и чтеній, гулявшіе съ ними по полямъ и лѣсамъ для ознакомленія съ природой или для игръ и полезнаго развлеченія. Возможно ли это было въ послѣднее время?

Событія двухъ десятилѣтій показали вредъ для школы подобнаго недовѣрія къ наставникамъ, отстранившаго отъ юношества легальныхъ воспитателей и убившаго въ лучшихъ преподавателяхъ интересъ къ воспитательнымъ вопросамъ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ послѣднее время было издано нѣсколько серьезныхъ циркуляровъ, касавшихся всѣхъ сторонъ учебно-воспитательнаго дѣла въ средней школѣ: въ нихъ говорилось и о болѣе правильной постановкѣ внѣкласснаго чтенія, о физическомъ и нравственномъ воспитаніи учащихся, о сердечномъ обращеніи съ учащимися, объ организаціи при учебныхъ заведеніяхъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ курсовъ для народа, объ ученическихъ играхъ и экскурсіяхъ и проч.

Циркуляры эти имѣли цѣлью оживить нашу общеобразовательную школу и поставить въ ней учебно-воспитательное дѣло на высоту современныхъ требованій педагогики, государственной и общественной жизни. Но всѣ эти старанія дали пока мало благопріятныхъ результатовъ; они только убѣдили, что для обновленія средней школы однихъ предписаній мало, что нужны еще коренныя преобразованія въ самой постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла. Надо, между прочимъ, позаботиться о болѣе самостоятельномъ положеніи педагогическихъ совѣтовъ и меньшей зависимости преподавателей отъ директоровъ, чтобы дать возможность наиболѣе дѣятельнымъ и преданнымъ интересамъ школы педагогамъ проявлять свою личность и свои способности.

Считаю нужнымъ здѣсь оговориться, что я ратую за большую самостоятельность совѣтовъ и преподавателей не въ цѣляхъ отвлеченныхъ принциповъ, но, исходя только изъ своихъ наблюденій, въ цѣляхъ интересовъ школы. Учебно-воспитательное дѣло въ среднихъ

учебныхъ заведеніяхъ настолько сложное дѣло, что одному директору трудно, почти невозможно, съ нимъ справиться. Здѣсь вполнѣ примѣнимо правило жизни, выразившееся въ пословицѣ: „Умъ хорошъ, а два лучше“. Чтобы другой умъ могъ правильно функціонировать, онъ долженъ быть не въ рабскомъ положеніи. При существующихъ школьныхъ порядкахъ возможная успѣшность дѣла той или иной школы зависитъ главнымъ образомъ отъ директора. Но не слишкомъ ли рискованно ввѣрять судьбу школы одному лицу?... У насъ, конечно, есть не мало директоровъ, прекрасныхъ педагоговъ, преданныхъ своему дѣлу, любимыхъ сослуживцами и учениками, но еще больше директоровъ, суровыхъ чиновниковъ-формалистовъ, подавляющихъ все, что не подчиняется шаблону и формѣ, что отзывается оригинальностью и живой жизнью. Пройдя служебную и учебную школу, гдѣ идеаломъ считалось служить такъ, какъ предписываетъ ближайшее начальство, хотя бы это предписаніе было неисполнимо, вредно для дѣла и противорѣчило основнымъ положеніямъ и принципамъ воспитанія и обученія, они уже не способны смотрѣть на дѣло шире, а потому и отъ своихъ подчиненныхъ требуютъ главнымъ образомъ умѣнья „повиноваться безъ разсужденій“. Печально положеніе школы, гдѣ царствуетъ распущенность, но терроръ тоже плохой воспитатель.

Какія же мѣры необходимы для поднятія самостоятельности коллегіальныхъ учрежденій школы, а съ этимъ вмѣстѣ и самостоятельности преподавателей? Прежде всего нужно точное разграниченіе власти директора и компетенціи совѣтовъ. Пусть директоръ является представителемъ учебнаго заведенія,—наблюдаетъ за исполненіемъ правилъ и законовъ, за исполненіемъ обязанностей со стороны должностныхъ лицъ, пусть предсѣдательствуетъ въ совѣтахъ и проч.; но не слѣдуетъ, чтобы въ области, отведенной вѣдѣнію совѣта, онъ былъ неограниченнымъ господиномъ. Слѣдуетъ отнять отъ директоровъ право представлять должностныхъ лицъ къ наградамъ, къ увольненію, аттестовать ихъ предъ начальствомъ. Представляя попечителю учебнаго округа о серьезномъ нарушеніи со стороны должностного лица какого-либо закона или школьныхъ постановленій или о позорящемъ преподавателя проступкѣ, директоръ долженъ предварительно спросить отъ преподавателя письменное объясненіе, а потомъ уже и давать ходъ дѣлу. Секретныхъ донесеній, ставящихъ преподавателей въ беззащитное положеніе, не должно вовсе допускаться; порученіе платныхъ обязанностей (библіотекарей, секретаря совѣта, классныхъ наставниковъ, смотрителя дома и проч.) и распредѣленіе уроковъ между преподавателями необходимо вѣдать совѣту, безъ всякаго давленія со стороны директора, чтобы

исполненіе этихъ обязанностей никогда не могло являться синекурой за неслужебныя добродѣтели. Допущеніе, по заявленію хотя бы трехъ членовъ совѣта, закрытой баллотировки вопросовъ въ совѣтѣ также способствовало бы большей независимости совѣтовъ. Преподаватели и помощники классныхъ наставниковъ, избираемые педагогическими совѣтами, но не директорами, какъ въ настоящее время, чувствовали бы себя не въ такой подчиненности, какъ теперь, а утвержденіе ихъ въ должности попечителями учебныхъ округовъ было бы достаточной гарантіей правильнаго избранія. Помощники классныхъ наставниковъ должны быть полноправными членами совѣтовъ, такъ какъ они обыкновенно ближе стоятъ къ ученикамъ и лучше знаютъ ихъ нужды, чѣмъ остальные члены совѣта, по крайней мѣрѣ, въ современной школѣ, гдѣ, какъ извѣстно, учителя нерѣдко судятъ о нравственныхъ и иныхъ качествахъ ученика по тѣмъ отмѣткамъ, какія ученикъ имѣетъ по ихъ предметамъ. Указанныя выше измѣненія сдѣлаютъ то, что учебно-воспитательное дѣло въ школѣ будетъ общимъ дѣломъ для всѣхъ сослуживцевъ; учителя и воспитатели не будутъ интересоваться исключительно только своимъ предметомъ и прятаться въ футляръ отъ всего, что не касается узко-эгоистическихъ интересовъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, многіе преподаватели отстраняются отъ всякаго дѣла, которое не касается ихъ уроковъ, а инспекція считаетъ исключительной своей обязанностью слѣдить за ученической дисциплиной и карать виновныхъ, директора же въ громадномъ большинствѣ случаевъ отдаютъ свои силы канцеляріи и переговорамъ съ родителями, довольствуясь внѣшнимъ строго начальническимъ наблюденіемъ за остальными сторонами школьной жизни и только въ меньшинствѣ входятъ во всѣ интересы учебно-воспитательнаго дѣла, при чемъ ихъ труды и заботы встрѣчаютъ слабую поддержку, а иногда скрытый антагонизмъ со стороны преподавателей. Нужно больше равноправности и согласія, чтобы школьный возъ быстрѣе подвигался впередъ, а не былъ и нынѣ тамъ, гдѣ онъ стоитъ болѣе тридцати лѣтъ.

Senex.

Замѣтка о приготовительномъ классѣ.

Одною изъ особенностей устава гимназій 1871 г. сравнительно съ уставомъ 1864 г. было учрежденіе при нихъ приготовительныхъ классовъ. Учрежденіе ихъ вызывалось сравнительно неравномѣрною подготовкой поступавшихъ въ первый классъ: одни—дѣти болѣе состоятельныхъ родителей—поступали съ болѣе основательной подготовкой, а другіе—дѣти недостаточныхъ—съ меньшей, такъ что первый классъ сразу долженъ былъ раздѣляться какъ бы на два отдѣленія, и учителямъ приходилось или заниматься только съ менѣе подготовленными, и тогда болѣе подготовленные, оставаясь безъ занятій, пріучались только къ небрежности и лѣности, или жертвовать первыми, мало обращая вниманія на основательность усвоенія ими познаній. Учителя, вѣроятно, предпочитали послѣднее, вслѣдствіе чего масса выбывавшихъ падали на низшіе четыре класса. Кромѣ того, дѣти и болѣе образованныхъ и достаточныхъ родителей поступали вообще съ недостаточной подготовкой въ первый классъ, въ которомъ имъ сразу-же приходилось изучать новые и латинскій языки; изученіе-же ихъ при плохомъ знаніи русскаго языка становилось дѣломъ труднымъ и настолько мало успѣшнымъ, что недочеты отзывались во все продолженіе гимназическаго курса. Далѣе, по уставу 1864 г. отъ поступавшихъ въ первый классъ гимназіи требованія были ниже, чѣмъ отъ поступавшихъ въ уѣздныя училища. Вслѣдствіе этого гимназіи наполнялись такими учениками, которымъ, какъ стали думать тогда и думаютъ, увы, еще многіе и въ настоящее время, по соціальному и имущественному положенію ихъ родителей, было болѣе подходящимъ обучаться въ уѣздныхъ училищахъ и которые, по большой части, за рѣдкими только исключеніями, оканчивали курсъ, а потому и составляли бремя для гимназій, переполняя въ особенности ихъ низшіе классы. Вотъ для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ, т. е. для лучшей подготовки къ прохожденію гимназическаго курса, съ одной стороны, и для „улучшенія контингента“ учащихся съ другой—путемъ ограниченія доступа въ гимназіи дѣтей изъ неподходящихъ элементовъ—по уставу гимназій 1871 г. поло-

жено было увеличить требованія отъ поступающихъ въ первый классъ. Но такъ какъ даже и болѣе состоятельнымъ родителямъ давать удовлетворительную подготовку своимъ дѣтямъ для поступленія въ первый классъ было затруднительно, то опредѣлено было при каждой гимназіи и прогимназіи открыть приготовительные классы, чѣмъ давалась возможность и недостаточнымъ родителямъ правильно обучать своихъ дѣтей и надлежащимъ образомъ подготовить ихъ къ гимназическому ученію. Плата за ученіе въ приготовительныхъ классахъ назначена была меньшая, нежели въ нормальныхъ классахъ— по большой части въ размѣрѣ $^2/_3$ платы, установленной для остальныхъ классовъ, главнымъ образомъ въ виду того, что ихъ услугами будутъ пользоваться дѣти наименѣе достаточныхъ родителей. Приготовительные классы пользовались покровительствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ что предполагалось даже, при равныхъ условіяхъ, преимущество отдавать при поступленіи въ первый классъ переходящимъ изъ приготовительнаго, въ виду ихъ болѣе солидной подготовки. Такъ продолжалось до 1887 г. Въ этомъ году было опубликовано распоряженіе Министра о прекращеніи съ 1887—8 учебнаго года пріема въ приготовительные классы. Распоряженіе это мотивировано было тѣмъ, что по свѣдѣніямъ, ежегодно получаемымъ отъ попечителей учебныхъ округовъ, многія дѣти, и хорошо подготовленныя, не могутъ быть принимаемы въ первый и низшіе классы за неимѣніемъ вакансій, такъ какъ они переполняются учениками, переходящими послѣдовательно изъ приготовительнаго класса, хотя изъ послѣднихъ бываютъ посредственные и слабые, что, конечно, не можетъ не отразиться неблагопріятнымъ образомъ на общемъ уровнѣ успѣшности занятій въ слѣдующихъ классахъ. Въ томъ же году поднятъ вопросъ объ „улучшеніи“ состава учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства путемъ недопущенія къ поступленію въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, прачекъ и т. п. А такъ какъ, по подсчету министерства, третья часть учащихся въ приготовительныхъ классахъ принадлежала къ низшимъ сословіямъ, и они такимъ образомъ являлись главнымъ образомъ проводниками демократическаго элемента въ гимназіяхъ, то въ 1888 г. приготовительные классы были закрыты; содержаніе на нихъ изъ казны было прекращено, за исключеніемъ тѣхъ гимназій, гдѣ разговорный языкъ большинства населенія не русскій. Въ остальныхъ гимназіяхъ содержаніе ихъ опредѣлено было отнести на счетъ платы за ученіе или на мѣстныя средства. Плата за ученіе въ приготовительныхъ классахъ была сравнена съ платою въ остальныхъ классахъ гимназіи, повышенною до 40 руб. въ годъ. Ученики ихъ должны были приниматься въ первый классъ на свободныя вакансіи по состяза-

тельному испытанію наравнѣ съ прочими дѣтьми, выдержавшими это испытаніе.

Но съ закрытіемъ приготовительныхъ классовъ составъ перваго класса измѣнился къ худшему вслѣдствіе неудовлетворительной подготовки большинства поступавшихъ въ него; число учащихся сократилось вслѣдствіе значительныхъ отказовъ при поступленіи; по этой причинѣ отъ директоровъ стали поступать заявленія о необходимости вновь открыть приготовительные классы, такъ какъ занятія въ первомъ классѣ не могли идти съ тою успѣшностью, какъ прежде, когда поступали въ него по большей части хорошо подготовленные ученики изъ приготовительнаго класса. Вслѣдствіе этого послѣдніе мало-по-малу были открыты при большинствѣ гимназій, но только не на казенный счетъ, а по большей части или всецѣло на спеціальные средства, или на средства городовъ и земствъ съ болѣе или менѣе значительною помощью гимназій. Такимъ образомъ отъ закрытія приготовительныхъ классовъ выгадало одно только министерство, съэкономивъ отъ этой операціи ежегодно болѣе 200 т. р.

Но хотя на тѣхъ или другихъ условіяхъ приготовительные классы и открыты, но ученики ихъ дѣлаются пасынками гимназіи. На нихъ менѣе и позже распространяются тѣ льготы, какими стали пользоваться въ послѣдніе годы ученики нормальныхъ классовъ; такъ, по экзаменнымъ правиламъ 1891 г. ученики всѣхъ классовъ подвергались испытаніямъ при переходѣ въ старшіе классы только по нѣкоторымъ предметамъ; ученики приготовительныхъ классовъ неизмѣнно до сихъ поръ экзаменуются по всѣмъ предметамъ; по тѣмъ же правиламъ продолжительность ученія въ приготовительныхъ классахъ узаконена большая, чѣмъ въ остальныхъ классахъ: въ послѣднихъ экзамены производились въ теченіе трехъ недѣль до лѣтнихъ вакацій, слѣдовательно за три же недѣли прекращались и занятія; въ приготовительномъ же классѣ занятія прекращаются до каникулъ за 10 дней, въ теченіе которыхъ и происходятъ испытанія; а по примѣрной таблицѣ распредѣленія экзаменовъ, которой, конечно, большинство гимназій придерживалось при составленіи экзаменныхъ расписаній, малыши приготовительнаго класса отпускаются на каникулы значительно позже учениковъ 1 и 2 кл. и одновременно съ учениками 3 класса. По тѣмъ же правиламъ пріемныя испытанія во всѣ классы могутъ происходить какъ до каникулъ, такъ и послѣ каникулъ —право экзаменоваться до каникулъ распространено на поступающихъ въ приготовительные классы только въ 1900 г., т. е. черезъ 9 л. и то вслѣдствіе вопроса, возбужденнаго однимъ изъ попечителей округа. Точно также послѣ общаго распоряженія дано

было право освобождать лучшихъ учениковъ приготовительнаго класса отъ экзаменовъ и зачислять ихъ кандидатами для поступленія въ первый классъ на основаніи годичныхъ отмѣтокъ. Но самое главное преимущество всѣхъ учениковъ, кромѣ выпускныхъ, право перехода въ слѣдующій классъ безъ экзамена на основаніи годовыхъ баловъ на учениковъ приготовительнаго класса еще не распространено, потому-что это было бы несправедливымъ, какъ читаемъ мы въ циркулярѣ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 февраля 1902 г. за № 5196, „по отношенію къ поступающимъ со стороны вслѣдствіе неравенства условій, при которыхъ происходила бы въ этомъ случаѣ оцѣнка познаній, требуемыхъ отъ поступающихъ въ 1 классъ". Не трудно усмотрѣть натянутость этой аргументаціи. И при настоящихъ условіяхъ эта оцѣнка не можетъ быть одинакова, потому что желающіе поступить въ первый классъ держатъ экзамены не одновременно—одни до каникулъ, другіе послѣ каникулъ; слѣдовательно, сравнительной оцѣнки познаній экзаменующихся произведено быть не можетъ; при разновременности испытаній экзаменъ можетъ производиться разными экзаменаторами, вслѣдствіе чего къ экзаменующимся могутъ быть предъявляемы неодинаковыя требованія—и это не только относительно поступающихъ въ первый классъ, но и во всѣ остальные. Затѣмъ подвергать учениковъ приготовительнаго класса переводнымъ испытаніямъ излишне по слѣд. причинамъ: познанія учениковъ приготовительнаго класса хорошо извѣстны преподавателямъ, слѣдовательно и оцѣнка ихъ можетъ быть произведена болѣе или менѣе правильно и близко, такъ сказать, къ ихъ дѣйствительной стоимости. Въ другихъ классахъ экзамены отмѣнены именно за ихъ случайность; на нихъ часто и хорошій ученикъ по тѣмъ или другимъ иногда отъ него независящимъ причинамъ можетъ отвѣтить неудачно, а плохой и мало занимавшійся проскользнуть. Въ виду этого теперь и отдается Министерствомъ рѣшающее значеніе годовымъ занятіямъ; только относительно учениковъ приготовительнаго класса оно почему-то отступило отъ своего принципа, ставъ такимъ образомъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не противорѣчіе—признавать значеніе годичныхъ занятій для ученика, переходящаго, напр., изъ 1 кл. въ 2-й, и игнорировать ихъ относительно ученика, переходящаго изъ приготовительнаго класса въ первый? Наконецъ, ученики приготовительнаго класса имѣютъ уже и то преимущество предъ поступающими со стороны, что они въ теченіе года несутъ на себѣ учебныя тяжести, отъ которыхъ свободны послѣдніе: во всякую погоду эти малыши должны являться въ классъ, высиживать почти ежедневно по 4 ч., соблюдать всѣ гимназическія

правила, стѣснять свою свободу, что особенно тяжело въ дѣтскомъ возрастѣ, волноваться и т. п.—и за всю эту годичную муку малымъ симъ не только не даютъ того, чѣмъ пользуются ихъ болѣе взрослые товарищи, но заставляютъ ихъ учиться дольше, въ то время, когда ихъ старшіе, болѣе счастливые товарищи, уже опочили отъ своихъ трудовъ. По-истинѣ dura lex! По нашему мнѣнію, разъ приготовительные классы существуютъ при гимназіяхъ, то и на ихъ учениковъ должны быть распространены всѣ льготы, которыми пользуются ученики остальныхъ классовъ. Лишать ихъ почему-то этихъ правъ совершенно несправедливо, а въ данномъ случаѣ и безосновательно.

Ив. Тихомировъ.

Неудачный урокъ.

(Школьныя картинки).

Съ обѣихъ сторонъ длиннаго, во всю длину зданія губернской гимназіи, коридора были расположены классы. Свѣтъ проникалъ въ коридоръ черезъ ихъ стеклянныя двери и черезъ единственное окно, находившееся на самомъ концѣ. И оттого въ коридорѣ было темно и мрачно въ ранній утренній часъ, когда начинаются уроки... Второй звонокъ уже пробилъ. Ученики сидѣли на мѣстахъ, кромѣ дежурныхъ, которые стояли по два у дверей каждаго класса.

Изъ классовъ разносился по коридору гулъ сотенъ голосовъ и слышались окрики надзирателей, перебѣгавшихъ изъ однѣхъ дверей къ другимъ.

Черезъ окно коридора смотрѣло хмурое зимнее утро и видно было, какъ по небу движутся тяжелыя, черныя тучи...

Изъ учительской одинъ за другимъ стали появляться учителя въ форменныхъ вицмундирахъ съ журналами въ рукахъ. Одни изъ нихъ спѣшили, и фалды ихъ синихъ фраковъ развѣвались, какъ птичьи хвосты. Другіе шли медленно и тяжеловѣсно, съ скучающими и сонными лицами. Передъ вторымъ классомъ остановился рыжебородый широкоплечій учитель математики. На его веснушчатомъ широкомъ лицѣ, въ его тусклыхъ утомленныхъ глазахъ, смотрѣвшихъ изъ подъ очковъ апатичнымъ и брезгливымъ взглядомъ, можно было прочесть все то отвращеніе, съ какимъ онъ готовился начать свой рабочій день.

Постоявъ и о чемъ то подумавъ, учитель вошелъ въ классъ.

У дверей его встрѣтили дежурные братья Курдюмовы Борисъ и Леонидъ, юркіе, какъ ртуть, быстрые, безкокойные, живые, оба маленькіе, краснощекіе, востроглазые и, какъ двѣ капли воды, похожіе другъ на друга.

Отдавъ учителю низкій поклонъ не столько изъ желанія почтить его, сколько изъ непобѣдимой потребности вертѣться, сгибаться, двигаться, Курдюмовы поспѣшно уцѣпились за обѣ половинки огром-

ныхъ классныхъ дверей и поспѣшно затворили ихъ за вошедшимъ въ классъ учителемъ.

Не успѣлъ учитель подойти къ каѳедрѣ, какъ услышалъ за собою грохотъ и паденіе, а въ классѣ громкій смѣхъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ Курдюмовыхъ на полу.

Затворяя двери они столкнулись и полетѣли въ разныя стороны. Одинъ вскочилъ, другой еще барахтался, но затѣмъ тоже вскочилъ, и оба подбѣжали къ каѳедрѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, спѣша исполнять свои обязанности дежурныхъ.

— Тише!—крикнулъ учитель, обращаясь къ классу. Передъ нимъ на первой партѣ расплывалась отъ удовольствія смѣющаяся широкая физіономія Рябкова. На задней партѣ второгодникъ Уховъ весело обсуждалъ инцидентъ, происшедшій съ сосѣдомъ Долотовымъ. Карповъ съ третьей парты вслухъ дѣлалъ свои замѣчанія. Въ разныхъ концахъ шептались, смѣялись, гудѣли, какъ пчелы. Дисциплина урока была сорвана въ самомъ началѣ.

Учитель почувствовалъ, какъ въ лѣвомъ боку груди у него сжалось и рѣзнуло: это былъ приступъ гнѣва.

— Тише! Не разговаривать!—крикнулъ онъ вторично, повысивъ голосъ:—вы что? вы зачѣмъ не на мѣстѣ?—сердито обратился учитель къ братьямъ Курдюмовымъ, которые взгромоздились уже рядомъ съ нимъ на каѳедру и съ обѣихъ сторонъ любопытно заглядывали въ журналъ.

— Мы дежурные, Петръ Иванычъ!—съ готовностью въ одинъ голосъ отвѣтили братья.

— Вотъ, вотъ ариѳметика!—дружелюбно показывалъ въ журналъ Борисъ.

— Третье число, третье, Петръ Иванычъ!—щебеталъ Леонидъ, видя, какъ Петръ Иванычъ ставитъ въ графѣ журнала не то число.

— Курдюмовъ, посмотри мнѣ! Курдюмовъ, сколько мнѣ? Курдюмовъ, Курдюмовъ!.. Учитель зналъ, что это спрашиваютъ дежурныхъ о выставленныхъ имъ наканунѣ баллахъ. Курдюмовы на перебой съ обѣихъ сторонъ диктовали ему фамиліи отсутствующихъ учениковъ и тѣмъ временемъ дѣлали знаки на пальцахъ товарищамъ.

— Петръ Иванычъ, я тетрадь забылъ!

— Петръ Иванычъ, у меня задача не вышла!

— Петръ Иванычъ, позвольте отвѣчать урокъ!

— Петръ Иванычъ, позвольте выйти—я не успѣлъ!

Около каѳедры одинъ за другимъ собрались просители и еще въ разныхъ мѣстахъ стояли ученики, протягивая вверхъ руки и

заявляя свои желанія. Двое залѣзли на каѳедру и, отталкивая дежурныхъ, заглядывали въ журналъ.

— Молчать!! Сѣсть на мѣста!—яростно гаркнулъ Петръ Иванычъ, хлопнувъ кулакомъ по журналу. Просители моментально разсѣялись. Классъ притихъ.

У Петра Иваныча на лѣвой щекѣ дрожалъ мускулъ, ноздри его широкаго носа двигались, глаза изъ тусклыхъ сдѣлались блестящими. Высоко поднявъ голову, онъ поворачивалъ ее во всѣ стороны и обводилъ гнѣвнымъ взглядомъ учениковъ.

Пятьдесятъ паръ ясныхъ дѣтскихъ глазъ смотрѣли на него съ любопытствомъ и ожиданіемъ. Дежурные Курдюмовы, стоя у каѳедры, вытянулись въ струнку. Тишина продолжалась нѣсколько мгновеній.

Петръ Иванычъ тяжело перевелъ духъ.

— На мѣсто!—коротко приказалъ онъ дежурнымъ. Дежурные зашагали къ своимъ мѣстамъ.

Петръ Иванычъ громко высморкался, снялъ очки и медленно сталъ ихъ протирать. Въ то же время онъ мысленно намѣчалъ планъ урока, припоминая, о чемъ шла рѣчь въ прошлый разъ. Первые годы службы Петръ Иванычъ составлялъ планъ дома наканунѣ. Но теперь онъ облѣнился, ослабъ, да къ тому же настолько привыкъ къ своему пріему ученія, что продѣлывалъ его почти механически.

— Повторю кратко пройденное, объясню сокращеніе дробей и рѣшу нѣсколько задачъ!—такова была программа урока, быстро намѣченная Петромъ Ивановичемъ. Порывъ раздраженія въ немъ утихъ, глаза опять стали тусклыми, выраженіе лица деревяннымъ.

— Ну-ка Ивановъ, скажи мнѣ, что называется дѣлителемъ двухъ чиселъ!—спросилъ онъ, надѣвъ очки и усѣвшись поудобнѣе. Ивановъ всталъ, чтобы отвѣчать, но его перебилъ Егоровъ, просившійся выйти.

— Петръ Ивановичъ, позвольте выйти, жалобно заявилъ онъ:—очень хочется, позвольте, Петръ Ивановичъ! —

Егоровъ былъ шаловливый, плутоватый мальчуганъ, постоянно нарушавшій классную дисциплину.

— Сядь на мѣсто!—коротко отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Дѣлителемъ двухъ чиселъ называется... началъ Ивановъ.

— Позвольте выйти, животъ болитъ! Позвольте! назойливо продолжалъ приставать Егоровъ.

— Говорятъ тебѣ, сядь на мѣсто!—прикрикнулъ Петръ Ивановичъ.

— Позвольте сказать! позвольте мнѣ!... я знаю! раздались многіе голоса. Желающихъ отвѣчать о дѣлителѣ оказалось очень много.

Иные изъ нихъ протягивали вверхъ руки, другіе въ азартѣ знанія вскочили съ мѣстъ. Ивановъ, не желая уступить права отвѣта,—скороговоркой тараторилъ что-то несуразное.

— Животъ болитъ, ей Богу болитъ, позвольте выйти!—опять взмолился Егоровъ.

Получался сумбуръ.

— Сядь на мѣсто! Не смѣть отвѣчать безъ спросу! Не вскакивать съ мѣстъ!—командовалъ Петръ Ивановичъ, чувствуя, что почва порядка вновь ускользаетъ и что онъ не владѣетъ классомъ. Въ лѣвомъ боку груди его опять засосало.

— Егоровъ остается послѣ уроковъ! Ивановъ, ты ничего не знаешь, садись, получишь единицу! Петровъ, отвѣчай!... А! ты не слушаешь, ты тамъ разговорами занимаешься. Единица!... Колоколовъ, что называется общимъ дѣлителемъ?...

— Молчать! Сидѣть на мѣстахъ!—

Опять Петръ Ивановичъ хлопнулъ кулакомъ по столу, испытывая жгучее желаніе схватить за горло одного изъ этихъ назойливыхъ мучителей и задушить его.

На одной изъ лавокъ послышалось всхлипыванье, перешедшее затѣмъ въ громкій плачъ. Это плакалъ Петровъ, хорошій ученикъ, получившій за невниманіе единицу. Онъ плакалъ судорожно, истерично, навзрыдъ. Ученики обернулись къ нему, забывъ о дѣлителѣ и о Петрѣ Ивановичѣ. Они присматривались къ нему безъ сожалѣнія, но съ любопытствомъ; нѣкоторые смѣялись.

На задней партѣ кто-то началъ звонить въ перышко. Сбоку взвилась бумажная стрѣла и, описавъ дугу надъ классомъ, упала около самой каѳедры.

Пришлось кричать на Петрова и грозить ему наказаніемъ. Пришлось Егорова выставить за двери класса и нѣсколькихъ шалуновъ поставить къ стѣнѣ.

Раздраженіе Петра Ивановича перешло въ холодную злобу. Онъ ненавидѣлъ въ этотъ моментъ учениковъ и готовъ былъ разтерзать нарушителей порядка. Сердце его сжалось въ комокъ, и онъ чувствовалъ въ немъ боль. Онъ зналъ, что сердиться ему вредно, что онъ портитъ себѣ кровь и нервы изъ-за какихъ то негодныхъ мальчишекъ, но совладать съ собою не могъ. Прошло уже больше четверти урока, а дальше дѣлителя еще не подвинулись. И это тоже злило Петра Ивановича, такъ какъ онъ былъ человѣкъ аккуратный, старательно проходилъ программу и дорожилъ временемъ.

Вообще въ маленькихъ классахъ дѣло у него не клеилось, какъ въ старшихъ. Самъ вызванный къ доскѣ ученикъ отвѣчалъ, остальные слушали или не слушали, Петръ Ивановичъ объ этомъ въ

послѣдніе годы службы перестал заботиться, лишь бы не мѣшали. Переспросивъ нѣсколькихъ, онъ начиналъ объяснять новый урокъ, тоже не заботясь о томъ, внимательно ли выслушиваютъ его объясненія. Относительно старшихъ учениковъ Петръ Ивановичъ придерживался того мнѣнія, что они сами должны понимать свою пользу и что няньчиться съ ними нѣтъ нужды.

Объяснивъ урокъ или задачу, онъ считалъ свою обязанность исполненной и затѣмъ остальное возлагалъ на обязанность самихъ учениковъ. Выставляя очень строго отмѣтки, онъ добивался того, что старшіе ученики усиленно занимались его предметомъ и твердо знали все, что было въ учебникѣ. Но въ маленькихъ классахъ такъ вести дѣло было невозможно. Приходилось слѣдить за дисциплиной и за вниманіемъ, и это было очень трудно, отнимало много времени и силъ, нарушало покой, разстраивало нервы. Пробовалъ Петръ Ивановичъ дѣйствовать единицами и оставленіями. Но тогда у него получилось столько неуспѣвающихъ и столько учениковъ оставались по его затѣямъ послѣ уроковъ, что директоръ сдѣлалъ ему замѣчаніе. Къ тому же, благодаря новымъ вѣяніямъ въ школьномъ дѣлѣ, директоръ требовалъ отъ него, чтобы онъ велъ уроки съ дѣтьми поживѣе, заставляя ихъ всѣхъ работать, вызывая къ самодѣятельности. Требованія эти Петру Ивановичу были непонятны и оскорбительны. Они противорѣчили тому, что у Петра Ивановича выработалось и сложилось въ неподвижный пріемъ за долгіе годы учительской практики. Они были чужды его воззрѣніямъ.

Но будучи человѣкомъ семейнымъ, онъ дорожилъ мѣстомъ и не могъ не подчиняться приказаніямъ начальства.

— Распущенность! Идіотскія новшества! Попробовали бы сами повозиться съ этими негодяями!—мысленно бранился онъ, сидя на каѳедрѣ и ненавистно осматривая учениковъ, которые послѣ недолгой тишины опять стали безпечно шептаться, возиться, оборачиваться. Петръ Ивановичъ намѣтилъ одного самого развязнаго, который всегда, какъ ему казалось, нахально не признавалъ авторитета учителя и теперь насмѣшливо перешептывался съ сосѣдомъ.

— Карповъ, къ доскѣ!—вызвалъ его Петръ Ивановичъ.

Карповъ, бѣлокурый мальчуганъ съ смѣющимся лицомъ и острыми глазками, поспѣшно вышелъ къ доскѣ и, вооружившись мѣломъ, смѣло смотрѣлъ на Петра Иваныча въ ожиданіи вопроса.

Петръ Иванычъ началъ рыться въ задачникѣ и, наконецъ, выбралъ замысловатую задачу.

— Пиши!—сказалъ онъ.—Нѣкто истратилъ на покупку чаю...

— Который номеръ?—раздался съ задней парты звонкій голосъ.

— На покупку чаю столько рублей, сколько...

— Ничего не видать!.. Который номеръ?.. Петръ Иванычъ, это на что задача?

— Молл-чать!.. Столько рублей, сколько единицъ въ частномъ отъ дѣленія наименьшаго кратнаго чиселъ... Пиши одни числа, зачѣмъ всю задачу пишешь?.. Чиселъ: 96, 144 и 200... Пиши съ краю доски, разборчиво!.. Слышишь, что говорю?

— Петръ Иванычъ, позвольте ножичка попросить!

— На ихъ общаго наибольшаго дѣлителя!..

— Петръ Иванычъ, у меня карандашъ сломался, позвольте ножичка попросить...

Петръ Иванычъ оглянулся и смѣрилъ просителя уничтожающимъ взглядомъ.

— Я сдѣлалъ... Петръ Иванычъ, я сдѣлалъ: 7.200!..—заявилъ съ торжествомъ Курдюмовъ Борисъ, вскакивая съ мѣста.

— Молл-чать! Не смѣть говорить безъ спросу!.. Молл-чать! Запишу въ журналъ!..

Весь красный, съ трясущимися губами, съ перекошеннымъ отъ злобы лицомъ, Петръ Иванычъ всталъ съ каѳедры и приблизился къ Курдюмову.

— К-какъ ты смѣешь?.. Кк-акъ смѣешь?—съ трудомъ выговаривая слова, хрипѣлъ онъ, нагнувшись совсѣмъ близко къ испуганному ученику.

Курдюмовъ стоялъ, весь съежившись. Его маленькая фигурка казалась еще меньше передъ мощной фигурой учителя. Его карiе глазки пугливо бѣгали по сторонамъ и никакъ не могли отстраниться отъ созерцанія рыжей бороды и морщинистой шеи наклонившагося надъ нимъ учителя.

— Я... я... я рѣшилъ!—лепеталъ онъ.

Петръ Иванычъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и отошелъ къ каѳедрѣ.

На этотъ разъ ученики поняли, что съ Петромъ Иванычемъ творится что-то особенное. При гробовой тишинѣ Петръ Иванычъ продиктовалъ задачу сначала.

— Рѣшай!—приказалъ онъ Карпову.

Карповъ началъ дѣлить быстро и вѣрно. Но на третьемъ дѣйствіи онъ сдѣлалъ ошибку.

— Невѣрно!.. На мѣсто!.. Дубинкинъ, продолжай!..

Карповъ спохватился и хотѣлъ поправиться.

— На мѣсто!

Толстый, красный, испуганный Дубинкинъ, смѣнившій Карпова, подошелъ къ доскѣ и немедленно стеръ все, что тамъ было написано.

— Зачѣмъ стеръ?.. Зач-чѣмъ?..—хрипло выговорилъ Петръ Иванычъ; на языкѣ его висѣли ругательства: „болванъ, идіотъ, негодяй!“, но ругаться было нельзя... Дубинкинъ, какъ преступникъ, растерянно и глупо смотрѣлъ на учителя и теребилъ въ рукахъ преступную губку. Ученики напряженно наблюдали за обоими.

— Дѣлай сначала!

Дубинкинъ обернулся къ доскѣ и безпомощно вперилъ взоръ въ пустое мѣсто.

— Ну, что-же?

— Я, Петръ Иванычъ, забылъ задачу!

Условія задачи были стерты.

Съ задней парты раздался одинокій смѣшокъ какого-то храбреца. Петръ Иванычъ, какъ ужаленный, бросился туда.

— Кто смѣялся? Ты?.. Ты?.. Ты?..—яростно спрашивалъ онъ.

Виновный не сознавался.

— Всѣхъ, всѣхъ перепорю!—хотѣлось крикнуть Петру Иванычу.— Оставлю послѣ уроковъ!—докончилъ онъ, съ болью чувствуя, насколько ничтожно это наказаніе въ сравненіи съ тѣмъ, какое хотѣлось-бы ему назначить и даже совершить вотъ тутъ, сейчасъ-же.

Опять, сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, Петръ Иванычъ снова продиктовалъ задачу. Но Дубинкинъ сильно перетрусилъ и, кромѣ того, былъ въ ариѳметикѣ слабъ и, какъ только приступилъ къ рѣшенію, навралъ въ самомъ первомъ дѣйствіи.

— На мѣсто!

Въ журналѣ уже красовались четыре грозныя единицы, которыя Петръ Иванычъ выставлялъ, немилосердно нажимая перо.

— Опять директоръ сдѣлаетъ замѣчаніе!—промелькнуло въ его головѣ.

Онъ взглянулъ на часы; оставалось пятнадцать минутъ до конца урока, а еще ничего не было сдѣлано.

Ученики недоумѣвающе и напряженно смотрѣли на учителя. Многіе боялись. Всѣмъ было скучно и томительно.

— И не пожалѣютъ, вѣдь, подлецы, мерзавцы!—съ болью подумалъ Петръ Иванычъ.—Отъ этой мысли ему вдругъ стало грустно и жалко самого себя.—Вотъ бьешься, трудишься, хлопочешь... для нихъже!.. И они-же тебя терзаютъ и мучаютъ!.. Тираны, злодѣи!

Учитель молчалъ и думалъ. Молчали и ученики.

Въ классѣ вдругъ стало свѣтло и ярко. Черезъ огромныя классныя окна ворвался снопъ солнечныхъ лучей и освѣтилъ бѣлыя стѣны, ученическіе столы, дѣтскія лица, хмурую фигуру учителя и бѣлыя цыфры на черномъ фонѣ доски.

Дѣти, какъ цвѣты, живо повернулись къ свѣту, къ клочку голу-

бого неба, на которомъ сверкало выплывшее изъ-за тучъ солнце. На лицахъ ихъ появились радостныя улыбки, такія-же свѣтлыя, какъ само солнце, и ясныя, какъ голубое небо.

Кризисъ гнѣва у Петра Иваныча миновалъ. На него напала апатія и меланхолія. Вызвавъ къ доскѣ одного изъ первыхъ учениковъ, онъ разсѣянно слѣдилъ за рѣшеніемъ задачи. Ученики оживились, повеселѣли, зашептали и зажурчали.

Опять они начали вскакивать и поднимать руки, подсказывать, отвѣчать безъ спросу.

Петръ Иванычъ уже не обращалъ на это вниманіе. Задача была кончена, прозвонилъ звонокъ, и онъ вышелъ изъ класса съ брезгливой скучающей миной на лицѣ.

Г. А. Роковъ.

Сравнительный обзоръ программъ математики въ начальныхъ училищахъ вѣдомствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и духовнаго.

Въ 1897 году изданы примѣрныя программы для начальныхъ народныхъ училищъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія, а въ прошломъ 1903 году—для церковно-приходскихъ школъ Св. Прав. Синодомъ. Не безъинтересно сравнить тѣ и другія программы. Въ настоящей замѣткѣ разсмотримъ программы по ариѳметикѣ и геометріи. Программа по ариѳметикѣ представляетъ, между прочимъ, особенный интересъ, потому что ариѳметика послѣ Закона Божія вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ положена какъ въ школахъ учебнаго вѣдомства, такъ и духовнаго въ основу обученія; все развитіе и образованіе въ народной школѣ зиждется на трехъ устояхъ: Законѣ Божіемъ, русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ.

Разсмотримъ параллельно программы по ариѳметикѣ сперва для одноклассныхъ училищъ того и другого вѣдомства.

Годъ І-й. а) Въ программѣ министерства народнаго просвѣщенія читаемъ: „Счетъ прямой и обратный до 100. Четыре дѣйствія въ предѣлѣ первыхъ двухъ десятковъ. Примѣчаніе. Расширеніе требованій можетъ быть допущено только при достиженіи твердаго знакомства съ дѣйствіями въ указанныхъ предѣлахъ. Знакомство съ цыфрами и знаками дѣйствій. Указаніе на примѣрахъ основныхъ ариѳметическихъ понятій (прибавить, отнять, повторить, сколько разъ содержится, раздѣлить, на сколько больше или меньше, во сколько разъ больше или меньше). Римская нумерація до XX". Въ объяснительной запискѣ къ программѣ 1-го года читаемъ: „Чтобы учащіеся могли съ самаго начала заниматься сознательно и постепенно дойти до усвоенія общихъ понятій, необходимо подраздѣлить курсъ на отдѣлы. Сперва слѣдуетъ брать числа не болѣе 20 (предѣлъ таблицы сложенія) и достигнуть полной твердости вычисленій въ предѣлѣ этихъ чиселъ; тогда только можно переходить къ боль-

шимъ числамъ—ко второму отдѣлу, въ которомъ числа однакоже не должны превышать 100 (предѣлъ таблицы умноженія). Въ первомъ отдѣлѣ курса не должно быть сообщаемо никакихъ опредѣленій; достаточно требовать отъ учащихся умѣнья выразить словами то, что они дѣлаютъ съ данными числами, сперва примѣнительно къ каждому частному случаю, а потомъ вводя въ употребленіе указанныя выраженія и знаки дѣйствій, чтобы на практикѣ научить различать послѣднія. Не ранѣе второго отдѣла слѣдуетъ вводить въ употребленіе и ариѳметическіе термины и объясненіе ихъ. Наконецъ, такая же постепенность должна быть соблюдаема и въ разъясненіи понятій: на сколько больше или меньше и во сколько разъ больше или меньше. Но въ виду важности этихъ понятій, указывать ихъ на простѣйшихъ частныхъ примѣрахъ слѣдуетъ уже и въ первомъ отдѣлѣ курса. Такимъ образомъ, занятіями въ первомъ отдѣлѣ должны быть достигнуты: ясное и отчетливое знаніе результатовъ всѣхъ дѣйствій, пониманіе значенія ихъ, знаніе соотношеній чиселъ и умѣніе примѣнять узнанное къ рѣшенію легкихъ задачъ (устныхъ и письменныхъ) въ предѣлѣ двухъ десятковъ. Именно, при рѣшеніи задачъ слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженія: „на сколько больше", „во сколько разъ больше". Съ мѣрами слѣдуетъ знакомить постепенно, начиная съ перваго года, вводя въ вычисленія такія мѣры, отношенія которыхъ къ мѣрамъ того же рода не превышаютъ размѣра употребляемыхъ уже чиселъ". Въ приведенныхъ словахъ объяснительной записки, при свободномъ выборѣ метода обученія, учитель ясно видитъ, что онъ долженъ пройти съ учениками, какъ пройти и на что долженъ обратить особенное вниманіе, чтобы первый отдѣлъ курса служилъ дѣйствительно предварительною ступенью къ дальнѣйшему прохожденію курса. При этомъ мы видимъ, что какъ въ программѣ, такъ и въ объяснительной запискѣ обращено особое вниманіе на выясненіе ариѳметическихъ понятій: „прибавить, отнять, повторить, раздѣлить, сколько разъ содержится, на сколько больше, во сколько разъ больше", безъ употребленія какихъ-либо опредѣленій. Здѣсь учитель ясно видитъ цѣль обученія перваго года, и потому вполнѣ свободно можетъ оріентироваться въ матеріалѣ, подлежащемъ изученію. На ариѳметику обычно отводится 6 уроковъ въ недѣлю, т. е. по одному часу въ день, считая въ этомъ числѣ занятія съ учителемъ и самостоятельныя занятія учениковъ.

б) Въ программѣ церковно-приходскихъ школъ (5 уроковъ въ недѣлю) читаемъ: „Счетъ въ предѣлѣ 20. Производство всѣхъ четырехъ дѣйствій устно и письменно; рѣшеніе задачъ простѣйшаго типа на каждое изъ четырехъ дѣйствій устно и письменно (безъ

скобокъ). Простѣйшія доли: $1/2$, $1/3$, $1/4$, $1/5$, $1/10$. Наглядное ознакомленіе съ мѣрами: длины (сажень, аршинъ, вершокъ), вѣса (фунтъ и пудъ), сыпучихъ тѣлъ (четверть и четверикъ) и бумаги (десть и стопа). Простѣйшія задачи. Счетъ въ предѣлѣ сотни круглыми десятками. Четыре дѣйствія до 100 круглыми десятками. Задачи устныя и письменныя". Въ объяснительной запискѣ къ этому курсу программы мы не находимъ никакихъ спеціальныхъ указаній. Въ запискѣ сказано только, что „программа указываетъ наименьшій матеріалъ, который можетъ быть проработанъ ежегодно въ начальной школѣ" и что „при разработкѣ матеріала, означеннаго въ программѣ, главнымъ образомъ, должно стремиться: 1) къ бѣглому устному счету и умственному рѣшенію несложныхъ задачъ въ предѣлѣ сотни" (пун. I) и 2) „къ такому распредѣленію матеріала, чтобы дѣйствія надъ составными именованными числами не составляли особаго отдѣла при прохожденіи ариѳметики, а нужно расположить это изученіе на протяженіи трехъ лѣтъ" (пун. 2).

Всматриваясь въ обѣ программы, мы замѣчаемъ между ними слѣдующее различіе: 1) въ школахъ учебнаго вѣдомства проходится нумерація чиселъ до 100, въ школахъ церковныхъ—нумерація чиселъ только до 20 и счетъ круглыми десятками, нумерація же промежуточныхъ чиселъ, состоящихъ изъ десятковъ и единицъ, какъ напр. 21, 25, 32, 94 и т. п., въ курсъ 1-го года не входитъ; 2) въ школахъ учебнаго вѣдомства дроби изъ 1-го года исключены совершенно, въ школахъ церковныхъ введены: $1/2$, $1/3$, $1/4$, $1/5$, $1/10$; 3) въ школахъ первой категоріи изучается римская нумерація до XX, въ церковныхъ школахъ она въ программу не внесена: 4) въ программу церковныхъ школъ входятъ дѣйствія надъ составными именованными числами (пун. 2 объясн. зап.), чего въ министерской программѣ нѣтъ.

При бѣгломъ взглядѣ на обѣ программы не трудно замѣтить, что матеріалъ министерской программы болѣе соотвѣтствуетъ 1-му году обученія какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не представляетъ искусственности, ничѣмъ не объясняемой, то обстоятельство, что мальчикъ умѣетъ называть и записывать всѣ числа до 20, а также числа 20, 30... 90, 100 и не умѣетъ ни назвать ни записать такихъ чиселъ, какъ 21, 23, 47 и т. п.? Здѣсь и послѣдовательность нарушена и практика въ значительномъ ущербѣ. Далѣе—какой смыслъ имѣетъ изученіе въ 1-й годъ дробей, хотя бы и „простѣйшихъ", каковы: $1/2$, $1/3$, $1/4$, $1/5$, $1/10$, и легко ли дать дѣтямъ ясное и точное понятіе о дроби, какъ части единицы, когда дѣти о единицѣ еще не имѣютъ никакого понятія, да и разъяснить имъ это понятіе въ первое время

довольно трудно и, можно сказать, почти невозможно, если принять во вниманіе, съ какими знаніями и съ какимъ развитіемъ являются въ школу 6—8 лѣтнія крестьянскія дѣти, часто не знающія, какъ зовутъ ихъ отца и мать? Затѣмъ, какимъ образомъ учитель можетъ привести въ связь съ изученнымъ матеріаломъ ознакомленіе съ такими указанными въ программѣ мѣрами, какъ фунтъ и пудъ, отношеніе между которыми равно 40 (а не четыремъ десяткамъ, какъ принято говорить при производствѣ дѣйствій надъ круглыми десятками, что основывается на знаніи перваго десятка) и—стопа и десть составляющаяся изъ 24 листовъ? Не цѣлесообразнѣе ли было бы изученіе этихъ мѣръ отнести ко второму году? (При рѣшеніи задачъ на простыя именованныя числа съ этими мѣрами дѣти, конечно, могутъ быть ознакомлены, только не въ ихъ соотношеніи одно къ другому). Наконецъ, возможно ли и желательно-ли вводить въ курсъ перваго года дѣйствія надъ составными именованными числами, какъ требуется это объяснительною запиской? Не обинуясь можно сказать, что на практикѣ это провести довольно трудно, принимая во вниманіе степень умственнаго развитія 7—8 лѣтнихъ крестьянскихъ деревенскихъ дѣтей и продолжительность учебнаго года, опредѣляющуюся 140—150 днями, при очень неаккуратномъ посѣщеніи учениками уроковъ вслѣдствіе разныхъ семейныхъ, бытовыхъ и экономическихъ условій.

Кромѣ указаннаго, существенное различіе между программами обоихъ вѣдомствъ заключается въ самомъ, такъ сказать, духѣ преподаванія. Въ то время, какъ Министерская программа на первый планъ ставитъ, чтобы ученикъ при пріобрѣтеніи извѣстныхъ практическихъ познаній усваивалъ все „сознательно“, уяснилъ себѣ всѣ ариѳметическія понятія, чтобы всѣ пріобрѣтенные имъ результаты были для него „ясны и отчетливы“, придавая изученію ариѳметики „двоякую цѣль: практическую и общеобразовательную“ и заботясь, чтобы „для успѣшнаго хода занятій въ начальной школѣ и для сбереженія столь дорогого въ ней времени“ соблюдались нѣкоторыя начала, положенныя въ основу программы (см. объясн. записку),—программа Св. Синода предписываетъ стремиться „главнымъ образомъ къ бѣглому устному счету и умственному рѣшенію несложныхъ задачъ“ (послѣдній родъ занятій преслѣдуетъ, очевидно, ту же цѣль—бѣглый устный счетъ), ставя цѣлью обученія ариѳметикѣ, „научить дѣтей производить сознательно дѣйствія надъ числами и развить въ нихъ *навыкъ* прилагать эти дѣйствія къ рѣшенію задачъ изъ житейскаго быта“ (см. объясн. записку), т. е. признавая за изученіемъ ариѳметики, которую называетъ „счисленіемъ“, цѣль чисто служебную, что на практикѣ сводится обыкновенно къ меха-

ническому заучиванію правилъ. Вотъ существенное различіе въ программахъ ариѳметики I-го года, вытекающее изъ самой цѣли, которую ставятъ обученію ариѳметикѣ въ начальной школѣ оба вѣдомства.

Годъ 2-й. а) По программѣ Мин. Нар. Просв. положено:—„нумерація и 4 дѣйствія въ предѣлѣ 100 и 1.000. Объясненіе ариѳметическихъ выраженій: сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе; разностное и кратное сравненіе чиселъ. Увеличеніе и уменьшеніе въ 10, въ 100 разъ. Ознакомленіе съ наиболѣе употребительными русскими мѣрами. Рѣшеніе задачъ, устно и письменно, соотвѣтствующихъ курсу. Знакомство съ долями“. Въ объяснительной запискѣ къ этому курсу говорится: „Во второмъ отдѣлѣ учащіе должны достигнуть слѣдующихъ результатовъ: 1) умѣнія со стороны дѣтей пользоваться новой единицей счета—десяткомъ; 2) пониманія основного пріема счисленія—выраженія чиселъ единицами различныхъ разрядовъ: 3) знаніе пріемовъ вычисленій съ двузначными числами; 4) знанія таблицы умноженія однозначныхъ чиселъ: наконецъ, 5) умѣнья различать дѣйствія не только знаками, но и словами, т. е. умѣнья выразить словами каждое сдѣланное при рѣшеніи задачи вычисленіе. Въ виду практической необходимости, въ курсъ введены вычисленія съ долями, на каждомъ шагу требуемыя жизнью. Наибольшій размѣръ свѣдѣній о доляхъ, какія могутъ быть допускаемы, слѣдующій: 1) нахожденіе одной или нѣсколькихъ частей, которыя сами выражаются цѣлымъ числомъ; 2) нахожденіе такихъ частей единицы, которыя употребительны въ жизни (напр. $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$, $^1/_{10}$, $^1/_5$, $^1/_3$, $^1/_6$); 3) употребленіе *нѣсколькихъ* изъ числа уже знакомыхъ долей единицы; 4) образованіе цѣлыхъ изъ частей единицы и выраженіе цѣлыхъ въ доляхъ единицы; 5) сложеніе и вычитаніе одинаковыхъ частей единицы; 6) повтореніе частей единицы нѣсколько разъ; 7) нахожденіе по цѣлому части и по части цѣлаго, когда и данное, и искомое суть цѣлыя числа; 8) сложеніе и вычитаніе различныхъ долей могутъ быть допущены только относительно употребительнѣйшихъ въ жизни случаевъ, напр. $^1/_2$ съ $^1/_8$, и если ученики сейчасъ же угадываютъ, въ какихъ доляхъ можетъ быть выражена сумма. Всѣ эти упражненія могутъ быть допускаемы только при рѣшеніи задачъ, безъ всякихъ теоретическихъ объясненій и выводовъ. Изъ перечисленныхъ упражненій обязательны только 1, 2, 4 и 5. Упражненія съ долями, не составляя особой части курса, должны распредѣляться на два года обученія“ (т. е. 2-й и 3-й). б) Въ программѣ Синодальной значится (6 уроковъ въ недѣлю):

Изученіе чиселъ до 100. Бѣглый устный счетъ въ предѣлѣ сотни. Рѣшеніе устныхъ и письменныхъ задачъ и численныхъ примѣровъ

на всѣ 4 дѣйствія (со скобками) въ предѣлѣ 100. Упражненія надъ дробями: нахожденіе части и нѣсколькихъ частей цѣлаго и обратно. Значеніе числителя и знаменателя; сложеніе и вычитаніе одноименныхъ частей единицы. Устныя задачи. Ознакомленіе съ мѣрами: вѣса (золотникъ и лотъ), сыпучихъ тѣлъ (гарнецъ, четверть, куль), длины (футъ и дюймъ) и времени (сутки, часы, минуты и секунды). Изученіе 1.000. Нумерація трехъ и четырехзначныхъ чиселъ. Всѣ 4 дѣйствія въ предѣлѣ 1.000: сложеніе и вычитаніе; умноженіе и дѣленіе на однозначное и двухзначное число письменно. Письменныя задачи и численные примѣры. (Устныя вычисленія въ предѣлѣ 1.000)". Въ объяснительной запискѣ также не находимъ къ этому отдѣлу спеціальныхъ указаній. Кромѣ замѣчаній, приведенныхъ въ курсѣ перваго года подъ пун. I и II, сюда можно присоединить указанія пункта 3, гдѣ говорится, что „желательно было бы, чтобы и изученіе простѣйшихъ долей единицы также не составляло (подобно составнымъ именованнымъ числамъ) особаго отдѣла при прохожденіи дѣйствій надъ числами. Основывая изученіе этихъ долей на практическихъ задачахъ, учитель удобнѣе всего можетъ начинать ознакомленіе съ ними съ перваго года и, продолжая постепенное изученіе долей единицы, какъ по отношенію къ цѣлымъ числамъ, такъ и между собою, долженъ стремиться довести дѣтей до точнаго пониманія и яснаго представленія дробей *и дѣйствій надъ ними*". Какъ видимъ, и здѣсь нѣтъ указаній—на что болѣе всего долженъ обратить вниманіе учитель при прохожденіи курса, какія понятія наиболѣе тщательно долженъ онъ выяснить дѣтямъ. Причина такого явленія выяснится ниже.

Сравнивая количество предлагаемаго къ прохожденію матеріала обѣими программами, замѣчаемъ, что Синодальная программа церковно-приходскихъ школъ предписываетъ, при томъ же числѣ недѣльныхъ уроковъ, пройти гораздо большее количество учебнаго матеріала, нежели программа Министерства Народнаго Просвѣщенія. Будучи почти совершенно тожественна въ прохожденіи курса цѣлыхъ чиселъ, Синодальная программа во 2-й годъ обученія вводитъ такой матеріалъ о дробяхъ, который въ Министерской программѣ отнесенъ къ 3-му году и то съ довольно значительными ограниченіями, какъ, напр., „нахожденіе по цѣлому части и по части цѣлаго, когда и данное, и искомое суть цѣлыя числа" и т. п., между тѣмъ какъ такихъ ограниченій въ программѣ церковныхъ школъ не сдѣлано даже для второго года обученія. Министерская программа во второй годъ обученія предлагаетъ только „знакомство съ долями", но не предлагаетъ никакихъ надъ ними вычисленій, которыя отнесены ею къ третьему году обученія съ указаннымъ выше maximum'омъ

требованій (см. въ годѣ 2-мъ выписку изъ объясн. записки къ Мин. програм.). Если принять во вниманіе, что при изученіи дѣйствій надъ цѣлыми числами учащіеся церковныхъ школъ должны умѣть рѣшать задачи на четыре дѣйствія и съ *составными именованными*, какъ того требуетъ пун. 2 объяснительной записки, то курсъ 2-го года окажется весьма значительнымъ, и можно сказать, что въ этомъ объемѣ онъ не подъ силу для выполненія даже весьма опытному и знающему дѣло учителю, не только что заурядному, а тѣмъ болѣе слабому и малоопытному, какіе весьма часто встрѣчаются въ церковныхъ школахъ, благодаря плохому матеріальному обезпеченію въ нихъ учительскаго персонала. Такимъ образомъ, въ силу необходимости программа не будетъ въ дѣйствительности выполняться. Кромѣ указаннаго, въ программѣ церковныхъ школъ останавливаетъ на себѣ вниманіе начальная фраза: „изученіе *чиселъ* до 100". До сихъ поръ мы полагали, что въ ариѳметикѣ изучаются дѣйствія надъ числами, а не самыя числа. Приведенная фраза напоминаетъ „евтушевщину", т. е. устарѣлый методъ „изученія чиселъ", непригодность котораго для русской начальной школы доказана какъ русскими педагогами методологами, такъ и жизнью. Методъ „изученія чиселъ" въ русской начальной школѣ оставленъ уже около 20 лѣтъ, благодаря легкому почину г.г. Мартынова, Гольденберга, Шохоръ-Троцкаго, Вишневскаго. И до выхода методикъ указанныхъ авторовъ многіе наставники учительскихъ семинарій излагали методику ариѳметики своимъ ученикамъ по собственнымъ запискамъ (въ числѣ которыхъ былъ и г. Вишневскій до напечатанія его записокъ), такъ какъ не удовлетворялись руководствами Евтушевскаго и находили ихъ не вполнѣ пригодными для русской начальной школы. Очевидно, выраженіе: „изученіе чиселъ до 100" не есть редакціонный недосмотръ, и это можно заключить изъ того, что программа церковной школы въ числѣ руководствъ и пособій послѣ Гольденберга и Вишневскаго указываетъ на сочиненія Евтушевскаго: его методику, руководство для учителей (сокращенно-упрощенная методика) и задачникъ, о недостаткахъ которыхъ въ русской педагогической литературѣ писалось въ свое время весьма много. Является такимъ образомъ вопросъ: какъ на практикѣ примирить требованіе программы „изученія чиселъ" съ новыми пріемами обученія, излагаемыми въ руководствахъ—Гольденберга, Вишневскаго, Шохоръ-Троцкаго, которыя программою рекомендуются, но которыя „изученіе чиселъ" изгнали изъ употребленія? Задача для учителя церковно-приходской школы довольно трудная.

Годъ 3-й. а) По программѣ Мин. Нар. Просв.: „Нумерація и че-

тыре дѣйствія надъ числами любой величины и повѣрка дѣйствій. Дѣйствія надъ составными именованными числами. Простѣйшія вычисленія съ долями. Рѣшеніе устныхъ и письменныхъ задачъ". Въ объяснительной запискѣ читаемъ: „Въ третьемъ отдѣлѣ надо требовать, чтобы учащіеся могли не только правильно объяснить, что дѣлаютъ съ числами, но примѣнить и ариѳметическій терминъ (названіе дѣйствія), при чемъ надо объяснить и то, что въ дѣленіи встрѣчаются два случая: дѣленіе на части и опредѣленіе содержанія.—При прохожденіи третьяго отдѣла нужно, чтобы учащіеся были знакомы съ мѣрами длины, вѣса, монетъ, времени и сыпучихъ тѣлъ. Дѣйствія съ составными именованными числами обязательны въ третій годъ, но, *для выясненія понятій о единицахъ* различныхъ разрядовъ и о перечисленіяхъ единицъ изъ одного разряда въ другой, необходимыхъ при производствѣ дѣйствій (когда въ суммѣ и произведеніи единицъ какихъ-либо разрядовъ получается больше 9 единицъ, или въ уменьшаемомъ въ какомъ-либо разрядѣ меньше единицъ, чѣмъ въ томъ же разрядѣ вычитаемаго и т. д.), допускается введеніе (при упражненіи въ вычисленіяхъ) небольшихъ составныхъ именованныхъ чиселъ и во второй годъ, но съ тѣмъ, чтобы употребленіемъ такихъ чиселъ учащіеся не затруднялись. Знаніе квадратныхъ и кубическихъ мѣръ для учащихся не обязательно, но весьма желательно, чтобы преподающіе знакомили съ ними учащихся, особенно въ сельскихъ школахъ. Знаніе мѣръ времени необходимо, но долго останавливаться на нихъ не слѣдуетъ: нужны только несложныя задачи на вычисленіе времени, такъ какъ начальная школа, по недостатку времени обученія, особенно должна обращать вниманіе на выясненіе общихъ понятій, не останавливаясь на частныхъ вопросахъ, какимъ является вопросъ о вычисленіи времени, единицы котораго не заключаютъ въ себѣ постояннаго числа меньшихъ мѣръ (въ мѣсяцѣ можетъ быть 28, 29, 30 и 31 день), что дѣлаетъ вычисленія съ ними гораздо болѣе трудными, чѣмъ съ другими мѣрами.—Полезно также упражнять учениковъ въ сложеніи и вычитаніи на торговыхъ счетахъ, такъ какъ подобныя вычисленія и развиваютъ пониманіе пріемовъ вычисленій и практически очень полезны. При хорошихъ успѣхахъ учащихся, если они твердо усвоили все указанное въ программѣ, можно познакомить ихъ съ понятіемъ о %, какъ сотой долѣ числа, съ нахожденіемъ одного и нѣсколькихъ % данной суммы денегъ, съ нахожденіемъ % за мѣсяцъ и за время большее года по найденной прибыли за годъ. Во всѣ три года необходимо упражнять учащихся въ рѣшеніи задачъ, при чемъ задачи должны даваться какъ для пріобрѣтенія навыка къ вычисленіямъ и въ умѣньи примѣнять дѣйствія (съ служебною

цѣлью), такъ и для содѣйствія цѣли общеобразовательной, первыя должны быть легки... вторыя—не должны заключать въ себѣ большихъ чиселъ и не должны затруднять вычисленіями, чтобы все вниманіе учащагося могло быть обращено на содержаніе задачи.— При рѣшеніи задачъ слѣдуетъ требовать не только нахожденія результата, но и умѣнія изложить устно ходъ рѣшенія и письменно показать порядокъ сдѣланныхъ вычисленій и полученный въ каждомъ изъ нихъ результатъ. Надо также пріучать учащихся запоминать содержаніе задачъ безъ многократнаго повторенія ея и пріучать приниматься за рѣшеніе задачи, предварительно обдумавъ, какъ ее рѣшить".

„*Дополнительныя свѣдѣнія*: умѣнье производить четыре дѣйствія надъ простыми и десятичными (конечными) дробями, а также вычислять площади, поверхности и объемы простѣйшихъ тѣлъ. Въ пунктѣ 2 общихъ замѣчаній къ программамъ сказано: „Въ программахъ указанъ наименьшій объемъ свѣдѣній, который долженъ быть достигнутъ въ одноклассной народной школѣ. Если школа находится при неблагопріятныхъ условіяхъ (напр., въ ней много инородцевъ, или ученики неаккуратно посѣщаютъ училище), то слѣдуетъ увеличить время обученія, но не сокращать программы. Если же школа находится при особенно благопріятныхъ условіяхъ (напр., для каждаго отдѣленія есть особый учитель или учительница), то курсъ ученія можетъ быть расширенъ нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями по предметамъ, преподаваемымъ въ народныхъ училищахъ, но лишь съ разрѣшенія директора сихъ училищъ, которое дается отдѣльно для каждой школы, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія Попечителя учебнаго округа". Такимъ образомъ, видимъ, что въ школахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія знаніе квадратныхъ и кубическихъ мѣръ для учениковъ не обязательно, а только весьма желательно; что знаніе пріемовъ рѣшенія задачъ на вычисленіе времени также не обязательно, и что курсъ можетъ расширяться дополнительными свѣдѣніями только въ отдѣльныхъ училищахъ, находящихся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, и то съ разрѣшенія директора училищъ. Учебныхъ пособій и руководствъ никакихъ не указано.

б) По программѣ церковно-приходскихъ школъ: „Нумерація до билліона. Производство дѣйствій (всѣхъ четырехъ) надъ числами любой величины (письменно). Задачи. Подробное изученіе мѣръ длины (метръ) *), вѣса, сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ, времени и бу-

*) Хотя въ программѣ Мин. Нар. Просв. и не упоминается о метрической системѣ мѣръ, но позднѣйшимъ распоряженіемъ Министерства предписано съ ней знакомить учащихся начальныхъ школъ.

маги. Составныя именованныя числа и дѣйствія надъ ними. Задачи на всѣ четыре дѣйствія съ составными именованными числами; задачи на вычисленіе времени. Квадратныя и кубическія мѣры. Примѣры на вычисленіе площадей и объемовъ въ простѣйшихъ случаяхъ. Упражненіе надъ дробями: простѣйшіе случаи умноженія и дѣленія дробей „Задачи и примѣры". Въ объяснительной запискѣ къ курсу третьяго года относится слѣдующее замѣчаніе: „измѣреніе площадей и объемовъ можетъ быть ограничено самыми элементарными свѣдѣніями объ измѣреніи прямоугольниковъ и кубовъ (прямоугольныхъ) (sic.)." (пун. 4). Заканчивается объяснительная записка слѣдующими словами: „Стремясь къ осуществленію вышеупомянутыхъ пунктовъ, учитель самъ избираетъ какъ подходящій, по его мнѣнію, методъ къ лучшему усвоенію означеннаго въ программѣ матеріала, такъ и учебники и учебныя пособія изъ одобренныхъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ." Руководства и пособія указаны слѣдующія: Гольденберга (методика и задачникъ), Гебеля (метрическая система), Вишневскаго (методика и задачникъ), Евтушевскаго (методика и задачникъ), Шохоръ-Троцкаго (методики и задачники), задачники—Тенишева, Рачинскаго, Долгополова и повторительный курсъ ариѳметики для начальныхъ народныхъ училищъ Ареѳьева и Соколова.

Изъ всего вышеизложеннаго приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Въ программахъ того и другого вѣдомства указанъ наименьшій объемъ свѣдѣній, который долженъ быть достигнутъ въ одноклассной народной школѣ.

2) Программа учебнаго вѣдомства представляетъ къ народной школѣ значительно меньшія требованія, нежели программа духовнаго вѣдомства. Такъ, а) по программѣ учебнаго вѣдомства наибольшій размѣръ свѣдѣній о дробяхъ, отнесенныхъ на третій годъ обученія, соотвѣтствуетъ почти только курсу второго года программы церковныхъ школъ, при чемъ и этотъ размѣръ свѣдѣній въ Министерской программѣ обусловленъ многими упрощеніями и частными случаями.

2) По программѣ учебнаго вѣдомства знаніе квадратныхъ и кубическихъ мѣръ (а въ соединеніи съ этимъ и опредѣленіе площади прямоугольника и объема прямоугольнаго параллелепипеда), а равно и знаніе пріемовъ рѣшенія задачъ на вычисленіе времени—не обязательно, а только весьма желательно, что обусловливается, конечно, тѣмъ, въ какихъ условіяхъ находится школа—благопріятныхъ или не благопріятныхъ, между тѣмъ какъ по программѣ церковныхъ школъ знанія эти обязательны для всѣхъ школъ. Здѣсь кстати ука-

зать на то, что Синодальная програма, требуя обязательнаго знанія квадратныхъ и кубическихъ мѣръ и мѣръ метрическихъ, совершенно не упоминаетъ о мѣрахъ цѣнности (денежныхъ знакахъ), что, по нашему мнѣнію, представляетъ значительный пробѣлъ—въ ущербъ практическимъ знаніямъ.

3) Програма учебнаго вѣдомства многія свѣдѣнія предлагаетъ къ прохожденію условно, именно—если къ тому имѣются благопріятныя обстоятельства; програма духовнаго вѣдомства всѣ школы подводитъ подъ одинъ уровень и ко всѣмъ предъявляетъ совершенно одинаковыя требованія. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что при составленіи програмы церковныхъ школъ имѣлись въ виду не дѣйствительныя условія, въ которыхъ находятся сельскія народныя школы, а желательныя, возможныя, имѣлось въ виду не то, что можно пройти при данныхъ условіяхъ, а то, что желательно пройти. Судя по матеріалу, введенному въ програму, можно допустить, что послѣдняя составлена подъ вліяніемъ методикъ Гольденберга и Евтушевскаго. Можетъ быть, въ Петербургскихъ городскихъ начальныхъ школахъ въ предложенномъ объемѣ и возможно пройти курсъ ариѳметики, но въ сельскихъ школахъ въ мѣстностяхъ съ земледѣльческимъ населеніемъ, гдѣ дѣти собираются въ школу только въ октябрѣ мѣсяцѣ, а перестаютъ посѣщать ее съ 7-й недѣли Великаго поста, къ тому же при одномъ учителѣ въ трехъ отдѣленіяхъ—курсъ этотъ основательно пройденъ быть не можетъ. Съ увѣренностью можно сказать, что на практикѣ програма церковныхъ школъ во всемъ объемѣ выполняться не будетъ.

4) Програма Министерства Народнаго Просвѣщенія какъ обученію ариѳметикѣ, такъ и рѣшенію задачъ ставитъ двоякую цѣль—практическую (въ отношеніи задачъ—служебную) и общеобразовательную. „Хотя означенныя цѣли, говорится въ объяснительной запискѣ, могутъ быть достигнуты различными путями, почему могутъ быть допускаемы и различные методы обученія, все же для успѣшнаго хода занятій въ начальной школѣ и для сбереженія столь дорогого въ ней времени необходимо соблюденіе нѣкоторыхъ началъ, которыя и положены были въ основу програмы". Положенная въ основу Министерской програмы идея и даетъ учителю тонъ и направленіе въ его дѣятельности, оставляя за нимъ свободу въ выборѣ метода обученія.

По програмѣ Св. Синода, какъ мы уже видѣли, цѣль обученія ариѳметикѣ состоитъ въ томъ, чтобы „научить дѣтей производить сознательно дѣйствія надъ числами и развить въ нихъ *навыкъ* прилагать эти дѣйствія къ рѣшенію задачъ изъ житейскаго быта," при чемъ предлагается: 1) „стремиться къ бѣглому устному счету и

умственному рѣшенію не сложныхъ задачъ въ предѣлѣ сотни," „избѣгать большихъ чиселъ и сложныхъ дѣйствій;" 2) „дѣйствія надъ составными именованными числами не дѣлать предметомъ особаго отдѣла при прохожденіи ариѳметики; 3) также и изученіе дробей не должно составлять особаго отдѣла. Такимъ образомъ, цѣль обученія ариѳметикѣ въ церковныхъ школахъ слишкомъ односторонняя: она преслѣдуетъ только одну чисто практическую сторону, что на дѣлѣ сводится обыкновенно къ механическому изученію предмета и не даетъ почти никакого умственнаго развитія.

Не будучи проникнута опредѣленною идеею и не давая учителю точныхъ и ясныхъ указаній въ каждомъ изъ отдѣловъ проходимаго курса, программа Святѣйшаго Синода ставитъ учителя всецѣло въ зависимость отъ избраннаго имъ руководства методики, по которому учитель и долженъ итти шагъ за шагомъ, какъ слѣпой: избралъ онъ Евтушевскаго: „Руководство для учителей"—иди по нему; избралъ Вишневскаго: „Записки по методикѣ"—иди по нимъ. Вотъ почему въ объяснительной запискѣ и не дано указаній—на что̀ въ томъ или другомъ курсѣ долженъ учитель обратить больше вниманія, къ какому результату долженъ стремиться и т. п. На практикѣ здѣсь, конечно, какъ мы уже говорили выше, могутъ встрѣчаться недоумѣнія. Такъ, избравшій себѣ руководствомъ „Записки по методикѣ" Вишневскаго встрѣтитъ, безъ сомнѣнія, затрудненіе при выполненіи требованій программы о прохожденіи дѣйствій надъ составными именованными числами въ 1-й и 2-й годы; онъ встрѣтитъ также затрудненіе при требованіи „изученіе чиселъ до 100," что можетъ быть выполнено учителемъ, избравшимъ себѣ въ руководство методику Евтушевскаго. Мы съ своей стороны положительно недоумѣваемъ, какимъ образомъ въ одной и той же школѣ могутъ ужиться съ одной стороны Гольденбергъ, Вишневскій и Шохоръ-Троцкій, съ другой—Евтушевскій. По нашему мнѣнію—если употребляется Гольденбергъ, Вишневскій и Шохоръ-Троцкій, то не можетъ быть употребляемъ въ то же время Евтушевскій; здѣсь одно другое должно исключать. Благодаря тому, что при составленіи программы были приняты во вниманіе два направленія: устарѣвшій методъ „изученія чиселъ" (Евтушевскій) и новѣйшій „методъ изученія дѣйствій" (Гольденбергъ, Вишневскій), въ программу внесена двойственность, составляющая весьма крупный недостатокъ.

Въ школахъ учебнаго вѣдомства, какъ извѣстно, употребляются методики Гольденберга и Вишневскаго (въ Оренбургскомъ и Казанскомъ учебныхъ округахъ, кажется, исключительно Вишневскаго), задачники преимущественно—Вишневскаго, Лубенца, Воронова, Голь-

денберга. Методика Вишневскаго съ задачникомъ весьма пригодны для начальной народной школы.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію программъ для двухклассныхъ училищъ.

а) Во 2-мъ классѣ Министерскихъ училищъ, по программѣ 1869 года, положено пройти: „Простыя дроби; четыре дѣйствія надъ дробными числами. Рѣшеніе задачъ, относящихся къ правиламъ— тройному, смѣшенія, товарищества и процентовъ, безъ помощи пропорцій. Главныя основанія планиметріи. Съемка плановъ.“ Такъ какъ программа составлена назадъ тому почти 35 лѣтъ, въ теченіе каковаго періода измѣнились какъ условія, въ которыхъ находились училища, такъ и требованія, предъявляемыя къ нимъ жизнью, то, естественно, на практикѣ приведенная программа должна была претерпѣть нѣкоторыя измѣненія. Посмотримъ, въ какомъ объемѣ и въ какомъ направленіи проходится ариѳметика во 2-мъ классѣ 2-хклассныхъ училищъ въ настоящее время. Примѣромъ примѣненія программы на практикѣ намъ можетъ служить примѣрная программа для 2-хклассныхъ Министерскихъ училищъ Пермской губерніи, выработанная на съѣздѣ инспекторовъ народныхъ училищъ Пермской губерніи въ 1897 году и отпечатанная въ № 4—5 „Циркуляра по Оренбургскому учебному округу“ за 1898 годъ. Вотъ что мы читаемъ въ этой программѣ: „*I отдѣленіе II-го класса* (5 уроковъ въ недѣлю). Числа первоначальныя и производныя. Числа кратныя одно другого; четныя и нечетныя числа. Признаки дѣлимости чиселъ: 2, 5, 10, 4, 25, 100, 8, 125, 3, 9. Понятіе о дѣлителѣ; дѣлители первоначальные и производные. Разложеніе чиселъ на первоначальныхъ дѣлителей. Понятіе объ общемъ дѣлителѣ или множителѣ. Общій наибольшій дѣлитель. Числа взаимно простыя или первыя между собой. Понятіе о кратныхъ двухъ или нѣсколькихъ чиселъ; наименьшее кратное; нахожденіе наименьшаго кратнаго по способу разложенія на первоначальныхъ множителей; наименьшее кратное взаимно простыхъ чиселъ. Понятіе объ обыкновенныхъ или простыхъ дробяхъ. Сравненіе дроби съ частнымъ. Дроби правильныя и неправильныя. Обращеніе цѣлаго числа съ дробью (смѣшаннаго числа) въ неправильную дробь и обратное дѣйствіе. Сравненіе величины дробей съ одинаковыми числителями и дробей съ одинаковыми знаменателями. Увеличеніе и уменьшеніе дробей въ нѣсколько разъ. Раздробленіе и превращеніе дробныхъ именованныхъ чиселъ. Нахожденіе частей числа и цѣлаго по частямъ. Сокращеніе дробей и приведеніе ихъ къ общему знаменателю. Сложеніе и вычитаніе дробей; сложеніе и вычитаніе дробныхъ именованныхъ чиселъ. Измѣненіе произведенія и част-

наго цѣлыхъ чиселъ (повтореніе). Умноженіе и дѣленіе дробей; умноженіе и дѣленіе дробныхъ именованныхъ чиселъ". „*II отдѣленіе II-го класса* (5 уроковъ въ недѣлю). Десятичная система счисленія. Обыкновенный способъ выговариванія многозначныхъ чиселъ и выговариваніе по разрядамъ. Сравненіе многозначнаго числа съ составнымъ именованныхъ числомъ. Десятичная система мѣръ. Сравненіе составныхъ именованныхъ чиселъ метрической системы съ составными именованными числами русской системы мѣръ и съ числами многозначными. Понятіе о десятичныхъ дробяхъ. Нумерація десятичныхъ дробей; сравненіе величины ихъ; увеличеніе и уменьшеніе десятичныхъ дробей въ 10, 100 и т. д. разъ. Сравненіе способовъ кратнаго увеличенія или уменьшенія десятичныхъ дробей со способами такого же измѣненія дробей обыкновенныхъ. Раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ метрической системы мѣръ. Приведеніе десятичныхъ дробей къ общему знаменателю. Сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе конечныхъ десятичныхъ дробей (сравнить съ дѣйствіями надъ дробями обыкновенными и цѣлыми многозначными числами). Обращеніе обыкновенныхъ дробей въ десятичныя и десятичныхъ конечныхъ въ обыкновенныя. Вычисленія съ конечными десятичными и обыкновенными дробями. Рѣшеніе задачъ, относящихся къ правиламъ: простому и сложному тройному, смѣшенія, товарищества и процентовъ, безъ употребленія пропорцій".

Въ объяснительной запискѣ къ этой программѣ указываются главнымъ образомъ пріемы преподаванія и способы выясненія правилъ въ видахъ упрощенія для пониманія ихъ учащимися, а также и тѣ мѣста курса, на которыя должно быть обращено наибольшее вниманіе учащихся. Относительно періодическихъ дробей, пропорцій и правила учета векселей сказано, что эти отдѣлы должны быть исключены изъ программы 2-хъ классныхъ училищъ. Учебныя пособія и руководства указаны слѣдующія: для учениковъ—сборникъ ариѳметическихъ задачъ Воронова, для учителя—ариѳметика Мартынова, ариѳметика на счетахъ Кудрявцева и сборникъ ариѳметическихъ задачъ Малинина и Буренина.

б) По программѣ церковно-приходскихъ школъ въ 4 и 5 отдѣленіяхъ, т. е. во 2-мъ классѣ, положено по 4 урока въ недѣлю, причемъ *въ 4-й годъ* назначено пройти: „Элементарный курсъ дробей; признаки дѣлимости на 2, 5, 4, 8, 25; 3 и 9; разложеніе чиселъ на первоначальные множители, составленіе изъ множителей общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго. Приведеніе дробей къ одному знаменателю. Сложеніе и вычитаніе дробей любой величины. Задачи и примѣры"; *въ 5-й годъ*: „Умноженіе и дѣленіе про-

стыхъ дробей. Задачи на всѣ дѣйствія съ дробями. Десятичныя дроби и всѣ дѣйствія надъ ними. Изученіе метрической системы. Правила: процентовъ, товарищества, смѣшенія и тройное. Задачи". Изъ пособій для второго класса указано Шохоръ-Троцкаго: „Задачникъ для учителей". Въ общемъ матеріалъ обѣими программами предлагается почти одинъ и тотъ же, хотя программа, составленная съѣздомъ инспекторовъ, отличается большими подробностями и большею систематичностью и удѣляетъ предмету больше недѣльныхъ уроковъ. Въ программу церковныхъ школъ не вошло сокращеніе обыкновенныхъ дробей; въ обѣ программы не вошло правило учета векселей. Программа съѣзда инспекторовъ указываетъ, между прочимъ, на то, что составитель ея слишкомъ увлекся отдѣломъ о дѣлителяхъ и дробными именованными числами. По нашему крайнему разумѣнію отдѣлъ о дѣлителяхъ долженъ въ 2-хъ классномъ сельскомъ училищѣ играть только служебную роль—постольку, поскольку онъ нуженъ для изученія обыкновенныхъ дробей. А потому послѣ выясненія необходимыхъ понятій, входящихъ въ ученіе о дѣлителяхъ, достаточно пройти съ учениками: 1) признаки дѣлимости на 2, 5 и 3, что потребуется при разложеніи чиселъ на простые множители, и 2) отысканіе наименьшаго кратнаго числа посредствомъ разложенія данныхъ чиселъ на простые множители. Общій наибольшій дѣлитель долженъ быть совершенно выпущенъ изъ программы, такъ какъ онъ въ курсѣ дробей не имѣетъ никакого значенія, ибо на практикѣ при сокращеніи дробей, встрѣчающихся въ задачникахъ, къ нему прибѣгаютъ весьма рѣдко, и во всякомъ случаѣ безъ него всегда можно обойтись, отъ чего ущерба дѣлу никакого не будетъ. Дѣйствія надъ дробными именованными числами не слѣдуетъ выдѣлять въ особую группу, а достаточно попутно на нетрудныхъ примѣрахъ показать, какъ надъ ними производятся дѣйствія. Чрезъ такое сокращеніе программы останется болѣе времени на усвоеніе другихъ отдѣловъ курса—болѣе важныхъ и существенно необходимыхъ.

Что касается правила учета векселей, то его, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ исключать изъ программы 2-хъ классныхъ сельскихъ училищъ. Въ объяснительной запискѣ къ программѣ съѣзда инспекторовъ исключеніе мотивировано тѣмъ, что „вопросъ объ учетѣ векселей спеціальный и не имѣетъ примѣненія въ сельской жизни". Мнѣніе это безусловно ошибочно. Если министерская программа 1897 года признаетъ полезнымъ знакомить съ правиломъ % даже учениковъ одноклассныхъ училищъ, а правило % имѣетъ большое сродство съ учетомъ векселей, то почему же не полезно знакомить съ послѣднимъ учениковъ 2-го класса? Мы, наоборотъ, того мнѣнія,

что нынѣ и сельскому обывателю необходимо знать правило учета векселей, такъ какъ съ этой операціей сельскій обыватель, занимающійся торговлей или ремесломъ, имѣетъ дѣло весьма часто. Даже какъ будто стыдно окончившему курсъ 2-хъ класснаго училища не имѣть понятія о векселѣ и не умѣть учесть его, когда въ жизни нерѣдко встрѣчаются полуграмотныя лица, прекрасно въ умѣ дѣлающія учеты векселямъ. Если ученики ясно усвоютъ себѣ правило %, то они поймутъ и учетъ векселей,—нужно только учителю умѣло и толково выяснить ученикамъ понятія о „валютѣ" векселя и объ „учетѣ" его. На основаніи опыта утверждаемъ, что учетъ векселей (коммерческій) ученикамъ дается очень легко, а въ практическомъ отношеніи для жизни знать это весьма необходимо, тѣмъ болѣе, что 2-хъ классныя училища открываются преимущественно въ многолюдныхъ селеніяхъ, гдѣ жители занимаются торговлей и ремеслами и потому часто имѣютъ дѣло съ векселями.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о руководствахъ. Съѣздомъ инспекторовъ задачникъ Воронова (ч. 1 и 2) выбранъ весьма удачно. Для учителя мы съ своей стороны рекомендовали бы другія руководства, именно: ариѳметику Ф. Симашко (составлена по образцу французскихъ учебниковъ для кадетскихъ корпусовъ), какъ весьма прекрасное руководство; задачникъ Верещагина, изъ котораго учитель можетъ брать нетрудные задачи въ дополненіе къ задачамъ, помѣщеннымъ въ задачникѣ Воронова, и относящіяся къ курсу руководства Шохоръ-Троцкаго. Указанныя руководства, конечно, не могутъ идти въ сравненіе съ руководствами Мартынова и Малинина и Буренина, рекомендуемыми съѣздомъ инспекторовъ.

———————

Въ преподаваніи *геометріи* замѣчается весьма значительная разница между министерскими и церковно-приходскими 2-хъ классными училищами.

а) На основаніи указаній 1869 года съѣздъ инспекторовъ народныхъ училищъ Пермской губ. выработалъ „по геометріи и черченію" слѣдующую программу: „*1-е отдѣленіе 2-го класса* (три урока въ недѣлю). Основныя геометрическія понятія (наглядное разсмотрѣніе геометрическихъ тѣлъ и выводъ отсюда основныхъ геометрическихъ понятій). О линіяхъ прямыхъ, ломанныхъ и кривыхъ. Опредѣленіе положенія и величины прямой. Вѣхи и ихъ употребленіе. Циркуль и линейка. Равные отрѣзки прямой. Сложеніе, вычитаніе и увеличеніе въ нѣсколько разъ прямыхъ линій при помощи циркуля. Углы. Понятіе объ углѣ. Обозначеніе угла. Сравненіе величины угловъ при помощи наложенія. Сложеніе угловъ, вычитаніе и

увеличеніе ихъ въ нѣсколько разъ. Углы смежные. Перпендикулярныя между собою линіи. Свойства смежныхъ угловъ, угловъ по одну сторону прямой, угловъ вокругъ точки и вертикальныхъ угловъ. Наугольникъ и эккеръ. Окружность и градусы ея. Транспортиръ. Понятіе объ отвѣсной, горизонтальной и наклонной линіяхъ. Ватерпасъ. Уровень. Нивеллиръ и его примѣненіе. Параллельныя линіи. О фигурахъ. Треугольники, виды ихъ по сторонамъ и угламъ; высота треугольника, сравненіе одной стороны треугольника съ двумя остальными. Сумма внутреннихъ угловъ треугольника. Условія равенства треугольниковъ. Равенство прямоугольныхъ треугольниковъ. Задачи: 1) данную прямую раздѣлить пополамъ; 2) провести прямую перпендикулярно къ данной прямой; 3) возстановить перпендикуляръ къ данной прямой въ конечной ея точкѣ; 4) опредѣлить разстояніе между двумя точками на поверхности земли, если между ними есть препятствіе; 5) опредѣлить разстояніе между двумя точками, если одна неприступна; 6) построить уголъ, равный данному; 7) раздѣлить данный уголъ пополамъ; 8) провести чрезъ данную точку прямую, параллельно данной прямой. Многоугольники. Діагонали многоугольника. Правильные многоугольники. Сумма внутреннихъ и внѣшнихъ угловъ многоугольника. Четыреугольники. Трапеція. Параллелограммъ, виды параллелограмма: квадратъ, ромбъ и прямоугольникъ: свойства ихъ діагоналей. Раздѣлить прямую на нѣсколько равныхъ частей". *2-е отдѣленіе 2-го класса* (3 урока въ недѣлю). „Измѣреніе площадей. Понятіе объ единицѣ измѣренія площадей. Площадь квадрата, прямоугольника, параллелограмма треугольника, трапеціи и многоугольника. Окружность. Хорды и касательная. Радіусъ, проведенный въ точкѣ прикосновенія касательной. Перпендикуляръ изъ центра на хорду. Провести окружность черезъ двѣ данныя точки; провести окружность черезъ 3 данныя точки, не лежащія на одной прямой. Описать около треугольника кругъ (дополнить данный треугольникъ до круга). Вписать кругъ въ треугольникъ (вырѣзать изъ треугольника кругъ). Стороны правильнаго вписаннаго шестиугольника. Длина окружности. Площадь правильнаго многоугольника. Площадь круга. Равновеликія фигуры; раздѣлить треугольникъ на нѣсколько равновеликихъ треугольниковъ. Построить параллелограммъ или прямоугольникъ, равновеликій данному треугольнику. Понятіе о подобныхъ фигурахъ. Опредѣленіе высоты предмета. Понятіе о планѣ. Масштабы. Съемка плана при помощи мѣрной цѣпи и эккера, а гдѣ есть возможность при помощи астролябіи. Съемка плана при помощи мензулы. Черченіе плана снятой мѣстности. Планъ зданія. Черченіе географическихъ картъ.—Понятіе о призмѣ и параллелепипедѣ. Понятіе о

пирамидѣ. Поверхность призмы и пирамиды. Понятіе объ единицѣ измѣренія объемовъ тѣлъ. Объемъ куба, призмы и параллелепипеда. Поверхность цилиндра, конуса и шара; объемъ каждаго изъ нихъ". Въ объяснительной запискѣ къ этой программѣ говорится: „Преподаваніе геометріи въ 2-хклассныхъ училищахъ имѣетъ цѣлью пріученіе учащихся къ стройному и послѣдовательному изложенію мыслей и сообщеніе имъ нѣкоторыхъ практическихъ свѣдѣній по землемѣрію и черченію, которыя однако должны идти рука объ руку съ теоретическими знаніями учениковъ. Возрастъ учащихся и время не дозволяютъ проходить въ 2-хклассныхъ училищахъ геометріи въ строгомъ порядкѣ и съ надлежащей полнотой. Приходится ограничиться только тѣми отдѣлами, которые отличаются большей доступностью для учащихся и имѣютъ практическое значеніе. Таковы, кромѣ опредѣленія длины окружности и площади круга, всѣ указанные программой отдѣлы планиметріи. Эта часть курса геометріи должна представлять собой стройное изложеніе ряда теоремъ, слѣдующихъ одна за другой въ опредѣленной послѣдовательности. Что касается отдѣла о превращеніи фигуръ, то подробное прохожденіе можетъ быть введено въ курсъ только при благопріятныхъ условіяхъ; способъ же превращенія треугольника въ прямоугольникъ и одного прямоугольника въ другой непремѣнно долженъ быть указанъ, потому что за единицу измѣренія полей крестьяне принимаютъ опредѣленный прямоугольникъ, и нужно ихъ научить умѣнью разновидные земельные участки сравнивать съ знакомой имъ единицей. Занятія по геометріи должны сопровождаться рѣшеніемъ возможно большаго количества задачъ на построеніе (черченіе) и вычисленіе; только при этомъ условіи можно надѣяться на основательное усвоеніе учениками знаній и умѣній. Изученіе практической геометріи слѣдуетъ отнести до весны, когда будетъ возможно выйти съ учениками въ поле и не только показать употребленіе тѣхъ или другихъ геодезическихъ приборовъ, но и въ дѣйствительности исполнить извѣстную практическую работу со всѣми подробностями. Для такихъ практическихъ занятій могутъ быть выбираемы послѣ-обѣденные часы и праздничные дни... Отъ учениковъ нужно требовать вполнѣ аккуратнаго и правильнаго выполненія всѣхъ чертежей: это будетъ помогать и самому усвоенію геометріи. Въ виду этого каждый ученикъ долженъ имѣть на рукахъ готовальни. Согласно указаніямъ программы для сельскихъ 2-хклассныхъ училищъ М. Н. Пр., утвержденной 31-го мая 1860 года, по геометріи должны быть сообщены: „главныя основанія планиметріи и съемка плановъ"; поэтому учитель долженъ избѣгать всѣхъ теоремъ и задачъ, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ

землемѣрію и черченію, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать, чтобы работы по землемѣрію и черченію въ свою очередь исполнялись не механически, а обусловливались и доказывались извѣстными теоретическими соображеніями. Что-же касается отдѣловъ: объ опредѣленіи длины окружности и площади круга, объ опредѣленіи поверхностей и объемовъ нѣкоторыхъ тѣлъ, то эти отдѣлы введены въ курсъ 2-хклассныхъ училищъ потому, что самая жизненная обстановка предъявляетъ требованія къ разрѣшенію указанныхъ вопросовъ; но способы рѣшенія ихъ должны быть выражены въ видѣ практическихъ правилъ, а не вытекать изъ ряда сложныхъ и не всегда доступныхъ пониманію учащихся разсужденій".

„Руководствомъ для учениковъ можетъ быть рекомендована „Геометрія для уѣздныхъ училищъ проф. Давидова" и для учителя: „Курсъ черченія въ начальныхъ школахъ и атласъ чертежей къ нему Савенко" или „Азбука графической грамотности Корнакова", 85 к., изд. 1897 г."—Къ этимъ пособіямъ слѣдовало-бы прибавить: „Краткій курсъ геометріи" Вулиха и „Начальный курсъ геометріи для уѣздныхъ и городскихъ училищъ" Малинина, такъ какъ эти руководства, очевидно, имѣлись въ виду при составленіи программы, и, кромѣ того, они дали бы значительное количество практическихъ задачъ, необходимыхъ при прохожденіи курса.

Справедливость требуетъ сказать, что съѣздъ инспекторовъ Пермской губ. къ составленію программы отнесся весьма внимательно, и несмотря на то, что былъ связанъ формальною программою 31 мая 1869 года—1) весьма правильно отвелъ должное вниманіе стройному изложенію ряда теоремъ, примѣнительно къ развитію и пониманію учащихся, поставивъ цѣлью преподаванія геометріи пріученіе учащихся къ стройному и послѣдовательному изложенію мыслей и сообщеніе имъ полезныхъ практическихъ свѣдѣній по землемѣрію и черченію, и 2) исполненіе работъ по землемѣрію и черченію обусловилъ доказательствомъ извѣстными теоретическими соображеніями, изгнавъ такимъ образомъ механическое усвоеніе знаній. Такой взглядъ на преподаваніе геометріи, хотя-бы и элементарной, нельзя не признать правильнымъ и желательнымъ, ибо только при такомъ преподаваніи геометрія, какъ предметъ по преимуществу вліяющій на развитіе мыслительной способности учащихся, принесетъ надлежащую пользу и не будетъ представлять изъ себя матеріала, подлежащаго помѣщенію въ складъ, а головы учащихся не будутъ служить простымъ арсеналомъ для склада этого матеріала.

б) Совершенно не то мы встрѣчаемъ въ программѣ 2-хклас-

сныхъ церковныхъ школъ. Самое заглавіе: „Программа по линейному черченію для 2-хклассныхъ церковно-приходскихъ школъ"— уже указываетъ, въ какомъ объемѣ и направленіи долженъ проходиться курсъ при *одномъ* урокѣ въ недѣлю въ 4-й и 5-й годы обученія. *Въ 4-мъ отдѣленіи* (1 урокъ въ недѣлю) предложено пройти: „Изображеніе точекъ и линій. Прямыя, кривыя и ломанныя линіи. Два свойства прямой. Линейка и ея провѣрка. Черченіе прямыхъ линій съ помощью линейки и отъ руки (съ провѣркою). Измѣреніе прямыхъ линій. Складные измѣрительные приборы. Циркуль и его употребленіе при измѣреніи линій и при раздѣленіи ихъ на части. Линейный масштабъ и его вычерчиваніе. Сложеніе и вычитаніе прямыхъ линій. Увеличеніе прямой въ нѣсколько разъ. Понятіе о параллельныхъ и непараллельныхъ линіяхъ. Линейный уголъ, какъ наклонъ двухъ линій. Черченіе смежныхъ и вертикальныхъ угловъ. Понятіе о перпендикулярѣ. Прямой уголъ. Тупые и острые углы. Отвѣсъ. Вертикальныя, горизонтальныя и наклонныя линіи. Наугольникъ, его повѣрка и употребленіе. Чертежный треугольникъ и его провѣрка. Черченіе параллельныхъ и перпендикулярныхъ линій на бумагѣ при помощи треугольника и линейки. Черченіе окружности и линій, проведенныхъ въ ней. Дѣленіе окружности на 4 равныя части. Дуга окружности. Дѣленіе окружности и дуги на произвольное число частей при помощи циркуля и отъ руки на глазъ. Дѣленіе окружности на градусы, минуты и секунды. Дѣленіе угла на равныя части. Измѣреніе центральныхъ угловъ. Транспортиръ. Построеніе угла, равнаго данному, при помощи дугъ и отъ руки на глазъ. Дѣленіе прямой линіи и даннаго угла на 2 и 4 равныя части при помощи дугъ. Проведеніе перпендикулярныхъ и параллельныхъ линій при помощи дугъ. Отыскиваніе неизвѣстнаго центра окружности или дуги. Понятіе о фигурѣ. Черченіе треугольниковъ. Важнѣйшіе случаи построенія треугольниковъ по даннымъ ихъ частямъ. Построеніе треугольника, равнаго данному. Признаки *) равенства треугольниковъ. Сумма внутреннихъ угловъ треугольника. Черченіе четыреугольниковъ. Четыреугольникъ и его части. Виды четыреугольниковъ. Важнѣйшіе случаи построенія четыреугольниковъ по даннымъ ихъ частямъ. Понятіе о касательной линіи. Черченіе касательныхъ линій. Черченіе могоугольниковъ. Многоугольникъ и его части. Правильный многоугольникъ. Центръ правильнаго многоугольника. Вписанныя и описанныя фигуры. Важ-

---

*) А не условія? (Авт.).

нѣйшіе случаи построенія вписанныхъ и описанныхъ фигуръ по данным частямъ. Вычисленіе длины окружности по данному радіусу. Черченіе равныхъ фигуръ. Понятіе объ отношеніи прямыхъ линій. Понятіе о подобіи фигуръ. Свойства сторонъ подобныхъ фигуръ. Черченіе поперечнаго масштаба. Черченіе подобныхъ фигуръ. Примѣненіе подобныхъ фигуръ къ рѣшенію практическихъ задачъ". *Въ 5-мъ отдѣленіи* (1 урокъ въ недѣлю) назначено: „Понятіе о площади фигуры. Измѣреніе площадей. Понятіе о равновеликихъ фигурахъ. *Практическое* измѣреніе площади прямоугольника, квадрата, параллелограмма, треугольника, трапеціи, правильнаго многоугольника и круга. Понятіе объ измѣреніи площадей неправильныхъ фигуръ. Задачи на вычисленіе площадей. Вертикальныя и горизонтальныя плоскости. Ватерпасъ. Уровень. Повѣрка наугольникомъ перпендикулярности 2-хъ плоскостей. Практическое измѣреніе поверхности и объема прямоугольнаго параллелепипеда, куба, правильныхъ призмъ и пирамидъ. Понятіе о цилиндрѣ, конусѣ и шарѣ. Практическое измѣреніе поверхностей и объемовъ прямого цилиндра, конуса и шара. Задачи на вычисленіе поверхностей и объемовъ тѣлъ. Черченіе сѣтокъ геометрическихъ тѣлъ. Обозначеніе точекъ на мѣстности. Провѣшиваніе и измѣреніе прямыхъ линій на землѣ. Простой эккеръ и его провѣрка. Проведеніе перпендикулярныхъ и параллельныхъ линій на мѣстности. Понятіе о планѣ мѣстности. Съемка плана небольшого участка земли при помощи мѣрной цѣпи и эккера. Черченіе плана мѣстности. — Учебныя руководства — Корнаковъ, Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія, ц. 50 коп. Пособія для учителей: Корнаковъ — Азбука графической грамотности; его-же. — Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ; его же — Приборы и пособія, необходимыя для уроковъ геометрическаго черченія и землемѣрія въ народныхъ школахъ; Вулихъ—Краткій систематическій курсъ геометріи".

Въ объяснительной запискѣ говорится: „Курсъ линейнаго черченія въ 2-хклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ долженъ преслѣдовать, главнымъ образомъ, практическія цѣли, а именно: во 1-хъ, необходимо познакомить учащихся съ важнѣйшими плоскостными формами и научить дѣтей чертить, по извѣстнымъ даннымъ, съ помощью инструментовъ и отъ руки на глазъ, различныя линіи (перпендикулярныя, параллельныя и др.) и фигуры (треугольники, четыреугольники и др.); во-вторыхъ, слѣдуетъ сообщить учащимся практическіе пріемы измѣренія площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ съ помощью измѣрительныхъ приборовъ, и въ 3-хъ,

ознакомить дѣтей съ наиважнѣйшими свѣдѣніями по провѣшиванію и измѣренію линій на землѣ и съемкѣ плана небольшихъ участковъ съ помощью мѣрной цѣпи и простого эккера. Такъ какъ сознательное изученіе курса линейнаго черченія не возможно безъ знанія свойствъ геометрическихъ формъ, то поэтому этотъ курсъ въ 2-хклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ и предлагается вести въ тѣсной связи съ необходимыми свѣдѣніями изъ геометріи, тѣмъ болѣе, что въ общемъ курсѣ этихъ учебныхъ заведеній совсѣмъ нѣтъ этого предмета. Вышеуказанная связь должна выражаться въ томъ, что во все время прохожденія курса линейнаго черченія предлагается сообщать дѣтямъ и тѣ геометрическія теоремы, на основаніи которыхъ дѣлается то или другое построеніе и измѣреніе, но сообщать ихъ, однако-жъ, безъ всякихъ умозрительныхъ доказательствъ относительно свойства линій и фигуръ".

Такимъ образомъ, развитію и совершенствованію разсудочной способности здѣсь не дано мѣста, а все обученіе обусловливается исключительно практическою цѣлью. Но, строго говоря, сомнительно, чтобы и практическая цѣль была достигнута при такомъ маломъ количествѣ времени, которое назначено на прохожденіе курса. Что можно сдѣлать при одномъ урокѣ въ недѣлю въ сельской школѣ, учебный годъ которой, какъ мы уже упоминали, не превышаетъ 150 дней или 25 учебныхъ недѣль, и учащіеся которой весьма часто уроки посѣщаютъ неаккуратно и въ то же время лишены возможности заниматься дома во внѣ-классное время, благодаря семейной и домашней обстановкѣ? Вполнѣ естественно, что при одномъ урокѣ въ недѣлю ученики четвертаго отдѣленія мало пріобрѣтутъ навыка хорошо вычерчивать фигуры, а ученики 5-го отдѣленія по той же причинѣ не въ состояніи будутъ закрѣпить сообщенныхъ имъ правилъ рѣшеніемъ достаточнаго числа практическихъ задачъ. Помимо того, какая цѣль введенія практическаго линейнаго черченія въ курсъ сельской народной школы? Чтобы понять это, нужно обратиться къ той же объяснительной запискѣ, которая перечисляетъ слѣдующіе инструменты, съ которыми она рекомендуетъ знакомить учащихся: „Складной аршинъ, складной метръ, ресмусъ, плотничья черта, шнуръ, отвѣсъ, винкель, кронциркуль, центромѣръ, нутромѣръ, калибромѣръ, наугольникъ, малка, герунокъ",—все предметы, употребляемые мастерами, по преимуществу столярами. Само собою разумѣется, что введеніе такого курса наиболѣе приличествуетъ въ спеціальной ремесленной школѣ, или же, какъ дополнительный предметъ, въ такихъ 2-хклассныхъ училищахъ, въ которыхъ преподается ремесло, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкото-

рыхъ 2-хклассныхъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Въ заключеніе настоящей замѣтки намъ остается пожелать, чтобы программы для 2-хклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, изданныя въ 1869 году, были замѣнены новыми, составленными на основаніи имѣющагося уже многолѣтняго опыта, примѣнительно къ потребностямъ современной сельской жизни.

И. Пактовскій.

---

*) Напр., въ Далматовскомъ, Шадринскаго у. Пермской губ.

Къ вопросу о реформѣ правописанія.

За послѣднее время выдвинулся сначала въ публицистикѣ, а потомъ и среди лингвистовъ вопросъ о замѣнѣ существующаго правописанія новымъ, болѣе простымъ и пригоднымъ. Этотъ вопросъ не является новымъ. Онъ возникъ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ „Филологическихъ разысканіяхъ" Грота указаны и тѣ два теченія, которыя были замѣтны въ рѣшеніи этого вопроса. Одни предлагали замѣнить русскій алфавитъ латинскимъ, а другіе указывали на возможность сохраненія алфавита, при условіи исключенія лишнихъ буквъ: ѣ, ъ, ь, ѳ. ѵ. Въ настоящее время никто, кромѣ проф. Брандта, не говоритъ о замѣнѣ русскаго алфавита латинскимъ, но за то болѣе настойчиво раздаются голоса объ исключеніи лишнихъ буквъ. За устраненіе изъ алфавита перечисленныхъ буквъ приводятся разнообразныя основанія. Въ этой статьѣ мы и постараемся оцѣнить положенія противниковъ традиціоннаго правописанія.

Вопросъ этотъ разсматривается прежде всего съ чисто практической стороны, и поэтому на первый планъ выставляются соображенія педагогическаго характера. Указываютъ на то, что будто-бы общепринятое правописаніе съ трудомъ усваивается учащимися, и что будто, изъ-за условнаго пониманія грамотности, многіе учащіеся лишаются возможности продолжать образованіе, и наконецъ, успѣвающіе ученики безполезно тратятъ время въ ущербъ другимъ знаніямъ изъ-за пріобрѣтенія навыковъ къ правописанію. Согласиться съ этимъ нельзя. Вопросъ о правописаніи слѣдуетъ считать вопросомъ научнымъ, входящимъ въ составъ грамматики, и при томъ не въ одинъ какой либо отдѣлъ ея, а во всѣ, что имѣетъ особенно важное значеніе. Поэтому и должно разсматривать его съ точки зрѣнія указанной науки. Если грамматика въ силу собственныхъ законовъ найдетъ ложными принципы правописанія, то только при этомъ условіи возможно разбираться въ указанныхъ вопросахъ и съ чисто педагогической точки зрѣнія. Между тѣмъ вопросъ этотъ изъ области чистой науки исключается и переходитъ, какъ рѣшенный,

въ область педагогики. Замѣчательно, что подобной постановки нѣтъ въ какихъ-либо другихъ наукахъ. Никто изъ ученыхъ физиковъ не будетъ говорить объ исключеніи изъ его спеціальности отдѣла о видахъ энергіи—кинематической и динамической—на основаніи трудности усвоенія этого отдѣла; ни одинъ историкъ не рѣшится выключить изъ курса своей науки удѣльное время изъ-за обилія именъ и хронологическихъ датъ. Стало быть, указанная точка зрѣнія не выдерживаетъ критики.

Теперь посмотримъ, насколько основательны жалобы на трудность общепринятаго правописанія. Безъ труда не дается никакого знанія, и нѣтъ ни одной науки, усвоеніе которой исключало бы возможность умственной работы. Требуется только, чтобы трудъ былъ цѣлесообразенъ и разуменъ. Указанному условію въ большинствѣ случаевъ удовлетворяютъ правила и законы правописанія. Трудъ изученія правописанія цѣлесообразенъ, ибо, благодаря ему, мы научаемся писать слова, и каждый понимаетъ и читаетъ написанное такъ-же, какъ понимаетъ и читаетъ написавшій. Изученіе правописанія является вмѣстѣ съ тѣмъ и разумнымъ. Между различными орѳографическими правилами существуетъ связь; напр., если „ѣ“ пишется въ неопредѣленномъ наклоненіи и прошедшемъ времени изъявительнаго наклоненія, то оно сохраняется и во всѣхъ производныхъ словахъ; если основа существительнаго оканчивается на „н“, то производныя прилагательныя имѣютъ окончаніе „нный“—камень — каменный; „ъ“ не пишется послѣ согласныхъ, въ составѣ которыхъ имѣется j: „ножка“ „ручка“. Если-же грамматическія правила можно объяснять и выводить одно изъ другого, то, стало быть, они имѣютъ одинаковую цѣнность съ данными другихъ наукъ: алгебры, естествовѣдѣнія, исторіи и т. п., ибо раскрытіе и уясненіе этихъ правилъ подчиняется общимъ законамъ мышленія, а отсюда уже безспорно и развивающее дѣйствіе орѳографіи.

Что-же касается усвоенія правилъ орѳографіи о лишнихъ буквахъ ѣ, ъ, ь, ѳ, ѵ, то эту предполагаемую трудность надо въ значительной степени ослабить.

Коренныя слова съ буквой „ѣ“ учениками запоминаются очень легко, чему отчасти способствуетъ то, что звукъ, обозначаемый буквой „ѣ“, имѣетъ особенный оттѣнокъ во всѣхъ трехъ говорахъ: великорусскомъ, бѣлорусскомъ и малорусскомъ. Затѣмъ, память въ дѣтскомъ возрастѣ отличается особенной гибкостью и интенсивностью, что значительно облегчаетъ запоминаніе указанныхъ словъ. Усвоеніе правилъ на эту букву нисколько не труднѣе усвоенія другихъ орѳографическихъ правилъ. Даже болѣе того, учащіеся чаще допускаютъ ошибки противъ самыхъ простыхъ правилъ; поэтому въ

диктантахъ на ряду съ погрѣшностями противъ „ѣ" часты ошибки въ употребленіи сомнительныхъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ; ученикъ пишетъ вмѣсто „спаленная" „сполонная", „пажаромъ" вмѣсто „пожаромъ", „одданна" вмѣсто „отдана" „боевые схвадки" вм. боевыя схватки". Замѣчательно, что перечисленные случаи ошибокъ учениками такъ-же легко сознаются и исправляются, какъ ошибки въ написаніи словъ: „пленъ", „безъ", „дело", „врѣмя", и т. п. Въ другихъ случаяхъ ошибки въ употребленіи „ѣ" сознаются гораздо труднѣе, чѣмъ въ предыдущихъ, и очень часто требуется помощь учителя. Таковы написанія словъ „разуменіе", „терпеніе", „сражѣніе", „хождѣніе". Этимъ ошибкамъ аналогичны случаи неправильнаго написанія, напр., „нный" въ отглагольныхъ прилагательныхъ, „прожаренное мясо" вмѣсто „прожареное мясо", „вычищенная посуда" вмѣсто „вычищеная посуда", или соединенія отрицанія „не" съ причастіями и прилагательными, напр., „дѣло" нетерпящее (вмѣсто „не терпящее) отлагательствъ „человѣкъ, незнающій (вм. не знающій), куда пойти".

Изъ сказаннаго видно, что ошибки въ употребленіи буквы „ѣ" бываютъ двухъ родовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда правописаніе слова опирается непосредственно на память (плѣнъ, бѣсъ, дѣло, и т. п.), или когда правило выводится просто безъ посредства другихъ, напр., „кѣмъ", въ „комнатѣ", въ „дѣлѣ", тогда и употребленіе буквы „ѣ" для ученика является простымъ. Та-же самая буква кажется болѣе трудною, если правило употребленіе ея выводится логически, при посредствѣ другихъ: для того, чтобы правильно написать ученику, положимъ, слово „имѣніе", ему нужно припомнить, 1) что это слово происходитъ отъ глагола, 2) что въ неопредѣленномъ наклоненіи слышится звукъ „е", и 3) тотъ-же звукъ „е" имѣется и въ прошедшемъ времени, и 4) слѣдовательно слово „имѣніе" надо писать черезъ „ѣ" въ первомъ случаѣ, потому что черезъ „ѣ" пишутся всѣ тѣ слова, которыя произошли отъ глаголовъ, имѣющихъ звукъ „е" въ неопредѣленномъ наклоненіи и прошедшемъ времени. Сложность логическихъ пріемовъ и трудность формулировки правила дѣлаютъ букву „ѣ" въ этомъ случаѣ дѣйствительно трудною. Противники традиціоннаго правописанія въ особенности сильно ратуютъ за разумность правописанія. Но оказывается, что узаконенная безграмотность въ правописаніи словъ: „бремя", „песокъ", „семья", идущая въ разрѣзъ съ фонетикой языка и поэтому не опирающаяся ни на какое правило, легко запоминается ученикомъ, тогда какъ логическіе выводы, несмотря на свою математичность, являются весьма трудными.

Твердый и мягкій знаки — „ъ" и „ь" представляютъ для уче-

ника очень мало трудностей по сравненію съ буквой „ѣ“. Ошибки въ употребленіи этихъ буквъ объясняются діалектологическими особенностями пишущихъ. Изрѣдка смѣшеніе этихъ буквъ встрѣчается въ личныхъ окончаніяхъ глаголовъ, — „пишешъ“, „слышишъ“, „будуть“, „придеть“ и въ именахъ существительныхъ послѣ шипящихъ „лучь“, „вещь“, „ночь“, „мечь“. Бѣлоруссы „ъ“ ставятъ въ концѣ слова послѣ буквы „р“: — „звѣръ“, „дверъ“, „писаръ“, на томъ-же основаніи, на какомъ пишутъ радъ вм. „рядъ“, „румка“ вм. „рюмка“, „порадокъ“ вм. „порядокъ“ и т. п. У начинающихъ учиться грамотѣ буква „ъ“ пользуется весьма широкимъ употребленіемъ. Намъ не разъ приходилось наблюдать такое письмо, при которомъ эта буква писалась въ концѣ слова послѣ гласнаго звука, или въ срединѣ какого-либо слога: „къногаъ“, (книга) „сътѣнаъ“ (стѣна) „окъноъ“ (окно) и т. п. Буква ъ такъ же, какъ и „ѣ“, имѣетъ и свои трудности. Сочетаніе „ъи“, переходящее по гротовскому правописанію въ „ы“, очень часто въ диктантахъ не измѣняется. Ученикъ пишетъ: объискать (обыскать), разъиграть (разыграть) и т. п. Труднымъ представляется для нихъ и соединеніе слова „полъ“ съ различными существительными вслѣдствіе неодинаковости сліянія этого слова; такъ, передъ слѣдующей согласной „л“ и передъ гласной „полъ“ пишется съ „ъ“, а во всѣхъ другихъ случаяхъ безъ ъ: „полъ-листа“, „полъ-лота“, „полъ-аршина“, „полъ-имѣнія“, но полсажени, полдерева, полчаса и т. п. Употребленіе буквъ „ф“ и „ѳ“ представляетъ дѣйствительныя трудности для учащихся. Замѣчательно, что, напр., слова „фарисей“, „Ѳеофилъ“, „Финалъ“, „Ѳерапонтъ“, „графика“ и т. п. они не напишутъ, не спросивши у учителя, какъ писать эти слова, черезъ „ф“ или „ѳ“. Въ другихъ-же случаяхъ они гораздо рѣже задаютъ вопросы. Ижица (ѵ) Гротомъ уже исключена и поэтому не вызываетъ никакихъ недоразумѣній.

На лишнихъ буквахъ мы сочли своимъ долгомъ подробнѣе остановиться потому, что противъ нихъ болѣе всего высказываются голоса въ печати; между тѣмъ упускаются изъ виду трудности, болѣе серьезныя, но не имѣющія отношенія къ перечисленнымъ буквамъ. Постараемся указать и то, о чемъ не говорятъ сторонники фонетическаго письма. Для примѣра возьмемъ морфологію, оставивъ въ сторонѣ фонетику. Въ правописаніи существительныхъ особенную трудность имѣютъ слова съ суффиксами „чикъ“ и „щикъ“ („приказчикъ“, „пильщикъ“, „стекольщикъ“, „извозчикъ“, „поручикъ“), „енька“, „ушка“, „ышко“, „икъ“ и „екъ“. Надо писать дяденька, тетенька, Ѳеденька, крылышко, воробушекъ, часочекъ, листочекъ, а произносятъ „дядинька“, „тетинька“, „Колинька“, „воробышекъ“, „часочикъ“. „листочикъ“. Въ прилагательныхъ нелегко разграничи-

ваются окончанія положительной степени „ой" и „ый". То же слѣдуетъ замѣтить и объ употребленіи суффикса „скій". При основахъ на „т" и „к" допускаются двѣ варіаціи этого суффикса: скій и цкій: „кадетскій", „казацкій", „полоцкій", „иркутскій". Сравнительная степень на „ѣе" смѣшивается съ среднимъ родомъ положительной степени „синѣе" и „синее". Падежныя окончанія притяжательныхъ мѣстоименій „его" „ему" смѣшиваются съ окончаніями прилагательныхъ мягкаго склоненія „яго", „яму" и наоборотъ: „мояго", „твояму", „синего", „дальнего". Весьма часты также случаи смѣшенія мѣстоименій „нѣкто", „никто" и „не кто". Въ правописаніи глаголовъ нерѣдки ошибки въ смѣшеніи соединительныхъ гласныхъ глагольныхъ примѣтъ „е" и „и" „разкажишь" (разскажешь), „думаитъ", а также въ слитномъ и раздѣльномъ употребленіи предлоговъ съ глаголами („при ходить", „при нести"). Трудно усвояется также правописаніе суффиксовъ, „ыва", „ива", „ова", „ева", вслѣдствіе ихъ связи съ окончаніемъ 1 лица: „разыскиваю", „бесѣдовать", „бесѣдую" и т. п. Въ причастіяхъ прошедшаго времени страдательнаго залога, возможны два окончанія 1) „анный" („янный") и 2) „енный". Изъ двухъ формъ обвѣшенный и обвѣшанный орѳографически правильною можетъ быть признана только одна. Правила о слитномъ правописаніи нарѣчій отличаются особенной неустойчивостью, объясняемою отсутствіемъ опредѣленныхъ принциповъ: „вслѣдствіе" пишется вмѣстѣ съ предлогомъ, а „въ виду" отдѣльно, „навстрѣчу" вмѣстѣ, а „въ погоню" отдѣльно, „на разсказъ" отдѣльно, а „наизусть" вмѣстѣ: „по-русски", „по-гречески", „за-границу" надо писать съ соединительной черточкой. Конечный согласный предлоговъ „без" и „чрез" фонетически ничѣмъ не отличается отъ окончаній въ предлогахъ „раз", „воз", „из", „низ", но въ двухъ первыхъ никогда „з" не переходитъ въ „с". „По этому", употребляемое въ качествѣ мѣстоименія, пишется отдѣльно отъ предлога, а союзъ „поэтому" пишется вмѣстѣ. То-же самое надо сказать и относительно словъ „по тому что", и „потому что".

Отличаются эти указанныя части рѣчи другъ отъ друга не на основаніи грамматическаго принципа, а логическаго. Если мы примемъ во вниманіе частные случаи правописанія отдѣльныхъ словъ: „мачеха", „колачъ", „поромъ", „вожжи", „итти", „метель", „серебряный" и многихъ другихъ, приведенныхъ въ орѳографическомъ указателѣ Грота и разнящихся въ своемъ произношеніи отъ правописанія, то придемъ къ тому выводу, что русское правописаніе отличается большой сложностью, и эта сложность почти не уменьшится, если выпустимъ изъ алфавита лишнія буквы ѣ, ъ и ь. Да и можно-ли на

основанiи педагогическихъ соображенiй упрощать какую-либо науку, вслѣдствiе ея сложности?

Наше русское правописанiе основывается на трехъ принципахъ: фонетическомъ, этимологическомъ и историческомъ. Орѳографiя словъ гдѣ (КЪДЕ), здѣсь (СЬДЕ), здоровъ (СЪДРАВЪ), цыфра, гибнуть (ГЫБНОУТИ), кольцомъ, лицомъ, (КОЛЬЦЕМЪ, ЛИЦЕМЪ) и многихъ другихъ основывается на фонетическомъ принципѣ. Одно слово отдѣляется отъ другого на основанiи этимологическаго (грамматическаго) принципа. На основанiи того же принципа въ словахъ „лучъ", „мечъ", „лещъ" мы пишемъ окончанiе ъ, а не ь. Грамматикой же руководимся мы и при соединенiи предлоговъ съ глаголами и при раздѣльномъ написанiи предлоговъ отъ существительныхъ.

По традицiи, основываясь на историческомъ принципѣ, мы пишемъ „ѣ" въ окончанiяхъ дательнаго и предложнаго падежей, ѣе—въ сравнительной степени, ь въ 2-мъ лицѣ единственнаго числа, ый въ окончанiяхъ прилагательныхъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Противники традицiоннаго правописанiя указываютъ на произвольность этихъ принциповъ и на невозможность установить для нихъ особые законы. Въ аналогичныхъ случаяхъ примѣняются, по ихъ мнѣнiю, то одинъ, то другой принципъ. Для устраненiя этого произвола въ правописанiи многiе ученые лингвисты рекомендуютъ пользоваться исключительно фонетическимъ принципомъ, указывая при этомъ на его легкость и скорую усвояемость.

Изъ понятiя слова „фонетическiй" вытекаетъ, что буквы того письма должны соотвѣтствовать природѣ звука. Если-же это такъ, то количество буквъ въ алфавитѣ должно быть громаднымъ. Звуки русскаго языка отличаются той особенностью, что они могутъ быть и мягкими (палатальными) и твердыми, иначе говоря, одни изъ нихъ стремятся принять въ произношенiи небный оттѣнокъ (мягкiе), а другiе губной (твердые).

Это надо сказать какъ относительно гласныхъ, такъ и согласныхъ. Въ настоящемъ алфавитѣ для мягкихъ и твердыхъ гласныхъ звуковъ имѣются особыя буквы. Но о согласныхъ этого нельзя сказать. Поэтому для того, чтобы письмо было фонетическимъ, надо обозначить особыми знаками-буквами и твердые согласные звуки и мягкiе. Такимъ образомъ, для буквъ „б", „в", „г", „д", и т. п. должно быть по два обозначенiя. Что это дѣйствительно такъ, обратимся къ звуковому анализу какого-либо слова. Возьмемъ слово „раннiй". Въ этомъ словѣ первое „н" слышится очень мягко. Палатальность этого звука не зависитъ отъ предыдущаго гласнаго „а", ибо этотъ гласный твердый, и не обусловливается послѣдующимъ

„и“, такъ какъ онъ не находится въ сосѣдствѣ съ нимъ. Въ словѣ „дождь“ слышно два звука „ж“, но оба они неодинаковаго качества; въ словѣ рабство „б“ по произношенію приближается къ „п“, но нетожественно съ нимъ.

Простое наблюденіе надъ природой согласныхъ звуковъ указываетъ на несоотвѣтствіе ихъ буквамъ и на двойное количество ихъ. Научные же эксперименты еще болѣе увеличиваютъ число согласныхъ. Въ актѣ произношенія звука замѣчаются три процесса: смычка голосового аппарата, взрывъ звука и размычка. Каждый изъ этихъ трехъ процессовъ въ различныхъ случаяхъ бываетъ неодинаковъ и не равняется самому себѣ. Въ словѣ „конь“ „смычка голосового аппарата“ должна состоять въ придачѣ къ звуку „к“ нѣкотораго придыханія, нечувствительнаго для говорящаго и слушающаго, потому что придыханіе является свойствомъ каждаго начальнаго звука въ словѣ. Въ словѣ „книга“ размычка, при произношеніи звука „к“, другого характера, чѣмъ въ словѣ „конь“, что зависитъ отъ вліянія на этотъ звукъ звука „н“, находящагося рядомъ съ нимъ. Въ словѣ „искра“ „к“ имѣетъ въ своемъ произношеніи уже новый оттѣнокъ, такъ какъ оно находится въ серединѣ слова между согласными. Здѣсь смычка и размычка должны быть менѣе замѣтны, благодаря вліянію сосѣднихъ согласныхъ, но за то долженъ быть сильнѣе взрывъ звука. Что сказано относительно звука „к“, то же надо сказать и о всѣхъ согласныхъ звукахъ. Неодинаковость произношенія одного и того же согласнаго звука у одного и того же лица ученые лингвисты доказали, благодаря возможности записывать колебанія звука на особо приготовленныхъ чувствительныхъ пластинкахъ. Кривыя отъ одного и того же звука „к“, „п“, „н“ и т. п. различны.

Въ томъ же убѣждаетъ насъ и сравнительное языковѣдѣніе. Санскритскій звукъ „к“ является родоначальникомъ звуковъ к, ц и с. καρδία, cor, СРЬДЦЕ, δέκα, decem, десять, ἕκατον, centum, съто. Произошли эти звуковыя новообразованія вслѣдствіе неодинаковости произношенія звука „к“ въ санскритѣ, имѣвшаго троякій оттѣнокъ. Въ однихъ случаяхъ этотъ консонантъ звучалъ, какъ сильно гортанный звукъ и произносился задней частью задней части языка, и поэтому онъ имѣлъ оттѣнокъ, подобный старославянскому „к“ въ словѣ „КЫЕВЪ“. Изъ санскритскаго „khas“ (къто) явилось quis, въ славянскомъ КЫЙ. Въ другихъ случаяхъ онъ произносился безъ всякаго оттѣнка; органомъ его произношенія была средняя часть задней части языка. Примѣромъ такого произношенія можетъ служить звукъ „к“ въ словѣ „конь“. Наконецъ к имѣло и третье очень мягкое, палатальное произношеніе, неизвѣстное славянскому языку и

его нарѣчіямъ. Это мягкое „к“ имѣется въ литовскомъ языкѣ и соотвѣтствуетъ звуку к въ иноземномъ словѣ „Кяхта“. Различные оттѣнки произношенія одного звука послужили причиной тому, что изъ звука f возникъ д (fumus—дымъ), изъ r—s и затѣмъ х(„auris“, „ausis“. „Ohr“, „ухо“, „nurus“—„снъха“

Если мы обратимъ вниманіе на произношеніе гласныхъ звуковъ, то увидимъ и еще большее колебаніе въ произношеніи ихъ. Характеръ гласнаго звука въ весьма сильной степени зависитъ отъ того, въ какомъ положеніи онъ находится въ отношеніи къ ударенію. Чѣмъ гласный стоитъ дальше отъ ударяемаго звука, тѣмъ онъ менѣе ясенъ. Въ словѣ „потолокъ“ ударяемымъ является первый съ конца слогъ; оба „о“, находящіеся впереди ударяемаго „о“,—глухіе звуки. Ясность „о“, входящаго въ составъ третьяго слога, чувствуется въ меньшей степени, чѣмъ второго „о“. Это первое о является наиболѣе глухимъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ три „о“ въ одномъ и томъ же словѣ, неодинаковыхъ по своему характеру, три о, неравные себѣ. Съ точки зрѣнія фонетическаго принципа эти три „о“ должны имѣть свое собственное обозначеніе. Если для каждаго основного гласнаго звука „а“, „е“, „і“, „о“, „у“, „ы“, „ю“, „я“ примемъ по три обозначенія, то у насъ получится 24 буквы для однихъ гласныхъ. Прибавивъ къ этому количеству втрое большое количество согласныхъ, вмѣсто 20 — 60, мы получимъ въ общемъ 84 буквы. Понятно, что, при такомъ громадномъ числѣ буквъ, правописаніе сдѣлается во много разъ труднѣе современнаго, и все-же его нельзя будетъ назвать идеальнымъ, ибо этихъ 84 буквъ недостаточно для передачи всѣхъ оттѣнковъ человѣческой рѣчи. Доказательство этого мы можемъ видѣть въ малограмотномъ письмѣ, каковое, въ особенности у лицъ, не получившихъ школьнаго образованія, является до нѣкоторой степени фонетическимъ. Но что же мы замѣчаемъ въ этомъ малограмотномъ письмѣ? Несмотря на ограниченное количество буквъ, письмо различныхъ неграмотныхъ людей по характеру ошибокъ отличается: въ одной и той же диктовкѣ, написанной малограмотными, будутъ различныя ошибки, зависящія у нихъ отъ того, что звукъ и буква, принятыя для его обозначенія, въ произношеніи пишущаго не являются тожественными. Вѣрность нашего положенія подтверждается и тѣмъ, что слова, безспорныя въ произношеніи, безъ сомнительныхъ согласныхъ и гласныхъ, малограмотными пишутся правильно, напр., „домъ“, „рука“, „ты“, „онъ“ и многія другія. Между тѣмъ въ другихъ случаяхъ одинъ напишетъ — „чесы“, другой „часы“, одинъ весна другой—висна, третій „вясна“ и т д. Въ неодинаковости написанія одного и того же слова сознаются и сами защитники фонетическаго

письма. Въ „Лекціяхъ по исторической грамматикѣ“ г. Брандта для одного и того же слова имѣется по нѣскольку написаній 'вєр'х, 'вӓрх, (верхъ) мєтш, мєтш, (мечь) лєштш, 'лєштш, '.лє́ш'ш, (лещъ), сӓм, 'сєм, (сємь) и т. п. Слѣдовательно нужно придти къ тому выводу, что не можетъ быть полнаго соотвѣтствія между произношеніемъ слова и написаніемъ его. Начертаніе слова, при какомъ угодно письмѣ, всегда будетъ походить до нѣкоторой степени на символъ произносимаго слова. Фонетическое письмо ученыхъ лингвистовъ не совпадаетъ между собою, что объясняется тѣмъ, что принципы для этого письма не выработаны. Выработанность, если-бы она состоялась, указывала бы на ту же условность, которою характеризуется гротовское правописаніе, и создала бы свою теорію правописанія. Во всякомъ случаѣ правописаніе фонетическое, имѣющееся въ научныхъ трудахъ филологовъ, очень трудное. У г. Брандта въ его исторической грамматикѣ имѣется множество обозначеній для глухихъ гласныхъ и для различныхъ согласныхъ, такъ что даже къ чтенію его примѣровъ надо пріобрѣсти привычку.

Сторонники фонетическаго принципа указываютъ на то, что и традиціонное правописаніе выработалось изъ фонетическаго письма, и что самые законы правописанія явились санкціонированіемъ фонетики. Положеніе это безспорно. Но защитники этого письма забываютъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ развивалось древнерусское правописаніе. Въ прежнее время, у насъ не было литературнаго языка. Языкъ простого народа и языкъ образованныхъ людей совпадали между собою. Въ этомъ легко убѣдиться изъ сравненія различныхъ древнерусскихъ памятниковъ, а въ особенности юридическихъ грамотъ. Поэтому языкъ образованныхъ людей того времени въ своемъ развитіи подчинялся тѣмъ-же законамъ, что и языкъ вообще народа, и самое правописаніе развивалось параллельно съ развитіемъ языка. Совсѣмъ другое надо сказать о развитіи литературнаго языка. Этотъ языкъ является отчасти искусственнымъ, и развитіе его отличается своеобразностью. Въ немъ очень много особенностей, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка: таковы причастныя формы на щій, вшій, никѣмъ не употребляемыя въ устной рѣчи, окончанія прилагательныхъ на ый, противорѣчающія древне-русскому и современному народному ой, смягченіе д въ жд и т въ щ: одежда, вмѣсто одежа, надежда (надежа), вождь (вожь), пещера и т. п. Литературный языкъ поэтому является какъ бы мертвымъ и окаменѣлымъ въ своихъ грамматическихъ формахъ, каковыя являются одинаковыми, какъ во времена Ломоносова, такъ и теперь. Ростъ литературнаго языка и его развитіе касается только лексической

стороны. Вслѣдствіе устойчивости этимологическихъ формъ такой же устойчивостью должно отличаться и правописаніе.

Указываютъ, что наше теперешнее письмо не передаетъ характера рѣчи, и поэтому историки русскаго языка впослѣдствіи окажутся въ весьма затруднительномъ положеніи, ибо они не будутъ знать, какъ мы говорили. Возраженіе это нельзя считать серьезнымъ. Будущее никому неизвѣстно, поэтому и гадать о немъ трудно. Затѣмъ, и фонетическое письмо, если-бы оно было введено, дало-бы историку матеріалъ весьма неустойчивый, на основаніи котораго трудно было-бы судить о произношеніи, положимъ, въ XIX вѣкѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, фонетическое письмо находилось-бы въ зависимости отъ принадлежности пишущаго къ тому или другому говору. Говоры-же раздѣляются на отдѣлы, а послѣдніе—на подотдѣлы. Пишущій эти строки родомъ изъ Вологодской губерніи и, руководствуясь фонетическимъ принципомъ, сталъ-бы писать „здись" (здѣсь), „нонѣ" (нынѣ), „думау". Сибирякъ писалъ-бы „астровъ", „сялъ", „исти" (итти) „взясть" (взять). У вятича, пермяка, кіевлянина и т. п. были-бы свои особенности Слово „идти", напримѣръ, писалось бы „идти", „исти", „идьтить". Но въ общемъ письмо каждаго въ отдѣльности не отражало-бы вполнѣ говора пишущаго. Этому препятствовало-бы вліяніе литературнаго письма и говора. Историкъ русскаго языка, поэтому, и оказался-бы въ затруднительномъ положеніи и въ концѣ концовъ ему пришлось-бы изслѣдовать все-таки произношеніе литературнаго языка, на характеръ котораго въ высшей степени сильно вліяетъ книжный языкъ.

Изъ сказаннаго мы убѣждаемся, что, во-первыхъ, имѣются недостатки въ нашемъ традиціонномъ правописаніи, и, во-вторыхъ, недостатковъ нельзя устранить и изъ предполагаемаго фонетическаго письма. Но вѣдь недостатки существуютъ не въ одной только грамматикѣ. Возьмемъ самую несомнѣнную для мышленія науку геометрію. И что-же мы видимъ? Геометрія Евклида совсѣмъ не соотвѣтствуетъ природѣ вещей. Прямой линіи, изученіе которой положено въ основу этой науки, въ природѣ нѣтъ, вслѣдствіе шарообразности земли, а слѣдовательно, прямая линія есть фикція нашего мышленія. Но это нисколько не мѣшаетъ существованію геометріи. Ученые историки стараются найти и понять смыслъ историческихъ событій. Но въ виду противорѣчивости между собою различныхъ событій стремленіе ихъ понять исторію остается тщетнымъ. Грамматика, а, стало быть, и отдѣлъ ея о правописаніи, благодаря своему несовершенству, находится въ гармоніи со всѣми другими науками. Сторонники фонетическаго письма не въ состояніи указать идеальнаго правописанія и у другихъ европейскихъ народовъ. Англійское правописаніе отличается такими трудностями, до которыхъ далеко нашему письму.

Буква „a“ у нихъ произносятся то какъ а, то какъ э, то какъ о, то какъ эй („all“—олль, „many“—мэни, „tale“—тэйль, „man“—ман); і произносится двояко: какъ і и ай. По англійски будто-бы фамилію Шекспира можно писать на 130 ладовъ. Если это и анекдотъ, то онъ характеризуетъ состояніе правописанія. Почти то же надо сказать и о французскомъ правописаніи; между написаніемъ слова „eaux“ (вода) и произношеніемъ его—соотвѣтствіе маленькое. Нѣмецкое правописаніе, приближающееся къ фонетическому, имѣетъ два знака для начертанія звука і—і и ie (mir, Dieb), два начертанія для т—t и th (Thier, reiten); ш выражается различно, то какъ sch (schön), то какъ sp (spät); st (Stadt), x обозначается и какъ „ch“ и какъ „h“; „е“ пишется и какъ „е“ и какъ „ä“, „h“ иногда не произносится („Ehre“—колосъ). Слово „Brandt“ произносимое какъ Brant, ни одинъ нѣмецъ не можетъ написать безъ d. Въ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, польскомъ и чешскомъ, между выговоромъ и правописаніемъ очень мало соотвѣтствія.

Предположимъ, что фонетическій способъ правописанія передаетъ характеръ звука. Но достаточно-ли этого? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно въ виду важнаго значенія грамматическаго принципа, который также долженъ быть положенъ въ основу письма. Съ точки зрѣнія фонетическаго письма не можетъ быть и рѣчи о раздѣльномъ письмѣ. Въ разговорной рѣчи одно слово такъ быстро слѣдуетъ за другимъ, что оно кажется какъ-бы соединеннымъ съ нимъ. Въ особенности это надо сказать о предлогахъ и нарѣчіяхъ, относящихся къ именамъ существительнымъ, прилагательнымъ и мѣстоименіямъ. Выраженія „при комъ“, „въ чемъ“, „въ гору“ для слуха представляются однимъ словомъ. Что это дѣйствительно такъ, мы можемъ сослаться на собственныя наблюденія. При занятіяхъ съ начинающими учиться грамотѣ нами обращалось вниманіе на выдѣленіе учащимися изъ связной рѣчи, изъ какого-либо коротенькаго предложенія отдѣльныхъ словъ. Зачастую намъ приходилось замѣчать, что начинающій учиться грамотѣ принималъ за одно слово два. Да и на самомъ-то дѣлѣ отдѣльное слово не существуетъ: оно есть грамматическая фикція. Слово имѣетъ смыслъ и значеніе только въ связи съ другими. Поэтому-то въ нашемъ русскомъ правописаніи очень долго и господствовало сплошное, такъ называемое уставное письмо. Съ другой стороны, если мы внимательно будемъ слѣдить за своей рѣчью, то замѣтимъ, что иногда въ устномъ произношеніи одно и то же слово представляется для слуха двумя словами. Въ выраженіи „непріятель проситъ пощады“ въ послѣднемъ словѣ „пощады“ чувствуется какъ-бы два слова: „по“ и „щады“. Въ особенности это надо сказать о словахъ съ двумя грамматическими ударе-

ніями (каковыми надо считать всѣ многосложныя слова). По указаннымъ соображеніямъ необходимость грамматическаго принципа въ правописаніи становится очевидною. Затѣмъ, при фонетическомъ письмѣ написаніе одного и того-же слова въ различныхъ его формахъ настолько разнится, что двѣ формы одного слова легко принять за два отдѣльныхъ слова: лафка—лавокъ, гара—горъ, жысть—жизни, груть—груди. Слова, составляющія одно семейство, вслѣдствіе происхожденія ихъ отъ одного корня, при фонетическомъ письмѣ будутъ настолько сильно различаться по начертанію, что потеряютъ видимую связь между собою: боюсь, баяцца (бояться), боесливой (боязливый), вадобыясь (водобоязнь), ель, поука (ёлка), вечеръ и фчо́ра (вчера), хресъ—крестить и т. п. Это въ свою очередь задачу изученія русскаго языка сдѣлаетъ трудною не только для иностранцевъ, но и для русскихъ. Кто можетъ сказать, что слова: хто (кто) и фкомъ (въ комъ), сатъ и сады, быу (были) одного и того-же значенія? Не правда-ли, что между приведенными выше чисто русскими словами такое-же соотвѣтствіе, какъ между: „Tochter“ и „дочь“, „dormio“ и „дремлю“, „socer“ и „свекоръ“, „pes“ и „пѣхота“? Отъ этого ненужнаго и вреднаго для языка искаженія можетъ предохранить исключительно только грамматическій принципъ правописанія. При существующемъ грамматическомъ способѣ письма очень легко узнавать различныя формы одного и того-же слова, потому что существуетъ въ грамматикѣ правило о неизмѣнности основы слова. Въ фонетическомъ письмѣ этого нѣтъ и не можетъ быть. При формѣ именительнаго падежа „пос“ родительный падежъ будетъ „поста“, „чесь“ — „чести“, „жысь“—„жизни“; отъ слова „пчела“ имен. пад. мн. числа будетъ „пчолы“, „жена“—„жоны“. „чортъ“—„черти“. Съ точки зрѣнія грамматики, слова „жысть“ и „жизни“, „жена“ и „жоны“, „пчела“ и „пчолы“, „чесь“ и „чести“ и т. п. надо считать различными, ибо у нихъ не совпадаютъ основы. А разъ уже грамматическій принципъ допущенъ въ указанныхъ случаяхъ, то нѣтъ основанія не допускать его и въ другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, правописаніе окончаній—флексій и суффиксовъ можетъ отличаться простотою и единствомъ только при условіи существованія въ письмѣ грамматическаго принципа.

Указанный принципъ необходимъ въ правописаніи еще и потому, что, благодаря ему, облегчается пониманіе читаемаго текста. Въ живомъ языкѣ, въ особенности это надо сказать о народныхъ говорахъ, замѣчается стремленіе къ упрощенію этимологіи. Этимъ объясняется въ народномъ склоненіи существительныхъ смѣшеніе основъ, родовъ, падежей и т. п. Отпаденіе различныхъ окончаній особенно въ глагольныхъ формахъ, напримѣръ, второго и третьяго

лица единственнаго числа, въ бѣлорусскомъ говорѣ обусловливается только указанной особенностью народной рѣчи. Эти уклоненія отъ обычнаго этимологическяго произношенія чувствуются и въ рѣчи людей литературно-образованныхъ. Бѣлоруссъ не скажетъ: „я потерялъ ключъ“, а скажетъ: „я потералъ ключа“; отъ великоруссa мы услышимъ: „у меня много дѣловъ“. Если поэтому предоставить каждому употребленіе своихъ собственныхъ флексій, то слогъ не будетъ отличаться правильностью, а отсюда затруднится и пониманіе текста; пострадаетъ так. обр. и логическая сторона. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ литературномъ говорѣ имѣются одинаковыя окончанія для различныхъ этимологическихъ формъ; таковы флексіи винит. и предложнаго падежей единств. числа сущесвительныхъ средняго рода, сравнительной и положительной степени, 3-го лица единст. числа изъявительнаго наклоненія и неопредѣленнаго наклоненія. Винительный падежъ отъ предложнаго отличается палатальностью звука е („я плавалъ въ морѣ“ и „я отправляюсь въ море“), а формы положительной степени и неопредѣленнаго наклоненія только мѣстомъ ударенія. И то и другое въ фонетическомъ письмѣ не можетъ быть выражено. Если къ этому мы прибавимъ одинаковое написаніе омонимическихъ словъ и написаніе: „ѣлъ“ и „ель“, „олень“ и “лѣнь“, „въ день“, „вдѣнь“ и т. п., а также и невѣрное произношеніе различными говорами одного и того-же окончанія: жало въ Московскомъ говорѣ—„жала“, то затруднительность въ пониманіи текста еще сильнѣе почувствуется. Всякому, вѣроятно, приходилось испытывать чувство досады при чтеніи какого либо безграмотнаго письма. Противники этимологическаго принципа въ правописаніи говорятъ, что въ устной рѣчи нельзя выразить тѣхъ оттѣнковъ, которые выражаются на письмѣ. Предположимъ, что это и такъ. Но вѣдь устная и письменная рѣчь по своему характеру неодинаковы. Для того, чтобы сдѣлать устную рѣчь болѣе доступною для пониманія, говорящій по нѣскольку разъ повторяетъ одно и то же, дополняетъ свою рѣчь жестами, старается высказать въ ней свое чувство и т. п. Поэтому ошибки противъ синтаксиса въ устной рѣчи почти никѣмъ и не замѣчаются. Совсѣмъ другое въ письменной рѣчи. Послѣдовательность мысли, плавность и спокойствіе ея должны быть отличительными свойствами каждаго сочиненія.

Противники этимологическаго принципа называютъ наше письмо архаическимъ, оторваннымъ отъ жизни, и основаніемъ для этого приводятъ то, что въ современномъ правописаніи пишутся такія окончанія, которыя на самомъ дѣлѣ не существуютъ въ народныхъ говорахъ. Сравнивая между собою различные языки, мы замѣчаемъ что чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче этимологическими фор-

мами. Латинскій и греческій языкъ въ сравненіи съ новыми языками, французскимъ, нѣмецкимъ поражаютъ своимъ обиліемъ грамматическихъ формъ. То же самое надо сказать и о славянскомъ языкѣ по сравненію его съ русскимъ, польскимъ и т. п. Но если мы сравнимъ синтаксисъ древнихъ и новыхъ языковъ, мы замѣтимъ большее развитіе его въ новыхъ языкахъ, и так. обр. упрощеніе этимологіи совершается въ нихъ на счетъ синтаксиса. О русскомъ языкѣ этого еще нельзя сказать, ибо онъ еще только находится въ процессѣ упрощенія этимологическихъ формъ. Поэтому-то и нѣтъ еще однообразія формъ въ различныхъ говорахъ. Если же это такъ, то, стало быть, намъ нужно удерживать въ правописаніи прежнія окончанія и примириться съ ихъ архаичностью.

Грамматическій принципъ необходимъ въ правописаніи еще и поэтому, что онъ является основой литературнаго общерусскаго языка, или, вѣрнѣе, тѣмъ масштабомъ, который уравниваетъ всѣ особенности говоровъ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на особенности общерусскаго литературнаго говора, то мы замѣтимъ, что малоруссы, великоруссы и бѣлоруссы, пользующіеся имъ, удерживаютъ въ произношеніи свои характерныя свойства, придавая общерусскимъ словамъ особенную окраску, свойственную ихъ говору. Великоруссъ акающаго говора вмѣсто глухого гласнаго „о“ произноситъ „а“: „вада“, „пашелъ“ и т. п. Бѣлоруссомъ „р“ произносится всегда твердо: „царъ“, „порадокъ“; ь передъ „я“ у него переходитъ въ предшествующій согласный звукъ: „свиння“, „суддзя“ „скамня“ и т. п. Малоруссъ вмѣсто простыхъ гласныхъ употребляетъ дифтонги „ие“ „уо“ „ио“: „миодъ“, (медъ) „дуомъ“ (домъ) „пиечь“ (печь); въ словахъ, начинающихся съ гласныхъ звуковъ, у него замѣчается придыханіе „в“: „вінъ“ (онъ) „ворать“ (орать) „вуши“ (уши). Въ этомъ легко можно убѣдиться изъ характера произношенія одного и того же стихотворенія великоруссомъ, малоруссомъ и бѣлоруссомъ. Между произношеніемъ и правописаніемъ литературно образованныхъ людей нѣтъ сходства; если что и связываетъ ихъ между собою, то это исключительно единство письма. При господствѣ фонетическаго принципа, невозможно было бы существованіе литературнаго языка. Мѣстныя звуковыя особенности говоровъ послужили бы причиной распаденія его. Сначала появились бы въ немъ особенности фонетическаго характера, при общемъ лексическомъ составѣ языка, а потомъ постепенно измѣнился бы и самый составъ языка. Для противодѣйствія возможности распаденія языка, потребовалось бы обратить особенное вниманіе на неизмѣнность произношенія словъ великоруссами, бѣлоруссами и малоруссами. Но попытки передать особенности великорусскаго произношенія являются мало дѣйствительными въ виду вліянія среды.

Разнообразіе въ написаніи различныхъ словъ въ зависимости отъ принадлежности пишущаго къ тому или другому русскому говору въ скоромъ времени побудило бы ученыхъ филологовъ создать новую теорію правописанія. Такимъ образомъ, вмѣсто теперешняго правописанія поставлено было бы другое, и все-таки теорія правописанія существовала бы.

Фонетическое письмо отразилось бы и на содержаніи самой грамматики. Въ современной грамматикѣ изучаются законы литературнаго языка, но не говоровъ. При фонетическомъ правописаніи въ грамматику должно входить изученіе грамматическихъ формъ, свойственныхъ всѣмъ главнымъ говорамъ, потому что вліяніе говоровъ сдѣлалось бы замѣтнымъ на письмѣ, и вслѣдствіе сложности матеріала грамматика стала бы болѣе трудною наукою, чѣмъ теперь.

Изъ сказаннаго легко придти къ тому заключенію, что вопросъ о реформѣ алфавита и правописанія отличается сложностью и трудностью для его разрѣшенія. Трудность эта еще болѣе осложняется тѣмъ, что 1) современный литературный языкъ отличается отъ древнерусскаго, 2) и что историческій опытъ другихъ народовъ даетъ мало данныхъ для руководства при разрѣшеніи вопросовъ о реформѣ нашего правописанія.

Не малую услугу для рѣшенія вопроса о реформѣ правописанія можетъ принести изученіе особенностей древнерусскаго правописанія, отличающагося простотою и послѣдовательностью во многихъ случаяхъ, напр., въ употребленіи гласныхъ послѣ йотованныхъ согласныхъ, ѣ, и т. п. Но принять въ цѣломъ принципы древнерусскаго правописанія въ настоящее время нельзя въ виду того, что существуетъ сильное различіе между обѣими стадіями этого языка.

Въ древнерусскомъ языкѣ задненебные г, к, х (гортанные) не могли соединяться съ мягкими йотованными гласными „ю", „и"; послѣ указанныхъ согласныхъ должны были или слѣдовать твердые гласные: „кыевъ" „хытити" „гыбноути", или же эти согласные смягчались въ з, ц, с, ж, ч, ш: руцѣ, нозѣ, чрьвь, (kirmis) чьто (вм. кьто).

Въ современномъ языкѣ задненебные сдѣлались исключительно палатальными согласными: „гибкій", „хищный", „кисель" и т. п. Палатальные же, средненебные „ж", „ш", „ц", возникшіе отъ соединенія задненебныхъ съ йотомъ, въ современномъ русскомъ языкѣ отвердѣли. Невозможныя прежде сочетанія „жы", „шы", „цы" теперь вытѣснили прежнія фонетическія „жи", „ши", „ци": жыръ, шыло, цыфра и т. п. Литературный языкъ еще болѣе отдалился отъ древнерусскаго. Подъ вліяніемъ графики, заимствованной литературнымъ языкомъ изъ церковнославянскаго, окончанія именительнаго и родительнаго падежей единственнаго числа именъ прилагательныхъ

и именительнаго падежа множественнаго числа всѣхъ родовъ стали не тѣ, что прежде. Литературно образованный человѣкъ сплошь и рядомъ говоритъ „добрый день“, „высокій столъ“, „у синяго моря“, „краснаго солнца“, „широкія листья“, вмѣсто прежнихъ „доброй день“, высокой столъ“, „у синева моря“, „краснова солнца“, „широкіе листья“. То же самое надо сказать и объ окончаніи прошедшаго времени „лъ“, появившагося вмѣсто глухого „въ“. приближающагося къ у: „пришевъ“,—пришеу, „увидѣвъ“—увидѣу и т. п.

Для рѣшенія вопроса о правописаніи немного дастъ и историческій опытъ другихъ народовъ. Мы уже видѣли, что орѳографія нѣмцевъ, англичанъ и французовъ далека отъ совершенства. Въ особенности любопытнымъ представляется правописаніе французовъ, у которыхъ, несмотря на то, что законы правописанія составляютъ монополію академіи наукъ, орѳографія весьма далека отъ произношенія. Нельзя назвать удовлетворительнымъ и правописаніе славянскихъ народовъ. У болгаръ нѣтъ опредѣленнаго типа установившагося правописанія; у нихъ существуетъ нѣсколько видовъ его. У сербовъ считается вуковица алфавитомъ, наиболѣе подходящимъ къ фонетическому письму. Но Караджича, основателя этой азбуки, упрекаютъ въ томъ, что онъ своимъ правописаніемъ оторвалъ сербскій языкъ отъ церковнославянскаго, а вмѣстѣ и отъ родственныхъ славянскихъ нарѣчій. Но и у Караджича фонетическій принципъ не вполнѣ выдержанъ: въ вуковицѣ нѣтъ ћ, и обозначеній для мягкихъ согласныхъ, кромѣ „л“ и „н“; для сложнаго „дж“ имѣются двѣ буквы. Нельзя назвать совершеннымъ и чешское правописаніе вслѣдствіе малаго количества буквъ. Гуссъ, преобразователь этого письма, придумалъ особые надстрочные, діакритическіе знаки для передачи славянскихъ звуковъ „ж“, „ч“, „ш“, „щ“, „ц“. Латинскія c, z, s, имѣя надъ собою особые знаки č, ż, š, будутъ обозначать ч, ж, ш. Польское правописаніе еще менѣе удовлетворительно потому, что діакритическіе знаки употребляются безъ всякой системы. У русскихъ, нѣмецкихъ и австрійскихъ поляковъ существуютъ свои орѳографическія особенности, вслѣдствіе чего у поляковъ появилось стремленіе создать правописаніе общее и обязательное для всѣхъ. Это должно быть особенно важно и поучительно для защитниковъ фонетическаго письма. Послѣ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ вопросу о лишнихъ буквахъ: ѣ, ъ, ь, ѳ, ѵ.

Не слѣдуетъ-ли ихъ выбросить изъ алфавита? Этотъ вопросъ нами уже разбирался со стороны педагогическихъ соображеній. Теперь постараемся разсмотрѣть его со стороны научныхъ данныхъ, со стороны грамматики языка. Прежде всего относительно ѣ. Буква эта не можетъ быть выпущена изъ алфавита по многимъ соображе-

ніямъ. Произношеніе ея не тожественно съ буквой е. Послѣдняя обыкновенно измѣняется или въ е, или въ „о“, или въ ь, (вѣрнѣе въ отсутствіе звука)—„бреду“, „бродъ“, „ленъ“—„льна“, „левъ“—„льва“. Этого нельзя сказать относительно ѣ. Въ литературномъ произношеніи она всегда равна е, выпаденіе ея немыслимо. Подъ удареніемъ оно всегда звучитъ, какъ узкое „е“, поэтому переходъ его въ е и невозможенъ. Въ народныхъ говорахъ великорусскомъ и малорусскомъ ѣ имѣетъ свой оттѣнокъ. Въ первомъ онъ приближается къ і, звизда, дити, медвидь, а во второмъ прямо переходитъ въ этотъ звукъ лісъ, віра и т. п. Въ родственныхъ славянскихъ языкахъ онъ имѣетъ свое собственное произношеніе: въ польскомъ ja,—„miasto“—„las“ „biały“, je—„snieg“, въ болгарскомъ ja—„мляко“, „тясто“, еа: „меара“, „излеоз“, въ сербо-хорватскомъ е, ије, ê „цијена“, „цвијетъ“, „гнијездо“. Въ родственныхъ индоевропейскихъ языкахъ оно соотвѣтствуетъ е, оj и аj, semen,—СѢМЯ, baisus—бѣсъ, οιδα (ВѢДѢТИ), laevus (ЛѢВЪ). Поэтому и употребленіе его въ церковнославянскомъ языкѣ отличается замѣчательной правильностью. Буква эта является во всѣхъ формахъ глагольныхъ и именныхъ окончаній вмѣсто дифтонговъ „oj“, „aj“: „женѣ“, „берѣмъ;“ въ соединеніи съ j она произносится какъ и:—„земли“, и т. п.

Думается, что уже вслѣдствіе одной только связи этого звука съ звуками родственныхъ языковъ нельзя говорить объ исключеніи „ѣ“ изъ алфавита, ибо чѣмъ больше признаковъ, связывающихъ между собою отдѣльные языки, тѣмъ легче и ихъ изученіе. И въ самомъ дѣлѣ, благодаря существованію этой буквы въ русскомъ алфавитѣ, изученіе церковно-славянскихъ спряженій и склоненій дѣлается болѣе легкимъ, а вмѣстѣ упрощается и научное пониманіе грамматики русскаго языка. Употребленіе этой буквы въ современномъ правописаніи, если и сдѣлалось затруднительнымъ, то не вслѣдствіе ея произношенія, а вслѣдствіе нарушенія историческаго принципа. Во многихъ случаяхъ буква эта употребляется безграмотно и отсутствуетъ тамъ, гдѣ-бы слѣдовало ожидать. Этимъ и объясняется нѣкоторая непослѣдовательность и трудность въ ея употребленіи, чего совсѣмъ не замѣчалось въ древне-русскомъ языкѣ. Поэтому надо расширить принципъ употребленія этой буквы, и тогда уничтожатся всѣ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ правописаніе слова „плѣнъ“. Здѣсь пишется ѣ, хотя это слово имѣетъ полногласную форму. Во всѣхъ другихъ полногласныхъ формахъ: „шлемъ“, „упрекъ“, „сребро“, „прибрежный“, „требовать“ мы встрѣчаемъ отсутствіе „ѣ“. Правописаніе „плѣнъ“ черезъ „ѣ“ такимъ образомъ составляетъ какъ-бы исключеніе изъ общаго правила. На самомъ-же дѣлѣ этимъ исключеніемъ являются выше перечисленныя слова. Въ древнерусскихъ

памятникахъ мы имѣемъ „брѣгъ“, „прѣкы“, „врѣмя“, „срѣбро“ и т. п. съ написаніемъ „ѣ“. Если-бы въ настоящемъ письмѣ существовало правило объ употребленіи „ѣ“ въ полногласныхъ „рѣ“ и „лѣ“, то не понадобилось-бы и исключенія для слова „плѣнъ“.

Мы уже сказали, что „ѣ“ имѣетъ въ произношеніи свой оттѣнокъ. Справедливость этого подтверждается и антропофоническими изслѣдованіями. По словамъ г. Рогозина, при произношеніи „ѣ“ и „е“ работа полости рта и челюсти неодинакова: произнося е, мы поднимаемъ челюсть, а при „ѣ“ опускаемъ ее; поэтому ѣ и не можетъ быть йотированнымъ звукомъ. Примѣняя этотъ принципъ къ кореннымъ словамъ съ буквой ѣ, мы замѣчаемъ подтвержденіе его. Ни въ одномъ изъ этихъ словъ „ѣ“ не можетъ переходить въ ё и принимать небный оттѣнокъ: бѣгъ, стрѣла, слѣдъ, хлѣбъ и т. п. Но принципъ этотъ выдерживается далеко не во всѣхъ случаяхъ. Слова „темя“, „песокъ“, „мель“, „мелкій“, „ведро“, „блескъ“, „брезжиться“, „дремать“, „семья“, „клей“, „клещи“, „кисель“, „трезвъ“, „деверь“, „колебать“, „вредъ“, „членъ“ и т. п., несмотря на твердое произношеніе звука е, пишутся черезъ е, и черезъ это становятся въ противорѣчіе съ приведеннымъ правиломъ о произношеніи „ѣ“. Для устраненія этого противорѣчія всѣ эти слова и подобныя имъ слѣдовало-бы писать черезъ „ѣ“. Та-же непослѣдовательность замѣчается и въ письмѣ слова „рѣчь“ при производныхъ отъ этого корня „изреченіе“, „пророкъ“. При „одѣвать“ и „надѣвать“ мы пишемъ, „одежда“ и „надежда“.

Противъ исключенія изъ азбуки твердаго и мягкаго знаковъ—ъ и ь еще меньше основаній, чѣмъ противъ „ѣ“. Обыкновенно, указывая на ненужность ъ, твердаго знака, сторонники реформы правописанія мирятся съ ь, мягкимъ знакомъ. Согласиться съ уничтоженіемъ „ъ“ нельзя; указанная буква не можетъ быть исключена потому, что она дополняетъ „ь“, находясь къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ плюсъ къ минусу въ математикѣ. Странно было бы исключить + плюсъ, оставляя минусъ —. Объ обѣихъ этихъ буквахъ надо говорить вмѣстѣ. Приводятъ основаніе, что эти буквы не обозначаютъ звуковъ, и уже потому онѣ лишни. Но, вѣдь, изъ математики, никто не выключаетъ 0 нуля, несмотря на то, что онъ обозначаетъ отсутствіе числа. То же самое надо сказать и относительно „ъ“ и „ь“. Если и можно обойтись безъ „ъ“ въ концѣ словъ, то въ срединѣ слова онъ незамѣнимъ. Написаніе словъ: „объяснить“, отъѣхать, объявить, съѣдать и такъ безъ ъ не будетъ точнымъ фонетически. Г. Брандтъ въ статьѣ о „Лженаучности правописанія“ указываетъ, что въ прежнее время въ древнерусскомъ языкѣ при встрѣчѣ предлоговъ разъ, изъ, объ, отъ и другихъ съ окончаніемъ

„ъ“, слѣдующій палатальный гласный дѣлался твердымъ или вставлялся какой-либо согласный, и поэтому произносилось и писалось не „объявить“, а „обавити“, не „съѣдать“, а „снѣдати“. Но вѣдь, нельзя же заставить говорить и теперь также, какъ въ давнія времена. Что же касается утвержденія г. Брандта о томъ, что въ приведенныхъ выше словахъ слышится не твердый согласный звукъ, а мягкій, то врядъ ли можно съ этимъ согласиться. Въ словѣ „разъяснить“ „з“ совсѣмъ другого характера по произношенію, чѣмъ въ словѣ „зябнуть“. Или для указанія звукового различія между „ъ“ и „ь“ возьмемъ слова „лью“ и „лъю“. Разница въ произношеніи указанныхъ словъ должна быть очевидною для каждаго. Предлагаютъ „ъ“ замѣнить діакритическимъ знакомъ, апострофомъ; но зачѣмъ въ буквы вводить надстрочные знаки, если можно обойтись и безъ нихъ? Не значитъ ли это при богатствѣ добровольно обрекать себя на нищету? Да если, наконецъ, и будетъ введенъ въ азбуку апострофъ, измѣнится ли отъ того существо дѣла? Нисколько: вмѣсто одного „ъ“ появится другой, но только въ иномъ видѣ. Эту букву слѣдовало-бы признать необходимою и сторонникамъ фонетическаго письма. При произношеніи многочисленнаго слога всегда замѣчается какъ бы нѣкоторая остановка: Мос-ква, с-тѣ-на, б-людо, крас-ка и т. п. Для того, чтобы быть вѣрнымъ самому себѣ, надо обозначить и эту остановку. Для этой цѣли и пригодился бы „ъ“. Соображеніе же, что на „ъ“ много выходитъ чернилъ и типографской краски, смѣшно. Въ pendant къ нему можно прибавить слѣдующее. Не лучше ли сдѣлать обязательнымъ стенографическое письмо, буквы котораго вслѣдствіе своей незамысловатости проще обыкновенныхъ, да и расходъ на чернила былъ-бы меньше? Теперь относительно мягкаго знака. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ буква эта имѣетъ и звуковое произношеніе, приближаясь къ очень глухому j. Такою ее нужно считать въ словахъ „бью“, „лью“, „пью“, „вью“ при формахъ „пить“, „бить“, „лить“ и т. п. Буква эта необходима и въ концѣ словъ для обозначенія палатальности согласныхъ, „пылъ“ и „пыль“, „сталь“ и „сталъ“ и т. п. Впрочемъ, объ этой буквѣ сравнительно мало и споровъ. Два обозначенія для звука і представляются излишними. Если бы въ современномъ литературномъ говорѣ і звучалъ, въ двухъ видахъ, какъ сложный и, какъ чистый звукъ, безъ придатка къ нему йота, тогда возможно было бы помириться съ существованіемъ двухъ і. Но этого нѣтъ. Разумнѣе сохранить въ алфавитѣ і восьмеричное, состоящее по своему написанію изъ двухъ *і* десятиричныхъ: *и* восьмеричное лучше, чѣмъ *і*, передаетъ природу *и*, въ произношеніи состоящаго изъ j і. Десятеричное *і* и въ древнерусскомъ языкѣ употреблялось весьма рѣдко. Ненужной буквой счи-

тается и другое ф—ѳита, употребляемая исключительно въ словахъ заимствованныхъ изъ греческаго языка. Эта буква должна быть исключена и потому, что звукъ, обозначаемый ею, рѣдко употребителенъ въ коренныхъ славянскихъ словахъ. Въ народномъ же произношеніи звукъ, обозначенный „ф“, переходитъ въ хв — „хватера“, „Хведоръ“, „Хвистинъ“, и т. п.

Изъ сказаннаго нами видно, что рѣшеніе вопроса о реформѣ правописанія весьма сложно, и оно должно стоять въ связи съ реформой всей грамматики. Думается, что единичныя попытки разрѣшить его не могутъ имѣть успѣха уже и потому, что важнѣйшія реформы являются выраженіемъ взглядовъ массы, въ данномъ случаѣ образованной. Если мы посмотримъ, какъ эта масса пишетъ въ журналахъ и газетахъ, то найдемъ очень много поучительнаго. Правописаніе образованной массы только въ общемъ можно назвать гротовскимъ. Въ журналахъ и газетахъ „не“ въ соединеніи съ прилагательными и нарѣчіями развѣ только учителя русскаго языка пишутъ вмѣстѣ. Мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ написанія: „не пріятный“, „не разумно“, „не много“ и т. п. Если такъ, то, очевидно, что этотъ законъ, изобрѣтенный Гротомъ, несмотря на то, что въ теченіе многихъ лѣтъ его вдалбливаютъ въ школахъ, является мертворожденнымъ. То же надо сказать о суффиксахъ „н“ и „нн“ въ прилагательныхъ и причастіяхъ. И здѣсь господствуетъ фонетическій способъ написанія — нн. Переносы словъ также никѣмъ не употребляются согласно съ правописаніемъ Грота. Съ орѳографическимъ указателемъ, приложеннымъ Гротомъ въ концѣ его книги, не справляются даже и спеціалисты этого дѣла — учителя русскаго языка.

Фонетическое правописаніе, или какой-либо другой видъ письма нельзя сдѣлать обязательнымъ. Можно предоставить его употребленію желающихъ, и если окажется, что какіе-либо пункты этого правописанія будутъ соотвѣтствовать взглядамъ образованной массы, то они найдутъ для себя всеобщее употребленіе. Словомъ, и въ правописаніи также, какъ и во всякомъ біологическомъ процессѣ, безсознательное имѣетъ весьма важное значеніе, и игнорировать его нельзя, потому что искусственное въ противоположность естественному непрочно *).

И. П. Лысковъ.

*) Помѣщая статью г. Лыскова, въ которой защищаются основы нашего традиціоннаго правописанія, редакція считаетъ необходимымъ оговориться, что она вовсе не противъ реформы. По нашему мнѣнію, вопросъ этотъ настолько сложенъ, что долженъ быть по возможности болѣе всесторонне разсмотрѣнъ прежде, чѣмъ отъ теоріи перейти къ практикѣ. На этомъ основаніи редакція, печатая статьи въ защиту принятаго правописанія, охотно откроетъ страницы журнала и для статей въ защиту новаго правописанія, напр., проектируемаго Академіей Наукъ. *Ред.*

О пріученіи учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей.

(Рефератъ, читанный въ Отдѣленіи по начальнымъ училищамъ Педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 2-го марта 1904 г.).

I.

Цѣль обученія родному языку въ школѣ можетъ быть признана достигнутой только въ томъ случаѣ, если мы дѣйствительно научимъ учениковъ, во-первыхъ, отчетливо воспринимать мысли, высказанныя въ написанномъ текстѣ, а во-вторыхъ, ясно и точно излагать свои мысли, не только устно, но и письменно.

Цѣль эта неизмѣнна, одна и та же какъ для средняго учебнаго заведенія, такъ и для всякаго низшаго. Разница только въ степени достиженія этой цѣли. Начальная школа, имѣющая въ виду дать своимъ ученикамъ, хотя и элементарное, но вполнѣ законченное обученіе, должна научить ихъ по мѣрѣ возможности какъ читать, такъ и писать, т. е. не только воспринимать мысли, но и излагать ихъ, излагать какъ устно, такъ въ равной степени и письменно. И это вполнѣ понятно: что бы дала ученикамъ существенно важнаго школа, если бы не научила ихъ читать и писать, если бы не дала имъ этихъ двухъ основныхъ элементовъ обученія?

Поэтому интересно разобраться: что же, наша начальная школа выполняетъ-ли эти два основныя требованія, дѣйствительно-ли даетъ ученику эти двѣ основы обученія? Отвѣтить на этотъ вопросъ, конечно, трудно, потому что трудно установить ту возможную степень обученія, которую можно требовать отъ учениковъ начальной школы. Поэтому, какъ ни странно, я позволю себѣ поставить такой вопросъ: стремится ли наша начальная школа къ достиженію тѣхъ существенно важныхъ цѣлей, которыя лежатъ въ основѣ обученія, стремится ли она къ достиженію того, чтобы научить своихъ учениковъ читать и писать? Въ этомъ, я думаю, можно разобраться.

Какъ чтеніе, такъ и письмо имѣетъ двѣ стороны: одну внѣшнюю, другую внутреннюю. Внѣшняя сторона чтенія — есть механизмъ чтенія

и извѣстныя условія произношенія словъ (слѣпого—слѣпова, вода—вада, что—што и т. п.); внутренняя сторона чтенія—сознательность чтенія, т. е. воспріятіе мыслей. Внѣшняя сторона письма—есть механизмъ письма и извѣстныя условія начертанія словъ, т. е. орѳографія, внутренняя сторона—сознательное письмо, т. е. изложеніе мысли.

Наибольшее значеніе, конечно, имѣетъ внутренняя сторона какъ чтенія, такъ и письма, и оцѣнивая степень обученія учениковъ въ чтеніи и письмѣ, мы можемъ говорить только о томъ, насколько они достигли умѣнья воспринимать мысли при чтеніи и излагать ихъ при письмѣ.

При обученіи чтенію мы какъ будто это и сознаемъ и попутно съ выработкой механизма чтенія мы стремимся главнымъ образомъ къ сознательному воспріятію мыслей, такъ что на первомъ планѣ у насъ здѣсь стоитъ внутренняя сторона чтенія. Совершенно другое при письмѣ. Здѣсь красною нитью черезъ все обученіе проходитъ у насъ только достиженіе одной внѣшней стороны — правописанія. Обученіе же внутренней сторонѣ письма, пріученію учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей, собственно то, чему и нужно учить, у насъ отсутствуетъ или, во всякомъ случаѣ, стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ. Чему учатъ и что требуютъ отъ учениковъ въ письмѣ, повѣряя ихъ знанія и давая ему свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи начальной школы? Одного—только внѣшней стороны: умѣнья правильно писать диктовку. А вѣдь какъ бы страннымъ показалось намъ, если бы мы учили ученика механизму чтенія и требовали отъ него только этого. Что бы дало ученику такое чтеніе? Ровно ничего, какъ ничего не давало чтеніе Гоголевскому Петрушкѣ, удивлявшемуся, что у него изъ буквъ выходятъ слова. А между тѣмъ намъ, повидимому, нисколько не кажется страннымъ то, что мы учимъ учениковъ только механизму письма, тратя на это дѣло, не имѣющее само по себѣ никакого значенія, чуть ли не половину драгоцѣннаго школьнаго времени. И съ какимъ рвеніемъ, съ какою строгостью требуютъ отъ ученика при выходѣ его изъ школы, чтобы онъ зналъ, гдѣ писать *ѣ*, гдѣ *е*, гдѣ писать *ія*, гдѣ *іе*, гдѣ *аго*, гдѣ *ого* и т. д., совершенно не интересуясь и не считая нужнымъ интересоваться, умѣетъ ли ученикъ писать сознательно, умѣетъ-ли излагать на бумагѣ тѣ мысли, которыя могутъ быть въ его головѣ? Это, повидимому лишнее. Написалъ ученикъ диктовку безъ ошибокъ, значитъ—онъ постигъ всю мудрость письма, хотя его письмо имѣетъ для него такое же значеніе, какъ и чтеніе для Петрушки. И на самомъ дѣлѣ, какой смыслъ, какое значеніе имѣетъ для ученика вся эта орѳографія, этотъ механизмъ письма безъ практическаго его примѣненія? Уче-

никъ нынче кончилъ начальную сельскую школу, нынче получилъ отличную отмѣтку за диктовку, а завтра его отецъ идетъ къ писарю, чтобы онъ написалъ ему письмо. И это не сказка! Да иначе и не могло быть: школа и учила, и научила ученика писать только диктовку. И нужно себѣ только представить: болѣе четырехсотъ тысячъ учениковъ выпускаетъ ежегодно наша начальная школа, проучивши ихъ какъ бы въ насмѣшку три года тому, что для нихъ совершенно не нужно—писать диктовку, и нисколько не позаботившись о томъ, чтобы научить ихъ, поскольку возможно, излагать свои мысли. Нужно быть жестокимъ врагомъ обученія, чтобы допустить и требовать это!

Да не подумаетъ кто-либо, что я бросаю здѣсь упрекъ нашей школѣ. Нѣтъ, упрекнуть нашу школу, въ лицѣ ея представителя, учителя, отдающаго всю свою душу великому дѣлу обученія, не въ чемъ. Онъ неповиненъ, что школа не даетъ ученикамъ того, что нужно имъ, не даетъ имъ разумнаго обученія. Представляя изъ себя чернорабочаго, не имѣющаго права думать и разсуждать о томъ, чему онъ учитъ, онъ поставленъ правилами, программами и экзаменаціонными требованіями въ такія условія, изъ которыхъ ему нѣтъ никакого выхода. И несмотря на всю несообразность этихъ программъ и экзаменаціонныхъ требованій, онъ волей-неволей долженъ принести въ жертву всю благоразумность занятій, убить въ себѣ всѣ благіе порывы и начинанія, имѣя въ виду только одно—экзамены, которые, какъ грозный дамокловъ мечъ, висятъ надъ головой каждаго учителя. Таковы ужъ „судьбы, ихъ же не прейдеши!“

Но мы не будемъ разсуждать о томъ, что есть и что можно сдѣлать при настоящихъ условіяхъ, потому что въ такомъ случаѣ придется отказаться отъ всякихъ пожеланій, а будемъ говорить о томъ, что было-бы желательно и разумно. И прежде всего, конечно желательно было-бы, чтобы школа учила ученика не тому, что ему не нужно или во всякомъ случаѣ не имѣетъ для него важнаго значенія, а тому, что для него необходимо: учила-бы его читать и писать.

Программы нашихъ начальныхъ училищъ представляютъ изъ себя цѣлую энциклопедію. Отъ ученика требуютъ на экзаменѣ свѣдѣній и изъ исторіи, и изъ географіи, и изъ естественныхъ наукъ, и кубическія мѣры, и чуть не всю грамматику *). Мнѣ кажется, было

*) Интересно, что на экзаменѣ въ начальной школѣ, какъ мнѣ извѣстно по личному опыту, очень многіе экзаменаторы особенно строго спрашиваютъ у учениковъ грамматику и разборъ, видя въ грамматичес ихъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ ученикамъ, не прикладныя знанія необходимыя для правильнаго письма, а нѣчто самостоятельное, какъ видно, по ихъ мнѣнію, необходимое для учениковъ само по себѣ.

бы болѣе разумнымъ, если бы ученикъ не зналъ половины этихъ свѣдѣній, которыя онъ собственно въ первый же годъ послѣ ученія и такъ позабудетъ, но чтобы умѣлъ толково читать и писать. Эти два основныя умѣнья дѣйствительно сдѣлали бы ученика грамотнымъ человѣкомъ. А вмѣстѣ и экзаменаціонныя требованія должны сводиться, по моему мнѣнію, только къ тому, чтобы выяснить вопросъ о томъ, насколько ученикъ научился, во 1-хъ, читать, т. е. воспринимать мысли и, во 2-хъ, писать,—излагать свои мысли. И вполнѣ понятно, что ни о какой диктовкѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Повѣркой письменнаго изложенія мыслей можетъ явиться только или сочиненіе или же изложеніе читаннаго, гдѣ должно быть обращено послѣднее вниманіе на орѳографическія ошибки.

Но теперь самъ собою является вопросъ: да можно ли за три года научить ученика письменно излагать свои мысли? Можетъ быть, это и невозможно, почему высшіе организаторы нашей начальной школы и требуютъ, чтобы учениковъ научили хотя внѣшней сторонѣ письма, писать правильно. Все-таки школа хотя чему-нибудь научитъ учениковъ Вѣдь трудно предположить, чтобы они могли на самомъ дѣлѣ видѣть въ внѣшней сторонѣ письма краеугольный камень обученія въ школѣ.

Отвѣтомъ на поставленный вопросъ можетъ служить знаменитая статья гр. Л. Н. Толстого: „Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ“. Кому изъ насъ не извѣстенъ этотъ чудный гимнъ дѣтскимъ сочиненіямъ, гдѣ съ свойственной гр. Толстому простотой и ясностью доказывается, что дѣти начальной школы не только могутъ излагать свои мысли, но могутъ излагать ихъ такъ ярко и образно, такъ художественно, что не они у насъ, а мы у нихъ должны учиться писать.

Да, кромѣ того, странно было бы предположить, чтобы учениковъ, умѣющихъ довольно отчетливо излагать свои мысли устно, нельзя было бы за три года научить излагать ихъ письменно, такъ какъ письменное изложеніе хотя и отличается отъ устнаго, но не представляетъ изъ себя чего-либо особеннаго, основаннаго на иныхъ законахъ, чѣмъ устное изложеніе мыслей. И если ученикъ умѣетъ выразить свою мысль устно, то онъ несомнѣнно и напишетъ ее, разъ умѣетъ писать, и дѣло учителя сводится только къ тому, чтобы показать ученику самый механизмъ изложенія мыслей, состоящій въ томъ, „чтобы, во-первыхъ—скажу словами Толстого—изъ большаго числа представляющихся мыслей и образовъ выбрать одну, во-вторыхъ, выбрать для нея слова *и облечь ее*, въ-третьихъ, запомнить ее и отыскать для нея мѣсто; въ-четвертыхъ, чтобы, помня

написанное, не повторяться, ничего не пропускать и умѣть соединять послѣдующее съ предыдущимъ; въ-пятыхъ, наконецъ, въ томъ, чтобы въ одно время, думая и записывая, одно не мѣшало другому". *)

Какъ ни длиненъ рядъ этихъ условій, но они не представляютъ изъ себя чего-либо недостижимаго и тѣмъ болѣе за три года. При этомъ почти всѣмъ указаннымъ правиламъ ученикъ будетъ учиться и при устномъ изложеніи. И если мы начнемъ пріучать ученика къ письменному изложенію мыслей даже съ третьяго года обученія, то и тогда къ концу его они уже совершенно свободно будутъ справляться со всѣми этими условіями. Это мнѣ лично пришлось провѣрить на опытѣ; и, какъ дальше мы увидимъ изъ образцовъ ученическихъ сочиненій, эти условія не представляли для нихъ къ концу года никакого затрудненія. Если же начать пріучать учениковъ излагать свои мысли не съ третьяго, а съ перваго года обученія, какъ оно и должно быть, то смѣло можно надѣяться, что къ концу второго года, они уже свободно будутъ справляться съ механизмомъ дѣла. Итакъ, отвѣтъ на вопросъ о томъ, можно-ли научить учениковъ начальной щколы письменно излагать свои мысли, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Но, можетъ быть, нельзя учить учениковъ излагать свои мысли, прежде чѣмъ они не постигли всю орѳографическую премудрость? „Какъ вы дадите ученику—говорятъ многіе—писать самостоятельно изложеніе или сочиненіе, если онъ не умѣетъ еще писать правильно? Мы должны предупреждать ошибки, а не поощрять ихъ; а давая ученику самостоятельную работу и не имѣя возможности предупредить могущую быть ошибку, мы тѣмъ самымъ поощряемъ безграмотное письмо". И съ невыразимымъ ужасомъ смотрятъ они на листокъ бумажки, гдѣ ученикъ позволилъ себѣ написать десятки словъ своему товарищу и надѣлалъ ошибокъ. Съ какимъ-то болѣзненнымъ рвеніемъ охраняютъ они ученика отъ всякаго рода самостоятельнаго письма. И только послѣ 6—7 лѣтъ ученія въ 3-мъ-4-мъ классѣ среднеучебныхъ заведеній они находятъ возможнымъ дать ученику впервые изложеніе. И такіе люди съ глубокимъ убѣжденіемъ правоты своихъ словъ говорятъ, что въ начальной школѣ, гдѣ ученики не научились еще писать правильно, ни о какихъ изложеніяхъ, а тѣмъ болѣе сочиненіяхъ не можетъ быть и рѣчи.

Что можно сказать о такого рода сужденіяхъ? Одно—для такихъ людей письмо имѣетъ значеніе не постольку, поскольку оно служитъ для выраженія мыслей, а постольку, поскольку оно грамма-

*) „Кому у насъ учиться писать... Педагогическія статьи. Изд. седьмое 1887 г., стр. 234.

тически правильно написано, такъ сказать, *письмо для письма* И, конечно, при такомъ взглядѣ они правы, ставя ученику за прекрасное сочиненіе дурную отмѣтку только потому, что онъ сдѣлалъ въ немъ двѣ-три ошибки.

Но вопросъ: насколько правиленъ этотъ взглядъ? Опровергать его, я думаю, нѣтъ нужды. Да и странно было бы доказывать ту истину, что письмо имѣетъ значеніе не само по себѣ, а только, какъ способъ письменнаго выраженія мыслей. Такимъ людямъ почаще бы нужно напоминать, что и Пушкинъ и Гоголь писали съ ошибками. Впрочемъ, никакія напоминанія такимъ людямъ не могутъ помочь, такъ какъ ихъ взгляды не есть результатъ какихъ-либо убѣжденій, на чемъ-либо основанныхъ, а просто болѣзнь, и *ихъ надо не убѣждать, а лѣчить.*

Изъ всего предыдущаго нѣкоторымъ можетъ показаться, что я совершенно игнорирую правильное письмо.

Нисколько. Хорошо, если ученикъ, хотя и орѳографически неправильно, но умѣетъ письменно выражать свои мысли, и я согласенъ, что еще лучше будетъ, если онъ умѣетъ и писать орѳографически правильно. Не нужно только ставить правописанія, этой внѣшней стороны письма, на первый планъ. Пусть она, являясь служебной стороной, и преслѣдуется попутно съ знаменательной, а не выставляется, какъ нѣчто главное, самостоятельное. Нехорошо будетъ, если ученикъ, и умѣя писать правильно, не будетъ умѣть письменно излагать своихъ мыслей.

Нѣкоторые думаютъ, что если мы поставимъ дѣло такъ, т. е. будемъ преслѣдовать главнымъ образомъ внутренюю сторону письма, у насъ очень сильно будетъ страдать внѣшняя сторона, и ученики не научатся писать грамотно. Во-первыхъ, если бы даже было такъ, то и тогда мы, особенно въ начальной школѣ, многаго бы не потеряли и дали бы во всякомъ случаѣ ученику важнѣйшее—умѣнье письменно излагать свои мысли, а во-вторыхъ, при разумной постановкѣ письменныхъ работъ, этого никакъ не можетъ быть, потому что ничто не мѣшаетъ учителю, преслѣдуя внутреннюю сторону письма, обращать должное вниманіе и на внѣшнюю. Да и кромѣ того, не нужно забывать, что всякая безсмысленная работа, исполняемая учениками совершенно механически, безъ участія вниманія, никогда не можетъ дать никакихъ положительныхъ результатовъ. А что можетъ быть безсмысленнѣе какого-либо списыванія съ книги (такъ горячо пропагандируемаго въ послѣднее время), или упражненій съ крестиками, вмѣсто пропущенныхъ буквъ, въ которыхъ часто ученикъ дѣлаетъ больше ошибокъ, чѣмъ крести-

ковъ, или наконецъ письма полныхъ отвѣтовъ на поставленные вопросы?

Кромѣ утомленія, огорченія и наказанія, въ видѣ переписыванія по десяти разъ (и опять съ ошибками) одного и того же, они ничего не приносятъ ученику, вызывая вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе своей безсмысленности, одно только отвращеніе ко всякаго рода письменнымъ работамъ.

А между тѣмъ покажите ученику, что письмо имѣетъ не одну только безсмысленную сторону, что оно является орудіемъ изложенія мыслей человѣка, чего ученикъ часто и не подозрѣваетъ, особенно въ начальной школѣ, *) и вы увидите, какое громадное удовольствіе будутъ имѣть для него письменныя работы. „Каждый,—говоритъ Толстой въ своемъ журналѣ „Ясно-Полянская школа"—выучившійся писать буквы ученикъ бываетъ одержимъ страстью писать, и первое время двери, наружныя ставни школы и избъ, гдѣ живутъ ученики, бываютъ исписаны буквами и словами. Написать же цѣлую фразу (вродѣ того, что нынче Марѳутка подралась съ Ольгушкой) доставляетъ ему еще большее удовольствіе". **) „Писать сочиненія—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—***) составляетъ любимое занятіе учениковъ. Какъ только внѣ школы старшимъ ученикамъ попадутся бумага и карандашъ, они пишутъ не *Милос. Милостивый* ****), а пишутъ изъ головы сказку своего сочиненія". Да и кто изъ насъ по личному опыту не знаетъ, если кому приходилось писать съ учениками въ начальной школѣ сочиненія, какъ любятъ дѣти послѣднія. И при такомъ исполненіи письменныхъ работъ, при такомъ удовольствіи и любви къ дѣлу, дѣти сами собой всегда будутъ идти навстрѣчу правильному письму, и учителю нужно будетъ только руководить ими и подсказывать имъ, такъ что внѣшняя сторона письма при такой постановкѣ дѣла не только не можетъ пострадать, а, напротивъ, можетъ быть гораздо лучше достигнута.

Да, кромѣ того, не нужно забывать, что при такого рода письмѣ, гдѣ ученикъ видитъ въ написанномъ словѣ выраженіе своей мысли, „достигается—какъ говоритъ Толстой—само собою труднѣйшее дѣло

*) Насколько это справедливо, я могу привести примѣръ, котораго былъ очевидцемъ. Инспекторъ, ревизующій начальную школу, спросилъ одного очень смышленаго и бойкаго мальчика: „Для чего ты учишься писать?" „Чтобы диктовку умѣть писать и сдать экзаменъ!", не задумываясь, отвѣчалъ ученикъ. И, конечно, онъ былъ правъ.

**) Педагогическія статьи, стр. 287.

***) Тамъ же, стр. 298.

****) Курсивъ гр. Толстого.

начала изученія языка—вѣра въ непоколебимость формы слова и не одного печатнаго, но и устнаго своего слова“ *).

II.

Разсмотрѣвши вкратцѣ современную постановку обученія письму въ начальной школѣ, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію существующаго метода пріученія учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей. Посмотримъ, какъ въ настоящее время школа не только начальная, гдѣ, какъ мы видѣли, на эту сторону въ силу различныхъ обстоятельствъ, не зависящихъ отъ школы, мало обращается вниманія, но и всякая средняя стремится достигнуть этой существенно важной стороны обученія. Для этого прослѣдимъ тотъ ходъ работъ, который практикуется въ настоящее время въ школѣ для достиженія этой цѣли, а вмѣстѣ и выяснимъ, насколько цѣлесообразны и продуктивны эти работы, и ведутъ-ли онѣ на самомъ дѣлѣ ученика *прямымъ непосредственнымъ* путемъ къ тому, къ чему мы стремимся его привести.

Первое, въ чемъ упражняютъ учениковъ, обучая ихъ внутренней сторонѣ письма,—это писаніе предложеній. Дѣлается это такъ: передъ ученикомъ лежитъ книга, въ ней рядъ вопросовъ, или-же рядъ неоконченныхъ предложеній. Ученикъ долженъ въ своей тетрадкѣ написать, смотря по упражненію, или полные отвѣты на поставленные вопросы, или-же оконченныя предложенія. Цѣль такихъ упражненій—научить ученика правильно писать предложенія.

Я никакъ не могу понять, откуда могло явиться предположеніе, что ученикъ, научившійся писать слова, не сумѣетъ написать предложенія, или напишетъ его неправильно? Неужели можно предположить, что ученикъ, мысля, что „на дворѣ идетъ снѣгъ“, можетъ написать что-либо другое, или напишетъ это-же въ какой-либо уродливо-неправильной формѣ. Думаю, что если ученикъ умѣетъ сказать предложеніе, онъ сумѣетъ его и написать. А разъ это такъ, то какой-же смыслъ учить ученика писать предложенія, учить его строить форму предложенія, когда онъ постигъ эту форму, еще будучи трехъ лѣтъ. Вѣдь и трехлѣтній ребенокъ выражаетъ свои мысли, и выражаетъ ихъ по тѣмъ-же основнымъ законамъ мышленія, какъ и взрослый, сопоставляя мыслимые объекты другъ съ другомъ въ какомъ-либо отношеніи. „Какъ ни велика—говоритъ Сѣченовъ въ „Элементахъ мысли“—съ виду пропасть между мыслью взрослаго и ребенка со стороны ея объектовъ, но между ними всегда признава-

*) Пед. Ст., стр. 288.

лось тѣсное родство по строенію. Воплощаясь въ слово та и другая всегда принимаютъ одну и ту-же форму, основной типъ которой извѣстенъ всякому изъ трехчленнаго предложенія. Благодаря неизмѣнности этой формы у людей разныхъ возрастовъ, разныхъ эпохъ и степеней развитія, намъ одинаково понятны размышленія дикаря и ребенка, мысли нашихъ современниковъ и предковъ. Благодаря тому-же, въ жизни человѣчества существуетъ преемство мысли, тянущееся черезъ цѣлые вѣка. Значитъ, со стороны внѣшней формы мысль является продуктомъ столь-же постояннымъ, какъ любое жизненное явленіе, въ основѣ котораго лежитъ опредѣленная организація“ *).

Отсюда ясно, что учить ученика писать предложенія, учить его строить форму предложенія дѣло совершенно излишнее, такъ какъ онъ и безъ насъ давно умѣетъ это дѣлать.

Другое дѣло, если-бы форма мысли развивалась: тогда понятны были-бы такого рода упражненія, которыя стремились-бы къ ея развитію; но мы видимъ, что она не подлежитъ развитію, и если „иногда — скажу словами Сѣченова—приходится читать и слышать, что мысль способна прогрессировать, то это не значитъ, что съ развитіемъ человѣчества (или, добавлю, человѣка) прогрессируетъ форма мысли; она остается, наоборотъ, неизмѣнной, а разростается лишь горизонтъ мыслимыхъ объектовъ и частныхъ отношеній между ними путемъ изощренія орудій наблюденія и путемъ расширенія сферы, возможныхъ сопоставленій“ **).

Но, можетъ быть, тѣ упражненія, о которыхъ мы говорили, могутъ принести пользу ученикамъ въ томъ отношеніи. что они научатъ ихъ писать *полныя* ***) предложенія, т. е. научатъ ихъ болѣе широко и свободно сопоставлять мыслимые объекты, находить между ними отношенія и воплощать получившуюся такимъ образомъ мысль въ слова, выражая ее на письмѣ? Если дѣйствительно наши упражненія ведутъ къ достиженію этой цѣли, то, конечно, они имѣютъ за собою громадное значеніе. Поэтому постараемся выяснить себѣ, насколько эти упражненія достигаютъ такой цѣли.

Передъ ученикомъ стоитъ вопросъ: „*Какую* посуду дѣлаютъ изъ дерева“? Онъ пишетъ: „Деревянную посуду дѣлаютъ *изъ дерева*“, подставляя въ вопросѣ, вмѣсто слова „какую“, слово „деревянную“. Отвѣтъ готовъ. Спрашивается: была ли здѣсь умственная работа, направленная къ выраженію *своей* мысли и было ли здѣсь изло-

*) „Научное Слово“. 1903 г. кн. 1, стр. 43—44.

**) „Научное Слово“, 1903 г. кн. 1, стр. 44.

***) Въ смыслѣ полныхъ отвѣтовъ на поставленные вопросы, т. е. распространенныя предложенія.

женіе *своей* мысли? Мнѣ кажется, ни того, ни другого. Отвѣтъ написанъ совершенно механически. И это видно изъ того, что онъ неправильный. Такой отвѣтъ можно дать на вопросъ: „*Изъ чего* дѣлаютъ деревянную посуду“? На поставленный же вопросъ нужно отвѣтить: „Изъ дерева дѣлаютъ *деревянную* посуду“. А между тѣмъ, какъ вы объясните ученику неправильность его отвѣта? Примѣръ, приведенный мною, взятъ изъ тетрадки ученика; и въ любой ученической тетрадкѣ мы найдемъ половину такихъ неправильныхъ отвѣтовъ. Да, наконецъ, если бы отвѣты были и правильные, то и тогда ничто намъ не говоритъ за то, что ученикъ не исполнялъ работу безсознательно, потому что самая форма работы влечетъ за собою безсознательное ея исполненіе: измѣнить въ вопросѣ слово и получится отвѣтъ. И вслѣдствіе отсутствія въ этихъ упражненіяхъ работы мысли они и бываютъ такъ скучны и неинтересны для учениковъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что эти предварительныя упражненія, пріучающія учениковъ якобы полно выражать свои мысли на письмѣ, не имѣютъ за собою никакого основанія.

Теперь перейдемъ къ слѣдующему упражненію, которое рекомендуется при обученіи ученика письму. Оно мало чѣмъ отличается отъ первыхъ и представляетъ изъ себя тотъ-же рядъ вопросовъ, только объ одномъ какомъ-либо предметѣ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Отвѣты, данные ученикомъ на эти вопросы, дадутъ описаніе этого предмета. Цѣль такого упражненія—пріучить учениковъ излагать мысли въ извѣстной послѣдовательности, описывая какой-либо предметъ. Посмотримъ, достигается ли и эта цѣль такого рода упражненіями.

Столъ, читаемъ мы въ книжкѣ Некрасова: *) Что такое столъ? Изъ чего дѣлаютъ столы? Кто ихъ дѣлаетъ? Что столъ имѣетъ внизу? (?) Что находится на ножкахъ? (?) Что устраивается подъ верхней доской? (?) Кто и чѣмъ красятъ столы? Что дѣлаютъ за столами? (?) Чѣмъ покрываютъ столъ во время обѣда? Ученикъ пишетъ полные отвѣты на эти вопросы. Рядъ этихъ отвѣтовъ даетъ описаніе стола. Но что же дадутъ эти отвѣты ученику? Что дастъ ему получившееся такимъ образомъ, совершенно отъ него непроизвольно, описаніе? Отвѣты онъ будетъ писать такъ же, какъ и раньше писалъ, безъ всякаго особеннаго участія душевной дѣятельности, совершенно механически; описаніе получилось у него непроизвольно, можетъ быть, даже для него неожиданно,—и результаты такого опи-

*) Практическій курсъ правописанія съ матеріаломъ для упражненія въ изложеніи мыслей. Часть 1-я.

санія, въ смыслѣ пріученія учениковъ къ изложенію мыслей, трудно предположить, чтобы имѣли для нихъ какое-либо значеніе. Вѣдь никакого предмета, имѣющагося передъ глазами, или образа въ своей душѣ, они не описывали, никакихъ своихъ мыслей не излагали, а писали какіе-то отвѣты на поставленные вопросы, можетъ быть, даже не думая о томъ, о чемъ они пишутъ. Тогда какимъ-же образомъ, отвѣчая на эти отдѣльные вопросы, ученики будутъ пріучаться къ извѣстной послѣдовательности въ изложеніи мыслей, т. е. къ плану описанія? Да наконецъ, неужели рядъ этихъ вопросовъ о столѣ представляетъ изъ себя какой-либо опредѣленный планъ? Я думаю, что если бы всѣ здѣсь присутствующіе составили каждый рядъ вопросовъ для описанія стола, то несомнѣнно получилось бы триста плановъ, изъ которыхъ каждый бы разнился отъ другого расположеніемъ своихъ вопросовъ. А если это такъ, то къ какому же плану мы иріучаемъ учениковъ? Какъ видимъ, и это упражненіе не достигаетъ своей цѣли.

Перейдемъ, наконецъ, къ третьяго рода упражненіямъ, практикующимся въ нашей школѣ съ цѣлью пріученія учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей—именно къ изложенію прочитаннаго, или, какъ его иногда удачно называютъ, къ „переложенію“.

Упражненія эти имѣютъ цѣлью пріучить ученика излагать мысли правильно, ясно и послѣдовательно. Ведутся эти упражненія такъ: сперва дается ученику подробный планъ прочитаннаго, потомъ менѣе подробный, въ видѣ оглавленія отдѣльныхъ частей, и наконецъ, совсѣмъ безъ плана, предоставляя ученику самому и запоминать прочитанное и излагать и его.

Разберемся, поскольку возможно, и въ этихъ упражненіяхъ. Цѣль ихъ, какъ мы сказали, научить ученика излагать свои мысли. Что же, достигается эта цѣль такого рода упражненіями? Практика говоритъ, что далеко нѣтъ; очень часто ученикъ, умѣющій писать изложенія, совершенно не въ силахъ написать какое-либо сочиненіе, т. е. изложеніе своихъ собственныхъ мыслей: онъ еще не въ силахъ изложить свои мысли самостоятельно въ извѣстной послѣдовательности, онъ еще не можетъ воспользоваться матеріаломъ для своего сочиненія, несомнѣнно имѣющимся въ его душѣ, онъ не усвоилъ еще себѣ механизма дѣла. *) Почему, казалось бы? Пови-

*) Всякій, кто занимался роднымъ языкомъ въ школѣ, знаетъ, какъ часто ученики 3—4 класса ср. уч. зав., послѣ двухъ лѣтъ писанія изложеній совершенно становятся втупикъ передъ сочиненіемъ. Я зналъ одну гимназистку 6-го класса, очень развитую, съ большимъ запросомъ знаній, чуть-ли не первую ученицу, которая никакъ не могла писать сочиненій, между тѣмъ какъ три года писала изложенія и писала прекрасно. Пришлось пригла-

димому, изложеніе прочитаннаго даетъ ему все, что необходимо для усвоенія дѣла: и матеріалъ, и образецъ пользованія этимъ матеріаломъ, и внѣшнюю форму изложенія, и, наконецъ, образцовый слогъ; и ученику остается только одно: научиться подражать всему готовому. А между тѣмъ это подражаніе мало дастъ результатовъ. Въ чемъ причина такого страннаго недоразумѣнія? А причина въ томъ, что въ основѣ нашего положенія научить ученика, подражая образцамъ, письменно излагать *свои* мысли, лежитъ невѣрное основаніе. Подражаніемъ можно научить ремеслу, но не искусству. А письменное изложеніе мыслей есть не ремесло. Какъ при обученіи всякому искусству, и здѣсь мы должны прежде всего *непосредственно* упражнять въ ученикѣ ту способность, которую мы желаемъ развить, т. е. давать ему *самостоятельную дѣятельность* для развитія этой способности; между тѣмъ какъ подраженіе никакого упражненія въ самостоятельной дѣятельности не даетъ ученику. „Нѣтъ сомнѣнія— говоритъ Ушинскій—что дѣти больше всего учатся подражая; *но ошибочно было бы думать, что изъ подражанія сама собою вытекаетъ самостоятельная дѣятельность.* *) Подражаніе даетъ много матеріала для самостоятельной дѣятельности, но если бы не было самостоятельной дѣятельности, независимой отъ подражанія, то нечему было бы и подражать. *Самостоятельная дѣятельность не появляется потомъ съ возрастомъ; но зерно ея коренится въ свободной волѣ человѣка, рождающейся вмѣстѣ съ душою, и этому зерну должно дать и время, и сферу для развитія*". **)

А какое упражненіе въ самостоятельной дѣятельности, въ изложеніи своихъ мыслей, получаетъ ученикъ при изложеніи прочитаннаго? Развѣ излагаемый имъ матеріалъ есть продуктъ его мышленія, продуктъ сопоставленія извѣстныхъ мыслимыхъ объектовъ, имѣющихся въ его душѣ? Развѣ изложеніемъ чужихъ мыслей мы пріучаемъ его къ мышленію надъ своими собственными представленіями и понятіями, заставляемъ работать его мозгъ, подмѣчать сходство между представленіями и понятіями и связывать ихъ между собою въ сужденія, заставляемъ воплощать получившіяся такимъ образомъ сужденія въ словѣ и выражать его на письмѣ? Нисколько! Мы

сить особаго учителя, чтобы учить ее писать сочиненія. Черезъ полгода она вполнѣ справлялась съ дѣломъ, при чемъ работа учителя сводилась только къ тому, что онъ заставлялъ ее писать самостоятельно безъ всякаго плана сперва разсказы повѣствовательнаго характера изъ ея воспоминаній, потомъ небольшія описанія и наконецъ разсужденія на пословицы, т. е. онъ упражнялъ ее въ самостоятельномъ изложеніи *своихъ* мыслей.

*) Курсивъ вездѣ мой.

**) Антропологія, т. II-й стр. 409. Изд. девятое.

заставляемъ ученика только повторять и иногда даже не мысли, а предложенія, которыя онъ слышалъ въ извѣстной послѣдовательности. Мало душевной работы, и нѣтъ изложенія своихъ мыслей!

Мнѣ приходитъ на мысль другое искусство—рисованіе. Было время, когда весь методъ обученія рисованію полагали въ подражаніи и копированіи, думая такимъ путемъ научить ученика рисовать; но это время было и давно прошло. Давно отказались отъ этого метода, признавши его совершенно непригоднымъ, не ведущимъ непосредственно прямымъ путемъ къ намѣченной цѣли. А вѣдь нашъ методъ обученія письму совершенно аналогиченъ методу копированія или подражанія въ рисованіи, и мы между тѣмъ крѣпко держимся за него, даже не допуская мысли замѣнить его чѣмъ-либо другимъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что тотъ путь пріученія учениковъ къ письменному изложенію мыслей, который практикуется въ нашей школѣ въ настоящее время, въ видѣ отвѣтовъ на вопросы, въ видѣ описаній по данному плану, въ видѣ изложенія прочитаннаго по вопросамъ и безъ вопросовъ, *не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ такъ какъ не ведетъ ученика прямымъ, непосредственнымъ путемъ къ достиженію намѣченной цѣли.*

Но что-же дѣлать? Чѣмъ замѣнить этотъ путь, освященный традиціями и долголѣтней практикой? Сдѣлать то же, что сдѣлали въ рисованіи: замѣнить *подражаніе*, лежащее въ основѣ этого пути, *натурою* и учить ученика не копировать, не подражать, а *излагать свои мысли*. Поэтому самымъ раціональнымъ и продуктивнымъ методомъ могутъ служить не изложеніе чужихъ мыслей, а сочиненія, т. е. *описаніе и изложеніе того матеріала, той натуры, которая имѣется въ душѣ ученика*. И это будетъ самый естественный путь пріученія учениковъ къ изложенію своихъ мыслей. Здѣсь ученикъ ни въ какомъ случаѣ не напишетъ безсмыслицы, ни въ какомъ случаѣ не напишетъ слова, которое у него не связано съ представленіемъ: онъ будетъ писать только то, что имѣется въ его душѣ, онъ будетъ упражняться именно въ изложеніи своихъ мыслей *).

Кромѣ того, при такомъ веденіи дѣла въ ученикѣ выработается одно изъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ условій *свободнаго* изложенія мыслей — это увѣренность въ своемъ изложеніи при письмѣ.

---

*) Въ своей статьѣ „О преподаваніи родного языка въ младшихъ классахъ коммерческихъ училищъ“, помѣщенной въ № 5-6 „Русской Школы“ я указываю, между прочимъ, и на изложеніе статей, съ предварительными иллюстраціями; но такая работа, какъ я тамъ и доказываю, не есть переложеніе, а есть описаніе нарисованныхъ имъ картинокъ, т. е. то же сочиненіе, то же изложеніе своихъ мыслей.

Отсутствіе этой увѣренности чаще всего является самымъ тяжелымъ тормазомъ свободнаго изложенія мыслей и не только у учениковъ, но и у насъ, взрослыхъ, прошедшихъ уже школу. Кому не извѣстно, какъ часто люди вслѣдствіе только своей неувѣренности никакъ не могутъ писать; для нихъ трудно бываетъ написать простое письмо, и они прежде, чѣмъ его написать, десять разъ перемараютъ написанное. Я зналъ одного даже приватъ-доцента университета, который до того былъ неувѣренъ въ своемъ письмѣ, что напишетъ предложеніе и сейчасъ-же спрашиваетъ: „а что такъ можно написать"? И эта неувѣренность есть прямой результатъ нашего метода подражанія, который не даетъ ученику никакой свободы въ изложеніи своихъ мыслей. Дайте ему эту свободу, дайте ему возможность упражняться въ изложеніи *своихъ* мыслей, и необходимая увѣренность сама собой явится у ученика.

Я знаю, для многихъ покажется страннымъ: какъ это заставить ученика прямо излагать свои мысли, прямо писать сочиненія! Я опять напомню: было время, когда также страшнымъ казалось дать начинающему ученику рисовать прямо съ натуры. Теперь-же этотъ методъ признается единственнымъ раціональнымъ методомъ, съ которымъ американцы, впервые его примѣнившіе, достигли того, что каждый школьникъ умѣетъ рисовать.

Мы русскіе особенно боимся почему-то всякихъ новшествъ и экспериментовъ. Намъ мила та проторенная дорожка, по которой ходили наши отцы и дѣды. Пусть эта дорожка будетъ очень окружная, пусть она въ три-четыре раза длиннѣе прямого пути, но она проложена, и мы не хотимъ и боимся идти по прямому пути, хотя и видимъ, что этотъ путь въ три раза короче. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать возраженія и по поводу пріученія учениковъ къ сознательному чтенію *) и по поводу мыслей, высказанныхъ въ настоящей статьѣ: „Зачѣмъ намъ еще какіе-то новые пути? Можетъ быть они и хороши; въ теоріи-то оно такъ выходитъ, а на практикѣ можетъ получиться и иначе. Это еще не извѣстно! А вѣдь мы учились по старому и научились и читать, и писать, и учениковъ своихъ научимъ такъ же, какъ насъ учили, безъ всякихъ новшествъ".

Такихъ людей всегда хочется спросить: почему они не учатъ учениковъ читать по буквослагательному методу? Вѣдь и дѣды, и отцы наши, а нѣкоторые и сами учились такимъ способомъ читать и научились. Чего-же еще надо? Зачѣмъ-же они примѣняютъ звуковой методъ?

---

*) См. мою статью „Русск. Шк." за май-іюнь мѣсяцы 1904 г. „О преподаваніи родного языка въ младшихъ классахъ коммерческихъ училищъ".

Но многіе могутъ сказать: какъ мы можемъ дать ученику писать сочиненія, когда у него и матеріалу въ душѣ мало, и пользоваться онъ не умѣетъ этимъ матеріаломъ, и ему не извѣстенъ еще механизмъ дѣла, то есть, извѣстный планъ при изложеніи, и наконецъ у него нѣтъ еще хорошаго слога для изложенія, а между тѣмъ при изложеніи прочитаннаго мы даемъ ему и матеріалъ, и образецъ пользованія имъ, и послѣдовательность изложенія и наконецъ образцовый слогъ. Посмотримъ, насколько это такъ на самомъ дѣлѣ.

Мы говоримъ: у ученика мало матеріала, у него слишкомъ малъ запасъ представленій и понятій. А психологія намъ говоритъ, что ребенокъ даже не за десять, а за первыя пять лѣтъ жизни получаетъ столько представленій, сколько онъ не получитъ ихъ за всю свою послѣдующую жизнь. И у десятилѣтняго ученика ихъ такъ много, что если бы онъ всю свою послѣдующую жизнь писалъ только о томъ матеріалѣ, который имѣется въ его душѣ, не обогащаясь болѣе новыми представленіями, то и тогда-бы ему хватило этого матеріала, т. е. мыслимыхъ объектовъ, на всю его жизнь. (Конечно, если въ то же время онъ будетъ обогащаться соотношеніями между мыслимыми объектами, имѣющимися въ его душѣ; но это есть уже не матеріалъ). Такимъ образомъ въ матеріалѣ онъ не нуждается.

Но, говорятъ, ученикъ не умѣетъ пользоваться этимъ матеріаломъ. И это не вѣрно. Онъ умѣетъ имъ пользоваться, но лишь настолько, насколько развита его мыслительная дѣятельность. У него, конечно, нѣтъ тѣхъ безчисленныхъ соотношеній между мыслимыми объектами, какъ у взрослаго человѣка, но все-же у него есть соотношенія — онъ мыслитъ, онъ выражаетъ свои мысли. И, конечно, дѣло школы увеличить эти соотношенія, развить ученика, но это дѣло чтенія, а не письма. При обученіи-же письму мы можемъ преслѣдовать только одно: научить ученика письменно выражать имѣющіяся въ его душѣ мысли. И поэтому давайте ученику для письменныхъ работъ такой матеріалъ, которымъ онъ умѣетъ пользоваться, и онъ будетъ съ нимъ справляться. А такой матеріалъ у него всегда найдется и помимо чужихъ мыслей. Правда, первоначально мыслительная область у него будетъ ограничена, и его сочиненія будутъ очень незамысловаты. Но вѣдь, благодаря обученію и главнымъ образомъ чтенію, онъ будетъ развиваться, его мыслительная дѣятельность будетъ расширяться, а вмѣстѣ съ нею будутъ расширяться и его сочиненія.

Далѣе, говорятъ, что ученикъ не въ силахъ справиться съ механизмомъ дѣла при самостоятельномъ изложеніи мыслей, а изложеніе прочитаннаго даетъ ему образецъ того, что нужно ему отъ изложенія съ этой стороны, извѣстную послѣдовательность въ мысляхъ. По-

смотримъ, достигается-ли это. Представимъ себѣ, что насъ заставили написать изложеніе статьи. Намъ прочли ее, мы поняли, пишемъ изложеніе. Неужели кто-либо станетъ увѣрять, что онъ, слушая и излагая статью, обратилъ хотя какое-либо вниманіе на планъ изложенія. Очень часто мы даже не въ силахъ уловить тотъ планъ, которымъ руководствовался авторъ. И чтобы уяснить себѣ его, читая или слушая произведеніе, мы должны обратить на него особенное вниманіе. Излагая-же прочитанное, мы совершенно не будемъ думать ни о какомъ планѣ; даже если бы мы запомнили, усвоили этотъ планъ, то и тогда мы излагали бы прочитанное, не руководствуясь этимъ планомъ, а только по памяти, пользуясь тѣми ассоціаціями, на основаніи которыхъ прочитанное уложилось въ нашей душѣ. А если мы, взрослые, не руководствуемся сознательно этимъ планомъ, то тѣмъ болѣе дѣти его не замѣчаютъ, такъ что эта сторона изложеніемъ прочитаннаго нисколько не достигается. А между тѣмъ форма сочиненія не можетъ быть для ученика затруднительна и вотъ почему: представимъ себѣ, что ученикъ пишетъ какое-либо сочиненіе повѣствовательнаго или описательнаго характера. При всемъ желаніи онъ никакъ не можетъ расположить описываемые имъ факты, явленія, предметы иначе, какъ по смежности во времени или пространствѣ, т. е. такъ-же, какъ онъ и воспринималъ ихъ. И онъ не въ силахъ измѣнить этого плана, такъ какъ все воспринимаемое нами укладывается въ нашей душѣ и вновь вызывается въ ней по строго опредѣленнымъ законамъ. Поэтому планъ у ученика при его сочинительствѣ самъ собою является.

Наконецъ говорятъ: при изложеніи прочитаннаго ученикъ пріучается излагать свои мысли образцовымъ языкомъ. Посмотримъ, насколько и это справедливо. Есть два языка: языкъ живой, разговорный и языкъ литературный. Причемъ литературный языкъ отличается своимъ богатствомъ, живой же, разговорный языкъ (конечно, языкъ правильный, тотъ, которому Пушкинъ предлагаетъ учиться у Московскихъ просвирень) отличается своею художественностью и образностью. Мы часто говоримъ о какомъ-либо произведеніи: какъ *живо*, какъ хорошо написано! Что это значитъ? То, что языкъ произведенія приближается къ живому, разговорному языку. Еще большей художественностью и образностью отличается дѣтскій языкъ. Ребенокъ чувствуетъ непосредственно, ребенокъ мыслитъ только образами, и выражаетъ свои мысли также только образно; его языкъ весь состоитъ изъ эпитетовъ, троповъ, фигуръ. И кто читалъ дѣтскія сочиненія, написанныя безъ всякаго вмѣшательства и ограниченія со стороны учителя, тотъ знаетъ художественность дѣтскихъ сочиненій. Знаменитая статья гр. Л. Н. Толстого, уже упомянутая

мною, „Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ“, съ необыкновенною яркостью доказываетъ намъ это. „Мнѣ казалось столь страннымъ,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—что крестьянскій полуграмотный мальчикъ вдругъ проявилъ такую сознательную силу художника, какой на всей своей необъятной высотѣ развитія не можетъ достичь Гете“. Или въ другомъ мѣстѣ по поводу слова „заторопилась“:„ Въ самой сценѣ объявленія этихъ денегъ есть крошечная подробность, одно слово, которое всякій разъ, когда я читаю, какъ будто вновь поражаетъ меня. Оно освѣщаетъ всю картину, всѣ лица и ихъ отношенія, и только одно слово, и слово неправильно употребленное, синтаксически невѣрное,—это слово *заторопилась*“. „Желалъ-бы я сказать такое слово“, прибавляетъ онъ. Но я не буду больше дѣлать выписокъ изъ этой статьи, потому что, если дѣлать выписки, то придется выписать всю статью; приведу только заключительныя слова ея: „Какъ только я далъ ему (ученику) полную свободу, пересталъ учить его, онъ написалъ такое поэтическое произведеніе, которому подобнаго не было въ русской литературѣ“. Какому же языку мы будемъ учить ученика при изложеніи прочитаннаго, когда его языкъ въ смыслѣ художественности стоитъ на такой высотѣ? Правильности же и главнымъ образомъ богатству литературнаго языка, столь необходимому для развитія ученика, мы не имѣемъ цѣлью, да и не можемъ учить при письмѣ. Это дѣло чтенія, пересказа, бесѣды, гдѣ ученики сперва будутъ обогащаться понятіемъ или представленіемъ, а потомъ уже словами, соотвѣтствующими этимъ понятіямъ или представленіямъ. Такое обогащеніе только и имѣетъ значеніе, и оно возможно только при чтеніи или бесѣдѣ, но никакъ не при письмѣ.

Такимъ образомъ, изложеніе прочитаннаго и въ смыслѣ языка ничего не даетъ ученику*).

Я не знаю, насколько я ясенъ былъ въ своихъ доказательствахъ, но разъ все доказанное мною вѣрно, разъ ученики дѣйствительно имѣютъ для своихъ сочиненій и матеріалъ въ своей душѣ, и умѣнье

---

*) Нѣкоторымъ можетъ показаться (какъ и случилось при чтеніи этого реферата) что я, отрицая то значеніе, которое придается въ настоящее время изложенію прочитаннаго, отрицаю вообще значеніе образцовъ художественнаго творчества. Такое предположеніе совершенно ошибочно. Значеніе образцовъ очень велико; образцы развиваютъ, воспитываютъ душу. И мы должны пользоваться и пользуемся ими въ широкой степени *при чтеніи,* обогащая душу ученика. Но при пріученіи ученика къ письменному изложенію мыслей подражаніе образцамъ не можетъ играть руководящей роли. Совершенно такъ-же, какъ и въ рисованіи, значеніе художественныхъ образцовъ имѣетъ громадное значеніе, но подражаніе этимъ художественнымъ образцамъ не можетъ быть признано раціональнымъ методомъ обученія рисованію.

пользоваться этимъ матеріаломъ, и планъ для изложенія, и, наконецъ, дѣтскій художественный языкъ, то, слѣдовательно, мы смѣло можемъ приступить съ учениками прямо къ изложенію своихъ мыслей, т. е. къ сочиненіямъ.

III.

Теперь является другой вопросъ, не менѣе важный: какъ же организовать эти упражненія, какъ практически выполнить этотъ методъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ настоящее время, когда методъ этотъ у насъ еще совершенно не примѣняется и не разрабатывался *), конечно, очень трудно. И подробное разрѣшеніе его можетъ явиться только тогда, когда мы, сознавши всю важность такого метода, начнемъ работать надъ практическимъ его примѣненіемъ. Строить же въ настоящее время теорію послѣдовательнаго практическаго примѣненія, не основавши и не провѣривши ее на опытѣ, думаю, не имѣетъ особаго значенія.

Нужно сознаться, что большая часть нашихъ методикъ именно тѣмъ и страдаютъ, что даютъ намъ пріемы практическаго примѣненія, выдуманные въ кабинетѣ.

Я могу подѣлиться здѣсь только нѣкоторыми практическими данными по этому вопросу, являющимися результатомъ какъ моего личнаго опыта, такъ и нѣкоторыхъ другихъ педагоговъ.

Занимаясь когда-то въ начальной школѣ, я примѣнялъ этотъ методъ въ продолженіе года. У меня было три отдѣленія. Занимался я такого рода письменными работами только со старшимъ отдѣленіемъ. Начали мы заниматься ими съ половины ноября, такъ что занимались всего только четыре мѣсяца: половину ноября, половину декабря, январь, февраль и мартъ. Такъ какъ занятія эти были для насъ не обязательны, то мы занимались ими между прочимъ, разъ или рѣдко два раза въ недѣлю.

Толчкомъ къ этимъ занятіямъ послужило слѣдующее: я получилъ книжку „Міра Божьяго“ (ноябрь 1897 г.), гдѣ помѣщены были „Школяры“ г-жи Дмитріевой, сцены и характеристики, написанныя необыкновенно живымъ понятнымъ языкомъ. Я прочелъ этихъ „Школяровъ“ ученикамъ. Тамъ, между прочимъ, приводится рядъ писемъ, заданныхъ ученикамъ учительницею, гдѣ они, вообразивши себя тѣмъ, чѣмъ они желали бы быть, описываютъ свое житье въ письмахъ къ роднымъ. Эти письма такъ понравились уче-

*) Хотя въ американской школѣ онъ уже давно примѣняется, какъ это видно изъ книги Е. Янжулъ „Американская школа“, стр. 85—91. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ этой книгѣ описанія послѣдовательнаго хода работъ.

никамъ, что они прямо мнѣ заявили, что и мы вамъ напишемъ такія письма. Тогда я посовѣтывалъ имъ написать сперва такія письма, гдѣ бы они описывали уѣхавшему изъ дому брату или отцу домашнія дѣла.

Они написали. Работа получилась съ большими промахами, несообразностями; видно было, что для нихъ сразу такое описаніе домашнихъ дѣлъ трудно, хотя, впрочемъ, у нѣкоторыхъ получилась для перваго раза работа довольно удовлетворительная. Всѣ эти работы мы исправили вмѣстѣ, при чемъ каждый ученикъ читалъ свое письмо, другіе слушали и вмѣстѣ поправляли, замѣчая что-либо сказанное неладно. *) Когда все было поправлено, каждый прочелъ вновь свою работу. Теперь уже наши сочиненія стали вполнѣ удовлетворительны. Второе письмо мы написали домой про школу. Работа вышла гораздо лучше. При этомъ видно было, что большое вліяніе оказали на работу поправленныя наши первыя письма, служа имъ образцами. Что дѣйствительно ихъ собственныя дѣтскія работы (или удачныя подражанія) являются для нихъ лучшими образцами для усвоенія механизма дѣла, видно, напримѣръ, изъ такого факта: когда я предложилъ ученикамъ написать письма со стороны домой, они попросили меня еще разъ прочитать письма „Школяровъ“ г-жи Дмитріевой, говоря, что ужъ очень тамъ понятно написано. И я думаю, что такія дѣтскія сочиненія, хорошо написанныя, только и могутъ служить для дѣтей вполнѣ понятными образцами, но никакъ не „хрестоматійные отрывки“, помѣщенные въ нашихъ книжкахъ для чтенія и даваемыя дѣтямъ для „переложеній“, потому что всѣ эти статейки написаны для нихъ чужимъ языкомъ, съ которымъ на первыхъ порахъ трудно бываетъ имъ справляться.

Напротивъ, ихъ дѣтскія сочиненія, написанныя ихъ дѣтскимъ языкомъ, являются для нихъ не только вполнѣ понятными, а какъ бы родными, и они быстро перенимаютъ все то, что нужно для сочиненія.

Мы написали такимъ образомъ пять-шесть писемъ. Видя ихъ такой интересъ къ сочинительству, я принесъ имъ и прочиталъ ученическія сочиненія изъ „Ясно-Полянской школы“. Послѣ чтенія всѣ такъ заявили: мы не хотимъ больше писать писемъ, а будемъ писать „разные случаи“. Мы перешли къ случаямъ. Оказалось, что описаніе „случаевъ“ было для учениковъ гораздо легче, и наши повѣствовательныя сочиненія пошли быстрымъ шагомъ впередъ. И это такъ должно было и быть. Ученику гораздо легче оріентироваться

---

*) Большимъ удобствомъ при такого рода провѣркѣ являлось небольшое количество учениковъ, всего шесть человѣкъ.

въ представленіяхъ, входящихъ въ его душу по смежности времени чѣмъ входящихъ по смежности пространства. Въ первомъ случаѣ онъ изображаетъ событіе въ томъ порядкѣ, какъ оно и совершалось. При описаніи же порядокъ для него затруднителенъ, и онъ никакъ не можетъ найти его.

Поэтому сочиненія повѣствовательнаго характера, какъ болѣе легкія, должны предшествовать описательнымъ. *)

Ни выборомъ темъ, ни формой изложенія я никогда не стѣснялъ учениковъ, и это было для нихъ гораздо лучше. Какъ только я самъ, придумывалъ имъ тему, заставляя ихъ всѣхъ писать на эту тему работа получалась гораздо хуже, и нѣкоторые, написавши двѣ-три строки, отдавали, говоря: „уже все". У нихъ не было матеріалу, который необходимъ былъ для даннаго сочиненія. Поэтому темы мы придумывали вмѣстѣ съ учениками. И только въ томъ случаѣ писали всѣ одно и то же, когда всѣ соглашались, что это „хорошо написать". Впрочемъ, о темахъ и матеріалѣ для сочиненій я подробнѣе скажу ниже.

Къ концу года наши сочиненія были уже вполнѣ удовлетворительны. Механизмъ дѣла не представлялся для нихъ болѣе затруднительнымъ, и все у нихъ выходило гладко и стройно.

У меня сохранилось послѣднее сочиненіе этихъ учениковъ. Писали мы его передъ отпускомъ на Пасху, заканчивая годъ. Послѣ Пасхи сейчасъ же должны были быть экзамены. Тему я имъ предложилъ такую: написать про свое ученье, которое они должны были скоро окончить. Тема имъ понравилась. Всѣ четыре сочиненія я приведу здѣсь, **) сохраняя орѳографію и знаки препинанія.

Ученикъ одиннадцати лѣтъ учится четвертый годъ. Мальчикъ болѣзненный, но способный и очень впечатлительный.

„Я учуся въ Камышеватскомъ сельскомъ училищѣ. Когда меня

---

*) То же самое по этому поводу мы можемъ найти и у Толстого: „Первыя темы,—говоритъ онъ,—которыя самымъ естественнымъ путемъ пришли намъ въ голову, были описанія простыхъ предметовъ, какъ-то хлѣба, избы, дерева и т. п.; но, къ крайнему удивленію нашему, требованія эти доводили учениковъ почти до слезъ, и несмотря на помощь учителя, они рѣшительно отказывались писать на темы такого рода. Мы попробовали предложить описаніе какихъ-нибудь событій, и всѣ обрадовались, какъ-будто имъ сдѣлали подарокъ. Столь любимое въ школахъ описаніе такъ называемыхъ простыхъ предметовъ: свиньи, горшка, стола—оказалось безъ сравненія труднѣе, чѣмъ цѣлые, изъ воспоминаній взятые разсказы". („Ясно-Полянская шк." за ноябрь и декабрь мѣсяцы).

**) Два ученика бросили ходить раньше, не дожидаясь экзамена, такъ какъ начались полевыя работы. „Льгота" же имъ не нужна была, такъ какъ имъ не приходилось отбывать воинской повинности.

привели въ первый разъ въ школу, я смотрѣлъ и не могъ разсмотрѣться, потому что мнѣ показалось тамъ очень хорошо. На другой день тятя меня спрашиваетъ: Что же хорошо въ школѣ? Я отвѣчаю: „Охъ и хорошо! до тѣхъ поръ хорошо, что и не разсмотриться. Какъ вошли мы, то не разглядѣлись, гдѣ мы: въ церквѣ или въ школѣ. Я походилъ недѣли двѣ, научился читать хорошо. На третью недѣлю сичасъ въ понедѣльникъ побили мы сыровачанъ. *) Въ то время учила учительница Александра Андреевна. Она была сердитая. Постановила всѣхъ насъ на колѣни, зато что побили сыровачанъ.

„Двадцатаго декабря, я угорѣлъ и блевалъ. На другой годъ я пошелъ ужъ самъ въ школу и очень рано, сейчасъ послѣ Покрова, на другой день и ходилъ до шестого февраля, и не пропускалъ ни одного дня. На другой день седьмого февраля я заболѣлъ и былъ болѣнъ три недѣли, и позабылъ читать. Потомъ я выздоровѣлъ и пошелъ въ школу. Меня окружили спрашиваютъ читать, а я не умѣю. Тогда учительница спросила меня читать статью Володинъ подарокъ. Я чуть чуть прочиталъ, а они смѣются надо мною, что я гадко прочиталъ. Черезъ недѣлю я научился читать лучше ихъ втрое. На третій годъ я потомъ опять въ школу, и къ намъ пріѣхалъ учитель. Учитъ онъ ничего хорошо. Экзамена при немъ не было еще ни одного, потому что когда онъ пріѣхалъ, то ученики и молитвъ не знали. **) Двое таки сидѣли въ старшей группѣ: я да Василій Пелецкій. Мнѣ нельзя было сдавать потому, то только десять лѣтъ, а для Василія самого инспекторъ не будетъ ѣхать. На читвертый годъ я опять пошелъ въ школу, учусь и сейчасъ и буду сей годъ курсъ кончать“.

Ученикъ, тоже одиннадцати лѣтъ, учится третій годъ. Сынъ бывшаго двороваго, сравнительно съ крестьянскими дѣтьми, довольно развитой мальчикъ.

„Я поступилъ въ училище 1895 г. 2-го октября. Я самъ присталъ чтобы папаша отдалъ меня въ училище. Меня привели съ братомъ утромъ, учениковъ еще не было. Мнѣ понравилось тутъ, потому что столы стояли въ порядкѣ. Мы дожидали долго учительницу. Она пришла не рано. Вошла и говоритъ папашѣ: „Они у васъ учились гдѣ-нибудь? Папаша сказалъ нѣтъ. Потомъ она насъ посадила и начала показывать буквы. Мы скоро узнали всѣ буквы и

---

*) Ученики изъ сосѣдняго села.

**) Нужно замѣтить, что передъ моимъ пріѣздомъ долго не было учителя, такъ что ученики вмѣстѣ съ каникулами гуляли семь—восемь мѣсяцевъ и многое перезабыли. Поэтому большая часть учениковъ (изъ шести четыре) перешла въ старшее отдѣленіе на четвертый годъ.

начали читать. Учительница была хорошая. Мы не долго ходили. Я заболѣлъ. Я проболѣлъ восемь дней, пришелъ опять въ училище. Мы проучились опять не долго: мой братъ заболѣлъ скарлатиномъ. Фельдшеръ не приказалъ ходить. Черезъ нѣсколько времени братъ померъ. Остался я одинъ, въ школу не пускаютъ, такъ я и остался. На другой годъ привели меня мнѣ показалось нехорошо. Учительница пришла, задала намъ читать, мы прочитали, она спросила насъ разсказать мы разсказали. Мы училися недолго: потому что она не захотѣла учить тутъ и уѣхала въ Нагольную. Такъ мы остались. Долго не учились. Черезъ нѣсколько время слышимъ пріѣзжаетъ къ намъ учитель. Мы пришли всѣ въ училищѣ. Дожидали, дожидали, хотѣли уже итти домой, смотримъ идетъ. Мы повскакивали посадились на мѣста. Начался урокъ ариѳметикою. Учитель намъ показался хорошій. Наказывать не наказываетъ, а все только разсказываетъ то о томъ, то о другомъ. Мы скоро выучились и писать, и читать и задачи рѣшать".

Ученикъ тринадцати лѣтъ, учится четвертый годъ. Большой шалунъ. Учится охотно, но никакъ не дается ему ни калиграфія, ни правописаніе.

„Я началъ учиться 1894 года 10 октября. Когда меня привели въ училище, мнѣ показалось страшно, а учительница была добрая, ничего хорошая, Александра Андреевна. Она показала мнѣ буквы всѣ, а я ничего не зналъ. Потомъ на другой день дала мнѣ домой шесть буквъ выучить на память. Я пришелъ домой сѣлъ ихъ учить и не знаю ни одной. Пока домой пришелъ всѣ и позабылъ. А Никифора дома не было. Пошелъ я къ своему товарищу Семену Тимошенку, чтобъ тотъ сказалъ мнѣ буквы, а тотъ и самъ не знаетъ. Сѣли мы и сидимъ, какъ безъ горя. Я пошелъ домой и ну гулять въ кійка, а урокъ не учу. На другой день я пошелъ въ школу, а учительница спросила меня всѣ буквы на память, а я не то на память и такъ ихъ не знаю! Она и сказала: ну останься безъ обѣда. Всѣхъ выпустѣла, а меня самого безъ обѣда оставила. Остался я самъ въ школѣ. Походилъ я въ школу двѣ недѣли, не хочется итти на третью недѣлю въ школу. Батька раза три или четыре кнутомъ отпоролъ, такъ я и началъ ходить, а типерь и лаютъ *), а я все хожу. Читать я выучился недѣлѣ за двѣ, а арихметику заразъ же на первой недѣлѣ началъ дѣлать лучше всѣхъ, но только писать недюже хорошо писалъ, а молитвы всѣ зналъ вечернюю и утреннюю. На другой годъ былъ посаженъ среднемъ отдѣленіи. Когда я пришелъ въ училище, то учительница уже тутъ была. Я пришелъ, а она и говоритъ: Я уже не принимаю. А я и кажу: меня примите Александра Андреевна! Она сказала садись! Я сѣлъ и началъ съ

*) Бранятъ

ними рѣшать задачи. Походилъ я одинъ мѣсяцъ, а то все не когда было, то молотить начали машиной, то пшеницу веять, такъ—что я и отсталъ отъ ребятъ. Пріѣхалъ инспекторъ. Мы тогда писали онъ подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ какъ я пишу и сказалъ: Никуда ты не годися, какъ четыре пьяницы за руки побралисъ да шатаются да идутъ, такъ ты и пишешь. На третій день я пришелъ нерано, а учительницы уже нѣтъ. Учитель пріѣхалъ. Онъ меня посадилъ въ первое отдѣленіе. Я посидѣлъ въ первомъ отдѣленіи одинъ день, а на другой день въ среднемъ отдѣленіи пересадилъ. Теперь я сижу ужъ въ третимъ отдѣленіи, такъ что сей годъ буду экзаменъ сдавать. Даже страшно!“

Наконецъ послѣдній ученикъ четырнадцати лѣтъ, вялый, не особенно способный, но очень добросовѣстный и прилежный. Учится четвертый годъ.

„Я началъ учиться въ 1894 году. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Мнѣ не хотѣлось итти въ школу, а меня отвели тятя. Когда мы пришли въ школу, учительница уже учила и не принимала меня, потому что меня привели передъ загвѣнами. Ее насилу упросили тятя. Она и приняла меня и посадила на задній столъ. Мнѣ въ школу нехотѣлось итти потому, что я еще не зналъ читать, а товарищи мои уже знали читать. Такъ проходилъ я цѣлую зиму, и все отставалъ отъ товарищей. На другой годъ мнѣ стало лучше прежняго ходить. Я ужъ не отставалъ отъ товарищей, но только я не долго ходилъ на другой годъ. Я проходилъ двѣ недѣлѣ да и захворалъ и прохворалъ до Рождества Христова и позабылъ хорошо читать. Я опять пошелъ послѣ Святокъ въ школу. Думалъ, что Александра Андреевна не приметъ, коли приняла и посадила опять въ среднюю группу, но только мнѣ гадко было ходить, потому что я позабылъ читать и писать, и она меня часто становила на колѣни и оставляла безъ обѣда за законъ Божій. Такъ проходилъ я и другой годъ. На третій годъ пріѣхалъ учить учитель. Мы начали молотить пшеницу и мнѣ нѣкогда было ходить. Мы помолотили пшеницу я и пошелъ въ школу. Пришелъ я въ школу, а учителя еще небыло. Тогда пришелъ учитель и посадилъ меня встаршую группу. На другой день меня вылаялъ новый учитель, зато что я съ книги списывалъ и ошибокъ много надѣлалъ. Тогда я началъ стараться лучше писать. Я просидѣлъ до ползимы въ старшой группѣ. Учитель нашъ сказалъ: Вы не будете сей годъ сдавать экзаменъ, потому что васъ двое и теперь хоть и сдадите, то только получите по свидѣтельству. Мы и отставили. Намъ учиться хорошо было: мы все знали, то что сред-

нихъ учатъ. Я ходилъ пока роспустили. Я поступилъ на четвертый годъ. Мнѣ хорошо было учиться, я зналъ сложеніе, вычитаніе, и умноженіе, а дѣленія не зналъ, и законъ Божій не хорошо выучивалъ. Мнѣ сей годъ кончать курсъ".

Другой примѣръ практическаго примѣненія этой идеи былъ сдѣланъ однимъ учителемъ *) надъ своимъ сыномъ. Мальчикъ учился въ начальной городской школѣ. Сознавая недостатокъ нашей школы при обученіи письму, отецъ рѣшилъ пополнить его. При этомъ въ своихъ занятіяхъ онъ исходилъ изъ такого положенія: устная рѣчь устное сочинительство, не отличаясь ничѣмъ въ цѣляхъ своихъ отъ письменнаго, гораздо легче послѣдняго, и въ то же время включаетъ въ себя, всѣ тѣ элементы психической дѣятельности, которые, какъ главная часть, входятъ и въ письменное изложеніе мыслей. Поэтому, слѣдуя общему дидактическому положенію: переходить отъ болѣе простого и легкаго къ болѣе сложному и трудному, и удобнѣе начинать не прямо съ письменныхъ сочиненій, а сперва съ устныхъ. И только тогда, когда ученикъ пріобрѣтетъ навыкъ болѣе или менѣе связно передавать свои мысли, впечатлѣнія устно, переходить къ письменному ихъ изложенію.

Поэтому въ первый годъ обученія онъ рѣшилъ сперва научить сына сочинять устно. Дѣлалъ это онъ такимъ образомъ: мальчику задается на день разсказъ для чтенія. Этотъ разсказъ они прочтутъ вмѣстѣ, разберутъ; ученикъ разскажетъ прочитанное, выведетъ главную мысль. Потомъ отецъ заставляетъ его придумать свой разсказъ на эту-же тему. Разсказы составлялись сперва по образцу и плану прочитаннаго, потомъ, съ пріобрѣтеніемъ навыка къ разсказу, независимо отъ плана и содержанія прочитаннаго, лишь бы въ разсказѣ была та-же идея. Такими упражненіями занимались они почти въ продолженіе года, когда только позволяло время. Къ концу года отъ устныхъ разсказовъ они перешли къ письменному изложенію этихъ разсказовъ.

Оказалось, что послѣ устныхъ упражненій письменныя не представляли для него никакого затрудненія, и онъ свободно съ ними справлялся. Правда, страдала сильно орѳографія. Но эта бѣда оказалась вполнѣ поправимою. Отецъ поправлялъ вмѣстѣ съ нимъ работы и постоянно указывалъ на ошибки, заставляя переписывать исправленное. Такъ занимались они и въ началѣ второго года. Работы эти были любимымъ занятіемъ мальчика. Потомъ отецъ показалъ ему, какъ вести дневникъ; далъ ему тетрадку и велѣлъ запи-

*) Учитель этотъ занимается со мной въ одномъ училищѣ, и онъ сообщилъ мнѣ планъ своихъ занятій, изложенный ниже.

сывать въ нее все то, что онъ пожелаетъ: и свои разсказы, и свои впечатлѣнія, событія и т. п. Веденіе этого дневника не было обставлено никакими формальностями: онъ могъ писать, когда угодно и что угодно. Изрѣдка дневникъ этотъ просматривался и исправлялся. Мальчикъ писалъ въ немъ почти каждый день. Матеріалъ былъ самый разнообразный. И вотъ, такое упражненіе въ изложеніи своихъ дѣтскихъ мыслей въ продолженіе двухъ лѣтъ дало такіе же результаты, которыхъ можно пожелать не только ученику приготовительнаго класса девяти лѣтъ, а хотя-бы и ученику четвертаго класса любого средняго учебнаго заведенія. Я познакомился съ этимъ дневникомъ такимъ образомъ. Въ нынѣшнемъ году этотъ ученикъ поступилъ ко мнѣ въ приготовительный классъ.

Когда послѣ Рождества я приступилъ съ учениками къ письменнымъ сочиненіямъ, меня поразило, при его среднихъ способностяхъ, совершенно свободное изложеніе своихъ дѣтскихъ мыслей. Я спросилъ у него: писалъ ли онъ раньше. „Да, я веду дневникъ". Этотъ дневникъ онъ принесъ мнѣ. Изъ этого дневника я не могу не привести для образца нѣсколькихъ страницъ. Я приведу первыя страницы, ничего не пропуская и не измѣняя ороографіи. Писался этотъ дневникъ лѣтомъ послѣ двухъ лѣтъ обученія.

„8 іюля. Вторникъ. Сегодня уѣхалъ папа. Онъ поѣхалъ въ Москву а изъ Москвы въ Смоленскъ, къ графу Уварову. Я объ этомъ не очень жалѣю потомушто папа скоро пріѣдитъ, въ концѣ іюля. Сегодня былъ пасмурный день, небо было покрыто облаками, и потому солнце не показывалось".

„9 іюля среда. Я сегодня читалъ хорошій разсказъ, который называется Свѣчка. Мнѣ онъ очень понравился. Въ немъ говорится о томъ, какъ злой приказчикъ билъ мужиковъ и заставлялъ ихъ очень много работать; разъ онъ заставилъ ихъ пахать въ первый день Пасхи. Одинъ добрый мужикъ поставилъ свѣчку на соху и пѣлъ церковныя пѣсни. Прикащикъ узналъ объ этомъ и ему стало совѣстно. И онъ сталъ послѣ того пить водку, здѣлался бѣднымъ и умеръ. Я думаю, если злой человѣкъ, какъ этотъ прикащчикъ прочтетъ этотъ разсказъ, то ему будетъ грустно".

„10 іюня четвергъ. Я сегодня читалъ разсказъ Толстого объ Осадѣ Севастополя. Описываѐтся тамъ какъ была война; какъ несли раненыхъ, какъ бомбы, ядра летѣли въ низъ и убивали солдатъ. Мнѣ грустно если я читаю этотъ разсказъ, и даже страшно".

„11 іюля пятница. Я сегодня проспалъ и позабылъ куръ на кормить. Другой разъ нужно раньше вставать".

14 іюля понедѣльникъ. Мы сегодня сдѣлали прогулку въ лѣсъ Прогулка была очень интересная. Вечеромъ въ лѣсу очень хорошо.

Мы наблюдали, какъ мурави живутъ, какъ они трудятся. Они строятъ дома громадные, таскаютъ соломинки, прутья, землю, и листочки. У нихъ есть комнаты, двери, которые за крываются и открываются. Сверху домъ закрытъ землею, чтобы не промочилъ дождь. Мы разрыли немного землю въ муравейникъ, и муравьи ползали и чинили это мѣсто. Они такъ работали, что мы удивлялись ихъ трудолюбію".

„15 іюля вторникъ. У нашей дачѣ есть муравейникъ. Мы положили туда сахаръ и стали смотрѣть. Мелкій сахаръ они растаскали, а большой кусокъ хотѣли протащить въ дыру, но не могли. Тогда они раскололи кусокъ и унесли".

„18 іюля пятница. Мы нашли два камня. Стали бить одинъ одругой и получились искры. Это были два кремня. Раньше люди получали такъ огонь: они терли два куска сухого дерева, и они загорались. Мы тоже здѣлали такъ. Огонь у насъ не получился но дерево стало горячимъ и запахло гарью".

За недостаткомъ времени и мѣста я не могу привести здѣсь слѣдующихъ страницъ дневника, которыя такъ-же, какъ и приведенныя, не только интересны, какъ образецъ изложенія девятилѣтняго мальчика, достигнутаго исключительно путемъ упражненія въ изложеніи своихъ собственныхъ мыслей, но также представляютъ большой интересъ по своему содержанію. Эти страницы даютъ намъ прекрасную характеристику мальчика, его способностей, его интересовъ, наблюденій. Изъ двухъ небольшихъ тетрадокъ, лежащихъ передо мною, я узналъ ученика такъ, какъ не могъ-бы опредѣлить его за два, за три года. И мнѣ кажется, что веденіе такихъ дневниковъ нашими учениками, куда бы записывали они попутно случаи, происшествія изъ своей жизни, содержаніе прочитанныхъ книжекъ, свои впечатлѣнія, наблюденія, мысли, и которые хотя бы разъ въ недѣлю просматривались и исправлялись учителемъ, кромѣ того, что могло бы служить для нихъ прекраснымъ упражненіемъ въ изложеніи своихъ мыслей, въ то же время дало бы возможность учителю гораздо ближе и основательнѣе познакомиться съ душевнымъ міромъ и складомъ ученика, его запросами, интересами, любовью къ учителю и т. д.

Я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на упомянутомъ пріемѣ предварительныхъ устныхъ и потомъ письменныхъ сочиненій на темы прочитанныхъ разсказовъ. Заключая въ себя естественный переходъ отъ легкаго къ трудному, этотъ пріемъ имѣетъ еще то значеніе, что не ставитъ ученика ни въ какія рамки при выборѣ матеріала для сочиненія. Ему предоставляется полный просторъ самодѣятельности; онъ можетъ распоряжаться всѣмъ своимъ

умственнымъ багажемъ. А это имѣетъ для маленькаго ученика весьма важное значеніе. Почему онъ не можетъ написать иногда на данную учителемъ тему, повидимому и подходящую, двухъ-трехъ строкъ? А только потому, что учитель своею опредѣленною, строго ограниченною темою поставилъ его въ такія условія, при которыхъ онъ не въ силахъ найти для нея подходящаго матеріала. И если старшаго ученика строго опредѣленныя рамки темы, дисциплинируя его умъ, заставляютъ разбираться въ имѣющемся въ его душѣ матеріалѣ, то младшаго ученика, который не въ силахъ еще этого сдѣлать, они ставятъ только въ невозможныя для работы условія. Поэтому-то младшимъ ученикамъ работы на такія темы и трудны и непріятны, между тѣмъ какъ на темы, предоставляющія имъ свободу, они пишутъ легко и охотно.

Кромѣ того, упражненія, какъ устныя, такъ и письменныя, на тему прочитанныхъ разсказовъ имѣютъ еще одно значеніе. Наша школа, не только начальная, но и средняя почему-то совершенно игнорируетъ развитіе въ ученикѣ творческаго (конструктивнаго) или активнаго воображенія. Трудно найти хотя бы одно упражненіе въ нашей школѣ, которое преслѣдовало бы развитіе этой способности. Даже нужно сознаться, что далеко не прошло еще то время, особенно у насъ, когда смотрѣли на развитіе этой способности, какъ не только на безполезную, но даже вредную способность души, и если воспитаніе и въ школѣ и дома должно было касаться воображенія, то съ единственной цѣлью подавлять его дѣятельность.

Соглашаясь, конечно, съ тѣмъ, что пассивное (непроизвольное) воображеніе, чрезмѣрно развитое, часто влечетъ за собою какъ моральныя опасности (недовольство мечтателя дѣйствительной жизнью и отсутствіе дѣятельности), такъ и интеллектуальныя (господство чувства надъ воображеніемъ и потому „неспособность къ спокойному преслѣдованію истины“ *), нельзя согласиться съ тѣмъ, что активное творческое воображеніе, управляемое нашею волею, можетъ быть, хотя въ какомъ-либо отношеніи, вреднымъ для ученика и должно подавляться воспитаніемъ. „Сильное, стремительное и яркое воображеніе—говоритъ Ушинскій,—съ которымъ душа человѣка не можетъ бороться, создаетъ безумцевъ; но то же воображеніе, покорное волѣ человѣка, создаетъ не только великихъ поэтовъ, но также великихъ мыслителей и ученыхъ“.

Развитію-то этой важной способности души человѣка и могли бы какъ нельзя лучше служить упомянутыя сочиненія на темы прочитанныхъ разсказовъ, предоставляя ученику возможность, при

*) Селли. Психологія.

участіи воли, строить новыя опредѣленныя комбинаціи изъ имѣющагося въ душѣ матеріала.

Такія упражненія въ устномъ сочинительствѣ практиковались мною въ школѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Дѣло велось такъ-же, какъ упомянуто было выше. Ученики читаютъ въ классѣ разсказъ, разбираютъ его, разсказываютъ, выводятъ главную мысль. Потомъ я заставлялъ ихъ составлять свой разсказъ на эту же тему. Вначалѣ, когда упражненіе это для нихъ еще ново, имъ бываетъ нѣсколько трудно съ нимъ справляться, и мало являлось учениковъ съ своимъ предложеніемъ. Поэтому я обыкновенно сперва самъ даю имъ образцы разсказовъ или же помогалъ имъ составлять ихъ разсказы. Но скоро многіе улавливаютъ, въ чемъ дѣло, и уже не нуждаются ни въ какой помощи. Совмѣстное классное обученіе помогаетъ дѣтямъ съ болѣе слабымъ воображеніемъ учиться составлять эти разсказы, слушая разсказы другихъ. Сперва эти разсказы обыкновенно бываютъ очень похожи на прочитанные, съ замѣной лишь дѣйствующихъ лицъ, но потомъ съ пріобрѣтеніемъ навыка къ разсказу, они получаютъ все болѣе и болѣе самостоятельный характеръ, нисколько не завися отъ плана и даже отъ содержанія прочитаннаго, сохраняя въ себѣ только ту же идею. Матеріалъ для этихъ разсказовъ берутъ ученики по большей части изъ своей дѣтской жизни или же изъ жизни ихъ окружающей. Иногда же они пользуются матеріаломъ, полученнымъ изъ чтенія, комбинируя его такъ, какъ это имъ нужно, или же, если читанный ими когда-то разсказъ по своей идеѣ подходитъ къ требуемому, приводятъ его цѣликомъ не измѣняя, вызывая и укрѣпляя въ своей душѣ полученные образы. Отличительное свойство этихъ разсказовъ это ихъ правдивость. Фантастическій разсказъ, не имѣющій въ основѣ дѣйствительности, всегда безпощадно критикуется учениками: „Это нехорошо, это не правда“! слышится со всѣхъ сторонъ послѣ такого разсказа.

Чувство мѣры и дѣйствительности, правда, своей дѣтской дѣйствительности развито у нихъ очень сильно. Занятія эти ученики очень любятъ, и если на первыхъ порахъ бываетъ не такъ много желающихъ, то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предложеніе уже превышаетъ спросъ и приходится устанавливать строгую очередь для желающихъ.

Письменныя работы такого рода мнѣ еще мало пришлось примѣнять, почему о нихъ я не могу сказать еще ничего опредѣленнаго въ смыслѣ практическаго примѣненія.

Къ такого-же рода работамъ, развивающимъ творческое воображеніе въ ученикахъ, и въ то же время дающимъ возможность свободно пользоваться матеріаломъ для письменныхъ упражненій

нужно отнести еще одно упражненіе—это писаніе сочиненій по картинкамъ. Упражненія эти возможны только съ болѣе старшими учениками въ третій годъ обученія, хотя я знаю два случая, когда они примѣнялись въ начальной школѣ и во второй годъ обученія и не безъ успѣха. Состоятъ они въ слѣдующемъ. Учитель приноситъ въ классъ какую-либо картину, по большей части жанроваго содержанія, вывѣшиваетъ ее передъ классомъ на доскѣ и разбираетъ съ учениками, что на ней нарисовано. Положимъ, картинка изображаетъ мужика, ѣдущаго изъ лѣсу съ дровами. Посредствомъ ряда вопросовъ выясняется, что на ней изображено: „Кто это ѣдетъ?“, „Откуда ѣдетъ?“, „Куда ѣдетъ?“ и т. д. Этимъ и заканчивается работа учителя. Дальше ученики уже сами не описываютъ картинку, а составляютъ по ней разсказъ, для котораго она служитъ или сюжетомъ разсказа, или исходною точкою. И вотъ здѣсь начинается работа учениковъ. Одинъ пишетъ, какъ у крестьянина не достало дровъ, какъ онъ поѣхалъ въ лѣсъ, нарубилъ ихъ; какъ пріѣхалъ, какъ дѣти и жена были рады, что теперь они истопятъ печку и будетъ тепло и т. д. Другой пишетъ, что у крестьянина пала корова, а у него маленькія дѣти; нѣтъ молока, и онъ теперь зимою рубитъ дрова, возитъ ихъ въ городъ продавать, а когда скопитъ денегъ, то весною купитъ корову и т. д. Третій, — что крестьянинъ нанялся къ купцу возить дрова изъ лѣсу: семья у него большая; хлѣба уродилось мало и, чтобы заработать денегъ на хлѣбъ, онъ теперь возитъ дрова и т. д. *).

Разсказы получаются самые разнообразные; исполняются учениками съ большою охотою и легко, свободно. Ни матеріалъ, ни тема ихъ не стѣсняетъ, и они работаютъ каждый по своему. Упражненія эти также слѣдуетъ начинать съ устныхъ сочиненій и потомъ уже переходить къ письменнымъ.

Картинки для этихъ сочиненій лучше всего брать не сложныя, но содержательныя, которыя вызывая въ душѣ ученика обильный матеріалъ для творчества, не разсѣивали-бы его вниманія. Такія картинки всегда можно найти въ нашихъ иллюстрированныхъ журналахъ. Правда, они будутъ страдать своими размѣрами, но, имѣя въ виду возможность найти въ нихъ подходящее содержаніе, придется мириться съ этимъ.

Наконецъ, къ такого-же рода работамъ можно отнести еще указываемыя Л. Н. Толстымъ сочиненія разсказовъ на пословицы

*) Содержаніе этихъ разсказовъ взято мною изъ ученическихъ тетрадокъ.

Исполняться такого рода работы могутъ учениками только болѣе развитыми; но я думаю, что если вести дѣло послѣдовательно, переходя постепенно отъ сочиненій на темы прочитанныхъ статей къ сочиненіямъ по картинкамъ, то къ концу третьяго года въ начальной школѣ можно предложить и такого рода работы.

Вотъ все, что я могу сообщить относительно практическаго примѣненія развиваемой мною идеи.

Формулируя вкратцѣ все сказанное, я прихожу къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Современная постановка письменныхъ работъ въ школѣ, какъ преслѣдующая главнымъ образомъ одну только внѣшнюю сторону письма (правописаніе) и оставляющая почти безъ вниманія внутреннюю сторону (письменное изложеніе мыслей), не можетъ быть признана желательной.

2) Школа должна преслѣдовать главнымъ образомъ не внѣшнюю сторону письма, а внутреннюю.

3) Провѣрочной письменной работой на экзаменѣ должно служить только изложеніе ученикомъ своихъ мыслей, гдѣ обращается вниманіе на правописаніе, а никакъ не на диктовку.

4) Существующій методъ пріученія учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей, въ видѣ переложенія прочитаннаго какъ по вопросамъ, такъ и безъ вопросовъ, нельзя признать удовлетворительнымъ, такъ какъ въ такого рода письменныхъ упражненіяхъ, во-первыхъ, мало душевной работы и, во-вторыхъ, нѣтъ изложенія своихъ мыслей.

5) Средствомъ для пріученія учениковъ къ изложенію своихъ мыслей могутъ служить только такого рода упражненія, въ которыхъ ученики дѣйствительно излагаютъ свои мысли, т. е. ученическія сочиненія, въ обширномъ смыслѣ слова.

6) Устныя сочиненія должны предшествовать письменнымъ.

7) Темы, предлагаемыя ученикамъ для сочиненій, должны предоставлять ученикамъ полный просторъ, какъ въ выборѣ матеріала такъ и въ пользованіи имъ.

Такому требованію, развивая въ то же время въ ученикахъ творческое воображеніе, могутъ удовлетворять:

а) сочиненія на темы прочитанныхъ разсказовъ,

б) сочиненія разсказовъ по картинкамъ и

в) сочиненія разсказовъ на пословицы.

И. Трояновскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. К. Гортовъ, преподаватель Елабужскаго реальнаго училища. Методическое руководство къ обученію письму. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Елабуга. 1904. 120 стр. in 8°. Цѣна 70 коп.

Авторъ весьма детально и обстоятельно излагаетъ правила и пріемы письма для учащихся, такъ детально что слѣдованіе имъ грозитъ, пожалуй, переутомленіемъ или, во всякомъ случаѣ, замедленіемъ достиженія желательныхъ результатовъ обученія. Не ссылаясь даже на американцевъ, научающихъ дѣтей читать и писать безъ особаго принужденія, можно признать, что идеаломъ обученія письму слѣдовало бы считать тотъ, благодаря которому умѣніе писать достигается съ наименьшею тратою времени и труда при возможно большемъ упрощеніи пріемовъ и правилъ письма. Этими достоинствами однако не обладаетъ разбираемое руководство г. Гортова.

Вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на обученіи начинающаго тремъ основнымъ элементамъ буквъ—прямой чертѣ и двумъ овальнымъ, съ выпуклостью вправо и влѣво—авторъ подробно останавливается на письмѣ основной черты съ закругленіемъ внизу, вверху, вверху и внизу. Затѣмъ, изучивъ четыре основныя черты, согласно генетическому методу, слѣдуетъ, по словамъ автора, „переходить къ изученію письма праваго полуовала, который начинается основной чертой съ верхнимъ закругленіемъ, а не лѣваго, какъ нѣкоторые дѣлаютъ", на каковое изученіе посвящается въ руководствѣ до четырехъ страницъ. За обученіемъ письму перваго полуовала слѣдуетъ обученіе письму лѣваго полуовала (семь страницъ). Самъ авторъ говоритъ: „Если раздѣлить овалъ прямою наклонною чертою пополамъ, то ясно увидимъ, что онъ составленъ изъ лѣваго и праваго полуоваловъ, повороты которыхъ только шире (овальнѣе)". Казалось бы, что послѣ подобнаго замѣчанія не было бы и нужды пускаться въ дальнѣйшее, болѣе подробное описаніе овала; однако, и на это авторъ тратитъ до шести страницъ.

Далѣе идетъ обученіе письму дробныхъ чиселъ и знаковъ препинанія, какъ будто бы все это представляетъ нѣчто особенное и требующее спеціальнаго объясненія со стороны преподавателя.

Авторъ долго останавливается на каждой прописной буквѣ. Научивъ чертить *Л*, онъ учитъ чертить *А* и *М*; научивъ писать отдѣльныя буквы,

даетъ примѣры связнаго письма изъ нѣсколькихъ буквъ (напр., *ошошо, отото*), т. е. дѣлаетъ содержаніемъ руководства собственно то, что составляетъ цѣль упражненія, цѣль не теоріи, а практики письма. Правда, авторъ имѣетъ въ виду собственно учителей, а не учениковъ, и потому считаетъ себя какъ бы въ правѣ излагать всѣ детали своей спеціальности до крайнихъ предѣловъ; однако, и въ такомъ случаѣ можно было бы многое предоставить соображенію и инниціативѣ читателя, а не водить его на помочахъ въ ущербъ времени и терпѣнію послѣдняго. Авторъ, повидимому, думаетъ даже, что читатель не сумѣетъ подыскать примѣры словъ на букву *ѣ*, и даетъ цѣлый рядъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ: апрѣль, бѣдный, вѣкъ, гнѣздо и т. д., чему посвящаетъ чуть не цѣлую страницу.

Скорописи авторъ отводитъ 11 страницъ. „Все вниманіе учителя“, по словамъ его, „должно быть обращено на легкость и быстроту выполненія каждой правильной формы буквъ, чтобы учащіеся писали ихъ какъ можно болѣе легкимъ нажимомъ пера на бумагѣ, передвигая кисть руки только на мизинцѣ и соединяя въ словѣ столько буквъ, сколько возможно“.

„Главное вниманіе учителя должно быть обращено и на то, чтобы избавить пишущаго отъ необходимости отрывать перо во всѣхъ возможныхъ сочетаніяхъ“. Этими наставленіями, казалось бы, могла и ограничиться роль автора; однако онъ заполняетъ цѣлыя страницы примѣрами, прямо излишними для читателя-учителя.

Авторъ говоритъ: „Чтобы каждое слово можно было писать однимъ пріемомъ, обучающій знакомитъ учащихся съ болѣе удобными формами нѣкоторыхъ строчныхъ и прописныхъ буквъ, изучая ихъ незначительныя измѣненія“. Дѣйствительно, вопросъ о сокращеніи, упрощеніи и вообще возможно болѣе удобномъ измѣненіи буквъ считается весьма важнымъ для скорописи, а потому и не удивительно, что и педагогами, и окулистами, и гигіенистами, русскими и иностранными, предлагаемы были совѣты къ упрощенію многихъ неудобныхъ буквъ алфавита. Авторъ же совсѣмъ не входитъ въ детальное разсмотрѣніе этого вопроса и ограничивается совѣтомъ читателю упражняться въ начертаніи буквъ непрерываемомъ, безъ отрыванія пера отъ бумаги, но не касается совсѣмъ вопроса о сокращеніи начертанія буквъ, что въ высшей степени желательно, хотя бы для такихъ буквъ, какъ ж, т, ш, щ и т. д.

„Нормальной величиной буквъ“, по автору, „слѣдуетъ признать размѣръ въ 3 мм. и никакъ уже не менѣе $2^1/_2$ мм. и то по окончаніи положеннаго курса скорописанія“. Ради наглядности слѣдовало бы иллюстрировать это надлежащимъ примѣромъ; однако авторъ, безмѣрно щедрый на примѣры въ своемъ руководствѣ, въ этомъ случаѣ измѣняетъ своему правилу и предоставляетъ вѣдаться съ ними самому читателю.

Въ главахъ о письмѣ каллиграфическомъ и о письмѣ римскими цыфрами не имѣется ничего, особенно заслуживающаго вниманія.

Наконецъ, не входя въ подробности оцѣнки качествъ прямого почерка, авторъ посвящаетъ ему нѣсколько страницъ, указывая основныя правила о томъ, какъ держать тетрадь при письмѣ этимъ почеркомъ.

При руководствѣ имѣются и двоякаго рода прописи—для упражненія въ письмѣ косымъ и прямымъ почеркомъ—весьма удобныя для пользованія учащимися.

Изъ всего сказаннаго нами о руководствѣ г. Гортова видно, что основной его недостатокъ заключается въ черезъ-чуръ детальномъ изложеніи пріемовъ и правилъ письма, утомительныхъ не только для ученика, но и для учителя и въ слишкомъ усердномъ теоретизированіи предмета, имѣющаго главнымъ образомъ практическое, утилитарное значеніе. Этотъ недостатокъ однако не умаляетъ достоинствъ руководства, щедро его возмѣщающихъ и ставящихъ трудъ автора на ряду съ лучшими сочиненіями по вопросу о письмѣ.

Авторъ съ любовью и терпѣніемъ проводитъ свой взглядъ на обученіе письму и старается запечатлѣть въ умѣ учащагося каждую букву, каждую ея черту, и если можетъ быть обвиняемъ въ чемъ, то отнюдь не въ недочетахъ какихъ либо относительно обученія, но скорѣе въ излишнемъ усердіи, въ слишкомъ кропотливомъ, мелочномъ преслѣдованіи своей цѣли.

Самое изложеніе предмета толково, удобопонятно для ученика, учителю же крайне облегчаетъ трудъ преподаванія массою совѣтовъ и указаній, и обильнѣйшимъ подборомъ примѣровъ и упражненій по всѣмъ подробностямъ начертанія буквъ и ихъ комбинированія.

Воззрѣнія автора на подробности обстановки письма (орудія письма, школьный столъ, посадка учащагося и пр.) отвѣчаютъ вполнѣ современнымъ требованіямъ педагогики и гигіены и показываютъ въ авторѣ спеціалиста, преданнаго своему дѣлу и стоящаго au courant всего, что проводится въ его спеціальности.

Изданіе руководства, его бумага, печать и стоимость заслуживаютъ полнаго одобренія и подражанія.

Словомъ, руководство можетъ быть отнесено къ числу весьма удовлетворительныхъ и годныхъ для пользованія. Оно можетъ быть рекомендовано для учащихся съ извѣстными оговорками и сокращеніями; что же касается учителей, то едва ли они найдутъ въ немъ много новаго и поучительнаго.

А. Виреніусъ.

Вопросы воспитанія и обученія. Труды педагогическаго общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Изд. Д. И. Тихомирова. Москва, I т. 1901 г. ц. 1 р. 25 к., II т. 1904 г. ц. 1 р.

Изъ всѣхъ педагогическихъ обществъ Московское—самое энергичное, и дѣятельность его наиболѣе плодотворна. Кто возьметъ на себя трудъ про-

смотрѣть протоколы закрытыхъ и публичныхъ засѣданій этого общества за $3^1/_2$ года (съ 1-го января 1900 по іюнь 1903), тотъ увидитъ, какая кипучая и увлекательная жизнь идетъ въ собраніяхъ московскихъ педагоговъ, какіе животрепещущіе вопросы выдвигаютъ они, какъ разносторонне обсуждаютъ ихъ, какія широкія перспективы указываютъ улучшеніямъ въ будущей школѣ и какія обстоятельныя рѣшенія даютъ назрѣвшимъ и поставленнымъ вопросамъ педагогическаго дѣла. Этимъ оно совершенно противоположно Петербургскому педагогическому обществу. Въ то же время Московское педагогическое общество не замыкается въ кругѣ спеціальныхъ вопросовъ и поддерживаетъ живую связь съ обществомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова: рядъ публичныхъ засѣданій его посвящено было чтеніямъ и сообщеніямъ для постороннихъ слушателей, собиравшихся въ значительномъ числѣ и съ интересомъ слѣдившихъ за докладами ораторовъ-педагоговъ. Въ теченіе истекшаго времени педагогическое общество предлагало вниманію публики разсмотрѣніе такихъ, напримѣръ, темъ, какъ—„Организація средняго образованія во Франціи" (Е. А. Котляревской), „Воспитательное чтеніе, какъ основа преподаванія русскаго языка" (Ц. П. Балталона), „Объединеніе національнаго образованія въ Россіи" (П. Ѳ. Дворникова), „Изученіе дѣтской природы, какъ основа воспитанія" (В. М. Михайлова), „Физіологическія основы воспитанія" (Э. О. Грейлиха), „Гоголь и Жуковскій въ народной школѣ" (Д. И. Тихомирова), „Жуковскій, какъ наставникъ Александра II" и друг. Къ изданнымъ въ двухъ выпускахъ протоколамъ Московскаго общества приложены доклады и рефераты, читанные въ его засѣданіяхъ,—они и составляютъ болѣе чѣмъ $^2/_3$ каждой книги. Въ I-мъ помѣщены сообщенія И. П. Казанскаго „Итоги опыта изслѣдованія грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ", Э. Е. Лейста—„Къ вопросу о распредѣленіи лѣтняго вакаціоннаго времени", Ф. Ланнъ—„Матеріалы по вопросу о методологіи новыхъ языковъ (довольно скучные матеріалы); во II-мъ находимъ рефераты И. Казанскаго „Литературныя чтенія и бесѣды въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднія 20 лѣтъ", П. Сакулина „Научная реформа школьнаго синтаксиса", а въ концѣ книги довольно удивительную первую, какъ говоритъ составитель, и несомнѣнно поспѣшную, какъ думаемъ мы, попытку систематическаго обзора *рукописей* баснописца Крылова: работа В. Каллаша прилѣплена въ „Трудахъ педагогическаго общества ни къ селу, ни къ городу (вѣдь не читалъ же онъ своихъ мелочныхъ выписокъ и кропательскихъ сличеній передъ какими бы то ни было слушателями!), а главное представляетъ необработанный матеріалъ, пригодный развѣ лишь въ архи-спеціальномъ изданіи; кромѣ сличеній варіантовъ въ этомъ отдѣлѣ ничего нѣтъ, хоть сколько нибудь похожаго на рефератъ, статью, сообщеніе... Очевидно „о рукописяхъ И. А. Крылова" педагогическое общество помѣстило преимущественно для самоуслажденія самого В. Каллаша, чего не слѣдовало бы дѣлать хотя уже потому, что „Вопросы", изданные обществомъ, предназначены

для публики и поступили по опредѣленной (и надо сказать,— крайне высокой и мало доступной) цѣнѣ въ продажу. Въ I-омъ выпускѣ помѣщено два обстоятельныхъ доклада коммиссіи: „По вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи“ и „По вопросу о желательномъ преобразованіи средней школы“; во II-мъ —докладъ коммиссіи преподавателей городскихъ по положенію 1872 г. училищъ. По поводу перваго доклада и радикальныхъ его выводовъ было уже не мало шума; послѣдніе же два доклада имѣютъ и педагогическое, и общее значеніе, почему мы и остановимся на нихъ подробнѣе.

Первый изъ нихъ напечатанъ въ видѣ статьи, разбитой на три части, подъ заглавіемъ: Нравственное, эстетическое и физическое воспитаніе въ средней школѣ“. Къ ней приложено общее заключеніе и основныя положенія. Составители доклада исходятъ изъ вѣрныхъ положеній и предлагаютъ рядъ реформъ, предупреждая при этомъ, что новая истинно-педагогическая школа можетъ возникнуть только въ томъ случаѣ, если всѣ стороны предлагаемой ими реформы получатъ дѣйствительное осуществленіе, потому что всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ одно органическое цѣлое. Отдѣльныя мѣропріятія, вырванныя изъ этой органической среды, могутъ оказаться иногда не только безполезными, но даже и неблагопріятно отозваться на жизни школы (стр. 61). Основные принципы, полагаемые коммиссіей въ основу проекта, сводятся въ общемъ къ слѣдующему: децентрализація школьнаго дѣла, улучшеніе матеріальнаго и служебнаго положенія учителей, довѣріе къ учебному персоналу школы, дружелюбное отношеніе къ семьѣ, обществу и печати, сосредоточеніе обученія на идейныхъ знаніяхъ, бережная охрана индивидуальныхъ наклонностей ученика и уваженіе къ его человѣческой личности. Изъ многихъ любопытныхъ заключительныхъ положеній мы приведемъ для образца три.

Московскіе педагоги основательно требуютъ: чтобы похвальные листы, награды, записываніе на золотую доску, распредѣленіе и пересадка учениковъ по ихъ успѣхамъ—были изгнаны изъ школы, чтобы всякаго рода баллы (поурочные, четвертные и годовые) были совершенно устранены изъ школы; способы же освѣдомленія родителей объ занятіяхъ ихъ дѣтей должны быть выработаны педагогическими совѣтами. Коммиссія считаетъ также важнымъ средствомъ для развитія въ ученикахъ стремленія къ самосовершенствованію —снятіе запрещенія съ издаваемыхъ ими журналовъ и устраиваемыхъ ими кружковъ для самообразованія и т. п. и т. п.

Второй докладъ касается реформы городскихъ училищъ, столь необходимой для нихъ послѣ положенія 1872. Коммиссія ставитъ вопросъ и рѣшаетъ съ широкой точки зрѣнія, связывая реформы съ общей постановкой вопроса о нашемъ среднемъ образованіи. По мнѣнію докладчиковъ ошибокъ, которыхъ такъ много бываетъ въ средней школѣ, по крайней мѣрѣ грубыхъ ошибокъ воспитанія, не было бы, если бы существовали рядомъ со среднею школою и школы, имѣющія характеръ подготовительной для средней, какъ для низшихъ, такъ и для среднихъ классовъ. А такою школою, подготовля-

ющею, между прочимъ, своихъ питомцевъ для среднихъ классовъ средней школы, только и единственно можетъ быть высшее городское училище, которое наряду со своими цѣлями воспитанія и образованія, служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, психологической лабораторіей въ опредѣленіи индивидуальныхъ или оригинальныхъ особенностей характера своихъ питомцевъ, служило бы учебнымъ заведеніемъ, гдѣ съ большей правильностью и безъ грубыхъ ошибокъ могъ бы совершаться естественный отборъ учащихся для средней школы. Слѣдовательно, высшему городскому училищу, каковымъ оно является по положенію 1872 г., надлежитъ отвести естественное, ему только принадлежащее мѣсто въ общей системѣ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, какъ учебному заведенію, могущему служить посредствующимъ звеномъ между низшими учебными заведеніями (начальными) и средними, со своими, впрочемъ, ему присущими особенностями курса учебныхъ предметовъ. Такое учебное заведеніе могло бы съ полнымъ успѣхомъ выполнять двѣ функціи: поставлять въ среднюю школу надежный контингентъ для среднихъ ея классовъ, а также выполнять и собственныя, ему принадлежащія функціи: дать по возможности широкій просторъ развитію способностей своего ученика, его интеллекта, съ опредѣленнымъ взглядомъ на окружающую его жизнь, съ извѣстными нравственными принципами и до нѣкоторой степени развернутымъ міровоззрѣніемъ. Поэтому, такое учебное заведеніе, какъ высшее городское училище, и должно занять въ ряду общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній такое мѣсто, чтобы, выполняя спеціальныя, ему присвоенныя функціи низшаго общеобразовательнаго учебнаго заведенія, дающаго необходимое и достаточное, соотвѣтствующее требованіямъ времени образованіе, оно вмѣстѣ съ тѣмъ было бы органически связано со среднею общеобразовательною школою, такъ какъ оно должно быть органически связано и со школою низшею (стр. 5—6). Коммиссія предлагаетъ два типа городскихъ училищъ—семиклассное (семигодовое) и четырехклассное—съ четырьмя *высшими* классами. Она особенно настаиваетъ на необходимости обязательнаго обученія въ училищѣ одному изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, въ семиклассномъ —съ четвертаго года обученія, въ четырехклассномъ—съ перваго. Такъ широко и основательно рѣшаетъ коммиссія Московскаго педагогическаго общества назрѣвшій вопросъ о реформѣ городскихъ училищъ.

И.

Большой всемірный настольный атласъ Маркса подъ редакціею Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальскаго Выпуски I—IX.

22-го октября скончался извѣстный издатель „Нивы", распространившій среди читающаго русскаго люда, какъ считаютъ, болѣе 50 милліоновъ томовъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей,—А. Ф. Марксъ. Выписанное выше заглавіе начатаго имъ передъ смертью печатаніемъ атласа показываетъ, что

свою издательскую дѣятельность онъ расширялъ, захватывая и тѣ сферы какія требовали улучшенія и пополненія. Лѣтъ 8 назадъ имъ было учреждено картографическое заведеніе, изъ котораго кромѣ отдѣльныхъ картъ вышли Географическій статистическій карманный атласъ (1900), Учебный географическій атласъ, составленный Э. Ю. Петри, повторенный нѣсколькими изданіями, и т. п. Наконецъ, крупное предпріятіе въ видѣ всемірнаго настольнаго атласа имѣетъ въ виду замѣнить для русскихъ людей тѣ иностранные атласы, какими имъ приходилось до сихъ поръ пользоваться за неимѣніемъ подробныхъ русскихъ атласовъ. Нужно встрѣтить съ глубокою благодарностью къ покойному это его начинаніе, которое будетъ заканчиваться уже послѣ его смерти его вдовою.

Въ 9-ти выпускахъ, вышедшихъ до настоящаго времени, заключается 42 большихъ листа, на которыхъ помѣщено въ большинствѣ случаевъ по нѣсколько картъ въ разныхъ масштабахъ. Такъ, напримѣръ, на 49 листѣ находимъ карту Палестины (въ масштабѣ 1:700.000), а на дополнительныхъ картахъ: страну между Назаретомъ и Тиверіадою (1:400.000), Іерусалимъ (1:20.000) и т. п. Обозначеніе масштаба, какъ видно изъ этого примѣра, вездѣ принято пропорціональное, что не дастъ возможности атласу устарѣться и тогда, когда мы наконецъ дождемся столь желаннаго и жизнью и наукою введенія у насъ метрической системы, и наши учащіеся будутъ освобождены отъ заучиванія „знаменательныхъ чиселъ“ для дюймовъ, вершковъ, миль, верстъ, золотниковъ, лотовъ и прочихъ пережитковъ сѣдой старины. Меридіаны на картахъ обозначены цыфрами долготы отъ Гринвича, а не отъ острова Ферро или Пулкова, о чемъ отчасти можно пожалѣть (конечно не морякамъ). Для топографической характеристики каждой части земного шара, умѣщающейся на данной картѣ, употреблены обычные цвѣта и тѣни (до 9 красокъ); кромѣ того, вездѣ есть обозначенія высотъ материка и глубины морей и океана—цыфрами метровъ, что даетъ возможность получить и сразу общее впечатлѣніе и познакомиться съ частностями устройства поверхности.

Когда изданіе картъ будетъ закончено, къ атласу приложенъ будетъ списокъ 250.000 географическихъ названій съ указаніемъ, на какомъ мѣстѣ и квадратѣ этого листа находится данное названіе. При такомъ богатомъ указателѣ на картахъ, на которыхъ обозначены и мелкіе ручьи и самыя малыя поселенія, можно будетъ найти положеніе всякаго географическаго пункта, о которомъ въ печати появляются теперь такія или иныя сенсаціонныя свѣдѣнія и названіе котораго часто приходится слышать въ первый разъ въ жизни. Атласъ поэтому вполнѣ оправдываетъ свое названіе „настольнаго“.

Географіи Россіи будетъ посвящено нѣсколько листовъ. Въ этомъ отдѣлѣ, какъ особое достоинство атласа, слѣдуетъ отмѣтить, что матеріалами для составленія картъ послужили новѣйшія данныя. Такъ, напримѣръ, на картѣ Южнаго Урала уже обозначена со всѣми вокзалами новая Оренбургско-Ташкентская дорога, которая открыта будетъ въ 1905 году и которой

нѣтъ еще на общей картѣ всѣхъ европейскихъ путей сообщенія, составленной по заграничнымъ источникамъ.

Особенно интереснымъ въ вышедшихъ въ свѣтъ выпускахъ является текстъ въ видѣ приложенія къ нѣсколькимъ напечатаннымъ уже климатическимъ картамъ. Составитель ихъ имѣлъ въ виду подойти къ дѣленію земного шара на пояса не по математическимъ кругамъ, параллельнымъ экватору, а по добытымъ метеорологіею за послѣднія десятилѣтія даннымъ о среднихъ температурахъ, именно: 1) гдѣ средняя температура ни одного мѣсяца не спускается ниже 18° Цельзія, т. е. наиболѣе благопріятна для человѣческаго тѣла (жаркій поясъ); 2) гдѣ въ теченіе года средняя температура хотя одного мѣсяца бываетъ выше 10° Ц., т. е., гдѣ еще могутъ расти деревья (умѣренный), и 3) гдѣ всѣ мѣсяцы имѣютъ температуру ниже 10° Ц., т. е., гдѣ уже невозможно произрастаніе деревьевъ и воздѣлываніе полевыхъ растеній. Сложныя расчетныя операціи надъ средними температурами и амплитудою колебаній температуры, приводятъ автора къ оригинальнымъ выводамъ, изображеннымъ на чертежахъ карты земного шара (по Меркаторской системѣ) и разъясненнымъ въ этомъ текстѣ, предназначенномъ для уразумѣнія и чтенія этихъ климатологическихъ картъ.

Можно думать, что такой же объяснительный текстъ будетъ составленъ въ видѣ предисловія къ помянутому выше указателю географическихъ именъ, и тогда устранятся тѣ недоразумѣнія, какія возникаютъ теперь при болѣе внимательномъ чтеніи отдѣльныхъ картъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ при помощи лупы, такъ какъ названія, обозначенныя мелкимъ шрифтомъ, не всегда легко прочесть). Таковы, напр., обозначенія арабскихъ и другихъ словъ изъ восточныхъ языковъ. Тутъ мы встрѣчаемъ около русскихъ буквъ какіе-то знаки, поставленные, вѣроятно, для болѣе правильнаго произношенія географическихъ именъ, напр.: Хел-Каср, Енун, Дер, Доси, Нахр ел-гадир, Серынъ, Мани', Атака, Саламиб, и т. п. Что обозначаютъ эти знаки,—остается пока неизвѣстнымъ, и зачѣмъ они понадобились, когда названія экваторіальной и южной Африки, гдѣ есть особыя прицокиванія и прищелкиванія, изображены простыми русскими буквами.

То же можно сказать и относительно сокращеній словъ и разнаго правописанія ихъ, а также и относительно переводовъ на русскій языкъ. Напр., безъ объясненій непонятно, что значатъ слова, поставленныя у острововъ Искіи и Капри: „*къ пров. Неаполь*". Неизвѣстнымъ пока остается для читателя картъ, почему *я* замѣняется иногда буквами *іа* (напр. *Сніатинъ*), почему рядомъ съ названіями Иглава, Дубрава, на той же картѣ и на другихъ, изображающихъ смежныя славянскія земли, поставлено Тропау, Острау, Голлешау, Станислау? Почему одно названіе въ рядомъ лежащихъ мѣстностяхъ переведено на русскій языкъ, а другое не переведено: напр., почему поставлено *Исполиновы горы* и *Шнеекоппе*, а не *Ризенгебирге* (или

Рудогорье) и не *Снѣжка*, какъ эти горы называются на языкахъ двухъ народовъ, тамъ живущихъ?

Встрѣчаются и прямо недосмотры и опечатки: *Старый* вмѣсто *Стрый* или *Стрій*; на картѣ № 36 (Западныя и Центральныя Альпы, причемъ сказано, что это—Швейцарія, Савойя, Пьемонтъ, Ломбардія), на маронессахъ указаны краски Италіи, Франціи и Австро-Венгріи, а не Швейцаріи и т. п.; тутъ же не объяснено, какіе штрихи обозначаютъ ту или другую высоту, почему приходится прибѣгать къ помощи лупы, чтобы читать цыфры метровъ.

Есть неясности и въ этнографической картѣ, которыя, можетъ быть, будутъ устранены, если будетъ и къ ней приложенъ объяснительный текстъ, напр.: почему валлонцы и каталонцы отдѣлены этнографическою границею, а провансальцы—не отдѣлены? Нижнегерманцы, среднегерманцы и верхнегерманцы —отдѣлены, а границы между великоруссами, малоруссами и бѣлоруссами— крайне неясны и несовсѣмъ правильны, если руководиться трудами Михальчука, Карскаго и др. этнографовъ. Почему таты закрашены въ одну краску не съ евреями, а съ осетинами? И т. п.

Трудно судить о томъ, являются ли указанные примѣры недостаткомъ редакціонныхъ правилъ, или они—простыя опечатки и недосмотры, пока изданіе атласа Маркса не окончено. Оставляя же въ сторонѣ эти мелочи, нужно отдать честь картографическому заведенію Маркса и составителямъ картъ въ немъ, что ими положено начало къ заполненію того пробѣла, какой чувствовался всѣми, кто принужденъ былъ пользоваться до сихъ поръ атласами иностранныхъ издателей.

А. Р.

Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. С.-Пб. 1904 г. Ц. 2 р.

Книга профессора Львовскаго университета М. Грушевскаго является очень кстати: у насъ до сихъ поръ нѣтъ полной систематической исторіи Малороссіи, ни въ формѣ научнаго изслѣдованія, ни въ видѣ популярнаго учебника. Прекрасныя талантливыя монографіи Костомарова рисуютъ только нѣкоторые моменты изъ этой сложной, полной борьбы разныхъ политическихъ и соціальныхъ элементовъ, исторіи малорусскаго народа. Очерки же Ефименка охватываютъ только одну часть Малороссіи—правый берегъ Днѣпра; работа Бантышъ-Каменскаго слишкомъ устарѣла; труды проф. Антоновича также изслѣдуютъ отдѣльные историческіе факты въ исторіи южной Руси: гайдамачину, казачество, города и др.*). Цѣльное, послѣдова-

---

*) Въ трудахъ русскихъ историковъ Малороссіи удѣляется всегда небольшое мѣсто, какъ части одного огромнаго цѣлаго, причемъ освѣщеніе этой области исторіи далеко не у всѣхъ вѣрное.

тельное изложеніе всѣхъ фактовъ и моментовъ исторіи Малороссіи является первый разъ въ доступномъ для широкой публики изложеніи. Проф. Грушевскій уже извѣстенъ въ Россіи капитальнымъ историческимъ трудомъ „Исторія Кіевской Руси". Занимая уже около 10 лѣтъ каѳедру исторіи въ Львовскомъ университетѣ, онъ издалъ въ Львовѣ обширную въ 4 томахъ Исторію украинной Руси на малорусскомъ языкѣ, на какомъ читаются лекціи въ двухъ университетахъ Галиціи (Львовѣ и Черновицахъ). Теперь изъ этой обширной четырехтомной исторіи онъ издалъ на русскомъ языкѣ небольшую, но вполнѣ законченную исторію малорусскаго народа отъ самыхъ древнихъ проявленій его общественности до новѣйшаго его литературнаго возрожденія въ XIX в. Грушевскій не обладаетъ ни яркимъ талантомъ Костомарова, ни живымъ языкомъ Ефименка. Онъ ученикъ проф Антоновича, добросовѣстный, безпристрастный изслѣдователь, добывающій факты изъ глубины первоисточниковъ, устанавливающій между ними связь и мало по малу воспроизводящій общественную, экономическую и политическую исторію народа. Картинъ и яркихъ образовъ у него нѣтъ: даже героическія страницы малорусской исторіи не выдѣляются среди общаго холоднаго тона ученаго повѣствованія. Характеристики также не даются Грушевскому, и съ первыхъ страницъ читателя охватываетъ нѣкоторое разочарованіе, когда авторъ пытается дать характеристику двухъ народныхъ типовъ—малорусскаго и великорусскаго.

Невольно при этой блѣдной попыткѣ, не дающей никакого полнаго представленія, вспоминается яркая кисть Костомарова, давшая такую не умирающую характеристику въ своей монографіи: „Двѣ русскія народности". Языкъ Грушевскаго очень бѣденъ, пестрѣетъ массой иностранныхъ словъ и галлицизмовъ въ построеніи фразъ. Но всѣ эти недостатки вознаграждаются исторической точностью, послѣдовательностью, простотой изложенія и цѣльностью. Эти три неотъемлемыя качества книги Грушевскаго придаютъ ей особенную цѣнность въ настоящее время: ею можетъ пользоваться широкій кругъ читателей. До сихъ поръ ни учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ни стремящіеся къ самообразованію малороссы не имѣли источниковъ для изученія своей исторіи; а какое же можетъ быть народное самосознаніе безъ знанія своей исторіи? Народные учителя, сколько нибудь сознательно относящіеся къ своей воспитательной задачѣ, тоже старались всегда и вездѣ дать своимъ ученикамъ хоть краткія свѣдѣнія изъ родной исторіи. Въ Малороссіи этимъ учителямъ рѣшительно не подъ силу была такая задача, такъ какъ для выясненія этой исторіи приходилось обзаводиться многими книгами (а гдѣ ихъ взять въ селѣ?) и самостоятельно подготовлять урокъ, на что въ большинствѣ случаевъ нѣтъ ни времени, ни возможности. Теперь книга Грушевскаго является для всѣхъ доступнымъ и желаннымъ пособіемъ, и его очеркъ исторіи украинскаго народа является цѣннымъ и серьезнымъ вкладомъ въ нашу небогатую научную литературу о южной Руси и не мало будетъ способствовать

пробужденію желательнаго сознательнаго отношенія малороссовъ къ своему прошлому и вытекающему изъ него настоящему. Вотъ почему нельзя не пожелать книгѣ проф. Грушевскаго самаго широкаго распространенія.

С. Русова.

Л. Коллинзъ. Иліада Гомера въ изложеніи. Переводъ съ англійскаго З. Федоровой. С.-Петербургъ. Типографія М. М. Стасюлевича. 1904 г. Ц. 60 к.

Талантливо написанная книжка Л. Коллинза была переведена на русскій языкъ еще въ 1876 году Рейзенеромъ; но въ настоящее время ея уже нѣтъ въ продажѣ. Поэтому новый переводъ ея является своевременнымъ, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ книги, которая такъ хорошо и въ интересной формѣ знакомила съ содержаніемъ Иліады.

Книжка всего въ 108 страницъ и раздѣлена на 11 главъ: I. Споръ Агамемнона съ Ахилломъ. II. Единоборство Париса съ Менелаемъ. III. Нарушеніе договора. IV. Первый день боя. V. Второй день боя. VI. Посольство къ Ахиллу. VII. Третій день битвы. VIII. Смерть Патрокла. IX. Возвращеніе Ахилла. Смерть Гектора. XI. Заключительная замѣтка.

Въ предисловіи авторъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Гомерѣ и затѣмъ разсказываетъ общій ходъ Троянской войны.

Нужно пожалѣть, что переводчица только сократила, а не пропустила совершенно ссылокъ на англійскихъ писателей, встрѣчающихся такъ часто въ оригиналѣ и имѣющихъ мало интереса для русскихъ читателей. Книжка отъ этого только выиграла бы; но, очевидно, переводчица боялась, и не безъ основанія, что въ такомъ случаѣ книжка не была бы переводомъ англійскаго оригинала, а передѣлкою. Переводъ читается легко и изданъ вполнѣ удовлетворительно. Книжка эта безъ сомнѣнія можетъ быть полезнымъ пособіемъ для желающихъ изучать Гомера.

К. Б.

Н. Котляревскій. Князь Владиміръ Өедоровичъ Одоевскій, авторъ „Русскихъ ночей“. СПБ. 1904.

Авторъ задался цѣлью, на основаніи анализа „Русскихъ ночей“, выяснить сущность міровозрѣнія Одоевскаго какъ художника, мыслителя и моралиста. Выборъ „Русскихъ ночей“ сдѣланъ не случайно. Какъ извѣстно, онѣ представляютъ собой сборникъ повѣстей и сказокъ, содержаніе которыхъ довольно пестро и взято изъ жизни артистокъ, чиновниковъ, кое-что—изъ артистическаго круга. Темы ихъ такъ просты, пружины дѣйствія не замысловаты, а антитезы различныхъ идей, чувствъ, способностей такъ обыкновенны, что, несмотря на превосходный стиль и тонкій юморъ, эти разсказы

не представляли бы ничего особеннаго, если бы они не были снабжены философскимъ и публицистическимъ комментаріемъ. Благодаря этому „Русскія ночи“ оказались далеко не сказками; въ общемъ онѣ – настоящій философскій трактатъ „въ лицахъ“, съ замѣтной общественной окраской.

На основаніи философскаго содержанія „Русскихъ ночей“ г. Котляревскій раскрываетъ въ высокой степени оригинальное для того времени („Русскія ночи“ появились въ 1844 г.) міропониманіе ихъ автора. Убѣжденный шеллингіанецъ, въ своихъ разсказахъ кн. Одоевскій хотѣлъ показать обществу истинность „своей вѣры“ и ложность всего того, что ей противорѣчило. Для характеристики Одоевскаго, по мнѣнію автора, важна даже не положительная сторона его ученія, сводящаяся къ пересказу въ лирическомъ тонѣ положеній философіи Шеллинга, а скорѣе—отрицательная. Съ необыкновенной энергіей и силой онъ обрушился противъ культуры и просвѣщенія своего вѣка, находя въ нихъ лишь ложь и противорѣчія. Въ своемъ отрицаніи современной ему цивилизаціи Одоевскій является какъ бы предшественникомъ Л. Н. Толстого. Правда, его отрицаніе основано на совершенно иныхъ мотивахъ. „Если бросить взглядъ вокругъ,—писалъ кн. Одоевскій, – придешь въ отчаяніе и въ ужасѣ остановишься передъ грознымъ, неумолимымъ безотвѣтнымъ словомъ: зачѣмъ? Зачѣмъ общество враждуетъ съ обществомъ и еще болѣе—съ каждымъ изъ своихъ собственныхъ членовъ? Зачѣмъ преступленіе и несчастіе считаются необходимою буквою въ математической формулѣ общества? Зачѣмъ напряжены всѣ силы духа и вещества, когда общество страждетъ? Зачѣмъ человѣкъ прилежно вертитъ все одно и то же колесо общественной машины и каждый день слѣпнетъ все больше и больше? Вездѣ вражда, смѣшеніе языковъ, казни безъ преступленій и преступленія безъ казни, а на концѣ поприща смерть и ничтожество... Зачѣмъ все это?“ Конечно, позитивная наука не могла еще дать отвѣта на это „зачѣмъ“, и кн. Одоевскій отвернулся отъ нея, а вмѣстѣ съ ней – и отъ всей западной цивилизаціи. Но говоря объ отрицательныхъ сторонахъ современной ему западно-европейской жизни, онъ въ то же время не признавалъ „разумной“ окружавшую его русскую дѣйствительность. Наоборотъ, онъ и съ нею враждовалъ, имѣя въ виду то лучшее, что онъ почерпнулъ во всеобъемлющей философіи Шеллинга. „Мы воспрянули бы духомъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — если бы широко открыли глаза, если бы отрѣшились отъ безвѣрія въ возможность общихъ началъ жизни, если бы отрѣшились отъ увѣренности, что всякое ощущеніе души тогда только дѣйствительно существуетъ, когда можетъ быть выражено словами. Есть тайныя ощущенія, и они руководятъ нашей жизнью“.

И то обстоятельство, что на ряду съ отрицаніемъ тогдашней западной культуры Одоевскій не оправдывалъ и русскую дѣйствительность, какъ то часто дѣлали славянофилы, позволило ему послѣднія 25 лѣтъ жизни посвятить плодотворной общественной дѣятельности. Наступила новая эпоха въ жизни русскаго

общества, и вмѣсто философіи Шеллинга Одоевскій занялся изученіемъ экономистовъ, вмѣсто отрицанія Запада ставилъ его въ примѣръ русскимъ.

Въ концѣ своего очерка г. Котляревскій говоритъ, что какъ художникъ, какъ поэтъ, Одоевскій обогатилъ литературу новымъ родомъ творчества; какъ мыслитель, былъ однимъ изъ первыхъ проводниковъ у насъ философскаго идеализма; наконецъ, какъ „ревнитель добра", онъ имѣлъ право каждую нравственную сентенцію, выраженную имъ философски или поэтически, назвать осуществленной имъ самимъ на дѣлѣ. Однимъ словомъ, въ немъ удивительнымъ образомъ сочетались добро, истина и красота, не покидавшія Одоевскаго въ теченіе всей его жизни.

А. Яцимирскій.

Списокъ книгъ, разрѣшенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія (съ іюля 1900 г. по іюль 1902 г.) для публичныхъ народныхъ чтеній, безплатныхъ читаленъ, ученическихъ и учительскихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе тверского губернскаго земства. Тверь, 1902 г. Цѣна 45 к.

Министерство народнаго просвѣщенія изрѣдка публикуетъ списки книгъ, разрѣшенныхъ имъ для народныхъ чтеній, библіотекъ и читаленъ и библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Каждый новый списокъ публикуется въ отмѣну предыдущаго такого-же списка. Иногда, въ періодъ времени между двумя изданіями однороднаго списка разрѣшенныхъ книгъ, выпускаются отдѣльной брошюрой дополненія къ нему.

По іюль 1902 года имѣли обязательное значеніе слѣдующіе каталоги разрѣшенныхъ книгъ:

1) Каталогъ книгъ и періодическихъ изданій для безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ. Изд. 3-е (по февраль 1900 года). Спб. 1900 г. Ц. 25 к.

2) Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ и для публичныхъ народныхъ чтеній (по 1 іюня 1901 года). Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

3) Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

4) Первое дополненіе къ опыту каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ каталоги министерства народнаго просвѣщенія внесены только тѣ книги, которыя разрѣшены для начальныхъ училищъ до іюня 1901 года, для безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ до февраля 1900 года и для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній до 1897 г.

Тверское губернское земство, сознавая настоящую необходимость въ каталогѣ книгъ, разрѣшенныхъ послѣ вышеозначенныхъ сроковъ, и рѣшило издать списокъ разрѣшенныхъ книгъ, полное заглавіе котораго нами приведено въ заголовкѣ замѣтки. Въ списокъ не вошли лишь книги на иностранныхъ языкахъ и учебники этихъ языковъ. Изданный тверскимъ земствомъ списокъ сослужитъ хорошую службу всѣмъ, кто практически работаетъ надъ вопросами народнаго просвѣщенія. Потребность въ подобномъ спискѣ сказалась прежде всего въ томъ, что первое изданіе его почти все уже разошлось, и земство въ настовщее время готовитъ уже второе, значительно дополненное изданіе его.

Съ позапрошлаго года министерствомъ измѣнена форма одобреній книгъ. Прежде министерство однѣ книги „рекомендовало“, другія—„одобряло“ и третьи „допускало“. Теперь-же принята одна форма: разрѣшенная книга „допускается“—и только. Иногда вмѣняется въ обязанность автору при слѣдующемъ изданіи сдѣлать измѣненія, указанныя ученымъ комитетомъ.

Въ дополненіе ко всему сказанному очень важно знать нижеслѣдующія распоряженія г. министра народнаго просвѣщенія:

1) Книги, допущенныя къ употребленію безусловно въ однихъ изданіяхъ, могутъ быть пріобрѣтаемы и въ другихъ позднѣйшихъ изданіяхъ, если они сдѣланы безъ измѣненій и дополненій (2 февр. 1895 г., № 2, 655).

2) Книги, допущенныя къ употребленію въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, допускаются также для народныхъ чтеній, въ безплатныя народныя библіотеки-читальни и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній (26 апр. 1902 г., № 11.674).

3) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя библіотеки-читальни, допускаются къ пріобрѣтенію въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ (8 авг. 1896 г., № 18.609), а съ разрѣшенія директора народныхъ училищъ и къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ.

4) Книги, допущенныя въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, также допускаются къ пріобрѣтенію въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ (4 окт. 1895 г., № 21.326).

Собственно—изъ приведеннаго перечня имѣетъ общественное значеніе предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 26 апрѣля 1902 года за № 11.674 о томъ, что изданія, разрѣшенныя для ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, допускаются также для народныхъ чтеній. Со всѣхъ концовъ Россіи приходится слышать жалобы, иногда переходящія въ вопли, о томъ, что народныя чтенія нѣтъ возможности поставить удовлетворительно, такъ какъ количество книгъ, разрѣшенныхъ для чтеній, слишкомъ ничтожно, а качество ихъ—весьма низко.

Теперь, при наличности предложенія г. министра народнаго просвѣщенія отъ 26 апрѣля за № 11.674 дѣло нѣсколько улучшается. Если принять во вниманіе художественный и научно-популярный матеріалъ, помѣщенный въ

дѣтскихъ журналахъ („Дѣтское Чтеніе“, „Родникъ“, „Дѣтскій Отдыхъ“ и др.), какъ извѣстно, одобренныхъ для начальныхъ школъ, то и при помощи одного этого матеріала народныя чтенія можно поставить на большую высоту, чѣмъ прежде. Въ дѣтскихъ журналахъ заключается не мало прекрасныхъ статей по естествознанію, по исторіи, по исторіи культуры, по исторіи литературы и т. д., написанныхъ популярно, интересно и содержательно. Дѣтскіе журналы —вотъ источники, изъ которыхъ пока, до поры—до времени, можно черпать необходимый матеріалъ для народныхъ чтеній. Лица, завѣдующія народными чтеніями, должны обратить самое серьезное вниманіе на дѣтскіе журналы, какъ на единственное въ настоящее время средство для развитія народныхъ чтеній, для поддержанія ихъ жизненности. До тѣхъ поръ, пока народныя чтенія будутъ питаться существующими списками разрѣшенныхъ книгъ, они останутся quasi-народно-просвѣтительнымъ средствомъ. Но, обратившись къ содѣйствію дѣтскихъ журналовъ, они дѣйствительно сдѣлаются однимъ изъ культурно-воспитательныхъ факторовъ простого (особливо безграмотнаго) народа.

К. Левинъ.

„Воздухоплаватель“ — ежемѣсячный, научно-популярный, иллюстрированный журналъ. Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ—5 р.

20 іюля 1903 года, въ день св. пророка Иліи—покровителя русскихъ воздухоплавателей, вышелъ пробный нумеръ „Воздухоплавателя“, разошедшійся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и имѣвшій большой успѣхъ. Съ 20 января 1904 г. новый журналъ появляется небольшими книжечками въ свѣтло-зеленой оберткѣ съ изящною виньеткою аккуратно каждое 20-е число. Журналъ этотъ не прибѣгалъ къ саморекламированію и не давалъ пышныхъ обѣщаній о безплатныхъ преміяхъ и льготной выпискѣ. Заручившись сотрудничествомъ такихъ лицъ, какъ извѣстный профессоръ Н. Е. Жуковскій, профессоръ А. Полѣщукъ, командиръ учебнаго воздухоплавательнаго парка полковникъ А. В. Кованько, предсѣдатель воздухоплавательнаго отдѣла техническаго общества Е. С. Федоровъ, метеорологи В. В. Кузнецовъ, С. Д. Грибоѣдовъ и другія лица, послужившія воздухоплаванію и близкимъ родственнымъ ему наукамъ, какъ словомъ-перомъ, такъ и дѣломъ,—молодой и первый русскій воздухоплавательный „вѣстникъ“ даетъ „много въ высокой степени интереснаго и возбуждающаго вниманія матеріала“—какъ пишетъ его заграничный собратъ „Wiener Luftschiffer Zeitung“, который справедливо „удивляется такому идейному успѣху въ первыхъ-же нумерахъ“.

Въ чемъ-же кроется залогъ успѣха „Воздухоплавателя“, и почему мы не только смѣемъ, но и должны рекомендовать его вниманію не однихъ лишь средне-учебныхъ и спеціальныхъ заведеній, но и училищъ низшаго типа?

Объясненіе этого заключается въ самомъ характерѣ журнала, въ кото-

ромъ наравнѣ съ специальными и общими вопросами воздухоплавательнаго искусства, широко, научно и вмѣстѣ съ тѣмъ популярно поставленъ отдѣлъ крайне интересныхъ и важныхъ вопросовъ метеорологіи и „физики атмосферы“ совмѣстно съ общими вопросами физики, химіи и отчасти технологіи.

Не замыкаясь въ узкой спеціальности, журналъ ищетъ „непрестаннаго духовнаго общенія съ читателями“, проситъ не забывать, что его страницы — „открытая каѳедра для всякой разумной, научной мысли въ области завоеванія человѣкомъ воздуха“. Такъ, въ послѣднихъ номерахъ журналъ призываетъ къ сотрудничеству и обмѣну мнѣній всѣхъ лицъ, завѣдующихъ метеорологическими станціями въ провинціи; такимъ образомъ, „Воздухоплаватель“ не даетъ имъ уснуть, успокоиться на шаблонахъ и трафаретахъ, будитъ ихъ умъ, давая имъ пищу по вопросамъ такихъ живыхъ наукъ, какъ физика, химія, за успѣхами которыхъ не въ состояніи слѣдить никакой печатный учебникъ.

Иллюстраціи и чертежи въ журналѣ исполняются просто, понятно и всегда соотвѣтствуютъ тексту.

Очень хорошо въ „Воздухоплавателѣ“ поставленъ отдѣлъ свѣдѣній и переводовъ изъ иностранныхъ журналовъ, какъ-то: англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ.

Наконецъ, и въ обществѣ, и въ педагогической средѣ всегда былъ, а нынѣ, въ виду печальныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, особенно выросъ интересъ къ вопросамъ воздухоплаванія и голубиной почты, которымъ также отведено почетное мѣсто на страницахъ „Воздухоплавателя“.

Л. Мищенко.

В. Казанскій, преподаватель епархіальнаго женскаго училища. Учебникъ русскаго синтаксиса, составленный примѣнительно къ программѣ епархіальныхъ женскихъ училищъ. Екатеринбургъ 1904 г. Ц. 30 коп.

Книжечка г. Казанскаго представляетъ 40 страницъ собственно учебнаго текста и 10 страницъ приложеній къ нему. Авторъ въ короткомъ предисловіи объясняетъ, что учебникъ этотъ „составленъ съ цѣлью возможно облегчить и упростить для учащихся изученіе русскаго синтаксиса“. Въ этихъ видахъ здѣсь указываются только самыя общія и уже вполнѣ установившіяся синтаксическія формы и явленія, знакомство съ которыми безусловно необходимо и для пониманія духа родного языка, и для правописанія. Всѣ же тѣ правила, которыя никакого практическаго значенія не имѣютъ и являются только излишнимъ балластомъ для памяти, отсюда исключены, согласно указаніямъ объяснительной записки къ программѣ по русскому языку для епархіальныхъ женскихъ училищъ и циркуляра по духовному уебному вѣдомству № 8. Такимъ образомъ, авторъ заранѣе и рѣшительно устанавливаетъ служебное зна-

ченіе своей книжки, подчинивъ ее указаніямъ „объяснительной записки". Вѣроятно, въ той программѣ и въ той объяснительной запискѣ съ достаточной убѣдительностью и наглядностью изложены соображенія, по которымъ нѣкоторыя правила признаются не имѣющими никакого практическаго значенія и, какъ таковыя, какъ излишній балластъ, исключаются изъ обязательной программы. Въ книжкѣ г. Казанскаго нигдѣ нѣтъ намековъ на такія излишнія правила, да и тѣ правила, которыя—согласно программѣ—авторъ перечисляетъ въ своей книжечкѣ, являются безъ всякой теоретической установки и объясненія, а просто—какъ готовыя, всѣми принятыя синтаксическія формы и явленія. Къ нимъ авторъ подбираетъ достаточное количество примѣровъ. Онъ составляетъ ихъ самъ или же беретъ ихъ изъ произведеній нашихъ образцовыхъ писателей. Въ концѣ же книжечки дается цѣлый запасъ — 15 статей—подобныхъ примѣровъ для упражненій въ разборѣ. Статьи эти расположены въ послѣдовательномъ порядкѣ изложенія самого текста. Такой порядокъ изложенія выдержанъ авторомъ до конца. Большинство примѣровъ посвящается разбору *предложенія*, во всѣхъ его формахъ и видахъ, по существу и по способу выраженія, начиная съ простѣйшихъ и слитныхъ и кончая придаточными во всѣхъ возможныхъ ихъ отношеніяхъ къ главному предложенію и во всѣхъ возможныхъ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ. Далѣе, въ довольно впрочемъ бѣдномъ изложеніи, авторъ даетъ примѣры періодовъ, простыхъ и сложныхъ; наконецъ, не скупится на примѣры для показанія разнообразныхъ случаевъ постановки тѣхъ или иныхъ знаковъ препинанія.

Книжечка г. Казанскаго хотя и названа учебникомъ, но не оправдываетъ той рекомендаціи, которую даетъ ей авторъ: она едва ли можетъ облегчить и упростить для учащихся изученіе русскаго синтаксиса. Она производитъ впечатлѣніе толково и старательно составленнаго конспекта для повторенія или для обобщенія той живой, послѣдовательной, разумной работы, которая—хочется думать—совершилась, подъ руководствомъ преподавателя, въ классѣ, въ теченіе учебнаго года. И съ этой стороны трудъ автора не пропалъ даромъ. Учащимся въ среднихъ классахъ этотъ конспектъ, къ концу учебнаго года, конечно, послужитъ полезнымъ подспорьемъ для обобщенія частей пройденнаго курса и дастъ имъ возможность практически разобраться въ различныхъ формахъ предложеній и усвоить себѣ основныя требованія правильной постановки знаковъ препинанія.

П В. Евстафіевъ.

В. Чернышевъ. Сборникъ статей для письменнаго и устнаго изложенія. 160 стр. С.-Пет. Цѣна 75 коп.

Въ послѣднее время выходитъ въ свѣтъ такъ много всякаго рода „сборниковъ статей", „хрестоматій", „книгъ для чтенія" и т. п. „пособій" для классныхъ и домашнихъ работъ, что составители ихъ должны каждый разъ мотивировать появленіе своихъ изданій какими-нибудь спеціальными педаго-

гическими задачами, преслѣдуемыми даннымъ изданіемъ въ отличіе отъ другихъ изданій того же рода. Даетъ подобное объясненіе raison d'être своего сборника и г. Чернышевъ въ обстоятельномъ предисловіи, которымъ начинается подлежащая нашему разбору книжка.

Письменныя упражненія въ нашихъ низшихъ школахъ, говорится въ этомъ предисловіи, сводятся къ тремъ главнымъ видамъ: 1) диктовка или списываніе, 2) переложеніе прочитаннаго, 3) изложеніе собственныхъ мыслей, чувствъ, наблюденій. Изъ нихъ преобладаютъ въ школѣ, какъ извѣстно, диктовки, которыя—къ сожалѣнію—могутъ научить только писать правильно (орѳографически), но не могутъ выработать въ ученикѣ умѣнья излагать свои мысли ясно, точно, послѣдовательно и – по возможности - литературно. При установившемся обычаѣ заниматься въ школѣ преимущественно правописаніемъ, наша учебная литература очень богата пособіями, назначенными для этой цѣли, и—наоборотъ—весьма бѣдна книгами, которыя могли бы служить пособіемъ при обученіи изложенію. „Сборникъ" г. Чернышева и назначенъ служить потребности этого именно рода, какъ „пособіе" для самостоятельныхъ работъ и какъ книга для чтенія и упражненія въ разсказѣ", для низшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ среднихъ. Статьи, вошедшія въ сборникъ, выбраны его составителемъ изъ книгъ для чтенія Ушинскаго, Водовозова, Поливанова, Паульсона, Л. Н. Толстого и др.; сказки, преданія, легенды взяты изъ сборниковъ Даля, Аѳанасьева, Буслаева; наконецъ, нѣсколько мелкихъ разсказовъ переведено для сборника съ французскаго и сербскаго языковъ.

Исходя изъ того совершенно вѣрнаго педагогическаго соображенія, что статьи повѣствовательнаго характера, сильнѣе возбуждая вниманіе и любопытство учащихся, читаются и слушаются послѣдними гораздо охотнѣе, чѣмъ всякія описанія (хотя бы самыя поэтическія), г. Чернышевъ отдастъ предпочтеніе въ своемъ сборникѣ главнымъ образомъ разсказамъ, въ которыхъ есть извѣстная фабула, т. е. завязка дѣйствія, его послѣдовательное развитіе и развязка. При подборѣ статей имѣлось въ виду возможное разнообразіе ихъ не только по содержанію, но и по языку, какимъ написана статья. Расположены разсказы по слѣдующимъ отдѣламъ: а) сказки и миѳы, б) басни и другіе поучительные и занимательные разсказы и преданія, в) разсказы о хорошихъ и дурныхъ поступкахъ, г) историческія преданія, разсказы и анекдоты, д) разсказы о животныхъ, е) о человѣкѣ и его способностяхъ, свойствахъ и привычкахъ, ж) о трудѣ, сохраненіи здоровья, противъ нетрезвости и суевѣрій, з) жизнь дѣтей среди своихъ и чужихъ и, наконецъ, среди природы. Какъ всякое чисто-искусственное и, повидимому, совершенно случайное распредѣленіе матеріала, оно съ успѣхомъ могло бы быть замѣнено другимъ, болѣе систематическимъ и послѣдовательнымъ. Выборъ статей сдѣланъ однако довольно удачно, причемъ нельзя не поставить въ большую заслугу составителю сборника полное отсутствіе какой бы то ни было тенденціи въ

выборѣ матеріала, предлагаемаго изученію юныхъ читателей. Въ послѣдніе годы сталъ довольно распространеннымъ явленіемъ подборъ матеріала въ извѣстномъ направленіи, не имѣющемъ ничего общаго съ истинными задачами воспитанія, и „тенденціозные" (понимая это слово въ самомъ нежелательномъ смыслѣ) „сборники" и „книги для чтенія" появлялись, какъ грибы послѣ дождя. Гораздо слабѣе другихъ отдѣловъ оказывается послѣдній отдѣлъ, озаглавленный „среди природы" и заключающій въ себѣ всего семь разсказовъ, если даже считать Пушкинскіе „разсказы американскаго охотника" за три отдѣльныхъ разсказа. Будучи подобранъ интересно и умѣло этотъ отдѣлъ могъ бы имѣть важное значеніе въ сборникѣ, который—кромѣ чисто-практическихъ цѣлей, намѣченныхъ составителемъ, долженъ былъ имѣть въ виду и общеобразовательные интересы учащихся, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Чернышевъ считаетъ свою книжку „не безполезной и въ качествѣ хрестоматіи, въ дополненіе къ тѣмъ книгамъ для чтенія, которыя переполнены описаніями и по которымъ трудно научить искусству разсказывать" (предисл. стр. IV). Стихотвореній въ сборникѣ нѣтъ, такъ какъ авторъ предполагаетъ издать отдѣльно сборникъ разсказовъ, составленный изъ однихъ стихотворені

Самое слабое мѣсто разбираемаго сборника статей г. Чернышева составляетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторая устарѣлость предлагаемаго имъ матеріала. Дальше Пушкина, Аксакова, Тургенева, Гончарова и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ „классиковъ" такъ и не могутъ двинуться наши составители всякаго рода хрестоматій и книгъ для чтеній. Можно подумать, что для нихъ совершенно не существуетъ всей русской литературы конца минувшаго XIX и начала текущаго XX вѣка. Произведенія Гаршина, Короленка, Чехова Горькаго и др. писателей, составляющихъ гордость новѣйшей русской литературы, остаются, повидимому, совершенно невѣдомыми для нашихъ издателей безчисленныхъ „сборниковъ статей для письменнаго и устнаго изложенія". А между тѣмъ, какой богатый и поучительный выборъ можно было бы при желаніи сдѣлать изъ произведеній многихъ изъ современныхъ или только что сошедшихъ съ житейской сцены русскихъ писателей! Продолжая пробавляться Далемъ, Ушинскимъ, Водовозовымъ и другими почтенными покойниками, наши педагоги упорно игнорируютъ новѣйшихъ представителей художественной русской литературы, какъ будто непремѣнно необходимо справить столѣтній юбилей для того, чтобы удостоиться чести попасть въ какую-либо хрестоматію или сборникъ статей.

Цѣна книжки г. Чернышева, принимая во вниманіе ея размѣры, кажется намъ нѣсколько высокой для такого рода изданій. **И. А. П.**

В Г. Егоровъ. Повѣсти и разсказы изъ русскихъ писателей и сцены для домашняго, народнаго и школьнаго театра. Спб. 1904 г. Ц. 60 коп.

Мнѣ приходилось въ печати говорить противъ дѣтскаго „ролевого исполне-

нія" (заимствую опредѣленіе изъ вышеназваннаго сборника). Такъ, я, между прочимъ, говорилъ: „Душевный организмъ школьника еще не окрѣпъ порядкомъ, еще не отлился въ рельефныя упругія формы; а вы уже заставляете его копировать чужую личность. Въ разсудкѣ и сердцѣ юнца – масса бореній и недоразумѣній; а вы налаживаете его душу на случайный готовый тонъ какой-нибудь пьесы". Лично я присоединяюсь къ мнѣнію почтеннаго П. И. Вейнберга—въ письмѣ въ редакцію „Русской Школы", въ 7 -8 №№ журнала. Но въ книжкѣ г. Егорова имѣются еще отдѣлы: „Декламація" и „Чтеніе съ волшебнымъ фонаремъ". Такого рода болѣе или менѣе публичныя развлеченія, думается, должны найти себѣ пріютъ и въ школѣ. Выразительное чтеніе, если можно такъ сказать, разныя практическія эстетическія упражненія—у насъ, хотя и не вовсе въ загонѣ, но и не въ „авантажѣ обрѣтаются". И въ верхнихъ и въ нижнихъ слояхъ общества мы слабоваты по части вкуса, изящества, плавной рѣчи и дома и среди постороннихъ. А между тѣмъ, намъ кажется, правы и Рескинъ и Моррисъ, напирая на значеніе красоты для массъ, для всего народа. И школы въ состояніи въ ту или другую мѣру работать въ этомъ направленіи, устраивая чтенія настоящихъ художественныхъ произведеній, выдвигая здѣсь учениковъ не въ качествѣ актеровъ, а въ роли болѣе скромныхъ исполнителей, улучшая, такимъ образомъ, ихъ дикцію, поднимая ихъ воспріимчивость къ истинной поэзіи, наконецъ, развивая въ нихъ до нѣкоторой степени благородные общественные инстинкты, разумную выдержку, смѣлость, и т. п. Подлинная красота освящаетъ и волю и внѣшнюю повадку. Но сборникъ г. Егорова составленъ немножко слишкомъ безоглядочно. Въ отдѣлѣ „Декламація" предложено, напр., 14 страницъ—„Чичиковъ у Плюшкина"—на какую же аудиторію и чтеца разсчитана столь пространная порція? И, далѣе, почему выборъ палъ на Пушкинскаго „Гробовщика": устарѣлость формы здѣсь исчезнетъ только у самаго совершеннаго декламатора. Въ „ролевомъ исполненіи" намъ не представляются восхитительными ни грубоватый по языку и внутренно безсодержательный „Дѣтскій праздникъ" г. Тимковскаго, ни „передѣлки" Гоголя и Тургенева. Подъ рубрикой „Чтеніе съ волшебнымъ фонаремъ" находимъ такіе нумера: „Тарасъ Бульба" (пріѣздъ сыновей) Гоголя, „Капитанъ Боппъ" Жуковскаго, „Прохожій" Григоровича. „Кавказскій плѣнникъ" Л. Толстого. Неясны мотивы такого подбора. „Боппъ" именно для декламаціи особливо красоченъ. У Григоровича лучше всего—пейзажи съ лиризмомъ: опять матеріалъ по преимуществу для декламаціи. А слушателямъ, увлекающимся особою нравоучительностью Толстого—едва ли нуженъ волшебный фонарь Школьникамъ же это, хоть и нарочито упрощенное, трактованіе морали недоступно.

А. Налимовъ.

Черничный Дѣдка. 16 рисунковъ и текстъ. Э. Бесковой. Пересказалъ со шведскаго дядя Янъ. Цѣна въ папкѣ 2 р. Гозангинъ. Волшебная сказка для дѣтей Вѣры Желиховской. 2-е изд. съ рисунками въ текстѣ и 4-мя хромолитографіями Н. Н. Каразина. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 2 р 50 к. „Кораллы“. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. О. Григорьевой. Съ рисунками Т. Никитина и М. Григорьевой. Въ иллюстрирован. перепл. Цѣна 2 руб. „Исторія маленькаго лорда“ Френсиса Бернетъ. Перев. съ англійскаго Е. А. Сысоевой 4-е изд. Со многими рисунками. Въ коленк. перепл. Цѣна 1 р. 75 к. и другія изданія для дѣтей А. Ф Девріена.

Въ настоящее время трудно встрѣтить учебное заведеніе, при которомъ не было бы дѣтской библіотеки. Всѣ журналы переполнены объявленіями о вновь вышедшихъ дѣтскихъ книгахъ, которыя, судя по названіямъ, приноровлены ко всевозможнымъ вкусамъ и требованіямъ и цѣна которыхъ доступна каждому; а между тѣмъ все чаще и чаще приходится слышать жалобы на полное уничтоженіе въ дѣтяхъ любви къ чтенію и книгамъ. И очень большая вина въ уничтоженіи этой любви ложится на издателей дѣтскихъ книгъ: большинство изъ нихъ гонится за наживой, совершенно упуская изъ виду образовательное и развивающее вліяніе книгъ на дѣтей, результатомъ чего является съ одной стороны отвращеніе дѣтей къ чему-либо серьезному, потому что это серьезное дается въ такой неподходящей формѣ, что возбуждаетъ только скуку, съ другой – любовь къ безмысленнымъ повѣстушкамъ, все содержаніе которыхъ сводится къ набору невѣроятныхъ приключеній и сценъ.

Среди такихъ издателей особенно выгодно выдѣляется А. Ф. Девріенъ, относящійся къ своему дѣлу, видимо, съ любовью, а главное съ знаніемъ и пониманіемъ дѣтской природы, того, что нужно дѣтямъ и что они любятъ.

На его изданія дѣтскихъ книгъ давно уже обратили вниманіе за границей а у насъ, когда заходитъ о нихъ рѣчь, обыкновенно говорятъ, что хороши книги, да дороги. А между тѣмъ его изданія чрезвычайно цѣнны и для родителей и для дѣтей: каждую книгу изъ числа его изданій можно смѣло дать дѣтямъ, даже не просмотрѣвъ, такъ какъ содержаніе ихъ при интересной часто захватывающей фабулѣ всегда даетъ дѣтямъ и много знаній и будитъ въ нихъ лучшія стороны души, совершенно не засоряя ихъ головы разными глупостями. Дѣтей же плѣняютъ, во-первыхъ, самые разсказы, которые дѣйствительно такъ художественны, такъ интересно написаны, что и взрослый понимаетъ, что можно ради этихъ книгъ отказаться отъ игры, а во-вторыхъ тѣмъ, что рѣшительно всѣ книги снабжены массой картинокъ, находящихся въ полномъ соотвѣтствіи съ текстомъ, что далеко не всегда бываетъ въ другихъ изданіяхъ. Маленькихъ привлекаетъ еще и четкая крупная печать, дающая возможность читать книги едва выучившимся этому искусству.

Всѣ книги по содержанію распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ: для малютокъ, для младшаго дошкольнаго возраста, для младшаго и средняго возрастовъ, для средняго, для старшаго и для юношества.

Въ первомъ отдѣлѣ для малютокъ книжки состоятъ почти изъ однѣхъ картинокъ, снабженныхъ краткими описаніями, большею частью въ стихахъ. Стихи заимствованы главнымъ образомъ изъ народныхъ сказокъ, пѣсенокъ и поговорокъ. Особенно хороши въ этомъ отдѣлѣ три книжки Висковатова „*Бабушка Татьяна*", о которой мы говорили раньше, и „Черничный Дѣдка" Э. Бесковой, заключающій разсказъ о томъ, какъ маленькій мальчикъ, собирая ягоды для матери, попалъ къ Черничному Дѣдкѣ, который, тронувъ его своей волшебной палочкой и сдѣлавъ его такимъ маленькимъ, что травинки стали выше его, а паукъ показался чудовищемъ, увелъ его сначала въ свое царство, гдѣ его внуки, сами похожіе на чернички, набрали ему черники; а потомъ къ Бабушкѣ-Брусничкѣ, гдѣ ея внучки, сами бруснички, набрали ему брусники. Шестнадцать картинокъ этого разсказа всѣ въ краскахъ, и виньетки такъ милы, что взрослые смотрятъ на нихъ улыбаясь, а дѣти прямо заливаются смѣхомъ и не устаютъ смотрѣть ихъ вновь и вновь.

Въ книгахъ для дѣтей дошкольнаго возраста дается уже больше текста, и онъ дѣлается болѣе содержателенъ: среди нашихъ народныхъ сказокъ и нѣкоторыхъ сказокъ Перро и Андерсена появляются разсказы о животныхъ и такія книжки, какъ „Розанчикъ" Желиховской, гдѣ въ интересномъ и фантастическомъ разсказѣ развивается идея, что любовь и правда сильнѣе зла и лжи; „Кораллы", гдѣ названіе книги является воплощеніемъ ея идеи, что знанія и добро накопляются такъ же постепенно и незамѣтно, какъ незамѣтно создаются кораллы.

Въ книгахъ для младшаго и средняго возраста цѣль разсказовъ всего болѣе направлена, во-первыхъ, на развитіе чувства справедливости, любви и довольства малымъ, а во-вторыхъ, на ознакомленіе съ природой и животными большею частью такими, которыхъ можетъ видѣть каждый ребенокъ. Особенно хороши: „Ручеекъ" Хвольсонъ, въ которомъ помѣщенъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ разсказовъ, имѣющихъ одно общее—бодрость тона и увлекательныя описанія природы; цѣлый рядъ разсказовъ Роговой, „Исторія маленькаго лорда" Бернета, который до того интересенъ, что не оторвешься, и „Новыя Сказки" Бехштейна. Эти сказки, очень популярныя въ Германіи, у насъ, кажется, появляются впервые, а между тѣмъ, юморомъ и своеобразностью содержанія онѣ нисколько не уступаютъ лучшимъ сказкамъ Андерсена и Перро и также интересны. Хороша еще маленькая и дешевая книжка „Приключенія Муравья" Скворцова, гдѣ самъ муравей горячо разсказываетъ свою автобіографію.

Въ книгахъ для средняго и старшаго возраста разнообразіе матеріала чрезвычайно велико. И при выборѣ этихъ книгъ издатель особенно наглядно обнаружилъ прекрасное знаніе и чуткое *пониманіе уже развивающагося интереса и запросовъ* къ жизни и окружающему подростающаго поколѣнія.

Числомъ книгъ этотъ отдѣлъ особенно богатъ; среди нихъ встрѣчается

цѣлый рядъ иностранныхъ сказокъ, разсказовъ и путешествій, каковы, напр., „Робинзонъ Крузэ“, „Тысяча и одна ночь“, индѣйскія сказки, Леди Дженъ и пр. Но съ особенною любовью и тщательностью подобраны и превосходно изданы книги, знакомящія съ исторіей нашего народа, съ его бытомъ, съ его ежедневными бытовыми и историческими радостями и печалями. Рядъ этихъ книгъ начинается съ „Русскихъ Богатырей“ Рогова, выдержавшихъ уже нѣсколько изданій. Эта книга, помимо цѣльности и художественности изложенія и положительной красоты изданія, особенно цѣнна тѣмъ, что не можетъ не сблизить нашихъ дѣтей съ роднымъ народомъ, не возбудить въ нихъ любви къ родинѣ. Особенно бодрымъ горячимъ патріотизмомъ проникнуты еще слѣдующія книги по русской исторіи: „Грозная Туча“ (12 годъ), „Русскій Чудо-Вождь“ (Суворовъ), „Петра Творенье“, „Подвиги русскихъ адмираловъ“ и „Севастополь“.

Послѣ прочтенія каждой изъ нихъ, въ душѣ дѣтей всегда просыпается желаніе добра и счастья не только себѣ, но и другимъ и горячее стремленіе и самому быть достойнымъ преемникомъ славныхъ героевъ нашего отечества.

Кромѣ повѣстей по русской исторіи есть много повѣстей и по исторіи другихъ народовъ, каковы, напримѣръ, „Афрайя“, герой лапландцевъ, „Юрій Збигонъ“ молодой чехъ, „Питеръ Марицъ“ къ войнѣ буровъ, „Послѣдній изъ Черновичей“, „Дѣти Крестоносцы“ и удивительныя по своей своебразной, нѣсколько дикой красотѣ и поэтичности „Кавказскія легенды“ Желиховской, являющіяся какъ бы дополненіемъ и полнымъ расцвѣтомъ цѣлаго ряда ея кавказскихъ разсказовъ, которые любятъ рѣшительно всѣ дѣти. Есть въ этомъ отдѣлѣ еще рядъ книгъ, которыми особенно восхищаются дѣвочки; таковы „Дѣтство“ и „Отрочество“ Желиховской; „Дѣти Солнцевыхъ“, „Дѣвочки“ Лухмановой и др.

Послѣ этого отдѣла идетъ отдѣлъ еще болѣе серьезный, гдѣ вымыселъ уже не играетъ роли. Этотъ отдѣлъ посвященъ ознакомленію съ природой, родной и чужой, съ другими народами и ихъ бытомъ, съ стремленіемъ человѣка узнать все насъ окружающее и извлечь изъ этого всего возможно больше пользы себѣ и другимъ. Свѣдѣнія эти носятъ уже чисто научный характеръ, но въ то же время составлены и подобраны такъ, что заниматься по этимъ книгамъ можно вполнѣ самостоятельно. Таковы „Птицы Европы“, „Ботаническій Атласъ“ „Комнатное Садоводство“, „Атласъ бабочекъ Европы“, руководство къ собиранію и сохраненію насѣкомыхъ и др.

Значеніе этого послѣдняго отдѣла такъ велико для нашего юношества, что мы думаемъ вернуться къ этому вопросу въ будущемъ. Теперь-же необходимо сказать еще о внѣшней формѣ изданій А. Ф. Девріена.

Рѣшительно всѣ книги, начиная отъ такихъ дорогихъ, какъ „Птицы Европы“ (23 р.) и такихъ дешевыхъ, какъ „Веселая Зима“ (30 к.) напечатаны на превосходной прочной бумагѣ, четкимъ яснымъ шрифтомъ, снабжены прекрасными, часто прямо художественными картинами, что, впрочемъ,

и неудивительно, такъ какъ въ этихъ изданіяхъ принимаютъ участіе Н. Н. Каразинъ, А. П. Эйснеръ. Е. Бемъ, Т. Никитина, С. В. Животовскій, Соломко, Г. Тейтеръ, рисунками котораго къ собранію сказокъ Андерсена, такъ восхищался Рѣпинъ.

Всѣ указанныя достоинства книгъ дѣлаютъ ихъ, по справедливости, любимыми книгами дѣтей; стараніе-же издателя—пробудить въ дѣтяхъ своими книгами чувство любви къ людямъ и родинѣ, справедливости и желаніе служить другимъ. Стремленіе это, которое несомнѣнно *достигаетъ* своей цѣли, вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы у насъ обратили должное вниманіе на эти книги, особенно родители, такъ какъ отъ первыхъ впечатлѣній въ умственной и душевной сферѣ зависитъ слишкомъ многое въ будущемъ нашихъ дѣтей:

„Съ мала ключика студена потекла рѣка,
Съ невелика зачиналась каменна Москва".

Завѣдующій дѣтской библіотекой **Н. М.**

С. Орловскій. Павлиній глазъ. Библіотека Горбунова Посадова. Для дѣтей и для юношества. М. 1904 г., ц. 15 к.

„Павлиній глазъ"—это бабочка, заставившая барышню очнуться отъ страсти ловить бабочекъ для коллекціи. Все содержаніе разсказа заключается въ описаніи того, какъ барышня-курсистка сначала съ азартомъ собирала и засушивала растенія, а потомъ съ такимъ же азартомъ принялась ловить и умерщвлять бабочекъ и жуковъ. И только задушивъ собственноручно чудный экземпляръ „Павлиньяго глаза"—барышня внезапно одумалась: она поняла, сколько ненужной жестокости и пренебреженія къ созданіямъ Божіимъ проявляетъ юношество въ страстномъ желаніи захватить какъ можно больше красиваго и необыкновеннаго изъ окружающей природы вмѣсто того, чтобы наслаждаться живою природою и наблюдать ее въ ея естественной красѣ и взаимодѣйствіи. Написанъ разсказъ просто и доступно, но врядъ ли заинтересуетъ дѣтей: слишкомъ мало въ немъ дѣйствія и жизни.

С. Орловскій. Жизнь Диккенса, разсказанная дѣтямъ. Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. Съ 12 рис., ц. 25 коп. Москва 1904 г.

Живо, интересно и просто разсказанная жизнь англійскаго писателя съ интересомъ прочтется дѣтьми старшаго возраста, знакомыми, хотя бы въ сокращеніи, съ романами его. Просто и ясно показана составителемъ связь произведеній писателя съ фактами его жизни, выясняется автобіографическій элементъ въ романахъ его, отчего и самые романы выигрываютъ въ жизненности и біографія получаетъ яркость и свѣжесть красокъ и производитъ

сильное впечатлѣніе. Жизнь Диккенса, въ дѣтствѣ полная невзгодъ и испытаній, изъ которыхъ онъ вышелъ съ честью, въ молодости и въ зрѣлые годы представляетъ такія свѣтлыя картины, что на нихъ отдыхаетъ душа и начинаешь веселѣе смотрѣть на міръ, вѣрить, что не одно только страданіе существуетъ на свѣтѣ, что есть, что возможно счастье. Это послѣднее обстоятельство придаетъ особое значеніе біографіи Диккенса, дѣлаетъ ее особенно желательной въ библіотекахъ для дѣтей и юношества. Книга украшена хорошими картинками въ текстѣ и прелестнымъ портретомъ Диккенса на переплетѣ.

Мировичъ. Снѣжинки. Библіотека нашихъ дѣтей. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1904 г., ц. 30 к.

Книжка эта представляетъ собою сборникъ маленькихъ разсказовъ. Въ началѣ ея помѣщены два недурныя стихотворенія; по имени перваго названа и вся книжка.

Главными дѣйствующими лицами во всѣхъ почти разсказахъ являются животныя и растенія. Авторъ олицетворяетъ весь окружающій міръ—и живую природу, и бездушныя вещи: въ его разсказахъ игрушки танцуютъ при свѣтѣ мѣсяца и подымаются по его серебрянымъ нитямъ („Волшебникъ мѣсяцъ"); птицы переговариваются другъ съ другомъ и съ удивленіемъ и радостью привѣтствуютъ зарю („На зарѣ", „Гнѣздо малиновки"); огуречное сѣмечко не довольствуется настоящимъ, а ждетъ отъ будущаго чуда—и чудо свершается, оно проростаетъ молодымъ росткомъ („Чудо"). Фея лѣсовъ умираетъ, выплакавъ всѣ свои слезы съ тоски по закатившемся солнцѣ, но слезы—роса оживотворяютъ растенія, и сама фея подъ утро оживаетъ при первыхъ лучахъ солнца и летитъ къ нему на встрѣчу бѣлымъ облачкомъ („Роса"); придорожная маргаритка, примятая колесомъ телѣги, тоскуетъ по свѣтломъ небѣ и просторѣ („Придорожная маргаритка"). Такой пріемъ требуетъ большой художественности, чтобы произвести сильное впечатлѣніе; сильнаго впечатлѣнія книжка не производитъ; но во всякомъ случаѣ несмотря на искусственность, въ ней не чувствуется ничего фальшиваго, и нѣкоторые разсказы, какъ, напр., „Роса", „На зарѣ", поэтичны. Мѣстами чувствуется подражаніе Андерсену („Волшебникъ мѣсяцъ", „Придорожная маргаритка"), но довольно удачное.

Въ книжкѣ кромѣ этихъ полусказокъ, въ основаніи которыхъ лежитъ какое-нибудь объясненіе природы или знакомство съ жизнью животнаго (чѣмъ онѣ выгодно отличаются отъ чисто фантастическихъ сказокъ) помѣщены три непритязательныхъ разсказа изъ дѣтской жизни: „Глобусъ и кошелекъ", „Новый почтальонъ" и „Дождливый день", и хорошая по замыслу, но немного искусственная сказка „Черные ландыши и голубая роза". Лепестки голубой розы имѣютъ животворящую силу; но сорвать розу можетъ только тотъ, кто

ни разу не произнесъ лжи. Черные ландыши бѣлоснѣжны, пока при нихъ не сказано лживое слово: тогда они темнѣютъ и опускаютъ головки. Совершенно отдѣльно стоитъ маленькій разсказъ—притча „Самое дорогое", немногословный, но яркій, производящій впечатлѣніе. Раненая птичка обѣщаетъ волшебницѣ отдать самое дорогое, если она исцѣлитъ ее, думая, что жизнь дороже всего. Когда же волшебница требуетъ отъ нея крыльевъ, она отказываетъ: „Возьми лучше мою жизнь. Лучше не жить совсѣмъ, чѣмъ жить и не летать". Волшебница оставляетъ ей жизнь, давъ ей понять, что „самое дорогое всегда дороже жизни". Притча слишкомъ глубокомысленна для дѣтей, которыхъ могутъ удовлетворить разсказики, вродѣ „Дождливаго дня". Въ общемъ, книжка оставляетъ хорошее впечатлѣніе и прочтется дѣтьми съ интересомъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ.

Рабочіе образовательные кружки въ Германіи.

Играющая въ настоящее время въ Германіи первую и руководящую роль клерикальная партія не является выразительницей и заступницей интересовъ одного какого-либо класса населенія, одной опредѣленной группы его. Объединяя, наоборотъ, подъ своими знаменами всѣ классы населенія южной, юго-восточной и юго-западной Германіи, эта партія съ давнихъ поръ ставитъ своей задачей развить свою соціальную программу такимъ образомъ, чтобы и рабочій классъ могъ принадлежать къ партіи, не ища убѣжища и утѣшенія, какъ это дѣлаютъ почти всѣ рабочіе евангелическаго исповѣданія, въ рядахъ соціалъ-демократіи. Нѣкоторые передовые дѣятели нѣмецкой буржуазіи пытались неоднократно объединить евангелическихъ рабочихъ на той же религіозно-политической почвѣ, но буржуазныя партіи рейхстага или прусскаго ландтага, за исключеніемъ свободомыслящихъ лѣваго крыла, никогда не желали отказаться отъ своихъ классовыхъ интересовъ въ пользу представителей труда. Жизненные интересы объединяемыхъ всегда брали верхъ надъ попытками дать имъ вмѣсто хлѣба камень, вмѣсто отвѣта на насущные вопросы призывъ къ благочестію и послушанію. Господа объединители этимъ нежеланіемъ поступиться ни единой іотой изъ своихъ правъ и привилегій гнали рабочихъ, даже готовыхъ объединиться внѣ сліянія съ крайней лѣвой, въ лагерь соціалъ-демократовъ, и изъ обрисованныхъ попытокъ не выходило никогда ничего путнаго.

Клерикальная партія оказалась въ этомъ отношеніи гораздо умнѣе и дальновиднѣе. Не принимая почти ничего изъ соціалъ-демократической программы, борясь съ крайней лѣвой со всей ожесточенностью политической борьбы, клерикальная партія поняла однако, что рабочихъ трудно удержать въ свой средѣ только лишь одними пустыми обѣщаніями, и включала въ свою программу цѣлый рядъ соціальныхъ реформъ, которыя, не оставаясь лишь въ теоріи, дѣйствительно партіей и проводятся постепенно, пожалуй, слишкомъ постепенно, въ жизнь. Благодаря этому къ партіи принадлежатъ многіе десятки тысячъ организованныхъ католическихъ рабочихъ, которыхъ никакъ не можетъ перетянуть въ свой лагерь крайняя лѣвая. Если же крайней лѣвой удается все же въ единичныхъ случаяхъ перетянуть на свою сторону ту или другую католическую организацію, удается болѣе или менѣе прочно основаться въ какомъ-либо округѣ съ католическимъ рабочимъ населеніемъ, то клери-

кальная партія не дремлетъ и проведеніемъ въ парламентѣ какого-либо новаго пункта своей соціальной программы удерживаетъ массы католическихъ рабочихъ все же за собой. Объ этомъ свидѣтельствуютъ ежегодные импозантные съѣзды клерикальной партіи.

Правда, партія избираетъ мѣстомъ своихъ съѣздовъ лишь тѣ мѣстности, гдѣ она сильна и прочна; но было бы смѣшно, если бы партія, объединенная общностью католической религіи, избирала мѣстомъ своихъ съѣздовъ какіе-либо пункты въ евангелической средѣ германскаго населенія. И если избираются для съѣздовъ такіе пункты, гдѣ наличность мѣстныхъ католическихъ рабочихъ даетъ возможность парадировать ставшими традиціонными массовыми митингами, то и это еще не говоритъ противъ партіи и ея тактики, ибо если бы эти самые рабочіе принадлежали къ крайней лѣвой, они не стали бы, конечно, участвовать въ съѣздѣ во славу католицизма и въ честь клерикальной партіи. Удачнымъ, какъ всегда, явилось въ этомъ отношеніи избраніе для послѣдняго съѣзда партіи минувшей осенью города Регенсбурга. Обильно украшенный флагами, этотъ городъ пріютилъ на одну недѣлю въ своихъ стѣнахъ делегатовъ клерикальныхъ организацій, членовъ клерикальныхъ фракцій въ рейхстагѣ, въ прусскомъ и баварскомъ ландтагахъ и весьма многочисленныхъ сторонниковъ партій, пріѣхавшихъ въ качествѣ гостей и слушателей. Какъ и въ прошлые годы, работы съѣзда начались съ импозантнаго шествія рабочихъ и съ большихъ и многолюдныхъ митинговъ, на которыхъ вожаки партіи говорили къ широкимъ кругамъ народа. Какъ и въ прошлые годы, на этомъ „генеральномъ смотру“ клерикальной партіи далеко не послѣднюю роль играли организованные ею *кружки для самообразованія и внѣшкольнаго просвѣщенія рабочихъ.*

Совершенно несправедливо довольно распространенное у насъ мнѣніе, основанное на поверхностномъ лишь знакомствѣ съ положеніемъ дѣлъ, будто клерикальная партія въ Германіи является принципіальной противницей просвѣщенія и образованія народныхъ массъ. Въ Германіи только еще въ средѣ консерваторовъ, потомковъ феодаловъ, съ ихъ полусохранившимися феодальными замашками, можно встрѣтить людей, которые утверждаютъ, что народнымъ массамъ не нужно просвѣщеніе, утверждаютъ это на одномъ лишь томъ эгоистическомъ основаніи, что безграмотный сельскій рабочій и работалъ бы за меньшую плату, и клалъ бы свой избирательный шаръ въ урну, указанную ему его работодателемъ. Клерикальная же партія пережила долгіе годы господства исключительныхъ противъ нея законовъ и знаетъ на личномъ опытѣ, что народное просвѣщеніе, какъ и свобода совѣсти, печати и сходокъ, являются самымъ могучимъ оружіемъ въ рукахъ каждой политической партіи. Достигнувъ отмѣны исключительныхъ законовъ цѣною понесенныхъ огромныхъ жертвъ, напрягши силы до послѣдней возможности, пустивъ въ ходъ чрезвычайно интенсивную устную и печатную пропаганду, немыслимую внѣ просвѣщенія массъ, и достигнувъ въ результатѣ указанной уже первенствующей роли въ странѣ, клерикальная партія отнюдь не помышляетъ поколебать такіе основные факторы государственнаго устройства Германіи, какъ всеобщее избирательное право, какъ свобода совѣсти, печати и сходокъ, какъ обязательное и неминуемое для всѣхъ и всякаго обученіе дѣтей въ возрастѣ отъ шести лѣтъ до четырнадцати. Клерикальная партія стремится лишь къ усиленію и безъ того достаточно сильнаго вліянія церкви на народную школу, а такъ какъ свѣтскій характеръ школы является едва-ли не крупнѣйшимъ завоеваніемъ девятнадцатаго вѣка, то всѣ передовыя партіи ведутъ въ Гер-

маніи упорнѣйшую борьбу противъ усиленія вліянія клерикализма въ школѣ.

Вотъ почему образцовая и благоустроенная прусская народная школа является до сихъ поръ еще въ своей теоретически-программной части ареной борьбы крупнѣйшихъ политическихъ партій, и именно ближайшей зимою борьба должна выразиться въ особенно яркихъ формахъ, такъ какъ къ чисто финансовому правительственному законопроэкту о средствахъ существованія народной школы реакціонно клерикальное большинство прусскаго парламента вноситъ нежелательный придатокъ: конкретныя законодательныя нормы усиленія вліянія церкви на школу. Мы въ свое время еще остановимся на предстоящей борьбѣ со всѣми ея перипетіями страстнаго и крупнаго политическаго турнира, а пока—переходя къ темѣ—скажемъ, что въ кругу своихъ рабочихъ организацій для самообразованія и развлеченій разумнаго характера клерикалы, во исполненіе своей программы, весьма тѣсно переплетаютъ религіозный лейтъ-мотивъ съ просвѣтительно-политическими началами. Такъ, напримѣръ, доклады и лекціи, читаемые на собраніяхъ названныхъ кружковъ, только лишь на половину посвящены свѣтскимъ наукамъ. Добрая половина лекцій, съ сопровождающими ихъ дебатами участниковъ собраній и съ отвѣтами лекторовъ на вопросы, задаваемые имъ изъ среды слушателей, посвящены вопросамъ религіознаго характера, и ведутся онѣ въ строгомъ соотвѣтствіи съ духомъ католической церкви, внѣ какого-либо малѣйшаго вліянія „еретичества" въ формѣ критики и исканій пытливаго ума. Такъ называемые вечера развлеченій, въ программу которыхъ входятъ пѣніе и музыка, декламація, небольшія театральныя представленія и общія игры, также въ соотвѣтствующей мѣрѣ проникнуты религіозными мотивами. Развлеченія свѣтскаго характера чередуются съ пѣніемъ хораловъ и декламаціей отрывковъ духовно поучительнаго характера.

Какъ на подобныхъ вечерахъ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда кружокъ католическихъ рабочихъ устраиваетъ свой годовой или иной ферейнскій праздникъ или же когда всѣ члены кружка устраиваютъ общую загородную прогулку съ семьями, въ ихъ средѣ всегда можно встрѣтить одного изъ католическихъ патеровъ или изъ мѣстныхъ дѣятелей клерикальной партіи, которые не замедлятъ во время празднества обратиться къ кружку съ рѣчью, напоминающей о религіозномъ базисѣ организаціи и призывающей къ благочестію и смиренномудрію, какъ ихъ понимаетъ и предписываетъ католическая церковь, въ особенности же къ вѣрности церкви и святому престолу, съ неизмѣннымъ указаніемъ на яко-бы глубоко несправедливое положеніе, въ которое поставленъ папа, лишенный невѣрующими и еретиками свѣтской власти. Но одновременно со всѣмъ этимъ воздается „кесарево кесарю": читаются лекціи общеобразовательнаго характера, ведутся пренія для развитія въ средѣ рабочихъ способности выражать свои мнѣнія, даются отвѣты на всѣ пытливые вопросы слушателей въ области той или иной науки, устраиваются систематическіе курсы, учреждаются читальни и библіотеки. Согласно имѣющимся у меня точнымъ свѣдѣніямъ, въ одинъ только южно-германскій союзъ входятъ свыше 250 образовательныхъ кружковъ католическихъ рабочихъ, обладающихъ общественными библіотеками, количествомъ въ общей сложности до сорока трехъ тысячъ томовъ. Въ нѣкоторыхъ крупныхъ и среднихъ центрахъ южной и западной Германіи, гдѣ заработокъ рабочаго позволяетъ ему тратить извѣстную долю на пріобрѣтеніе въ собственность книгъ, учреждены образовательными кружками особыя книготорговли съ подборомъ книгъ и

брошюръ свѣтскаго и религіознаго характера, въ духѣ обрисованной выше программы. Эти книготорговли приходятъ на помощь такимъ кружкамъ, средства которыхъ не позволяютъ устройства читаленъ или библіотечекъ, отпуская ихъ членамъ книги и брошюры на тѣхъ или иныхъ льготныхъ условіяхъ. Гдѣ организація подобной книготорговли одному кружку не подъ силу, тамъ берутъ на себя эту задачу организованные союзы всѣхъ мѣстныхъ кружковъ или болѣе обширные союзы, объединяющіе всѣ кружки какой-либо мѣстности или провинціи. Однимъ изъ подобныхъ развѣтвленій общаго союза всѣхъ образовательныхъ кружковъ католическихъ рабочихъ является названный выше Южно-Германскій союзъ. Всего въ послѣднее время было зарегистрировано около тысячи трехсотъ кружковъ съ 205 тысячами членовъ-рабочихъ.

Этимъ, однако, не ограничивается количество кружковъ католическихъ рабочихъ съ просвѣтительными задачами. Для католическихъ работницъ организованы отдѣльные кружки. Первый изъ нихъ былъ основанъ еще въ 1858 году, но до сихъ поръ число ихъ возросло только лишь до сорока, съ шестью тысячами членовъ. Объясняется это различными причинами: и тѣмъ, что работницъ вообще гораздо меньше, нежели рабочихъ, и тѣмъ, что занятая домашними хлопотами и уходомъ за дѣтьми, работница гораздо туже поддается вербовкѣ въ члены кружка, хотя ей и предстоятъ наряду съ образовательными лекціями также и развлеченія, и, наконецъ, тѣмъ, что иниціаторы и создатели этихъ кружковъ преслѣдовали кромѣ образовательной цѣли также и политическую: создать оплотъ изъ преданныхъ католицизму рабочихъ и потому главное вниманіе обращали на организацію мужскихъ кружковъ. Гораздо болѣе крупные результаты достигнуты этими дѣятелями въ области созданія особыхъ образовательныхъ кружковъ для католическихъ рабочихъ, еще не достигшихъ зрѣлаго возраста, для такъ называемыхъ подмастерьевъ и учениковъ. Идея подобныхъ кружковъ далеко не нова. Она зародилась въ первыя десятилѣтія минувшаго столѣтія, и уже въ сороковые годы существовали въ Германіи разрозненные кружки для подмастерьевъ и юношей, обучающихся ремеслу. Задачей этихъ кружковъ было расширеніе умственнаго горизонта молодыхъ ремесленниковъ путемъ преподаванія имъ нѣкоторыхъ предметовъ, необходимыхъ имъ въ жизненной борьбѣ, наряду съ полезными развлеченіями. Первые же подобные кружки были организованы на религіозномъ базисѣ. Первый католическій кружокъ подмастерьевъ организованъ былъ въ 1846 году въ Эльберфельдѣ. Позже эти кружки чрезвычайно привились и вошли чуть-ли не въ кровь и плоть нѣмецкаго народа наряду съ кружками взрослыхъ рабочихъ и ремесленниковъ.

Мысль объ организаціи особыхъ образовательныхъ кружковъ для подмастерьевъ и учениковъ основывается на томъ правильномъ положеніи, что не все, читаемое для взрослыхъ, доступно пониманію полузрѣлаго юношества, и что успѣхи молодежи въ своей ограниченной средѣ, внѣ общенія съ взрослыми, должны быть выше, какъ и съ другой стороны рабочихъ и ремесленниковъ задѣвала бы необходимость сидѣть на лекціяхъ наряду съ юнцами, научающимися едва ремеслу и элементарнымъ началамъ наукъ. Между тѣмъ возрастомъ, когда ремесленные ученики посѣщали еще воскресныя школы или спеціальныя школы для продолженія образованія, полученнаго ими въ элементарной школѣ, въ связи съ избраннымъ ремесломъ, и тѣмъ возрастомъ, когда ремесленники были уже полноправными членами своихъ промысловыхъ организацій, не существовало средней ступени, и таковою явились кружки

подмастерьевъ съ просвѣтительными, какъ равно и взаимновспомогательными задачами. До чего идея эта привилась, показываетъ хотя бы тотъ голый фактъ, что въ настоящее время подобныхъ кружковъ въ Германіи свыше тысячи съ зарегистрованными ста двадцатью тысячами членовъ. Около трехсотъ изъ этихъ кружковъ обладаютъ собственными зданіями, гдѣ читаются лекціи, гдѣ помѣщаются читальни и библіотеки, гдѣ устраиваются вечера для развлеченій. Громадное большинство этихъ кружковъ продолжаетъ опираться на религіозной почвѣ. Евангелическіе кружки носятъ въ большинствѣ случаевъ названіе „юношескихъ ферейновъ". Кромѣ католическихъ кружковъ для подмастерьевъ, организовано еще восемьсотъ католическихъ кружковъ для ремесленныхъ учениковъ и рабочихъ юношескаго возраста. Въ этихъ кружкахъ насчитывается 160 тысячъ членовъ, или, иными словами, 160 тысячъ человѣкъ рабочей молодежи; отторгнутые отъ развращающаго вліянія кабака и улицы, они находятъ въ свѣтлыхъ, уютныхъ и теплыхъ помѣщеніяхъ пищу для ума разумныя развлеченія и общеніе съ товарищами по труду.

Остановимся теперь на образовательныхъ кружкахъ евангелическихъ рабочихъ. Основаніе ихъ относится къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда особенно сильно развились обрисованные выше кружки католическихъ рабочихъ. Основанные въ подражаніе тѣмъ кружкамъ и, отчасти, въ противодѣйствіе вліянію ихъ въ городахъ со смѣшаннымъ (католическимъ и евангелическимъ) населеніемъ, евангелическіе кружки рабочихъ оказались „лойяльнѣе короля" и проявили свойственное многимъ подражательнымъ начинаніямъ излишнее усердіе. Поэтому въ программу евангелическихъ кружковъ входитъ и усиленіе сознанія въ членахъ ихъ принадлежности къ евангелической религіи, и достиженіе добрыхъ отношеній и мирнаго сотрудничества между рабочими и работодателями, и повышеніе нравственности рабочихъ наряду съ расширеніемъ ихъ умственнаго горизонта, и экономическая поддержка членовъ путемъ кассъ взаимопомощи на случай болѣзни и смерти. Оставляя совершенно въ сторонѣ на этотъ разъ экономическія стороны дѣятельности евангелическихъ кружковъ, я скажу лишь, что просвѣтительнымъ задачамъ служатъ лекціи, разумныя развлеченія и распространеніе соотвѣтствующей литературы, но руководители этихъ кружковъ часто отводятъ доминирующее мѣсто религіознымъ мотивамъ на счетъ лекцій по наукамъ свѣтскаго характера. Соединеніе просвѣтительныхъ и экономическихъ задачъ способствуетъ, во всякомъ случаѣ, привлеченію членовъ изъ рабочей среды, въ особенности въ Рейнской провинціи и въ Вестфаліи, гдѣ рабочее населеніе не столь проникнуто атеизмомъ, какъ въ другихъ провинціяхъ страны. Тамъ и развились особенно евангелическіе кружки рабочихъ, причемъ въ 1890 году сдѣлана была попытка объединить ихъ всѣхъ въ одинъ общій союзъ съ общими руководящими идеями. По поводу послѣднихъ мнѣнія разошлись, и объединены въ общій союзъ только лишь около семидесяти трехъ тысячъ членовъ образовательныхъ кружковъ евангелическихъ рабочихъ. Всего же такихъ кружковъ насчитывается въ настоящее время немногимъ свыше пятисотъ съ 103 тысячами зарегистрованныхъ членовъ.

Мы только что выразили желаніе не останавливаться на экономическихъ моментахъ дѣятельности евангелическихъ кружковъ, такъ какъ въ нашу задачу входитъ ознакомиться лишь съ просвѣтительными рабочими организаціями Германіи. Но организаціи эти настолько разнородны, что очень часто трудно провести демаркаціонную линію между организаціями, преслѣдующими однѣ лишь экономическія или однѣ лишь просвѣтительныя задачи. Часто при

преобладаніи просвѣтительныхъ цѣлей, члены кружковъ и организацій устраиваютъ небольшія кассы взаимопомощи, на случай болѣзни или смерти своихъ членовъ; но и многія организаціи, преслѣдующія исключительно экономическія цѣли, не могутъ быть обойдены полнымъ молчаніемъ на этихъ страницахъ, такъ какъ эти организаціи и устраиваютъ время отъ времени отдѣльныя лекціи просвѣтительнаго характера или-же содержатъ на свои средства читальни и библіотеки. Къ послѣдняго рода организаціямъ, гдѣ ярко выраженный экономическій характеръ ихъ все-же переплетается слегка съ просвѣтительными задачами, слѣдуетъ причислить почти всѣ промысловыя организаціи рабочихъ. Таковыя дѣлятся въ Германіи на три отдѣльныя группы. Въ первую группу входятъ такъ называемые „христіанскіе промысловые ферейны“ съ 190 тысячами членовъ, во вторую группу входятъ „Гиршъ-Дункеровскіе промысловые ферейны“ съ девятьюдесятью тысячами членовъ и, наконецъ третью, группу, самую значительную, составляютъ „свободныя промысловыя организаціи“. Это организаціи соціалъ-демократическихъ рабочихъ; онѣ насчитываютъ почти милліонъ членовъ, и въ этой группѣ промысловыхъ организацій отводится, больше другихъ двухъ, мѣсто просвѣтительнымъ задачамъ. Но здѣсь и лекціи, и читальни и библіотеки преслѣдуютъ почти исключительно одну единственную цѣль: пропаганду соціалъ-демократическихъ идей. Внѣ этихъ промысловыхъ организацій имѣются въ Германіи нѣсколько такъ называемыхъ „ферейновъ для образованія рабочихъ“; но съ самаго начала основанія ихъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онѣ явились своего рода дѣтищами соціалъ-демократическихъ организацій политическаго характера. Цѣлью этихъ ферейновъ является исключительно подготовка слушателей къ политической дѣятельности и къ общественному труду въ кругу упомянутыхъ выше промысловыхъ организацій съ экономическими задачами. Подготовляя ораторовъ и агитаторовъ партіи, эти „ферейны для образованія рабочихъ“ относятся скорѣе къ организаціямъ политическаго характера. Преслѣдуютъ исключительно политическія цѣли, хотя и путемъ просвѣщенія своихъ членовъ и слушателей, еще и слѣдующія крупныя организаціи: „Народный ферейнъ для католической Германіи“ съ 200 тысячами членовъ, хотя основанъ „ферейнъ“ этотъ не далѣе какъ тринадцать лѣтъ назадъ, и евангелическій „Ферейнъ для народнаго образованія въ христіанскомъ духѣ въ Рейнской провинціи и въ Вестфаліи“, основанный въ 1882 году.

Переходя теперь къ рабочимъ образовательнымъ кружкамъ, опирающимся не на политической и не на религіозной почвѣ, но преслѣдующимъ исключительно просвѣтительныя задачи, я хотѣлъ-бы раньше всего обратить вниманіе читателей на то, что идея организаціи подобныхъ кружковъ зародилась раньше всего не въ кругахъ рабочихъ самихъ, а въ средѣ нѣмецкой интеллигенціи передового лагеря. Въ сороковые годы минувшаго столѣтія, то-есть въ ту самую эпоху, когда въ Германіи переоцѣнено было такъ много цѣнностей политическаго и умственно-просвѣтительнаго характера, нѣкоторые интеллигентные друзья ремесленнаго и рабочаго сословія задумались надъ тѣмъ, какимъ путемъ придти на помощь этому сословію, какимъ образомъ дать ему свѣтъ просвѣщенія и знаній, какими средствами способствовать облагораживанію темнаго люда, находящагося подъ полнымъ вліяніемъ духовной тьмы и умственнаго невѣжества. Дѣятели того времени обратили свое вниманіе на существовавшіе уже тогда рабочіе образовательные кружки въ Швейцаріи, устраивавшіе для рабочихъ лекціи и вечера разумныхъ развлеченій. По образцу этихъ швейцарскихъ кружковъ, но считаясь съ тогдашнимя условіями

въ реакціонной Германіи, основаны были въ тѣхъ-же сороковыхъ годахъ „Рабочій ферейнъ“ и „Ферейнъ ремесленниковъ“ въ Берлинѣ, ферейнъ „Впередъ“ въ Бременѣ и „Образовательный ферейнъ для рабочихъ“ въ Гамбургѣ. Интеллигенція названныхъ городовъ дѣятельно и горячо принялась за свой просвѣтительный трудъ, и успѣхи ихъ дѣятельности были на лицо: не только новые образовательные ферейны привились и привлекали довольно значительное количество рабочихъ, но основаны были, въ подражаніе первымъ ферейнамъ, подобные-же образовательные ферейны въ Кельнѣ, Ганноверѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и др крупныхъ, а также и среднихъ центрахъ. Даже въ далекой Скандинавіи стали устраивать образовательные кружки для рабочихъ по образцу иныхъ нѣмецкихъ ферейновъ. Когда наступилъ сорокъ восьмой годъ съ его бурными мартовскими днями, поведшими къ измѣненію всего государственнаго строя въ Пруссіи и въ южно-германскихъ государствахъ, дѣятели первыхъ нѣмецкихъ образовательныхъ ферейновъ для рабочихъ имѣли возможность порадоваться тому, что ихъ слушатели принадлежатъ къ передовымъ кадрамъ рабочихъ и ремесленниковъ, понимающихъ все значеніе происшедшихъ перемѣнъ, и смогутъ воспитать въ этомъ-же духѣ будущее поколѣніе, но и правительство смотрѣло на образовательные ферейны, какъ на очаги недовольства массъ и разжиганія политическихъ страстей. Поэтому, когда спустя короткій срокъ, реакція снова захватила въ свои руки власть, германскія правительства первымъ дѣломъ закрыли и распустили образовательные ферейны для рабочихъ. Даже „Ферейнъ берлинскихъ ремесленниковъ“, основанный въ 1844 году по иниціативѣ городского совѣтника, позже бургомистра Гегемана, взятый подъ покровительство городомъ и достигшій наибольшаго расцвѣта въ то время среди своихъ собратьевъ, не избѣжалъ общей участи и былъ закрытъ прусскимъ правительствомъ въ 1850 году. Закрытіе послѣдовало за то, что ферейнъ, не преслѣдуя по статутамъ политическихъ задачъ, вмѣшался активно въ политическую борьбу революціоннаго года.

Возобновленный въ 1859 году и существующій съ тѣхъ поръ безпрерывно донынѣ „Ферейнъ берлинскихъ ремесленниковъ“ ставитъ своей задачей, какъ и въ годы своего основанія, подъемъ умственнаго, духовнаго и нравственнаго уровня берлинскихъ ремесленниковъ путемъ общаго просвѣщенія и распространенія спеціальныхъ знаній, какъ равно и путемъ экономической поддержки на началахъ взаимопомощи. Основанный въ свое время исключительно для рабочихъ и ремесленниковъ, этотъ Ферейнъ и въ настоящее время насчитываетъ наибольшее количество своихъ членовъ изъ рабочей и ремесленной (преимущественно) среды. Число ихъ достигало два года назадъ 732. Но допускаются въ число членовъ также и представители другихъ сословій. Такъ, напримѣръ, представителей торговаго класса насчитывалось въ томъ-же году около 250, а представителей свободныхъ профессій, профессоровъ, чиновниковъ и т. п. свыше ста пятидесяти. Сложился обычай, по которому всѣ лекторы и образованные друзья и покровители Ферейна записываются его активными членами, и очень много способствовалъ этому покойный Вирховъ, какъ лично много поработавшій для преуспѣянія Ферейна, такъ и побуждавшій своихъ ученыхъ и политическихъ друзей искать въ средѣ Ферейна сближенія съ представителями труда и ремесла. Условія пріема для всѣхъ одинаковыя: запись стоитъ около десяти копеекъ (20 пфенниговъ) и ежемѣсячный взносъ въ 50 пфенниговъ (меньше 25 коп.) За эту ничтожную плату каждый членъ имѣетъ право посѣщать (въ сопровожденіи женъ и взрослыхъ дочерей) фе-

рейнскіе вечера три раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ. Вечера начинаются не раньше восьми часовъ, сообразно съ тѣмъ, что члены Ферейна—преимущественно народъ трудовой. Вечера отводятся почти исключительно лекціямъ научно-популярнаго характера, причемъ вопросы политическіе или религіозные въ программу лекцій не входятъ. Читаютъ приглашенные правленіемъ Ферейна опытные лекторы-спеціалисты, отводящіе послѣ каждой лекціи нѣкоторое время на отвѣты по вопросамъ, задаваемымъ слушателями, если ими что-либо не понято или кажется въ прослушанной лекціи неяснымъ. Для тѣхъ членовъ, которые почему-либо не желаютъ прослушать ту или другую лекцію, читаемую въ главномъ большомъ залѣ, устроенъ рядъ небольшихъ залъ со всѣми удобствами клуба. Здѣсь и курительная, и комната для бесѣдъ и развлеченій съ шахматами, шашками, домино и иными играми, за исключеніемъ картъ, и читальня со ста газетами и журналами политическаго (всѣхъ партій), научнаго и беллетристическаго характера, и библіотека съ 10 тысячами томовъ. Для ремесленной молодежи, для посторонней публики и для взрослыхъ членовъ, желающихъ пополнить свои познанія, устроены Ферейномъ систематическіе курсы какъ по элементарнымъ предметамъ и двумъ иностраннымъ языкамъ (французскій и англійскій), такъ и по предметамъ прикладного характера, какъ-то: бухгалтерія, банковское дѣло, торговая корреспонденція, стенографія, механика, моделлированіе и черченіе, поскольку оно необходимо для того или иного ремесла. Число слушателей всѣхъ этихъ систематическихъ курсовъ достигаетъ въ среднемъ ежегодно 450 человѣкъ. Плата за курсы взимается чрезвычайно скромная. Ферейнъ имѣетъ возможность приглашать наилучшихъ лекторовъ и прекрасно оплачивать ихъ трудъ, такъ какъ финансовый базисъ Ферейна превосходенъ. Ферейнъ обладаетъ собственнымъ зданіемъ, цѣною до милліона марокъ, и отдача въ наемъ свободныхъ большихъ и малыхъ залъ для собраній и засѣданій, какъ и отдача въ аренду ресторана, даютъ Ферейну крупный доходъ. Члены Ферейна настолько вѣрятъ въ его финансовую прочность, что отдаютъ въ кассу Ферейна свои сбереженія. Какъ въ любомъ подобномъ нѣмецкомъ учрежденіи, изъ числа членовъ Ферейна выдѣлились мужской и женскій хоръ и три отдѣленія (мужское, женское и изъ ремесленныхъ учениковъ) любителей спорта, преимущественно гимнастики. Хоры и группы гимнастовъ показываютъ свое искусство на устраиваемыхъ зимою особыхъ вечерахъ для развлеченія членовъ Ферейна, лѣтомъ же члены Ферейна съ женами и дѣтьми устраиваютъ традиціонныя загородныя прогулки. Время отъ времени по воскреснымъ днямъ они знакомятся сообща съ какими-либо крупными предпріятіями или интересными учрежденіями Берлина, расширяя и этимъ путемъ свой умственный кругозоръ.

Упомянутый уже „Образовательный ферейнъ для рабочихъ“ въ Гамбургѣ, основанный въ 1845 году по мысли нѣкоторыхъ мѣстныхъ ремесленниковъ и трудами весьма энергичнаго мѣстнаго писателя Георга Ширгеса, былъ единственнымъ образовательнымъ нѣмецкимъ ферейномъ, не павшимъ въ концѣ сороковыхъ годовъ подъ напоромъ реакціи. Основанный преимущественно для ремесленниковъ и ремесленныхъ учениковъ, этотъ Ферейнъ постепенно потерялъ свой первоначальный характеръ, и въ средѣ его двухъ тысячъ пятидесяти членовъ насчитывается теперь столько-же ремесленниковъ и рабочихъ, сколько и представителей торговаго сословія. На этомъ основаніи сдѣлано было предложеніе переименовать Ферейнъ въ Общеобразовательный, но члены Ферейна отклонили это предложеніе, исходя изъ этой точки зрѣнія,

что всѣ они труженики и работники, работаютъ-ли они руками или головой, стоятъ-ли они за станкомъ или за прилавкомъ. И этотъ Ферейнъ поставленъ въ финансовомъ отношеніи прекрасно; не даромъ-же нѣмцы любятъ обставлять всѣ свои начинанія солиднѣйшимъ образомъ: Ферейнъ имѣетъ собственное прекрасное зданіе съ большими и малыми залами для собраній и засѣданій, съ читальней, заломъ для бесѣдъ и развлеченій, гимнастическимъ заломъ и небольшими классными комнатами, равно какъ и библіотекой. Въ послѣдней до шестнадцати тысячъ томовъ. Члены Ферейна пользуются ею безплатно; для посторонней публики она доступна за скромную плату. Систематическіе курсы, устраиваемые Ферейномъ и посѣщаемые въ среднемъ ежегодно 1.500 слушателей, читаются по слѣдующимъ предметамъ: нѣмецкій, англійскій, французскій, испанскій и датскій языки (послѣдніе два языка преподаются въ виду интернаціональнаго торговаго значенія Гамбурга), бухгалтерія, счетоводство, геометрія, алгебра, стенографія, рисованіе, черченіе и т. д. Цѣна отдѣльнаго курса три марки, причемъ слушатель одного курса платитъ за каждый послѣдующій курсъ уже только половину. За скромную плату могутъ прослушать ту или другую лекцію члены Ферейна, не принимающіе участія въ систематическихъ курсахъ. Отдѣльныя лекціи, подобныя тѣмъ, какія читаются въ „Ферейнѣ берлинскихъ ремесленниковъ", не входятъ въ программу гамбургскаго „Образовательнаго ферейна для рабочихъ". Подготовляя путемъ обрисованныхъ систематическихъ курсовъ своихъ членовъ къ занятію ремесломъ или торговлей, Ферейнъ стремится еще вліять облагораживающимъ образомъ на своихъ членовъ и въ особенности тѣмъ изъ нихъ, кто живетъ въ Гамбургѣ безъ семействъ или родныхъ, дать общество и разумныя развлеченія. Съ этой цѣлью Ферейнъ устраиваетъ лѣтомъ общія загородныя прогулки, а зимою систематически литературные, музыкальные и скромные танцовальные вечера. Нѣтъ никакой возможности объединить все названное выше огромное количество членовъ Ферейна. Поэтому придумана чрезвычайно цѣлесообразная мѣра для единенія членовъ на почвѣ ихъ общихъ склонностей. Небольшія группы членовъ, объединенныя одной и той-же доминирующей у нихъ склонностью, составляютъ отдѣльные клубы. Такимъ образомъ, при Ферейнѣ существуютъ клубы: любителей хорового пѣнія, гимнастовъ, любителей шахматной игры, стенографовъ, изучающихъ французскій, или англійскій, или испанскій языки, велосипедистовъ-любителей, скандинавскій клубъ, нѣмецкій клубъ (для знакомства съ нѣмецкой литературой и упражненій въ ораторскомъ искусствѣ) и кромѣ того еще два клуба со вспомогательными средствами. Клубы имѣютъ свои помѣщенія и собираются для бесѣдъ, чтеній, слушанія докладовъ и состязаній въ спортѣ.

Кромѣ этого образовательнаго ферейна, существуетъ еще въ Гамбургѣ такъ называемый Народный домъ, устроенный въ подражаніе англійскимъ Toynbee-Hall'ямъ. Его организація совершенно иная. Здѣсь членами являются не рабочіе и ремесленники сами, а интеллигенція объединилась, чтобы устраивать для рабочихъ, ремесленниковъ и вообще народныхъ массъ Гамбурга лекціи, курсы и разумныя развлеченія. Членами организаціи могутъ быть только лишь тѣ, кто желаетъ лично работать на пользу народныхъ массъ въ предѣлахъ, предусмотрѣнныхъ статутами организаціи, или же тѣ лица, которыя готовы поддержать начинанія первыхъ денежными взносами. Согласно послѣднему отчету, организація имѣла въ прошломъ году около ста пятидесяти сотрудниковъ и около двухсотъ членовъ-покровителей, вносящихъ въ годъ до двѣнадцати тысячъ марокъ. Сумма эта сравнительно небольшая, но значительное

количество сотрудниковъ, охотно отдающихъ общему дѣлу время и свой трудъ, позволяетъ развивать весьма широкую и плодотворную дѣятельность. Раньше всего организація устраиваетъ лекціи совмѣстно съ отвѣтами на предлагаемые слушателями вопросы по интересующимъ ихъ моментамъ лекцій. Эти лекціи единичныя; сестематическихъ курсовъ эта организація не устраиваетъ. Доступъ на лекціи свободенъ для всякаго и безплатный; только въ тѣхъ случаяхъ, когда лекціи сопровождаются свѣтовыми картинами, взимается за входъ десять пфенниговъ. Большинство слушателей—рабочіе, преимущественно даже портовые рабочіе и ихъ семьи. Число слушателей достигало въ первомъ году существованія молодой организаціи ста двадцати въ среднемъ, въ слѣдующемъ году колебалось между сорока и двумя стами сорока. Эти довольно скромныя цыфры объясняются какъ тѣмъ, что помѣщеніе очень скромное (постройка собственнаго зданія еще только предполагается), такъ и нѣкоторой неопытностью учредителей. Такъ, напримѣръ, лекція о питаніи привлекала весьма малое количество слушателей, въ то время какъ та же лекція подъ названіемъ „Какъ намъ питаться" привлекала уже весьма значительное сравнительно число слушателей. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ лекцій, устраиваются по воскреснымъ днямъ особыя развлеченія съ такихъ подборомъ разнообразной программы, чтобы она вся посвящена была одному и тому же писателю или композитору. Устроенныя въ прошломъ году 24 подобныхъ воскресныхъ развлеченій привлекли свыше пяти тысячъ слушателей. Лѣтомъ, когда эти развлеченія не устраивались и снятый залъ былъ свободенъ, устроена была небольшая художественная выставка, съ перемѣной каждый разъ программы и лейтъ-мотива выставки: одна выставка посвящена была нѣмецкому ландшафту, другая нѣмецкому сказочному мірку, третья труду и смерти въ художественномъ изображеніи и т. д. Входъ на выставки безплатный, объясненія даютъ члены-сотрудники. Посѣтили выставки на второмъ году дѣятельности организаціи около 1.200 человѣкъ.

Организація ставитъ своей задачей, между прочимъ, единеніе представителей различныхъ классовъ и профессій на нейтральной почвѣ для того, чтобы лица изъ различныхъ классовъ, встрѣчаясь и знакомясь другъ съ другомъ, научались понимать и уважать другъ друга, сглаживая постепенно классовыя отличія. По статутамъ организація имѣетъ своей задачей: „наемъ въ рабочихъ кварталахъ Гамбурга соотвѣтствующихъ помѣщеній для собраній и развлеченій, гдѣ бы богатые и бѣдные могли встрѣчаться и сходиться на почвѣ личнаго знакомства и взаимнаго довѣрія другъ къ другу, и гдѣ бы образованнымъ и зажиточнымъ классамъ дана была возможность непосредственно познакомиться съ рабочимъ классомъ и его потребностями и, ознакомившись, способствовать улучшенію быта рабочихъ. Для достиженія этой цѣли устраиваются, кромѣ обрисованныхъ уже лекцій, воскресныхъ развлеченій и художественныхъ выставокъ, также и лѣтнія совмѣстныя загородныя прогулки для того, чтобы, повышая вообще въ рабочихъ интересъ и любовь къ природѣ и ея красотамъ, одновременно сблизить ихъ непринужденнымъ образомъ съ членами-сотрудниками и дать возможность тѣмъ и другимъ завязывать бесѣды. Устроены также, принимая во вниманіе желательность подобнаго сближенія, четыре клуба: политико-экономическій, естественно-научный, любителей шахматной игры и любителей нижне-германскаго нарѣчія. Самымъ главнымъ изъ этихъ клубовъ является политико-экономическій; здѣсь читаются въ смѣшанной средѣ рабочихъ и образованныхъ лицъ доклады, рефераты и лекціи съ дебатами въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругу

по экономическимъ и, главнымъ образомъ, по соціальнымъ вопросамъ. Членомъ клуба можетъ быть каждый взрослый рабочій, членскій взносъ — 10 пфенниговъ въ мѣсяцъ. Собранія для докладовъ и преній происходятъ два раза въ мѣсяцъ. Чтобы привлечь участіе рабочихъ, которые весьма не любятъ замѣчаемой столь часто тенденціи образованныхъ классовъ влiять на нихъ въ политическомъ отношеніи, всякая политическая пропаганда въ этихъ собраніяхъ и преніяхъ исключена. Клубы даже не имѣютъ статутовъ. Отъ каждаго рабочаго или образованнаго лица, приходящаго на собранія и записывающагося членомъ клуба, требуютъ только лишь взаимнаго уваженія другъ къ другу и терпимости по отношенію къ взглядамъ лицъ, въ чемъ либо несогласныхъ съ ними. Клубы также предпринимаютъ лѣтнія совмѣстныя прогулки, дабы лица, уже нѣсколько познакомившіяся другъ съ другомъ, могли вести непринужденныя бесѣды. Въ отчетѣ за второй годъ существованія организаціи говорится между прочимъ: „Характерно, что тѣ, кто незнакомъ съ характеромъ нашей дѣятельности, все спрашиваютъ насъ объ успѣхахъ нашихъ у рабочихъ, въ то время какъ мы желаемъ оттѣнить и вліяніе рабочихъ на насъ самихъ. Наши надежды не обманулись. Между нами и нашими посѣтителями развились личныя отношенія, значеніе которыхъ для обѣихъ сторонъ не можетъ быть достаточно сильно подчеркнуто. Мы достигли взаимнаго пониманія и взаимнаго довѣрія, и въ этомъ главная суть“.

Изъ числа остальныхъ учрежденій организаціи назовемъ раньше всего такъ называемыя бюро справокъ. Лица, получившія юридическое образованіе, даютъ безплатно рабочимъ свѣдѣнія и справки по интересующимъ ихъ вопросамъ обиходной жизни. Въ первый годъ дѣятельности молодой организаціи дано было около 400, во второй годъ свыше 700 совѣтовъ, преимущественно юридическаго характера.

Юридическіе вопросы, знаніе которыхъ особенно необходимо рабочимъ, подымаются время отъ времени и въ политико-экономическомъ клубѣ. Организація имѣетъ уже свою небольшую библіотеку и устроила читальный залъ, но то и другое еще не привились достаточно хорошо, хотя устроены въ рабочихъ кварталахъ для удобства посѣтителей. Не желая взрослыхъ рабочихъ сажать рядомъ съ юношами-рабочими и ремесленными учениками, для этого рода молодежи организовали въ различныхъ пунктахъ города особыя воскресныя развлеченія подъ руководствомъ членовъ-сотрудниковъ. Молодежь, по мысли иниціаторовъ организаціи, избираетъ изъ своей среды правленіе, которое завѣдуетъ поступающими членскими взносами. Послѣдній здѣсь въ 20—25 пфенниговъ для того, чтобы эта матеріальная жертва, принесенная молодежью, болѣе тѣсно привязывала ее къ организаціи и устраиваемымъ ею развлеченіямъ. Для болѣе взрослыхъ въ средѣ молодежи устраиваются также и отдѣльныя лекціи съ преніями, въ которыхъ можетъ принять участіе каждый. Для женщинъ-работницъ еще не сдѣлано пока ничего, но устройство и для нихъ лекцій и развлеченій намѣчено въ ближайшемъ будущемъ.

На этомъ исчерпывается разностороняя дѣятельность существующей всего лишь три года организаціи гамбургскаго народнаго дома. Онъ вызвалъ уже нѣкоторыя подражанія въ другихъ рабочихъ центрахъ, но тѣ еще не вышли изъ первоначальной стадіи своего развитія и не привились такъ быстро и столь прочно. Столь же разностороннюю дѣятельность проявляетъ такъ называемый Крупповскій образовательный ферейнъ. По организаціи онъ отличается отъ обрисованныхъ уже ферейновъ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ ферейнъ основанъ, по мысли нѣкоторыхъ служащихъ на крупповскихъ заво-

дахъ, для многочисленныхъ рабочихъ этихъ заводовъ, при участіи правленія заводовъ и матеріальной поддержкѣ, оказываемой имъ ферейну. Пять лѣтъ назадъ онъ былъ основанъ съ двоякой цѣлью: для распространенія общаго образованія и устройства развлеченій образовательнаго характера, и число членовъ за эти пять лѣтъ повысилось съ 640 записавшихся въ годъ основанія ферейна до 1.156 членовъ, зарегистрованныхъ въ прошломъ году. Но необходимо здѣсь же отмѣтить, что рабочіе крупповскихъ заводовъ составляли въ прошломъ году только лишь 42% всего числа членовъ. Остальные 58% рекрутировались изъ служащихъ въ многочисленныхъ конторахъ заводовъ (203 чел.), изъ мастеровъ (91 чел.), изъ техниковъ, инженеровъ и т. п. (229 чел.), изъ учителей народныхъ школъ при заводахъ (41 чел.), и, кромѣ того, свыше ста лицъ, не имѣющихъ никакого прикосьовенія къ заводамъ, допущены были въ качествѣ пассивныхъ членовъ. Весьма незначительное, въ сравненіи съ огромнымъ количествомъ рабочихъ на крупповскихъ заводахъ, число членовъ-рабочихъ объясняется и разбросанностью колоній рабочихъ крупповскихъ заводовъ, и тѣмъ, что Ферейнъ, ограничивая сначала свою дѣятельность одной колоніей, не былъ доступенъ рабочимъ другихъ колоній, болѣе отдаленныхъ, и тѣмъ еще, что рабочіе вообще относятся недовѣрчиво къ тѣмъ учрежденіямъ въ ихъ пользу, которыя имѣютъ характеръ оказываемыхъ имъ милости и благодѣянія. Правленіе заводовъ не только даетъ деньги на поддержаніе Ферейна, но и назначило одного изъ высшихъ чиновниковъ завѣдующимъ дѣлами Ферейна. Члены послѣдняго избираютъ изъ своей среды правленіе, которое призываетъ къ совмѣстной съ нимъ дѣятельности 43 лица изъ среды членовъ-рабочихъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы отъ каждаго завода, отъ каждой колоніи былъ представитель въ этомъ сорока-трехчленномъ комитетѣ. Назначеніе его сводится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы быть посредниками между правленіемъ и самими членами. Правленіе сообщаетъ свои планы и мысли комитету изъ рабочихъ для того, чтобы комитетъ далъ свое заключеніе, а комитетъ въ свою очередь сообщаетъ правленію о желаніяхъ членовъ Ферейна для того, чтобы правленіе приняло ихъ во вниманіе и осуществило. Кромѣ того, члены комитета пропагандируютъ среди рабочихъ, привлекая ихъ къ вступленію въ Ферейнъ, а среди записавшихся пропагандируютъ, чтобы они принимали дѣятельное участіе во всѣхъ начинаніяхъ Ферейна. Надо замѣтить, что и членскій взносъ для рабочаго бюджета нѣсколько высокій: двѣ марки въ годъ.

За эту сумму члены Ферейна имѣютъ право посѣщать, вмѣстѣ съ прочими членами ихъ семействъ, всѣ лекціи, литературные вечера и развлеченія, устраиваемые Ферейномъ, какъ равно получаютъ особый журналъ „Послѣ труда", въ которомъ наряду со всѣми свѣдѣніями и оповѣщеніями Ферейна печатаются статьи просвѣтительнаго характера, беллетристика и пр. Если Ферейнъ устраиваетъ концерты, то съ желающихъ ихъ слушать членовъ взимается скромная плата за входъ въ 10 – 20 пфенниговъ, причемъ уплатившимъ эту ничтожную сумму даются уже и афишка или же либретто исполняемыхъ музыкальныхъ произведеній. Когда мѣстный (Эссенскій) театръ снимается для Ферейна, всѣ желающіе посѣтить спектакль члены Ферейна платятъ 50 пфенниговъ. Мѣста для стоянія въ эти вечера пустуютъ, а мѣста для сидѣнья распредѣляются между членами Ферейна путемъ жребія: одинъ вытягиваетъ мѣсто на галлереѣ, другой въ первомъ ряду креселъ. Для семейныхъ тянутся по два мѣста рядомъ, но больше двухъ мѣстъ семейнымъ не-

отдается. Кто опоздалъ и засталъ театръ уже переполненнымъ, получаетъ право первенства на слѣдующій разъ.

Основной цѣлью Ферейна являются лекціи, курсы и развлеченія. Читаются отдѣльныя лекціи на разнообразныя темы, какъ, напримѣръ: новѣйшая нѣмецкая литература, путешествіе на Шпицбергенъ, о питаніи, о жизни въ старину, о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области электричества, о германскихъ заморскихъ колоніяхъ, о томъ, какъ искусство изображаетъ рабочаго и его трудъ, и т. д., причемъ многія лекціи сопровождаются свѣтовыми картинами. Входъ на лекціи безплатный, въ то время какъ слушаніе систематическихъ курсовъ оплачивается членами Ферейна по 10 пфенниговъ за лекцію, а посторонними по 20 пфенн. за лекцію же. Читаются курсы по такимъ предметамъ, которыя должны представить особый интересъ для рабочихъ крупповскихъ заводовъ, какъ-то: исторія угля, о желѣзной рудѣ, новое гражданское уложеніе, основы народнаго хозяйства и т. п Есть еще курсы по элементарнымъ предметамъ, назначеніе которыхъ не только освѣжить въ памяти рабочихъ элементарныя науки, пройденныя ими въ школѣ, но и расширить ихъ кругозоръ и ихъ познанія въ области ихъ труда. Курсы читаются слѣдующіе: нѣмецкій языкъ, математика, счетоводство, черченіе, физика и электричество. Курсы эти двухлѣтніе, съ довольно обширной программой, Плата за всѣ предметы 6 марокъ въ годъ, за отдѣльные предметы отъ 1 мар. 20 до 2 мар. 40 пфен. въ годъ. Затѣмъ идутъ развлеченія. Устраиваются, какъ я уже сказалъ выше, концерты, въ которыхъ принимаютъ участіе хоръ, оркестръ и приглашаемые болѣе или менѣе выдающіеся концертанты. Исполняются даже такія серьезныя музыкальныя произведенія, какъ „Времена года“ Гайдна. На Рождество и весной устраиваются особые концерты съ соотвѣтствующей программой, на Рождество также и дѣтскіе праздники. Въ тѣ воскресные дни, когда нѣтъ ни концертовъ, ни лекцій, въ зданіи, предоставленномъ для надобностей Ферейна фирмой Круппа, въ послѣобѣденные и вечерніе часы къ услугамъ членовъ Ферейна и ихъ семействъ предоставляются читальня и залъ для игръ и бесѣдъ. Библіотека не имѣется, такъ какъ для всѣхъ рабочихъ крупповскихъ заводовъ существуетъ одна большая библіотека, которою рабочіе и пользуются въ весьма широкой степени. Этимъ клубомъ Ферейна могутъ пользоваться только тѣ члены Ферейна, которые случайно живутъ въ рабочей колоніи Кроненбергъ; но для лекцій и вечеровъ снимаются залы также и въ другихъ колоніяхъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ни одну изъ колоній не обойдти. Устраиваются время отъ времени и небольшія выставки картинъ, съ подборомъ каждый разъ картинъ на одну и ту же тему, какъ то: исторія Эссена и окружающихъ мѣстностей, картины для народа, произведенія Дюрера и т. п. Театръ снимается преимущественно въ такіе дни, когда ставится пьеса или опера классическаго репертуара. Члены ферейна видѣли и „Минну фонъ-Барнгельмъ“ Лессинга, какъ наилучшую нѣмецкую комедію, и „Гепа фонъ-Берлихингенъ“ Гете, и „Орлеанскую дѣву“ Шиллера, и „Смерть Зигфрида“ Геббеля, слышали „Фрейшюцъ“, классическую оперу Вебера, и т. д. За восемь дней до спектакля для членовъ Ферейна читается особая лекція объ авторѣ или композиторѣ исполняемой вещи въ связи съ его творчествомъ. Тони Келленъ, мѣстный театральный критикъ, пишетъ объ этихъ спектакляхъ: „И здѣсь можно замѣтить, что рабочіе ведутъ себя на концертахъ и въ театрѣ прекрасно и слушаютъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и интересомъ... Я рѣдко видѣла въ Эссенскомъ театрѣ столь внимательную публику вокругъ себя“...

Какъ въ другихъ нѣмецкихъ образовательныхъ ферейнахъ, члены Крупповскаго ферейна организовали нѣсколько болѣе тѣсныхъ кружковъ-отдѣленій, сообразно съ доминирующими у нихъ склонностями. Есть кружокъ любителей стенографіи, есть кружокъ шахматистовъ, есть кружокъ любителей литературы, слѣдящій за литературными новинками, устраивающій доклады по вопросамъ литературнаго характера и время отъ времени любительскіе спектакли; есть кружокъ, устраивающій лѣтнія прогулки въ сопровожденіи приглашаемаго ботаника, который въ живой, общедоступной формѣ знакомитъ кружокъ съ началами ботаники и красотами природы; составились и оркестръ, какъ и смѣшанный (мужской и женскій) хоръ, принимающіе участіе въ вечернихъ развлеченіяхъ Ферейна. Необходимо еще упомянуть объ отдѣленіи юношества, куда поступаютъ рабочіе подростки отъ 14 до 18 лѣтъ. Собираясь отдѣльно по воскресеньямъ вечеромъ, эти юноши могутъ всегда прослушать лекцію общеобразовательнаго характера. Вслѣдъ затѣмъ лекторъ отвѣчаетъ на вопросы слушателей и старается втянуть ихъ въ бесѣду относительно прослушаннаго ими. Вечера эти кончаются общимъ хоровымъ пѣніемъ или играми въ шашки, домино и т. п. Назначеніе этихъ вечеровъ чисто воспитательное, но въ основу кружка положена та мысль, что не взрослые должны воспитывать членовъ кружка, а они сами должны заботиться о своемъ воспитаніи путемъ облагораживающаго вліянія другъ на друга. Для этой цѣли кружку дано право самоуправленія: члены кружка избираютъ свое правленіе, завѣдуютъ кассой и рѣшаютъ вопросы о пріемѣ новыхъ членовъ, отъ которыхъ требуется, чтобы они по примѣру уже принятыхъ раньше членовъ были отличнаго поведенія, въ смыслѣ соблюденія формъ приличій и вѣжливости, и чтобы они безусловно подчинялись тому бодрому, облагораживающему духу, который вѣетъ на собраніяхъ этой рабочей молодежи. Членскій взносъ—25 пфенниговъ въ мѣсяцъ; на собранныя деньги устраиваются лѣтнія прогулки.

Подробнымъ описаніемъ „Ферейна берлинскихъ ремесленниковъ", „Образовательнаго ферейна для рабочихъ въ Гамбургѣ", гамбургскаго же Народнаго дома и „Крупповскаго образовательнаго ферейна" мы исчерпали тѣ главнѣйшія формы, въ которыя вылились образовательные кружки нѣмецкихъ рабочихъ. Можно привести и еще длинный рядъ болѣе или менѣе крупныхъ образовательныхъ ферейновъ, устраивающихъ лекціи, курсы, вечера развлеченій, концерты и театральныя представленія, но это будетъ уже статистическій матеріалъ, безъ того, чтобы обрисовываемые ферейны обращали на себя вниманіе своей своеобразной программой или же своей индивидуальной организаціей. Такъ, напримѣръ, ферейны рабочихъ въ тѣхъ или иныхъ крупныхъ индустріальныхъ предпріятіяхъ, поскольку они носятъ образовательный характеръ, являются сколкомъ съ Крупповскаго образовательнаго ферейна. Заслуживаютъ упоминанія образовательный ферейнъ на желѣзномъ заводѣ Marienhütte въ Котценау, съ собственнымъ заломъ, библіотекой, лекціями, концертами и т. д., и Рабочій клубъ на императорской верфи въ Килѣ, основанный въ 1899 году. Назовемъ еще Образовательный ферейнъ въ Дюссельдорфѣ, насчитывающій до 1.500 членовъ. Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ изъ недѣли въ недѣлю устраиваются лекціи, для чтенія которыхъ приглашаются опытные лекторы, ученые спеціалисты и популяризаторы искусства. Изъ числа прочитанныхъ лекцій назовемъ хотя бы слѣдующія: желѣзо и сталь въ дѣйствительности и въ изображеніи искусства, современная драматическая литература, прогулка по старинной части Кельна, прогулка по

старымъ итальянскимъ городамъ, о Фритцѣ Рейтерѣ (съ декламацiей его произведенiй), о солнцѣ, какъ источникѣ жизненной энергiи, о чудесахъ морского дна и т. д. По воскреснымъ днямъ лекцiи смѣняются вечерами развлеченiй съ музыкальной и вокальной программой. Еще въ 1868 году основанъ былъ въ Дюссельдорфѣ, теперь перенесенный въ Кельнъ, „Союзъ рейнско-вестфальскихъ образовательныхъ ферейновъ“. Въ него входитъ теперь около девятидесяти небольшихъ и среднихъ образовательныхъ ферейновъ съ общимъ количествомъ членовъ въ 23.500 человѣкъ. Союзъ, руководствуясь главнымъ образомъ опытомъ и практикой только что упомянутаго дюссельдорфскаго образовательнаго ферейна, посылаетъ своихъ лекторовъ и приглашенныхъ имъ концертантовъ, чтобы они устраивали въ небольшихъ образовательныхъ ферейнахъ лекцiи, вечера развлеченiй и концерты. Кромѣ того, этотъ союзъ издаетъ книги просвѣтительнаго содержанiя и содержитъ летучiя библiотечки, пересылаемыя для пользованiя изъ одного образовательнаго ферейна въ другой. Извѣстное „Общество для распространенiя просвѣщенiя въ народѣ“, описанное мною уже подробно на страницахъ „Русской Школы“, организовало небольшой отрядъ ораторовъ, которые по приглашенiю небольшихъ образовательныхъ ферейновъ разъѣзжаютъ вдоль и поперекъ по Германiи для прочтенiя лекцiй просвѣтительнаго характера. Спецiально для Рейнской провинцiи имѣется основанный два года назадъ въ Боннѣ комитетъ (католическiй) для устройства лекцiй научно-популярнаго характера въ среднихъ и мелкихъ центрахъ провинцiй. Въ 1898 году былъ основанъ въ Билефельдѣ особый „Союзъ рабочихъ образовательныхъ ферейновъ Ганновера, Вестфалiи и сосѣднихъ областей“. Существуетъ также „Союзъ южно-германскихъ образовательныхъ ферейновъ“. Задачей всѣхъ этихъ союзовъ является дать возможность отдѣльнымъ образовательныхъ ферейнамъ, не обладающимъ средствами для приглашенiя лекторовъ и устройства вечеровъ развлеченiй, сплотиться для того, чтобы изъ общей кассы оплачивался трудъ концертантовъ, исполнителей и лекторовъ, читающихъ лекцiи и концертирующихъ въ кругу небольшихъ образовательныхъ ферейновъ. Нѣмецкая практичность и солидность сказались и въ этихъ организацiяхъ для поддержки общаго дѣла съ особою яркостью.

Скажемъ въ заключенiе, что въ ферейнахъ работницъ также дѣлается коечто въ пользу просвѣщенiя; но женскiя рабочiя организацiи и вообще-то еще далеко не привились такъ хорошо, какъ организацiи рабочихъ мужчинъ, вслѣдствiе чего то, что дѣлается въ кругу женскихъ рабочихъ организацiй для просвѣщенiя и расширенiя умственнаго кругозора ихъ членовъ женскаго пола, носитъ пока еще случайный, спорадическiй и неустойчивый характеръ. То же самое приходится сказать объ организацiяхъ женщинъ ремесленницъ и приказчицъ. И въ данномъ случаѣ руководительницы этихъ организацiй уже задумываются объ устройствѣ лекцiй и вечеровъ развлеченiй, но отсутствiе средствъ и опыта даетъ пока еще результаты, не поддающiеся учету въ очеркѣ общаго характера. Но общее стремленiе массъ къ просвѣщенiю, къ разумнымъ развлеченiямъ, въ связи съ тѣмъ, что въ этомъ отношенiи въ Германiи *существуетъ полная свобода инициативы и организацiи*, даютъ поводъ надѣяться, что спустя нѣкоторое время и женскiя рабочiя организацiи, окрѣпнувъ и набравшись опыта, дадутъ своимъ просвѣтительнымъ и образовательнымъ начинанiямъ должную устойчивость.

Берлинъ. **М. Сукенниковъ.**

Хроника народнаго образованія.

Судебные процессы, обрисовывающіе положеніе нашего народнаго учителя.—Что читаетъ народный учитель?—Невозможность улучшенія положенія народныхъ учителей ихъ собственными усиліями.—Земскія попытки улучшить это положеніе: увеличеніе содержанія, устройство курсовъ и съѣздовъ, привлеченіе учителей къ участію въ завѣдываніи народно-школьнымъ дѣломъ.—Положеніе бывшихъ народныхъ учителей.

Въ послѣднее время имѣло мѣсто нѣсколько судебныхъ процессовъ, ярко обрисовавшихъ ненормальное, скажемъ даже,—невыносимое положеніе, въ которомъ находится нашъ народный учитель. Мы имѣемъ въ виду здѣсь не матеріальную необезпеченность народнаго учителя, хотя и она по истинѣ ужасна, а то невозможное юридическое и общественное положеніе, которымъ награжденъ нашъ народный учитель за свой самоотверженный трудъ. Процессы, о которыхъ мы говоримъ, и на двухъ изъ которыхъ мы здѣсь остановимся, по истинѣ вопіютъ. Неужели и послѣ этихъ судебныхъ дѣлъ, до такой степени ужасныхъ, положеніе нашего учителя будетъ оставаться по прежнему безправнымъ, и каждый будетъ въ состояніи дѣлать съ народнымъ учителемъ все, что ему заблагоразсудится? Неужели даже дѣла, которыя мы передадимъ, не поставятъ на очередь вопроса объ измѣненіи юридическаго и общественнаго положенія народнаго учителя, о прекращеніи его безправности и о поставленіи его въ положеніе, при которомъ онъ, по крайней мѣрѣ, не подвергался бы такому ужасающему надругательству? Съ этимъ дѣломъ необходимо спѣшить, какъ это слишкомъ ясно показываетъ второй изъ разсказываемыхъ нами процессовъ: терпѣніе учителя истощается, и неужели возможно оставлять нынѣшнее положеніе вещей безъ измѣненія, разъ оно влечетъ за собою уже даже убійства?

Вотъ первый изъ процессовъ, о которыхъ мы говоримъ:

„15 октября въ воронежскомъ уѣздномъ съѣздѣ разбиралось дѣло по обвиненію учителемъ села Макарьева Воронежскаго уѣзда М. В. Гонорскимъ и учительницей того же села М. А. Кирилловой дьякона Попова, дьяконицы Поповой и стражника Сопронова въ клеветѣ. Обвиняемые распространяли въ своемъ селѣ, гдѣ потерпѣвшіе учитель и учительница служили въ земской школѣ, ложные слухи, позорящіе честь и доброе имя учителей. Слухи эти были таковы, что учитель и учительница исповѣдуютъ толстовскую вѣру, совершаютъ по вечерамъ какія-то толстовскія служенія, что вѣра эта вредная, такъ какъ Толстой отлученъ отъ церкви. Учителя учатъ дѣтей—гласили эти слухи—по толстовскимъ книгамъ, которыя тоже вредны. Затѣмъ учитель Гонорскій—бѣглый изъ Сибири, живетъ по волчьему билету и выручилъ его изъ Сибири какой-то Эртель. Учитель и учительница живутъ невѣнчанные, какъ мужъ съ женой, и т. д. Фантазія невѣжественныхъ клеветниковъ приплела еще трехъ японцевъ и двухъ японокъ, пріѣзжавшихъ яко бы въ село Макарьево, очевидно, не спроста. Благодаря этимъ нелѣпымъ слухамъ и доносу стражника, г. Гонорскій и г-жа Кириллова были уволены по распоряженію воронежскаго губернатора въ маѣ мѣсяцѣ сего года отъ занимаемыхъ ими должностей. Они, конечно, не могли отнестись равнодушно къ постигшей ихъ карѣ, а также къ тому, что ихъ доброе имя позорится въ селѣ, гдѣ они провели много лѣтъ, отдавая населенію свои знанія и свое время, и привлекли діакона Попова, его жену и стражника Сопронова къ судебной

отвѣтственности за клевету. Дѣло это разбиралось 26 авг. сего года въ камерѣ земскаго начальника 5-го участка г. Воронежа. Свидѣтельскими показаніями обвиненіе было совершенно доказано, при этомъ выступила весьма яркая картина нравовъ въ современной деревнѣ. Всѣ свидѣтели показали, что діаконъ и его супруга распространяли въ селѣ всѣ вышеприведенные слухи. Особенно хорошо обрисовалась фигура стражника,—этого новаго представителя администраціи въ деревнѣ. Выяснилось, что онъ такъ старался повредить учителю для того, чтобы отличиться передъ начальствомъ и въ награду получить мѣсто урядника. Когда, благодаря доносу стражника, учитель и учительница были уволены по распоряженію губернатора, стражникъ хвалился въ селѣ, что „вотъ приду въ воскресенье гнать учителей въ шею", что „потомъ учителя повѣсятъ или застрѣлятъ". Крестьяне, дѣтей которыхъ училъ Гонорскій въ теченіе 12 лѣтъ въ с. Макарьевѣ (всего онъ былъ учителемъ 39 лѣтъ), показали, что они умѣютъ цѣнить безкорыстнаго учителя. Послѣ увольненія учителя Гонорскаго крестьяне созвали сходъ и хотѣли выразить учителю свое одобреніе, но староста печати не далъ. А стражникъ послѣ схода обратился къ крестьянамъ съ такою рѣчью: „Старики, зачѣмъ вы стоите за учителя Гонорскаго, зачѣмъ вы хотите дать ему одобреніе? Онъ живетъ съ поповой дочерью вотъ уже сколько лѣтъ невѣнчанный и васъ всѣхъ такъ произведетъ". Разобравъ все это дѣло, земскій начальникъ 5-го участка призналъ клевету доказанной и приговорилъ всѣхъ трехъ обвиняемыхъ—діакона, діаконицу и стражника—по 136 ст. Устава о нак. къ шести недѣлямъ тюремнаго заключенія, а за примѣненіемъ § 12 Высочайшаго манифеста 11 августа с. г. опредѣлилъ: подвергнуть всѣхъ трехъ обвиняемыхъ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ. Обвиненные подали апелляціонную жалобу, вслѣдствіе которой это дѣло снова стало предметомъ судебнаго разбирательства въ уѣздномъ съѣздѣ. Съѣздъ постановилъ дѣло о діаконѣ, какъ о духовномъ лицѣ, выдѣлить и передать въ духовную консисторію, такъ что слушалось только дѣло о діаконицѣ Поповой и стражникѣ Сопроновѣ. Новыхъ обстоятельствъ новый разборъ дѣлъ не далъ, и все установленное въ первой инстанціи здѣсь вполнѣ подтвердилось. Повѣренный обвинителя пом. прис. пов. Карякинъ въ краткой рѣчи резюмировалъ сущность дѣла: „Въ данномъ случаѣ съѣздъ—говорилъ г. Карякинъ—столкнулся съ очень обыкновеннымъ у насъ уголовнымъ преступленіемъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются представители сельскаго духовенства и сельской администраціи съ одной стороны, а съ другой—потерпѣвшими оказываются многострадальные учителя русской сельской школы. Въ послѣднее время вездѣ и всюду между духовенствомъ и земствомъ идетъ борьба за то, кому учить народъ, и на этой почвѣ происходятъ qui pro quo между тѣмъ и другимъ. Подкладка этого дѣла такова, что мѣстное духовенство хотѣло спихнуть земскую школу и на мѣсто водворить церковно-приходскую". Г. Карякинъ въ нѣсколькихъ яркихъ штрихахъ нарисовалъ фигуру стражника, „знающаго себѣ цѣну, съ появленіемъ котораго въ селѣ Макарьевѣ начались слухи про толстовскую вѣру" и проч. „Этотъ стражникъ, возмечтавшій о должности урядника, не остановился для достиженія своей цѣли предъ доносомъ на честныхъ, безкорыстныхъ тружениковъ. Когда его доносъ увѣнчался успѣхомъ, когда учитель и учительница были уволены, онъ впалъ въ нѣкотораго рода административный восторгъ и хвалился по всему селу своимъ славнымъ подвигомъ. Вотъ собственно эта его невоздержанность и привела его въ судъ въ качествѣ обвиняемаго въ клеветѣ". Уѣздный съѣздъ опре-

дѣлилъ приговоръ земскаго начальника утвердить. Учитель Гонорскій и учительница Кириллова возстановлены нынѣ въ своихъ правахъ и получили разрѣшеніе продолжать занятія въ той же школѣ въ селѣ Макарьевѣ“ („Русскія Вѣдомости“, № 293).

Какъ видимъ, здѣсь предъ нами самая обыкновеннѣйшая исторія. Сколько учителей теряютъ мѣста, благодаря доносамъ, обыкновенно столь же нелѣпымъ, какъ и тотъ, благодаря которому были изгнаны г. Гонорскій и г-жа Кириллова,—теряютъ зря, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, просто потому, что кому-то захочется „спихнуть земскую школу“ или получить мѣсто урядника, или даже потому, что учитель оказался недостаточно почтителенъ къ батюшкѣ, а учительница не поклонилась г-жѣ діаконицѣ! Это обычнѣйшее явленіе нашей жизни; мы такъ всѣ къ нему привыкли, что насъ еще могутъ нѣсколько интересовать случаи подобнаго рода лишь тогда, когда жертвами ихъ являются не отдѣльные учителя, а цѣлый десятокъ ихъ сразу, какъ это было, напр., истекшимъ лѣтомъ и въ началѣ нынѣшняго учебнаго года въ Тверской губерніи. Отдѣльные же случаи лишенія мѣстъ учителей по самымъ нелѣпымъ доносамъ, имѣющіе однако чрезвычайно важное значеніе для уволенныхъ, такъ какъ они не могутъ затѣмъ нигдѣ снова получить мѣста учителя, сдѣлались столь многочисленными и столь обычными, что уже не привлекаютъ ничьего вниманія. Въ разсказанной исторіи любопытно не то, что двое учителей, изъ которыхъ одинъ работаетъ на данномъ поприщѣ уже 39 лѣтъ, пострадали по нелѣпому доносу, не то, что оказывается возможнымъ сгубить человѣка, пуская въ ходъ, казалось бы, столь дѣтски нелѣпыя средства, какъ толки о какой-то „толстовской вѣрѣ“, о „волчьемъ билетѣ“ и даже о японцахъ, пріѣзжавшихъ съ опасными для цѣлости нашего отечества цѣлями въ захолустнѣйшее село Воронежскаго уѣзда,—нѣтъ: какъ все это ни дико, какъ ни возмутительно,—интересъ данной исторіи не въ томъ. Интересъ этотъ заключается въ томъ, что въ концѣ концовъ правда восторжествовала, а злодѣи потерпѣли кару. Вотъ это, дѣйствительно, совершенно необычайно для нашей жизни. Помилуйте, оказывается, что даже на какого то учителишку нельзя сдѣлать доноса, нельзя его оклеветать. Вотъ къ чему мы совершенно не привычны, и вотъ что дѣлаетъ данный случай въ высшей степени любопытнымъ. Правда, что возвращеніе невинно-пострадавшихъ учителя и учительницы на ихъ прежнія мѣста является, очевидно, результатомъ вліянія „новаго курса“ въ нашей высшей политикѣ, но уже и съ этой точки зрѣнія данный фактъ въ высшей степени любопытенъ, такъ какъ даетъ право и народному учителю, по крайней мѣрѣ, помечтать о возможности такого положенія вещей, при которомъ его не будетъ въ состояніи лишать мѣста какой нибудь дьяконъ или стражникъ путемъ глупѣйшаго, прямо сказать, дурацкаго доноса, который до сихъ поръ однако имѣлъ рѣшающее значеніе для судьбы учителя. Правда и то, что въ данной исторіи пострадали только ближайшіе виновные, самые маленькіе изъ дѣятелей, чуть было не сгубившихъ судьбу двухъ невинныхъ людей. Пострадали только какая-то діаконица да стражникъ. Но уже и тотъ фактъ, что доносчики и клеветники подверглись возмездію, является утѣшительнымъ, такъ какъ служитъ предостереженіемъ и для тѣхъ, кто получалъ эти доносы и слушалъ клеветы и превращалъ ихъ въ орудіе гибели невинныхъ людей.

Разсказанное дѣло проливаетъ истинный свѣтъ и на другой судебный процессъ, сообщеніе о которомъ мы беремъ изъ газеты „Южное Обозрѣніе“

и который возникъ все на той же почвѣ полной необезпеченности народнаго учителя отъ клеветъ и доносовъ.

4 сентября екатеринодарскимъ окружнымъ судомъ было разсмотрѣно дѣло по обвиненію учителя ст. Имеретинской, Кубанской области, Георгія Ширая, въ убійствѣ священника той же станицы, о. Іакова Семенова. Обстоятельства дѣла, на сколько они выяснились на судебномъ слѣдствіи, состоятъ въ слѣдующемъ. Между учителемъ и священникомъ со времени назначенія послѣдняго въ ст. Имеретинскую создалась вражда на почвѣ служебныхъ отношеній. Непосредственнымъ поводомъ къ этой враждѣ послужило то обстоятельство, что учитель не согласился замалчивать и не отмѣчать въ журналѣ пропущенные священникомъ уроки Закона Божія. Въ свою очередь священникъ сталъ доносить по начальству. Въ концѣ-концовъ дѣло дошло до того, что священникъ обвинилъ учителя въ расходованіи школьныхъ денегъ, что однако по провѣркѣ не подтвердилось; когда же и это не помогло, священникъ въ церковной проповѣди обратился къ прихожанамъ за поддержкой противъ учителя и, оказавъ давленіе на сходъ, добился увольненія учителя. Доносы священника и объясненія учителя вмѣстѣ съ дознаніемъ инспектора народныхъ училищъ составили цѣлое дѣло, пріобщенное къ производству суда. Лишившись мѣста и потерпѣвъ неудачи въ коммерціи, обремененный семьею, учитель началъ сильно пить. При такихъ обстоятельствахъ, послѣ выпивки, Ширай взялъ ружье и отправился къ священнику; не входя въ домъ, онъ просилъ вызвать его въ корридоръ, желая яко бы пригласить его къ своей больной женѣ. Когда священникъ вышелъ, Ширай выстрѣлилъ въ упоръ, смертельно ранилъ священника, а затѣмъ ранилъ и себя. Судъ приговорилъ Ширая къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ.

Не останавливаясь на этомъ дѣлѣ, въ виду его ужаса, не можемъ, однако не указать, что ближайшимъ поводомъ къ столь ужасному преступленію явилось именно необезпеченное юридическое положеніе народнаго учителя. Составленный подъ давленіемъ приговоръ схода оказывается фатальнымъ для человѣка, ни въ чемъ неповиннаго, жизнь его разбивается, онъ не можетъ перенести вида голодныхъ дѣтей, и вотъ вся его энергія переходитъ въ ненависть къ человѣку, сгубившему его, и въ результатѣ смерть одного и каторга для другого. Будь положеніе народнаго учителя болѣе обезпеченнымъ, болѣе прочнымъ, не существуй возможности такъ легко лишать народнаго учителя мѣста, не было-бы и того ужаснаго происшествія въ ст. Имеретинской, которое погубило двѣ человѣческія жизни. Не пора-ли, хотя-бы въ виду такихъ ужасныхъ фактовъ, измѣнить, наконецъ, положеніе учителя къ лучшему, сдѣлать его болѣе прочнымъ, не зависящимъ отъ доносовъ, капризовъ и произволовъ и болѣе обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи?

Недостаточность матеріальнаго вознагражденія, получаемаго нашимъ народнымъ учителемъ, слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы стоило на этомъ останавливаться. Но не лишне отмѣтить здѣсь, какъ печально отражается матеріальная необезпеченность учителя на чтеніи народныхъ учителей, которое, казалось-бы, такъ необходимо учителю и по его профессіи, и въ особенности по его положенію интеллигентнаго человѣка, вынужденнаго жить почти безъ общенія съ такими-же интеллигентными людьми. Вотъ какія поразительно-печальныя данныя относительно указаннаго предмета собраны справочно-педагогическимъ бюро курскаго губернскаго земства. Оказывается, что въ нынѣшнемъ 1904 году изъ 810 учителей Курской губерніи, отвѣтившихъ на запросъ бюро, 430 или 53% не выписываютъ никакихъ періодическихъ из-

даній—ни журналовъ, ни газетъ. Изъ этихъ 430 учителей 170 человѣкъ по крайней мѣрѣ достаютъ кое-какъ журналы и газеты у мѣстныхъ помѣщиковъ, священниковъ и другихъ сосѣдей; но 260 учителей совершенно не пользуются періодическими изданіями, не выписываютъ сами и не достаютъ безплатно. 380 учителей, затрачивающихъ деньги на выписку періодическихъ изданій, затрачиваютъ на этотъ предметъ всего 3.436 р., т. е. въ среднемъ по 9 р. на учителя. Выписывается ими 426 журналовъ и 182 газеты, т. е. въ среднемъ на одного выписывающаго приходится 1,1 журналовъ и 0,5 газеты. Мизерность этихъ цыфръ усугубляется еще качествомъ выписываемыхъ изданій. Повидимому, рѣшающими моментами въ выборѣ тѣхъ или другихъ періодическихъ изданій учителями являются два обстоятельства: съ одной стороны учителя избѣгаютъ многихъ изданій потому, что ихъ начальство, забывая, что оно имѣетъ дѣло съ взрослыми людьми и, казалось-бы, не лишенными общихъ и особенныхъ правъ, воздѣйствуетъ косвенно, а то и прямо на этотъ выборъ, запрещая учителямъ выписку многихъ изданій, а съ другой нужда заставляетъ учителя предпочитать дешевыя изданія. Такимъ образомъ, изъ 180 экземпляровъ газетъ, выписываемыхъ учителями Курской губерніи, 100 приходится на „Биржевыя Вѣдомости", затѣмъ 22 экземпляра на газету „Свѣтъ" и 22 экз. на газету „Русское Слово". Точно также изъ „журналовъ" первое мѣсто приходится на „Ниву", которой выписывается 100 экз. Удивительнѣе всего, что на всѣхъ учителей Курской губерніи приходится только 32 экземпляра педагогическихъ изданій.

Какимъ образомъ могло-бы быть измѣнено къ лучшему положеніе народныхъ учителей? Одно время среди учителей большія надежды возбудило учрежденіе обществъ взаимопомощи. Однако, теперь уже опытъ ясно показалъ, что общества эти, поставленныя въ тѣ условія, въ которыхъ они находятся нынѣ, не могутъ оказать мало-мальски существенной помощи нашимъ народнымъ учителямъ. Начать съ того, что самое учрежденіе такихъ обществъ у насъ тормозится по причинамъ самаго страннаго свойства. Вотъ, напр., въ Орловской губерніи уже три года не могутъ создать учительскаго общества. Выработанный губернскимъ земствомъ при содѣйствіи учительскаго персонала всѣхъ уѣздовъ губерніи проектъ устава примѣнительно къ нормальному уставу дважды представлялся на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1903 г. проектъ былъ возвращенъ съ рядомъ измѣненій, сдѣланныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Обсудивъ внесенныя въ проектъ устава измѣненія, губернская управа нашла, что изъ этихъ измѣненій существенное значеніе имѣетъ лишь исключеніе права открытія обществомъ филіальныхъ отдѣленій. Практика другихъ обществъ взаимопомощи показала положительную необходимость открытія филіальныхъ отдѣленій, такъ какъ общегубернскія общества взаимопомощи безъ организаціи въ отдаленныхъ уѣздахъ этихъ отдѣленій работаютъ почти исключительно на ближайшіе къ губернскому городу уѣзды. Неудивительно, если уже теперь, въ виду лишенія проектируемаго въ Орловской губерніи учительскаго общества права имѣть филіальныя отдѣленія, елецкое земство отказалось отъ участія въ этомъ обществѣ. Въ виду этого губернское земское собраніе 1903 года постановило вновь ходатайствовать о предоставленіи проектированному обществу права открытія филіальныхъ отдѣленій, согласившись на прочія измѣненія въ проектѣ устава. Однако, это ходатайство недавно снова было отклонено. А между тѣмъ, казалось-бы, почему необходимо лишать общество права имѣть отдѣленія? Кому отъ этого можетъ быть вредъ и какой? И кто—петербургскіе

чиновники или сами учителя, выработавшие проектъ устава,—болѣе компетентны въ вопросѣ о томъ, нужны-ли филіальныя отдѣленія, или не нужны? Между тѣмъ, изъ-за этого обстоятельства три года губернія не можетъ обзавестись учительскимъ обществомъ. Не удивительно-ли все это?

Но и въ томъ случаѣ, когда учителямъ удается, наконецъ, создать общество взаимопощи,—оно, поставленное въ тѣсныя рамки, опредѣляемыя уставомъ, и при общихъ условіяхъ учительскаго житья-бытья, можетъ имѣть лишь самое ограниченное значеніе. Неудивительно, если даже многіе учителя не вступаютъ въ составъ такихъ обществъ, находя безполезнымъ свое участіе въ нихъ. Вотъ для примѣра коротенькій обзоръ дѣятельности общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ народныхъ училищахъ Новгородской губерніи (десятилѣтіе исполнилось въ нынѣшнемъ году). Общее число учащихъ въ народныхъ училищахъ Новгородской губерніи дошло въ настоящемъ учебномъ году до 921, а между тѣмъ число членовъ общества едва доходитъ до 244 чел., вносящихъ 468 р. членскихъ взносовъ. И это послѣ десятилѣтняго существованія общества! Главный видъ дѣятельности общества состоялъ въ единовременныхъ пособіяхъ членамъ, находившимся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Такихъ пособій выдано за 10 лѣтъ 9.658 р., т. е. въ среднемъ менѣе чѣмъ по тысячѣ рублей въ годъ. Вторымъ видомъ помощи членамъ явилось содержаніе въ Новгородѣ и въ Череповцѣ интернатовъ для дѣтей учителей, учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само собою разумѣется, что этою помощью отъ общества могла воспользоваться лишь самая незначительная часть учителей. Вотъ и все, что могло сдѣлать общество для своихъ членовъ. При этомъ оно собственно работало не какъ общество взаимопомощи, а какъ обыкновеннѣйшее благотворительное общество, такъ какъ оно только четвертую часть своихъ средствъ получило въ видѣ членскихъ взносовъ, а три четверти составляютъ пожертвованія добрыхъ людей и сборы отъ благотворительныхъ предпріятій.

Гораздо болѣе, чѣмъ учительскія общества взаимопомощи, могутъ сдѣлать въ дѣлѣ улучшенія положенія народнаго учителя наши общественныя учрежденія—городскія управленія и земства. Къ сожалѣнію, помощь учителямъ, которую могли бы оказать эти учрежденія, парализуется положеніемъ самыхъ этихъ учрежденій, узостью ихъ компетенціи въ области народнаго образованія. Какъ извѣстно, наши городскія и земскія общественныя учрежденія могутъ болѣе или менѣе свободно проявлять свою дѣятельность въ указанной области лишь въ сферѣ матеріальныхъ расходовъ, и потому и содѣйствіе улучшенію положенія народнаго учителя наши общественныя учрежденія могли до сихъ поръ проявить только путемъ улучшенія матеріальнаго положенія учителей. Въ этомъ направленіи идетъ непрестанная работа нашихъ общественныхъ учрежденій, и каждая сессія земскихъ собраній влечетъ за собою большее или меньшее улучшеніе матеріальнаго положенія учителей, работающихъ въ земскихъ школахъ тѣхъ или иныхъ уѣздовъ. И въ нынѣшнюю сессію земскихъ собраній уже рядъ послѣднихъ принялъ постановленія объ увеличеніи содержанія учащихъ въ земскихъ школахъ и объ установленіи періодическихъ прибавокъ къ нормальному содержанію за пятилѣтія. Есть уже уѣзды, гдѣ матеріальное положеніе учащихъ въ земскихъ школахъ достаточно обезпечено, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южной Россіи. И несомнѣнно, въ этомъ направленіи наши земства сдѣлаютъ еще не мало.

Но матеріальное положеніе учащаго—только одна сторона дѣла и едва-ли болѣе важная. Еще важнѣе содѣйствіе поднятію общаго умственнаго раз-

витія народныхъ учителей и расширенію ихъ знаній, а также улучшеніе ихъ общественнаго и правового положенія. И въ этихъ отношеніяхъ всѣ попытки земскихъ учрежденій сдѣлать что-либо для народнаго учителя почти всегда разбиваются о внѣшнія препятствія. Но, кажется, еще никогда подобное начинаніе земства не наталкивалось на такое препятствіе, какое помѣшало осуществленію съѣзда учителей ялтинско-севастопольско-евпаторійскаго района, проектированнаго ялтинскою земскою управою для обсужденія вопросовъ, касающихся, главнымъ образомъ, инородческой школы, вопросовъ, имѣющихъ такое важное значеніе для Крыма, гдѣ населеніе преимущественно инородческое. Ходатайство объ этомъ съѣздѣ было возбуждено управою еще въ мартѣ, а въ августѣ ею былъ полученъ отвѣтъ отъ директора народныхъ училищъ слѣдующаго удивительнаго содержанія: прежній директоръ умеръ, не успѣвъ дать движеніе ходатайству земства, а новый директоръ считаетъ несвоевременнымъ давать движеніе этому ходатайству въ настоящее время. Такъ и не состоялся съѣздъ отъ несвоевременной смерти директора, хотя, конечно, послѣ его смерти должность его кѣмъ-либо исполнялась, и потому, казалось-бы, смерть эта уже никоимъ образомъ не должна была имѣть столь фатальное значеніе для съѣзда народныхъ учителей.

Несмотря на всѣ невзгоды, постигающіе проекты устройства курсовъ для учителей и учительскихъ съѣздовъ, наши земства продолжаютъ пытаться сдѣлать что-либо этимъ путемъ для учителей и для народнаго просвѣщенія. И потому въ нынѣшнюю сессію земскихъ собраній мы снова встрѣчаемся съ постановленіями земскихъ собраній объ устройствѣ учительскихъ съѣздовъ. При этомъ нѣкоторыя собранія постановляли даже устраивать такіе съѣзды періодически. Одно собраніе (корочанское) постановило даже устраивать періодическіе съѣзды не только учителей, но и попечителей школъ.

Для улучшенія общественнаго положенія народнаго учителя могло бы имѣть существенное значеніе привлеченіе учителей къ участію въ завѣдываніи народно-школьнымъ дѣломъ, предоставленіе имъ возможности оказывать извѣстное вліяніе на ходъ этого дѣла. Попытки предоставленія такой активной роли учителямъ въ столь близкой имъ области дѣлались многими земствами, но, къ сожалѣнію, эти попытки, недавно, по крайней мѣрѣ, разсматривались даже, какъ нѣчто противозаконное, и всячески стѣснялись. А между тѣмъ, насколько назрѣла потребность въ такомъ привлеченіи народныхъ учителей къ участію въ веденіи народнообразовательнаго дѣла, ясно видно изъ того, что, несмотря на всяческія препятствія осуществленію этого начинанія земства, земскія собранія все чаще и чаще прибѣгаютъ къ нему. Такъ, въ текущую сессію земскихъ собраній цѣлый рядъ земствъ пришелъ къ необходимости привлеченія народнаго учителя къ участію въ школьныхъ коммиссіяхъ или иныхъ органахъ, создаваемыхъ земствами въ интересахъ ближайшаго завѣдыванія школьнымъ дѣломъ съ той стороны, съ которой это предоставлено земству. Такимъ образомъ, Сумское земское собраніе постановило учредить школьную коммиссію, на которую возлагается разработка всѣхъ вопросовъ по народному образованію; въ составъ этой коммиссіи, кромѣ управы, входятъ пять гласныхъ, избранныхъ собраніемъ, санитарный врачъ, инспекторъ народныхъ училищъ и пять учителей и учительницъ. Точно также Моршанское земское собраніе рѣшило учредить при земской управѣ школьный совѣтъ съ участіемъ учителей и учительницъ земскихъ школъ. И такихъ постановленій принятъ въ текущую сессію земскихъ собраній цѣлый рядъ.

Провозглашенное принципомъ правительственной дѣятельности довѣріе

къ обществу и общественнымъ учрежденіямъ, безъ сомнѣнія, должно будетъ отразиться и на данной сторонѣ земской дѣятельности, почему можно ожидать, что попытки земствъ привлечь народныхъ учителей и учительницъ къ участію въ разработкѣ вопросовъ, касающихся земской работы въ области народнаго образованія, и въ завѣдываніи земскимъ школьнымъ дѣломъ уже не будутъ встрѣчать того страннаго и непонятнаго противодѣйствія, какое эти попытки встрѣчали до сихъ поръ. Несомнѣнно, что участіе народнаго учителя, т. е. лица, наиболѣе близко стоящаго къ дѣлу народнаго просвѣщенія, выносящаго это дѣло на своихъ плечахъ, въ разработкѣ вопросовъ, касающихся столь близкой ему области, равно какъ и въ непосредственномъ завѣдываніи школьнымъ дѣломъ, можетъ быть только въ высшей степени полезнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое участіе народнаго учителя въ учрежденіяхъ, вѣдающихъ дѣло народнаго просвѣщенія, на равныхъ правахъ съ остальными членами этихъ учрежденій, неизбѣжно повело бы къ поднятію общественнаго положенія народнаго учителя, съ одной стороны, поднявъ чувство собственнаго достоинства въ учителяхъ, а съ другой—пріучивъ и представителей того общественнаго слоя, который смотритъ на себя въ настоящее время, какъ на сплошное начальство учителей, къ равноправнымъ отношеніямъ съ учителями. Моральное значеніе такихъ сношеній учащаго персонала и всѣхъ этихъ инспекторовъ, предводителей дворянства, гласныхъ изъ помѣщиковъ и проч. на почвѣ, гдѣ всѣ они равноправны, и гдѣ учитель нерѣдко окажется и болѣе свѣдующимъ, и болѣе развитымъ, нежели всѣ тѣ, кто привыкъ имъ руководить,—внѣ всякаго сомнѣнія.

Какъ ни печально положеніе нашего народнаго учителя во время его состоянія на службѣ, оно покажется ему въ большинствѣ случаевъ настоящимъ раемъ сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ онъ окажется по выходѣ со службы за инвалидностью. По этому поводу на дняхъ одинъ „бывшій учитель“ помѣстилъ въ газетахъ горячее письмо, въ которомъ напоминаетъ обществу о его долгѣ—озаботиться обезпеченіемъ бывшихъ народныхъ учителей.

„Что будетъ дѣлать учитель и куда онъ дѣнется, сдѣлавшись уже дряхлымъ старикомъ, когда и силы и здоровье откажутся уже совсѣмъ ему служить?—спрашиваетъ бывшій учитель г. Волженскій. Къ крайнему сожалѣнію, никто объ этомъ не подумалъ и понынѣ и не позаботился объ обезпеченіи будущности несчастныхъ тружениковъ-народныхъ учителей... Уже и теперь столбцы газетъ переполнены всевозможными воззваніями и призывами о помощи народнымъ учителямъ, закончившимъ свой долгій, многотрудный и тернистый путь, но лѣтъ черезъ 10—15, когда эти несчастные, безпріютные и голодные образуютъ изъ себя цѣлую армію, цѣлыя полчища не имѣющихъ крова, не знающихъ, куда преклонить имъ свою голову, тогда не окажется и мѣста для напечатанія всѣхъ этихъ воззваній, и всѣ благотворительныя общества, вмѣстѣ взятыя, за недостаткомъ средствъ, окажутся безсильными прокормить и обезпечить кровомъ всю эту голодную рать“.

Да и возможно ли народнаго учителя, отдавшаго всѣ свои силы великому дѣлу просвѣщенія народной массы, перенесшаго столько страданій въ теченіе этого служенія, дѣлать объектомъ благотворительности, ставить въ положеніе нищаго? Трудно себѣ представить болѣе возмутительное явленіе, нежели такая общественная неблагодарность къ труженикамъ, работа которыхъ создаетъ силу и величіе народа. Здѣсь необходимо лишь отдать народному учителю должное,—то, что онъ заслужилъ своимъ трудомъ. Вышеупо-

мянутый „бывшій учитель“ проектируетъ отводъ бывшимъ учителямъ земельныхъ участковъ съ „помѣстительными хатками“ въ пожизненное пользованіе и назначеніе „хотя небольшихъ пенсій“; но, очевидно, дѣло здѣсь совсѣмъ не въ „хаткахъ“. Обезпеченіе народныхъ учителей должно сдѣлаться обязательнымъ предметомъ расходовъ государства. Если какой-нибудь архиваріусъ того или иного казеннаго учрежденія, какой нибудь педель, исполняющій въ учебномъ заведеніи полицейскія обязанности, какой-нибудь регистраторъ, подшивающій бумаги,—если всѣ они имѣютъ право на государственную пенсію, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ такого обезпеченія тотъ, чей трудъ стоитъ неизмѣримо выше труда всѣхъ упомянутыхъ чиновниковъ. И при этомъ необходимо устраивать не жалкое подобіе пенсіи, которою учитель почти никогда по условіямъ ея полученія не воспользуется, а настоящее обезпеченіе пенсіями всѣхъ тѣхъ, кто сталъ инвалидомъ на работѣ въ народной школѣ,—будетъ ли это результатомъ многолѣтняго труда или преждевременной потери силъ и здоровья отъ неблагопріятныхъ условій, которыми обставлена работа народнаго учителя.

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Народныя библіотеки и духовенство.—Гоненіе на „Вятскую Газету“.—Желѣзная дорога въ роли цензора.—Что пригодно въ Нижнемъ, годится ли въ другихъ городахъ и въ селахъ?—Земскія постановленія относительно народныхъ библіотекъ.—Ходатайство Семеновскаго общества о расширеніи каталога библіотекъ, объ отмѣнѣ правилъ 15 мая 1890 г. и объ открытіи библіотекъ явочнымъ порядкомъ.—Новыя народныя библіотеки.

Какъ извѣстно, народныя библіотеки представляютъ собою того „турку“, надъ которымъ всякій желающій можетъ свободно и безнаказанно пробовать свои силы. Кто только не считаетъ себя въ правѣ хозяйничать въ этихъ библіотекахъ? Постоянно приходится слышать и читать о томъ, что то какой нибудь становой приставъ или даже полицейскій урядникъ заберется въ народную библіотеку и позволяетъ себѣ „арестовывать“ книги, по мнѣнію этого компетентнаго судьи, опасныя для отечества; то какой нибудь доброволецъ, посѣтивъ народную библіотеку, учиняетъ затѣмъ доносъ относительно того, что въ этой библіотекѣ нѣтъ той или иной книги, которая, по мнѣнію доносчика, должна составлять неизбѣжную принадлежность такой библіотеки; то г. земскій начальникъ въ одинъ прекрасный день возьметъ да и повѣситъ замокъ на дверяхъ помѣщенія библіотеки, найдя, что чтеніе — величайшая глупость и совсѣмъ не пристало ввѣреннымъ его попеченіямъ крестьянамъ. Наши народныя библіотеки являются поистинѣ многострадальными учрежденіями, и исторія, которую имъ пришлось пережить за время съ ихъ возникновенія на Руси и до настоящаго времени, полна самыхъ, казалось бы, невѣроятныхъ эпизодовъ.

Теперь совершенно неожиданно возникаетъ еще одна попытка взять въ опеку народныя библіотеки. Объ этой попыткѣ недавно появились крайне любопытныя свѣдѣнія. И если бы эта попытка осуществилась, конечно, надъ нашими народными библіотеками пришлось бы поставить крестъ.

Вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ газетахъ: „Высокопреосвящен-

ный Дмитрій, архіепископъ тверской, на одномъ изъ журналовъ съѣзда председателей уѣздныхъ отдѣленій училищнаго совѣта и уѣздныхъ наблюдателей церковныхъ школъ положилъ резолюцію о необходимости усилить надзоръ духовенства за народными библіотеками-читальнями и народными чтеніями. Всѣ онѣ открываются подъ условіемъ надзора за ними со стороны приходскихъ священниковъ, иногда діаконовъ, подчиняются наблюденію окружныхъ благочинныхъ и, повидимому, ставятся подъ надлежащій контроль епархіальнаго вѣдомства, а между тѣмъ, какъ узнано мною,—пишетъ архіепископъ Дмитрій,—отцы благочинные иногда не только не разсматриваютъ каталоговъ сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ, но при обозрѣніи приходовъ своего округа и не посѣщаютъ оныхъ. Приходскіе же священники, хотя и назначаются наблюдателями оныхъ библіотекъ-читаленъ, едва ли приглашаются къ составленію списка выписываемыхъ книгъ и брошюръ, и при обозрѣніи мною епархіи замѣчено, что завѣдующіе народными библіотеками и читальнями стараются удалять священниковъ отъ всякаго участія въ выпискѣ книгъ, чрезъ что сельскія библіотеки и читальни пополняются свѣтскими книгами и журналами. Встрѣчались библіотеки, въ которыхъ нѣтъ библіи. Причина ея будто бы дороговизна—2 р. 40 к. Между тѣмъ, выписаны полныя собранія сочиненій Верна, Тургенева и др., и вообще въ сельскихъ народныхъ библіотекахъ слабо поставленъ отдѣлъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Въ виду такой ненормальной постановки дѣла благочиннымъ и наблюдателямъ слѣдуетъ обращать вниманіе на составъ библіотекъ и на выдачу книгъ простому народу. Предлагается въ епархіальномъ совѣтѣ выработать правила надзора за народными читальнями и библіотеками“ („Русскія Вѣдомости“, № отъ 17 октября).

Ознакомившись съ этимъ извѣстіемъ, неизбѣжно приходишь къ заключенію, что въ Тверскомъ епархіальномъ вѣдомствѣ имѣютъ весьма смутное представленіе объ юридическомъ положеніи народныхъ библіотекъ и читаленъ. Положеніе это, какъ извѣстно, опредѣляется особыми „Правилами о безплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними“, изданными министромъ внутреннихъ дѣлъ 15 мая 1890 г. Надо сказать, что самыя эти правила, хотя въ нихъ значится, что они составлены на основаніи пункта 3-го примѣчанія къ ст. 175 уст. о цензурѣ и печати, въ дѣйствительности не имѣютъ никакой связи именно съ указаннымъ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, уставъ о цензурѣ и печати совсѣмъ не знаетъ дѣленія библіотекъ на „народныя“ и не-народныя. Онъ знаетъ только „публичныя библіотеки и кабинеты для чтенія“ и по отношенію къ нимъ устанавливаетъ лишь слѣдующія правила, касающіяся порядка открытія библіотекъ и содержанія ихъ книжнаго состава: при возбужденіи ходатайства объ открытіи публичной библіотеки должно быть указываемо отвѣтственное лицо, причемъ власти, разрѣшающей открытіе библіотеки, предоставлено право не утверждать такое лицо въ случаѣ его „политической неблагонадежности“; затѣмъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется „указывать мѣстнымъ начальствамъ тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ“ (уст. о ценз. и печ., ст. 175, прим.). Такимъ образомъ, чего либо, подобнаго тому, что содержится въ „правилахъ“ 1890 г., совсѣмъ не имѣется въ уставѣ о цензурѣ и печати, и въ частности пунктъ 3 примѣчанія къ ст. 175 устава о ценз. и печ., „на основаніи“ котораго составлены правила 1890 года, въ дѣйствительности говоритъ только о правѣ министра внутреннихъ

дѣлъ не допускать къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ отдѣльныхъ произведеній печати и закрывать публичныя библіотеки „въ случаѣ признанной въ томъ необходимости“. Такимъ образомъ, въ „3-мъ пунктѣ“ не содержится ни малѣйшаго указанія на какія либо „правила“, подобныя тѣмъ, которыя были изданы 15 мая 1890 года и которыми, вопреки прямому указанію примѣчанія къ ст. 175 уст. о ценз. и печ., созданъ особый видъ безправныхъ „народныхъ“ библіотекъ, съ крайне ограниченнымъ книжнымъ составомъ и поставленныхъ подъ особенный надзоръ, совершенно неизвѣстный нашимъ законамъ.

До изданія правилъ 15 мая 1890 года наше духовенство не имѣло никакого отношенія къ надзору за публичными библіотеками, и только съ изданіемъ этихъ правилъ, которыя сами, какъ указано, являются распоряженіемъ, принятымъ въ административномъ порядкѣ, духовенство было привлечено къ наблюденію за „народными“ библіотеками и читальнями. Насколько странна самая мысль о привлеченіи къ этой роли духовенства, сейчасъ станетъ яснымъ, какъ только мы укажемъ, въ чемъ должно выражаться „наблюденіе“ за народными библіотеками. Но прежде отмѣтимъ тотъ фактъ, что и въ силу правилъ 15 мая 1890 года наблюденіе за народными библіотеками возлагается вовсе не обязательно на духовенство. Именно параграфъ 3 „Правилъ“ гласитъ: „Ближайшій надзоръ за безплатными народными читальнями въ каждой мѣстности возлагается на одно или нѣсколькихъ лицъ учебнаго и духовнаго вѣдомства, по мѣстнымъ удобствамъ, и по соглашенію гражданскаго начальства, дающаго разрѣшеніе на открытіе читальни, съ попечителемъ учебнаго округа и епархіальнымъ архіереемъ“. Такимъ образомъ, въ томъ случаѣ, когда надзоръ за народными библіотеками и читальнями возложенъ на лицо учебнаго вѣдомства, лица духовнаго вѣдомства не пользуются ни малѣйшимъ правомъ имѣть какое бы то ни было касательство къ народнымъ библіотекамъ. Но и въ томъ случаѣ, когда такой надзоръ возложенъ на лицо духовнаго вѣдомства, только одно это лицо и имѣетъ право осуществлять надзоръ за народными библіотеками и читальнями, и потому благочинные и приходскіе священники, разъ на нихъ такой надзоръ не возложенъ по соглашенію трехъ вѣдомствъ, не имѣетъ ни основаній, ни права „посѣщать“ библіотеки (конечно, не въ качествѣ любознательныхъ лицъ, а именно въ качествѣ надзирающихъ), ни „разсматривать каталоговъ сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ“, отсутствіе чего становится имъ въ вину резолюцией епархіальнаго начальства.

Въ чемъ же состоятъ обязанности лицъ, на которыхъ возложенъ надзоръ за народными библіотеками? Обязанности эти довольно странныя и едва ли отвѣчаютъ достоинству духовнаго сана. Въ самомъ дѣлѣ, согласно § 5 „Правилъ“, лицо, которому поручено наблюденіе за читальней, получаетъ списокъ книгъ, которыя читальня или библіотека намѣрена пріобрѣсти, и провѣряетъ, дѣйствительно ли книги, внесенныя въ этотъ списокъ, допущены къ обращенію въ народныхъ библіотекахъ. Уже эта обязанность имѣетъ чисто полицейскій характеръ и едва ли соотвѣтствуетъ той миссіи, которая возлагается на священника его саномъ. Но дальнѣйшія обязанности, возлагаемыя „Правилами“ на лицъ, наблюдающихъ за народными библіотеками, могутъ быть исполняемы всѣми, кѣмъ угодно, только не лицами духовнаго званія, если ужъ совсѣмъ не забывать назначенія священника и не ставить его рядомъ съ полицейскимъ урядникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ въ чемъ состоятъ эти обязанности по § 9 „правилъ“: „Лица, наблюдающія за читальнями, обя-

заны *слѣдить*, чтобы въ читальняхъ не были въ обращеніи никакія другія книги и повременныя изданія, кромѣ записанныхъ въ спискѣ, завѣренномъ сими лицами, и чтобы читальни не служили для посѣтителей оныхъ мѣстами для собраній, совѣщаній и другихъ дѣйствій, чуждыхъ назначенію читаленъ или нарушающихъ въ нихъ должный порядокъ. Въ случаѣ нарушенія сказанныхъ правилъ или обнаруженія какихъ либо иныхъ безпорядковъ въ читальняхъ, лица, имѣющія за ними наблюденіе, *доносятъ* о томъ своему начальству, т. е. попечителю учебнаго округа или архіерею, которые передаютъ таковыя донесенія, со своимъ по онымъ заключеніемъ, на распоряженіе губернаторовъ, а въ столицахъ—с.-петербургскаго градоначальника и московскаго генералъ-губернатора". Неужели съ какой бы то ни было точки зрѣнія обязанность „слѣдить" и „доносить", т. е. обязанность, обычно возлагаемая на агентовъ тайной полиціи, можетъ быть признаваема приличествующею сану священника? И какимъ образомъ священникъ можетъ „слѣдить" за тѣмъ, чтобы въ помѣщеніяхъ читаленъ не устраивались „собранія и совѣщанія"? Вѣдь для этого необходимо тайное подглядываніе, быть можетъ, переодѣваніе и вообще дѣйствія, которыя рѣшительно невозможно возлагать на священниковъ.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни удивительны обязанности, возлагаемыя на священниковъ и лицъ учебнаго вѣдомства правилами 15 мая 1890 г. въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица приглашаются къ наблюденію за народными библіотеками и читальнями, правила эти отнюдь не уполномочиваютъ священниковъ „участвовать въ выпискѣ книгъ" для библіотекъ, отсутствіе чего ставится въ вину завѣдывающимъ библіотеками вышеупомянутою резолюціею. И по правиламъ 15 мая 1890 г., составленіе списка книгъ, которыя имѣется въ виду выписать для библіотеки или читальни, производится безъ всякаго участія лица, наблюдающаго за библіотекою, обязанность котораго въ данномъ отношеніи сводится лишь къ тому, чтобы провѣрить, не включены ли въ списокъ книги, не разрѣшенныя для народныхъ библіотекъ.

Такимъ образомъ, сѣтованія на положеніе народныхъ библіотекъ въ Тверской губерніи и существующія между ними и духовенствомъ отношенія не имѣютъ ни малѣйшаго основанія въ существующихъ юридическихъ нормахъ, опредѣляющихъ эти отношенія. Стремленіе же расширить роль духовенства по отношенію къ народнымъ библіотекамъ не только не основано на законѣ или даже „правилахъ о народныхъ читальняхъ" но прямо противорѣчитъ тому и другому. Порученіе епархіальному училищному совѣту выработать какія-то особыя правила надзора за народными читальнями и библіотеками, помимо существующихъ, уже прямо является превышеніемъ компетенціи этого совѣта, такъ какъ ему отнюдь не предоставлено законодательной функціи, и вообще подобное занятіе явилось бы совершенно противозаконнымъ. По существу же духовное вѣдомство могло бы проявить свою иниціативу въ данномъ дѣлѣ развѣ только въ одномъ—въ возбужденіи ходатайства о снятіи съ духовенства чисто полицейской обязанности надзора за народными библіотеками, возлагаемой на лицъ духовнаго званія „правилами" 15 мая 1890 года и всего менѣе приличествующей сану этихъ лицъ.

Во всякомъ случаѣ привлеченіе духовенства къ надзору за народными библіотеками, съ возложеніемъ на него обязанности „слѣдить" и „доносить", является лишь однимъ изъ проявленій того печальнаго режима, несостоятельность котораго теперь, кажется, такъ ясна для всѣхъ,—того страннаго и

печальнаго недовѣрія къ обществу и общественнымъ учрежденіямъ, которое признано теперь столь ошибочнымъ и которое обѣщано нынѣ замѣнить довѣріемъ къ тому же обществу и общественнымъ учрежденіямъ. И чѣмъ скорѣе наше духовенство будетъ избавлено отъ столь несвойственныхъ ему по существу полицейскихъ обязанностей, тѣмъ будетъ лучше для его достоинства и престижа.

Такимъ же проявленіемъ столь печальнаго недовѣрія къ обществу и общественнымъ учрежденіямъ являются и разнообразные факты, въ которыхъ до сихъ поръ выражалось стремленіе помѣшать распространенію въ народѣ книгъ и періодическихъ изданій, если только тѣ и другія не принадлежатъ къ числу издѣлій Никольскаго рынка или не представляютъ собою самой беззастѣнчивой спекуляціи со стороны всякихъ безстыжихъ людей, старающихся ловить рыбку въ мутной водѣ ханжества и искусственной благонамѣренности. Это стремленіе помѣшать народу знакомиться съ настоящею книгою и настоящимъ органомъ печати конечно, не могло не выражаться въ самыхъ курьезныхъ фактахъ. Было бы слишкомъ долго даже только бѣгло указывать на факты этого рода, которые къ тому же слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ и каждому. Но для примѣра все-таки не лишне привести здѣсь два такихъ факта.

Истекшимъ лѣтомъ въ нѣсколькихъ газетахъ появились удивительныя сообщенія, касающіяся издаваемой вятскимъ губернскимъ земствомъ „Вятской газеты“. Это прекрасно ведущійся органъ, издаваемый земствомъ именно въ цѣляхъ распространенія его въ народной средѣ, первоначально высылался безплатно во всѣ народныя библіотеки, школы, больницы, волостныя правленія и другія учрежденія губерніи. Но затѣмъ, по совершенно непонятнымъ причинамъ, газета была изъята изъ обращенія въ народныхъ библіотекахъ, хотя даже съ точки зрѣнія самаго строгаго полицейскаго чина въ ней, казалось бы, невозможно найдти что-либо „опасное“. Газета преимущественно преслѣдовала чисто практическія цѣли, сообщая населенію свѣдѣнія по агрономіи и промысламъ, знакомя съ текущими явленіями изъ сельскохозяйственной и торговой жизни, доводя до свѣдѣнія населенія о постановленіяхъ земскихъ собраній и дѣятельности разныхъ земскихъ учрежденій, въ родѣ опытныхъ фермъ, кустарныхъ мастерскихъ, земской пасѣки и т. п. Что, казалось бы, можетъ быть вреднаго отъ сообщенія населенію свѣдѣній этого рода? Тѣмъ не менѣе газета была изъята изъ народныхъ библіотекъ, а затѣмъ началось нѣчто еще болѣе удивительное, какъ видно по нижеслѣдующей выдержкѣ изъ газетной корреспонденціи:

„Котельническая и нолинская уѣздныя управы увѣдомили губернскую управу, что „Вятская Газета“ задерживается по распоряженію мѣстной полиціи и не выдается мѣстнымъ адресатамъ,—въ Котельническомъ уѣздѣ завѣдывающимъ пятирублевыми библіотеками (дѣлается это на томъ основаніи, что газета для сельскихъ библіотекъ не разрѣшена), а въ Нолинскомъ— всѣмъ вообще адресатамъ, въ томъ числѣ добровольнымъ корреспондентамъ текущей статистики, причемъ одинъ изъ корреспондентовъ заявилъ уѣздной управѣ, что мѣстный урядникъ, отбирая у корреспондента газету, объяснилъ, что редакція ея „прикрылась“; другому корреспонденту была объяснена причина отобранія газеты тѣмъ, что „вятская земская управа много денегъ потратила“. Нолинская уѣздная управа высказала, между прочимъ, что отобраніе и отпечатаніе газеты во время ревизіи земскихъ учрежденій (ревизія эта производилась въ данное время г. Зиновьевымъ) вызываетъ въ населе-

ніи уѣзда нежелательные для уѣзда слухи. По поводу этого губернская управа входила съ представленіемъ къ вятскому губернатору, который увѣдомилъ губернскую управу, что имъ предписано начальникамъ полиціи въ губерніи немедленно возвратить „Вятскую Газету“ всѣмъ частнымъ подписчикамъ, отъ которыхъ она была отобрана полиціей вслѣдствіе неправильныхъ толкованій циркулярныхъ предписаній. При этомъ губернаторъ проситъ губернскую управу вмѣнить въ обязанность завѣдующимъ земскими библіотеками, чтобы они не передавали „Вятской Газеты“ въ библіотеки и не принимали таковую отъ добровольныхъ корреспондентовъ для помѣщенія въ библіотеки“ („Русскія Вѣдомости“, № 202).

Не правда ли, характерный фактъ? Земская газета, сообщающая населенію лучшіе способы дубленія кожъ и пріемы борьбы съ озимымъ червемъ, усердіемъ цѣлаго ряда лицъ обращается въ что-то, равноцѣнное заграничнымъ революціоннымъ изданіямъ, и полиція цѣлой губерніи, забывъ о своихъ прямыхъ обязанностяхъ, усиленно отыскиваетъ невиннѣйшіе нумера „Вятской Газеты“ и торжественно арестуетъ ихъ. При этомъ игнорируется все, — и X томъ, обезпечивающій каждому права собственности, и уставъ о цензурѣ и печати, опредѣляющій свободное обращеніе разрѣшенныхъ періодическихъ изданій (надо еще имѣть въ виду, что „Вятская Газета“—изданіе подцензурное, цензурируемое мѣстнымъ вице-губернаторомъ), и законы, опредѣляющіе предѣлы компетенціи полицейской власти,—словомъ, все, и все это имѣетъ мѣсто только „вслѣдствіе неправильнаго толкованія циркулярнаго распоряженія“.

Рядомъ съ разсказаннымъ фактомъ можно поставить нижеслѣдующій, въ которомъ даже управленіе желѣзной дороги явилось въ совершенно новой для этого учрежденія роли цензора, опредѣляющаго, какія книги могутъ быть выпущены въ публику для продажи и какія должны быть ей недоступны. Приводимъ снова цѣликомъ газетное сообщеніе объ этомъ, казалось бы, невѣроятномъ фактѣ:

„Въ 1902 году книгоиздатель Д. П. Ефимовъ изъ Москвы послалъ книги, общая стоимость которыхъ превышала 800 р., на ст. Карымскую Забайкальской желѣзной дороги. Книги эти въ дорогѣ запропали. Долго справлялся отправитель о судьбѣ ихъ, и вотъ, наконецъ, въ нынѣшнемъ году онѣ нашлись. По существующимъ желѣзнодорожнымъ правиламъ, въ виду истеченія срока давности со дня отправленія книгъ, онѣ подлежали продажѣ аукціоннаго торга, и выручка съ торга поступала управленію Забайкальской жел. д. въ возмѣщеніе понесенныхъ ею расходовъ, а стоимость книгъ, въ данномъ случаѣ свыше 800 р., возвращалась отправителю. Но тутъ то и вышелъ любопытный въ высшей степени инцидентъ: коммерческій отдѣлъ Забайкальской ж. д. увѣдомилъ г. Ефимова отношеніемъ за № 781—03, что часть книгъ, имъ отправленныхъ, будетъ продана съ аукціоннаго торга, и стоимость ихъ будетъ ему возвращена, а другая, большая, на сумму 524 р. 5 коп., согласно отношенію начальника читинскаго отдѣленія забайкальскаго жандармскаго полицейскаго управленія сибирской желѣзной дороги, отъ 26 апр. сего года, за № 846, забайкальскимъ областнымъ правленіемъ признана недопустимой къ продажѣ съ аукціоннаго торга и подлежащей уничтоженію. Теперь выяснилось, что тѣ книги, которыя были разрѣшены къ продажѣ съ аукціоннаго торга, носили на своихъ обложкахъ помѣтки цензурнаго московскаго комитета о разрѣшеніи, т. е. другими словами, были выпущены въ свѣтъ съ предварительной цензурой; книги же, не разрѣшенныя къ продажѣ,

пометки этой не имѣли, т. е. выпущены въ свѣтъ безъ предварительной цензуры. Забайкальская ж. д. прислала г. Ефимову опись этихъ „запрещенныхъ" книгъ, и г. Ефимовъ представилъ ее въ московскій цензурный комитетъ съ просьбой дать удостовѣреніе въ томъ, что книги эти выпущены въ свѣтъ хотя въ безцензурномъ порядкѣ, но всетаки съ разрѣшенія цензурнаго комитета. Намъ пришлось видѣть эту любопытную опись подлежащихъ уничтоженію „поддѣльныхъ" книгъ. Внизу подъ нею имѣется удостовѣреніе московскаго цензурнаго комитета слѣдующаго содержанія: „№ 2641. Канцелярія московскаго цензурнаго комитета симъ удостовѣряетъ, что поименованныя въ настоящей описи произведенія печати допущены къ свободному обращенію среди публики. Отсутствіе же на нихъ обозначенія цензурнаго дозволенія объясняется тѣмъ, что книги эти, на основаніи ст. 6 уст. о цензурѣ и печати, изданы въ безцензурномъ порядкѣ". Самая комичная сторона „интердикта" та, что многія изъ перечисленныхъ въ этой описи книгъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія допущены въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно („Русскія Вѣдомости" № 281).

Все это и многое подобное, что можно было бы привести здѣсь, не только грустно и смѣшно, но и ясно показываетъ, до какой степени опасны всякаго рода запретительныя и ограничительныя мѣры, такъ какъ онѣ всегда влекутъ за собой несравненно большія стѣсненія для населенія, нежели тѣ, которыя имѣлись въ виду при выработкѣ ограничительныхъ и запретительныхъ мѣропріятій. Въ концѣ концовъ такія мѣропріятія, даже съ точки зрѣнія самаго яраго консерватизма должны быть признаны приносящими несравненно больше вреда, влекущими за собою несравненно большее зло, нежели какое имѣлось въ виду пресѣчь данными ограничительными мѣропріятіями. И если даже Забайкальское областное правленіе до сихъ поръ не знакомо съ порядкомъ выпуска книгъ и полагаетъ, что разъ на книгѣ нѣтъ пометки о цензурномъ дозволеніи, то такая книга должна быть причисляема къ числу „запрещенныхъ", то чего можно требовать отъ какого нибудь станового пристава или полицейскаго урядника. Избѣжать подобныхъ фактовъ только и можно, устранивъ, наконецъ, всѣ существующія цензурныя и всякія другія стѣсненія, царящія въ области книжнаго дѣла и періодической печати и дѣлающія книгу и газету чѣмъ то стоящимъ внѣ закона, надъ чѣмъ можетъ каждый продѣлывать все, что ему угодно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы полицейскіе чины Вятской губерніи стали отбирать у населенія, положимъ, носовые платки, они, безъ сомнѣнія, подверглись бы за это надлежащему наказанію; ну, а газету оказалось возможнымъ отнимать рѣшительно безъ всякихъ печальныхъ послѣдствій для тѣхъ, кто это дѣяніе совершалъ, хотя и въ томъ, и въ другомъ случаѣ у населенія отнималась одинаковая собственность. Точно также, конечно, на Забайкальской жел. дорогѣ, да и ни на какой другой не могло произойти съ бакалеей или желѣзнымъ товаромъ ничего, подобнаго тому, что произошло съ книгами. Никому въ голову не пришло бы истреблять какія нибудь печенія или орѣхи и отказывать собственнику этого товара въ выдачѣ стоимости его. Ну, а съ книгами эта, казалось бы, невозможная исторія оказалась вполнѣ возможною, причемъ никто изъ виновниковъ ея не опасается ни малѣйшей отвѣтственности за причиненіе своими дѣяніями вреда собственнику книжнаго товара.

Вообще, во всемъ, что касается книги и другихъ произведеній печати, у насъ царятъ такіе порядки, предъ которыми можно только въ удивленіи раз-

водить руками. Въ самомъ дѣлѣ, не является ли величайшею нелѣпостью тотъ фактъ, что въ одномъ и томъ же городѣ, на одной и той же улицѣ, даже въ одномъ и томъ же домѣ, могутъ помѣщаться двѣ библіотеки, въ одной изъ которыхъ могутъ находиться всѣ книги, кромѣ прямо воспрещенныхъ, а въ другой только тѣ немногія, которыя помѣщены въ особомъ каталогѣ. При этомъ каждый можетъ пользоваться книгами изъ той или другой библіотеки: вся разница въ томъ, что одна библіотека платная, а другая безплатная,—и вотъ тотъ, кто имѣетъ въ карманѣ лишній рубль, можетъ читать все, что захочетъ, а тотъ, кто такого рубля не имѣетъ, долженъ довольствоваться тѣмъ, что помѣщено въ каталогѣ народныхъ библіотекъ. Но курьезность этого порядка вещей идетъ дальше. Оказывается, что и „народныя" библіотеки распредѣляются на разные ранги, и что можно имѣть одной библіотекѣ, то оказывается запрещеннымъ для другой. Вотъ недавно „Нижегородскій Листокъ" сообщалъ, что, по ходатайству комитета Пушкинской народной читальни въ Нижнемъ, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшилъ къ обращенію въ читальнѣ слѣдующія книги: Беллами „Черезъ сто лѣтъ", Гаршинъ—„Разсказы", Ключевскій—„Курсъ русской исторіи", Костомаровъ – „Русская исторія". Надсонъ—„Стихотворенія", Некрасовъ—„Стихотворенія (полное собраніе въ одномъ томѣ), Л. Толстой—„Власть тьмы", Шпильгагенъ – „Одинъ въ полѣ не воинъ", Шульгинъ—„Курсъ всеобщей исторіи", Эркманъ-Шатріанъ—„Сочиненія", „Энциклопедическій словарь Брокгауза и др. Казалось бы, разъ эти книги разрѣшены для нижегородской народной читальни, онѣ должны имѣть доступъ во всѣ народныя библіотеки и читальни. Ничуть, однако, не бывало! Попробуйте внести эти книги въ списокъ, представляемый наблюдателю какой-либо народной библіотеки, и онъ преспокойно вычеркнетъ эти книги, такъ какъ онѣ не вошли въ списки книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ библіотекъ вообще. Что признано пригоднымъ для нижегородскаго „народа", то, оказывается, не годится для всякаго другого „народа".

Казалось бы, уже всѣхъ этихъ курьезовъ достаточно для того, чтобы покончить съ существующимъ порядкомъ допущенія книгъ въ народныя библіотеки. Пора уничтожить не имѣющее никакого основанія въ законѣ дѣленіе библіотекъ на „народныя" и не-народныя и ставить первыя въ какое то особенное положеніе, при которомъ онѣ не могутъ выполнять важной просвѣтительной функціи, выполняемой во всемъ мірѣ библіотеками. Пора, наконецъ, внять голосу русскаго общества, такъ единодушно — и на разныхъ съѣздахъ, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати — настаивающаго на полной отмѣнѣ правилъ 15 мая 1890 года. Вотъ и сейчасъ въ текущую сессію земскихъ собраній, несмотря на то, что въ переживаемый нынѣ моментъ вниманіе этихъ собраній было занято болѣе общими и болѣе серьезными вопросами, рядъ земскихъ собраній снова постановилъ ходатайствовать объ измѣненіи положенія народныхъ библіотекъ. Укажемъ для примѣра на постановленіе сызранскаго земскаго собранія, которое рѣшило возбудить ходатайство о „расширеніи каталога сельскихъ библіотекъ до каталога городскихъ публичныхъ библіотекъ". Такъ, нѣсколько странно, редактировано земское постановленіе въ телеграммѣ „Россійскаго агентства"; но, очевидно, дѣло идетъ о предоставленіи народнымъ библіотекамъ права имѣть въ своемъ составѣ всѣ книги, кромѣ прямо изъятыхъ изъ обращенія въ публичныхъ библіотекахъ. Въ томъ же смыслѣ высказываются и другія общественныя учрежденія, имѣющія случай коснуться даннаго во-

проса. Такъ, общее собраніе членовъ общества Семеновской публичной библіотеки въ Курскѣ, имѣвшее мѣсто 30 сентября, постановило представить министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующее ходатайство: 1) объ отмѣнѣ всѣхъ списковъ книгъ, запрещенныхъ къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ, хотя и разрѣшенныхъ общею цензурою, 2) о возбужденіи въ законодательномъ порядкѣ вопроса относительно открытія всѣхъ публичныхъ, городскихъ и сельскихъ библіотекъ безъ предварительнаго разрѣшенія администраціи, т. е. явочнымъ способомъ, и 3) объ отмѣнѣ исключительныхъ правилъ, регулирующихъ дѣятельность и книжный составъ безплатныхъ и дешевыхъ библіотекъ (т. е. правилъ 15 мая 1890 года).

Если всѣ эти заявленія и ходатайства нашихъ общественныхъ собраній и печати будутъ, наконецъ, приняты во вниманіе, и народныя библіотеки будутъ избавлены отъ тяготѣющихъ надъ ними правилъ 15 мая 1890 года и будутъ поставлены снова въ легальное положеніе, въ какомъ онѣ и должны стоять согласно прим. къ ст. 175 устава о цензурѣ и печати, т. е. будутъ регулироваться тѣми же юридическими нормами, какъ и всѣ публичныя библіотеки (такъ это и должно быть по закону, до сихъ поръ не отмѣненному, но просто игнорируемому),—дѣло народныхъ библіотекъ получитъ у насъ поразительное развитіе. Насколько это дѣло является результатомъ дѣйствительно назрѣвшей потребности жизни, всего лучше видно изъ того факта, что и въ настоящее время, несмотря на всѣ стѣсненія, окружающія наше народно-библіотечное дѣло, библіотеки народныя растутъ повсемѣстно съ поразительною быстротою. Въ нынѣшнюю сессію уѣздныхъ земскихъ собраній даже тверское уѣздное земское собраніе, прославившееся въ прошломъ году своимъ постановленіемъ о передачѣ епархіальному вѣдомству своихъ школъ, сочло необходимымъ ассигновать средства на открытіе двухъ новыхъ народныхъ библіотекъ. Что касается земскихъ собраній, не обуреваемыхъ антипросвѣтительными стремленіями, то такія отнеслись къ дѣлу народныхъ библіотекъ съ значительно большимъ вниманіемъ. Такъ, напр., маріупольское земское собраніе поручило управѣ внести въ слѣдующее собраніе докладъ объ открытіи народныхъ библіотекъ при всѣхъ земскихъ школахъ уѣзда. И вообще въ текущую сессію земскихъ собраній приняты многочисленныя постановленія, которыя сильно двинули впередъ народно-библіотечное дѣло въ количественномъ отношеніи.

Будемъ надѣяться, что, наконецъ, и качественная сторона народно-библіотечнаго дѣла не будетъ встрѣчать препятствія для своего улучшенія въ существованіи пресловутаго „каталога“, могущаго быть уничтоженнымъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ онъ явился, т. е. простымъ административнымъ распоряженіемъ.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

Отчетъ о дѣятельности воскресной школы въ г. Торжкѣ за 1902—1903 г.

(*Продолженіе*).

Въ нынѣшній отчетный годъ воскресная школа была открыта 26 сентября. Изъ семи лицъ, состоявшихъ въ прошломъ году преподавателями въ

*) Всѣ статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція „Русской Школы“ покорнѣйше проситъ посылать въ Харьковъ на имя Христины Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой.

воскресной школѣ, выбыло три учительницы, такъ что наличный составъ преподавателей состоялъ изъ 4-хъ человѣкъ. При такой наличности начинать работу въ воскресной школѣ было почти невозможно, тѣмъ болѣе что предвидѣлось увеличеніе количества учащихся противъ прошлогодняго. Въ виду этого, педагогическій совѣтъ воскресной школы прежде всего озаботился приглашеніемъ новыхъ учащихъ. Приглашено было 8 новыхъ лицъ, слѣдовательно, весь педагогическій персоналъ состоялъ изъ 2-хъ законоучителей и 12 учащихъ. Учениць въ женскую школу записалось 86 чел., больше прошлогоднихъ на 49 чел.; да въ мужскую 56 чел., всего 142 человѣка; слѣдовательно, сравнительно съ прошлымъ годомъ школа увеличилась на 74 ч.

Съ бодрымъ духомъ принялись учащіе за работу: силъ было достаточно, дѣло въ школѣ можно было поставить правильно; слѣдовательно, можно было надѣяться на хорошіе результаты. Но жизнь показала другое: скоро стало извѣстно, что инспекторъ народныхъ училищъ г. Лилеевъ противъ того, чтобы учащихъ въ воскресной школѣ было столько, сколько ихъ находилъ нужнымъ имѣть педагогическій совѣтъ школы; онъ требовалъ, чтобы по аналогіи съ народной школой было всего 3 отдѣленія съ тремя преподавателями и вообще былъ противъ направленія школы, хотя онъ и не могъ знать этого направленія, такъ какъ не посѣщалъ еще школы. Нѣкоторые изъ учащихъ сочли нужнымъ объясниться съ инспекторомъ, и результатомъ этого объясненія было выбытіе изъ состава учащихъ преподавателя мѣстной гимназіи. Въ скоромъ времени выбыли еще двѣ учительницы. Учащимъ въ подгородныхъ земскихъ школахъ инспекторъ не позволилъ заниматься въ воскресной школѣ на томъ основаніи, что они въ воскресный день должны быть въ церкви. Во второй половинѣ учебнаго года вновь были приглашены преподавателями 2 врача земской больницы; но черезъ 2 воскресенья были удалены инспекторомъ, какъ лица съ высшимъ образованіемъ, не имѣющія права быть преподавателями. Также не допущенъ къ дальнѣйшему преподаванію ветеринарный врачъ, и опять воскресная школа осталась съ недостаточнымъ количествомъ учащихъ. Въ силу этого пришлось нѣсколько измѣнить намѣченную программу, планъ занятій и группировку учащихся: обѣ неграмотныя группы взрослыхъ и дѣвочекъ пришлось соединить въ одну, запасная учительница взяла на себя опредѣленную группу, а уроки по физикѣ и гигіенѣ, которые начаты были врачами пришлось прекратить.

Всѣхъ учебныхъ дней было 20. Со стороны единовременности поступленій учащихся въ школу нынѣшній годъ былъ счастливѣе прошлаго: въ прошлый годъ наибольшее число новыхъ поступленій приходится на ноябрь; въ этомъ году къ ноябрю школа почти заполнилась.

Изъ 37 учениць, посѣщавшихъ школу въ прошлый годъ, въ нынѣшній явилось 23 ученицы, т. е. 62%; вновь записалось 63 ученицы, всего 86 человѣкъ. Изъ нихъ въ продолженіе года выбыло 18, т. е. 20,9%. Къ концу года въ женской школѣ было 68 учениць. Изъ 56 учениковъ мужской школы 20 человѣкъ были ученики городского и 2-хъ класснаго училища; трое—жители города, а остальные 33 человѣка были подростки изъ ближайшихъ деревень.

Но хотя мужская школа быстро организовалась, за то она быстро почти и исчезла. 20 ученикамъ городского училища инспекторъ запретилъ посѣщать воскресную школу. Деревенскіе жители, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, тоже вяло посѣщали школу, такъ что въ среднемъ каждый ученикъ

сдѣлалъ только 5 посѣщеній, а подъ конецъ года въ школу ходило человѣка 3—5.

Самыми аккуратными по посѣщенію въ женской школѣ были ученицы неграмотной и старшей группы, что объясняется сознательнымъ отношеніемъ ихъ къ дѣлу. Неграмотная группа состояла изъ взрослыхъ лицъ, поставившихъ себѣ цѣлью быть грамотными. Манкировки у нихъ бывали рѣдки и то въ крайнихъ случаяхъ. Старшая группа состояла изъ дѣвушекъ, кончившихъ народную школу и желавшихъ расширить кругъ своихъ знаній. Нѣкорыя изъ нихъ посѣщаютъ воскресную школу уже 3 г., нѣкоторыя 2. Онѣ также стараются дѣлать какъ можно меньше манкировокъ. Аккуратность посѣщеній въ этой группѣ была бы еще выше, если бы не разница во взглядахъ на права и задачи воскресной школы у преподавателей и инспектора. Вслѣдствіе этого несогласія во взглядахъ, инспекторъ не допускалъ въ этой группѣ намѣченныхъ учащими уроковъ, и ученицы сидѣли безъ дѣла, такъ какъ учащія готовились именно къ этому уроку, а не къ какому либо другому. Даже самую группу кончившихъ инспекторъ находилъ незаконной въ воскресной школѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, воскресныя школы существуютъ только для неграмотныхъ, а для кончившихъ должны быть повторительные классы. Конечно, результатомъ этого несогласія было порѣденіе группъ, такъ какъ, посвящая свой воскресный досугъ школѣ, ученицы желаютъ использовать его какъ можно продуктивнѣе; по волѣ же инспектора онѣ оставались или вовсе безъ дѣла, или занимались не тѣмъ, чѣмъ имъ было интересно; вслѣдствіе этого нѣкоторыя изъ учащихся въ слѣдующія воскресенья уже не приходили.

Болѣе слабая аккуратность посѣщеній въ другихъ группахъ объясняется отчасти менѣе сознательнымъ отношеніемъ ученицъ этихъ группъ къ занятіямъ; отчасти недостаткомъ учащихъ, вызваннымъ распоряженіями инспектора. Приходилось соединять по двѣ группы, что очень невыгодно отражалось на аккуратности посѣщенія школы ученицами: занятія пріобрѣтали случайный характеръ; заниматься приходилось тѣмъ, что слѣдуетъ по программѣ и чѣмъ ученицы уже были заинтересованы, а не тѣмъ что было назначено въ той группѣ, куда онѣ попали. Итакъ, постепенно ученицы такой группы теряютъ интересъ къ дѣлу. Вообще же можно замѣтить, что всевозможныя ограниченія, которыя старался внести инспекторъ, вродѣ запрещенія занятій по допущенной во всѣ воскресныя школы „Книгѣ взрослыхъ", запрещенія иллюстрированія уроковъ туманными картинами и т. п., не могли благопріятно отразиться на жизни воскресной школы. Конечно, учащіе не подчинялись этимъ требованіямъ, такъ какъ считали себя въ правѣ дѣлать то, что разрѣшено закономъ и допущено въ другихъ воскресныхъ школахъ; но сколько нужно было тратить энергіи, чтобы отстоять свои права!

Передъ началомъ занятій учащіе выработали программы каждый по своему предмету или по своей группѣ и представили ихъ на обсужденіе педагогическаго совѣта школы. Изъ представленныхъ программъ, какъ было уже сказано, пришлось выполнить только нѣкоторыя. Такъ, главное мѣсто по отведенному времени занимала въ старшей группѣ литература, такъ какъ подъ литературу же пошелъ урокъ, раньше предназначенный для физики; воспитательное и образовательное значеніе художественно-литературныхъ произведеній неоспоримо, а потому учащіе нашли желательнымъ введеніе въ курсъ воскресной школы уроковъ по литературѣ. Уроки эти предназначались для старшаго отдѣленія, какъ болѣе подготовленнаго для воспринятія содержанія

и идей произведенія. Но такъ какъ ученицы не знакомы съ формами произведеній, то рѣшено было попутно познакомить и съ ними; какъ-то: съ комедіей, драмой, романомъ, дать понятіе о художественномъ типѣ. Главное же вниманіе признано желательнымъ обратить на содержаніе литературнаго произведенія, посколько оно отражаетъ дѣйствительную жизнь и само вліяетъ на нее. Кромѣ того, выработаны были программы по геологіи, русской исторіи, естествовѣдѣнію, физикѣ и гигіенѣ. Уроки физики и гигіены некому было вести съ уходомъ изъ школы по распоряженію инспектора части учащихъ. Остальные же предметы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ первой старшей группѣ 2 часа шло на уроки по литературѣ, а 3-й часъ на геологію. Во второй старшей группѣ 1-й урокъ естествовѣдѣніе, 2-й письмо и 3-й русская исторія. Въ мужской школѣ на уроки естествовѣдѣнія 2 группы соединялись вмѣстѣ, русская же и географія проходились только въ одной старшей группѣ. Всѣ эти программы проходились примѣнительно къ „Книгѣ взрослыхъ“.

Въ нынѣшнемъ году былъ устроенъ только одинъ праздникъ для учащихся воскресной школы. Праздникъ этотъ былъ устроенъ на Рождествѣ въ память Некрасова. Въ началѣ вечера была прочитана біографія поэта, затѣмъ ученицы читали заученныя ими стихотворенія; чтеніе разнообразилось живыми картинами, приноровленными къ содержанію стихотвореній.

При воскресной школѣ имѣется ученическая библіотека, состоящая изъ 691 книги. Нынѣшній годъ въ библіотеку поступило новыхъ книгъ 180 экземпляровъ на сумму 107 р. 29 к. Внѣклассное чтеніе въ нынѣшній годъ было поставлено нѣсколько правильнѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы. Такъ выдачей книгъ завѣдывало отдѣльное лицо. Выдача производилась ежедневно, такъ что задержки въ перемѣнѣ прочитанныхъ книгъ не было. Каждой ученицѣ сразу выдавалось по нѣсколько книгъ, смотря по ихъ толщинѣ и серьезности, а также степени начитанности ученицы. Книгами пользовались почти всѣ учащіеся, кромѣ группы неграмотныхъ, изъ которой учащіеся стали брать послѣ Рождественскихъ праздниковъ, когда справились съ механизмомъ чтенія. Всѣхъ выдачъ было 2.420. Каждый учащійся въ среднемъ прочиталъ за годъ 39 книгъ. Читался по преимуществу отдѣлъ по беллетристикѣ, былъ хорошій спросъ на книги по естествовѣдѣнію и по исторіи, были любители и путешествій, но ихъ не особенно много, приблизительно 5% всѣхъ учащихся.

Итакъ, изъ приведенныхъ цифръ отчета видно, что женская школа сравнительно съ прошлымъ годомъ выросла въ $2^1/_2$ раза. Слѣдовательно, среди женскаго населенія г. Торжка есть спросъ на грамотность. Однако, нельзя закрывать глаза на положеніе дѣла въ женской воскресной школѣ и представлять, что она процвѣтаетъ. Это далеко не такъ. Изъ цифръ отчета видно, что 40 ученицъ были кончившія народную школу. Эти ученицы пришли уже не за простой грамотой, а требовали отъ школы извѣстнаго количества знаній и развитія. Учащія пошли навстрѣчу этому стремленію ученицъ, но встрѣтили противодѣйствіе своимъ начинаніямъ со стороны инспектора. Это противодѣйствіе отнимало и дорогое въ воскресной школѣ время, такъ какъ учащимъ приходилось вмѣсто уроковъ употреблять его на отстаиваніе своихъ правъ, и вообще мѣшало правильному развитію школы. Такимъ образомъ, на воскресной школѣ г. Торжка приходится лишній разъ наблюдать, какъ тормозится работа просвѣтительныхъ учрежденій.

Десятилѣтіе Екатеринодарскихъ воскресныхъ школъ *).

21 ноября прошлаго года мужская и женская воскресныя школы Екатеринодарскаго благотворительнаго общества праздновали десятилѣтіе своего существованія. Десять лѣтъ въ жизни учрежденія, созданнаго инипіативой общества и существующаго исключительно добровольнымъ трудомъ учащихъ— это большой періодъ времени и потому неудивительно, что участники школы рѣшили сдѣлать изъ этого торжества общественный праздникъ. На празднованіе десятилѣтія школъ были приглашены всѣ гласные городской думы, всѣ члены правленія благотворительнаго общества, всѣ бывшіе учителя и учительницы школы, представители печати, вообще лица такъ или иначе выражавшія свое сочувствіе воскресной школѣ и учащіеся. Залъ былъ красиво декорированъ: на одной изъ стѣнъ красовался художественный рисунокъ: „1893—1903 годъ“, „Ученье свѣтъ“ и „1-я воскресная школа“.

Такъ какъ праздникъ былъ посвященъ памяти восьми писателей, которымъ въ продолженіе десяти лѣтъ посвящались ежегодно литературно-музыкальныя утра, то портреты Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, Плещеева и Крылова были помѣщены на щитахъ и красиво декорированы матеріей, зеленью и цвѣтами.

Кромѣ того, была устроена выставка, которая характеризовала жизнь школы съ разныхъ сторонъ. Выставка состояла изъ нѣсколькихъ отдѣловъ.

I отдѣлъ: Уроки кройки, шитья и рукодѣлія. Въ этомъ отдѣлѣ выставлена была масса художественно-исполненныхъ работъ и рукодѣлій, платье, бѣлье, верхнее платье и искусственные цвѣты.

Во второмъ отдѣлѣ было помѣщено все то, что касается организаціи, статистики и постановки учебной части въ воскресной школѣ. Здѣсь же была выставлена статистическая таблица, въ которой жизнь школы была изображена въ цыфрахъ за 10 лѣтъ существованія. Въ этомъ же отдѣлѣ были выставлены чрезвычайно интересныя фотографіи разныхъ группъ учащихся, спеціально приготовленныя для выставки.

Въ третьемъ отдѣлѣ были помѣщены экспонаты школы на нижегородской выставкѣ 1896 г. и дипломъ, полученный школой за привлеченіе въ школу огромнаго числа учащихся и за беззавѣтное отношеніе къ дѣлу.

Въ четвертомъ отдѣлѣ помѣщались статистическія свѣдѣнія по библіотекѣ школы, рекомендательныя тетради, въ которыхъ всѣ книги были распредѣлены по подготовкѣ и возрасту учащихся; тетради съ рецензіями учащихъ на пріобрѣтаемыя въ библіотеку книги и, наконецъ, были выставлены книги для коллективнаго внѣкласснаго чтенія учащихся съ вопросами въ концѣ книгъ и работы учащихся, заключавшихъ отвѣты на вопросы къ книгамъ. Кромѣ того, на выставкѣ были фотографіи прогулокъ учащихъ и учащихся.

Торжество началось молебномъ, на которомъ пѣли ученики и ученицы школы. По окончаніи молебна законоучитель школы протоіерей о Василій Бѣляковъ сказалъ проповѣдь, которая какъ-то особенно гармонировала со

*) Мы рѣшаемся помѣстить это описаніе, хотя оно и является запоздалымъ, такъ какъ оно рисуетъ симпатичный школьный праздникъ устроенный не такъ шаблонно, какъ обычно устраиваются подобныя торжества; интересъ ему придается тѣмъ, что онъ посвященъ памяти ряда русскихъ писателей.

всѣмъ торжествомъ, и сущность которой сводилась къ слѣдующему: воскресныя школы, созданныя обществомъ, будутъ имѣть прекрасное, свѣтлое будущее; онѣ, съ развитіемъ грамотности въ народѣ, обратятся въ народные университеты, и дай Богъ намъ всѣмъ, участникамъ школы, дожить до этого желаннаго времени.

По окончаніи молебна были прочитаны адреса, которыми учащіе привѣтствовали завѣдующаго школой протоіерея о. Созонта Мищенко и законоучителя школы протоіерея о. Василія Бѣлякова.

Послѣ чтенія адресовъ старѣйшею изъ учительницъ, проработавшей въ воскресныхъ школахъ одиннадцать лѣтъ, Р. Г. Хлѣбниковой, была произнесена слѣдующая рѣчь о значеніи воскресныхъ школъ, о значеніи книги въ развитіи просвѣщенія и о значеніи дѣятельности русскихъ писателей въ прогрессѣ русской дѣйствительности.

Десять лѣтъ тому назадъ Екатеринодарское Благотворительное Общество рѣшило открыть женскую и мужскую воскресную школу. 21 ноября 1893 года школа была открыта, и вотъ сегодня мы празднуемъ десятилѣтіе ея существованія. Десять лѣтъ—это долгое время. За десять лѣтъ всякое дѣло, если оно живое, хорошее, полезное дѣло, можетъ окрѣпнуть, пустить крѣпкіе корни, укрѣпиться въ жизни. Я не ошибусь, если скажу, что наша воскресная школа окрѣпла, укоренилась въ жизни и стала любимымъ дѣломъ для учительницъ, для учителей; стала полезнымъ, необходимымъ дѣломъ для населенія нашего города. Конечно, всякое дѣло, если, повторяю, оно живое дѣло, никогда, не остановится въ своемъ развитіи: оно всегда будетъ улучшаться, идти впередъ, и потому о такомъ дѣлѣ никогда нельзя сказать, что оно достигло всего, чего только могло. Поэтому и о нашей воскресной школѣ нельзя сказать, что она достигла самаго высшаго; что дальше впередъ ей уже некуда идти, незачѣмъ расширяться и развиваться. Многое въ ней можно улучшить, много еще силъ можно къ ней приложить. Надо вѣрить, что силы найдутся, что всегда явятся желающіе поработать въ ней, потому что среди образованныхъ людей всегда находились и теперь найдутся такіе, которые пожелаютъ подѣлиться своими знаніями съ неграмотными и малообразованными людьми.

Оглянемся назадъ, посмотримъ на прожитое время нашей школой; мы увидимъ, что школа крѣпнетъ, растетъ, развивается, что не оскудѣваетъ ни учащими, ни учащимися. За десять лѣтъ въ нашей школѣ занимались 264 человѣка учителей и учительницъ, 264 учащихъ приносили въ школу свой трудъ.

Что-же ихъ заставляло работать въ школѣ? Одни приходили научиться, какъ заниматься, какъ обучать грамотѣ другихъ; другіе приходили, можетъ быть, отъ скуки, но большинство учителей и учительницъ шло въ нашу воскресную школу, руководствуясь побужденіями своего сердца; большинство шло поработать для ближняго, помочь ему увидѣть свѣтъ знанія и науки, или, какъ вы, наши ученики и ученицы, говорите, „для души“. За десять лѣтъ поступило въ нашу школу неграмотныхъ учениковъ и ученицъ 1.705 человѣкъ. Всего же въ школѣ за десять лѣтъ учениковъ было 1.495, ученицъ—2.274, а всего въ обѣихъ школахъ 3.769 человѣкъ. За послѣдніе годы число взрослыхъ учащихся все увеличивается: на каждые сто человѣкъ записавшихся приходится 60 человѣкъ взрослыхъ учащихся.

Чего же ищутъ эти люди въ воскресной школѣ? Взрослые рабочіе люди идутъ въ школу, чтобы не только научиться читать, писать, ариѳметикѣ, но

они приходятъ въ воскресную школу съ болѣе серьезными запросами: они интересуются исторіей, географіей, русской литературой, физикой, химіей и другими науками. И воскресная школа по мѣрѣ силъ своихъ и возможности старается удовлетворить этому стремленію къ знанію. Такъ, каждое воскресенье въ этомъ году, какъ и въ прошломъ, кромѣ утреннихъ занятій, по вечерамъ происходятъ чтенія. Въ этомъ году ведутся чтенія по исторіи и по гигіенѣ. Кромѣ того, по праздникамъ устраиваются чтенія разсказовъ и сочиненій нашихъ писателей. Всѣхъ чтеній за прошлый годъ было 40. Праздниковъ въ память писателей или въ память важныхъ историческихъ событій 4. Съ прошлаго же года наши ученики и ученицы стали посѣщать группами городской музей наглядныхъ пособій и статистическій музей, гдѣ имъ давались объясненія. Черезъ два года послѣ открытія нашей школы при ней открылись вечернія занятія по средамъ и пятницамъ для учащихся мужской школы. Вечернія занятія существуютъ уже восемь лѣтъ. Наконецъ, для малолѣтнихъ, которые не поступили въ ежедневныя школы, въ этомъ году устроены занятія по утрамъ пять разъ въ недѣлю, въ домѣ трудолюбія. Кромѣ того, ученицамъ преподаются уроки кройки, шитья и рукодѣлія, а ученикамъ черченіе, а также для ученицъ и учениковъ существуютъ уроки пѣнія.

Средства на содержаніе нашей воскресной школы даетъ Екатеринодарское Благотворительное Общество и наша Городская Дума всегда съ готовностью идущая навстрѣчу всякому дѣлу, которое можетъ послужить распространенію грамотности среди рабочихъ и ремесленниковъ нашего города.

Въ чемъ же еще нуждается наша воскресная школа? Первая и самая важная нужда нашей школы—это имѣть собственное зданіе, которое дало бы возможность расширить задачи школы. Если бы воскресная школа имѣла бы собственное помѣщеніе, то вечернія занятія могли бы производиться не два раза въ недѣлю, а больше. Маленькая школа съ большими удобствами помѣщалась бы въ своемъ зданіи. Можно было бы устроить постоянные классы рукодѣлія для ученицъ и обучать какому нибудь ремеслу учениковъ. Кромѣ того, имѣя собственное зданіе, можно было бы устроить постоянныя разумныя развлеченія для учащихся и, наконецъ, это же зданіе могло-бы быть постояннымъ мѣстомъ отдыха для трудящихся классовъ населенія нашего города. Таковы тѣ задачи, которыя могутъ быть выполнены при непремѣнномъ условіи помѣщенія воскресной школы въ своемъ собственномъ зданіи.

Самая главная задача воскресной школы это пріохотить своихъ учащихся къ чтенію, заставить ихъ полюбить книгу, внушить имъ уваженіе къ нашимъ великимъ писателямъ. Научить прочесть и, главное, научить понимать всякую книгу, развить вкусъ къ хорошей книгѣ—въ этомъ цѣль и задача каждой школы. Если вы научились любить книгу, если вы можете понять ее—вы нашли ключи къ жизни—вы сумѣете понять жизнь; вы сумѣете разсказать многое о жизни темному неграмотному человѣку, однимъ словомъ, вы сумѣете уяснить жизнь себѣ и другимъ. Хорошая книга научитъ васъ многому: если вы занимаетесь хозяйствомъ—она научитъ васъ, какъ лучше вспахать землю, какъ надо удобрять ее, чтобы получить хорошій урожай. Если вы ремесленникъ—книга разскажетъ вамъ, какъ можно улучшить ваше ремесло. Хорошая книга научитъ васъ, какъ надо воспитывать своихъ дѣтей, чтобы изъ нихъ вышли честные люди, которые любили-бы свою родину, работали-бы для общей пользы, для счастья своихъ ближнихъ. Да, великое дѣло умѣть понимать, разбираться въ смыслѣ прочитанной книги Вѣдь жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, жизнь развивается, жизнь усложняется. Нашей ро-

динѣ нужны честные, умѣлые, умные образованные работники—тогда не будетъ ни голодовокъ, ни другихъ несчастій, а чтобы такихъ работниковъ было побольше—надо. чтобы грамотность, образованіе разлилось по Руси, какъ разливается въ половодье огромная широкая рѣка. Книга въ развитіи грамотности, просвѣщенія сыграетъ первую и важную роль Вотъ почему такъ важно научиться понимать книгу.

Наконецъ, какъ хорошо, какъ пріятно послѣ трудового дня отдохнуть надъ страницей писателя или поэта. Какъ хорошо иногда забыть свою подъчасъ безотрадную и тяжелую жизнь и унестись мечтой въ другой міръ, въ иную жизнь. Да, это хорошій отдыхъ, и кто умѣетъ отдыхать за книгой, кто умѣетъ находить утѣшеніе въ книгѣ, тотъ во много разъ счастливѣе неграмотнаго или малограмотнаго.

Каждая годовищина нашей школы всегда посвящалась памяти какого-либо одного изъ нашихъ родныхъ писателей. За десять лѣтъ были праздники въ память Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, Плещеева, и Крылова. Настоящій праздникъ посвященъ памяти этихъ восьми писателей, портреты которыхъ вы видите передъ собой. Кто теперь изъ грамотныхъ не знаетъ имени великихъ писателей и поэтовъ, именъ А. С. Пушкина, Лермонтова, Гоголя? Кто не знаетъ печальника народнаго горя поэта Николая Алексѣевича Некрасова? Кому изъ грамотныхъ не знакомы имена Плещеева, Кольцова, Никитина и Крылова? Всѣ русскіе писатели служили и служатъ своей родинѣ. Какъ же они служатъ родинѣ? Эта служба особенная. Въ стихотвореніяхъ, въ сочиненіяхъ, написанныхъ прозой, они описываютъ нашу жизнь, хорошія и дурныя стороны жизни, они описываютъ наши пороки и недостатки, или же они говорятъ намъ о такой жизни, какой она должна быть. Писатели, наконецъ, своими сочиненіями пробуждаютъ въ насъ любовь къ несчастнымъ, обездоленнымъ; они пробуждаютъ любовь къ своему народу, къ родинѣ. И понемногу и люди, и жизнь измѣняются къ лучшему. Понемногу счастье на землѣ прибавляется а несчастье убавляется.

Я сказала что писатели своими сочененіями исправляютъ людей. Вотъ что одинъ поэтъ написалъ про нашего баснописца Крылова:

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ...

Писатели своими сочиненіями возбуждаютъ въ людяхъ добрыя чувства; они говорятъ, какъ надо исправить, улучшить жизнь. Вотъ что А. С. Пушкинъ самъ про себя сказалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ...

Да, А. С. Пушкинъ великъ и славенъ тѣмъ, что во времена крѣпостного права говорилъ о свободѣ, о необходимости освобожденія крестьянъ. Онъ великъ и славенъ тѣмъ, что своими стихотвореніями пробуждалъ въ людяхъ добрыя чувства. Кромѣ того, Пушкинъ считается величайшимъ изъ писателей не только русскими, но и всѣми другими образованными людьми. Онъ имѣлъ великій даръ, чудный даръ пѣсенъ, даръ красиваго, прекраснаго слова, и этотъ даръ онъ отдалъ на служеніе людямъ.

Я сказала, что писатели пробуждаютъ любовь къ своему родному народу,

любовь къ родинѣ-матери. А вѣдь любовь къ родинѣ—это высшая драгоцѣнность, это самое лучшее богатство народа, и тотъ народъ, у котораго развита сильная любовь къ родинѣ, скорѣе найдетъ пути къ счастью. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, Никитинъ, Плещеевъ учили насъ любить нашу родину, нашъ родной народъ. Но съ особенной силой эта любовь къ родинѣ выражена въ стихотвореніяхъ Некрасова. Да, Некрасовъ горячо любилъ нашъ народъ и своими стихотвореніями научилъ и другихъ полюбить его. Онъ говорилъ въ нихъ о несправедливости крѣпостного права и о многихъ печальныхъ сторонахъ нашей жизни. Вотъ какъ хорошо сказалъ о Некрасовѣ поэтъ Плещеевъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Странѣ своей родной,
Тоски исполненъ безысходной,
Слагалъ онъ пѣснь, и въ пѣснѣ той
Поэтъ о скорби пѣлъ народной,
Пѣлъ о желанныхъ лучшихъ дняхъ,
Народа прозрѣвая силы...
И пѣснь его въ людскихъ сердцахъ
Къ неправдѣ ненависть будила...
Онъ смолкъ... Его не слышать намъ....
Но въ пѣсняхъ полныхъ, вдохновенья,
Онъ юнымъ завѣщалъ пѣвцамъ,
Народу честное служенье.

А какъ высоко самъ Плещеевъ понималъ назначеніе, долгъ писателя, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Сѣй, поэтъ,—говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи: въ сердца людскія вѣчной правды сѣмена“. Хотя не всѣ сѣмена взойдутъ, но иныя пустятъ сильные ростки, и горячее слово поэта, призывъ поэта къ любви, къ состраданію не пропадетъ: оно отзовется въ сердцахъ людей... Послужилъ своими сочиненіями нашей родинѣ и нашъ великій геніальный писатель Ник. Вас. Гоголь. Въ его безсмертной комедіи „Ревизоръ“, въ его геніальномъ сочиненіи „Мертвыя Души“ русская дореформенная жизнь, то-есть жизнь русскаго общества до освобожденія крестьянъ, отразилась, какъ въ зеркалѣ. Лучшіе русскіе люди увидѣли эту жизнь и испугались. Испугъ этотъ былъ прекрасный. Испугались они потому, что въ нашей жизни того времени было много низости, ничтожности, пошлости, неустройства. Многое въ жизни, что раньше считалось простымъ и правильнымъ, благодаря сочиненіямъ Гоголя, оказалось смѣшнымъ, жалкимъ. Произошли перемѣны какъ въ самой жизни, такъ и въ нравахъ и понятіяхъ. Гоголь умеръ, но не умерло его дѣло. Вслѣдъ за нимъ цѣлый рядъ молодыхъ писателей продолжали то великое дѣло, ту великую службу своей родинѣ, о которой такъ много думалъ, такъ горячо мечталъ великій авторъ „Мертвыхъ Душъ“. Имена Некрасова, Тургенева, Григоровича, Толстого, Островскаго, Салтыкова извѣстны всей грамотной Россіи. Всѣ они шли по дорогѣ, указанной имъ ихъ славнымъ предшественникомъ—Гоголемъ: они изображали въ своихъ сочиненіяхъ нашу жизнь такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ прикрасъ, и не боялись выставлять „на всенародныя очи“ всѣ ея недостатки и язвы. Черезъ 9 лѣтъ послѣ смерти Гоголя пало крѣпостное право, а затѣмъ одна за другою въ царствованіе Царя-Освободителя Императора Александра II были проведены тѣ великія реформы, которыя въ корень преобразовали старую Гоголевскую Россію, сдѣлали ее неузнаваемою: былъ уничтоженъ прежній продажный судъ, учреждено земство, введена всеобщая воинская повинность, начались заботы о распространеніи грамотности и о народномъ образованіи.

Всѣ эти перемѣны и улучшенія въ жизни нашей родины, которыя должны повести ее къ большему счастью большаго числа людей, произошли главнымъ образомъ благодаря дружной работѣ нашихъ родныхъ писателей, благодаря ихъ беззавѣтной любви къ родинѣ, къ ближнимъ.

И вѣрьте... ихъ голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучалъ!

Послѣ рѣчи были прочитаны привѣтствія, полученныя школой. Особенной теплотой и задушевностью отличалось письмо учительницъ харьковской частной женской воскресной школы, подписанное сорока учительницами.

Послѣ чтенія поздравленій ученики и ученицы декламировали стихотворенія писателей, памяти которыхъ былъ посвященъ праздникъ.

Осмысленное, вполнѣ сознательное произнесеніе стихотвореній произвело на присутствующихъ прекрасное впечатлѣніе. Особенно прочувствованно было продекламировано стихотвореніе Плещеева „Всѣ люди братья". Это стихотвореніе было какъ-бы апоѳеозомъ праздника, и, вѣроятно, въ этотъ моментъ всѣ присутствующіе хотя на мгновеніе почувствовали себя братьями.

Исполненіе музыкальныхъ номеровъ доставили учащимся, какъ всегда, высокое наслажденіе.

По окончаніи торжества начальникъ области обратился къ учащимся школы съ немногими теплыми словами, совѣтуя имъ проводить праздники за книгой, и затѣмъ благодарилъ руководителей и учащихъ воскресной школы.

Такъ закончился знаменательный день въ жизни воскресной школы екатеринодарскаго благотворительнаго общества.

Пожелаемъ-же школѣ, чтобы она во второе десятилѣтіе своего существованія пользовалась еще большимъ сочувствіемъ какъ народа, такъ и общества и шла неуклонно впередъ по пути развитія и преуспѣянія.

Хроника профессіональнаго образованія.

Высшіе профессіональные курсы.—Вопросъ объ учрежденіи техническаго училища въ Могилевѣ.—Мореходныя школы.—Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній.—Ремесленныя школы и курсы.—Учебныя корзиночныя мастерскія.—Профессіональное образованіе для женщинъ.

По словамъ „Нов. Вр.", въ новомъ помѣщеніи центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ 4 октября состоялось открытіе статистическихъ курсовъ, на которомъ присутствовали министръ внутреннихъ дѣлъ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, градоначальникъ ген.-ад. Фуллонъ, д. т. с. Борковскій, сенаторъ Н. А. Звѣревъ, д. с. с. Мордвиновъ, д. с. с. Гурко, д. с. с. Кулаковскій, ген.-м. Даниловскій и мн. др. По окончаніи молебствія и осмотра помѣщенія князю Святополкъ-Мирскому были представлены директоромъ центральнаго статистическаго комитета г.-м. Золотаревымъ чины администраціи и преподаватели курсовъ.

7-го ноября, какъ сообщаютъ „Бирж. В.", состоялся первый выпускной актъ на желѣзнодорожныхъ курсахъ Императорскаго русскаго техническаго общества. Открытые въ сентябрѣ минувшаго года курсы эти привлекли вни-

маніе не только служащихъ желѣзно-дорожныхъ управленій, но и учащихся въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. За нѣсколько дней до ихъ открытія была уже прекращена запись слушателей. Возлагаемыя на курсы надежды вполнѣ оправдались. Окончили курсъ первыми, съ вознагражденіемъ именными жетонами отъ общества: Воронкова, Мезавцева и Свѣтозаровъ. Въ числѣ 72 слушателей, обучавшихся на курсахъ и окончившихъ ихъ, состояло: 9 дѣйствительныхъ слушательницъ, 55 дѣйствительныхъ слушателей и 8 вольнослушателей.

Изъ Могилева губ. въ ту же газету пишутъ, что въ прошломъ году могилевцы не мало тѣшили себя мыслью объ учрежденіи университета. Споръ, затѣянный по этому поводу городами сѣверо-западнаго края, хотя еще не разрѣшился, но все же послужилъ для ихъ городскихъ управленій своего рода спортомъ. Увлеченная имъ, могилевская дума ассигновала 300 т. руб. на университетъ и большое количество земли. Теперь, въ виду сокращенія кредитовъ по случаю войны, вопросъ объ университетѣ не обѣщаетъ скоро разрѣшиться, почему могилевскимъ губернаторомъ поднятъ вопросъ объ открытіи въ Могилевской губ. средняго механико-техническаго училища. Губернаторъ вошелъ поэтому въ сношеніе съ попечителемъ виленскаго учебнаго округа, который сообщилъ, что на постройку зданій училища потребуется до 372 тыс. рублей, а на содержаніе—31 тыс. рублей въ годъ, считая въ училищѣ 160 человѣкъ. Открытіе такого учебнаго заведенія въ Могилевѣ представляется весьма важнымъ, въ виду крайне ограниченнаго числа профессіональныхъ школъ въ губерніи. Вопросъ этотъ поставленъ довольно широко и переданъ начальникомъ губерніи на заключеніе и утвержденіе земскаго и городского управленій, съ предложеніемъ объ ассигнованіи на это дѣло извѣстныхъ суммъ. Кромѣ того, г. начальникъ губерніи просилъ земскихъ начальниковъ принять это дѣло подъ свое особое попеченіе и передать его на обсужденіе волостныхъ сходовъ, разъясняя послѣднимъ всю пользу подобнаго училища. Инициаторы надѣются на пожертвованія частныхъ лицъ.

Какъ передаетъ „Торгово-Пр. Газ.“, въ главномъ управленіи торговаго мореплаванія и коммерческихъ портовъ обращено вниманіе на то обстоятельство, что существующая система подготовки въ мореходныхъ классахъ лицъ для занятія въ коммерческомъ флотѣ должностей капитановъ судовъ и ихъ помощниковъ, а также установленный закономъ порядокъ выдачи дипломовъ на право занимать указанныя должности безусловно не удовлетворяютъ своему назначенію и требуютъ коренныхъ преобразованій. Для всесторонняго обсужденія этого вопроса при управленіи будетъ образована коммиссія съ участіемъ различныхъ представителей.

Корреспондентъ „Нов. Вр.“ изъ Самарскаго уѣзда, сообщаетъ, что Красно-Поселенская сельско-хозяйственная школа въ теченіе своего пока еще недолгаго девятилѣтняго существованія выпустила 67 воспитанниковъ, большая часть которыхъ служатъ по сельскому хозяйству и въ лѣсномъ вѣдомствѣ. Окончившіе курсъ бывшіе ученики школы (почти всѣ крестьяне) поддерживаютъ связь съ нею постоянною перепискою и обращаются за разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ. Вліяніе школы на окружающее населеніе не лишено значе-

нія: крестьяне покупаютъ улучшенный скотъ и сѣмена, обмѣниваютъ свои сѣмена на улучшенные сорта, приводятъ на случку животныхъ, обращаются въ складъ и мастерскія за орудіями и ремонтомъ ихъ. Имѣются единичные случаи и позаимствованія: весеннее боронованіе озимей, посѣвъ на поляхъ костра. Словомъ, школа, получающая ежегодно земскихъ и министерскихъ денегъ $13^1/_2$ тыс. руб. и ведущая обширное хозяйство на 348 десятинахъ, безъ затраты на него субсидируемыхъ суммъ, потихоньку и полегоньку дѣлаетъ свое благотворное дѣло въ области народной жизни, давая окрестному населенію людей труда и знаній.

Въ маріупольскомъ земствѣ уже нѣсколько разъ разсматривался вопросъ о введеніи въ сельскія народныя школы сельскохозяйственныхъ знаній. Рѣшенію этого вопроса въ окончательной формѣ препятствовало главнымъ образомъ то, что онъ былъ отчасти связанъ съ вопросомъ объ увеличеніи курса въ сельскихъ училищахъ; кромѣ того, собранія не могли придти къ окончательнымъ результатамъ по вопросу о существованіи маріупольской земской фермы. Въ настоящемъ году маріупольское земство вновь задалось вопросомъ о необходимости распространенія среди сельскаго населенія сельско хозяйственныхъ знаній путемъ народной школы, причемъ управа предложила измѣнить для этой цѣли нѣкоторыя условія существованія сельской школы, увеличивъ ея курсъ до четырехъ лѣтъ. Собраніе, по словамъ „Приаз. Края", приняло предложеніе управы, причемъ срокъ обученія въ народныхъ школахъ было постановлено увеличить до 5 лѣтъ. Относительно же фермы, десятилѣтнее существованіе которой ничего кромѣ расходовъ не принесло земству, собраніе рѣшило отпускъ какихъ бы то ни было средствъ на дальнѣйшее содержаніе ея прекратить, поручивъ управѣ поддерживать ее пока хозяйственнымъ способомъ, а детальную разработку вопроса о существованіи фермы передать въ сельско-хозяйственный комитетъ.

Въ настоящее время, когда и въ правительственныхъ сферахъ, и въ ученыхъ обществахъ обсуждается вопросъ о реорганизаціи ремесленнаго ученичества, въ министерство внутреннихъ дѣлъ представлена записка группою петербургскихъ ремесленниковъ, въ которой выражается новый взглядъ на ученичество. Авторы записки, какъ передаютъ „Бирж. В.", находятъ необходимымъ изъять какъ учениковъ, такъ и ученицъ, изъ семей мастеровъ и мастерицъ, въ которыхъ въ настоящее время живутъ обучающіеся. Записка говоритъ о желательности учрежденія ремесленныхъ учебныхъ институтовъ, которые слѣдовало бы организовать на началахъ совершенно отличныхъ отъ, типа нынѣ существующихъ общественныхъ и частныхъ ремесленныхъ училищъ. Оставляя открытыми вопросы о названіи предлагаемыхъ учебныхъ заведеній и средствахъ на ихъ содержаніе, записка указываетъ типъ такого заведенія, въ которомъ можно бы было содержать дѣтей обоего пола въ интернатахъ, а не въ квартирахъ, или въ помѣщеніяхъ собственниковъ ремесленныхъ заведеній. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо учить дѣтей теоріи, для практическихъ же занятій отправлять ежегодно въ разныя частныя мастерскія, подъ руководство обыкновенныхъ мастеровъ и при обыкновенной обстановкѣ ремесленнаго заведенія. Что же касается обученія теоріи и общеобразовательнымъ наукамъ, то записка предлагаетъ нѣсколько измѣнить

систему нынѣшняго преподаванія, а именно, распредѣляя время уроковъ не по часамъ, а по восприимчивости учащихся.

Въ Усмани (Тамб. губ.) актъ и выставка ученическихъ работъ за первый годъ существованія мѣстной рем. школы привлекли очень много публики. Кромѣ представителей города и городскихъ жителей, прибывшихъ изъ уѣзда, на актѣ были всѣ гласные земскаго собранія. Послѣ молебна завѣдывающимъ школою былъ прочитанъ отчетъ о состояніи школы и сказано слово учащимся. Послѣ акта посѣтители осматривали работы учениковъ и школьныя помѣщенія; работы учениковъ, несмотря на неблагопріятный годъ—занятія начались только съ декабря и при неполномъ составѣ преподавательскаго персонала—превзошли всѣ ожиданія: дѣйствительно, школа поставлена образцово и находится, очевидно, въ опытныхъ, умѣлыхъ рукахъ. Работъ множество, и исполнены онѣ хорошо. Поэтому земское собраніе единогласно постановило, какъ пишутъ въ „Бирж. В.", не останавливаясь на затратахъ на такое доброе дѣло, ходатайствовать о расширеніи и преобразованіи школы. Собраніе ассигновало 700 р. на устройство общежитія для дѣтей бѣдныхъ крестьянъ уѣзда.

Въ Тулѣ 31-го октября открылись курсы рисованія въ связи съ гравировкой, чеканкой и травкой по металлу, примѣнительно къ тѣмъ издѣліямъ, которыя вырабатываются въ Тулѣ, какъ то: ружья, самовары, замочно-петельные и дверные приборы. Иниціаторомъ курсовъ, — какъ сообщаютъ „Тульск. Губ. В.",— является комитетъ общества для содѣйствія и развитія кустарной промышленности въ Тульской губерніи. Чтобы работы на курсахъ велись возможно ближе къ потребностямъ мѣстной промышленности комитетъ предлагаетъ фабрикантамъ и хозяевамъ кустарныхъ мастерскихъ, въ случаѣ желанія кого-либо изъ ихъ рабочихъ изучать названныя искусства, посылать ихъ на курсы. Отъ поступающихъ требуется, чтобы всѣ были грамотны, знали слесарное дѣло и обнаруживали способность къ рисованію. Число желающихъ ограничено. Принято будетъ не болѣе 40 человѣкъ. Изучаться будутъ на курсахъ тѣ стороны рисованія, гравировки и травки, которыя могутъ найти примѣненіе въ изготовляемыхъ фабриками или мастерскими издѣліяхъ. Плата за курсы самая незначительная—2 рубля въ годъ, причемъ всѣ учебные матеріалы будутъ выдаваться безплатно.

Въ концѣ 90-хъ годовъ проявился интересъ къ вопросу о развитіи и насажденіи корзиночнаго промысла среди крестьянскаго населенія и съ этого времени начали возникать, по иниціативѣ земствъ и частныхъ лицъ, учебныя корзиночныя мастерскія. Вообще, можно сказать, что корзиноплетенію отдается исключительное вниманіе, и этому ремеслу теперь обучаютъ и въ тюрьмахъ, и въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, и въ народныхъ школахъ. Такое распространеніе корзиноплетенія объясняется свойствами самаго ремесла: его простотою и доступностью даже для малолѣтнихъ, дешевизною обзаведенія инструментами и принадлежностями мастерства и изобиліемъ ивняка, растущаго въ дикомъ состояніи во многихъ мѣстностяхъ Россіи; къ этому надо присоединить предпринятыя министерствомъ земледѣлія работы по насажденію шелюги для укрѣпленія летучихъ песковъ, такъ какъ эти посадки даютъ дешевый матеріалъ, не имѣвшійся до того въ данной мѣстности. Одно-

временно съ учрежденіемъ учебныхъ мастерскихъ по корзиноплетенію въ министерство земледѣлія стали поступать ходатайства о матеріальной поддержкѣ этихъ заведеній и до настоящаго времени министерствомъ субсидировались 14 корзиночныхъ мастерскихъ, изъ которыхъ 9—земскихъ, а 5 — открыты частными лицами. При такомъ положеніи вещей у Отдѣла Сельской Экономіи явилось желаніе выяснить, насколько успѣшна дѣятельность мастерскихъ, какъ поставлено въ нихъ обученіе и отвѣчаютъ ли эти мастерскія тѣмъ задачамъ, которыя преслѣдуетъ отдѣлъ, участвуя въ расходахъ на ихъ содержаніе. Въ этихъ цѣляхъ Отдѣломъ былъ командированъ, въ началѣ текущаго года, кустарный техникъ инженеръ Н. А. Филипповъ. Изъ отчета г. Филиппова видно, что субсидируемыя министерствомъ 14 мастерскихъ, распредѣляются по губерніямъ слѣдующимъ образомъ: одна—въ Тульской губерніи, пять—въ Курской губерніи, четыре—въ Воронежской губ., двѣ—въ Черниговской губ., одна—въ Харьковской губ. и одна—въ Московской губерніи. Въ большинствѣ случаевъ мастерскія учреждались съ цѣлью насажденія промысла и притомъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе никогда не занималось плетеніемъ и вообще не имѣетъ пособныхъ къ земледѣлію промысловъ, но сильно въ нихъ нуждается. Только 4 учебныя мастерскія находятся въ селахъ, остальныя же помѣщаются въ городахъ. Хотя въ деревнѣ мастерская была бы, такъ сказать, ближе къ народу, но съ другой стороны съ деревнею связываются нѣкоторыя неудобства: трудно найти подходящее помѣщеніе для мастерской, затруднительно имѣть регулярный надзоръ за нею, а также—довольствовать учениковъ, и кромѣ того, усложняется организація сбыта издѣлій. Между тѣмъ, въ городѣ, помимо доступности всего указаннаго, является возможнымъ широко распространить свѣдѣнія въ народѣ о дѣятельности мастерской, такъ какъ городъ, въ базарные дни, привлекаетъ къ себѣ крестьянъ изъ разныхъ мѣстностей. Въ силу этихъ соображеній, подсказанныхъ практикою, многія мастерскія, находившіяся прежде въ селахъ, переведены теперь въ города. Что касается снабженія мастерскихъ матеріаломъ для работы, то въ этомъ отношеніи всѣ онѣ, за исключеніемъ одной, находятся въ благопріятномъ положеніи, такъ какъ устроены въ мѣстностяхъ, изобилующихъ дико ростущимъ ивнякомъ, или же—въ районахъ шелюговыхъ посадокъ. Обращаясь къ помѣщеніямъ, въ которыхъ находятся мастерскія и живутъ ученики, приходится сказать, что всѣ они, въ большей или меньшей степени, неудовлетворительны и ни одно нельзя признать за хорошее, отвѣчающее своему назначенію. Число учениковъ въ разныхъ мастерскихъ—различно, колеблясь отъ 4 до 15, причемъ грамотныхъ значительно больше, чѣмъ неграмотныхъ; объясняется это явленіе тѣмъ, что грамотные мальчики болѣе любознательны и охотнѣе идутъ въ мастерскія; кромѣ того, при возникающей конкуренціи, руководители мастерскихъ отдаютъ предпочтеніе грамотнымъ. Возрастъ для пріема въ ученіе почти нигдѣ не установленъ точно и слѣдовало бы опредѣлить минимумъ таковаго 14 лѣтъ. Продовольствуются ученики въ мастерскихъ, на что расходуется отъ 4 до 5 рублей въ мѣсяцъ на каждаго ученика; въ нѣкоторыхъ мастерскихъ ученикамъ, живущимъ у своихъ родныхъ, выдаются столовыя деньги, но это скорѣе надо разсматривать какъ вознагражденіе за трудъ, тѣмъ болѣе, что и размѣръ такихъ выдачъ зависитъ отъ степени успѣховъ ученика въ работѣ, колеблясь отъ 1 р. р. до 3 руб. въ мѣсяцъ. Учебная сторона дѣла поставлена слѣдующимъ образомъ. Преподавателемъ состоитъ мастеръ, передающій ученикамъ пріемы плетенія, путемъ практическаго показанія. Высшій надзоръ за обученіемъ и

хозяйственной стороной дѣла лежитъ на попечителяхъ, наблюдателяхъ, завѣдующихъ, которыми являются представители земства, учредители мастерской, или лица изъ мѣстнаго общества. Такъ какъ всѣ эти лица, въ большинствѣ случаевъ, не обладаютъ достаточнымъ знакомствомъ съ мастерствомъ плетенія, то самая отвѣтственная сторона обученія, какъ-то, начертаніе программы курса, распредѣленіе работъ по годамъ обученія, провѣрка знаній учениковъ, лежитъ на компетенціи мастеровъ. Между тѣмъ, мастера эти, въ большинствѣ малограмотные (есть даже и совсѣмъ неграмотные), обладаютъ подготовкою только практическою и не имѣютъ свѣдѣній ни по техникѣ ремесла, ни по расцѣнкѣ товара, а также не знакомы ни съ рисованіемъ, ни съ черченіемъ; къ этому надо присовокупить, что многіе изъ мастеровъ-учителей являются спеціалистами только по выдѣлкѣ опредѣленныхъ видовъ издѣлій и далеко не искусны въ издѣліяхъ, не составляющихъ ихъ спеціальности. Въ общемъ мастера-руководители совершенно неподготовлены къ инструкторской дѣятельности, и въ этомъ состоитъ самая слабая сторона описываемыхъ мастерскихъ. Эти мастера даже не понимаютъ, что должна быть извѣстная послѣдовательность въ преподаваніи ученикамъ пріемовъ ремесла и что задача обученія состоитъ въ томъ, чтобы облегчить усвоеніе этихъ пріемовъ учениками въ возможно короткое время. Изъ вышеизложеннаго видно, что учебное дѣло въ мастерскихъ не представляетъ планомѣрной, педагогически осмысленной дѣятельности, а ведется почти съ тѣми пріемами, какіе употребительны въ промышленныхъ заведеніяхъ. Участіе попечителей мастерскихъ до нѣкоторой степени смягчаетъ недостатки преподаванія, и благодаря этому, даже при такихъ неподходящихъ учителяхъ, обученіе всетаки даетъ положительные результаты. Но эти результаты оставляютъ желать многаго. Такъ, напр., всѣ издѣлія мастерскихъ, даже самыя лучшія, непремѣнно имѣютъ какіе-либо недостатки и чаще всего встрѣчается неравенство угловъ или сторонъ въ правильныхъ геометрическихъ фигурахъ, ассиметрія въ криволинейныхъ фигурахъ, несоотвѣтствіе въ прочности отдѣльныхъ частей, небрежность въ выполненіи деталей, почитаемыхъ почему нибудь незначительными и т. п. Значительнымъ пробѣломъ въ программѣ обученія является отсутствіе преподаванія въ мастерскихъ графическихъ искусствъ. Изображая на бумагѣ окружность, квадратъ, прямоугольникъ и проч., ученики знакомятся со свойствами этихъ линій и фигуръ и научаются повѣркѣ ихъ правильности; пріобрѣтая способность къ зарисовыванію разныхъ формъ корзиночныхъ издѣлій, ученики расширяютъ этимъ свою ремесленную опытность, а болѣе способные—будутъ въ состояніи самостоятельно разнообразить свои издѣлія, а не слѣпо копировать чужіе образцы.

Дѣйствительно, естественное улучшеніе техники идетъ всегда туго, особенно при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится наша кустарная промышленность, и учебныя мастерскія только тогда будутъ вполнѣ отвѣчать своему назначенію, когда выпускаемые ими мастера будутъ всесторонне знакомы съ ремесломъ и владѣть имъ настолько, чтобы приспособляться къ требованіямъ рынка. Такой мастеръ всегда сдѣлаетъ свое ремесло доходнымъ такъ какъ не затруднится, при колебаніяхъ въ спросѣ, перейти къ выдѣлкѣ новыхъ болѣе ходкихъ предметовъ. Наконецъ, въ кустарномъ трудѣ весьма цѣнною его стороною является его индивидуальность, чѣмъ онъ и отличается отъ фабричнаго и надо принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы кустари имѣли средства для проявленія своей индивидуальности въ работахъ, а это возможно лишь при хорошей подготовкѣ и надлежащемъ обученіи. Кромѣ того, искусный

мастеръ значительно сильнѣе въ борьбѣ за цѣну даже въ области такихъ производствъ, которыя находятся въ рукахъ у скупщиковъ, и нельзя отрицать, что власть скупщика надъ кустаремъ обратно пропорціональна искусству послѣдняго.

Недостатки въ постановкѣ учебнаго дѣла сознаются лицами, стоящими близко къ мастерскимъ, но они лишены возможности внести въ эту область значительное улучшеніе за отсутствіемъ надлежащаго преподавательскаго персонала, котораго не откуда взять, такъ какъ нигдѣ въ Россіи не имѣется ни одного учебнаго учрежденія, подготовляющаго мастеровъ къ инструкторской дѣятельности. Въ виду этого закрылись три учебныя мастерскія, учредители которыхъ, несмотря на свое желаніе содѣйствовать развитію корзиноплетенія, сознали, что при подобной постановкѣ учебнаго дѣла мастерская не можетъ дать многаго въ отношеніи улучшенія техники и подъема производства на надлежащую высоту. Чтобы учебныя мастерскія могли принести широкую пользу, настоятельно необходимо учрежденіе инструкторской мастерской, откуда выходили бы хорошо обученные мастера-руководители. Эта задача не по силамъ земству и ее могло бы выполнить министерство земледѣлія, тѣмъ болѣе, что такая инструкторская школа будетъ обслуживать не одну какую-либо губернію или районъ, а всю Россію. Для уменьшенія затратъ возможно реорганизовать одну изъ существующихъ мастерскихъ, примѣнительно къ болѣе широкой задачѣ; кромѣ сокращенія расходовъ это преобразованіе ускорило бы полученіе результатовъ, такъ какъ черезъ два года можно было бы имѣть уже достаточное количество подготовленныхъ мастеровъ. Но, безъ сомнѣнія, нельзя оставлять существующія мастерскія въ настоящемъ положеніи, а потому было бы полезно выработать для нихъ учебныя программы работъ и снабдить ихъ печатными пособіями по корзиноплетенію. Этимъ путемъ возможно упорядочить преподаваніе мастерства даже и при существующемъ составѣ учителей.

Обращаясь къ другимъ сторонамъ дѣятельности мастерскихъ, надлежитъ сказать, что срокъ обученія установленъ, въ большей части, въ 3 года, причемъ продолжительность учебнаго года въ разныхъ мастерскихъ колеблется отъ 8 до 10 мѣсяцевъ; каникулы всюду совпадаютъ съ началомъ полевыхъ работъ. Распредѣленіе рабочаго времени и число рабочихъ часовъ также разнообразятся по мастерскимъ: въ нѣкоторыхъ работа начинается въ 6 ч. утра, въ другихъ—въ $8^1/_2$; оканчиваются занятія, въ большинствѣ, въ 7 ч. вечера, но есть мастерскія, гдѣ рабочій день оканчивается въ $5^1/_2$ час. вечера. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ продолжительность рабочаго дня равняется 11 часамъ, что надо признать нераціональнымъ, и вообще слѣдовало бы установить норму въ 8 час.

Есть еще одинъ факторъ, затрудняющій дѣятельность мастерскихъ, это—досрочное оставленіе учениками мастерской, наблюдаемое почти во всѣхъ мастерскихъ, но въ нѣкоторыхъ принимающее столь широкіе размѣры, что, затрудняя преподаваніе, ведетъ къ совершенно непроизводительнымъ расходамъ. Главною причиною этого явленія слѣдуетъ признать бѣдность нашего крестьянскаго населенія, вслѣдствіе чего въ семьѣ цѣнятъ дѣтей, особенно мальчиковъ, какъ рабочую силу, и часто ничтожная выгода въ настоящемъ заставляетъ крестьянина взять своего сына изъ ученія, такъ какъ онъ предпочитаетъ эту выгоду отдаленной и проблематичной пользѣ отъ корзиночнаго ремесла. Но отношеніе родителей къ ученію дѣтей совершенно мѣняется, если они видятъ, что мастерская дастъ нѣкоторый заработокъ ихъ дѣтямъ.

Во всѣхъ мастерскихъ изготовляемыя учениками издѣлія поступаютъ въ продажу и въ большинствѣ случаевъ охотно раскупаются; крестьяне, видя, что трудъ ихъ дѣтей доставляетъ доходъ мастерской, считаютъ справедливымъ, чтобы часть этого дохода поступала въ пользу учениковъ, забывая о тѣхъ расходахъ, которые всецѣло несетъ мастерская. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ ученики получаютъ вознагражденіе — въ видѣ ежемѣсячной платы, или опредѣленнаго процентнаго отчисленія, и приходится согласиться, что это единственно дѣйствительная мѣра, удерживающая родителей отъ того, чтобы брать до срока своихъ дѣтей изъ ученія.

Существуетъ еще одна характерная особенность въ постановкѣ учебнаго дѣла въ мастерскихъ, которая неблагопріятно отражается на успѣхахъ преподаванія. Какъ указано выше, большая часть мастерскихъ пополняетъ свой бюджетъ продажею изготовленныхъ издѣлій и выполненіемъ заказовъ. Такое соединеніе учебнаго дѣла съ торговымъ, приближая школу къ жизни, не приноситъ никакого вреда, но при условіи, чтобы учебное дѣло не было подчинено торговому. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мастерскихъ отдается слишкомъ большое вниманіе пріобрѣтенію заказовъ и приготовленію такихъ издѣлій, которымъ сбытъ вѣрнѣе обезпеченъ, вслѣдствіе чего ученики, дѣлая однородные предметы, пріобрѣтаютъ одностороннее знаніе ремесла. Безъ сомнѣнія, это вредно отразится на интересахъ ученика, когда онъ станетъ впослѣдствіи самостоятельнымъ работникомъ. Дорогихъ, или изящныхъ издѣлій, вродѣ мебели изъ цвѣтного камыша, корзинъ для кондитерскаго товара или для цвѣтовъ, мастерскія не производятъ, такъ какъ на эти издѣлія нѣтъ мѣстнаго спроса, и преимущественное вниманіе обращается на выдѣлку ходовыхъ сортовъ корзинъ и мебели.

Обращаясь къ расходамъ на содержаніе учебныхъ мастерскихъ, надлежитъ замѣтить, что они крайне разнообразны; частью размѣры расходовъ зависятъ отъ числа учениковъ, а съ другой стороны и отъ того, какъ поставлена хозяйственная сторона дѣла. Такъ, въ одной мастерской, съ 15 учениками, изъ которыхъ 11 — живутъ при мастерской, расходуется въ годъ на содержаніе и обученіе каждаго ученика по 60 рублей, а въ другой, съ 6 учениками — по 178 руб. Наибольшая часть расхода составляетъ содержаніе мастера, а потому важно, чтобы для надлежащаго использованія труда мастера было достаточное число учениковъ: опытъ показалъ, что одинъ мастеръ можетъ руководить 15 учениками, безъ ущерба для обученія.

Вслѣдствіе кратковременнаго существованія учебныхъ мастерскихъ, вліяніе ихъ на развитіе корзиночнаго промысла не могло выразиться въ замѣтной степени; можно только сказать, что нѣкоторыя мастерскія, имѣвшія уже выпуски учениковъ, повидимому, выполнили свое назначеніе, такъ какъ эти ученики, по выходѣ изъ мастерской, занялись своимъ ремесломъ. Для укрѣпленія корзиночнаго промысла на мѣстахъ серьезное значеніе имѣетъ вопросъ о сбытѣ издѣлій. При небольшомъ производствѣ отдѣльныхъ мастерскихъ, онѣ не испытываютъ затрудненія въ сбытѣ, такъ какъ издѣлія расходятся преимущественно на мѣстѣ, но съ водвореніемъ производства по деревнямъ несомнѣнно придется считаться съ необходимостью расширенія сбыта, иначе промыселъ умретъ. Расчитывать на самостоятельный сбытъ издѣлій самими кустарями едва ли возможно, особенно въ первое время, когда не опредѣлились рынки, размѣръ спроса и когда торговая агентура, въ лицѣ скупщиковъ, отсутствуетъ.

23 октября въ собраніи Императорскаго россійскаго общества садоводства А. И. Мальта, какъ передаютъ „Бирж. В.“, дѣлалъ докладъ о занятіяхъ по огородничеству на женскихъ сельскохозяйственныхъ курсахъ. Эти курсы открыты были въ прошломъ году обществомъ содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію. А. И. Мальта былъ однимъ изъ лекторовъ по теоріи на курсахъ въ Петербургѣ и затѣмъ руководилъ практическими занятіями по тому же предмету въ имѣніи академика Ф. В. Овсяникова въ Лужскомъ уѣздѣ. Курсистки своимъ интересомъ къ лекціямъ, усердіемъ и любовью къ практическимъ занятіямъ побѣдили предубѣжденіе, съ какимъ г. Мальта приступилъ къ своимъ обязанностямъ. Аттестуя ихъ съ лучшей стороны, докладчикъ просилъ общество садоводства придти своимъ авторитетомъ и содѣйствіемъ на помощь обществу содѣйствія сельскохозяйственному образованію женщинъ, намѣревающемуся въ недалекомъ будущемъ преобразовать свои курсы въ сельскохозяйственный институтъ для женщинъ. Общее собраніе рѣшило заняться разработкой вопроса о женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи и, въ частности, вопросомъ объ учрежденіи постоянныхъ курсовъ по огородничеству для сельскихъ учительницъ при царско-славянской сельскохозяйственной школѣ.

„Торг. Пр. Газ.“ сообщаетъ, что 17-го октября въ С.-Петербургѣ на Выборгской сторонѣ, по Б. Сампсоніевскому просп., открылось 1-е безплатное женское ремесленное училище общества распространенія ремесленнаго образованія среди бѣднаго населенія С.-Петербурга и его пригородовъ, въ память 200-лѣтія основанія столицы. Вновь открытое училище расчитано на 20 бѣдныхъ дѣвочекъ. Оно помѣщается въ просторной наемной квартирѣ. По случаю открытія училища было совершено молебствіе причтомъ сампсоніевской церкви въ присутствіи членовъ общества, инспектора промышленныхъ училищъ Н. Ф. Рудольфа, инспектора профессіональныхъ школъ д. с. с. Михайлова, представителей с.-петербургской ремесленной управы и мн. др. Передъ открытіемъ училища, подъ предсѣдательствомъ д. с. с. П. Н. Исакова состоялось чрезвычайное собраніе членовъ общества, на которомъ было постановлено повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества телеграмму съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и благодарности за дарованную обществу милость въ видѣ субсидіи на открытіе училища.

Гимназія имени И. и А. Медвѣдниковыхъ въ Москвѣ.

Въ этомъ году мнѣ пришлось ознакомиться съ мужской гимназіей имени И. и А. Медвѣдниковыхъ въ Москвѣ. Съ своими впечатлѣніями о гимназіи я и беру на себя смѣлость познакомить читателей „Русской Школы“. Въ изложеніи исторіи возникновенія гимназіи, а равно при разборѣ тѣхъ задачъ, которыя она должна осуществить, я буду ссылаться на солидный трудъ директора гимназіи В. П. Недачина: „Московская гимназія имени И. и А. Медвѣдниковыхъ. Основы учебно-воспитательной организаціи и первые годы жизни (1901—1904)“.

Супруги Медвѣдниковы—родомъ изъ Сибири, гдѣ и провели лучшіе годы своей жизни. Мужъ умеръ раньше, жена—позднѣе. Всѣ свои капиталы—

даже по московскимъ понятіямъ очень крупные—она завѣщала на дѣла общественной благотворительности. Душеприказчикъ покойной Н. А. Цвѣтковъ мысль объ учрежденіи гимназіи объяснялъ тѣмъ, что покойная А. К. Медвѣдникова, видя многіе недостатки въ постановкѣ учебнаго дѣла, болѣла душой и внимательно обдумывала средства, какими можно было бы хотя немного облегчить положеніе учащейся молодежи. Среди другихъ проектовъ у ней зародилась мысль создать учебное заведеніе съ новыми началами.

Рѣшеніе покойной благотворительницы всецѣло соотвѣтствовало тому настроенію, которое охватило въ то время всѣ мыслящіе классы—и общественную среду, и міръ педагоговъ. Циркуляромъ своимъ отъ 8 іюля 1899 г. покойный министръ Боголѣповъ съ достаточной рѣшительностью изложилъ свой взглядъ на недостатки современной ему средней школы. Недостатки эти по мнѣнію министра, были слѣдующіе: 1) отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящій сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и ставящій въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; 2) невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ; 3) нежелательная спеціализація школы съ самыхъ младшихъ классовъ, обрекающая дѣтей на извѣстный родъ занятій, прежде чѣмъ выяснились ихъ природныя способности и склонности; 4) чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ; 5) несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ и значительное наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними; 6) недостаточное преподаваніе русскаго языка, русской исторіи, русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающей природой, что, взятое вмѣстѣ, лишаетъ школу жизненнаго и національнаго характера; 7) излишнее преобладаніе древнихъ языковъ и неправильная постановка ихъ преподаванія, благодаря которой не достигается цѣль классическаго образованія, несмотря на отводимое этимъ языкамъ значительное количество часовъ; 8) недостаточная умственная зрѣлость оканчивающихъ курсъ гимназіи, что препятствуетъ успѣшному ходу ихъ университетскихъ знаній.

Несомнѣнно, положенія эти были не новы; но совершенно новымъ явилось откровенное признаніе ихъ руководящими педагогическими сферами.

Главныя положенія учреждавшейся гимназіи имени И. и А. Медвѣдниковыхъ были слѣдующія:

1. На основаніе въ Москвѣ новой гимназіи съ болѣе раціональной постановкой и постепенностью изученія древнихъ и новыхъ языковъ, съ введеніемъ естествознанія—вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія жертвуется: а) капиталъ въ 450.000 рублей и б) недвижимое имущество—каменный домъ и 1.300 кв. саж. стоимостью около 250.000 рублей. Изъ наличнаго капитала 150.000 рублей выдѣляются въ неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго идутъ на содержаніе гимназіи; въ остальной части содержаніе гимназіи относится на счетъ казны. Далѣе—250.000 руб. назначаются на пристройку и приспособленіе жертвуемаго дома для учебнаго заведенія, а 50.000 рублей въ спеціальный капиталъ, проценты съ котораго идутъ на улучшеніе учебно-воспитательной части, а именно: а) добавочное содержаніе служащихъ, на улучшеніе физическаго воспитанія учащихся (подвижныя игры, ручной трудъ, завтраки, экскурсіи). Въ случаѣ, если на постройку дома 250.000 рублей не хватитъ, то на эту цѣль поступаютъ и указанные 50.000 рублей, а обезпечиваемые процентами съ нихъ (1.300 р.)

расходы пополняются изъ платы за обученіе въ гимназіи. 2) При гимназіи учреждается приготовительная школа съ трехлѣтнимъ курсомъ по программамъ 1897 года для начальныхъ школъ и съ практическимъ обученіемъ новымъ языкамъ. 3) Приготовительная школа съ 3-хъ годичнымъ курсомъ и 2 гимназическихъ класса составляютъ младшее отдѣленіе гимназіи Приготовительная школа содержится на плату за ученіе. Учащіе въ ней избираются преимущественно изъ лицъ, окончившихъ учительскій институтъ или вообще получившихъ званіе учителя уѣзднаго училища и имѣющихъ за собой извѣстный педагогическій опытъ. 4) Древніе языки начинаются—латинскій не ранѣе, какъ съ третьяго класса, и греческій—не ранѣе, какъ съ 5 класса. 5) Изъ всего числа учащихся въ гимназіи освобождаются отъ платы за ученіе учредителемъ 30 мальчиковъ, а до открытія всѣхъ классовъ по 3 чел. на классъ. Они считаются стипендіатами имени Медвѣдниковыхъ.

На вопросъ, какія цѣли собирается преслѣдовать новая гимназія, опредѣленно высказался директоръ гимназіи при открытіи занятій въ новомъ зданіи (еще не совсѣмъ отдѣланномъ) въ сентябрѣ 1903 года: „Мы хотимъ, чтобы изъ нашей школы выходили дѣльные и просвѣщенные люди, съ ясными нравственными и научными идеалами, исполненные добра, правды, возвышенныхъ чувствъ, благородныхъ стремленій, понимающіе цѣль жизни, какъ служеніе на благо другимъ, пріобрѣтшіе тѣ высшія понятія, отъ которыхъ свѣтлѣетъ на душѣ и возвышается умственный горизонтъ“ (стр. 47—48). Достиженіе этихъ цѣлей руководители считаютъ возможнымъ слѣдующимъ образомъ:

„Мы хотимъ дать такъ называемое общее образованіе. Мы хотимъ устранить ненужную для средней школы специализацію отдѣльныхъ предметовъ, уравнять ихъ въ ихъ правахъ, взять отъ нихъ то, что въ нихъ есть общеобразовательнаго, объединить ихъ всѣ въ такомъ направленіи, чтобы они служили одной общей и единой цѣли—цѣли общаго образованія, т. е. расширенію высшихъ понятій о жизни, о человѣкѣ, въ его отношеніи къ обществу и природѣ“.

Еще покойный Стоюнинъ говорилъ, что въ нашей средней школѣ нѣтъ общаго образованія, а есть отдѣльныя спеціальности, не связанныя одной общей идеей—яснымъ представленіемъ того, что потребно для общаго образованія.

Поэтому необходимо прежде всего, чтобы каждый преподаватель на своихъ урокахъ имѣлъ въ виду общую идею, которую должна осуществлять общеобразовательная школа, а не одну только свою науку, какъ особую спеціальность со всѣми тѣми отдѣльными подробностями въ ней, которыя не имѣютъ значенія въ цѣляхъ общаго образованія.

Въ виду этого въ преподаваніи, напр., русскаго языка главной цѣлью изученія долженъ быть не самый языкъ - въ его грамматическомъ, стилистическомъ и историческомъ изслѣдованіи, а содержаніе, мысль, идея, которая составляетъ душу литературнаго произведенія (стр. 114, 183). Курсу грамматики слѣдуетъ придать строго прикладное, служебное значеніе, разсматривая ее главнымъ образомъ какъ средство къ усвоенію орѳографіи. Дѣлать старославянскую грамматику самостоятельнымъ предметомъ учебнаго курса съ цѣлями филологической интерпретаціи нѣтъ никакого основанія, хотя бы ужъ потому, что средняя школа не можетъ преслѣдовать лингвистическихъ цѣлей. Разборъ Остромирова евангелія не составляетъ даже существеннѣйшей части курса IV класса гимназіи. Основой курса и здѣсь, какъ и въ III классѣ,

должно быть чтеніе и разборъ художественныхъ произведеній. Выразительное чтеніе въ младшихъ классахъ должно быть главнымъ мѣриломъ степени пониманія учениковъ литературнаго произведенія. Въ программу старшихъ классовъ введено ознакомленіе съ главнѣйшими представителями иностранной литературы (Дантъ, Сервантесъ, Шекспиръ, Мольеръ, Гете, Шиллеръ, Байронъ) и новѣйшими русскими писателями (Тургеневъ, Гончаровъ, Л. Толстой, Островскій).

Относительно преподаванія исторіи объяснительная записка (стр. 215—222) говоритъ: „Разъ курсъ исторіи имѣетъ въ виду ввести ученика въ кругъ понятій и интересовъ, связанныхъ съ явленіями общественной жизни, то каждое событіе должно занять въ курсѣ свое мѣсто въ зависимости отъ степени его важности въ жизни даннаго общества. Несомнѣнно, что изложеніе войнъ въ настоящихъ учебникахъ занимаетъ непомѣрно большое, ничѣмъ неоправдываемое мѣсто. Возьмемъ учебникъ Иловайскаго, вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ офиціальной программы, — въ немъ войнамъ посвящена почти $^1/_3$ часть всего изложенія отъ временъ Іоанна III до Императора Александра III: если-же взять только новѣйшій періодъ русской исторіи (отъ Екатерины II), то окажется, что войнамъ посвящено болѣе $1^1/_3$ общаго числа страницъ Великая Сѣверная война занимаетъ столько же мѣста, сколько вся внутренняя политика Императора Александра II со всѣми его реформами Къ чему загромождать учебникъ такими свѣдѣніями какъ сватовство Автариса, смерть Ромула, укрощеніе Буцефала, сцена съ матерью Гракховъ? Учебникъ—не лѣтопись, въ которую лѣтописецъ заноситъ все, что показалось любопытнымъ; а голова учащагося—не кладовая, куда можно помѣщать любой попавшійся подъ руку фактъ въ надеждѣ, что когда-нибудь онъ пригодится. Въ школьномъ курсѣ фактъ важенъ не самъ по себѣ, а какъ матеріалъ для достиженія вышеуказанныхъ цѣлей общаго образованія. Въ виду этого новѣйшей исторіи должно быть отведено видное мѣсто, а изученіе ея наиболѣе интенсивно: необходимо, чтобы ученикъ зналъ учрежденія современной Россіи, какъ центральныя, такъ и областныя, правительственныя и сословныя, административныя, судебныя и др., не только умѣлъ назвать ихъ, но и описать ихъ дѣятельность и разсказать, когда и какъ они возникли."

Подобная же руководящая основная мысль легла и въ программу древнихъ языковъ и математики.

Интересно, какъ покойный министръ Боголѣповъ сочувственно относился къ идеѣ созданія школы по новой программѣ и чутко прислушивался къ настроенію общества. На представленный ему проектъ организаціи учебно-воспитательнаго дѣла онъ предложилъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія (письмо министра попечителю округа отъ 7 декабря 1900 г. за № 31425) и между прочимъ писалъ: „Въ виду того, что въ коммиссіи по средней школѣ есть голоса за начало латинскаго языка не съ III, а съ IV класса, было-бы желательно, чтобы душеприказчикъ не ставилъ III классъ непремѣннымъ условіемъ, а выразился бы общѣе,—напримѣръ, „латинскій языкъ не ранѣе III класса", или „чтобы начало древнихъ языковъ было отнесено на болѣе поздніе классы, чѣмъ теперь". Равнымъ образомъ въ виду предположенія въ большинствѣ гимназій сдѣлать обязательнымъ только одинъ латинскій языкъ, а греческій только факультативнымъ, не предпочтетъ ли душеприказчикъ примкнуть къ этому предположенію. Впрочемъ, Министерство можетъ согласиться и на обязательность обоихъ языковъ". (Приложенія стр. 69).

Такое предложеніе министра всецѣло было принято, и состоялось устное соглашеніе сдѣлать греческій языкъ въ гимназіи Медвѣдниковыхъ необязательнымъ для всѣхъ учениковъ, замѣнивъ его для учениковъ другой группы англійскимъ и графическими искусствами. Внезапная смерть Н. П. Боголѣпова лишила его возможности самому довести до желательнаго конца этотъ вопросъ; лица же, окончательно проводившіе въ законодательномъ порядкѣ дѣло учрежденія гимназіи, могли основаться только на однихъ офиціальныхъ данныхъ (ibid. стр. 71).

Одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ программѣ гимназіи занимаютъ новые языки, такъ какъ они признаются могущественнымъ орудіемъ для пріобрѣтенія научныхъ знаній, принадлежащихъ современности и имѣющихъ поэтому особо важное значеніе для цѣлей современнаго образованія. Число часовъ французскаго—23 (не считая 4 въ старшемъ классѣ приготовительной школы и кромѣ того особыхъ часовъ практическихъ занятій этихъ языковъ въ приготовительной школѣ) вмѣсто 19 по программѣ гимназій 1900 г.; нѣмецкаго языка—22 (не считая 2—3 особыхъ часовъ практическихъ занятій въ I классѣ) вмѣсто 19 по программѣ гимназій 1900 г.

Введено міровѣдѣніе, преподаваемое въ I, II и III классѣ—6 часовъ въ недѣлю; и естествовѣдѣніе — въ IV и V кл. 6 часовъ въ недѣлю, — какъ это установлено петербургской коммиссіей. Для физики и химіи отведено 8 часовъ вмѣсто 7 по таблицѣ существующихъ гимназій; исторіи—16 вмѣсто 13 для математики 30 вмѣсто 29, русскаго языка 31 вмѣсто 29, латинскаго языка 30 вмѣсто 42 и греческаго 20 вмѣсто 33.

Предметы факультативные: а) съ VII кл. 1 урокъ—анатомія и физіологія человѣка, и б) въ VIII кл. 1 урокъ—гигіена.

На наглядность и иллюстрированіе уроковъ картинами обращено серьезное вниманіе: корридоры увѣшаны сплошнымъ рядомъ картинъ историческихъ, географическихъ съ типами строительнаго искусства, портретами писателей и ученыхъ.

Очень богаты и въ чудномъ порядкѣ коллекціи минералогическія, орнитологическія; выборъ картинъ для волшебнаго фонаря огромный.

Врачу въ гимназіи довольно много дѣла. По его настоянію заведены для всѣхъ учащихся горячіе завтраки, за которые взимается 12 р. 50 к. въ полугодіе. По его наблюденіямъ, всякое отступленіе отъ правильнаго режима въ дѣлѣ питанія ведетъ къ ослабленію дѣтскаго организма, наблюдается замедленіе роста, иногда упадокъ въ вѣсѣ, общая вялость мышцъ, отсутствуетъ живость движеній, и увеличивается воспріимчивость къ заразнымъ болѣзнямъ. Такъ, въ 1902—3 г. 1 и 2 приготовительный классъ, не пользовавшіеся завтраками въ гимназіи, дали большій процентъ заболѣваемости заразными болѣзнями и большій процентъ отсутствія на урокахъ по болѣзни.

Ежегодно происходитъ обязательный осмотръ дѣтей докторомъ и зубнымъ врачемъ, и результаты осмотра каждаго ученика записываются на особый листъ, причемъ тутъ же устанавливаются и мѣры борьбы съ недомоганіемъ. Докторъ и зубной врачъ ежедневно бываютъ въ гимназіи.

Имѣется въ виду возможное воспитаніе художественныхъ задатковъ и способностей—если не пониманія, то хотя бы чувства красоты; желательно хотя бы безсознательно вводить ихъ въ область прекраснаго. Для этого на стѣнахъ классовъ и корридоровъ развѣшана довольно богатая коллекція гравюръ и фотографій съ лучшихъ произведеній искусства русскихъ и западныхъ худож-

никовъ. Видно, что размѣщены по классамъ они не случайно, а примѣнительно къ возрасту и развитію дѣтей.

Другими вспомогательными средствами, ведущими къ той же цѣли, являются уроки рисованія, лѣпки, пѣнія, музыки, ручного труда, при чемъ уроки рисованія и пѣнія обязательны для всѣхъ. Литературнымъ вечерамъ, концертамъ предполагается дать широкое развитіе, для чего устроена особая зала съ приспособленіями для сцены.

Чувствомъ горячей преданности своему дѣлу вѣетъ отъ картины, рисуемой директоромъ гимназіи, авторомъ указанной выше книги В. П. Недачинымъ: „гимназія хочетъ сдѣлаться для своихъ питомцевъ центромъ ихъ жизненныхъ интересовъ и такимъ мѣстомъ, куда тяготѣли бы ихъ симпатіи, куда они стремились бы придти и провести съ пользой и интересомъ свое свободное время. Пока дѣти малы, она идетъ навстрѣчу ихъ чисто дѣтскимъ интересамъ — устраиваетъ развлеченія, игры. Современемъ, когда они выростутъ и станутъ юношами, она не замедлитъ придти на помощь ихъ болѣе серьезнымъ духовнымъ запросамъ устройствомъ рефератовъ, дебатовъ—подъ разумнымъ и опытнымъ руководствомъ, затѣмъ концертовъ, вечеровъ и проч.“ (Стр. 79—80).

„Молодое учебное заведеніе, говоритъ далѣе г. Недачинъ, стремясь осуществить наиболѣе жизненное и цѣнное изъ всего того, что дала современная педагогическая наука, въ грудѣ трудовъ и фоліантовъ искало однако принципа составляющаго всю педагогическую мудрость. Принципъ этотъ простъ, какъ истина, и великъ какъ она—любите дѣтей—вотъ все!“ (Стр. 87).

Но подобно другимъ серьезнымъ педагогамъ г. Недачинъ признаетъ, что родители должны идти рука объ руку со школой и помогать ей своимъ воздѣйствіемъ на дѣтей. Рѣчи директора къ родителямъ: „Во имя любви къ дѣтямъ и ихъ пользы мы просимъ васъ помочь намъ во всемъ, что мы хотимъ сдѣлать для дѣтей. Безъ этой помощи мы безпомощны, и всѣ наши благія намѣренія обратятся въ дымъ, въ одни жалкія слова. Вы поможете намъ тѣмъ, что будете слѣдовать тѣмъ принципамъ физическаго и нравственнаго воспитанія, которые мы выдвигаемъ... Употребляйте всѣ усилія къ тому, чтобы внушить имъ любовь и довѣріе къ своей школѣ и помните, что не можетъ приносить пользы та школа, которой не вѣрятъ дѣти; никогда при нихъ не подвергайте осужденію ея порядковъ—это такой огромный вредъ въ педагогическомъ отношеніи, съ которымъ можетъ сравниться немногое“. (стр. 57).

Таковы тѣ симпатичныя, широко задуманныя задачи, которыя поставилъ себѣ педагогическій персоналъ гимназіи.

Мы позволимъ себѣ только два замѣчанія. Покойная, оставляя огромный капиталъ 450.000 руб. деньгами и недвижимую собственность, оцѣненную въ 250.000 руб., на благотворительныя цѣли просвѣщенія, думала несомнѣнно о тѣхъ, кто нуждается въ таковой поддержкѣ отъ благотворителей. Сердцу покойной А. К., говоритъ ея душеприказчикъ, близко было молодое поколѣніе—наши дѣти; о нихъ болѣла душою и имъ хотѣла въ учебномъ отношеніи что-нибудь сдѣлать. Что можетъ быть выше такого рѣшенія, что можетъ быть нужнѣе для подростающаго поколѣнія особенно изъ семей неимущихъ, бѣдствующихъ, но всей душой сознающихъ нужду въ знаніяхъ и къ нимъ тянущихся?

Кому же въ дѣйствительности сдѣлано пожертвованіе? Конечно, не дѣтямъ, а министерству народнаго просвѣщенія. Гдѣ же благотвореніе,—когда именемъ покойной освобождаются отъ платы лишь 30 человѣкъ изъ состава всей гимназіи, а пока не открыты всѣ классы, то по 3 человѣка на классъ,—

такъ, въ этомъ учебномъ году стипендіатовъ имени Медвѣдниковыхъ—12. Это—крупинка при огромномъ капиталѣ въ 700.000 рублей, оставленномъ покойной, когда однихъ процентовъ—считая хоть минимально казенный доходъ по 4%—составится въ годъ 28.000 рублей. И мы не можемъ рѣшеніе душеприказчика признать наиболѣе удачнымъ. Онъ понималъ это и самъ, опасаясь совершенно упустить изъ виду самую идею благотворительности (Приложеніе, стр. 55). Установленная же плата за обученіе 100 руб. + 25 руб. за завтраки—сумма для недостаточныхъ родителей болѣе чѣмъ крупная, считая, что съ обученіемъ въ гимназіи, кромѣ платы за обученіе, связанъ цѣлый рядъ расходовъ.

Но этого мало! Оказывается, что въ виду недостатка средствъ и затруднительности завершать благополучно бюджетъ гимназіи, въ текущемъ году возбуждено ходатайство о повышеніи и этой платы.

Что-же тогда выйдетъ? Гдѣ будетъ та добрая цѣль, о которой мечтала покойная Медвѣдникова? Гдѣ 28.000 рублей, составляющихъ минимальную сумму процентовъ съ пожертвованнаго капитала?

Идемъ дальше. Тотъ широкій размахъ, который введенъ въ жизнь гимназіи, потребовалъ значительныхъ расходовъ; Министерство же Народнаго Просвѣщенія даетъ опредѣленную сумму въ годъ на содержаніе гимназіи. Пришлось сразу допустить въ каждый классъ столько учениковъ, что вся отличная въ теоріи организація учебно-воспитательнаго дѣла можетъ быть на дѣлѣ сведена къ нулю. Къ 1 января 1904 года состояло учениковъ:

въ приготовительной школѣ			въ гимназіи		
I кл.	II.	III.	I	II	III
47	53	52	45	49	33

Противъ такого количества учащихся борются даже казенныя гимназіи, которыя обязаны принимать учениковъ до послѣдней возможности. Но для частной гимназіи — такой, какъ мы ее сейчасъ описали, если она хочетъ дѣйствительно осуществить тѣ широкія и глубоко симпатичныя задачи, которыя она себѣ поставила, это положительно недопустимо.

И оба эти факта—переполненіе классовъ учащимися, признаваемое и директоромъ (стр. 54), и повышеніе платы, и безъ того превышающей плату въ казенныхъ гимназіяхъ, падаютъ всей своей тяжестью на учредителя гимназіи Н. А. Цвѣткова. Медвѣдниковская гимназія—пріятный подарокъ школы новаго типа министерству народнаго просвѣщенія, а не исполненіе мечты покойной А. К. Медвѣдниковой, оставившей, по словамъ душеприказчика, все, чѣмъ она располагала на пользу, ближнимъ (стр. 21).

Ник. Тулиновъ.

Дешевыя дѣтскія столовыя Общества Дѣтская Помощь.

Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ учрежденій различныхъ благотворительныхъ Обществъ слѣдуетъ отмѣтить и искренне привѣтствовать сравнительно новое, весьма скромное, но чрезвычайно симпатичное дѣло Дешевыхъ Дѣтскихъ Столовыхъ О-ва „Дѣтская Помощь". На ряду съ яслями и пріютами для самыхъ маленькихъ дѣтей, дѣтскимъ садомъ и

убѣжищемъ для дѣтей постарше, возникаютъ первыя попытки озаботиться питаніемъ дѣтей школьнаго возраста и организовать это дѣло, какъ самостоятельное начинаніе. Первоначально мысль объ этомъ зародилась у нѣкоторыхъ преданныхъ своему дѣлу городскихъ учительницъ, понимавшихъ, насколько важно для дѣтей хоть разъ въ день получать горячую пищу. Между тѣмъ большинство дѣтей фабричныхъ рабочихъ и другихъ неимущихъ классовъ населенія принуждены довольствоваться сухоядѣніемъ, а бѣднѣйшія изъ нихъ не получаютъ даже и хлѣба на завтракъ. Для этихъ то бѣднѣйшихъ дѣтей Городская Дума, по просьбѣ учительницъ, постановила выдавать пособіе въ размѣрѣ 4 к. въ день на каждаго; но на эти деньги можно было устраивать лишь весьма скромный завтракъ, такъ какъ такимъ пособіемъ пользовались обыкновенно человѣкъ 5—6 изъ всей школы и сумма, находившаяся въ распоряженіи учительницы, оказывалась до смѣшнаго незначительной... Остальныя же дѣти приносили съ собою готовый завтракъ, состоящій по большей части изъ 3-х копеечной булки.

Весною 1900-го года одна изъ заинтересованныхъ этимъ дѣломъ городскихъ учительницъ, обратившись къ члену О-ва „Дѣтская Помощь“ Ю. П. Щепкиной, указала ей на настоятельную необходимость устроить дешевыя дѣтскія столовыя, которыми могли бы пользоваться всѣ учащіяся въ школѣ дѣти. И вотъ, Ю. П. Щепкина, всегда отзывчивая ко всякому полезному начинанію, сразу заинтересовалась этимъ новымъ дѣломъ и предложила членамъ О-ва устроить, въ видѣ опыта, такую столовую въ помѣщеніи Пріюта О-ва (Сампсоньевскій 61, кв. 101), воспользовавшись на первое время прислугой и кухней Пріюта. Войдя въ соглашеніе съ учительницами о передачѣ завѣдующей столовой выдаваемаго городомъ пособія и установивъ для неполучающихъ пособія плату за обѣдъ въ 3 к., Ю. П. Щепкина приступила къ осуществленію задуманнаго дѣла, стремясь доставить дѣтямъ питательный и не слишкомъ скудный обѣдъ за эту незначительную плату. Благодаря опытности и энергіи завѣдующей, оказалось возможнымъ при значительномъ числѣ обѣдающихъ—около 100 человѣкъ—выдавать дѣтямъ на обѣдъ за 3 к. два горячихъ блюда съ достаточнымъ количествомъ хлѣба. Обѣдъ состоялъ обыкновенно изъ супа или щей съ мясомъ и каши, или же изъ киселя и макаронъ и т. п. Плата за обѣды почти цѣликомъ покрывала расходы на провизію, помѣщеніе же и прислуга первоначально были даровыми. Опытъ производился весной 1900-го года и дѣятельность столовой закончилась съ прекращеніемъ занятій въ городскихъ школахъ; но съ осени того же 1900-го года дѣло это было поставлено уже болѣе широко и самостоятельно. Пришлось нанять особую квартиру и кухарку и средства на эти новыя статьи расхода добывать путемъ сбора пожертвованій и устройства вечеровъ. Весной 1901-го года О-во нашло возможнымъ открыть вторую столовую, выдѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ особую коммиссію для завѣдыванія столовыми, какъ особымъ учрежденіемъ О-ва. Обѣ эти столовыя помѣщались на Выборгской сторонѣ (I-ая—Сампсоньевскій, 47; а II-ая—Астраханская, 28) и обслуживали ближайшія городскія училища и финскую школу. Наконецъ, въ томъ-же 1901 году, осенью открыта была и III-я столовая, помѣщающаяся на Боровой ул., № 9, для которой домовладѣлецъ членъ О-ва г. Абоціевъ предложилъ безплатно пользоваться квартирой вмѣстѣ съ отопленіемъ. Всѣ эти три столовыя существуютъ, такимъ образомъ, уже больше 3-хъ лѣтъ, и увеличивающееся съ каждымъ годомъ число дѣтей, которыя пользуются услугами столовыхъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, насколько необ-

ходимо продолжать и развивать его. Начавъ весной 1901-го года съ 30 чел. дѣтей, столовыя въ настоящее время выдаютъ ежедневно отъ 80—200 обѣдовъ, и благодаря значительному числу обѣдающихъ является возможность удешевить стоимость каждаго отдѣльнаго обѣда и бѣднѣйшимъ дѣтямъ давать обѣдъ безплатно. Любопытно прослѣдить развитіе этого дѣла по цыфровымъ даннымъ.

Въ 1901 году выдано было:

Въ I-ой столовой	21.621 обѣдъ;	изъ нихъ 872	даровыхъ.
Въ II-ой „	15.406 „	„ „ 235	„
Въ III-ой „	5.364 „	„ „ —	„
Итого .	42.391 обѣдъ;	изъ нихъ 1.107	даровыхъ.

Стоимость каждаго обѣда:

Въ I-ой столовой	4,56 к.,	а безъ накл. расх. наемъ кв. присл. и т. д.	2,82 к.
Въ II-ой „	5,78 „	„ „ „	3,24 „
Въ III-ой „	3,6 „	„ „ „	3,27 „

Въ 1902 году общее число обѣдовъ, выданныхъ во всѣхъ трехъ столовыхъ, равнялось уже 58.954, изъ которыхъ 2.362 обѣда было выдано безплатно. А въ 1903 году въ трехъ столовыхъ о-ва отпущено 64.240 обѣдовъ, изъ нихъ 3.776 даровыхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и стоимость каждаго обѣда во II-ой и въ III-ей столовой удалось еще понизить:

Въ II-ой столовой до	4,66 к.,	а безъ накладн. расходовъ	2,99 к.
Въ III-ой „	3,30 „	„ „ „	2,80 „

Постепенно расширяя свою дѣятельность, „Коммиссія дѣтскихъ столовыхъ О-ва Дѣтская Помощь“ въ 1903 году нашла возможнымъ открыть при II-ой столовой дѣтскій садъ для бѣднѣйшихъ дѣтей, еще не достигшихъ школьнаго возраста. Дѣтскій садъ этотъ началъ функціонировать съ октября мѣсяца и посѣщался въ среднемъ 20 дѣтьми. Такимъ образомъ дѣти не только получали горячую и свѣжую пищу, но и проводили нѣсколько часовъ въ занятіяхъ и играхъ подъ руководствомъ опытной учительницы.

Въ помѣщеніи III-ей столовой въ 1903 году начались вечернія занятія съ дѣтьми, а съ осени 1904 г. этимъ же помѣщеніемъ пользуются для устройства дешевыхъ обѣдовъ для взрослыхъ женщинъ работницъ сосѣднихъ фабрикъ.

По отзывамъ учительницъ и врачей обѣды въ столовыхъ весьма благопріятно дѣйствуютъ на здоровье дѣтей, а слѣдовательно, прибавимъ отъ себя, и на развитіе ихъ какъ умственное, такъ и нравственное. Такимъ образомъ, дѣло столовыхъ не только имѣетъ огромную будущность само по себѣ но даетъ также начало цѣлому ряду другихъ весьма симпатичныхъ начинаній, какъ и пр. дешевые обѣды для взрослыхъ женщинъ работницъ.

Потребность въ здоровой и питательной пищѣ является, конечно, особенно насущной для дѣтей, томящихся въ той тяжелой, по истинѣ ужасной обстановкѣ, въ которой живетъ бѣднѣйшая часть городского населенія. Дѣло это должно расширяться и разростаться, захватывая все новые и новые районы, въ особенности городскія окраины, а между тѣмъ благія пожеланія и стремленія Коммиссіи встрѣчаютъ громадныя препятствія на пути своего осуществленія. Препятствія эти заключаются не столько въ недостаткѣ средствъ:

энергическая дѣятельность коммиссіи и значительное увеличеніе ея бюджета за эти годы показываетъ, что средства можно найти, когда есть желаніе работать. Главное препятствіе для увеличенія числа и расширенія дѣятельности столовыхъ состоитъ въ недостаткѣ активныхъ работниковъ. Закупка провизіи, приготовленіе обѣда, раздача его дѣтямъ, собирающимся нерѣдко въ количествѣ до 200 человѣкъ—все это требуетъ надзора, внимательнаго и энергичнаго участія завѣдующихъ и дежурящихъ сотрудницъ. А между тѣмъ сотрудницъ такъ мало, что работницамъ сотрудницамъ приходится дежурить по нѣскольку разъ въ недѣлю и напрягать все свое вниманіе, чтобы справиться со своей весьма нелегкой задачей.

Пожелаемъ-же, чтобы дѣло это встрѣтило широкое сочувствіе въ нашемъ обществѣ, такъ жадно ищущемъ теперь активной общеполезной дѣятельности, и нашло энергичныхъ работниковъ, которые-бы дали ему окрѣпнуть и развиться въ большое общественное дѣло. **А. Я. Г.**

Совѣщанія окружныхъ попечителей.

Въ газетахъ опубликованы болѣе подробныя свѣдѣнія о результатахъ совѣщанія гг. попечителей учебныхъ округовъ. Совѣщаніе состоялось съ 7-го по 17-е августа, подъ предсѣдательствомъ министра. Кромѣ 12 попечителей, въ немъ принимали участіе товарищъ и и д. товарища министра, нѣкоторые изъ членовъ совѣта министра, предсѣдатель ученаго комитета, директора и вице-директора департаментовъ общихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, завѣдующій отдѣломъ техническихъ и промышленныхъ училищъ и друг. На совѣщаніи обсуждались вопросы относительно желательнаго и возможнаго улучшенія въ строѣ высшихъ, среднихъ и начальныхъ учебныхъ заведеній. Наибольшее вниманіе удѣлено средней школѣ, относительно которой членами совѣщанія высказаны многочисленныя пожеланія, изъ которыхъ приводимъ нижеслѣдующія. Прежде всего указано на необходимость озаботиться подготовленіемъ хорошихъ преподавателей. Наиболѣе дѣйствительнымъ и желательнымъ средствомъ для этой цѣли признано учрежденіе педагогическихъ институтовъ, куда-бы спеціально для педагогической подготовки поступали лица уже съ законченнымъ научнымъ образованіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что педагогическіе институты, если имъ и суждено будетъ существовать, не могутъ возникнуть быстро, а тѣмъ болѣе сразу-же дать достаточное количество преподавателей, создана необходимость во временныхъ мѣрахъ для подготовленія преподавательскаго персонала, обсужденіе коихъ еще ранѣе было поручено ученому комитету. Одною изъ такихъ мѣръ, какъ ученымъ комитетомъ, такъ и попечителями, признано преподаваніе въ университетахъ педагогики которую обязательно изучали-бы намѣревающіеся быть преподавателями студенты, а также лица, окончившія университетъ, но не изучавшія еще педагогики. Кромѣ того, предложено учрежденіе при округахъ испытательныхъ комитетовъ, которые экзаменовали-бы кандидатовъ на учительство по педагогикѣ и ея исторіи, педагогической психологіи, общей дидактикѣ и методикѣ избраннаго для преподаванія предмета; прикомандированіе выдержавшихъ этотъ экзаменъ къ соотвѣтствующимъ учебнымъ заведеніямъ для слушанія пробныхъ и даванія образцовыхъ уроковъ; учрежденіе при округахъ педагогическихъ преподавательскихъ курсовъ и т. п. Сочувственно относясь ко всѣмъ подобнымъ мѣрамъ, совѣщаніе высказалось въ томъ смыслѣ, чтобы округамъ было

предоставлено самимъ окончательно разработать тѣ или другія мѣры, какія по мѣстнымъ условіямъ окажется удобнѣе примѣнить. Въ частности, совѣщаніемъ обращено вниманіе на подготовку преподавателей новыхъ языковъ, въ виду того, что значеніе этихъ предметовъ, съ изъятіемъ въ большинствѣ гимназій изъ числа обязательныхъ предметовъ греческаго языка, увеличивается, между тѣмъ въ хорошихъ преподавателяхъ ихъ чувствуется большой недостатокъ. Для устраненія этого недостатка, между прочимъ, предложены: командировка лицъ, окончившихъ филологическій факультетъ, за-границу; открытіе при мужскихъ гимназіяхъ курсовъ новыхъ языковъ съ командировкою прошедшихъ ихъ также за-границу; уравненіе служебныхъ преимуществъ (движеніе по службѣ) преподавателей новыхъ языковъ съ преподавателями прочихъ предметовъ. Обращено вниманіе и на то обстоятельство, что улучшеніе состава преподавателей стоитъ въ тѣсной связи съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго положенія, что сдѣлало-бы ихъ службу болѣе привлекательной и избавило-бы отъ необходимости имѣть такое непосильное количество уроковъ, какое они имѣютъ теперь. Несмотря на то, что въ 1902 году уже сдѣлана 20% прибавка къ жалованью преподавателей, совѣщаніемъ выражено твердое намѣреніе стремиться и къ дальнѣйшему улучшенію ихъ обезпеченія. Для достиженія высокихъ воспитательныхъ задачъ средней школы совѣщаніемъ указаны слѣдующія средства: прежде всего—самое обученіе, которое слѣдуетъ вести въ такомъ направленіи, чтобы развивать въ учащихся преданность вѣрѣ, Престолу и Отечеству, пользуясь при этомъ Закономъ Божіимъ для развитія чувствъ религіозныхъ, исторіей—патріотическихъ и т. д.; устройство пансіоновъ и интернатовъ при учебныхъ заведеніяхъ, съ достаточнымъ и хорошимъ составомъ воспитательнаго персонала; организація собесѣдованій съ учащимися, если для этого имѣются хорошіе лекторы, и изданіе сочиненій здраваго направленія; установленіе болѣе тѣсной связи школы съ родителями учащихся: добрые примѣры со стороны начальниковъ и преподавателей и т. п. Обращено вниманіе на недостаточное развитіе у учащихся правосознанія и вмѣстѣ—знанія русскаго государственнаго устройства, почему въ курсъ средней школы надлежало бы ввести законовѣдѣніе. Въ число обязательныхъ задачъ средней школы должны входить заботы и о физическомъ развитіи учащихся. Членами совѣщанія высказано пожеланіе имѣть опредѣленную программу физическихъ упражненій и надлежащія помѣщенія для веденія ихъ. Для подготовленія хорошихъ учителей физическихъ упражненій выражено намѣреніе устраивать соотвѣтствующіе курсы. При обсужденіи вопроса о типѣ среднихъ учебныхъ заведеній, въ основу положены Высочайше преподанныя 15-го марта 1902 года на имя управляющаго тогда министерствомъ народнаго просвѣщенія указанія, гдѣ намѣчены слѣдующіе типы: классическія 8-классныя гимназіи, въ большинствѣ которыхъ греческій языкъ не обязателенъ; реальныя училища съ шестью основными классами и седьмымъ дополнительнымъ, открывающимъ доступъ въ высшія техническія учебныя заведенія; шестиклассныя школы съ законченнымъ среднимъ общеобразовательнымъ курсомъ, дающія право на службу въ губерніи, среднія техническія и профессіональныя училища, разсчитанныя на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни. Членами совѣщанія прежде всего выражено полное сочувствіе развитію возможно болѣе широкой сѣти послѣдняго типа школъ: ремесленныхъ, строительныхъ, межевыхъ, земледѣльческихъ, электротехническихъ, телеграфныхъ, фармацевтическихъ, коммерческихъ и другихъ, какія будутъ подсказаны самою жизнью. Въ качествѣ подготовительнаго учебнаго

заведенія къ такого рода школамъ наиболѣе подходящими признаны городскія училища, программу которыхъ ради этого, быть можетъ, потребуется нѣсколько повысить. Если городскимъ училищамъ будетъ присвоено такое значеніе, то, при развитіи сѣти профессіональныхъ школъ, значительно увеличится и ихъ количество. Въ профессіональныхъ школахъ могутъ находить мѣсто также лица, не окончившія полнаго курса гимназіи и реальнаго училища, но уже пріобрѣвшія тамъ соотвѣтствующія познанія.

Относительно классическихъ гимназій членами совѣщанія выражено пожеланіе, чтобы въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ оставлены оба древнихъ языка въ качествѣ обязательныхъ предметовъ, эти послѣдніе проходились не по сокращеннымъ программамъ, дабы получалось серьезное классическое образованіе, а не поверхностное. Въ остальныхъ гимназіяхъ отсутствіе обязательнаго греческаго языка должно быть возмѣщено болѣе основательнымъ изученіемъ новыхъ языковъ, математики и естествознанія. Учениковъ старшихъ классовъ слѣдуетъ болѣе пріучать къ самостоятельной работѣ мысли, развивать въ нихъ любознательность и стремленіе пополнять свои познанія путемъ самообразованія. По поводу раздающихся за послѣднее время голосовъ о сокращеніи курса гимназій и даже университетовъ на одинъ годъ, члены совѣщанія выразили полное несочувствіе, такъ какъ такое сокращеніе равносильно было-бы пониженію уровня нашего образованія.

Обсуждая вопросъ о количественномъ соотношеніи между средними учебными заведеніями различныхъ типовъ, совѣщаніе указало на необходимость стремиться къ возможно равномѣрному и полному удовлетворенію насущныхъ потребностей населенія какъ въ общеобразовательныхъ, такъ и въ техническихъ среднихъ школахъ. Слѣдовательно, ближайшимъ образомъ означенный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только запросами самой жизни; тѣмъ не менѣе, желательно предварительно разработать его и создать примѣрную сѣть школъ, чтобы при открытіи новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерствомъ соблюдалась извѣстная планомѣрность. Удобнѣе это сдѣлать на мѣстахъ, почему гг. попечителямъ и предложено на совѣщаніи составить проекты такой сѣти и доставить ихъ въ министерство.

Изъ вопросовъ относительно высшихъ учебныхъ заведеній значительная доля вниманія удѣлена была вопросу объ улучшеніи постановки преподаванія въ университетахъ. Указано на необходимость озаботиться подготовленіемъ профессоровъ, въ которыхъ, какъ и въ преподавателяхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ настоящее время чувствуется недостатокъ. Съ этою цѣлью рекомендовано увеличить количество профессорскихъ стипендій и повысить размѣръ ихъ. Послѣднее признано желательнымъ сдѣлать даже насчетъ мѣстныхъ спеціальныхъ средствъ, не дожидаясь, пока на это будутъ отпущены казенныя суммы, такъ какъ недостаточность настоящаго оклада профессорскихъ стипендій вынуждаетъ стипендіатовъ искать постороннихъ заработковъ, что мѣшаетъ ихъ научной подготовкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечителями указано на большую пользу практическихъ занятій, для болѣе широкой постановки которыхъ требуется также увеличеніе средствъ и въ особенности расширеніе и усовершенствованіе соотвѣтствующихъ учебно-вспомогательныхъ установленій. Обращено вниманіе на необходимость строго придерживаться опредѣленныхъ университетскимъ уставомъ предѣловъ учебнаго времени года, такъ какъ запоздалое начало чтенія лекцій и преждевременное прекращеніе ихъ нарушаетъ правильное теченіе учебныхъ занятій и препятствуетъ равномѣрному изложенію и усвоенію всѣхъ частей курса. Во всемъ, вообще, необходимо

слѣдить за выполненіемъ устава и утвержденныхъ правилъ (своевременное держаніе экзаменовъ безъ откладыванія пхъ на осень, своевременная явка въ университетъ и взносъ платы за слушаніе лекцій ношеніе форменной одежды и т. д.), что имѣетъ не только учебное, но и большое воспитательное значеніе, развивая въ учащихся сознаніе своего долга, пріучая ихъ къ точности въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей и т. п. Намѣчаемыя въ отношеніи высшихъ учебныхъ заведеній мѣры не исчерпываютъ, само собою разумѣется, всѣхъ потребностей ихъ. Но дѣло въ томъ, что многіе вопросы, касающіеся высшихъ учебныхъ заведеній, еще недавно были предметомъ очень обстоятельнаго обсужденія въ особой коммиссіи, образованной при министерствѣ, почему въ настоящемъ совѣщаніи рѣчь шла главнымъ образомъ о мѣропріятіяхъ, осуществленіе коихъ не связано съ предположеніями общаго характера, требующими разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ.

Изъ подлежавшихъ разсмотрѣнію совѣщанія вопросовъ относительно низшихъ учебныхъ заведеній г. министръ поставилъ на первое мѣсто вопросъ о согласованіи дѣятельности духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія по народному образованію, для обсужденія коего былъ приглашенъ на совѣщаніе представитель духовнаго вѣдомства, наблюдатель церковныхъ школъ Имперіи. Предварительно г. министръ ознакомилъ членовъ совѣщанія съ исторіей вопроса о сосредоточеніи дѣла начальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ. Въ 1887 г. государственнымъ совѣтомъ поручено было оберъ-прокурору святѣйшаго синода и министру народнаго просвѣщенія войти въ совѣтъ съ представленіемъ по этому вопросу. Послѣдовавшія затѣмъ, во исполненіе этого порученія, сношенія между обоими названными вѣдомствами привели представителей того и другого къ убѣжденію о необходимости предоставить каждому изъ нихъ самостоятельность въ дѣлѣ веденія народнаго обученія, о чемъ оберъ-прокуроромъ св. синода и заявлено было съ своей стороны, въ представленіи государственному совѣту въ 1897 году. Государственный совѣтъ, принявъ къ свѣдѣнію это заявленіе, обратилъ вниманіе на то, что дѣло начальнаго образованія представляетъ такія обширныя и важныя задачи, достиженіе коихъ едва-ли посильно для одного какого-либо сословія, учрежденія или вѣдомства. Поэтому порученіе о сосредоточеніи дѣла начальнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ было отмѣнено, взамѣнъ чего было предложено озаботиться установленіемъ и сохраненіемъ обоими вѣдомствами въ этомъ дѣлѣ единства направленія. Въ 1902 году оберъ-прокурору святѣйшаго синода и министру народнаго просвѣщенія было поручено выработать правила, которыми опредѣлялись-бы условія и порядокъ открытія начальныхъ народныхъ училищъ двухъ названныхъ вѣдомствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются уже такія училища одного изъ нихъ, во избѣжаніе нерѣдко происходящихъ при этомъ пререканій. Проектъ такихъ правилъ выработанъ уже особой коммиссіей и находится въ настоящее время на разсмотрѣніи въ министерствѣ. Выслушавъ изложенное, члены совѣщанія признали, что каждое вѣдомство въ дѣлѣ народнаго образованія должно дѣйствовать самостоятельно, неуклонно наблюдая при этомъ, чтобы между дѣятелями того или другого было полное согласіе. Давая для достиженія послѣдней цѣли руководящія правила мѣстной учебной администраціи, центральныя учрежденія обоихъ вѣдомствъ не преминутъ приложить старанія къ тому, чтобы дѣло развитія народнаго образованія не встрѣчалось впредь съ тѣми осложненіями, которыя возникали иногда на мѣстахъ, вслѣдствіе несогласованности

отдѣльныхъ распоряженій. Говоря о подготовленіи учителей народныхъ училищъ, члены совѣщанія выразили пожеланія, чтобы было увеличено количество учительскихъ институтовъ, а также семинарій, въ особенности женскихъ, чтобы при семинаріяхъ, по возможности, вездѣ были интернаты, чтобы преподаватели ихъ уравнены были въ обезпеченіи съ гимназическими и чтобы, ради большаго сближенія учительскихъ семинарій съ потребностями крестьянской жизни, въ нихъ былъ введенъ курсъ сельско-хозяйственныхъ знаній, ручного труда и т. п.

Въ заключеніе г. министръ просилъ попечителей поработать надъ предложеннымъ, по его иниціативѣ, вопросомъ объ обезпеченіи участи не имѣющихъ своихъ средствъ престарѣлыхъ и недужныхъ бывшихъ учителей и учительницъ устройствомъ для нихъ убѣжищъ и т. п.

Нужно имѣть въ виду, что все высказанное въ совѣщаніи представляетъ собою лишь матеріалъ, который, конечно, будетъ использованъ министерствомъ въ его дальнѣйшихъ работахъ надъ улучшеніемъ строя нашихъ учебныхъ заведеній. Окончательныхъ-же постановленій на совѣщаніи не было сдѣлано, да ихъ по большинству возбужденныхъ вопросовъ и не могло быть, такъ какъ вопросы эти могутъ быть рѣшены только законодательнымъ порядкомъ.

(„Нов.“)

О совмѣстномъ воспитаніи дѣтей обоего пола.

7 октября, на засѣданіи родительскаго кружка присутствующіе были ознакомлены съ тѣми статьями „Русской Школы“, которыя касаются совмѣстнаго воспитанія дѣтей обоего пола, и выслушали нѣсколько личныхъ мнѣній по этому вопросу. Совмѣстное воспитаніе въ Финляндіи ведетъ свое начало съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Немного времени спустя оно вводится въ Швеціи и Норвегіи, въ Англіи, Америкѣ и, въ очень ограниченномъ размѣрѣ, во Франціи: у насъ же, въ Россіи, почти во всѣхъ низшихъ школахъ существуетъ совмѣстное обученіе обоихъ половъ, причемъ предѣльный возрастъ опредѣленъ въ 10 лѣтъ для дѣвочекъ. Среднихъ учебныхъ заведеній съ совмѣстнымъ обученіемъ дѣтей обоего пола существуетъ лишь одно, въ Царскомъ Селѣ. Несмотря на практическое примѣненіе метода совмѣстнаго обученія, вызваннаго, большею частью, экономическими соображеніями, вопросъ о совмѣстномъ обученіи научно не обработанъ. Раздаются голоса за и противъ, но они по своей мотивировкѣ мало обоснованы. Если мы стремимся къ сближенію семьи и школы, если мы увѣрены въ цѣлесообразности этихъ стремленій, то нѣтъ никакихъ причинъ избѣгать совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола въ школѣ, такъ какъ оно примѣняется въ семьѣ. Одно остается несомнѣннымъ, что общеніе половъ съ раннихъ лѣтъ должно благотворно отозваться на ихъ взаимоотношеніяхъ въ дальнѣйшемъ. Съ одной стороны, будетъ парализованъ тотъ цинизмъ, съ которымъ юноши относятся, обыкновенно, къ женщинамъ, съ другой—то чувственное отношеніе женщинъ къ мужчинамъ, то кокетничаніе, которое существуетъ теперь у большинства изъ нихъ. Во Франціи, гдѣ воспитаніе дѣвочекъ и мальчиковъ ведется не совмѣстно, дѣвочки отличаются даже въ раннихъ лѣтахъ склонностью къ кокетничанью и желаніемъ нравиться. Насколько извѣстно, въ школахъ совмѣстнаго обученія не наблюдалось проступковъ противъ нравственности, и это вполнѣ говоритъ за желательность совмѣстнаго обученія съ этической стороны. Но есть еще и другой вопросъ, не менѣе важный. Это

вопросъ о пригодности одной и той же программы для обоихъ половъ. Вопросъ этотъ важенъ только для средней школы, такъ какъ низшія даютъ самыя элементарныя познанія, одинаково доступныя усвоенію обоихъ половъ. Духовная сторона мальчиковъ рѣзко отличается отъ духовной стороны дѣвочекъ. Мальчики въ большинствѣ случаевъ склонны къ отвлеченному мышленію, способны углубиться въ данный вопросъ и разработать его детально, не скоро утомляются; мальчики развиваются медленно, но долго; дѣвочки-же не склонны къ отвлеченному мышленію, все практическое ближе ихъ духовному строенію, онѣ, послѣ кратковременнаго періода подъема и дѣятельныхъ занятій, быстро и надолго утомляются; развитіе дѣвочекъ идетъ быстрѣе, но достигаетъ своего апогея раньше; однако, введеніе общей программы не отзовется дурно ни на одной, ни на другой сторонѣ: можно выработать, при современной переоцѣнкѣ цѣнностей, подходящую программу. Если нѣкоторые ученые требуютъ для дѣвочекъ реальной школы, болѣе энциклопедической программы со включеніемъ въ нее естественныхъ наукъ и искусствъ, то пожалуй, въ виду нежелательности обремененія мальчиковъ ненужнымъ грузомъ „древней филологіи",—такая программа пригодна и для нихъ. („Нов.").

Заботы о физическомъ развитіи молодежи.

Юное, возникшее въ С.-Петербургѣ лѣтомъ текущаго года, общество содѣйствія тѣлесному воспитанію подростающаго поколѣнія „Богатырь" собралось 1-го ноября, подъ предсѣдательствомъ академика кн. И. Ф. Тарханова, въ актовомъ залѣ второй гимназіи для обсужденія вопросовъ, возникшихъ вслѣдствіе предложенія Министерства народнаго просвѣщенія обратить особенное вниманіе на физическое развитіе учащихся. Общество организовало съ этой цѣлью рядъ занятій и развлеченій и возбудило ходатайство о разрѣшеніи всѣмъ учащимся принимать въ нихъ участіе. На это изъ канцеляріи попечителя учебнаго округа послѣдовалъ запросъ, будутъ-ли учащіеся заниматься отдѣльно или совмѣстно съ посторонними и въ послѣднемъ случаѣ предложено было установить контроль надъ дѣйствіями общества по отношенію къ учащимся. Собраніе постановило замѣнить предлагаемый г. попечителемъ контроль простой періодической провѣркой дѣйствій общества по отношенію къ учащейся молодежи. Учащіеся, согласно уставу общества, будутъ заниматься отдѣльно отъ посторонней публики, причемъ собраніе высказалось за совмѣстныя игры и занятія дѣтей обоего пола до 10-лѣтняго возроста. Программа общества „Богатырь" согласуется съ предложеніемъ Министерства, такъ какъ въ нее входятъ рекомендованныя циркуляромъ научно-образовательныя экскурсіи, физическія упражненія и игры на вольномъ воздухѣ и пр. Отсутствуетъ только обученіе плаванію и стрѣльбѣ, особенно рекомендуемыя въ виду участившихся въ послѣднее время несчастныхъ случаевъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и неумѣнія плавать. Эти вопросы собраніе единогласно признало въ высшей степени желательными, и разработка ихъ будетъ обсуждаться на слѣдующемъ засѣданіи. Собраніе закончилось докладами объ образованіи при обществѣ новыхъ кружковъ: „Дѣтская лепта" и „Родной привѣтъ". („Нов.").

Преподаватели Закона Божія.

Екатеринославскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ было возбуждено ходатайство о допущеніи свѣтскихъ лицъ къ преподаванію въ земскихъ училищахъ Закона Божія. Ходатайство это министерствомъ народнаго просвѣщенія было передано на заключеніе оберъ-прокурора св. синода. Въ настоящее время, министерство черезъ начальника губерніи увѣдомило губернскую земскую управу о результатахъ разсмотрѣнія этого вопроса. Святѣйшій синодъ находитъ, что хотя при постоянно возрастающемъ числѣ начальныхъ школъ и могутъ встрѣчаться затрудненія въ пріисканіи для нихъ законоучителей изъ приходскихъ священниковъ, но для устраненія этого должны приниматься слѣдующія мѣры: допущеніе къ законоучительству въ начальныхъ училищахъ діаконовъ, приглашеніе въ эти училища особыхъ безприходныхъ священниковъ и діаконовъ, замѣщеніе учительскихъ вакансій лицами, получившими богословское образованіе, съ порученіемъ имъ преподавать Законъ Божій, и допущеніе епархіальными преосвященными къ законоучительству въ особо исключительныхъ случаяхъ и учителей, не получившихъ богословскаго образованія. Общимъ же правиломъ какъ было, такъ и должно оставаться то положеніе, чтобы въ начальныхъ народныхъ училищахъ законоучителемъ былъ приходскій священникъ. Порученіе же преподаванія Закона Божія свѣтскимъ учителямъ, хотя бы и подъ руководствомъ и наблюденіемъ священниковъ, святѣйшій синодъ находитъ нежелательнымъ. Предоставленіе преподаванія Закона Божія всѣмъ свѣтскимъ учителямъ, изъ которыхъ, по мнѣнію святѣйшаго синода, многіе сами недостаточно тверды въ истинахъ православной вѣры, внесетъ неустойчивость религіозныхъ понятій въ простой народъ, отдалитъ священника отъ народа и умалитъ его духовное вліяніе на ввѣренную ему паству. Въ виду этого святѣйшій синодъ постановилъ ходатайство о допущеніи свѣтскихъ лицъ, не получившихъ богословскаго образованія, къ преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ отклонить. („Вѣст. Юга“).

Земство и народное образованіе.

При разсмотрѣніи въ балашовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи докладовъ по народному образованію гласный С. А. Котляревскій сказалъ рѣчь, въ которой попытался выяснить, почему лучшія начинанія земства по народному образованію не могли осуществляться, и почему всѣ усилія земства поставить народное образованіе на должную высоту оказывались тщетными. „Конечно, наши средства по народному образованію совершенно недостаточны, — говорилъ г. Котляревскій, — но они недостаточны вѣдь и на всѣ другія отрасли земскаго хозяйства: на народную медицину и на экономическія мѣропріятія и т. п. Въ народномъ образованіи у насъ есть тормазъ болѣе вѣрный, безъ котораго и наша современная ассигновка давала-бы совсѣмъ другіе результаты. Такимъ тормазомъ является прежде всего общее отношеніе, которое мы видимъ у многихъ представителей вѣдомства. Замѣчается какая-то боязнь книги, печатнаго листка, боязнь пропустить слишкомъ много свѣта въ деревенскую среду. Деревенскому учителю въ его дѣятельности и въ преподаваніи ставятся узкія рамки. Не принимается совершенно въ соображеніе, что узкое стѣсненіе парализуетъ лучшія силы, энергію. Отъ

нихъ требуется лишь механическая передача установленнаго программой. Онъ обращается въ какой-то фонографъ. Забывается, что просвѣщеніе, если его хотятъ дѣйствительно, должно разливаться широкой свободной струей. А между тѣмъ, значеніе народнаго образованія въ деревнѣ стало общимъ мѣстомъ". Вспомнивъ далѣе о томъ, какъ земство недавно привѣтствовало слова князя Святополкъ-Мирскаго о довѣріи къ общественнымъ силамъ, г. Котляревскій продолжалъ: „представляется весьма своевременнымъ возбудить ходатайство о пересмотрѣ нашего законодательства о школьномъ и внѣшкольномъ образованіи, расходы на которое несутся общественными учрежденіями, причемъ, однако, эти учрежденія отстранены отъ самой интересной и важной стороны— отъ души школы. Необходимо ходатайствовать, чтобы выработано было новое законодательство о начальныхъ школахъ и внѣшкольномъ обученіи при участіи представительства земства и города". Собраніе согласилось съ предложеніемъ гласнаго Котляревскаго. („Сарат. Дн.").

Пушкинское общество содѣйствія народному образованію.

14-го ноября, въ С.-Петербургѣ, въ залѣ Тенишевскаго училища, происходило учредительное собраніе членовъ недавно возникшаго „Пушкинскаго общества содѣйствія народному просвѣщенію", посвященное обсужденію проекта устава, выработаннаго особой коммиссіей, въ которую вошли: проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, гр. Н. Ф. Гейденъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Кулябко-Корецкій, А. Г. Небольсинъ, П. Ф. Лесгафтъ, С. Ф. Ольденбургъ, проф. К. А. Поссе, В. И. Семевскій, академикъ А. С. Фаминцынъ, академикъ князь А. А. Шахматовъ и В. Ф. Дерюжинскій. Цѣль новаго общества—распространеніе и развитіе школьнаго и внѣшкольнаго образованія въ Россіи. Для достиженія этой цѣли общество будетъ открывать и содержать школы, повторительные курсы, вечерніе и воскресные классы, и другія общеобразовательныя и профессіональныя учебныя заведенія какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ. Общество намѣрено обратить вниманіе на расширеніе знаній и педагогической опытности учителей и учительницъ и оказывать имъ нравственную и матеріальную поддержку, для чего будутъ устраиваться для учащихъ постоянные, временные или періодическіе общеобразовательные курсы, лекціи, учительскіе съѣзды, учительскія библіотеки, педагогическіе музеи, выставки и т. п. Въ программу дѣятельности общества входитъ оборудованіе и содержаніе библіотекъ и читаленъ, и устройство народныхъ общедоступныхъ бесѣдъ и курсовъ, изданіе и распространеніе книгъ, учебныхъ пособій, картинъ и соотвѣтствующихъ цѣлямъ общества періодическихъ изданій, открытіе книжныхъ лавокъ и складовъ, и организація разносной книжной торговли. Общество будетъ объявлять конкурсы и присуждать и выдавать преміи и медали по предметамъ, входящимъ въ кругъ его дѣйствій, собирать и печатать статистическія и другія свѣдѣнія о положеніи и нуждахъ народнаго образованія, обсуждать мѣры къ лучшей его постановкѣ и издавать свои „труды". Предусмотрѣны пособія земствамъ, городскимъ и сельскимъ обществамъ и частнымъ лицамъ на устройство просвѣтительныхъ учрежденій, и выдача стипендій отдѣльнымъ лицамъ для продолженія образованія. Членами общества могутъ быть всѣ лица обоего пола, безъ различія званія, состояній, національностей и вѣроисповѣданій. Собраніе, происходившее подъ предсѣдательствомъ М. И. Петрункевича, одобрило составленный коммиссіей проектъ

устава, который вскорѣ будетъ представленъ на утвержденіе. Среди присутствовавшихъ на собраніи, кромѣ членовъ коммиссіи, были: М. Н. Стоюнина, К. К. Арсеньевъ, ген.-м. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, П. И. Вейнбергъ, Ю. Безродная, гр. С. С. Панина, П. А. Потѣхинъ, С. Венгеровъ, Милюковъ и мн. др. („Нов.“).

Общество распространенія нач. образованія въ Курской г.

Выдающійся интересъ представляетъ дѣятельность общества содѣйствія начальному образованію въ Курской губерніи. Учрежденное иниціативой князя П. Д. Долгорукова, общество на пятомъ году своего существованія имѣло 42 собственныя народныя аудиторіи въ губерніи и сверхъ того обслуживало своими тѣневыми картинами свыше 150 народныхъ аудиторій, принадлежащихъ другимъ учрежденіямъ, открыло 57 безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ и подготовило открытіе новыхъ восьми библіотекъ, учредило въ Курскѣ воскресную школу для взрослыхъ, пріобрѣло садъ для дѣтскихъ игръ и гуляній, устроило въ городѣ три художественныя выставки картинъ мѣстныхъ и иногородныхъ художниковъ, наконецъ организовало лѣтнія народныя гулянія и развлеченія. Послѣдняя сторона дѣятельности общества заслуживаетъ особеннаго вниманія. Благодаря энергичнымъ усиліямъ завѣдующаго этимъ дѣломъ Л. П. Расторгуева, всѣ мѣстныя общественныя учрежденія и многія частныя лица отнеслись къ начинанію съ большимъ сочувствіемъ. Губернское земство предоставило подъ народныя гулянія великолѣпный Лазаретный садъ, находящійся въ Курскѣ и приносившій земству ежегоднаго дохода 2.000 р.; губернскій комитетъ попечительства о народной трезвости и городское управленіе оказали обществу денежную помощь въ размѣрѣ 6.033 руб.: государственный и дворянскій банки, казначейство, общественный клубъ и др. пожертвовали необходимое для устройства гуляній имущество. Благодаря такой поддержкѣ, отдѣлъ, завѣдывавшій устройствомъ народныхъ развлеченій, широко развилъ свою дѣятельность. Въ основу организаціи и программы народныхъ гуляній въ Лазаретномъ саду положена была мысль — предлагать народу преимущественно просвѣтительныя и воспитывающія развлеченія, не исключая, однако, изъ программы здоровыя развлеченія безразличнаго характера. Первое мѣсто среди развлеченій отдѣлъ отвелъ театру, какъ лучшему средству культурнаго воздѣйствія на простонародье. Затѣмъ слѣдовали: музыка, хоры любителей-балалаечниковъ и мандолинистовъ, вокальные концерты, декламація, свѣтовыя и живыя картины. Эта программа разнообразилась зонофономъ, біоскопомъ, фокусами съ объясненіями, жонглированіемъ воздушными шарами, фейерверкомъ. Нѣсколько разъ устраивались: шествіе царицы цвѣтовъ, спортивныя развлеченія, русскія пляски на призы, танцы, разныя игры. Садъ привлекъ къ себѣ общія симпатіи. Можно указать на адресъ курской ремесленной управы, въ которомъ управа выражаетъ обществу содѣйствія начальному образованію свою признательность за доставленныя ремесленникамъ „трезвыя и благоразумныя“ развлеченія, что благотворно отразилось какъ на нихъ, такъ и на ихъ семьяхъ. Къ сожалѣнію, дѣло организаціи разумныхъ народныхъ развлеченій оказалось по опыту настоящаго года непосильнымъ во всемъ своемъ объемѣ для коммиссіи, вѣдавшей его. Это, впрочемъ и понятно, такъ какъ всѣ члены коммиссіи—лица, имѣющія свои особыя дѣла

и занятія и удѣляющія народнымъ увеселеніямъ лишь свои досуги. Представляя свой отчетъ за настоящій годъ общему собранію, коммиссія выразила полное убѣжденіе въ цѣлесообразности и необходимости продолжать дѣло, начатое ею, но подъ условіемъ, если матеріальную часть по устройству спектаклей и гуляній возьметъ на себя какое-нибудь другое учрежденіе, напр., губернскій комитетъ попечительства о народной трезвости, а обществу содѣйствія начальнаго образованія будетъ принадлежать лишь организація, надзоръ и руководство народными спектаклями и вообще развлеченіями.

(„Н. Вр.“)

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ Калугѣ.

30 октября состоялось годичное собраніе общества попеченія о начальномъ народномъ образованіи въ Калужской губерніи, созванное для разсмотрѣнія отчета о дѣятельности общества за 1903 годъ. Столь позднее представленіе годового отчета не явилось, къ сожалѣнію, слѣдствіемъ обилія и разнообразія трудовъ этого симпатичнаго общества; напротивъ, жизнь его до сего времени такъ слабо пульсировала, что составленіе отчета не могло потребовать болѣе трехъ-четырехъ дней работы. Очевидно, тутъ были иныя, постороннія причины, задержавшія созывъ общаго собранія. Какъ бы то ни было, мы ознакомлены теперь съ результатами дѣятельности общества за второй годъ его существованія. Безспорно, во главѣ общества съ самыхъ первыхъ дней его существованія стали люди въ высшей степени энергичные, разумные и искренно интересующіеся дѣломъ народнаго образованія. Подъ такой эгидой общество могло бы приносить дѣйствительную пользу населенію Калужской губерніи Къ великому прискорбію надо сознаться, что успѣха общество пока не имѣло. Руководители его два года должны были бороться, и чаще всего безрезультатно, во первыхъ, со всякаго рода канцелярскими придирками и прижимками подлежащихъ учрежденій, а во-вторыхъ, съ удивительной косностью и индифферентизмомъ калужской „интелигенціи“, смотрящей на задачи общества, какъ на пустую затѣю. Въ борьбѣ съ такими глухими и тяжелыми для общественной пользы элементами правленіе дѣйствительно не смогло провести въ жизнь ни одного изъ своихъ серьезнѣйшихъ начинаній. Оно не открыло ни одной воскресной школы, ни повторныхъ классовъ, ни вечернихъ занятій для взрослыхъ, ни классовъ хорового пѣнія; оно не распространило изъ своего склада ни одной книжки для народа по деревнямъ и селамъ. Немудрено, что общество, хотя и задавшееся весьма широкими цѣлями, но бѣдное матеріальными средствами, угнетенное извѣстнымъ мертвящимъ бюрократизмомъ, влачитъ жалкое существованіе. Для всяческаго самосохраненія общество занялось культивированіемъ наименѣе продуктивныхъ отраслей народнаго просвѣщенія, въ видѣ народнаго театра, чайной, народныхъ гуляній, площадокъ для дѣтскихъ игръ и т. п. Имѣя право содѣйствовать начальному образованію въ предѣлахъ всей Калужской губерніи, общество въ своей дѣятельности застряло въ одной Калугѣ. Словомъ, много было замысловъ и желаній, но мало получилось результатовъ. Вина за такую неудачу падаетъ, конечно, не на правленіе. Кромѣ противодѣйствія „высшаго порядка“, во многомъ виноваты наши „образованные“ калужане, отличающіеся крайней непослѣдовательностью. Чествуя японцевъ, какъ представителей просвѣщеннаго народа, они въ то же время ничего не хотятъ дѣлать для просвѣщенія своего народа. При такихъ условіяхъ понятна та радость, съ которою правленіе приняло извѣстіе, полученное въ моментъ открытія годич-

наго собранія о томъ, что главное управленіе казенной продажи питей назначило обществу субсидію въ 1.500 руб. Остается пожелать симпатичному обществу удачно и полезно использовать эту субсидію. („Н. Вр.“)

Начальное образованіе въ Камышинскомъ уѣздѣ.

Въ камышинскомъ земскомъ собраніи вопросъ по народному образованію взялъ три засѣданія собранія. Въ докладахъ констатировалось, что школы въ уѣздѣ переполнены: 60 человѣкъ учащихся считается за норму для одного учителя, а есть школы, гдѣ на каждаго учителя приходится по 178 учащихся. Между прочимъ, отмѣчалось, что преподаваніе Закона Божія отличается излишнимъ формализмомъ и книжностью; оо. законоучители пускаются въ недоступныя для пониманія дѣтей схоластическія тонкости; нѣкоторые ограничиваются задаваніемъ уроковъ „отъ сихъ до сихъ“... Рѣдко уроки имѣютъ форму простой задушевной бесѣды, наиболѣе понятной и доступной ученикамъ и наиболѣе идущей къ самой важности предмета, по преимуществу воспитательнаго. Изъ доклада о народныхъ библіотекахъ, читаннаго въ засѣданіи того же земскаго собранія, видно, что въ уѣздѣ имѣются 32 народныхъ библіотеки. Большинство библіотекъ помѣщаются въ училищахъ, но нѣкоторыя—въ сельскихъ управленіяхъ. Это послѣднее обстоятельство сопровождается серьезными неудобствами. „Кромѣ того, что самыя помѣщенія неудобны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ библіотечные шкафы стоятъ рядомъ съ „холодной“, куда сажаютъ нерѣдко людей въ нетрезвомъ видѣ, „не стѣсняющихся въ выраженіяхъ“. Всѣ эти библіотеки, по ходатайству управы передъ училищнымъ совѣтомъ, въ виду новаго закона, разрѣшено помѣстить въ сельскихъ училищахъ, куда они и будутъ перенесены. („Сар. Л.“)

Начальное образованіе въ Туркестанѣ.

9-го сентября совѣтъ генералъ-губернатора, признавъ школьное образованіе для русскихъ поселенцевъ-крестьянъ въ туркестанскомъ краѣ насущною необходимостью, въ то же время обратилъ вниманіе на то, что у самихъ крестьянскихъ обществъ сознаніе означенной необходимости, повидимому, отсутствуетъ; иниціатива въ дѣлѣ снабженія поселковъ школами принадлежитъ въ той или иной формѣ администраціи, и постройка школъ, обходящихся отъ 6 до 14 тысячъ руб. каждая, равно какъ и содержаніе ихъ (почти 42 тысячи рублей ежегодно) — ложатся на земскія средства края, крестьяне же отказываются нести на это дѣло самыя незначительныя жертвы, — даже въ тѣхъ случаяхъ, когда благосостояніе ихъ является совершенно упрочившимся. Признавая поднятіе умственнаго и культурнаго уровня русскихъ поселенцевъ въ туркестанскомъ краѣ дѣломъ государственной важности, совѣтъ генералъ-губернатора пришелъ къ заключенію, что затрата значительныхъ средствъ на первоначальное оборудованіе школъ въ русскихъ поселеніяхъ самаркандской, сыръ-дарьинской и ферганской областей и на ежегодное ихъ содержаніе безъ расходовъ на то со стороны самихъ сельскихъ обществъ могла бы быть вполнѣ оправдана лишь обязательностью посѣщенія школъ всѣми безъ исключенія достигшими школьнаго возраста дѣтьми семействъ, входящихъ въ составъ крестьянскихъ сельскихъ обществъ. Въ виду этого,—совѣтъ возла-

галъ бы желательнымъ предоставить канцеляріи генералъ-губернатора собрать возможно полный матеріалъ по этому вопросу для возбужденія соотвѣтствующаго ходатайства въ законодательномъ порядкѣ. („Турк. Вѣд.").

А. Н. Пыпинъ.

(Некрологъ).

26 ноября скончался Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Это имя давно пользуется широкой извѣстностью. Съ половины прошлаго вѣка до послѣднихъ дней не прерывалась научно-литературная и публицистическая дѣятельность Пыпина. Два поколѣнія возмужали подъ его просвѣтительнымъ вліяніемъ. Неутомимый работникъ въ области научной мысли, онъ не забывалъ интересовъ средняго читателя. Серьезная популяризація науки была существенной чертой его творчества и, можетъ быть, имѣла въ его глазахъ не меньшую цѣну, чѣмъ сама наука. Въ теченіе полувѣка въ рѣдкой книжкѣ передовыхъ журналовъ, сначала—„Современника", затѣмъ—„Вѣстника Европы", не появлялось его статьи или замѣтки. Основные взгляды Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго ярко отразились на всей дѣятельности Пыпина. Общественнымъ идеаламъ эпохи реформъ онъ остался вѣренъ до конца своей долгой трудовой жизни.

Эта жизнь загорѣлась въ свѣтлый весенній день 25 марта 1833 года въ скромной помѣщичьей усадьбѣ Саратовскаго Поволжья. Отецъ А. Н-ча былъ дворянинъ стараго, но небогатаго рода; его мать была дочерью священника; его дядя со стороны матери былъ также священникъ—Чернышевскій, отецъ извѣстнаго публициста. „Семьи—вспоминалъ А. Н-чъ, жили то вмѣстѣ, то врозь. Нѣсколько лѣтъ, во время гимназическаго ученья, я жилъ у дяди въ губернскомъ городѣ... Обѣ семьи были стараго вѣка—скромная жизнь, простые нравы, строгое благочестіе... Общественная жизнь,—насколько она понималась въ дѣтствѣ,—достигала нашего дома только косвенно. Дядя былъ очень уважаемый въ городѣ человѣкъ; къ нему обращались люди разнаго рода,—и купечество, повѣрявшее ему свои благочестивыя помышленія, и богатое дворянство съ религіознымъ настроеніемъ, и церковная нищета, искавшая помощи. Женскій персоналъ семьи,—тетка, еще живая бабушка и ихъ пріятельницы,—принимали богомолокъ, помню, даже юродивыхъ (дядя ихъ не одобрялъ), странниковъ, ходившихъ въ Воронежъ, Саровскую пустынь, Кіевъ, даже Іерусалимъ. Въ нашемъ большомъ кіотѣ вмѣстѣ съ новыми и старинными иконами бывали и „вѣтки Палестины", принесенныя намъ съ мѣста. Прислуга была наша, крѣпостная. Когда и моя семья жила въ Саратовѣ, зимой пріѣзжали „мужики" съ разными хозяйственными припасами изъ деревни. Когда семья жила въ уѣздномъ городѣ, я гимназистомъ ѣздилъ къ своимъ, бывалъ въ „нашей" деревнѣ. Отношенія къ нашимъ крестьянамъ были вообще добрыя, патріархальныя; помню заботы отца, когда при плохомъ урожаѣ надо было „кормить" крестьянъ. Послѣ освобожденія ихъ, когда мой отецъ снова былъ на службѣ въ Саратовѣ, наши бывшіе крестьяне, пріѣзжая въ городъ продавать хлѣбъ, въѣзжали къ намъ какъ „къ своимъ", безъ всякихъ сомнѣній о томъ, что ихъ и пріютятъ, и покормятъ,—въ чемъ и не ошибались... Такъ народная жизнь была знакома мнѣ не изъ книгъ, а изъ непосредственнаго дѣтскаго и юношескаго впечатлѣнія и опыта... Съ дѣтства же—буквально „изъ устъ народа"—я слышалъ повѣрья и суевѣрія

и сказки... Достигали до слуха разсказы, гдѣ въ неясныхъ, но мрачныхъ очертаніяхъ видѣлись тяжелыя стороны тогдашней крѣпостной жизни, своеволіе помѣщиковъ, крестьянскіе „бунты", убійства... Но остались и поэтическія впечатлѣнія: красота необозримыхъ хлѣбныхъ полей, степи, покрытыя ковылемъ, чудные виды на Волгу и безконечное Заволжье съ облегающихъ Саратовъ горъ.. Нашъ домъ, гдѣ я жилъ въ гимназическіе годы, стоялъ надъ Волгой, и съ верхняго балкона открывался широкій видъ на рѣку и заволжскую степь; по Волгѣ весной медленно двигались вверхъ суда „къ Макарію"; приближаясь къ городу, суда расцвѣчивались лентами, стрѣляли изъ небольшихъ пушекъ, пестро пріодѣвшіеся бурлаки затягивали безконечныя пѣсни..."

Всѣ эти впечатлѣнія дѣтства и юности сами по себѣ достаточно опредѣляютъ личность и творчество автора „Исторіи русской этнографіи", изслѣдователя „старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ", стойкаго защитника народныхъ интересовъ—но на нихъ легли другія, имѣвшія еще большее значеніе для научно-литературной и общественной дѣятельности А. Н. Пыпина.

На первомъ мѣстѣ онъ ставилъ вліяніе Н. Г. Чернышевскаго. „Въ началѣ моей сознательной жизни, говорилъ онъ, моимъ ближайшимъ руководителемъ, старшимъ товарищемъ былъ мой двоюродный братъ,—не родной, но ближе, чѣмъ родной... Онъ былъ юноша, ревностно искавшій научнаго знанія и полный идеализма; я былъ мальчикъ. Онъ былъ уже богатъ свѣдѣніями, которыя сохраняла его рѣдкая память; въ поэзіи онъ носился съ Шиллеромъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Его увлекали не однѣ поэтическія картины, но и возвышенныя человѣческія идеи. Когда онъ былъ въ университетѣ, я былъ въ верхнихъ классахъ гимназіи. Полагалось, что и я послѣдую за нимъ въ Петербургскій университетъ. Въ письмахъ онъ поддерживалъ во мнѣ интересъ къ занятіямъ, особенно рекомендовалъ исторію,—съ тѣхъ поръ я узналъ имена Раумера, Шлоссера, хотя въ провинціи не могъ имѣть ихъ въ рукахъ. Часто писалъ онъ мнѣ длинныя письма по-латыни; самъ онъ былъ отличный латинистъ и хотѣлъ меня пріучить къ латыни, а также онъ касался въ письмахъ такихъ предметовъ, о которыхъ было менѣе удобно писать по-русски. Здѣсь въ первый разъ къ концу сороковыхъ годовъ я увидѣлъ возможность крестьянскаго вопроса. Въ письмахъ въ связи съ исторіей говорилось о „glebae adscripti" и „terrae firmi". Въ Петербургѣ я засталъ его за новѣйшей нѣмецкой философіей и новѣйшей исторіей".

Велико было взаимодѣйствіе этихъ вліяній, изъ которыхъ одно дополняло и укрѣпляло другое: искренняя задушевная любовь къ родной деревнѣ вызвала первый и какъ бы безсознательный интересъ къ изученію народности; подъ руководствомъ богато-одареннаго брата—„не родного, но ближе, чѣмъ родного"—этотъ интересъ сталъ яснѣе, шире и возвышеннѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ понята была „возможность крестьянскаго вопроса".

Николаевская желѣзная дорога окончена была постройкой лишь въ 1851 году: большую часть пути въ Петербургъ для поступленія въ университетъ (въ 1849 г.) А. Н-чъ проѣхалъ по старинному „на перекладныхъ", да „на почтовыхъ". Студенческая жизнь принесла новыя впечатлѣнія и, если исключить товарищескія и дружескія отношенія,—далеко не веселыя. Университетское преподаваніе, вспоминалъ А. Н-чъ, было отрывочно; отдѣльныя области науки оставались необъединенными; исторія общества и литературы, этнографія, изученіе народнаго творчества, славяновѣдѣніе стояли рядомъ, но какъ бы чуждыя спеціальности, и отдѣльныя отрасли не имѣли общихъ изложеній,

которыя могли бы служить опорой для начинающихъ"... Вскорѣ по окончаніи курса (въ 1853 г.) Пыпинъ познакомился съ литературными кругами и особенно близко сталъ къ редакціи „Современника" съ Некрасовымъ во главѣ.

Вспоминая это знакомство, онъ говоритъ: „Пятидесятые годы, именно ихъ середина, были знаменательнымъ временемъ въ цѣлой новѣйшей русской исторіи, временемъ кризиса въ жизни государства и великаго перелома въ умахъ общества и даже народа. То былъ канунъ и вскорѣ начало Крымской войны. Литература переживала тяжелое время. Подъ гнетомъ цензуры трудно было сказать что-нибудь живое, стать въ какой-либо степени не то, что органомъ, но хотя-бы слабымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Это было то время, когда по внушеніямъ „негласнаго комитета", который былъ настоящимъ пугаломъ литературы и самой цензуры, распространилась особенная боязнь печатнаго слова и преслѣдованіе всякаго намека на критическую мысль. Гроза была неотвратимая, и съ нею нужно было считаться, чтобы сохранить существованіе журнала. Одного спеціальнаго цензурнаго учрежденія казалось мало; каждое министерство или крупное вѣдомство имѣло особыхъ цензоровъ изъ своихъ чиновниковъ, которые должны были просматривать или цѣлыя статьи, или отдѣльныя мѣста, гдѣ рѣчь касалась ихъ компетенціи... Сколько помню, тогда насчитывали до семнадцати подобныхъ цензуръ... Настроеніе литературнаго круга было довольно странное: прежде всего это было, конечно, настроеніе подавленное; трудно было говорить въ литературѣ даже то, что говорилось еще недавно, въ концѣ сороковыхъ годовъ. По распоряженіямъ „негласнаго комитета" даже отбирались нѣкоторыя книги прежняго времени, напримѣръ, „Отечественныя Записки" сороковыхъ годовъ... Такое тяжелое положеніе угнетало не только литературу, но и все серьезное общество—при наступавшихъ событіяхъ нельзя было отдохнуть одною шуткою, прикрытою насмѣшкою надъ самой цензурой, и въ концѣ концовъ протестъ противъ этого подавленія общественной мысли высказался въ особой рукописной литературѣ, уже не считавшей нужнымъ искать дозволенія цензуры. Въ канунъ и въ теченіе Крымской войны эта рукописная литература обильно разрослась и распространилась въ спискахъ, ходившихъ по рукамъ и съ жадностью прочитываемыхъ. Въ большинствѣ случаевъ это были весьма серьезныя „записки", трактовавшія о тѣхъ вопросахъ, какіе въ тревожную пору грозившей войны волновали общество, и для которыхъ не было мѣста въ обыкновенной литературѣ... „Записки" говорили объ общемъ политическомъ положеніи вещей, о массѣ внутреннихъ неурядицъ—испорченности и подкупности администраціи и суда, о безсиліи правительственной власти искоренить злоупотребленія при господствѣ офиціальной лжи („все обстоитъ благополучно") и при вынужденномъ молчаніи общественнаго мнѣнія, усиленно подавляемаго"...

Эти строки писалъ Пыпинъ въ глубокой старости, но описанныя въ нихъ чувства и настроенія онъ переживалъ въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ... Легко понять, какія убѣжденія ими были вызваны. Рядомъ съ живымъ и глубокимъ интересомъ къ изученію народности сталъ вопросъ общественный, волновавшій даже людей близорукихъ. „Мнѣ памятно, говорилъ Пыпинъ, возбужденіе общества, когда подъ вліяніемъ неожиданныхъ испытаній и разоблаченій сложилось убѣжденіе въ несостоятельности стараго порядка. Въ то же время подвиги севастопольской обороны говорили о богатствѣ личнаго мужества и самоотверженія. Что нельзя идти такъ дальше, начинали видѣть даже люди зауряднаго пониманія. Близился кризисъ"...

Въ эту „критическую“ эпоху началъ Пыпинъ свои первыя „литературныя изученія“. Ихъ основное направленіе было какъ бы предопредѣлено впечатлѣніями дѣтства и юности; однако, вліяніе этихъ впечатлѣній могло-бы оказаться поверхностнымъ и преходящимъ, если бы на встрѣчу не шло другое и притомъ сильнѣйшее вліяніе — со стороны самой науки. Такими ея представителями, какъ Буслаевъ, Аѳанасьевъ, Забѣлинъ, Ровинскій, Срезневскій, Тихонравовъ, и мн. др., она была направлена въ то время на изученіе русской старины, народнаго быта и поэзіи; тогда же появлялись высокоцѣнные труды такихъ историковъ, какъ Соловьевъ, Костомаровъ, Кавелинъ, Дмитріевъ, Неволинъ; наконецъ, русская историческая и историко-литературная школа развивалась въ тѣсномъ общеніи съ западно-европейской наукой, выдвинувшей и новыя задачи, и новые методы изслѣдованія... Существеннымъ было, однако, не обиліе научныхъ трудовъ и ученыхъ силъ, а именно то направленіе, въ которомъ шла работа: „цѣлью новыхъ изслѣдованій, говоритъ Пыпинъ, было изученіе *народнаго духа*... не отвлеченнаго, какъ въ мечтаніяхъ славянофильства, а того, какой могъ быть *реально* изучаемъ въ исторіи, бытѣ, остаткахъ старины, въ народной поэзіи“.

Тотъ-же „реализмъ“ проникъ въ „литературныя понятія“ Пыпина изъ другого источника. „Та художественная литература, вспоминалъ онъ, которая создавалась замѣчательной плеядой крупныхъ талантовъ, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Некрасовъ,—носила особый воспитательный характеръ. Это не было искусство для искусства. Самый строгій эстетическій критикъ не откажетъ ей и теперь въ высокомъ поэтическомъ достоинствѣ, но ея содержаніе не было отвлеченное. Этимъ содержаніемъ была *сама жизнь*, и не даромъ сложилась легенда, что „Записки Охотника“ имѣли свою долю вліянія въ иниціативѣ крестьянской реформы“...

Здѣсь мы подходимъ къ послѣднему и главному источнику научныхъ и общественныхъ взглядовъ Пыпина. Въ 1861 году ему исполнилось 28 лѣтъ: такимъ образомъ, расцвѣтъ его силъ совпалъ съ полнымъ ходомъ великой реформы; для него, какъ и для всего русскаго общества, насталъ кризисъ, создавшій „поколѣніе шестидесятыхъ годовъ“: однимъ изъ самыхъ видныхъ и благородныхъ его представителей былъ, несомнѣнно, А. Н. Пыпинъ.

Такъ, съ разныхъ сторонъ шли благотворныя и согласныя между собой вліянія; сосредоточиваясь въ сознаніи мыслителя, они не только вырабатывали въ немъ извѣстные идеалы, но внушали ему стремленіе провести ихъ въ жизнь; настойчивость же этого стремленія была такова, что не могло быть и рѣчи о компромиссѣ, когда дѣло касалось завѣтныхъ убѣжденій и глубокихъ чувствъ: гнетъ безвременья могъ сломить, но не согнуть эти характеры, закалявшіеся по мѣрѣ того, какъ росли испытанія.

Не мало такихъ испытаній вынесъ на своемъ вѣку и А. Н. Пыпинъ. Едва началась его профессорская дѣятельность въ Петербургскомъ университетѣ, какъ студенческія волненія, вызванныя введеніемъ новыхъ правилъ обязательной для всѣхъ платы за слушаніе лекцій, поставили его въ необходимость—вмѣстѣ съ Кавелинымъ, Спасовичемъ, Стасюлевичемъ и Утинымъ—покинуть каѳедру. Далѣе слѣдуютъ арестъ и ссылка его ближайшаго друга—Н. Г. Чернышевскаго; судебное преслѣдованіе цензурнымъ вѣдомствомъ самого Пыпина, какъ отвѣтственнаго редактора — за статью Ю. Жуковскаго „Вопросъ молодого поколѣнія“; отказъ мин. нар. просв. гр. Д. А. Толстого утвердить избраніе Пыпина въ адъюнкты Академіи Наукъ, и, наконецъ, длинный рядъ реакціонныхъ мѣропріятій, близко касавшихся тѣхъ общественныхъ взглядовъ, какіе были

усвоены Пыпинымъ въ эпоху обновленія народной жизни. Будучи послѣдовательно сотрудникомъ и членомъ двухъ редакцій—„Современника“ и „Вѣстника Европы“ и одно время редактируя первый изъ этихъ журналовъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ, Пыпинъ неоднократно испытывалъ гнетъ цензуры за тѣ статьи, которыя вошли постепенно въ составъ его капитальныхъ трудовъ по исторіи русской общественности; онъ раздѣлялъ также заботы и тревоги редакцій, когда обрушивались на нихъ цензурныя „предостереженія“ или „обличительныя“ статьи враждебныхъ органовъ, подчасъ граничащія съ доносами...

Болѣе чѣмъ полувѣковая кипучая дѣятельность Пыпина выразилась въ огромномъ количествѣ научныхъ изслѣдованій, журнальныхъ статей и мелкихъ замѣтокъ, въ общемъ итогѣ превышающихъ 1.100 названій. Первая попытка подвести этотъ итогъ была сдѣлана 25-го марта 1903 года, когда А. Н. Пыпину исполнилось семьдесятъ лѣтъ; къ тому же дню былъ пріуроченъ и полувѣковой юбилей его научно литературной дѣятельности; въ привѣтствіяхъ, чуждыхъ шаблона и фальши, дана была его правдивая и яркая характеристика.

„Выйдя на ниву до зари,—говорилъ, обращаясь къ юбиляру, проф. А. Н Веселовскій, Вы были потомъ свидѣтелемъ возрожденія, разсвѣта; передъ Вами прошли десятилѣтія колебаній, борьбы, безвременья; люди, страсти, школы, направленія смѣнялись, но незыблемо стоялъ на своемъ посту неутомимый поборникъ знанія и свѣта, ни за что и ни въ чемъ не поступившійся своими завѣтными убѣжденіями... Историкъ, этнографъ, журналистъ, критикъ, біографъ, знатокъ славянства, выдающійся историкъ русской литературы, повелитель необъятнаго ученаго матеріала и въ то же время тонкій наблюдатель идей и хода культуры, Вы своей умственной энергіей, увлекающей Васъ, несмотря ни на какія помѣхи, все впередъ, являетесь прекраснымъ примѣромъ духовнаго подвига... Вы—и живая литературно-научная лѣтопись наша, звено, соединяющее наше время съ славнымъ прошлымъ, Вы и отзывчивый на запросы и стремленія современности двигатель прогресса“...

„Въ этнографѣ, историкѣ, литераторѣ, лингвистѣ, публицистѣ и критикѣ мы—говорилъ проф. Н. И. Карѣевъ—привыкли постоянно встрѣчать историка, и едва ли эта черта не есть основная... Благодаря этой особенности Вамъ удалось сдѣлать изъ исторіи литературы исторію русской общественности—одну изъ самыхъ цѣнныхъ главъ болѣе обширнаго цѣлаго—исторіи русской культуры... Этой основной чертѣ слѣдуетъ, конечно, приписать ту жизненность постановки, которою отличались Ваши изслѣдованія, тотъ непосредственный практическій интересъ темъ, который сдѣлалъ большую часть Вашихъ книгъ настольными въ обиходѣ русскаго самообразованія“...

Кружокъ преподавателей словесности и исторіи, припомнивъ, что „глубоко-продуманное слово А. Н. Пыпина звучало въ стѣнахъ Петербургскаго университета, пока послѣдній являлся средоточіемъ культурнаго движенія, пока между нимъ и обществомъ существовала тѣсная связь“, замѣтилъ въ своемъ адресѣ, что „и впослѣдствіи, когда эта связь порвалась, Александръ Николаевичъ продолжалъ самоотверженно служить въ томъ же духѣ великому дѣлу единенія науки съ жизнью“. „Съ годами—говорится въ адресѣ далѣе—Вы все болѣе и болѣе овладѣвали мыслью русскаго образованнаго человѣка; Ваша аудиторія расширялась, признательность ея къ Вамъ росла... Чѣмъ оказали Вы громадныя услуги обществу, тѣмъ же послужили и русской школѣ. Ваши труды—настольныя книги для тѣхъ преподавателей словесности и исторіи, которые хотятъ поддержать въ себѣ и создать въ учащихся созна-

тельное отношеніе къ прошлому и настоящему родины; на нихъ несомнѣнно оказывали благотворное вліяніе не только Ваши научно обоснованные взгляды, но и Вашъ методъ спокойнаго безпристрастнаго изслѣдованія, полнаго истиннаго уваженія къ крупнымъ представителямъ общественной мысли, общественнаго движенія. . Велико значеніе ученаго, который занимается наукой для науки; но много выше тѣ научные дѣятели, которые одушевленно работаютъ для жизни, для образованія въ широкомъ смыслѣ, для школы. Вы всецѣло принадлежите къ этимъ послѣднимъ"...

Каждое изъ многочисленныхъ привѣтствій заключалось искреннимъ пожеланіемъ юбиляру дальнѣйшей дѣятельности на долгіе годы; но самъ онъ, какъ-бы предчувствуя близкій конецъ, отвѣчалъ: „Все что я слышалъ, взволновало меня, и я скажу только, что работа моя, какъ вы говорите, не пропала даромъ. Такой юбилей, какъ мой, является своего рода memento mori. Спасибо же вамъ, что вы, при окончаніи моей дѣятельности, показали мнѣ, что моя жизнь не прошла напрасно".

Менѣе, чѣмъ черезъ два года, оправдалось это memento mori.

Чтобы полнѣе выяснить конкретный смыслъ этой глубоко-правдивой оцѣнки творчества и личности А. Н. Пыпина, приведемъ краткій перечень его наиболѣе выдающихся трудовъ. Къ ихъ числу принадлежатъ: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ" (1857), „Исторія славянскихъ литературъ", въ сотрудничествѣ съ В. Д. Спасовичемъ (1 изд. 1865, 2—1879-81), „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", (1 изд. 1871, 2—1885, 3—1900), „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ" (1 изд. 1873, 2—1890), „Бѣлинскій, его жизнь и переписка" (1876), „Исторія русской этнографіи" (1890-92), „Исторія русской литературы" (1 изд. 1898, 2—1902-03), „М. С. Салтыковъ (1901), „Н. А. Некрасовъ" (1905).

То обстоятельство, что одни изъ этихъ произведеній давно стали библіографической рѣдкостью, а другія выходятъ двумя-тремя изданіями, ясно показываетъ, на сколько нуждаются въ нихъ наука, школа и общество. Далѣе — ему принадлежатъ или имъ редактированы переводы такихъ произведеній, какъ „Всеобщая исторія литературы" Шерра (1 изд. 1863, 2—1867), „Исторія всеобщей литературы" Геттнера (1 изд. 1863-72, 2—1896-97), „Исторія умственнаго развитія Европы" Дрэпера (1 изд. 1866, 2—1869, 3—1873), „Исторія XVIII столѣтія" Шлоссера (1868—71), „Искусство съ точки зрѣнія соціологіи" Гюйо (1891), и мн. др. При его непосредственномъ участіи изданъ, наконецъ, и классическій трудъ Милля „Основанія политической экономіи"—въ переводѣ Н. Г. Чернышевскаго (1865). Трудно, думается намъ, найти преподавателя исторіи или словесности, который бы не пользовался этими книгами для своихъ уроковъ или для внѣкласснаго чтенія учащихся. Еще большую цѣну—какъ для спеціалистовъ, такъ и для среднихъ читателей—имѣли и долго будутъ имѣть законченные труды и журнальныя статьи Пыпина по исторіи русской литературы, этнографіи и общественныхъ движеній...

Впрочемъ, едва-ли можно рѣшить, кому и какія изъ работъ Пыпина всего нужнѣе. Мы видѣли выше, что А. Н. Веселовскій обращалъ главное вниманіе на литературныя заслуги Пыпина; историки считаютъ его вполнѣ „своимъ"; кружокъ учителей ставитъ его выше другихъ „людей науки" за одушевленную работу для жизни и школы...

Съ другой стороны, въ адресахъ отъ Гельсингфорсскаго университета и

отъ „Украіны“ была наиболѣе рельефно выдвинута та „проповѣдь уваженія къ человѣческому достоинству, уваженія къ народу и народностямъ, входящимъ въ составъ русскаго государства“, какою проникнуты всѣ изслѣдованія Пыпина, а въ особенности его труды по этнографіи и по исторіи славянскихъ литературъ.

Наконецъ, столичная и провинціальная печать не случайно поставила Пыпина въ ряды тѣхъ немногихъ публицистовъ, которые для оцѣнки современной жизни обладаютъ строго-научной подготовкой и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ за высшихъ интересовъ науки не пренебрегаютъ нуждами и печалями „медвѣжьихъ угловъ“ и далекихъ окраинъ.

Однако, вся эта разносторонняя дѣятельность была плодомъ единой цѣлостной личности, гуманной и просвѣщенной.

„По какимъ бы камнямъ ни текла жизнь, одинъ потокъ лился ровно и безъ извилинъ, не мѣняя русла, а лишь наводняясь“ — читаемъ мы въ заключеніи академическаго адреса.—„Это не односторонность, а старая упроченность научныхъ и жизненныхъ взглядовъ. Она дѣйствуетъ благотворно“.

Memento mori.

Нельзя сказать, что самъ Александръ Николаевичъ пренебрегалъ этимъ предчувствіемъ. По его собственнымъ словамъ, которыми заключалась его рѣчь на юбилеѣ, ему оставалось „ликвидировать свой трудъ“. „Отчасти я это началъ—говорилъ онъ—хотѣлось бы кончить“.

Но „потокъ жизни все еще „лился и безъ извилинъ“: незадолго до своей кончины Александръ Николаевичъ получилъ изъ типографіи свою новую и на этотъ разъ послѣднюю книгу—„Н. А. Некрасовъ“; она возвращала автора къ далекому прошлому, къ половинѣ 50-хъ годовъ и первому знакомству съ редакціей „Современника“, гдѣ еще хранилась память Бѣлинскаго, гдѣ встрѣчались Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, гдѣ вспоминаетъ онъ, „къ этой блестящей плеядѣ присоединилось въ 1853 году имя, или, на первое время, три буквы, которыя тотчасъ привлекли всеобщее вниманіе; эти буквы были Л. Н. Т“. Въ 50-хъ годахъ въ составъ редакціи вступилъ Н. Г. Чернышевскій, а за нимъ—Добролюбовъ...

Достаточно назвать одни эти имена, чтобы понять, въ какой міръ уносили А. Н. Пыпина „нѣсколько воспоминаній“, составляющихъ введеніе къ его послѣднему труду.

Незадолго до своей кончины Александръ Николаевичъ сдалъ въ редакцію „Вѣстника Европы“ и послѣднюю изъ своихъ рецензій. Подобно тому, какъ въ своей послѣдней книгѣ онъ обратился къ первоисточнику своихъ литературныхъ и общественныхъ взглядовъ, такъ въ своей послѣдней рецензіи онъ еще разъ настойчиво выдвинулъ основную мысль, около которой сосредоточивалась въ теченіе полувѣка его работа.

Темой для рецензіи послужили новыя книги по русской исторіи г. Рожкова.

Изложивъ, въ чемъ заключается, по словамъ автора, его основная *соціологическая* точка зрѣнія, Пыпинъ замѣчаетъ:

„Авторъ слишкомъ преувеличилъ. Что русская исторія должна быть вообще разсматриваема съ возможно широкой точки зрѣнія, это понятно само собой. Далѣе, самъ авторъ воленъ и можетъ разсматривать русскую исторію какъ хочетъ, это — дѣло его вкуса; но въ обыкновенномъ пониманіи вещей „русская исторія“ для русскихъ людей вовсе не есть только „матеріалъ для построенія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ“, — для русскихъ людей она любопытна, и должна быть поучительна, сама по себѣ, въ

ея самомъ „конкретномъ" видѣ, какъ именно исторія *своего* народа, *своего* отечества"..

Далѣе Пыпинъ находитъ, что „увлекаясь соціологическими разсужденіями, авторъ чрезчуръ пренебрегаетъ обычными историческими представленіями; онъ утверждаетъ, что и соціологія, и *исторія* занимаются только состояніями. Это—очень крупная ошибка. Исторія занимается также событіями и лицами. Эти событія и лица имѣютъ то важное значеніе, что съ ними соединяется одинъ существенный элементъ „исторіи", котораго не вытѣснитъ никакая самая возвышенная и абстрактная историческая наука, именно *личность*. Народная жизнь, составляющая истинный предметъ исторіи, вовсе не ограничивается „хозяйственнымъ процессомъ, но выражаетъ свое содержаніе и свои стремленія въ отдѣльныхъ замѣчательныхъ, иногда прямо геніальныхъ личностяхъ,—и эти личности, личности „великихъ людей" остаются для народовъ предметами высокаго почтенія, образцами и идеалами, остаются его нравственнымъ наслѣдіемъ".

Наконецъ, обращаясь къ разбору „учебной книжки, въ которой Петръ Великій какъ личность почти не удостоенъ мѣста въ исторіи", Пыпинъ говоритъ: „Учебникъ" русской исторіи безъ Петра Великаго—это своего рода фокусъ,—первый въ русской литературѣ"...

Приведенныя нами „послѣднія" въ печати слова Пыпина, ясно показываютъ, какъ онъ относился къ изученію народности, и какъ онъ понималъ роль личности въ исторіи. Убѣжденный противникъ славянофильства и народничества въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ, Пыпинъ напряженно и вдумчиво изучалъ народную жизнь, которая, по его мнѣнію, составляетъ *истинный предметъ* исторіи. Народъ выражаетъ свое содержаніе въ геніальной личности. Указывая на геніальность Петра, Пыпинъ тѣмъ самымъ доказывалъ, что путь Петровской реформы вполнѣ совпадалъ съ ходомъ народной жизни, и что Россія XVIII—XIX вѣковъ должна была идти къ сближенію съ Западной Европой, на которомъ настаивалъ Петръ.

Сочувствіе Пыпина дѣлу Петра и любовь къ своему народу укоренились въ его сознаніи такъ глубоко, что вызывали въ немъ живой интересъ къ тѣмъ изъ позднѣйшихъ дѣятелей, которые высоко цѣнили реформу Петра и ставили своей цѣлью благо народа. Наиболѣе привлекательной стороной и въ общественныхъ движеніяхъ XIX вѣка была для Пыпина все та же европеизація Россіи, которая легла въ основу Петровской реформы. Въ этомъ сказывалась „не односторонность, а старая упроченность научныхъ и жизненныхъ взглядовъ".

Эта „упроченность" была господствующей чертой въ характерѣ А. Н. Пыпина; она сказывалась во всемъ—въ его повседневныхъ привычкахъ, въ его почеркѣ, въ любимыхъ „словечкахъ", въ звукѣ голоса, въ блескѣ проницательныхъ глазъ, всегда прямо устремленныхъ на собесѣдника. Однако упрямо строгій къ себѣ и другимъ Пыпинъ всякое проявленіе педантизма считалъ „послѣднимъ дѣломъ", гораздо болѣе предосудительнымъ, чѣмъ извѣстное „ротозѣйство россійской націи", какъ онъ шутя выражался о нашемъ „авось и небось". Спокойная увѣренность Пыпина во всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ, вполнѣ соотвѣтствовала его великой аккуратности—онъ такъ же тщательно велъ изслѣдованіе запутаннаго и сложнаго историко-литературнаго или общественнаго вопроса, какъ развязывалъ или закрѣплялъ веревочный узелокъ на сверткѣ книгъ или бумагъ. Академически-строгой обстоятельностью отличались всѣ работы Пыпина, не исключая его журнальныхъ статей:—

журнальная работа придавала извѣстную смѣлость и широту его замысламъ и обобщеніямъ, но не умаляла ихъ научной цѣнности.

Первая изъ научныхъ работъ Пыпина — „Словарь къ Новгородской первой лѣтописи“ — была помѣщена въ „Извѣстіяхъ 2-го Отд. Имп. Академіи Наукъ“; въ Ученыхъ Запискахъ Академіи появилась и его диссертація о старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ русскихъ; въ той же Академіи, „въ дружескомъ кругу сотоварищей, по его собственнымъ словамъ, Александръ Николаевичъ „нашелъ себѣ тихое пристанище въ концѣ 90-хъ годовъ“. Здѣсь онъ не затихъ, разумѣется, а лишь съ новой силой проявилъ кипучую не падавшую съ годами энергію: 1) онъ принялъ на себя, вмѣстѣ съ А. А. Шахматовымъ, редакцію возобновленныхъ въ 1896 году „Извѣстій 2-го отдѣленія“; 2) началъ и почти довелъ до конца сложную и кропотливую работу изданія сочиненій императрицы Екатерины II въ 12 объемистыхъ томахъ. За этой послѣдней работой и застала его смерть.

Такъ связь А. Н. Пыпина съ Академіей не была поздней и случайной— напротивъ, случайнымъ было „просвѣщенное“, какъ говорилъ покойный, „содѣйствіе“ гр. Д. А. Толстого, надолго задержавшаго вступленіе Пыпина въ ряды академиковъ. Оно состоялось лишь въ 1897 г., въ президентство В. К. Константина Константиновича.

Нельзя считать случайной указанную выше связь между началомъ и концомъ научно-литературной дѣятельности Пыпина именно потому, что онъ никогда не былъ публицистомъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, по складу своего ума и характера, по широтѣ образованія, по методамъ изслѣдованія и пріемамъ изложенія—это былъ первоклассный ученый, профессоръ и академикъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ больше, чѣмъ многіе изъ его сверстниковъ, оставался сыномъ своей родной деревни и своей бурной эпохи. Не говоря уже объ историкахъ литературы одного съ нимъ поколѣнія, все то же реальное изученіе народнаго духа и быта, тотъ же интересъ къ реформѣ Петра, и, главное, то-же отношеніе къ преобразованіямъ шестидесятыхъ годовъ мы встрѣтимъ у Кавелина, Костомарова, Соловьева и другихъ историковъ русской жизни. Но будучи ученымъ по существу, Пыпинъ такъ же чуждался науки для науки, какъ не понималъ или не хотѣлъ понять искусства для искусства. Въ его книгѣ о Некрасовѣ ярко изображена встрѣча двухъ направленій въ редакціи „Современника“. „Друзья стараго кружка редакціи, говоритъ Пыпинъ, не понимали, что Бѣлинскій въ послѣдніе годы его дѣятельности искалъ для литературы реальнаго общественнаго содержанія, новая критика была имъ непріятна; „политика“, т. е. вопросы общественные, была неинтересна; „разные экономическіе вопросы“ (а рѣчь шла объ освобожденіи крестьянъ) просто невразумительны. Словомъ, интересы молодыхъ поколѣній,—тѣ самые, которые были подняты въ тревожную пору Крымской войны,—были какъ будто чужды старымъ друзьямъ, когда, напротивъ, для молодыхъ поколѣній это были интересы животрепещущіе. Но то, что было чуждо или нелюбопытно старымъ друзьямъ, было Некрасову вполнѣ понятно,—и нетрудно было человѣку, нѣсколько воспріимчивому къ общественнымъ вопросамъ, понять, въ годы кризиса Крымской войны, общественное возбужденіе; понять, что оно должно было быть тѣмъ сильнѣе въ поколѣніяхъ молодыхъ, всегда наклонныхъ къ идеализму и не успѣвшихъ зачерствѣть въ рутинѣ себялюбія и самодовольствѣ“.

Именно къ числу такихъ идеалистовъ принадлежалъ самъ авторъ этихъ строкъ, бывшій когда-то ближайшимъ сотрудникомъ Некрасова, до глубокой

старости не успѣвшій зачерствѣть въ рутинѣ себялюбія и самодовольства, всегда, а не только въ годы кризисовъ, воспріимчивый къ общественнымъ вопросамъ.

Цѣну „чистой“ науки хорошо зналъ и Пыпинъ, какъ Некрасовъ зналъ цѣну „чистаго“ искусства. Но оба они не были и не могли быть самодовольными жрецами: ихъ неудержимо влекла къ себѣ общественность, которой одинъ изъ нихъ служилъ, какъ ученый, а другой—какъ поэтъ.

Вотъ почему, хотя смерть и застала Пыпина надъ рядомъ „академическихъ“ трудовъ, все же его „лебединой пѣсnью“ была книга о Некрасовѣ... Рядомъ съ Некрасовымъ онъ нашелъ себѣ вѣчный покой...

Я. Б.

Николай Θедоровичъ Бунаковъ.

(Некрологъ).

8-го ноября 1904 г., въ Петербургѣ скончался и погребенъ 11-го ноября на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой Н. В. Шелгунова,—Н. Θ. Бунаковъ. Въ покойномъ замѣчательно счастливо соединялся крупный педагогическій талантъ, подкрѣпленный продолжительнымъ педагогическимъ опытомъ, съ натурой широкаго, честнаго общественнаго дѣятеля: онъ былъ учителемъ въ школѣ и въ жизни, именно — *учителемъ*, а не преподавателемъ; въ немъ какъ учебное дѣло, такъ и общественная жизнь, потеряли одного изъ лучшихъ своихъ работниковъ, умѣвшаго и отстаивать, и проводить свои взгляды неуклонно, послѣдовательно, стойко, запечатлѣвшаго свою общественно-педагогическую дѣятельность испытанными имъ преслѣдованіями, гоненіемъ...

Николай Θедоровичъ родился 26-го ноября 1837 г. въ г. Вологдѣ, учился въ гимназіи, началъ педагогическую дѣятельность въ 1854 г. учителемъ русскаго языка въ Тотемскомъ уѣздномъ училищѣ; почти одновременно съ этимъ началась и литературная дѣятельность Бунакова: въ „Москвитянинѣ“ 1855 г. появилась его статья, —„К. Н. Батюшковъ“, критико-біографическій очеркъ. Переѣхавши учителемъ въ г. Вологду, Н. Θ. продолжалъ заниматься самообразованіемъ, этнографіей и литературой. Обличительныя корреспонденціи и статьи его, совпавшія съ періодомъ критическаго отношенія къ дореформенной Россіи, вызвали волненія въ вологодскомъ бюрократическомъ обществѣ. Бунаковъ оставилъ педагогику и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялся публицистикой, помѣщая свои произведенія въ „Искрѣ“, „Времени“, „Свѣточѣ“. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ извѣстными уже тогда педагогами, К. Д. Ушинскимъ и Θ. Θ. Резенеромъ, — организаторомъ и руководителемъ безплатной школы. Въ то же время Н. Θ—чъ посѣщалъ С.-Петербургскій университетъ, какъ вольнослушатель, выдержалъ экзаменъ на званіе учителя русскаго языка военно-учебныхъ заведеній и, послѣ закрытія петербургской безплатной школы, гдѣ онъ занимался, былъ назначенъ преподавателемъ Воронежской военной гимназіи (въ началѣ 1866 г.). Въ слѣдующемъ году онъ основалъ въ Воронежѣ частную начальную школу, которою и руководилъ около 13 лѣтъ, состоя въ то же время инспекторомъ народныхъ училищъ, устраивая съѣзды учителей и принимая въ нихъ самое дѣятельное участіе въ г. Херсонѣ, Псковѣ, Шадринскѣ и др. Въ 1879 г. Бунаковъ принужденъ былъ выйти въ отставку.

Новый періодъ его педагогической дѣятельности начался въ 1884 г., когда

онъ купилъ земельный участокъ въ с. Петино, въ 15 верстахъ около г. Воронежа. Здѣсь онъ выстроилъ и организовалъ школу, завелъ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и основалъ драматическій театръ, участниками котораго были мѣстные крестьяне. Въ 1891 г., организовавъ попечительство для помощи голодающимъ, Н. Ѳ. весь отдался дѣлу помощи бѣдствующему населенію Воронежской г. и завѣдывалъ нѣсколькими столовыми для голодающихъ. Онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и любовью крестьянъ, но однако встрѣчалъ часто препятствія на избранномъ поприщѣ дѣятельности, принужденъ былъ педагогическую дѣятельность, признанную вредной, прекратить и отдался со всею своей обычной горячностью и убѣжденностью земскому дѣлу въ качествѣ гласнаго Воронежскаго губернскаго земства. Произнесеніе рѣчи въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ 1902 г. повело къ преслѣдованіямъ. По распоряженію Мин. Внутр. дѣлъ, Бунаковъ былъ лишенъ права участія въ земской дѣятельности, высланъ сперва въ свой хуторокъ, потомъ въ г. Острогожскъ подъ гласный надзоръ полиціи. Тогда же произведено было уничтоженіе созданныхъ Бунаковымъ учрежденій—дорогихъ ему народной школы и народнаго театра въ с. Петино. Преемникъ В. К. Плеве возстановилъ права Н. Ѳ. Осенью 1904 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ скончался здѣсь.

Почти полвѣка общественно-педагогической дѣятельности Бунакова шли рядомъ съ литературной общей и педагогической работой. Въ 1858 г. онъ издалъ „Сельско-хозяйственный очеркъ Вологодской губерніи". Въ 1871 г. напечатанъ былъ имъ рядъ статей въ „Семьѣ и Школѣ", которыя вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Обученіе грамотѣ по звуковому способу въ связи съ предметными уроками и начальными упражненіями въ родномъ языкѣ". Въ томъ же году появилась „Азбука и уроки чтенія и письма" (выдержала болѣе 65 изданій), „Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности" 1862 г., „Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ" 1873 г., „Въ школѣ и дома, книга для чтенія" 1876 г., „Книжка-первинка" 1888 г., „Дневникъ начальной образовательной школы" 1882 г., „Школьный годъ" 1887 г., „Сельская школа и народная жизнь", „Какъ я сталъ и пересталъ быть учителемъ („Образованіе" 1903 г. №№ 7—9) и др. Въ концѣ 80 и въ началѣ 90-хъ гг. онъ редактировалъ изданія сочиненій Пушкина, Лермонтова и Кольцова для народныхъ школъ. Съ 1872 г. Н. Ѳ. началъ читать лекціи народнымъ учителямъ по методикѣ русскаго языка; результатомъ работы покойнаго педагога, какъ руководителя занятіями на многихъ учительскихъ курсахъ была его книга „Школьное дѣло".

Значеніе новаго въ методѣ преподаванія *Н. Ѳ.* извѣсный педагогъ Ѳ. Резенеръ опредѣляетъ такъ. Ходъ обученія соединялся у него съ большими требованіями, чѣмъ какія обыкновенно ставятъ школѣ и сами народные учителя, и инспекція народныхъ школъ. Авторъ задается не однимъ обученіемъ грамотѣ и усвоеніемъ дѣтьми навыка въ механическомъ чтеніи и письмѣ, а стремится развить ихъ мышленіе, научить правильной и логически построенной рѣчи,—вообще развить дѣтей до того уровня, на которомъ они и по выходѣ изъ школы, любили бы наблюденіе окружающаго, чтеніе и другія умственныя занятія, и были бы способны изложить собственныя мысли. Для этой цѣли онъ опираетъ занятія съ дѣтьми въ народной школѣ (начиная съ самаго обученія грамотѣ) на объяснительномъ чтеніи и предметныхъ урокахъ, признавая то и другое занятіе единственными средствами развить умственныя способности дѣтей, посѣщающихъ народную школу, до уровня

образованія, который могъ бы пригодиться имъ въ жизни больше одной грамотности, хотя бы доведенной до правильнаго письма подъ диктовку („Народ. школа“ 1881 г., № 2-й).

Самъ Бунаковъ о народной школѣ и новомъ методѣ преподаванія русскаго языка говорилъ въ своихъ сочиненіяхъ: народная школа, какъ бы кратокъ ни былъ ея курсъ, не можетъ и не должна ограничиваться узкою цѣлью научить грамотѣ, сообщить кое-какія практическія знанія и умѣнія. При такомъ ограниченіи, она вовсе не будетъ выполнять того дѣла, которое составляетъ задачу всякой общеобразовательной школы. Такая школа имѣетъ дѣло съ *людьми*, въ которыхъ, по мѣрѣ возможности, она должна поднять человѣческое достоинство, какимъ бы грубымъ трудомъ они ни занимались, чтобы приготовить ихъ къ разумной человѣческой жизни, не отрывая ихъ отъ труда, но внося въ него свѣтъ сознанія и силу развитой мысли. Изъ сказаннаго видно, что слово, какъ неразлучный спутникъ и единственный показатель дѣятельности мышленія, имѣетъ полное значеніе только въ томъ случаѣ, когда въ немъ дѣйствительно сосредоточена наиболѣе подходящая работа сознанія рѣчи, такъ какъ слово не имѣетъ никакой цѣны въ тѣхъ случаяхъ, когда въ душѣ человѣка отсутствуетъ или находится въ несовершенномъ видѣ то, что слово должно обозначать („Родной языкъ, какъ предметъ обученія“).

Новый методъ исходитъ изъ тѣхъ началъ, что изученіе грамматики родного языка должно идти параллельно и въ связи съ изученіемъ самаго языка, какъ матеріала и средства для выраженія мыслей, указаннаго самой природой и сообщаемаго жизнью, что элементарное преподаваніе грамматики должно имѣть въ виду не только сообщеніе готовыхъ знаній и понятій, но и *развитіе ума* путемъ вырабатыванія ихъ, а потому должно основываться не на простомъ заучиваніи (хотя и съ полнымъ пониманіемъ), опредѣленій и правилъ, а на работѣ собственной мысли учащихся, распредѣляя грамматическіе выводы отъ легчайшаго къ труднѣйшему, по мѣрѣ того какъ усиливается развивающаяся мысль.

Новый методъ обыкновенно дѣлитъ занятія роднымъ яз. на два отдѣла: одни занятія ставятъ дѣтямъ задачею усвоеніе языка, какъ матеріала и средства для выраженія мыслей, а другія—пріобрѣтеніе грамматическихъ знаній, необходимыхъ для того, чтобы владѣть языкомъ не только въ силу привычки, но сознательно.

Для первой цѣли новый методъ прибѣгаетъ къ объяснительному чтенію и къ тѣмъ разнообразнымъ устнымъ и письменнымъ упражненіямъ, которыми чтеніе обыкновенно сопровождается. Для второй цѣли новый методъ пользуется, во 1-хъ, наблюдательностью учащихся, направляя ее на явленія языка, доступныя ихъ пониманію; во 2-хъ, свойственной всякому человѣку способностью къ обобщеніямъ и выводамъ, возбуждая и развивая эту способность въ той же сферѣ явленій языка. При этомъ, избѣгая сообщенія готовыхъ понятій и формулъ, новый методъ стремится, чтобы учащіеся сами наблюдали явленія языка, сами сравнивали и обобщали ихъ, сами дѣлали и формулировали выводы („Концентрическій учебникъ русской грамматики“ Бунакова).

Въ 1882 г. петербургскій комитетъ грамотности оцѣнилъ дѣятельность Бунакова на пользу русской народной школы и присудилъ ему золотую медаль. Этой-то народной школѣ, а также и народному учителю, былъ наиболѣе дорогъ покойный Николай Θедоровичъ, и какъ талантливый руководитель

педагогическаго дѣла, и какъ идеалъ „общественнаго дѣятеля-учителя" въ старомъ, честномъ, хорошемъ смыслѣ этого слова. Многочисленные почитатели его собрались проводить до мѣста послѣдняго успокоенія прахъ славнаго человѣка. Не забыли его и соратники по общему земскому дѣлу: вмѣсто вѣнка, они внесли (за 60 подписями находившихся тогда въ Петербургѣ „земцевъ" разныхъ губерній) болѣе 600 руб. въ „фондъ народнаго просвѣщенія" на память о Бунаковѣ; 25-го же ноября, Воронежская городская дума постановила увѣковѣчить память покойнаго присвоеніемъ одному изъ городскихъ училищъ его имени.

Иг. Ж—цкій.

Е. І. Лихачева.

(Некрологъ).

4-го декабря скончалась Е. І. Лихачева. Въ ея лицѣ сошла въ могилу женщина, выдающаяся по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, литературному дарованію и крупнымъ общественнымъ заслугамъ.

Елена Іосифовна родилась въ 1836-мъ году и воспитывалась въ Смольномъ Институтѣ, который окончила на 14-мъ году. Мало отрадныхъ впечатлѣній вынесла она изъ Института и до конца жизни сохранила отрицательное отношеніе къ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ. Со скуднымъ запасомъ знаній вступила въ жизнь Елена Іосифовна; но богато одаренная отъ природы, она горячо взялась за ихъ пополненіе, много читала и училась, находя, къ счастью, просвѣщенныхъ руководителей въ отцѣ и старшемъ братѣ, извѣстномъ впослѣдствіи педагогѣ, баронѣ Коссинскомъ. Выйдя замужъ на 27-мъ году вполнѣ сложившейся и самостоятельной личностью, Елена Іосифовна не могла довольствоваться узкими рамками семейной, хотя и счастливой жизни. Она продолжала неустанно работать и не дала заглохнуть обнаружившемуся у нея литературному таланту. Въ 1869-мъ году появилась въ „Отечественныхъ Запискахъ" ея первая статья „Новости по женскому дѣлу во Франціи и въ Америкѣ". За этой статьей послѣдовалъ рядъ другихъ, затрогивающихъ тѣ или иныя стороны женскаго движенія: „Женское движеніе у насъ и заграницей" („Отеч. Зап". 1870 г. кн. 4), „Воспитаніе женщинъ съ точки зрѣнія положительной философіи" (Ibid. кн. 10) „Женщины въ современной войнѣ" (Ibid. 1871 г. кн. 2), „Избирательныя права женщинъ въ Англіи" (Ibid. кн. 6), „Парижскій конгрессъ по женскому вопросу" (Ibid. 1873 кн 5), „Экономическое положеніе женщинъ во Франціи" (Ibid. 1874 кн. 1), „Посмертное сочиненіе Прудона о женщинахъ" (Ibid. 1876 кн. 2 и 3) и др.

Изъ этого перечня видно, что ее интересовали и вопросы женскаго воспитанія, и психологія женщины, и ея экономическое и соціальное положеніе Во всѣхъ этихъ статьяхъ Елена Іосифовна является горячей поборницей равноправности женщины съ мужчиной, равноправности, основанной и на равныхъ обязанностяхъ. Болѣе всего ратуетъ она за право женщинъ на образованіе, горячо доказывая значеніе этого образованія не только для самихъ женщинъ, но и для подрастающаго поколѣнія, для всего общества. Многое изъ того, за что боролась Елена Іосифовна въ 70-хъ годахъ, хотя и не завоевано еще вполнѣ, но твердо вошло въ общественное сознаніе, и

хочется вѣрить вмѣстѣ съ Еленой Іосифовной, что „законы уступятъ общественнымъ требованіямъ" *).

Не смотря на публицистическій характеръ статей этого перваго періода литературной дѣятельности Е. I., многія изъ нихъ не утратили своего значенія и въ настоящее время: откликаясь на „злобы дня" Е. I. сосредоточивала свое вниманіе не на томъ, что является въ нихъ преходящимъ, а на томъ, что составляетъ ихъ неизмѣнную сущность, независимо отъ условій времени. Одна изъ этихъ статей—„Женщины въ современной войнѣ", написана какъ будто вчера. Съ глубокой болью говоря въ ней о безпощадномъ ожесточеніи французовъ и нѣмцевъ, о кровавой бойнѣ между двумя культурными націями, она возлагаетъ на женщину высокую миссію „поддерживать утраченныя въ пылу разнузданныхъ страстей, общечеловѣческія чувства" и, „не справляясь о національности страдающихъ, изувѣченныхъ войной людей, видѣть въ нихъ прежде всего человѣка, нуждающагося въ помощи, оказывать ему эту помощь и такимъ образомъ хоть сколько-нибудь исправлять страшное зло, причиненное войной" **).

У Е. I. слово никогда не расходилось съ дѣломъ и во время русско-турецкой войны 77—78 года, мы видимъ ее на театрѣ военныхъ дѣйствій. Трижды совершаетъ она поѣздку въ Сербію, работаетъ въ госпиталяхъ, организуетъ помощь тяжело пострадавшему мѣстному населенію и въ рядѣ талантливыхъ корреспонденцій ярко и правдиво рисуетъ всѣ ужасы войны.

По возвращеніи съ войны Е. I. вновь отдается литературной и общественной дѣятельности: она переводитъ и издаетъ рядъ общедоступныхъ книгъ, принимаетъ живое участіе въ созданіи образцовой женской гимназіи, работаетъ въ томъ же просвѣтительномъ направленіи въ одномъ изъ первыхъ женскихъ обществъ, возникшихъ въ 60-хъ годахъ, въ „Обществѣ воспитательницъ и учительницъ" и, наконецъ, въ 1880 году вступаетъ въ Комитетъ „Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ", служенію которымъ посвящена дальнѣйшая $^1/_2$ вѣковая дѣятельность Елены Іосифовны. Въ продолженіе первыхъ 11 лѣтъ своего пребыванія въ Комитетѣ она несла обязанности библіотекаря и много способствовала правильной постановкѣ и широкому развитію библіотечнаго дѣла на Курсахъ. На ряду съ этимъ, она принимала самое живое участіе во всѣхъ дѣлахъ Комитета и въ 1889 году была избрана его предсѣдательницей. Курсы переживали тогда тяжелое время: пріемъ слушательницъ былъ прекращенъ, курсъ за курсомъ закрывался и гибель молодого, еще не успѣвшаго окрѣпнуть, учрежденія казалась неизбѣжной. Комитетъ, съ Е. I. во главѣ, не могъ съ этимъ примириться и энергично боролся, отстаивая право на существованіе этого разсадника научнаго знанія для женщинъ.

Борьба увѣнчалась успѣхомъ: послѣ 4-лѣтняго перерыва, пріемъ былъ возобновленъ и курсы возродились къ жизни. Съ неизмѣннымъ интересомъ слѣдитъ Е. I. за дальнѣйшимъ развитіемъ курсовъ: ее радуетъ и неудержимо изъ года въ годъ растущій наплывъ слушательницъ и приливъ средствъ, какъ показатели общественнаго сочувствія; горячо привѣтствуетъ она учрежденіе новыхъ каѳедръ и расширеніе программы преподаванія, всегда высказываясь противъ попытокъ придать ему профессіональный, утилитарный характеръ въ ущербъ образованію университетскому. Е. I. дожила

*) „Женское движеніе у насъ и за границей" (О. З. 1870 г., № 4).
**) „Женщины въ современной войнѣ" (О. З. 1871 г., кн. 2).

до счастливаго дня, когда по случаю 25-лѣтняго юбилея Высшихъ Женскихъ Курсовъ громадное значеніе ихъ въ жизни нашей родины было громогласно признано русскимъ обществомъ, въ многочисленныхъ адресахъ и привѣтствіяхъ, провозгласившихъ Курсы—Женскимъ Университетомъ.

На ряду съ этимъ Е. І. была убѣжденной сторонницей совмѣстнаго, тождественнаго образованія обоихъ половъ и не могла мириться съ тѣмъ, что двери русскихъ университетовъ еще закрыты для женщинъ. Однимъ изъ послѣднихъ ея дѣяній была подача прошенія на имя ректора Спб. Университета, во время работы по пересмотру университетскаго устава, о допущеніи женщинъ въ университетъ.

Одновременно съ интенсивной общественной дѣятельностью Е. І. продолжала свои литературныя работы, сосредоточившись на близкой ей и такъ хорошо знакомой области женскаго образованія. Въ теченіе 15 лѣтъ она неустанно работала въ архивахъ М-ва Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи, и результатомъ этого явился ея капитальный трудъ, скромно озаглавленный „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи". Громадный трудъ этотъ, обнимающій 8-ми вѣковой періодъ (1086—1880 г.), составляетъ крупный и очень цѣнный вкладъ въ исторію русской культуры. Выдающіяся достоинства этого сочиненія признано Академіей Наукъ, присудившей ему сначала почетный отзывъ, а по выходѣ послѣдней части—Уваровскую награду. Академикъ С. Ф. Ольденбургъ, которому былъ порученъ разборъ послѣдняго тома (1856—1880), признаетъ, что „ничего соотвѣтствующаго книгѣ г-жи Лихачевой мы не имѣемъ по всѣмъ остальнымъ сторонамъ нашего воспитанія и образованія" *) и указываетъ, что „установленіе степени и характера взаимодѣйствія всѣхъ факторовъ, повліявшихъ на значительный успѣхъ женскаго образованія за время 1856—1880 г., представляло чрезвычайно трудную задачу, удачному разрѣшенію которой не мало конечно помогло то обстоятельство, что Е. І. Лихачева сама—одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей движенія женскаго образованія въ Россіи и могла поэтому внести въ свою работу неоцѣнимую помощь личнаго опыта и непосредственнаго знакомства съ изслѣдуемымъ ею періодомъ" **).

„Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи" были лебединой пѣснью Е. І. Закончивъ ихъ въ преклонномъ возрастѣ, она положила перо и одновременно отказалась по слабости здоровья отъ дальнѣйшаго активнаго участія въ дѣлахъ „Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Тяжелой потерей для комитета былъ выходъ изъ его состава Е І. Избраніе ея въ почетные члены комитета и учрежденіе на курсахъ стипендіи ея имени, дающей возможность слушательницѣ, окончившей курсы, продолжать научное образованіе, явились лишь слабой данью благодарнаго уваженія къ той, которая такъ много потрудилась на пользу женскаго образованія въ Россіи.

Елена Іосифовна была въ высшей степени скромна и сдержана въ проявленіяхъ чувствъ; она не искала популярности и ее мало знали, но дружбой ея дорожили такіе люди, какъ Елисѣевъ, Бѣлоголовый, Салтыковъ, Некрасовъ. Одна изъ лучшихъ поэмъ послѣдняго „Мать", посвящена Е. І. Лихачевой. Послѣдніе годы жизни Е. І. вступила въ переписку съ Л. Н. Тол-

*) Разборъ сочиненія Е. І. Лихачевой „Матеріалы для женскаго образованія въ Россіи" 1856—1880. Отзывъ С. Ф. Ольденбурга 1904 г.

**) Послѣ смерти Е. І. слушательницы В. Ж. К. постановили учредить стипендію ея имени на курсахъ и открыли сборъ между собою.

стымъ, котораго высоко цѣнила, какъ „учителя жизни“; „Въ чемъ моя вѣра“ была ея настольной книгой. Вообще болѣзнь не сломила могучаго духа Е. I., и общеніе съ ней примиряло съ неизбѣжностью старости: до конца дней она жила интенсивной умственной жизнью и глубоко интересовалась всѣми проявленіями человѣческаго духа. Горячо отзывалась она и на сложныя явленія русской общественной жизни, освѣщая ихъ съ присущей ей строгой принципіальностью. Вѣрная себѣ, она со скорбнымъ негодованіемъ говорила о войнѣ и страстно жаждала ея прекращенія во что бы то ни стало. Чутко прислушиваясь къ разнымъ теченіямъ, волнующимъ русскую жизнь, она не поддалась оптимизму, охватившему послѣднее время значительную часть Общества, и предвидѣла еще долгую борьбу со тьмой, но непоколебимо вѣрила въ конечное торжество идеаловъ правды и свободы.

О. Нечаева.

Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ.

(Некрологъ).

10 ноября 1904 г. скончался и 13-го былъ погребенъ въ г. Кіевѣ извѣстный кіевскій и петербургскій педагогъ В. Л. Беренштамъ. Онъ родился въ 1839 г. въ г. Кіевѣ, въ семьѣ комерсанта, онѣмечившагося еврея изъ Курляндіи, окончилъ 1-ю кіевскую гимназію въ 1859 г., окончилъ историко-филологическій факультетъ университета Св. Владимира въ 1863 г., два года былъ на педагогическихъ курсахъ, въ 1865 г. поступилъ на службу преподавателемъ исторіи въ Каменецъ-Подольскую гимназію, переѣхалъ въ Кіевъ въ 1868 г. и занялъ мѣсто преподавателя въ Кадетскомъ корпусѣ. Вскорѣ популярность его, какъ выдающагося, прекраснаго учителя, и значеніе, какъ честнаго, прогрессивнаго общественнаго дѣятеля, установилась прочно. По мнѣнію одного біографа его, на умственномъ складѣ и характерѣ В. Л. Беренштама лежала печать необыкновенной глубины и сложности. Три культуры отразились на этомъ большомъ и глубокомъ умѣ, три темперамента чудно слились въ его очень выдержанномъ, рѣшительномъ, но въ то же время очень мягкомъ характерѣ. По происхожденію еврей, по первоначальному воспитанію нѣмецъ, по образованію и развитію русскій, онъ соединялъ въ своемъ характерѣ, жизни и дѣятельности страстную убѣжденность семита, общественность и порядливость германца и широкій свободный порывъ славянина. Это былъ гуманистъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова. Любовь къ тому краю, среди котораго онъ выросъ, къ его второй родинѣ окрѣпла въ немъ въ университетскій періодъ жизни, когда онъ сблизился съ кругомъ мѣстныхъ людей, впослѣдствіи крупныхъ представителей украинскаго прогрессивнаго движенія, оффиціально именуемаго украинофильствомъ. Съ этимъ кругомъ людей онъ и прошелъ весь свой жизненный путь, совершилъ свое земное поприще въ общественномъ смыслѣ, куда бы ни заносили его потомъ безжалостная судьба и люди. Въ 1879 г. Беренштамъ былъ гласнымъ думы и однимъ изъ виднѣйшихъ представителей небольшой оппозиціонной группы, отстаивавшей въ кіевскомъ муниципалитетѣ интересы города, школы, общественнаго прогресса отъ личныхъ аппетитовъ и реакціоннаго большинства гласныхъ думы. Тогда онъ выдвинулся, какъ энергичный и сильный ораторъ. Но въ томъ же году ему пришлось оставить надолго Кіевъ: крайній либералъ, украинофилъ и горячій общественный дѣятель былъ переве-

денъ во Псковъ преподавателемъ Кадетскаго корпуса. Здѣсь онъ пробылъ годъ, но успѣлъ и тутъ поработать для мѣстнаго края,—занялся археологіей и прочелъ двѣ публичныя лекціи (вышли въ 1880 г. отдѣльной брошюрой). Въ 1880 г., переѣхавши въ Петербургъ, онъ занялъ мѣсто въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, потомъ въ Пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ; съ 1883 по 1898 г. былъ преподавателемъ исторіи и дежурнымъ наставникомъ въ Учительскомъ институтѣ. Въ Петербургѣ значеніе его, какъ прекраснаго преподавателя, окончательно укрѣпилось. Онъ умѣлъ увлечь и заинтересовать учениковъ занятіями, умѣлъ быть яснымъ и понятнымъ какъ малымъ дѣтямъ, такъ и вполнѣ взрослымъ юношамъ, умѣлъ создать вокругъ себя атмосферу труда, честнаго общественнаго настроенія, жизненной бодрости и любви къ народу, къ слабымъ, обездоленнымъ, некультурнымъ людямъ, тянущимся къ свѣту и правдѣ. Все это создавалось не только педагогическимъ талантомъ, но и обширною начитанностью, глубокимъ знаніемъ излюбленнаго имъ предмета: и исторію прошлаго онъ всегда умѣлъ освѣтить вѣрнымъ пониманіемъ и общественнымъ смысломъ, — прошлое давало возможность его многочисленнымъ, сохранившимъ о немъ незабываемую память, ученикамъ уяснять настоящее, кипучее, трудное время жизни русской въ 70-е, 80-е и 90-е годы.

Беренштамъ не оставилъ значительныхъ трудовъ въ педагогической литературѣ, но устнымъ словомъ совершилъ во много кратъ больше того, что создавали своими даже печатными трудами многіе изъ его современниковъ-педагоговъ. Въ учительскомъ институтѣ и до сихъ поръ пользуются, однако, его литографированными брошюрами по методикѣ исторіи и географіи, изданными еще около 1888 г. Въ Петербургѣ покойный учитель „общественнаго самосознанія", (иначе нельзя опредѣлить его значенія, какъ преподавателя), принималъ самое дѣятельное участіе во многихъ общественныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Между прочимъ, онъ былъ главнымъ организаторомъ Общества взаимнаго вспоможенія бывшимъ воспитанникамъ Петербургскаго учительскаго института, товарищемъ предсѣдателя каковою и состоялъ со дня его основанія, издателемъ сочиненій малорусскаго поэта Т. Г. Шевченка, основателемъ общества его имени въ Петербургѣ, основателемъ тамъ же общества распространенія дешевыхъ полезныхъ народныхъ малорусскихъ книгъ и т. д.

Кромѣ того, онъ былъ почетнымъ мировымъ судьей г. Остра Черниговской губерніи, гдѣ у него была усадьба. Въ 1898 г. Беренштамъ вышелъ въ отставку, вернулся на родину и поселился въ Кіевѣ, гдѣ весь отдался общественнымъ дѣламъ и начинаніямъ: особенно дѣятельное участіе онъ принималъ въ кіевскомъ комитетѣ грамотности, комитетѣ по постройкѣ народнаго дома, коммиссіи народныхъ чтеній, литер.-артист. обществѣ и т. п. Въ 1875 г. онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Кіевскаго телеграфа", въ 1881 г. въ „Порядкѣ" и постояннымъ сотрудникомъ „Кіевской Старины" и „Русской школы". Миръ праху твоему, добрый сѣятель добраго сѣмени!

И. Ж.

Разныя извѣстія и сообщенія.

Казанскій Университетъ. 5-е ноября 1904 г. знаменательный день въ жизни казанскаго университета: ровно 100 лѣтъ тому назадъ уставъ и „утвердительная грамота" его были подписаны Императоромъ Александромъ I, который, „предположивъ, сообразно степени просвѣщенія настоящихъ временъ", учредить университетъ, избралъ мѣстомъ для него Казань „въ видахъ уже полувѣкового существованія здѣсь гимназіи"—старѣйшей въ Россіи, основанной въ 1758 году Императрицей Елизаветой Петровной. Такъ былъ зажженъ новый свѣточъ науки, имѣющій озарить свѣтомъ знанія громадный районъ—всю восточную часть Европейской Россіи, Сибирь и Кавказъ (таковы предѣлы казанскаго учебнаго округа того времени). Ровно сто лѣтъ тому назадъ въ Россіи былъ только одинъ университетъ, въ Москвѣ, крайне скудный денежными средствами, профессорами и студентами (210 человѣкъ!) на четырехъ факультетахъ; бѣдна была тогда Россія и другими высшими учебными заведеніями (3 духовныхъ академіи, 2 медицинскихъ академіи и 1 художественная академія); число студентовъ въ тогдашнихъ 7 высшихъ заведеніяхъ едва достигало двухъ тысячъ человѣкъ; теперь въ десяти университетахъ и сорока прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи находится 45 тысячъ человѣкъ (включая военныя академіи и 3 музыкальныя консерваторіи въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ). За сто лѣтъ университетъ находился подъ воздѣйствіемъ 4 уставовъ: 1804, 1835, 1863 и 1884 годовъ, и съ прискорбіемъ должны мы отмѣтить, что уставъ 1884 г. былъ хуже прежнихъ уставовъ; теперь всѣ университеты ободрились надеждою на лучшее будущее, согласно возвѣщенному съ высоты Престола намѣренію преобразовать учебное дѣло на Руси всесторонне. За 100 лѣтъ своего существованія казанскій университетъ пережилъ многое: и „директорство" Яковкина, и ревизію, а затѣмъ и попечительство Магницкаго, когда университету грозила опасность „уничтоженія" („Уничтоженіе сіе—писалъ Магницкій въ своемъ донесеніи министру—можетъ быть двухъ родовъ: 1) въ видѣ пріостановленія университета и 2) въ видѣ публичнаго его разрушенія"), но зналъ и лучшія времена: попечительство Мусина-Пушкина, ректорство Лобачевскаго и цвѣтущіе годы дѣйствія устава 1863 г. 100 этихъ лѣтъ прошли не безплодно для науки и не безслѣдно для края, который казанскій университетъ былъ призванъ освѣщать свѣтомъ знанія. Эта просвѣтительная миссія его выполнялась и выполняется по мѣрѣ силъ, чему свидѣтельствомъ являются такія громкія и извѣстныя всей Россіи имена, какъ: Лобачевскій, Симоновъ, Мейеръ, Щаповъ, Браунъ, Аристовъ Н. Я. Громека, Буличъ, Солнцевъ, Троицкій, Левшинъ, Виноградовъ, Качановскій, Морковниковъ, Осокинъ, Адамовъ, Шпилевскій,

Раовзумскій, Богдановъ, Смирновъ, Хомяковъ, А. О. и Н. О. Ковалевскіе. Ге, Зайцевъ, Корсаковъ, и мн. другія. Среди 9 русскихъ университетовъ, казанскій занимаетъ 8 мѣсто по количеству студентовъ (902), превосходя только томскій (650) и уступая прочимъ семи университетамъ: московскому (4845), с.-петербургскому (3855), кіевскому (3250), юрьевскому (1800), одесскому (1500), харьковскому (1450) и варшавскому (1340); особнякомъ стоитъ финляндскій университетъ въ Гельсингфорсѣ ($2^1/_2$ тысячи студентовъ), не подчиненный русскому министру народнаго просвѣщенія, а подвѣдомственный финляндскому сенату. Празднованіе 100-лѣтія отложено до болѣе удобнаго времени. Лучшимъ способомъ ознаменованія этого высокоторжественнаго дня было-бы, какъ и мечтаютъ объ этомъ иниціаторы дѣла—профессора университета и всѣ, чьему сердцу близки интересы высшаго образованія на Руси, открытіе при университетѣ *высшихъ женскихъ курсовъ*. Хотѣлось-бы думать, что мечты эти осуществятся! („Нов.").

Евреи въ Харьковскомъ университетѣ. Министръ народнаго просвѣщенія, призналъ возможнымъ увеличить на текущій годъ норму для лицъ іудейскаго исповѣданія въ харьковскомъ университетѣ до 7% общаго числа наличныхъ студентовъ. Сверхъ того, онъ разрѣшилъ принять въ число студентовъ харьковскаго университета еще 10 человѣкъ евреевъ. („Нов.").

Школы для фармацевтовъ. Въ 8 § проекта новаго фармацевтическаго устава предполагается упраздненіе прохожденія университетскаго курса наукъ и передача дѣла фармацевтическаго образованія въ руки частныхъ лицъ. Такой проектъ былъ весьма несочувственно встрѣченъ въ фармацевтическихъ кругахъ, и депутаты отъ фармацевтовъ при медицинскомъ департаментѣ препроводили въ министерство внутреннихъ дѣлъ докладную записку, въ которой указываютъ на нераціональность предположенія передачи высшаго фармацевтическаго образованія въ руки частныхъ предпринимателей. Число обучающихся фармаціи въ Россіи очень значительно, и, если будутъ созданы школы частныхъ лицъ, которымъ придется одновременно заботиться и о надлежащей постановкѣ дѣла и о своей выгодѣ, то, очевидно, вся масса фармацевтовъ направится въ тѣ школы, гдѣ будутъ ставиться наименьшія требованія въ научномъ смыслѣ или гдѣ будетъ дешевле. Но какъ бы низка ни была плата въ частной школѣ, она всетаки будетъ выше, чѣмъ въ государственной. При теперешней практической подготовкѣ фармацевтовъ, поступающій въ аптеку съ первыхъ же дней обученія получаетъ плату за трудъ; при отмѣнѣ же этой системы фармацевтическое образованіе станетъ удѣломъ только болѣе или менѣе состоятельныхъ людей, что поведетъ къ уменьшенію числа изучающихъ фармацію, между тѣмъ какъ событія послѣдняго военнаго времени указали на недостатокъ въ фармацевтахъ. Было бы непонятно, почему такое исключительное положеніе создалось бы только для фармацевтовъ. Если врачи, техники, юристы нуждаясь въ высшемъ образованіи, проходятъ высшую государственную школу, то, очевидно, то же самое должно быть признано и для образованія фармацевтическаго. („Нов.").

Ученическія библіотеки. Вопросъ о чтеніи учащихся въ послѣднее время особенно интересуетъ педагогическія сферы. Обыкновенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ книги ученической библіотеки раздѣлены на три отдѣленія—по возрастамъ учащихся. Теперь можно отмѣтить новый типъ ученическихъ библіотекъ, недавно появившійся въ предѣлахъ рижскаго учебнаго округа. Общая ученическая библіотека остается на старыхъ началахъ, но для трехъ высшихъ классовъ гимназіи устраиваются ученическія библіотеки двухъ новыхъ типовъ. Во-первыхъ, библіотека по естественнымъ и математическимъ наукамъ—общая для всѣхъ трехъ классовъ; завѣдываніе его возлагается на преподавателя естественной исторіи и физики. Во-вторыхъ, библіотеки по литературѣ и исторіи—по одной въ каждомъ изъ высшихъ классовъ; завѣдываніе возлагается на класснаго наставника, коего дѣятельными помощниками въ этомъ важномъ дѣлѣ являются сами учащіеся („Бирж. В.")

Юбилей Харьковской гимназіи. Министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило чествованіе въ слѣдующемъ 1905 году столѣтняго юбилея харьковской 1-й гимназіи. Что же касается связаннаго съ этимъ юбилеемъ ходатайства о наименованіи гимназіи Императорской Екатерино-Александровской, объ измѣненіи значка на фуражкахъ учениковъ и объ установленіи нагруднаго значка для окончившихъ курсъ въ гимназіи и служащихъ въ ней, то министерство, какъ сообщаетъ „Южн. Кр.", не нашло возможнымъ удовлетворить эти ходатайства. Вопросъ о томъ, чтобы эта гимназія и впредь оставалась классической съ обязательнымъ изученіемъ греческаго и латинскаго языковъ, можетъ быть рѣшенъ только въ связи съ реформой средчей школы. („Южн. Кр.").

Отклоненное ходатайство. Золотоношское уѣздное земство ходадайствовало передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ открытіи въ Золотоношѣ мужской прогимназіи исключительно на земскія средства. Ходатайство отклонено. („Кіевл.").

Латинскій языкъ въ реальномъ училищѣ. Въ царскосельскомъ реальномъ училищѣ Императора Николая II съ 1-го января новаго года, по иниціативѣ и ходатайству директора И. И. Фомиліанта, вводятся необязательные уроки латинскаго языка во внѣклассное время. Ученики,—изучавшіе латинскій языкъ при окончаніи курса въ училищѣ, будутъ подвергаться экзамену по этому предмету и имъ будетъ выдано особое свидѣтельство. Такимъ образомъ, окончившимъ реальное училище и изучавшимъ латинскій языкъ открывается свободный доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія. Это едва ли не первый случай преподаванія латинскаго языка въ реальныхъ училищахъ.

(„Бирж. В.")

Польскій языкъ въ коммерческихъ школахъ По слухамъ, въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ десяти польскихъ губерній въ непродолжительномъ времени будетъ введено преподаваніе польскаго языка и польской литературы. („Варш. Дн.“)

Байрамчская учительская семинарія Будетъ-ли переведена семинарія. Этимъ вопросомъ интересуется теперь не только одна байрамчская учительская семинарія, но и вся почти Бессарабія. Уже много лѣтъ поговариваютъ о томъ, что семинарія будетъ переведена въ одинъ изъ городовъ Бессарабской губерніи. Нѣкоторые города, въ особенности Аккерманъ и Болградъ, стремятся перевести къ себѣ семинарію, предлагая солидную матеріальную помощь. На запросъ учебнаго начальства, желателенъ ли переводъ семинаріи изъ Байрамчи, ея педагогическій персоналъ категорически высказался за переводъ. Это вполнѣ понятно. Байрамчи—глухое и удаленное отъ всякихъ путей сообщенія и отъ умственной жизни мѣстечко. Неудивительно поэтому, если преподаватели семинаріи при первомъ удобномъ случаѣ предпочитаютъ переходъ отсюда. Сама семинарія расположена за мѣстечкомъ, въ полуторахъ верстахъ отъ него, такъ что воспитанникамъ, живущимъ въ мѣстечкѣ на частныхъ квартирахъ, приходится дѣлать изрядныя ежедневныя прогулки. Вопросъ о переводѣ семинаріи изъ Байрамчи въ городъ настолько своевременен и важенъ, что можно надѣяться онъ скоро осуществится въ утвердительномъ смыслѣ. („Бирж. В.“).

Гигіена въ учительскихъ семинаріяхъ. Харьковская губернская земская управа въ одномъ изъ своихъ докладовъ просила собраніе уполномочить ее, въ виду недостаточности того курса гигіены, какой преподается въ учительскихъ семинаріяхъ и на педагогическихъ курсахъ при городскихъ училищахъ, по положенію 1872 г., ходатайствовать предъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія о расширеніи объема преподаванія гигіены въ указанныхъ семинаріяхъ и на педагогическихъ курсахъ, а также чтобы требованіе знаній по гигіенѣ въ соотвѣтствующей мѣрѣ было включено въ программы экзаменаціонныхъ коммиссій, дающихъ аттестаты на званіе учителей. Собраніе приняло предложеніе управы. („Юж. Кр.“).

Новыя учебныя заведенія. Въ послѣднее время на окраинахъ Дальняго Востока все болѣе и болѣе сказывается нужда въ оріенталистахъ для занятій мѣстъ переводчиковъ, агентовъ, комиссаровъ и пр. Съ окончаніемъ войны эта нужда въ свѣдущихъ лицахъ, практически знакомыхъ съ восточными языками, конечно, еще болѣе обострится. Въ виду этого, въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія возникъ вопросъ объ основаніи учебныхъ заведеній, въ которыхъ бы изученіе восточныхъ языковъ носило чисто практическій характеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подробно изучались политическая исторія, вѣроученія, экономическое состояніе различныхъ государствъ Восточной Азіи. („Бирж. В.“)

Общество взаимопомощи въ Новгородѣ. Существующему въ Новгородѣ обществу взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ губерніи исполнилось въ этомъ году десятилѣтіе. Ко дню основанія и открытія общества число учащихъ въ начальныхъ училищахъ, находящихся въ вѣдѣніи Министерства народнаго просвѣщенія, доходило до 650 человѣкъ и ежегодно и постепенно увеличиваясь, число это возросло въ настоящее время до 920 человѣкъ, или же увеличилось почти на 50 проц. За десять лѣтъ поступило членскихъ трехрублевыхъ взносовъ 4.123 руб. и выдано пособій за интернаты и единовременныхъ 9.658 руб.; это доказываетъ то, что учащіе, благодаря посороннимъ пособіямъ, получили со стороны общества даже болѣе того, что они внесли сами. Вспомоществованіе выдается главнымъ образомъ на содержаніе и ученіе дѣтей бѣдныхъ учителей, заброшенныхъ въ далекіе и глухіе углы. Десятки бѣдныхъ молодыхъ людей, дѣти учителей имѣли возможность получить среднее образованіе, тогда какъ въ прежнее время до образованія общества доступъ къ этому образованію для нихъ былъ закрытъ по недостатку средствъ у ихъ родителей. („Н. Вр.“).

Общество взаимопомощи въ Оренбургѣ. Вышелъ отчетъ за девятый годъ дѣятельности Общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ училищахъ Оренбургской губерніи. Всѣхъ членовъ къ концу отчетнаго года состояло 168, большинство которыхъ, конечно, педагоги. Отчетный 1903 годъ можно назвать самымъ жизнедѣятельнымъ за все время существованія Общества; члены Общества не предавались своей обычной апатичной спячкѣ, а энергично работали надъ разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, вызываемыхъ жизнью. Можно безъ преувеличенія сказать, что своимъ пробужденіемъ Общество обязано главнымъ образомъ новому члену А. Н. Кремлеву, который не мало потрудился надъ составленіемъ различныхъ уставовъ и проектовъ и своею энергичною дѣятельностью двигалъ Общество впередъ. Общество имѣло своихъ представителей на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ учительскихъ обществъ взаимопомощи въ Москвѣ, гдѣ представило для обсужденія 9 своихъ докладовъ, и на третьемъ всероссійскомъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Петербургѣ. Изъ внутренней жизни Общества должно отмѣтить составленіе проекта устава кассы взаимопомощи на случай смерти и заботы объ устройствѣ учительскихъ курсовъ. Какъ ни ясна необходимость и польза курсовъ для учащихъ въ начальныхъ училищахъ, однако составленный коммиссіей докладъ по организаціи учительскихъ курсовъ нашелъ себѣ неожиданнаго противника, неожиданнаго тѣмъ болѣе, что таковымъ явился директоръ народныхъ училищъ А. И. Тарнавскій. Была произнесена цѣлая филиппика противъ учительскихъ курсовъ; но эта мало понятная и во всякомъ случаѣ неумѣстная филиппика не смутила духа членовъ коммиссіи по организаціи учительскихъ курсовъ и коммиссія продолжаетъ свою работу. Наконецъ, общество устроило бюро для пріисканія подсобныхъ занятій учащимъ и учившимъ въ начальныхъ школахъ. („Н. Вр.“).

Убѣжища для престарѣлыхъ и больныхъ учителей и учительницъ. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбужденъ вопросъ объ учрежденіи убѣжищъ для престарѣлыхъ и больныхъ учителей и учительницъ,

въ ознаменованіе рожденія Наслѣдника Цесаревича, почему предполагается назвать ихъ убѣжищами имени Государя Наслѣдника Алексѣя Николаевича Въ виду того, что средства на устройство и содержаніе этихъ убѣжищъ предположено заимствовать изъ средствъ училищъ, предписано собрать свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ мѣстныя училища могли бы участвовать въ устройствѣ и содержаніи упомянутыхъ убѣжищъ. Для указанной цѣли училища могли бы отпускать денежныя средства изъ такъ называемыхъ спеціальныхъ средствъ училищъ—сбора за ученіе, а если этихъ спеціальныхъ средствъ будетъ недостаточно, то также и изъ остатковъ ассигнуемыхъ правительствомъ на содержаніе училищъ суммъ Кромѣ того, предполагается также открыть пріемъ частныхъ пожертвованій въ пользу указанной цѣли. Одновременно директоромъ народныхъ училищъ предложено обозначить мѣста, гдѣ, по ихъ мнѣнію, удобнѣе всего было бы учреждать убѣжища для престарѣлыхъ и больныхъ учителей и учительницъ. („Бирж. В.“)

Лекціи на курсахъ общества вспомоществованія учительницамъ. Петербургское Общество вспомоществованія учительницамъ устраиваетъ въ этомъ году, по вечерамъ рядъ интересныхъ общеобразовательныхъ курсовъ. Намѣчены уже: курсъ новѣйшей литературы, лекторъ Н. И. Коробка; курсъ исторіи франц. литерат. XIX вѣка, лекторъ Ю. Балльи Комитъ; исторіи нѣмецкой литературы, начиная съ реформаціи и до нашихъ дней, прочтетъ на нѣмецкомъ яз. проф. Ѳ. А. Браунъ—онъ же прочтетъ рядъ лекцій, посвященныхъ „идеѣ Фауста во всемірной литературѣ“, и дастъ всѣ необходимые комментаріи къ „Фаусту“ Гете.—Затѣмъ Ѳ. Н. Малининъ прочтетъ нѣсколько очерковъ по „русскому государственному и административному праву“. Чтенія эти будутъ сопровождаться осмотромъ тѣхъ учрежденій, которыхъ лекторъ коснется. Курсъ по исторіи искусствъ прочтетъ А. А. Брикнеръ. Кромѣ этихъ общеобразовательныхъ курсовъ, организуются еще: практическій курсъ англійскаго языка и рядъ методическихъ чтеній спеціально для лицъ посвятившихъ себя педагогической дѣятельности. Занятія будутъ происходит по вторникамъ и четвергамъ въ женск. гимн. при церкви св. Петра (Мала Конюшенная, 5) и по средамъ и пятницамъ въ Реформатскомъ училищ (Мойка, 38). („Бирж. В.“).

Педагогическое общество въ Тифлисѣ. Среди нѣкоторыхъ представителей тифлисской интеллигенціи, большею частью причастныхъ къ педагогическому міру, возникла мысль объ учрежденіи „Тифлисскаго педагогическаго общества“ имѣющаго цѣлью:

1) разработку вопросовъ педагогики и дидактики, 2) содѣйствіе лицамъ, посвящающимъ себя педагогической дѣятельности (въ школѣ и семьѣ въ ихъ подготовкѣ къ этой дѣятельности и 3) взаимопомощь учителей и родителей въ дѣлѣ обученія и воспитанія. Съ этой цѣлью общество предполагаетъ: а) устраивать закрытыя и публичныя собранія, б) открывать платныя и безплатныя чтенія, съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія, в) устраивать педагогическіе съѣзды и выставки, г) печатать свои сочиненія и переводы, имѣющіе отношеніе къ задачамъ общества, въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, книгъ и брошюръ, д) издавать періодическія изданія, е) предлагать задачи и за разрѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи, ж) устраивать экскурсіи и дѣтскіе праздники, з) устраивать педагогическіе музеи и библіотеки, і) вступать

въ сношенія съ лицами, обращающимися къ содѣйствію общества въ предѣлахъ вышеуказанныхъ задачъ, и) принимать всѣ, дозволенныя закономъ, мѣры, могущія содѣйствовать достиженію цѣлей общества. Проектъ устава названнаго общества,—какъ передаютъ мѣстныя газеты,—направленъ уже въ министерство внутреннихъ дѣлъ. („Нов. об.“).

Съѣздъ учителей татарскихъ школъ. Ялтинское земство организуетъ въ недалекомъ будущемъ съѣздъ земскихъ учителей татарскихъ школъ для обсужденія вопросовъ обученія инородцевъ. Въ интересахъ всесторонняго обсужденія этихъ вопросовъ и въ виду того, что выясненіе ихъ важно также и для другихъ крымскихъ уѣздовъ, ялтинская управа,—предложила и другимъ крымскимъ земствамъ командировать на съѣздъ учителей татарскихъ школъ. Губернское земство выдаетъ ялтинскому по 15 руб. на каждаго участника съѣзда. („Кр. В.“)

Всеобщее обученіе. Министерство народнаго просвѣщенія потребовало через инспекторовъ народныхъ училищъ отъ земскихъ уѣздныхъ управъ, въ цѣляхъ введенія всеобщаго обученія, слѣдующія свѣдѣнія и соображенія: о наличности образовательныхъ средствъ и источниковъ содержанія заведеній, служащихъ цѣлямъ начальнаго народнаго образованія, къ 1-му января 1904 г.; основанныя на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ предположенія о числѣ училищъ, подлежащихъ открытію, въ видахъ достиженія общедоступности начальнаго образованія въ данномъ районѣ; соображенія о срокахъ, въ какія предположенныя къ открытію училища могли бы быть, дѣйствительно, открыты, и о средствахъ, которыя потребовались-бы для осуществленія всеобщаго обученія въ данномъ районѣ. („Нов.“).

Всеобщее обученіе въ Овидіополѣ. Мѣстныя городскія школы ревизовалъ инспекторъ народныхъ училищъ, который совѣщался съ преподавателями города Овидіополя о мѣрахъ къ достиженію всеобщаго обученія, по проекту сен. Куломзина. При этомъ выяснилось, что въ Овидіополѣ всеобщность обученія имѣется почти на лицо, если принять во вниманіе, что не было отказовъ въ пріемѣ въ школы, и что изъ 480 дѣтей школьнаго возраста внѣ стѣнъ школы пребываютъ 60 дѣвочекъ, для обученія коихъ, если онѣ поступятъ, потребуется открытіе параллельнаго класса при женскомъ училищѣ, которое, какъ справедливо замѣтилъ инспекторъ, цѣлесообразно было бы преобразовать въ 2-классное, съ рукодѣльными отдѣленіями („Югъ“).

Неутвержденіе попечителей начальныхъ училищъ. Тверскою уѣздною земскою управою получено офиціальное увѣдомленіе о томъ, что изъ числа лицъ, избранныхъ земскимъ собраніемъ на должность попечителей начальныхъ училищъ, 17 лицъ не получили утвержденія, въ томъ числѣ три учителя—вслѣдствіе протеста училищнаго совѣта, считающаго назначеніе учителя попечителемъ школы (хотя и не той самой, гдѣ онъ учительствуетъ) крайне нежелательнымъ и неудобнымъ, и 14 лицъ—вслѣдствіе протеста губернатора. Въ числѣ послѣднихъ — шесть участковыхъ земскихъ врачей, одинъ бывшій земскій агрономъ и семь лицъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Изъ неутвер-

жденныхъ дворянъ В. Д. фонъ-Дервизъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ членомъ училищнаго совѣта и предсѣдателемъ уѣздной и губернской управъ, Н. А. Трубниковъ и В А. Унковскій проходили должности членовъ управы и училищнаго совѣта. Какъ эти, такъ и другія лица (Б. Н. Тицъ, Е. Э. и Н. А. Дьяковы) всегда принимали дѣятельное и полезное участіе въ жизни школы и ранѣе получали утвержденіе. („Рус. В.“).

Земскія библіотеки въ Новгородской губ. Дѣло помощи образованію жителямъ селъ и деревень при посредствѣ земскихъ народныхъ библіотекъ въ губерніи годъ изъ года ширится все болѣе и болѣе. Въ настоящее время даже такой удаленный отъ Новгорода и глухой уѣздъ, какъ Бѣлозерскій, имѣетъ 19 библіотекъ по 250 руб. каждая и къ концу текущаго года будетъ открыто еще 4 библіотеки. Главное участіе въ открытіи и содержаніи библіотекъ въ этомъ уѣздѣ принимаютъ земства уѣздное и губернское, которыя содержатъ 14 библіотекъ, комитетъ попечительства о народной трезвости, содержащій 4 библіотеки, и одна библіотека основана петербургскимъ Комитетомъ грамотности. Есть уже такія библіотеки, въ которыхъ имѣется книгъ около полуторы тысячи томовъ, стоимостью до тысячи рублей. („Н. Вр.“).

Праздникъ земской школы. Въ с. Новоселка Муромскаго уѣзда 3-го октября справляли, рѣдкій пока еще въ лѣтописяхъ сельской школы, юбилей двадцатипятилѣтней дѣятельности мѣстнаго учителя, Сергѣя Гавриловича Валединскаго. Послѣ благодарственнаго молебна, юбиляра первымъ привѣтствовалъ отъ училищнаго совѣта земскій начальникъ В. Есиповъ. Окрестные учителя и учительницы поднесли своему сотоварищу по службѣ адресъ, серебряный портсигаръ и произнесли нѣсколько рѣчей. Учащіеся и бывшіе ученики выразили свои чувства юбиляру въ двухъ адресахъ и подарили хорошій альбомъ. Друзья и близкіе знакомые поднесли ему серебряную братину и золотой жетонъ. Прочувствованное слово передъ молебномъ сказалъ законоучитель школы. Новоселковское общество крестьянъ, по приговору сельскаго схода, благодарило юбиляра, поработавшаго на пользу ихъ 25 лѣтъ, отдавшаго имъ всю лучшую пору своей жизни, и поднесло хлѣбъ-соль (въ серебряной солонкѣ) и икону. Помѣщеніе училища не могло вмѣстить всѣхъ собравшихся почтить скромнаго труженика на „нивѣ народной,—большинство мѣстныхъ крестьянъ, а также равно и пришедшіе изъ другихъ селеній собрались громадной толпой около зданія школы. Въ открытыя окна училища отрадно было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ молился народъ во время молебна, и съ какимъ вниманіемъ прислушивался онъ къ рѣчамъ послѣ богослуженія. Все свидѣтельствовало, что земская школа завоевала себѣ въ народѣ прочное положеніе, а личность учителя—достойное уваженіе.

(„Впр. В.“).

Земскія библіотеки въ Екатеринбургскомъ у. Въ этомъ уѣздѣ имѣется 25 земскихъ библіотекъ и двѣ библіотеки-читальни. Интересъ населенія къ этимъ библіотекамъ выражается за истекшій годъ въ слѣдующихъ цыфрахъ. Всѣхъ читателей было 3.856 человѣкъ, изъ которыхъ мужчинъ—2.756 и женщинъ—900. Всѣми этими лицами прочитано 61.634 книги, причемъ

на книги съ духовно-нравственнымъ содержаніемъ приходится 11.433 экземпляра и на долю свѣтскихъ—50.201. Сословія и общественное положеніе читателей распредѣляются такимъ образомъ: крестьянъ—2.077, лицъ духовнаго званія—118, разночинцевъ и мѣщанъ—101, служащихъ на заводахъ—204, торгующихъ—241 и заводскихъ рабочихъ—715. Въ теченіе года выписано газетъ и журналовъ на 766 рублей. Помимо народныхъ библіотекъ, земской управой предпринята продажа дешевыхъ изданій и картинъ. Въ теченіе минувшаго года въ пункты продажи управою было выслано 7.735 книгъ, и 3.731 картина, при чемъ первыхъ продано 7.077, а вторыхъ—3.659. Количество проданныхъ книгъ увеличилось противъ предшествовавшаго года на 1.571 экземпляръ, а количество проданныхъ картинъ уменьшилось на 597 экземпляровъ. До прошедшаго года продажа книгъ и картинъ производилась чрезъ посредство земскаго книгоноши; нынѣ должность эта упразднена. („Н. Вр.").

Законовѣдѣніе въ нач. школѣ. Маріупольское земство признало существенно необходимымъ ввести въ програму народной школы основныя начала законовѣдѣнія. Земство имѣетъ въ виду знакомить школьниковъ съ существеннѣйшими требованіями и понятіями русскаго законодательства, въ особенности распоряженіями, касающимися сельскаго населенія. Предложено объявить конкурсъ съ преміей отъ земства на составленіе такой книги для чтенія, содержаніе которой знакомило бы съ элементарнымъ правовымъ порядкомъ и вводило бы въ кругъ несложныхъ юридическихъ понятій, необходимыхъ для крестьянской жизни. („Риж. Вѣд.")

Продажа книгъ для народнаго чтенія. Казанское мѣстное уѣздное земство до сихъ поръ производило продажу книгъ для народнаго чтенія черезъ книгоношъ. Практика, однако, показала, что подобная организація продажи книгъ, сопряженная съ излишними расходами, въ рукахъ невѣжественныхъ книгоношъ, являющихся въ большинствѣ случаевъ простыми торгашами, нерѣдко эксплоатирующими довѣрчивое населеніе разными дешевыми приманками, ничего общаго не имѣющими съ тѣми книгами и брошюрами, которыя назначены для народа, далеко не отвѣчаетъ намѣченной цѣли. Въ виду этого управа обратилась на-дняхъ къ учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ, предлагая имъ принять на себя продажу книгъ.

(„Волж. В.").

Пересмотръ законоположеній. Горбатовская коммиссія общества распространенія начальнаго образованія въ послѣднемъ засѣданіи, между прочимъ, постановила: возбудить ходатайства о пересмотрѣ всѣхъ законоположеній и правилъ о народныхъ чтеніяхъ, библіотекахъ, спектакляхъ и т. п. внѣшкольныхъ способахъ народнаго развитія, признавая, что настоящіе порядки и каталоги дѣлаютъ совершенно невозможной дѣятельность подобнаго рода. („Ниж. Л.").

Судъ изъ-за школы. Общество крестьянъ с. Остріекъ, Васильковскаго уѣзда, предъявило, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, искъ къ васильковскому отдѣле-

нію кіевскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Предметъ иска довольно рѣдкій— школа... Общество крестьянъ с. Остріекъ, какъ указываютъ въ своемъ прошеніи истцы, въ 1894 г. на своей землѣ построило новое школьное зданіе; въ 1896 г. въ этомъ зданіи, по распоряженію васильковскаго отдѣленія епарх. уч. совѣта, была открыта церковно-приходская школа, которая и существовала до до 1903 г., когда общество крестьянъ, не удовлетворяясь церковно-приходской школой, захотѣло открыть 2-классное министерское училище. Считая школу „своей", крестьяне обратились къ инспектору народныхъ училищъ съ просьбой прислать имъ „министерскаго" учителя. Но оказалось, что духовное вѣдомство признаетъ школу „своей" и запретило открыть въ ней министерское училище. По распоряженію отдѣленія, священникъ с. Остріекъ о. М. Захарьевичъ заперъ школу, и она стоитъ запертой до настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе крестьяне все-таки открыли у себя министерское училище, помѣстивъ его въ „сельской управѣ", и нанимаютъ отдѣльное помѣщеніе для учителя. Въ виду этого истцы просятъ судъ возстановить права общества крестьянъ с. Остріекъ на зданіе школы и своимъ рѣшеніемъ предоставить обществу право передать это зданіе въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, или взыскать съ васильковскаго отдѣленія кіевск. епарх. училищнаго совѣта 931 р., израсходованныхъ обществомъ на постройку школы, а самое зданіе снести съ крестьянской земли. На судѣ истцы поддерживали свои требованія. Общество не желаетъ церковной школы,—говорили уполномоченные,—намъ присылаютъ такихъ учителей, которые не могутъ аккуратно обучать... три года учится мальчикъ, а даже повѣстки не можетъ прочесть...

Резолюція суда отложена. („Кіев. Г.").

Народный домъ въ Ломжѣ. 31 го октября состоялось при громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи начальника Ломжинской губ., бар. С. Н. Корфа, освященіе и открытіе „Народнаго дома", въ которомъ помѣщаются библіотека-читальня, театръ, народная аудиторія и т. п. Средства на постройку дало попечительство о народной трезвости. Иниціаторомъ этого симпатичнаго учрежденія является мѣстный губернаторъ бар Корфъ. Въ послѣднее время у него назрѣло много проектовъ на почвѣ улучшенія духовнаго состоянія мѣстнаго народонаселенія, но всѣ они еще не вышли изъ области абстрактныхъ мечтаній. Поэтому, слава Богу, что однимъ проектомъ меньше, а однимъ дѣломъ больше. („Нов.")

Народный домъ въ Усть-Сысольскѣ. 5-го октября, торжественно открытъ Народный домъ. Торжество началось крестнымъ ходомъ изъ мѣстнаго собора. Великолѣпная погода, рѣдкая для осеннихъ дней нашего угрюмаго сѣвера, вполнѣ гармонировала съ праздничнымъ настроеніемъ собравшагося народа: громадный залъ новаго Народнаго дома былъ весь убранъ флагами и зеленью. Торжественно отслужили молебенъ съ водосвятіемъ. Пѣлъ хоръ учениковъ духовнаго училища подъ руководствомъ опытнаго регента г. Попова. По окончаніи молебна хоръ исполнилъ народный гимнъ „Боже, Царя храни!" и затѣмъ были розданы народу книжки и брошюры. Уѣздный комитетъ отправилъ телеграмму начальнику губерніи съ просьбою повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества и Его Наслѣдника вѣрноподданническія чувства и поздравленія. Со стороны комитета возбуждено ходатай-

ство о разрѣшеніи присвоить новому Народному дому имя Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича. Вечеромъ (съ 6 ч.) въ домѣ состоялось первое чтеніе, „О вредѣ пьянства“, сопровождавшееся туманными картинами. Народу было болѣе 300 человѣкъ. Вечеръ продлился до 9 часовъ и оставилъ въ посѣтителяхъ весьма пріятное впечатлѣніе. Нужно замѣтить, что въ г. Усть-Сысольскѣ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ уѣзда чтенія устраиваются очень часто. Въ настоящемъ году въ городѣ чтенія велись даже лѣтомъ. Населеніе города, заинтересованное событіями на Дальнемъ Востокѣ, особенно охотно посѣщало чтенія о русско-японской войнѣ и въ страдную пору. Новое просторное зданіе Народнаго дома радуетъ и господъ лекторовъ и публику. Отъ души желаемъ, чтобы этотъ домъ, служа трезвости народной, былъ для нашего отдаленнаго отъ культурныхъ центровъ уголка разсадникомъ просвѣщенія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова!

(„Сѣв. Кр.“).

Народная выставка картинъ. Въ Могилевѣ (Под. г.). Съ 19 сентября по 4 октября народная выставка картинъ имѣла четыре остановки. Въ Сутискахъ 19 и 20 сентября перебывало 2.043 лица. Въ селѣ Сутискахъ большое участіе принималъ гр. Д. Ѳ. Гейденъ, владѣлецъ имѣнія. Вечеромъ 20 сентября были показаны крестьянамъ посредствомъ волшебнаго фонаря картины Галереи Третьякова, Эрмитажа, Музея Александра III. Изъ эрмитажныхъ Мурильо, Рембрандтъ, Баттони и Тиціано, „Кающаяся Магдалина“ привели въ восторгъ деревенскихъ зрителей. Изъ русскихъ художниковъ картины: Крамского „Русалки“, Куинджи—„Украинская ночь“, Рѣпина—„Запорожцы“, „Вечерницi“, „Портретъ Л. Н. Толстого“, „Л. Н. Толстой на пашнѣ“ тоже вызывали восторгъ. Послѣ демонстрированія картинъ зрителями было устроено чествованіе художникамъ, и благодарностямъ не было конца. Съ 22 по 24 выставка была въ Жмеринкѣ—посѣтило ее 2.227 лицъ. Такого разнообразія посѣтителей, какъ въ Жмеринкѣ, нигдѣ не было: служащіе на станціи желѣзной дороги, мѣстное общество, рабочіе, крестьяне сосѣднихъ селъ. Администрація желѣзной дороги любезно предоставила электрическое освѣщеніе, проведя его въ палатку, что дало возможность показать выставку рабочимъ, освобождающимся только вечеромъ Съ 26 по 27 сентября выставка посѣтила м. Шпиковъ—перебывало 2.386 лицъ. Любезно содѣйствовалъ И. Ф. Власовъ. Первый день выставки совпалъ съ ярмарочнымъ днемъ, поэтому она посѣщалась множествомъ крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ сосѣднихъ селъ. Съ 1 по 4 октября выставка раскинула свою палатку въ селѣ Бандышевкѣ; изъ мѣстной интелигенціи В. Л. Витковичъ, Е. В. Витковичъ и гостящая здѣсь сестра художника Н. К. Розвадовская много содѣйствовали успѣху, объясняя крестьянамъ картины; въ теченіе трехъ дней перебывало 3.440 чел. Изъ Бандышевки выставка двинется въ Могилевъ-Подольскій, Ярышевъ, Куриловцы, Дунаевцы и Каменецъ-Подольскій—послѣдній пунктъ остановки Народной выставки картинъ.

(„Н. В.“).

Новая школа Императорскаго техническаго общества. Число просвѣтительныхъ учрежденій Императорскаго русскаго техническаго общества въ Петербургѣ увеличилось открытымъ въ Екатерингофскомъ паркѣ учрежденіемъ,

названнымъ скромно: „школою имени мануфактуръ-совѣтника С. П. Глезмера“, но на самомъ дѣлѣ преслѣдующимъ и болѣе широкія образовательныя цѣли, такъ какъ при этой новой школѣ устраиваются и аудиторія для чтеній съ туманными картинами, народная библіотека и читальня и пр. Новое учрежденіе пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ виду полнаго отсутствія подобныхъ ему въ районѣ города, особенно богатомъ фабриками и заводами. Школа Глезмера предназначается для дѣтей рабочихъ безъ различія вѣроисповѣданій. Школа обязана своимъ возникновеніемъ директору общества косте-обжигательныхъ заводовъ, Станиславу Петровичу Глезмеру, пожертвовавшему для данной цѣли свою дачу въ Екатерингофскомъ паркѣ, послѣ предварительной капитальной ея постройки. Правленіе общества косте-обжигательныхъ заводовъ, съ своей стороны, постановило ежегодно отчислять по 1.000 рублей на содержаніе школы и открываемыхъ при ней другихъ образовательныхъ учрежденій. Помѣщеніе школы состоитъ изъ трехъ большихъ, свѣтлыхъ высокихъ классовъ, помѣщенія для библіотеки, большого двухсвѣтнаго зала для чтеній, кабинета для преподавательскаго персонала и пр. Часть второго этажа школы отведена, кромѣ того, подъ квартиры учителей и учительницъ. При школѣ имѣются, кромѣ того, вспомогательныя хозяйственныя постройки, домикъ для прислуги, кладовыя, ледникъ и пр. Скромное торжество открытія новаго просвѣтительнаго учрежденія состоялось въ присутствіи предсѣдателя коммиссіи по техническому образованію, т. с. А. Г. Небольсина и учредителя школы С. А. Глезмера. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ по случаю открытія школы, было высказано много горячихъ пожеланій новому разсаднику образованія среди рабочаго класса столицы и указывалось на громадное значеніе подъема какъ образовательнаго, такъ и нравственнаго ценза дѣтей заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ. Было получено нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ отъ т. с. В. И. Ковалевскаго, общества технологовъ, общества фабрикантовъ и проч. („Нов.“)

Начальная школа Министерства Путей Сообщенія. Въ зданіи бывшаго манежа Министерства путей сообщенія, спеціально приспособленномъ, 8 ноября была открыта начальная школа, учрежденная по инпціативѣ министра путей сообщенія для дѣтей курьеровъ, сторожей и другихъ низшихъ служащихъ Министерства. Число дѣтей въ возрастѣ отъ 4 до 10 лѣтъ, которыя будутъ получать первоначальное образованіе въ этой школѣ, достигаетъ свыше 100 чел. мальчиковъ и дѣвочекъ. Для дѣтей младшаго возраста будутъ организованы воспитательныя игры по системѣ Фребеля, а дѣти отъ 5 лѣтъ и выше будутъ получать въ этой школѣ начальное обученіе. На молебствіи при открытіи школы присутствовалъ министръ путей сообщенія статсъ-секретарь князь М. И. Хилковъ, директоръ канцеляріи А. С. Ермоловъ, начальникъ учебнаго отдѣла Е. С. Волковъ и нѣкоторыя другія лица, а также всѣ будущіе воспитанники новой школы и ихъ родители. По окончаніи молебствія дѣтямъ были розданы подарки на память объ открытіи школы, занятія въ которой начнутся въ самомъ непродолжительномъ времени. („Н. Вр.“)

Курсы для матерей. Общество охраненія здоровья женщины проектировало открыть курсы для матерей по уходу за дѣтьми; но въ виду того, что желающихъ поступить на эти курсы совершенно не оказалось—открытіе ихъ рѣшено отложить. Общество не намѣрено оставлять этой мысли и откроетъ курсы въ болѣе удобный моментъ. („Нов.“)

Внѣшкольное образованіе. Херсонская уѣздная земская управа получила увѣдомленіе мѣстнаго губернатора, что въ настоящее время, съ его стороны не встрѣчается препятствій къ приведенію въ исполненіе пріостановленнаго имъ было постановленія земскаго собранія о приглашеніи двухъ опытныхъ лицъ изъ состава учительскаго персонала земскихъ школъ для завѣдыванія внѣшкольнымъ образованіемъ въ уѣздѣ. (Од. Л.")

Школьная дача. Совѣтъ общества школьныхъ дачъ для с.-петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что съ начала октября сего года вновь открытъ пріемъ на школьную зимнюю дачу въ память Роберта фонъ-Гаартмана. Эта дача находится за Сестрорѣцкомъ въ сосновомъ лѣсу, въ весьма здоровой и сухой мѣстности и по своему устройству отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ гигіены. Дача предназначена для того, чтобы воспитанники, перенесшіе тяжелыя болѣзни и вообще нуждающіеся въ укрѣпленіи силъ, могли окрѣпнуть здоровьемъ и запастись свѣжими силами. Чтобы воспитанники не отставали отъ курса, проходимаго въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ они учатся, на школьной дачѣ ведутся занятія по всѣмъ предметамъ среднихъ учебныхъ заведеній, подъ руководствомъ завѣдующаго дачей. Въ прошломъ учебномъ году изъ воспитанниковъ, проживпіихъ на дачѣ болѣе продолжительное время, девять перешли въ слѣдующій классъ, а одинъ, прожившій на дачѣ всю зиму, сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Въ настоящее время совѣтъ общества находитъ возможнымъ принять до десяти учениковъ безплатно; желающіе же помѣстить своихъ дѣтей за плату вносятъ за мѣсяцъ 30 рублей. Принимаются воспитанники только изъ среднихъ учебныхъ заведеній с.-петербургскаго округа. Желающіе быть принятыми на дачу благоволятъ обращаться къ попечителю дачи доктору А. А. Руссову (Литейный, д. 53) по понедѣльникамъ и пятницамъ, въ 6 ч. вечера, съ представленіемъ удостовѣренія отъ директора гимназіи или реальнаго училища, въ которомъ они учатся. („Н. Вр.").

Сочиненіе **К. П. Яновскаго**

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ.

Изданіе журнала „Русская Школа“.

Цѣн 2 рубля.

Содержаніе этой книги слѣдующее:

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки **5 р.** съ пересылкой

Тридцать седьмой годъ изданія.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки средних и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 32542, отъ 21 ноября 1902 года).

Редакція журнала **„Дѣтское Чтеніе“** ставитъ себѣ задачею давать семьѣ и школѣ тщательно избранный матеріалъ для чтенія какъ художественный, такъ и популярно-научный матеріалъ, не только легкій и занимательный но вмѣстѣ съ этимъ и воспитательный, развивающій духовную природу человѣка, укрѣпляющій высокія стремленія человѣка осуществлять въ жизни „разумное, доброе, вѣчное“.

Въ 1905 г. журналъ „Дѣтское Чтеніе“ дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ.

7 томиковъ безплатныхъ приложеній: I. **Картинки изъ японской жизни** (со многими рисунками въ текстѣ), составила по Пьеру-Лоти, Шредеру и другимъ источникамъ *Е. Н. Тихомирова.* II. **Сочиненія Шиллера** въ изложеніи и объясненіи *И. И. Иванова.* 1) Шиллеръ — біографія; 2) Орлеанская Дѣва; 3) Марія Стюартъ; 4) Донъ-Карлосъ.—III. Сборникъ разсказовъ **Генрика Сенкевича и Элизы Ожешковой**, въ переводѣ *В. М. Лаврова.* IV. Избранныя сочиненія **Лермонтова**, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова.*

Подписная цѣна на „Дѣтское Чтеніе“. Безъ доставки на годъ **4 р. 50 к.** Съ доставк. и перес. на годъ **5 р.** **Подписная цѣна „Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“** (8 кн.). Безъ доставки на годъ **5 р. 50 к.** Съ доставк. и перес. на годъ **6 р.** За-границу **„Дѣтское Чтеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“**—**8** руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Подписка принимается въ редакціи: **Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Д. И. Тихомирова** и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ за цѣлую страницу 40 р. За полстраницы 15 р.

Оставшіеся комплекты журнала *„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“* за прежніе годы съ 1897—1904 гг. по **4 р. 50 к.** безъ пересылки.

Постановленіемъ Международной Экспертной Коммиссіи при выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ въ Петербургѣ 1904 г. присуждено Д. И. Тихомирову „за изданіе журнала **„Дѣтское Чтеніе“** и **„Педагогическій Листокъ“**, за изданіе цѣлаго ряда прекрасныхъ книгъ и за составленіе многочисленныхъ весьма полезныхъ руководствъ для низшихъ училищъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“,—Золотая медаль. Кромѣ того, литературно-педагогическіе труды Д. И. Тихомирова удостоены слѣдующихъ наградъ: золотыхъ медалей отъ Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ Грамотности; почетнаго отзыва отъ съѣзда дѣятелей по технич. и профессіональному образованію; золотой медали отъ Всемірной выставки въ Парижѣ 1900 г.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Издатель **Д. И. Тихомировъ.**

При журналѣ **„Дѣтское Чтеніе“** и **„Педагогическій Листокъ“** органнзованъ **книжный складъ** изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека.

Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ТОРГОВЛИ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Условія подписки:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ 7 р. за границу 14 р.

на 11 мѣс.	6 р. 50 к.	на 7 мѣс.	4 р. 50 к.	на 3 мѣс.	2 р. 40 к.
„ 10 „	6 „ — „	„ 6 „	4 „ — „	„ 2 „	1 „ 70 „
„ 9 „	5 „ 50 „	„ 5 „	3 „ 50 „	„ 1 „	— „ 90 „
„ 8 „	5 „ — „	„ 4 „	3 „ — „	„ 1/2 „	— „ 50 „

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платой не менѣе какъ 1 руб. въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надпись въ письмѣ—„въ разсрочку“, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 коп., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками. Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

Въ Орлѣ—въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, Зиновьевская улица домъ № 2-й и въ отдѣленіи ея: Московская улица, аптекарскій магазинъ Полякъ.

Въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Ельцѣ—Помѣщеніе биржи, Завѣдующій отдѣленіемъ Николай Николаевичъ Буевъ.
Въ Брясцкѣ—Авиловская улица, домъ Сурина. А. К. Федоровъ.
Въ Волховѣ—Афанасьевская ул., д. Иванова, Ѳ. А. Костинъ.

Только розничная продажа газеты:

Въ Ельцѣ—Торг. ул., книжн. маг. Залкинда.
„ **Карачевѣ**—въ магазинѣ К. А. Халпзевой.
„ **Брянскѣ**—въ библ. г. Ѳедорова.
Въ Ливнахъ—библіотекѣ г. Крафтъ.
„ **Рославлѣ**—писче-бумажн. маг. Д. В. Рафаилова.
„ **Липецкѣ**—книжн. магазинъ А. И. Полянскаго.

Редакторъ-Издатель **А. И. Аристовъ.**

